

БИБЛИОТЕКА
ПИОНЕРА

В. ОСЕЕВА

ВАСЁК
ТРУБАЧЁВ
И ЕГО
ТОВАРИЩИ

В е т и з

Трилогия известного детского прозаика В.А.Осеевой рассказывает о пионерах — Ваське Трубачеве и его товарищах. Это честные, смелые ребята, готовые защитить товарища, взять на себя самое трудное дело. В начале войны они оказались на территории, оккупированной фашистами, где принимают участие в борьбе с врагами. После долгих скитаний, горестей и потерь пионерский отряд возвращается домой. Жизнь продолжается. Надо восстанавливать все, что разрушено, надо работать, учиться. И все ребята, так рано повзрослевшие во время войны, идут строить школу.

- [Валентина Александровна Осеева](#)

-

- [КНИГА ПЕРВАЯ](#)

- [Глава 2](#)

- [Глава 3](#)

- [Глава 4](#)

- [Глава 5](#)

- [Глава 6](#)

- [Глава 7](#)

- [Глава 8](#)

- [Глава 9](#)

- [Глава 10](#)

- [Глава 11](#)

- [Глава 12](#)

- [Глава 13](#)

- [Глава 14](#)

- [Глава 15](#)

- [Глава 16](#)

- [Глава 17](#)

- [Глава 18](#)

- [Глава 19](#)

- [Глава 20](#)

- [Глава 21](#)

- [Глава 22](#)

- [Глава 23](#)

- [Глава 24](#)

- [Глава 25](#)

- [Глава 26](#)

- [Глава 27](#)

- [Глава 28](#)

- [Глава 29](#)

- [Глава 30](#)

- [Глава 31](#)

- [Глава 32](#)

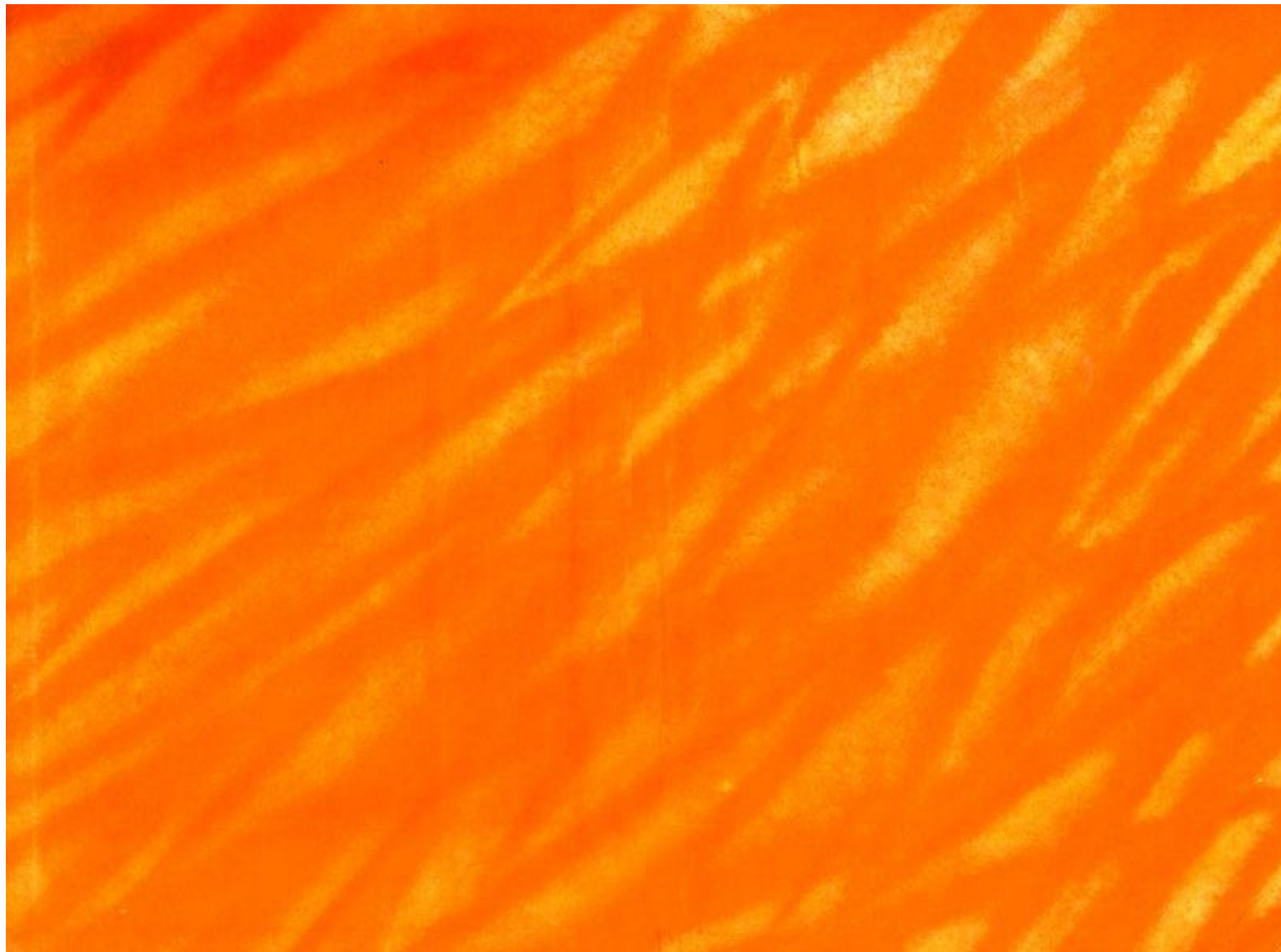
- [Глава 33](#)

- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [КНИГА ВТОРАЯ](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [ДНЕВНИК ОДИНЦОВА](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)

- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Глава 49](#)
- [Глава 50](#)
- [Глава 51](#)
- [Глава 52](#)
- [Глава 53](#)
- [Глава 54](#)
- [Глава 55](#)
- [Глава 56](#)
- [Глава 57](#)
- [КНИГА ТРЕТЪЯ](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)

- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Глава 49](#)
- [Глава 50](#)
- [Глава 51](#)
- [Глава 52](#)
- [Глава 53](#)
- [Глава 54](#)
- [Глава 55](#)
- [Глава 56](#)
- [Глава 57](#)
- [Глава 58](#)
- [Глава 59](#)
- [Глава 60](#)
- [Глава 61](#)
- [Глава 62](#)
- [Глава 63](#)
- [Глава 64](#)
- [Глава 65](#)
- [Глава 66](#)
- [Глава 67](#)
- [Глава 68](#)
- [Глава 69](#)
- [Глава 70](#)
- [Глава 71](#)
- [Глава 72](#)
- [Глава 73](#)
- [Глава 74](#)
- [Глава 75](#)
- [Глава 76](#)

- [Глава 77](#)
 - [Глава 78](#)
 - [Глава 79](#)
 - [Глава 80](#)
 - [Глава 81](#)
 - [К ЧИТАТЕЛЮ!](#)
 - [Примечания](#)
-

Валентина Александровна Осеева

Васек Трубачев и его товарищи

КНИГА

п е р в а я

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава 1

НОВОГОДНИЙ ПРАЗДНИК

В школе шли последние приготовления к празднику. В пионерской комнате, разложив на полу лист бумаги, мальчик в синей куртке с белым воротником, лежа на животе, выводил красной тушью громадные цифры: «1941 год».

В большой зал дверь была закрыта. У двери толпились школьники и школьницы, пытались заглянуть в щелку или незаметно прошмыгнуть в зал. На страже, прислонившись спиной к двери, стоял белобрысый мальчуган. Он молча и решительно отталкивал любопытных, показывая всем своим видом, что скорее умрет, чем пропустит кого-нибудь без разрешения вожатого.

В зале вожатый отряда, ученик девятого класса Митя Бурцев, вместе с ребятами натягивал провода с разноцветными лампочками. Складная лестница шаталась под его ногами.

— Ребята, не зевайте там! Держите лестницу! Так можно лампочки побить.

Поднявшись еще выше, Митя укрепил провода и весело крикнул:

— Включай!

Цветные огоньки вспыхнули, теряясь в густых ветвях новогодней елки.

Елку украшали девочки с учительницей второго класса.

Учительница стояла на табурете, а девочки подавали ей шары и бусы, осторожно выбирая их из картонок.

— Ой, Марья Николаевна! Этот шар как фонарик!

— А вот с серебром! Девочки, с серебром!

— Давайте, давайте скорее! — торопила их Марья Николаевна, поглядывая на часы. — Гости ждут.

— А выставка еще не готова!

В глубине зала ребята заканчивали выставку. Полочки и лесенки с широкими ступеньками были задрапированы темной материей. Небрежно раскинутые коврики и вышитые платочки ярко выделялись на темном фоне. Внизу стояли модели самолетов, моторных лодок. Ледокол, покрашенный в голубую краску, разрезая острым носом волны, искусно сделанные из материи, как бы плыл навстречу школьникам.

У каждого класса здесь было отдельное место, и к каждой вещи была приколата бумажка с фамилией того, кто ее сделал.

Несколько ребят из четвертого класса «Б» озабоченно советовались между собой.

Саша Булгаков, староста класса, в сотый раз переставлял на полках вещи и, одергивая свою сатиновую рубашку, с досадой говорил:

— Мало, эх, мало!

— Малютин уже пошел. Картину принесет, — успокаивал Сашу Коля Одинцов, вытирая тряпкой запачканные тушью пальцы.

— Эх, а табличку-то не прибили! — Леня Белкин сбросил ботинки и проворно

вскарабкался на лесенку, держа над головой молоток. Между вещами замелькали его синие носки.

— Тише ты! Наступишь на что-нибудь!

К выставке подбежала девочка. Короткие тугие косички прыгали по ее плечам. Она кого-то искала.

— Зорина, ты чего?

— Как — чего? — Лида Зорина посмотрела на ребят быстрыми черными глазами. — Вы тут стоите, а внизу уже гости собрались. Где Трубачев? — Она поднялась на цыпочки. — Васек! Трубачев!

От группы ребят из другого конца зала отделился мальчик и подошел к товарищам. Его миглом окружили:

— Ну как, Трубачев?

— У них тоже здорово! Я все посмотрел!

— Лучше, чем у нас?

Трубачев тряхнул золотистым чубом. Синие глаза его лукаво блеснули.

— Нет, не лучше, — сказал он, широко улыбаясь. — Честное слово, ребята, не лучше! Да еще если Севка Малютин картину принесет, да Мазин и Русаков — какие-то штучки — тогда и вовсе живем! — Трубачев притопнул каблуками, шлепнул по спине Белкина. — Живем!

Девочки запрыгали:

— У нас лучше! У нас лучше!

— Мазин и Русаков идут! — запыхавшись, сообщил Медведев. — Я их на лестнице видел.

Впереди, крепко ступая, шагал плотный, коренастый Мазин. Рядом, стараясь попасть с ним в ногу, торопился маленький, подвижной Петя Русаков.

— Вот они — закадычные друзья! — объявил Белкин.

— Мало вещей? — коротко спросил Мазин, засунул руку за пазуху и вытащил гладкий черный пугач. Он был начищен до блеска, на, рукоятке стояли буквы: «Р. М. З. С.».

Мазин снова засунул руку за пазуху. Ребята глядели на него выжидающе. Он вытащил складной лук. Петя Русаков расстегнул куртку и снял с пояса пучок стрел с блестящими наконечниками.

— Ух ты! Здорово! Вот здорово! — одобрительно зашумели вокруг.

Трубачев, забыв про выставку, разглядывал пугач.

— Р. М. З. С.! — громко прочитал он. — Мазин, что за буквы?

— Трубачев, покажи! Дай поддержать, Трубачев! — кричали ребята.

— Подождите!

Трубачев нетерпеливо дергал Мазина за рукав:

— Р. М. З. С. — что это?

Русаков лукаво усмехнулся:

— Это буквы!

— Это фабрика! — догадался кто-то.

— Какая фабрика! Это они сами делали!... Мазин, говори! Ну чего ты ломаешься!

Мазин взял из рук Трубачева пугач, повертел его, надул толстые щеки и равнодушно сказал:

— Много будете знать — скоро состаритесь.

— Ого! Тайна! — фыркнул Леня Белкин, поднимая белесые брови и поглаживая свой колючий затылок. — Ребята, тайна! Лида Зорина и несколько девочек бросились к Мазину:

— Мазин, скажи, скажи!

Мазин отстранил их рукой и сгреб в кучу все вещи.

— Берете или не берете на выставку?

— Степанова, — крикнул Трубачев, — возьми вещи!

Валя Степанова собрала все вещи в передник, потом взяла в руки пугач, близко поднесла его к близоруким глазам, внимательно рассмотрела буквы, погладила полированную рукоятку. Так же, не спеша, разглядела лук и стрелы и тихонько сказала:

— Сейчас развешу.

В зал поспешно вошел мальчик. Он держал в руках кусок фанеры, закрытый материей. Глаза его сияли, на бледном лице выступили капельки пота.

— Вот, принес! — задыхаясь, сказал он, снял материю и поставил картину к стене.

Ребята присели на корточки.

На картине Севы Малютина высились горы, густо покрытые белым снегом. У подножия гор поднимались прямые коричневые сосны. Под соснами стояла группа бойцов. Молодой командир поднимал вверх красное знамя. На виске у него было пятно крови, кровь стекала по щеке. Из глубокой воронки разлетались во все стороны грязно-серые брызги.

На картине стояла надпись, сделанная рукой художника: «Разрыв гранаты».

— Война! — шепотом сказал Саша.

Кто-то нашел сходство командира с Трубачевым.

— Ты настоящий художник, Сева! — растроганно сказал Трубачев.

Мазин с видом знатока прищурил один глаз и ткнул пальцем в картину:

— Пририсуй танки!

Все засмеялись.

В зале вспыхнул свет.

Темно-зеленая елка засверкала бусами. Все заторопились, заспешили.

Мальчик в коротких штанишках пробежал через весь зал, забрался в уголок дивана и, потирая пухлую коленку, стал разучивать по бумажке приветствие гостям:

— «Дорогие наши гости! Мы, самые младшие ученики этой школы, вместе с нашими учителями и старшими товарищами приветствуем вас от лица всей школы... от лица всей школы...»

Песни, смех и беготня отвлекали внимание мальчика, он то и дело путал слова, громко повторяя:

— «Дорогие наши гости! Вы, самые младшие ученики этой школы, вместе с нашими школьными учениками...»

Учительница, пробегая мимо с красками в руках, прислушалась, под села к малышу и взяла у него из рук бумажку:

— Давай вместе!

— Трубачев! Булгаков! У вас все готово? — крикнул издали Митя.

— Все готово! — ответил Трубачев, устанавливая картину.

— Ну, так расходитесь. Сейчас начинать будем. Тащите стулья!

Ребята бросились расставлять стулья. Через минуту двери широко раскрылись. Шумной, нарядной толпой вошли родители. Их сопровождал сам директор Леонид Тимофеевич. На лице его была особая, праздничная улыбка, стекла очков блестели, отражая сразу и разноцветные огоньки елки и веселые лица родителей.

— Милости просим! Милости просим! — говорил он, широко разводя руками и кланяясь.

Васек увидел в толпе своего отца. Павел Васильевич принарядился: голубая сатиновая рубашка его была тщательно разглажена, и только галстук, по своему обыкновению, чуть-чуть съехал в сторону. Голубые глаза и рыжеватые усы придавали его лицу веселое, озорное выражение. Увидев сына, он обрадовался и ни с того ни с сего удивился:

— Ба! Рыжик! Ну, давай, давай, хлопочи, усаживай!

— Сюда, сюда, папа!

Васек потащил отца ближе к маленькой сцене, на заранее приготовленное местечко. По пути отец попробовал пригладить на лбу сына золотисто-рыжий завиток, но он, как вопросительный знак, торчал вверх.

Павел Васильевич махнул рукой, вынул из кармана сложенный вчетверо носовой платок и сунул его мальчику:

— На, запасной.

Васек громко на всякий случай высморкался и быстро сказал:

— Героев видал, пап? Это ученики нашей школы. Сейчас!... Вот идут! Смотри, смотри!

Он сорвался с места и исчез в толпе.

В проходе между стульями пробирались трое военных. Их встречали радостными криками. Они смущенно улыбались, с трудом продвигаясь к сцене. Там недавних участников боев с белофиннами приветствовали учителя и директор.

Старенькая учительница торопливо протирала платком очки.

— Алеша... Бориска... Толя... — припоминала она своих бывших воспитанников.

— Переросли! На целую голову переросли своего директора! — шумно радовался Леонид Тимофеевич.

К сцене подошел старик — школьный сторож. Черные с проседью волосы его были расчесаны на прямой пробор. Он опирался на суковатую палку.

— Иван Васильевич! Грозный!

Три пары рук подхватили старика и поставили на сцену.

— Есть Грозный! Есть! Никуда не делся! — Старик вытер усы. — Ну-ну, выросли... вылетели птенцы... орлами воротились, — бормотал он, присаживаясь к столу.

В зале снова зашумели, захлопали в ладоши. Наконец все стихло.

Мальчик в коротких штанишках, путаясь, сказал приветствие и, закончив его торопливой скороговоркой, спрятался за спину своей учительницы.

Потом долго и прочувствованно говорил директор.

Перед глазами у всех вставал суровый северный край. Высокие сосны, скованные

морозом озера... Вот мчатся лыжники... наши лыжники... Тишина... Слышно только, как скрипит снег. И вдруг слева, с опушки леса, ударил пулемет.

Пули вспарывают легкое снежное покрывало. Огонь косит наших бойцов, прижимает их к земле. По снегу, глубоко зарываясь в сугробы, ползет снайпер. Все его внимание сосредоточено на опушке леса, где засел противник.

Меткий выстрел... другой... И, внезапно захлебнувшись, смолкает вражеский пулемет... Лыжники летят дальше.

— Этот снайпер... — Директор поворачивает голову.

— Который? Который? — налегая друг на друга и вытягивая шеи, ребята смотрят на сцену.

Краска заливает обветренные щеки снайпера — он низко склоняется над столом и взволнованно чертит что-то на бумажке.

Директор называет его фамилию.

Потом следует другая фамилия и третья...

Второй, обмороженный, полз к лагерю, вынося с поля боя раненого командира. Третий взорвал дзот — это едва не стоило ему жизни. И вот все они, эти герои, здесь, в своей большой школьной семье, воспитавшей и вырастившей их.

Сева Малютин стоит около своей матери. Он крепко сжимает ее руку.

Васек и Саша с горящими щеками жмутся к рампе.

А за их спиной ученик старшего класса возбужденно рассказывает товарищу:

— Они здесь, во дворе, всегда в футбол играли. И один раз окно в классе разбили... И Грозный кричал на них, как на нас. Я помню. — Он радостно смеется. — Я помню их... в десятом классе.

ОГОНЬКИ В ОКНАХ

На железной дороге сонно покрикивала электричка.

В маленьком городке уже все спали. Только в некоторых окнах за матовыми, морозными стеклами светились огоньки. Забравшись на широкую отцовскую постель и уткнувшись подбородком в плечо отца, Васек, взволнованный событиями вечера, не мог уснуть.

— Пап! Вот этот снайпер Алеша просто богатырь. Да, папа? А другой, что командира спасал, маленький, худенький совсем, как это он, а?

— Дело, сынок, не в том, кто какой. Тут физическая сила — одно, а сила воли — другое... Силу тут мерить нечего. Это не зависит, сынок... — Павел Васильевич не мастак объяснять, но Васек понимает его.

— Ясно, — говорит он, — главное — спасти, хоть через силу... Сколько километров он его пронес, пап? Под огнем, а?

— Сколько потребовалось, столько и пронес, — строго сказал Павел Васильевич. — У нас так... вообще... русский человек после боя раны считает...

Васек молчал. Ему вдруг захотелось внезапно вырасти и вместе со своими товарищами свершать какие-то большие, героические дела.

Он потянулся и глубоко вздохнул:

— А нам еще расти да расти!

* * *

И в другом окне горел огонек.

Бабушка, подперев рукой морщинистую щеку, слушала внука. Коля Одинцов рассказывал о выставке, о героях, о елке.

— Раздевайся, раздевайся, Коленька, — торопила старушка.

— Сейчас, бабушка!... А Малютин Сева какую картину нарисовал! Про войну! Командир там раненый, со знаменем! У него кровь на щеке и вот тут кровь...

— Что ты, что ты! Сохрани бог, Коленька, что это он какие картины рисует! — испугалась старушка. — Можно ли эдакое воображение ребенку иметь! Срисовал бы курочек, а то бабочек каких-нибудь — и все. Самое подходящее дело для ребят.

— Ну, бабочек! — усмехнулся Коля. — Что мы, дошкольники, что ли? Посмотрела бы, какие серьезные вещи у нас на выставке были, разные виды оружия были — Р. М. З. С.! — Коля поднял указательный палец. — Понимаешь?

— Да понимаю я, понимаю! — рассердилась старушка. — Только не детское это дело — такие страсти изображать.

— А у нас зато больше всех вещей было... Все нас хвалили...

— «Хвалили, хвалили»!... Вот от наших полярников поздравление тебе, — неожиданно сказала бабушка, присаживаясь на кровать внука и разворачивая пакетик из папиросной бумаги.

— Дай, дай, я сам!

Коля осторожно вынул фотографическую карточку. На него смотрели улыбающиеся лица его родителей. На обороте карточки было написано:

«С Новым годом, дорогой сынок! Работа наша идет к концу. 1942 год мы встретим уже вместе!»

Коля счастливо улыбнулся.

— Я тогда уже пятиклассником буду, — сказал он, завертываясь в теплое, пушистое одеяло.

* * *

И еще в одном доме горел огонек в этот поздний праздничный вечер. Саша Булгаков, осторожно пробираясь между кроватками сестер и братьев, спросил:

— Нюта с Вовкой давно пришли?

— Давно, — шепотом ответила мать.

— А мал мала спят? — тихо спросил Саша.

У Саши было шестеро братьев и сестер. Все они были младше его, и всех, кроме восьмилетней Нютки, он называл одним общим именем: мал мала.

— Спят давно. Набегались, наплясались сегодня...

— А я вот гостинцев им принес, — сказал Саша и полез в карман. — Измялись чего-то, — огорчился он, вытаскивая сбитый в комок цветной пакетик. — Это, верно, когда мы в снегу фигуры делали с ребятами.

— То-то, я смотрю, у тебя пальто все снегом извожено, — спокойно сказала мать.

— Я сейчас почищу.

— Я уже почистила... Садись вот.

Мать поставила на стол компот и холодную телятину.

— Отец выпил нынче, — шепотом сказала она, — тихий пришел... Все сидел, объяснял мне: я, говорит, токарь... потомственный и почетный... никогда своему делу не изменял, а жена у меня — женщина уважаемая, и детей семеро, как птенцов в гнезде... Смех с ним! — Она покачала головой и засмеялась.

— Он уж всегда так, когда выпьет, — снисходительно сказал Саша, выцарапывая из кружки вареную грушу.

— А вот, Сашенька, помощь от государства мы получили! — торжественно сказала мать, вынимая из-под подушки пачку денег. — Как ты ушел, так и принесли мне.

— Ого! Сколько денег нам дали! — радостно сказал Саша. — Теперь всего накупим.

— На всех, на всех хватит, — сказала мать и, отобрав несколько бумажек, протянула Саше: — Вот и тебе подарок от государства — купи себе лыжи, сынок!

— Что ты, что ты! — отмахнулся Саша. — Мне не надо. Я и в школе возьму лыжи, когда захочу.

— Бери, бери! Мне в радость это, — мягко сказала мать, протягивая ему три бумажки. — Ты у меня большак...

Саша поглядел на ее круглое, доброе лицо с глубокими, запавшими глазами. Ему показалось, что около знакомых ему с детства ямочек на ее щеках протянулись, как ниточки,

новые морщинки.

— Нет, не возьму! — решительно сказал он, засовывая в карманы руки. — Лыжи — это баловство. Захочу — и так достану. — Он встал из-за стола и погладил мать по плечу: — Ложись спать, мама!

* * *

Но дольше всего горел огонек над широким крыльцом школы. Ребята давно разошлись по домам, а за освещенными окнами второго этажа, уютно сдвинув кресла, тихо, по-семейному, беседовали учителя со своими бывшими питомцами.

— Воображаю, как вы там мерзли! — с тревогой говорила старая учительница, которой все еще помнились эти мальчишки такими, какими они пришли к ней в первый класс, держась за руки своих матерей.

— Да там не до мороза. Разотрешь снегом уши, и опять ничего, — застенчиво поглядывая друг на друга, рассказывали молодые бойцы.

В одном из классов за партой сидел Алеша-снайпер. Его ноги не помещались под скамейкой, длинная фигура возвышалась над полированной крышкой.

Он любовно и тщательно оглядывал парту и с сожалением говорил:

— Тут у меня и буквы были вырезаны: А. М. Эх, другая парта, верно! Или краской затерли...

Перед Алешей стоял вожатый Митя.

— А ты, кажется, здесь вожатый теперь? — спросил Алеша. — Я ведь помню тебя. Когда мы уходили на фронт, ты был в седьмом, кажется?

— В седьмом. А теперь в девятом. Учусь! С ребятами воюю! — засмеялся Митя, присаживаясь на край Алешиной парты.

— А что, трудный состав? — деловито осведомился тот. И, не дожидаясь ответа, серьезно сказал: — Главное — дисциплина. Ты их, знаешь, сразу приучай. Дисциплина, брат, великое дело!

Он вскочил, прошелся по классу и, остановившись перед Митей, щелкнул пальцами:

— Сразу приучай! А то потом ох и трудно будет! Вот где я это понял — на фронте! Там, знаешь, с нами нянчиться некому.

Алеша присел рядом с Митей, указал глазами на дверь и понизил голос:

— Это здесь ведь учителя уговаривают, объясняют, прощают... а там фронт... война... приказ... Дисциплина — это все!

— Точно! — решительно подтвердил Митя. — Ребят распускать никак нельзя!

Алеша посмотрел на него и вдруг расхохотался.

— По себе знаем, верно? Мы один раз тут такую штуку устроили!... — с увлечением сказал он.

Перебивая друг друга, они стали вспоминать первые годы учебы, свои проделки и шалости, учителей и строгого директора.

— Ух ты! Я его и сейчас побаиваюсь. А ведь чего, кажется, — добрейший человек!

— Алеша! Митя! — донеслось из коридора.

Отец Васька, Павел Васильевич, работал мастером в паровозном депо. Павел Васильевич любил свое дело. К паровозу у него было особое отношение. Большое ворчливое чудовище, выдувающее пар из своих ноздрей, казалось ему живым. В разговорах с Васьком он любил употреблять выражения: «здоровый паровоз», «больной паровоз».

Васек запомнил рассказы отца:

«Стоит пыхтит, хрипит, тяжело ворочается. Ну, думаю, захворал дружище. Надеваю свой докторский халат, беру инструмент и давай его выстукивать со всех сторон...»

Васек слушал, и в нем росло дружелюбное отношение к этой железной голове поезда.

Павел Васильевич мечтал, что из Васька выйдет инженер-строитель или архитектор. Он будет строить легкие и прочные железнодорожные мосты или дома с особыми, тщательно обдуманными удобствами для людей.

Сам Павел Васильевич — выдумщик и мастер на все руки.

Квартира Трубачевых была обставлена красивой и замысловатой мебелью его работы. Круглый шкафчик вертелся вокруг своей оси. Посреди комнаты стоял обеденный стол с откидными стульями.

«Всякое дело любит, чтобы человек в него душу вкладывал», — говорил Павел Васильевич.

Жена его была женщина слабая, болезненная, но о болезнях своих говорить не любила. Она сама справлялась со своим маленьким хозяйством и всегда знала, что кому нужно. Отец и сын обожали мать; тихая просьба ее была законом и исполнялась обоими беспрекословно.

Павел Васильевич сам занимался с сыном. Васек учился на «отлично». Всякая другая отметка была неприятной новостью.

В таких случаях Павел Васильевич, собрав на своем лбу целую лесенку морщин, останавливался перед сыном и спрашивал:

«Как же это ты? Язык заплелся или голова не варила? Ведь ты же этот предмет как свои пять пальцев знаешь!»

В прошлом году мать Васька слегла и больше уже не вставала.

У Павла Васильевича стало много домашних забот, но к занятиям сына он по-прежнему относился внимательно.

Каждый вечер оба подсаживались к кровати матери, и она, опираясь локтем на подушку, слушала, как Васек отвечает отцу заданный урок.

Смерть жены была тяжелым ударом для Павла Васильевича.

Он не находил себе места в осиротевшем доме, растерянно бродил из комнаты в кухню и молча сидел за столом, опустив на ладонь свою большую рыжеватую голову. И только при виде сына вскакивал, суетился, перекладывал что-то с места на место, приговаривая:

— Сейчас, сейчас! Умойся, сынок! Или, может, покушаешь сначала, а? И потом погулять пойдем, а?

Васек молча смотрел на него, потом утыкался лицом в подушку и плакал. Отец присаживался рядом, гладил его по спине и повторял:

— Что ж поделаешь, сынок... Пережить надо...

Или, крепко прижимая к себе мальчика, шептал ему, смахивая с усов слезы:

— Папка с тобой, Рыжик. Папка от тебя никуда...

И действительно, все свое время Павел Васильевич отдавал сыну.

Кроме Трубачевых, в квартире жила еще шестнадцатилетняя соседка Таня. Еще при жизни матери Васька Таня приехала из деревни со своей бабушкой, потом бабушка умерла, и Таня привязалась к семье Трубачевых.

Павел Васильевич устроил девушку на работу в изолятор при детском доме. Вечерами Таня училась в школе для взрослых.

Павла Васильевича она побаивалась и слушалась его, а Васька жалела и после смерти матери утешала как могла.

Васек любил забегать в маленькую светлую комнатку Тани с широкой бабушкиной кроватью и горой подушек. Пестро раскрашенный глиняный петух с иглками и нитками напоминал ему раннее детство, когда, бывало, услышав его капризы, бабушка Тани сердито говорила:

— Это что еще такое? Пойду за петухом... Он у меня этого страсть не любит!

Васек затихал, а когда вырос, часто смеялся над собой и просил:

— Расскажи, мама, как я Таниного петуха боялся... Павел Васильевич, оставшись без

жены, думал про Васька:

«Я теперь ему отец и мать».

Он недосыпал ночей, стараясь поддерживать тот порядок, который был при жене, боялся в чем-нибудь отказать сыну и, когда кто-нибудь замечал ему, что он похудел и осунулся, озабоченно отвечал:

— Это пустяки. Вот с хозяйством я путаюсь — это верно... Надо бы сестру выписать, да не знаю, приедет ли.

А Васек, не понимая трудной жизни отца, говорил:

— Не надо... Нам и вдвоем хорошо?

С вызовом сестры Павел Васильевич медлил, боясь причинить сыну неприятность появлением в доме чужой, незнакомой Ваську женщины.

Но один случай заставил его принять окончательное решение.

Павел Васильевич строго-настрого запрещал сыну приходить к нему в депо. Он сам изредка брал его с собой, показывал ему ремонтную мастерскую, с увлечением объяснял назначение всех инструментов, зорко следя за тем, чтобы сын не убежал на железнодорожный путь.

Когда мать была жива, Васек после школы торопился домой. Теперь опустевший дом пугал мальчика. Часто до возвращения отца с работы он бесцельно бродил по городу один или предлагал своим друзьям Коле Одинцову и Саше Булгакову:

— Пойдемте, ребята, куда-нибудь, пошатаемся...

Однажды, чтобы увлечь товарищей на прогулку, Васек, несмотря на запрещение отца, пообещал им показать ремонтную мастерскую.

Выйдя из школы, мальчики прошли тихими улицами и выбрались на окраину. Стоял сентябрь. Осеннее солнце и ветер высушили на деревьях листья и окрасили их в желтые и коричневые цвета. В палисадниках, на клумбах, чахли желтые кустики осенних цветов.

— Вон, вон депо виднеется! Каменное, серое, — указывал товарищам Васек. — Там сейчас папка работает. И знакомых там много... Еще увидит кто-нибудь. Нам напрямик нельзя. Надо через пути перебежать, с той стороны в окно посмотрим. Айда, ребята!

Скрываясь за дощатым забором, мальчики прошмыгнули в калитку и, пригнувшись к земле, побежали через рельсы. На путях стояли длинные составы товарных вагонов, гудели паровозы. По земле стелился белый пар.

— Ребята, вот стрелка... Осторожно, а то как зажмет ногу... — шепотом предупреждал Васек.

Между вагонами в закопченных, промасленных передниках, с молотками и другими инструментами сновали рабочие; слышался лязг железа, стук сцепляемых вагонов.

— Чу-чу-чу! — подражая паровозу, пыхтел Васек, прижав к бокам локти.

— Тра-та-та! Тра-та-та! — вторили ему Одинцов и Саша. Обдирая на коленках чулки, они пролезали под вагонами и прятались за колесами, чтобы не попасться на глаза рабочим.

— Скажут папе — тогда несдобровать нам, — шептал Васек.

Пробраться незамеченными к мастерским было трудно.

— Подождем, пока рабочие на ужин пойдут, — предложил Трубачев. — Посидим в товарном вагоне.

Мальчики залезли в первый попавшийся вагон. Там валялась свежая солома, в открытую дверь широкой струей вливалось солнце.

Одинцов схватил Ваську за рыжий чуб:

— Горишь, горишь!... Саша, туши его, туши!

Мальчики с двух сторон напали на Ваську. Бросали ему на голову свои куртки, барахтались в соломе и хохотали.

Снаружи слышались громкие голоса, заскрипели под ногами мелкие камешки. Кто-то стукнул по стенке вагона молотком. Мальчики забились в угол и притихли.

Кто-то просунул в вагон голову и громко сказал:

— Десятый!

Потом тяжелая, обитая железом дверь с грохотом задвинулась, голоса замолкли.

— Вагоны считают, — неуверенно пояснил Васек, на ощупь пробираясь к двери.

Вагон вдруг с силой дернулся, затих. Потом стронулся с места и медленно пошел. Колеса заскрипели...

— Поехали! Трубачев, поехали!

Ребята бросились к двери.

— Открывай, открывай! — налегая худеньким плечом на щеколду, кричал Одинцов.

Саша и Васек, пытаясь, помогали ему. Дверь подалась. Васек выглянул:

— Стой! Ложись! Мимо депо едем! Отец увидит... Это ничего — это на другой путь вагон перегоняют. От вокзала никуда не уйдет! — успокаивал он товарищей.

— Вот здорово!

— Покатаемся бесплатно!

Но вагон, покачиваясь, ускорял ход. В дверь было видно, как скрылось серое здание депо, остались позади железнодорожные строения.

— Ничего, сейчас назад повернем! — храбрился Васек.

— А вдруг не повернем? — поблескивая круглыми черными глазами, тревожился Саша.

— Трубачев, будку проехали! Тут уж поле, один путь. Разве задний ход дадут, а?

— Не-ет...

Ребята испуганно посмотрели друг на друга.

— Вот так номер! Поехали!

— Открывай дверь шире! Прыгать будем! — скомандовал Васек.

— Прыгать?!

Вагон шел над песчаным откосом.

Мальчики, прижавшись друг к другу, смотрели вниз.

— Тут башку сломаешь... — махнул рукой Саша.

— Ничего, песок — мягко! — соображал вслух Одинцов.

Трубачев, высунув голову, смотрел вперед. Ветер трепал его рыжий чуб.

— Сейчас поле будет. Я первый прыгну. А вы за мной. Вперед прыгайте. И, главное, от вагона подальше... — Он с беспокойством оглядел товарищей. — Сашка, слышишь? Из всей силы прыгай, понятно?... И ты из всей силы... Держите книжки... Не бойтесь... Я сколько раз прыгал, — соврал Васек, чтобы подбодрить товарищей.

Поезд шел все быстрее. Показались скошенные луга. На них, как покинутые дома, стояли стога сена. За ними пряталось заходящее солнце. Около железнодорожного полотна торчали редкие кусты с облетевшими листьями. За лугами синел лес. Земля убегала,плыли стога, лес приближался.

Васек еще раз оглянулся на товарищей. Сердце у него замерло.

— Три, четыре! — чуть слышно скомандовал он себе и, отступив, прыгнул.

Саша и Одинцов увидели, как он упал, потом вскочил, споткнулся и, прихрамывая, побежал догонять поезд.

— Прыгай! Прыгай! — кричал он. — Бросай книжки!

«Кни-ги!» — долетело до мальчиков. Одинцов догадался, схватил свои и Сашины книжки и бросил их.

Саша неловко затоптался на месте, держа за руку товарища.

— Давай вместе!

— Нельзя, хуже! — крикнул ему в ухо Одинцов.

Задыхаясь от бега, Васек размахивал руками и что-то кричал, но голоса его не было слышно.

Одинцов отодвинулся от Саши и прыгнул. Он упал неловко и долго не поднимался. Саша побелел и закрыл глаза:

— Убился...

Когда он снова выглянул из вагона, он увидел, как оба товарища, спотыкаясь, бежали по тропинке за поездом.

Саша зажмурился и прыгнул.

Оглушенный падением, он сидел на траве и потирал ушибленный локоть.

Подбежавший Васек обнял его за плечи:

— Ты что?

— Сижу! — радостно ответил Саша.

Через минуту три товарища шли вдоль железнодорожного полотна. Глядя на Колю и Сашу темными от волнения глазами, Васек повторял:

— Обошлось, обошлось, ребята!

Книги нашли в кустах целыми и невредимыми.

— Они тоже прыгали! — сострил Одинцов, похлопав по своей сумке.

Вечернее небо быстро темнело. Где-то далеко слышались гудки паровозов. Свежий ветер трепал курточки мальчиков.

— Если пустить паровоз на полную мощность... — говорил Саша.

— Подожди... смотря какой паровоз!

Васек поднял голову и прислушался:

— Самолет! Ребята! Самолет!

Из-за леса, почти касаясь верхушек деревьев, вылетел самолет.

— Ура, летчик! Ура!

Ребята прыгали, подбрасывали вверх книги и толкали друг дружку.

— Летчик! Возьмите раненого! — кричал Одинцов. — Сашку Булгакова!

— Нет, Одинцова, Одинцова! У него нос разбился!

— Трубачева возьмите! Дядя летчик! Вот он! Вот! Хромает!

Самолет скрылся в облаках.

Скоро совсем стемнело. Стал накрапывать дождик. Серое здание депо все еще не показывалось.

— Эх, не туда заехали! — с досадой сказал Васек. — Завезли нас к черту на кулички!

— А ты куда билет брал? — натягивая на голову куртку, осведомился Одинцов.

— Он думал — его прямо с доставкой на дом! — рассмеялся Саша.

Наконец показались первые строения.

Прощаясь на Вокзальной улице, мальчики советовались.

— Может, нам к твоему отцу всем вместе идти? — спрашивали Васька товарищи.

— Нет, чего там! Влетит, так за дело.

Павел Васильевич уже давно был дома. Выслушав рассказ сына, он молча вынул из портфеля конверт и сел писать письмо сестре.

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ ГРОЗНЫЙ

Иван Васильевич прихлебнул с блюдечка чай и выглянул в окно.

— Так и есть, — сказал он, нахлобучивая на голову меховую шапку и снимая с гвоздя ключ. — Хоть бы одни каникулы отдохнуть дали! И все этот Митя всех мутит! — ворчал он, открывая тяжелую школьную дверь.

У крыльца действительно стоял Митя в синем лыжном костюме, за ним — Саша Булгаков и Коля Одинцов. Все трое тащили на плечах лыжи.

— Опять ноги разрабатывать! Вчера на коньках, сегодня на лыжах, — пропуская их, ворчал сторож.

— У нас в плане лыжная экскурсия сегодня, — стряхивая с шапки снег, сказал Митя. — Не все, понимаете, освоили это дело. За каникулы надо подтянуться, — объяснил он, подбирая парные лыжи. — Да вы идите отдыхайте, Иван Васильевич. Мы только соберемся — и айда!

— «Отдыхайте»! — усмехнулся Иван Васильевич. — С вами отдохнешь, пожалуй...

На крыльце затопали, и в дверь вбежали школьники.

— Здравствуйте, Иван Васильевич! — с опаской поглядывая на сторожа, здоровались они.

Иван Васильевич недаром получил от ребят прозвище «Грозный».

Опираясь на толстую, суковатую палку, во всякую погоду стоял он на крыльце, встречая и провожая школьников. На прозвище «Грозный» старик нисколько не обижался.

— Я для вашего брата и есть грозный, потому что безобразия в школе допускать не могу, — сурово говорил он.

Увидев перелезавшего через забор школьника, старик звонко стучал об асфальт палкой:

— Куда лезешь? Где тебе ходить приказано?

— Дорогу потерял! — кричал озорник.

— У меня живо найдешь! Носом калитку откроешь!

Школьник с хохотом скатывался с забора и осторожно проходил мимо сторожа:

— Здравствуйте, Иван Васильевич!

— То-то «здравствуйте»! Дурная твоя голова вихрастая! На плечах ходуном ходит, всякое соображение растеряла! — ворчал Грозный, закрывая за мальчиком дверь.

И вдруг лицо его расплывалось в улыбке, около губ собирались добрые морщинки, и он, похлопывая по плечу какого-нибудь отличника, говорил:

— Инженер! Одно удовольствие от твоего житья-бытья получается. Матери поклон от Ивана Васильевича передай!

Или, грозно сдвинув брови и выпятив грудь, приглашал группу школьников:

— Проходите! Проходите!

Школьники замедляли шаг.

— Артисты! Одно слово — артисты! На собраниях про вас высказываются. Вам в школу, как в театр, на своей машине выезжать надо, а вы пешочком, а?

— Да ладно... уже ругали нас, — подходя ближе, нерешительно мямлил кто-нибудь из ребят.

— Сам! Самолично присутствовал! — ударяя себя в грудь, торжествующе говорил Грозный. — Все собрание тебя обсуждало. А кто ты есть, ежели на тебя посмотреть? —

Грозный прищурился и, оглядев с ног до головы ученика, презрительно говорил: — Сучок! Голый сучок, ничего не значащий! А тобой люди занимаются, выдолбить человека из тебя хотят.

— Да чего вы еще! — пробираясь к двери, бормотали оробевшие школьники. — Не будем мы больше, обещали ведь...

— И не будешь! Ни в каком разе не будешь! Мне и обещаний твоих не нужно. Я сам к тебе подход подберу.

— Вот леший! И зачем только его на собрания пускают! Ведь он потом прохода не дает, — возмущались злополучные ребята. — На всех собраниях сидит! Отвернет ладонью ухо и слушает, — смеялись они.

Но сегодня Грозный ворчал для виду. У него было то особое, праздничное настроение, которое не хочется омрачать ни себе, ни другим. Открыв Мите пионерскую комнату, он вышел на крыльцо.

На дворе лежали горы снега. С улицы шли и бежали школьники. Лыжные костюмы ярко выделялись на белизне снега, поднятые лыжи торчали вверх, как молодые сосенки. Грозный улыбался, ласково кивал головой, то и дело приподнимая свою мохнатую шапку.

— С праздником, Иван Васильевич!

— И вас также!

Крепкий морозец стягивал шнурочком брови, красил щеки ребят и белил ресницы.

— Стой, стой! Где же это ты мелом испачкался? И щеки клюквой вымазал, — шутил Грозный с каким-нибудь мальчуганом.

Васек Трубачев торопился — во дворе уже никого не было.

— Иван Васильевич, прошли наши ребята?

— Прости, прости! А ты что же эдаким мотоциклетом пролетаешь? И «здравствуйте» тебе сказать некогда. Васек поспешно сорвал с головы вязаную шапку:

— Здравствуйте!

— Ишь ты, Мухомор! — любовно сказал сторож. Васек был одним из его любимцев. Еще в первом классе Грозный прозвал его Мухомором за темно-рыжий оттенок волос и веснушки на носу.

— Прости, прости твои товарищи!

Васек, прыгая через три ступеньки и волоча за собой лыжи, помчался на второй этаж.

В пионерской комнате толпились ребята. Митя, поминутно откидывая со лба непослушную прядь льняных волос, оживленно объяснял:

— Все зависит от правильности хода...

— Трубачев! — крикнул Саша Булгаков. — Сюда! Сейчас строиться будем. Мое звено в полном порядке.

— У меня Малютина нет, — сказал Коля Одинцов.

— А Зорина где? — спросил Васек.

Лида Зорина, запыхавшись, вбежала в комнату. Она была в красном пушистом костюме, черные косички выбивались из-под шапки.

— Я здесь! Девочки все пришли!

— Звеньевая, а опаздываешь! — строго сказал Васек.

— Я не опаздываю, я за Нюрой Синицыной заходила, — оправдывалась Лида.

Школьники выстроились в две шеренги перед крыльцом. На перекличке не оказалось Севы Малютина.

— Ему нельзя, — сказал Саша, староста класса. — Он больной.

— Больной-притворной, — пошутил кто-то из ребят.

— У Малютина порок сердца, — строго сказал Митя. — Смеяться тут нечему... Ну, пошли! — крикнул он, взмахнув лыжной палкой. — За мной!

* * *

Грозный стоит на крыльце, прикрыв ладонью глаза. За воротами, на снежной улице, одна за другой исчезают синие, зеленые фигурки лыжников, красным флажком мелькает между ними Лида Зорина...

Скрип лыж, голоса и смех затихают...

— Ну вот, значит... — говорит Грозный, направляясь к своей каморке.

Но несколько пар крепких кулачков барабанят в дверь:

— Откройте! Откройте!

— А, первачки! Промерзли?... Ну, грейтесь, грейтесь! — ласково говорит сторож.

Закутанные в теплые платки, толстые и смешные, неуклюжие, как медвежата, размахивая лопатками, вваливаются первачки. За ними, смеясь, поднимается их учительница.

— Мы, Иван Васильевич, только погреться. А вы идите отдыхайте, — говорит она. — Мы во дворе будем.

Клубится снежная пыль. Красные от натуги малыши носят лопатками снег, лезут в

сугробы.

Позвякивая ключами, сторож проходит в пионерскую комнату.

На стене возле праздничной стенгазеты висят плакаты и объявления.

Грозный надевает на нос очки:

— Где тут у них планы? На каникулы... Ага... Первые классы... так... Четвертые — экскурсия... так... Шестые — кружок фото... так... Восьмые — международный доклад... так... Шахматисты... — Он машет рукой и прячет очки. — Свято место пусто не бывает.

Глава 6

НА ПРУДУ

К вечеру мороз утих. Небо было чистое, с редкими звездами. Васек Трубачев, Саша Булгаков и Коля Одинцов возвращались с лыжной прогулки втроем.

Они нарочно отстали от ребят, чтобы зайти на пруд.

— Пойдем? — предложил товарищам Васек. — Не хочется домой еще.

— Пойдем! На пруду, наверно, красиво сейчас. Я тоже не хочу домой... — согласился Одинцов. — Саша, пойдешь?

— Куда вы — туда и я!

Мальчики прошли парк и начали спускаться к пруду. Пушистые берега с занесенными снегом деревьями возвышались, как непроходимые горы.

Старые ели, глубоко зарывшись в сугробы, распластали на снегу свои густые, мохнатые ветви. Метель намела на пруду высокие снежные холмы. Вокруг было так тихо и пустынно, что мальчики говорили шепотом.

— Не пройдем, пожалуй, — провалимся, — пробуя наст, сказал Саша.

— Идите по моему следу. Айда... лесенкой. — Васек поднялся на горку и, пригнувшись, съехал вниз. Потом снял лыжи и бросил в сугроб. — Сюда! Одинцов! Саша! Мягко, как в кресле!

Мальчики уселись рядом. Все трое, запрокинув головы, смотрели в темное, глубокое небо.

— Смотрите, смотрите! Луна!

Из-за парка показалась огромная желтая луна.

— Ни на чем держится! — удивленно сказал Саша. — Вот-вот упадет.

— Вот если б упала!

— Хорошо бы! Мы бы ее сейчас в школу притащили, прямо в пионерскую комнату.

Саша обвел глазами белые застывшие холмы.

— А что, ребята, тут, наверно, зимой ни одна человеческая нога не ступала? — таинственным шепотом сказал он. Васек посмотрел на чистый, ровный снег:

— Следов нет.

— Тут один Дед Мороз живет... — пошутил Одинцов и осекся.

В лесу раздался треск сучьев. Тихий шум, похожий на завывание ветра, пронесся по берегам. И в тот же миг неподалеку от мальчиков что-то белое вдруг отделилось от сугроба и медленно съехало вниз.

— Трубачев! — прошептал Саша.

— Видали? — испуганно спросил Одинцов.

— Это снежный обвал, — равнодушно сказал Васек, на всякий случай подвигая к себе лыжные палки. Саша засмеялся.

— А меня мороз по коже пробрал, — откровенно сознался он.

— И меня... Идем лучше отсюда, — сказал Одинцов. — Не люблю я, когда снег... ползет.

— Ну, бояться еще! Мы, в случае чего, прямо голову оторвем! — Васек лихо сдвинул на затылок шапку.

— А кому отрывать? — усмехнулся Одинцов.

— Кто нападет! — сказал Васек, приглядываясь к белому холмику, который как-то странно покачивался в неровном свете луны. — Да никто не нападет. Я думаю, это показалось, — прибавил он.

Одинцов зажмурился:

— Ну да, бывает... привидится что-нибудь от снега.

— А вот на севере... — пугливо оглядываясь, добавил Саша. — Мне рассказывали...

Сзади снова раздался треск сучьев и тонкий протяжный вой. Мальчики переглянулись. Васек молча показал на белый холмик. Медленно покачиваясь на гладкой поверхности пруда, холмик полз к берегу.

— Стойте здесь... я проверю, — вдруг решился Васек. Саша схватил его за руку:

— Я с тобой.

— Вместе пойдем, — прошептал Одинцов.

— На лыжи! Становись! — громко скомандовал Васек. Ребята вскочили. Тихий вой, разрастаясь в грозное рычание, пронесся над прудом. В ответ ему из сугробов вырвались звуки, похожие не то на кошачье мяуканье, не то на собачий лай.

— Волки! — с ужасом прошептал Саша.

— Держите палки наготове, — стиснув зубы, сказал Васек. — Мы их сейчас...

— Нет! — испуганно остановил его Одинцов. — Куда ты? Надо домой!

— Домой, домой, — заторопился Саша. — Слышишь? Вой разрастался. Теперь уже казалось, что со всех сторон подкрадываются к мальчикам какие-то непонятные и страшные звери.

— Ничего, как-нибудь дорогу пробьем! — задыхаясь от волнения, сказал Васек. — За мной, ребята!

Зорко вглядываясь в каждый бугорок, мальчики благополучно миновали сугробы и вышли в парк.

— Стойте! — Васек поднял руку.

На пруду снова было таинственно и тихо.

— Тьфу! Что за чертовщина такая! Ребята, сознайтесь: кто испугался?

— Я, — улыбнулся Саша, зябко поводя плечами.

— И я, — сказал Одинцов.

— Ну и я, — сознался Васек, — потому что не волк, не человек...

— А может, просто кошки? — предположил Одинцов.

Все трое засмеялись.

А на пруду, когда затихли голоса, под ветвями ели тихо вдвинулась туго накрахмаленная морозом простыня, блеснул огонек, освещающий глубину темной землянки, и высунулась голова Мазина. Белый холмик быстро-быстро пополз к старой ели.

— Ушли? — шепотом спросил Мазин.

— Ушли, — ответил Петя Русаков, сбрасывая с себя белый халат.

Встряхивая золотистым чубом, Васек, разгоряченный впечатлениями дня, рассказывал отцу:

— Мы с Митей в лес ездили, далеко-далеко... А потом еще с ребятами на пруд ходили.

— То-то я тебя еле дождался. Хотел разыскивать.

— А на пруду, папа, такая луна, громадная, и свет от нее... Нам даже показалось, что снег движется. Да еще как завоет кто-то, — засмеялся Васек, — мы даже испугались немножко.

— Вот и хорошо, что испугались. Не будете лазить где не надо, — хмуро сказал отец. Он был чем-то озабочен.

— Да ты что, папа, чудной какой-то сегодня? — удивился Васек.

— Чудной не чудной, а... — Павел Васильевич замялся, постучал пальцами по столу и строго сказал: — К нам тетя Дуня едет.

— Едет? — переспросил Васек, не зная, радоваться ему или печалиться.

Тетю Дуню — сестру отца — он никогда не видел. Она жила под Москвой на какой-то маленькой станции.

Павел Васильевич ожидал, что сын будет протестовать против приезда тетки, и приготовился к серьезному отпору, но Васек только спросил:

— А веселая она?

— Да как тебе сказать... особенного веселья я что-то у нее не замечал. Женщина старая, одинокая, хозяйка. А мы с тобой, можно сказать, холостяки. Где зашить, где пришить требуется, а то и сготовить чего.

— Каша у тебя пригорелая получается, — задумчиво сказал Васек.

— Вот-вот, — обрадовался отец, — самое теткино дело — кашу варить.

— Не хочу я тетки. Нам и вдвоем хорошо, — вдруг решительно заявил Васек.

— Хорошо-то хорошо, а с хозяйством мне все равно не сладить... Да, еще вот какая новость у меня, сынок...

Павел Васильевич почувствовал себя совершенно несчастным: ему предстояло еще раз огорчить Ваську.

— Я, Рыжик, недельки на три в Харьков уеду. В тамошнее депо командируют меня. — Он тяжело вздохнул. — Значит, тут без тетки никак не обойтись, сынок.

Васек молчал. Ему было уже не до тетки.

— А когда ты уедешь? — тихо спросил он.

— Когда уеду? Ну, это еще не так скоро. Ты об этом не думай сейчас.

Васек тряхнул головой.

— Не скоро? Ну и ладно! А тетка пускай живет. Мне до нее никакого дела нет, — решил он.

Утром к Ваську забежал Одинцов. Павел Васильевич ушел на работу. Васек завтракал, густо намазывая маслом белый хлеб.

— Новость! — закричал с порога Одинцов. — У нас новый учитель будет после каникул. Мария Михайловна совсем ушла.

Мария Михайловна, прежняя учительница, давно уже не посещала класс, и четвертый «Б» около двух месяцев находился на попечении учителей других классов.

— Собственный учитель? — обрадовался Васек. — А Мария Михайловна что же?

Одинцов махнул рукой:

— Да она с нами состарилась совсем... Не с нами, а вообще... Ей шестьдесят лет скоро будет, а потом, после болезни еще...

— Жалко ее, — сказал Васек, — привыкли мы к ней.

— Жалко, конечно, — согласился Одинцов, — а все-таки учителю я рад. Бежим к Булгакову, расскажем ему!

— Да погоди. Я еще не позавтракал. Вот ешь лучше. — Васек пододвинул товарищу хлеб и масло. Оба с аппетитом принялись за еду.

— Все новости да новости, — сказал Васек. — А откуда ты узнал про учителя?

— Мне Грозный сказал. Я у него для Саши лыжи брал. Приношу сегодня, а он говорит: «После каникул держись, брат! Отменного учителя вам директор нашел».

— Так и сказал — отменного?

— Так и сказал. Уж он не соврет. Говорит, будто учитель на выставке был вчера. Все вещи смотрел. Хорошо, что Мазин свой пугач унес!

— Унес? — с живостью спросил Васек и досадливо сдвинул брови. — Так и не сказал, что за буквы... Ну, пошли к Саше.

На улице былолюдно. В сквере играли дети, на скамейках отдыхали взрослые. С деревьев, покрытых белым инеем, осыпалась снежная пыль.

Саша Булгаков жил недалеко. Пройдя широкий двор, мальчики постучали в низенькую дверь первого этажа длинного серого флигеля.

Им открыла женщина с приветливым лицом:

— Сашенька, к тебе!

В светлой кухоньке было много ребят. Они, видимо, гуляли и только что пришли со двора. Саша и его сестренка Нюта раздевали их. Маленькая девочка в одних, чулках бегала из комнаты в кухню с мокрым ботинком в руках. Толстый малыш, с такими же, как у Саши, круглыми черными глазами, хныкал, упираясь головой в Сашин живот, — он потерял варежку.

— Куда ты ее дел? — сердился на него Саша. — Найди сейчас же!

Увидев товарищей, он кивнул им головой:

— Раздевайтесь, ребята!

Коля Одинцов пробрался к Сашиной кровати и осторожно присел на краешек, с интересом наблюдая, как Саша справляется с детворой.

— Васек, — крикнул он, — иди сюда! Смотри, сколько детей у них. — Он притянул к себе товарища и зашептал ему в ухо: — У них чуть ли не двенадцать детей.

— Семь, — спокойно поправил его Саша, поднимаясь с колен и отряхивая пыль. — Вон седьмой. На кровати сидит.

Одинцов подпрыгнул и с испугом оглянулся: сзади него, обложенное со всех сторон подушками, копошилось маленькое существо с тремя светлыми волосками на макушке.

— Витюшка, грудной, — пояснил Саша.

— Да они, наверно, орут целый день! — засмеялся Васек.

— Бывает... — Саша поймал за штанишки толстого черноглазого малыша и крикнул: — Нютка, пришей ему пуговицу! Мне некогда.

Он отвернул борт курточки — там торчала иголка с туго накрученной ниткой.

— Я пришью, — сказала мать. — Иди. Товарищи небось заждались тебя. С малышами никогда дела не переделаешь, — улыбнулась она.

— Ну, зашей. — Саша быстро закрутил свою нитку обратно.

— Что это ты иголку с собой носишь? — спросил Васек.

— Ношу. Все время пригождается, — деловито ответил Саша.

Васек пожал плечами.

— Брось! Девчачье это дело, — презрительно сказал он. Саша не расслышал.

— Пойдем в комнату, — сказал он товарищам. В соседней комнате было тихо и просторно. Как только Саша закрыл за собой дверь, Одинцов сообщил:

— У нас новость!... Трубачев, расскажи.

Васек с жаром начал рассказывать:

— После каникул у нас будет новый учитель. Отменный учитель! Сам Грозный сказал.

— Да что ты! — обрадовался Саша. — Вот хорошо! А то мы...

За дверью вдруг что-то с грохотом упало и началась невероятная возня. Саша тревожно прислушался:

— Кажется, мать ушла. — Он бросился к двери: — Я сейчас! Через секунду он вернулся.

— Ничего. Это они в колхоз играют. Перевернули стулья и везут сдавать зерно, — с улыбкой пояснил он, закрывая за собой дверь. — Ну, Трубачев, рассказывай про учителя.

— Да ну тебя! — с досадой сказал Васек. — Что тебе рассказывать, если ты все время бегаешь!

— Да нет, это я так... думал — мама ушла. Ну, рассказывай, — умоляюще сказал Саша.

— Ну ладно! Так вот, этот учитель только для нашего класса, понимаешь? Это во-первых. А во-вторых...

Саша вдруг рванулся и снова исчез за дверью. На этот раз из соседней комнаты слышался отчаянный визг и плач.

Васек и Одинцов, толкая друг друга, выскочили вслед за Сашей. Оказалось, что толстый карапуз Валерка просунул голову между прутьями кровати и никак не мог вытащить ее обратно.

— Стой! Стой! — кричал ему Саша. — Поверни голову набок...

С помощью Коли и Васька он наконец вытащил братишку. Но товарищи уже собрались уходить.

— Куда же вы? Расскажите хоть про учителя.

— В школе расскажем! — крикнул Одинцов.

Васек только махнул рукой...

Вечером, забравшись к отцу на кровать, он с удовольствием делился с ним своей новостью:

— После каникул у нас будет новый учитель. Мария Михайловна совсем ушла. Ей восемьдесят лет уже.

— Восемьдесят лет! — удивился отец. — Ого-го! Совсем, верно, старушка с вами замучилась! Ты у меня один, и то я с тобой голову себе скрутил.

— Ну тебя! — недовольно сказал Васек, приподнимаясь на локте и заглядывая в лицо отцу. — Я небось председатель совета отряда... а ты говоришь!

— Вот-вот, мне и нужно, чтобы мой сын первый сорт был!

— «Первый сорт»... — протянул Васек. — Я еще не выучился, — он наverts на палец отцовский ус, — а ты нападаешь.

— Я не нападаю, — засмеялся Павел Васильевич. — Не трожь усы, всю красоту испортишь... Да спи уже, а то завтра тебя пушками не поднимешь. — Он обхватил сына за шею. — Спи.

Васек, лежа с открытыми глазами, думал о Саше, об Одинцове и о Севе Малютине.

— Хорошая, папа, картина у Малютина, но сам Севка какой-то тщедушный, — с сожалением сказал он.

Отец не ответил.

— Слышишь, папа?

— Слышу.

— А что ты слышишь?

— Тщедушный, — промычал, всхрапывая, Павел Васильевич.

МАЗИН И РУСАКОВ

Мазин скучал. В землянке под старой елью было темно и тихо. У входа, завешенного белой простыней, валялась убитая из рогатки ворона. Снаружи крупными хлопьями валил снег. Иногда, отодвинув край простыни, Мазин зорко и настороженно оглядывал берег. Он ждал Русакова. Они не виделись с того памятного вечера, когда в их владениях побывал Трубачев со своими товарищами.

«Отец дома. Держит Петьку при себе», — соображал Мазин. Мазин и Русаков жили на одной улице, в одном доме. Дружба их началась с первого класса и навсегда укрепилась после одного случая. А случай, который сделал их закадычными друзьями, был такой. Однажды, стреляя в цель из рогатки, Русаков разбил цветное стекло в угловой даче. Испуганный, он прибежал к Мазину.

— Пропал я, Колька! Отец узнает — за ремень схватится!

Отец Пети рано овдовел и, сдав сына на попечение соседок, с головой ушел в работу. Весь день проводил он на обувной фабрике, где считался одним из лучших работников. Возвращаясь домой, он бегло интересовался здоровьем сына и, найдя в дневнике плохую отметку, сразу закипал гневом:

— Я с восьми лет сам на себя зарабатывал и дорогу пробивал себе тяжелым трудом, а тебе все даром дается! Отец для таких, как ты, целый день работает. Да разве один я? Вся страна не покладая рук трудится, чтоб из вас люди вышли! А вы что делаете? Безобразие! Распущенность! На тебя все соседи жалуются! Вот подожди, я когда-нибудь возьму ремень да поучу тебя так, как меня в свое время учили!

Петька со страхом смотрел на отца. Этот большой, сильный человек с черной густой шевелюрой и сросшимися бровями, под которыми трудно было угадать цвет его глаз, был чужим и непонятным мальчику.

Иногда отец вдруг останавливался посреди комнаты и, глядя на сына усталыми, хмурыми глазами, говорил:

— Ты пойми... Человек должен понимать слова, а не палку! Что у тебя, самолюбия нет, что ли?

Петька съеживался и молчал.

Разбитое стекло в угловой даче беспокоило Петю. Он сидел у товарища, с тревогой поглядывая на дверь.

— Да, может, отец не узнает, — утешал его Мазин.

Петя безнадежно махал рукой:

— Хозяева видели, как я побежал.

Мазину было жалко товарища. Он что-то соображал про себя, пыхтел, надувая толстые щеки, и, когда Петя Русаков, просидев у него целый час, собрался уходить, сказал:

— Пойдем вместе. Я скажу на себя, а ты будто в канавке сидел.

— В какой канавке?

— Ну за домом... Кораблики пускал.

Случай этот происходил весной.

— Кораблики... — протянул Русаков. — А чего же я побежал тогда?

— Мало ли чего! Побежал, чтобы на тебя не подумали, — вот и все. Понятно?

Русаков просветлел:

— И правда, может, обойдется?

— Обязательно обойдется. Верти кораблики. Сейчас намочим их во дворе — и айда к твоему отцу!

Петя сделал из газеты два кораблика, во дворе товарищи прополоскали их в грязной луже и храбро направились к дому Русакова.

— Постой, а вдруг твоя мать узнает? — тревожно спросил Петя. — И голова у нее заболит от этого. Жалко ее. Он остановился.

— Не ной, — мрачно сказал Мазин. — Пойдем лучше!

Отец Русакова уже все знал. Он встретил сына на пороге, красный от гнева.

— Опять мне на тебя люди жалуются!

— Я, пап... — дрожащим голосом начал Петя.

Мазин толстым грибком вырос перед разгневанным родителем и вытащил из кармана рогатку:

— Петя ни при чем. Он кораблики пускал.

— Я, папа, кораблики...

— Какие еще кораблики? — загремел Русаков-отец. — Ко мне взрослые люди приходят, на моего сына жалуются!

— Это из угловой дачи к вам приходят? — осведомился Мазин. — Так я у них стекло разбил. Я нечаянно... в воробья метил, а попал в стекло. А Петя испугался и побежал. Вот они на него и сказали. Не разобрались как следует и напали... А еще взрослые! — объяснял Коля Мазин, глядя прямо в глаза Русакову и закрывая Петю своей крепкой, приземистой фигурой.

— Не разобрались, — мямлил Петя, выглядывая из-за плеча товарища.

— «Не разобрались»! — передразнил его отец, уже смягченный признанием Мазина. — Лазите черт знает где!... А ты тоже хорош! У тебя мать труженица, больная женщина, а ты ей сюрпризы устраиваешь, — напал он на Колю.

— Я не сюрпризы, я нечаянно.

— «Нечаянно»! И Петьку моего сбиваешь на всякие дурацкие шалости... Ты где был, когда твой приятель в стекло камнем запустил? — обратился он к сыну.

— Я в канавке кораблики пускал, — шмыгнул носом Петя и вытащил из кармана размокшие бумажные кораблики.

— Чтобы я больше не видел всей этой гадости! — закричал отец. — Выбрось эту дрянь в помойное ведро сейчас же! А рогатку я сам... — Он обеими руками сдавил рогатку. Она не поддавалась. — В печку!

— Лучше в помойную яму или в пруд. Давай, папа, мы выбросим! — с готовностью предложил свои услуги Петя.

— Молчи! И ступай сам с этими людьми объясняться. Скажи... приятеля хорошего имеешь, вот что!

Когда мальчики вышли, Мазин сказал:

— Сбегай в аптеку за порошком от мигрени, а я пойду в угловую дачу сознаваться.

Вечером Мазин ходил за своей матерью и говорил:

— Ты, мама, приляг... И не волнуйся. Ни один человек не проживет так, чтобы стекла не разбить.

Мать Коли Мазина работала в швейной мастерской. Коля никогда не видел свою мать здоровой. Она постоянно жаловалась, что от шума швейных машинок у нее болит голова. Малейшая неприятность также вызывала у нее мигрень, и тогда она тихо стонала, уткнувшись в подушку головой, обвязанной мокрым полотенцем, а Коля готовил ей чай,

размешивал ложечкой сахар и бегал по аптекам, спрашивая везде, не изобретено ли какое-нибудь новое средство от мигрени. Дома, пока мать была на работе, Коля успевал приготовить обед, наколоть дров, сбегать за хлебом. Поэтому, когда мать жаловалась соседкам: «Не знаю, хватит ли моих сил воспитать сына», — соседки украдкой переглядывались. «Хватит ли у него-то сил ухаживать за такой больной матерью?» — думали они про себя, жалея мальчика.

После случая со стеклом ребята выработали особую систему самозащиты.

Теперь, что бы ни случилось, перед отцом Русакова виновным всегда выступал Мазин, а перед матерью Мазина — Петя.

— Вы, гражданка Мазина, обратите внимание на своего сына. Он и моего вконец испортить может, — внушительно говорил Русаков-отец матери Мазина.

— Подумайте! — возмущалась та. — Да как он может мне такие вещи говорить! Ведь чего только его Петя не выделяет! Он добьется того, что я не позволю своему сыну играть с Петей.

В конце концов родители, к большому огорчению мальчиков, категорически запретили им встречаться.

Мать Мазина пообещала Коле, что она окончательно потеряет голову, если он будет продолжать дружбу с Петей, а Русаков-отец посулил своему сыну спустить с него три шкуры, если еще раз увидит его вместе с Мазиным.

Петя, который вечно дрожал за одну свою шкуру, не мог даже представить себе, что значит спустить три. Мазин тоже забеспокоился:

— Конечно, в школе нас никто не проверит.

— А после школы я один буду? — шмыгнул носом Петя.

— Не хнычь! — сердито сказал Мазин. — И заруби себе на носу, Петька: нет такой беды, из которой нельзя вылезти. Я это проверил.

Выход действительно нашелся.

Через два дня после этого разговора на берегу заросшего, затянутого зеленой ряской пруда, где тучами кружились комары и мошки, а по вечерам, надуваясь, кричали лягушки, Мазин и Русаков уже рыли себе землянку под разлапистыми ветвями старой ели. Они приходили сюда поодиночке, работали изо всех сил и, уходя, оставляли друг другу короткие записки:

Двинулся на полметра в ширину. МЗС.

Углубился вход. РЗС.

К началу занятий в школе землянка была готова. На пруду редко бывали люди: в густом кустарнике, заросшем крапивой, не было тропинок. Землянка, тщательно замаскированная дерном, была почти незаметна.

Мазин и Русаков ликовали:

— Поди ищи нас теперь!

— А в случае нападения можно и отстреляться, — говорил Мазин.

Недостатка в стрелах, пугачах и рогатках не было. Мальчики усердно тренировались в стрельбе. Около землянки на дереве висели белые кружочки, пробитые стрелами.

— Петька, целься в правый кружок, а я в левый! Следопыту надо бить без промаха! — поучал Мазин.

С наступлением осенних дождей Мазин притащил из дома клеенку, а Русаков —

дождевой плащ. В землянке и в проливной дождь было тепло и сухо.

Мазин достал где-то азбуку следопыта и требовал от Петьки, чтобы он срисовал ее и выучил наизусть. Зимой товарищи ходили на лыжах в лес. Ставили силки, но зайцев в этих местах не было.

Сегодня Мазину посчастливилось — он убил ворону.

Прождав товарища до позднего вечера, Мазин взял клочок бумаги и написал: «Убил дичь. Придешь — освежуй».

На другой день товарищи встретились.

— Отец был дома, — пояснил Петя. — Он премию получил, гостей назвал. Много. И одна тетенька там была. Он ей говорит: «Вот мой Петр» — это про меня. А она ему: «Ну, какой же это Петр — это просто Петя!»

— Ладно! — прервал его Мазин, вынимая перочинный нож и вытаскивая из угла убитую ворону. — На, свежуй дичь, а я огонь разведу.

Он поставил у входа жаровню, бросил на угли спичечные коробки и стал разжигать огонь.

Петя поднял ворону, оглядел ее со всех сторон и удивленно сказал:

— Какая же это дичь! Это обыкновенная ворона.

— Так убей утку! — огрызнулся Мазин, протирая красные от дыма глаза. — А не убьешь утку — будешь есть ворону!

Через несколько минут из котелка уже торчал черный вороний клюв.

Мазин взял лопату, вышел из землянки и скоро вернулся с мороженой рыбой.

У Пети сделалось грустное лицо.

— Довольно одной вороны, Мазин, а то мы сразу все запасы съедим, — осторожно сказал он.

Мазин молча отхватил ножом кусок рыбы, нарезал ее тонкими ломтиками, посолил и подвинул товарищу.

— Ешь! Ворон на нашу долю хватит, — сказал он, храбро отправляя в рот ломтик рыбы.

Петя, зажмурившись, последовал его примеру.

Оба молча жевали, украдкой наблюдая друг за другом.

— Все охотники едят мороженую рыбу, а собаки на севере преимущественно питаются этим, — со вздохом сказал Петя.

В котелке забулькала вода. Мазин вытащил ворону, потыкал ее ножом и снова бросил в

котел:

— Жестковата.

Петя повеселел.

— Конечно, пусть упревает, — с живостью сказал он, похлопывая себя по животу. — И вообще я здорово сыт. Возьми мою половину, если хочешь, — добавил он, подвигая Мазину оставшийся ломтик рыбы.

Мазин сделал вид, что не слышит, сложил нарезанные куски и вышел из землянки.

Через минуту, сидя на мешке с сеном и лениво постреливая из рогаток в стенку, они вспомнили и трех товарищей, так неожиданно появившихся на пруду.

— И чего их занесло сюда? — забеспокоился Мазин. — Еще повадятся ходить.

— Не повадятся, — усмехнулся Русаков. — Я их здорово напугал.

— Трубачева не запугаешь — этот к черту на рога полезет. Смелый парень! Вот такого бы товарища нам с тобой! — сказал Мазин.

— Да... хорошо. Только он отличник, а мы... — Петя легонько свистнул и засмеялся.

— А ты принес учебники? — живо спросил Мазин.

— Забыл.

— Смотри, Петька, не пройдет нам это даром.

Он опустил рогатку и задумался.

— А чего же мы плохого делаем? — искренне удивился Петя. — Мы ничего плохого не делаем.

Мазин прищурился и уничтожающе посмотрел на него.

— Если человек делает плохо и знает, что это плохо, то это еще ничего, — медленно сказал он, — а если он делает плохо и думает, что это хорошо, то это уж дело дрянь!

— Я не думаю, — быстро сказал Петя, — насчет учебы и вообще...

— То-то, — сказал Мазин. — Себя обманывать нечего.

Он достал азбуку следопыта, прикрыл рукой подпись под рисунком и строго спросил:

— Чей след?

— Утки, — поспешно ответил Петя.

— Сам ты утка! — рассердился Мазин. — Кому я говорил — выучи наизусть!

Глава 9

ТЕТЯ ДУНЯ

Васек был дома один. Он принарядился, начистил ботинки и, не зная, что с собой делать, ходил по комнате.

Каникулы ему уже надоели. Скорей бы в школу!

«Интересно, какой-то новый учитель?» — думал он, поджидая отца.

В дверь кто-то тихонько постучал.

— Мне к Трубачеву Павлу Васильевичу, — сказала женщина, осторожно прикрывая дверь и с трудом втаскивая за собой корзинку.

— Папы нет. — Васек внимательно разглядывал гостью.

Она была в синем пальто, туго застегнутом на все пуговицы. Из-под черного полушалка глядели на Ваську рыже-голубые, чем-то знакомые глаза. Мальчика охватила тревога.

— Папы нет! — повторил он.

— Папы нет, а тетка — вот она! — вдруг сказала женщина, любезно поджимая губы. — А ты небось Васек? Тащи-ка корзинку. Запарилась я с ней!

Она вошла в кухню, села на табурет, расстегнула пуговицы своего пальто и, обмахиваясь концами полушалка, огляделась вокруг.

— Ничего живете. Кухня просторная. — Она заглянула в комнату. — В чистоте содержите. А это чья же дверь-то? — потрогав замок Таниной двери, спросила она.

Васек втащил корзинку и, не зная, что отвечать, во все глаза смотрел на тетку.

«Смешная какая-то», — думал он.

А тетка между тем уже расхаживала по комнате, оглядывая обстановку. Васек с удивлением увидел теперь, что глаза у нее точь-в-точь как у отца, с такими же короткими рыжими ресницами, что нос и все лицо тетки тоже напоминают отца, только рот и выражение лица какое-то другое. Тетка как бы угадала его мысли.

— Ишь, — сказала она, с видимым удовольствием бросив взгляд на мальчика, — рыжий. В нашу породу пошел!

Васек нахмурился и отошел к окну. «Какой я рыжий!» — думал он, приглаживая свой чуб.

Между тем тетка уже обошла все углы и орудовала в кухне.

— Ваше мыло-то? Подай полотенчико! Это что ж кастрюли-то у вас как завожены? Аль плита дымит? А соседка-то молодая или старая? Как ее звать-то?

— Таня.

— Таня... — Тетка опять поджала губы и многозначительно покачала головой. — Неаккуратная девка, по всему видать.

— Да ты, тетя, еще не видела ее, а уже ругаешь, — не стерпел Васек.

— Ее не видала, а приборку ее вижу: в печке зола, в углу сор. Слава богу, можно о человеке судить, — решительно отрезала тетка.

— Все равно, она хорошая, добрая. Ее все любят! — сердито сказал Васек.

У него росло недовольство против тетки и ее бесцеремонного хозяйничанья в их квартире.

К обеду пришел отец. Васек открыл ему дверь и тихонько шепнул:

— Тетка приехала!

— А, приехала! — обрадовался отец, отодвинул Ваську, вытер платком усы и крикнул: —

Дуняша!

Тетка всплеснула руками, заторопилась:

— Паша... голубчик...

— Ну-ну... вот и свиделись... вот и свиделись! — повторял Павел Васильевич, любовно оглядывая ее и прижимая к груди. — А что бы раньше приехать-то? Ведь не за горами живешь... а, Дунюшка?

Тетка оторвала от его груди заплаканное лицо.

Васек снова заметил сходство между ней и отцом. У обоих были растроганные, умиленные лица, радостные и чем-то смущенные.

— Постарели, постарели мы с тобой, сестреночка, — говорил Павел Васильевич.

— Да ведь всех схоронили... Одни на свете мы с тобой, Пашенька, — вздыхала тетка.

— Как это — одни? Полон свет хороших людей... А вот сын у меня растет, племяш твой!

— весело сказал Павел Васильевич. — Вот он! Небось познакомились уже?

— Познакомились, — ласково сказала тетка.

Ваську вдруг стало жалко, что он неприветливо встретил тетку. Ее встреча с отцом растрогала его. Он сбоку подошел к обоим и с чувством сказал:

— Здравствуйте, тетя!

Тетка поцеловала его в щеку:

— Да что ж я! У меня тут для вас кой-чего...

Она внесла в комнату корзинку и стала развязывать ее.

— Не хлопочи, не хлопочи... Хлопотунья! — кричал из кухни отец, разжигая примус. — У нас все есть! Сейчас чай будем пить.

Васек с любопытством смотрел, как тетка вынимала какие-то банки, завернутые в полотенце, положила на стол румяный пирог, охая и приговаривая:

— Ай-яй-яй! Измялось все! Хорошо хоть варенье довезла. А уж толкали меня, тискали... Людей, людей едет — пропасть! А в Москву — еще больше... Пашенька! — крикнула она, развертывая склотую булавками бумагу. — Вот тебе подарочек. А это Ваську.

— Ба, ба! — удивился Павел Васильевич, разглядывая расшитый ворот рубашки. — Ну искусница! Ну, спасибо, Дуняша!

Васек тоже с удовольствием примерял пушистые синие варежки и такие же носки.

— Как раз! Мне как раз, папа... Спасибо, тетя! — догадался он после того, как отец еще раз обнял тетку.

— А мы-то с тобой опростоволосились! — смущенно сказал Павел Васильевич, глядя на Ваську. — Не приготовили тетке подарочка.

— Что ты, что ты, какой подарочек! Ты меня и так не обижал, Паша.

Чай пили втроем. Васек слушал, как без конца рассказывает тетка о каких-то соседях, как переспрашивает ее отец, живо интересуясь всеми новостями.

— А этого-то... как его, с которым мы на огороде-то попались? — подмигивал отец.

— А, — оживленно подхватывала тетка, — Бирюковы, что ли? Живут, живут! Коля-то на инженера вышел, Маруська за летчиком в Москве. А этот, конопатенький-то, на доктора учится.

— Скажи пожалуйста! — удивился отец и скромно сказал: — А я вот мастер... стахановец!

— Слышала я, как же! — с гордостью сказала тетка. — А ведь сиротами мы росли. Вот уж истинно спасибо Советской власти! Всегда скажу, хотя сама как-то на отшибе живу. Связалась со своим домишком, с курами да с козами, и никакой пользы от меня нету... А и бросить не бросишь и уйти не уйдешь...

— А как же теперь-то? На кого хозяйство оставила?

— Да кой-что попродавала. А кой-что у соседей оставила. Соседи — люди хорошие, поберегут, — прихлебывая с блюдечка чай, говорила тетка.

— М-да... Это тоже не жизнь. На старости к своим прибаваться надо. Ты уж так обдумай: может, приживешься и с нами останешься?

— Как ты, Паша... А я вся тут... Родней вас у меня никого нет.

Васек вылез из-за стола и пошел к Тане.

— У нас новость, — сказал он, — тетя Дуня приехала!

— Я уж слышу. Вот и хорошо, а то Павлу Васильевичу не управиться одному.

— А ты что же не идешь к нам? Пойдем?

— Ну, что ты! Небось они о своих делах говорят. Зачем мешать!

— Таня, — крикнул Павел Васильевич, — иди познакомься, соседи ведь!

Таня, оправляя на ходу толстую косу, смущаясь, вошла в комнату.

— Не бойся, не бойся, — подталкивал ее Васек.

Тетка быстро оглядела девушку с головы до ног. На лице ее появилось натянутое, неприятное выражение.

— Евдокия Васильевна, — сказала она, протягивая Тане руку. — Садитесь, гостьей будете.

— Да она не гостья, она наша, — громко сказал Васек. — Она живет здесь!

— Знаю, знаю, — сухо сказала тетка. — Уж я все рассмотрела... Поддай стульчик, Васек!

В последний день каникул Васек вместе с отцом и теткой пошли в цирк. Перед этим тетка устроила большие и торжественные сборы. Она с утра грела утюги, чистила и гладила через мокрую тряпку костюмчик Васька, заглаживала складки на брюках Павла Васильевича.

Таня боялась высунуть нос из своей комнатки. Тетка в первые же дни завладела всем домом. Она во всем навела свои порядки, распределила в кухне все кастрюльки на «ваше» и «наше». «Ваше» — это было Танино. Таня, видимо, побаивалась Евдокии Васильевны и даже на собственные вещи не решалась заявить свои права.

— Да берите, берите, — смущенно говорила она. — У нас до сих пор все вместе было.

— Вот это-то и нехорошо, что вместе. Нам чужого не нужно, у нас своего хватит, — обрывала ее тетка.

На Павла Васильевича тетка смотрела с обожанием. Без отца Васек не садился за стол.

— Как это так? Мужчина в доме, самостоятельный, хозяин, а мы без него обедать сядем?

Павла Васильевича это стесняло, а Васек, придя со двора, нетерпеливо слонялся по комнате:

— Тетя Дуня, я есть хочу!

— Это хорошо. Значит, аппетит нагулял, — спокойно отвечала тетка, сдвигая на кончик носа очки и растягивая на коленях свое шитье.

Стол в ожидании отца был уже накрыт. Услышав знакомые шаги, тетка спешила на кухню:

— Васек, подай отцу полотенце! Повесь куртку в коридоре — запах от нее паровозный! ... Садись, Паша. Устал небось?

Павел Васильевич, видя во всем порядок и чистоту, радовался. За столом Васек запикивал в рот все, что подавала тетка, и просил добавки.

— Вот это так, это хорошо! А то, бывало, того не хочу, этого не могу...

— Да, тебя ждать-то — с голоду помрешь!

— Не помрешь, — говорила тетка. — Желудок тоже аккуратность любит.

В этот день в цирк приехали московские артисты. Васек все боялся опоздать, но тетка не

вышла из дому, пока не привела брата и племянника в полный порядок. Особенно ее беспокоили съезжавший на сторону галстук Паши и рыжий чуб Васька. Галстук она в конце концов пришила к рубашке, а к рыжему украшению на лбу племянника подступила с ножницами. Но Васек загородился от нее обеими руками:

— Папа, мне этот чуб нужен! Я его вот так кручу на уроке!

— Оставь, оставь, Дуня, — поспешно вступился отец. — А то, пожалуй, я своего родного сына не узнаю. Да и мать, бывало, любила...

Он решительно взял у тетки ножницы.

В цирке они сидели рядом. На арене плясали под музыку медведи, смешил клоун. Васек подпрыгивал, хлопал в ладоши, хохотал. Отец тоже смеялся. Тетка, в шелковой зеленой кофте, сидела прямо, она изо всех сил старалась соблюсти приличие, смеялась в платочек и останавливала Васька. В антракте ели мороженое. Павел Васильевич и Васек, перебивая друг друга, делились впечатлениями. Тетка с тревогой поглядывала вокруг.

— Паша, кланяется тебе кто-то.

— А, товарищ мой с сынишкой... Здорово! Здорово! — басил Павел Васильевич, пожимая руку приятелю. — Вот, знакомьтесь: моя сестра.

— Евдокия Васильевна, — церемонно знакомилась тетка, протягивая сухую, негнибачую ладонь. При этом голова ее упиралась в плечи, на губах появлялась напряженная любезная улыбка.

«Смешная какая-то!» — удивлялся Васек.

Вечером, когда, веселые и довольные, Трубачевы вернулись домой, Васек разделся и, по своему обыкновению, юркнул в отцовскую кровать. Но тетка решительно воспротивилась этому:

— Ты что это, Паша, позволяешь? Что у него, своей кровати нету? Теперь и в деревнях вместе не спят... Какой это сон для рабочего человека!

— Да нам поговорить нужно еще. Мы с папой всегда на ночь разговариваем! — сердился Васек.

— Пускай, пускай полежит немного, — защищал его Павел Васильевич.

Но тетка до тех пор не погасила огня, пока Васек не перебрался на свою кровать.

Уткнувшись головой в подушку, он чувствовал себя неуютно и думал, что многое ему нужно было сказать отцу. Он вспомнил, что завтра в класс придет новый учитель, вспомнил Сашу и Колю на пруду, белый холмик и огромную желтую луну. Перед глазами все стало путаться. Холмик вдруг вырос в огромную снежную гору. И Васек заснул.

НОВЫЙ УЧИТЕЛЬ

Каникулы кончились.

В дверях четвертого «Б» стояли два ученика. Каждого входившего они сопровождали звонким шлепком по спине.

— Честь имею! Сам Трубачев!

— Здорово! — кивнул головой Васек.

В классе было шумно. Ребята наперебой рассказывали друг другу свои новости.

— Мы в цирке были, там медведь на велосипеде ездил! Ой, девочки, так смешно! — рассказывала подругам Надя.

— А я всегда боюсь в цирке — вдруг кто-нибудь упадет! — серьезно сказала Степанова.

— Лида, Лида Зорина! — теребила Нюра Синицына свою подружку. — У тебя легкая рука! С кем бы мне партой поменяться? Где мне сесть? А то новый учитель придет, а я ничего не знаю.

— Лягушка-путешественница! Прочного местечка ищет! — сострил Коля Одинцов, пробираясь к Саше Булгакову.

Саша, окруженный со всех сторон ребятами, рассказывал:

— Я сзади него шел. Думал, может, родитель чей-нибудь. А тут директор Леонид Тимофеевич. «Ну, говорит, сегодня у вас, Сергей Николаевич, первое знакомство с классом?» Я тогда оглянулся и побежал... Трубачев! — крикнул Саша. — Иди сюда!

Но Трубачева атаковали девочки.

— Мы с лыжной экскурсии все вместе шли, а вы отделились. А Митя зато нас всех конфетами угощал! — хвалились девочки.

— Ну, что нам конфеты! Зато мы в таком месте были, где ни одна человеческая нога не ступала, — хвастнул Трубачев, — где снежные обвалы каждый день...

— Снежные обвалы, говоришь? — насмешливо переспросил Мазин. — И не задавило вас там?

— Прищемило немножко, — усмехнулся Петя Русаков.

— Мы удрали! — весело крикнул Саша.

— Ну, удрали! Просто ушли, потому что уже поздно было. Надо будет когда-нибудь днем туда сходить, — сказал Васек.

— Не советую. Я слышал от одного охотника-следопыта, что туда нередко забегают волки, — равнодушно процедил Мазин.

— Ребята, слышите? Волки! — ахнул Саша.

— Волки? Я так и думал, — сказал Васек. — Вот если б ружье!

— Да их нельзя стрелять. Теперь на пруду заповедник, разве вы не знали? Там вообще всякие звери водятся, — придумывал Мазин.

— Да еще голодные, верно. Такой подняли вой... — поежился Одинцов. — А мы-то было разлеглись в сугробе...

— Вот так история! — сказал озадаченно Трубачев. — Значит, мы в заповедник залезли... Булгаков, слышишь?

— Слышу. Хорошо, что вовремя выбрались оттуда, а то не собрали бы там наших косточек.

— Угу, — сказал Мазин и отошел, удовлетворенный этим разговором.

В дверях показался Сева Малютин.

— Сегодня новый учитель! — сообщил ему Трубачев.

По коридору прокатился гулкий звонок. Ребята уселись за парты. Все взгляды устремились на дверь.

* * *

В класс вошел учитель. Он поздоровался, оглядел ребят и сказал:

— Ну, будем знакомиться. Меня зовут Сергей Николаевич.

— Сергей Николаевич... — повторил кто-то из ребят. Учитель улыбнулся и развел руками:

— Но я один, а вас много! Давайте попробуем такой способ: я буду знакомиться сразу с целым звеном. Согласны?

— Согласны.

Ребята подтянулись, ждали. Учитель подошел ближе к передним партам:

— Ну, начнем с председателя совета отряда.

Васек вскочил:

— Есть! Председатель совета отряда Трубачев!

Сергей Николаевич быстрым взглядом скользнул по крепкой фигуре Трубачева, заметил непокорный рыжий чуб, темные глаза и приветливо кивнул головой:

— Запомню... Вожатые звеньев!

Лида Зорина, Саша Булгаков и Коля Одинцов встали.

— Давайте по очереди! — Учитель остановил глаза на Лиде.

— Звеньевая Зорина. В звене десять человек. Звено, встать! — краснея, командовала девочка.

Крышки парт с тихим шумом поднялись. Лида назвала всех по фамилии. За ней были вызваны Одинцов и Булгаков.

— А Булгаков у нас еще староста!

— А Одинцов — ответственный редактор! — осмелев, зашумели ребята.

— Ну, значит, я приобрел замечательных знакомых. Все такие ответственные лица... — пошутил Сергей Николаевич.

Ребята улыбались, переглядывались, кивали друг другу. Леня Белкин показывал за спиной большой палец, выражая этим свое удовольствие.

Сергей Николаевич сказал:

— А я видел ваши работы на выставке. Некоторые очень интересны. Например, ледокол... потом подводная лодка... Очень, очень неплохо сделано.

Новый учитель понравился. Он двигался по классу уверенно и легко, не делая лишних движений, говорил звучным голосом, отчетливо выговаривая слова. Спрашивал ребят, как они провели каникулы, где были, что видели. Потом рассказал, как он в детстве любил собирать всякие коллекции и однажды, зацепившись за водоросли, полчаса просидел в реке.

— Не утонули? — испуганно спросила Надя Глушкова.

— Как видишь, — улыбнулся учитель. Улыбка у него была очень светлая и запоминалась.

Ребята разговорились. Каждому хотелось рассказать что-то о себе. Коля Одинцов летом

был на Урале. Он привез оттуда разные камни.

— Ты принеси в следующий раз, мы их тут рассмотрим, — сказал учитель.

Саша Булгаков собирал марки, многие ребята — коллекции насекомых.

Васек вспомнил, что летом он занимался выжиганием по дереву, и спросил:

— Можно принести?

— Принеси.

На следующем уроке Сергей Николаевич вызывал к доске. Спрашивая, он терпеливо ждал ответа, а одному мальчику заметил:

— Ты сначала подумай, о чем хочешь сказать, а потом говори. Надо, чтобы мысль была совершенно ясная, тогда ее легко выразить словами.

Уходя, учитель обратил внимание, что в одном месте парты слишком выдвинуты вперед, и без всякого усилия один передвинул весь ряд.

Ребята ахнули.

После уроков не хотелось расходиться по домам. Ребята шумно обсуждали каждую шутку учителя, каждый жест, улыбку, слово.

— Нет, какой силач! Силач-то какой! — с восторгом кричал Леня Белкин.

— Из всех учителей наш самый лучший! — говорили девочки.

— Он, наверно, военным был. Крепкий такой, ловкий! — предположил Одинцов.

— У него, пожалуй, не побалуешься на уроке, — опасно сказал Русаков.

Ребята засмеялись.

— Посмотрим, — равнодушно сказал Мазин. — А что он сделает?

— Вышвырнет из класса, вот что! Видал, как парты одним махом передвинул? — смеялись ребята.

— А мне так интересно было — я все боялась, что звонок скоро, — улыбнулась Степанова.

— А Сеницына-то, Сеницына! — фыркнул Одинцов. — Как воды в рот набрала! А потом у доски каким-то тоненьким, не своим голосом пищала.

— Врешь! Врешь! Ничего подобного! Я ничуть не испугалась. И учитель мне ваш не понравился. Ни капельки не понравился! — прищурившись, протянула Сеницына.

— Да не мо-жет быть! — растягивая слова и так же прищурившись, передразнил ее Одинцов.

— Дразнись не дразнись, а не понравился! — обернулась к нему Сеницына.

— А почему не понравился? Говори почему? — подступили к ней ребята.

— Она и сама не знает, — улыбнулась Валя Степанова.

— Нет, знаю! — упрямо сказала Сеницына. — Во-первых, у него к детям никакого подхода нет. А просто он с нами обращается как со взрослыми.

— Фью! — свистнул Одинцов. — Что же он, в детский сад пришел? В ладоши хлопать должен?

В класс заглянул директор.

— Леонид Тимофеевич, а у нас новый учитель! — крикнула Лида.

— Да что ты говоришь? — развел руками директор. — Как же это так? А я ничего не знаю!

Ребята дружно расхохотались.

— Я знаю, что вы знаете... — смутилась Лида, прячась за спины подруг.

Директор посмотрел на часы:

— Учитель новый, а расписание старое. Или вы решили на вторую смену остаться?

Ребята с шумом выбежали из класса.

Васек ходил за теткой, с жаром рассказывая ей про нового учителя.

— Он знаешь, тетя Дуня, сильный какой! Он взял и прямо с одного маху все парты передвинул. Силач!

— Боксер, наверно, — предположила тетка.

— Нет. Почему боксер? — растерялся Васек. — Боксер — это, знаешь, в таких перчатках борется. А он нет. Он же учитель.

— А... учитель? — складывая в корзинку вымытые ножи и вилки, рассеянно переспросила тетка. — Ну-ну... А где же это у меня ножик один? Обронила, что ли?

Она полезла под стол.

Васек присел на корточки и, приподняв скатерть, с жаром продолжал:

— У нас все ребята любят его! И не то чтобы он очень добрый, он даже улыбается редко...

— Нашла, — вылезая из-под стола, сказала тетка и вдруг озабоченно спросила: — С чего же это он все улыбается да улыбается?

— Кто?

— Да учитель ваш. Эдак и с ученья твоего мало толку будет.

— Да ну тебя! — рассердился Васек. — Я совсем наоборот говорил.

— Это что же такое «наоборот»? — сдвинув на нос очки, строго допытывалась тетка.

Васек посмотрел на нее и прыснул со смеху:

— Ой, не могу!

— Ишь, смеяться-то ты горазд, — добродушно сказала тетка. — А вот посмотрю я, как в учебе поспеваешь. Очень уж вас балуют теперь. А про учителя ты лучше отцу расскажи: он человек самостоятельный, пускай сам разбирается, кто плох, кто хорош.

Васек с хохотом выкатился в кухню:

— Таня! Я тете Дуне про учителя рассказываю, а она... она... сначала... боксером его...

Васек беззвучно затрясся от смеха. Таня взглянула на его лицо и тоже залилась смехом. Тетка вышла в кухню и, поглядев на Таню, ехидно сказала:

— Не знаю, кто из вас старше да умнее!

Но слова эти только подбавили жару в огонь. Васек и Таня смеялись уже без всякой причины, неудержимо и весело.

Павел Васильевич пришел поздно. Он был взволнован предстоящей длительной поездкой.

— Недельки на три укачу, — говорил он, глядя на Васька теплыми, озабоченными глазами. — Ты тут не скучай, Рыжик...

В этот вечер они долго разговаривали. Васек торопливо рассказывал отцу все свои новости.

Учитель по рассказам сына понравился Павлу Васильевичу.

— Вот и гляди, чтобы не ударить перед ним лицом в грязь, — поучал он.

Тетка долго не гасила свет, но вмешиваться в разговор не решалась.

Утром в доме была суматоха. Тетка собирала отца в дорогу: пекла ему пирожки, складывала в чемодан белье и метила его, чтобы оно, чего доброго, не перемешалось с чьим-

нибудь чужим.

Васек ходил за отцом по пятам и ежеминутно спрашивал:

— Ты целые три недели будешь?

— Три недели.

Васек вздохнул:

— Ну ладно. Сегодня все ребята принесут в школу свои работы или коллекции. Я тоже хотел выжженную коробочку взять и мамину рамку.

Отец и сын начали разглядывать выжженные Васьком вещицы. Васек осторожно держал в руках рамку. Из рамки смотрела на него мать со своей всегдашней спокойной, милой улыбкой.

— В бумажку заверни. Не потеряй там, — сказал отец.

— Ну, что ты!

Они поглядели друг на друга. Сердце у Васька сжалось.

— Приезжай скорей, что ли, — пряча рамку, сказал он.

— Паша, Паша, — закричала тетка, появляясь на пороге, — собирайся! Что ты с ним, как маленький, связался! С коробочками да рамочками...

— Ну-ну, — сдвинул брови отец, — не командуй. Это наши дела.

Он крепко обнял Ваську. Васек благодарно и горячо сдавил руками его шею.

Тетка покачала головой и скрылась в кухне.

* * *

На кустах, обросших мохнатым инеем, выросли высокие шапки снега.

Сергей Николаевич шел из школы. Он не торопился. В глазах у него пестрел класс. Несколько фамилий и лиц уже запомнились, другие еще терялись в общей массе.

«Живые, хорошие ребята! И директор приятный...»

Сергей Николаевич вспомнил, как Леонид Тимофеевич, проводив его в класс, весь первый урок похаживал по коридору, как будто в классе сидели его собственные дети и держали экзамен перед новым учителем.

— Ну как? — вытирая платком круглую лысину, спрашивал он в учительской. — Как вам мои ребята?

Сергей Николаевич пожал ему руку.

Директор закивал головой.

— Там есть... Там есть пики-козыри! — сказал он, щуря смеющиеся карие глаза. — Но работать можно! Работать можно!

Учителя приняли Сергея Николаевича в свою среду просто и сердечно. Вожатый отряда Митя тоже понравился учителю.

Сергей Николаевич спрашивал Митю про пионерскую работу, сборы, экскурсии. Они вдвоем уселись на диван, а потом, стоя в дверях учительской, никак не могли расстаться, и Митя, сиюсь перекидывать дребезжащий звонок, говорил:

— Мы на лыжах недавно через весь лес прошли... А девочки ребятам не уступают...

Сергей Николаевич взбежал на крыльцо маленького домика и крепко застучал ногами, отряхивая с калош снег.

Из комнаты его окликнул отец:

— Ну-ну, долго ты нынче! Как там дела?

Сидя в кресле, Николай Григорьевич приоткрыл одну половинку двери и, откинув голову, смотрел на сына из-под густых бровей светлыми голубыми глазами.

— Ну как? Познакомился? Подружился?

— Познакомился! — Сергей Николаевич повесил пальто, бросил на полку шапку. — И, кажется, подружусь!

— Ну и хорошо! Первое впечатление самое верное, говорят. За обедом подробно расскажешь. А у меня радость. Письмо получил. Матвеич мой объявился! На пасеке живет. Приглашает в гости. — Старик протянул сыну письмо: — Вот, читай!

— Да ну? Матвеич?! А про Оксану пишет? — пробегая глазами неровные строчки, спрашивал Сергей Николаевич.

— Пишет, пишет! Соскучилась твоя сестренка, — вздохнул отец.

Матвеич был старый товарищ Николая Григорьевича. В гражданскую войну оба они партизанили на Украине, потом расстались, изредка обмениваясь письмами и сохраняя старую дружбу. Теперь Матвеич звал старика на Украину: «Приезжай, старина! Полечим твои больные ноги».

От партизанских лет, проведенных в лесах и болотах, у Николая Григорьевича к старости разболелись ноги. Он редко куда-нибудь выходил и в отсутствие сына скучал, с нетерпением глядя в окно. Особенно мучило его безделье.

— Я ведь еще работать могу. Ноги мне не мешают, — грустно говорил он сыну — Ты вот всю ночь там что-то пишешь. Давай я хоть помогать тебе буду.

Как-то Сергей Николаевич попросил отца переписать свой доклад, с которым он должен был выступать на совещании учителей. Старик оживился, захлопотал и принялся за работу. Он тщательно переписал доклад разборчивым, крупным, немного детским почерком, без единой поправки.

— Ого! Да тебе мог бы позавидовать любой ученик четвертого класса! — смеясь, сказал Сергей Николаевич.

Вечером, выметая комнату, он обнаружил в углу скомканную бумагу — это были испорченные листы с кляксами. Но старик уже зарекомендовал себя как переписчик. И теперь Сергей Николаевич сам часто обращался к нему с просьбой переписать что-нибудь.

Прочитав письмо, они вдвоем стали сочинять ответ Матвеичу.

— А что, Сережа, может, и катнем с тобой в гости, а?

— Катнем, катнем, — отвечал Сергей Николаевич. — Как-нибудь летом...

Глава 11

В КЛАССЕ

Ребята из четвертого «Б» прибежали в школу раньше всех. Почти каждый из них тащил что-то под мышкой или осторожно нес свою раздутую сумку.

— Стой, стой! Показывай, что за багаж у тебя? — останавливал на крыльце Грозный.

Иван Васильевич не переносил двух вещей: пугачей и рогаток.

Нюх у него на эти вещи был безошибочный:

— Стоп! Что-то ты такой бодрый нынче?

И, нащупав оттопыренный карман. Грозный вытаскивал оттуда предательски торчавшую рогатку.

— Так... до зубов вооружился. Давай пугач!

— Да нету у меня, Иван Васильевич!

— Нету? Кому-нибудь другому рассказывай!

Васька он пропустил беспрепятственно — из сумки у него торчал только выжженный пенал.

В классе ребята показывали друг другу свои сокровища.

Девочки принесли вязанье, платочки, вышивки. Мальчики высмеивали их:

— Станет он это смотреть, очень ему нужно! В куклы с вами играть!

— Мы Марии Михайловне всегда показывали. Ей даже нравилось очень! — кричали девочки.

— Марии Михайловне! Да она сама вышивала, она учительница, а он учитель! — доказывали им мальчики.

— Девочки, не слушайте их! Вот назло я первая свою вышивку покажу! Я не боюсь! — кричала Сеницына.

— Ну и что хорошего? Только осрамитесь! — возмущался Одинцов.

— А какое вам дело? Мы сами за себя отвечаем.

— Девочки, не обращайтесь на них внимания! — уговаривала подруг Зорина.

Степанова медленно развязывала какую-то коробочку.

— Мы просто покажем все, что у нас есть. А ты, Одинцов, умнее, когда молчишь, честное пионерское.

Надя Глушкова запрыгала:

— Получил? Получил?

На Одинцова со всех сторон посыпались шутки.

— Ну, напали!... — крикнул Леня Белкин. — Одинцов, удирай, а то засмеют!

— Да ну их!

Навстречу Ваську бросился Саша:

— Трубачев, я тебя давно жду! Вот марки принес.

— И я принес пенал и рамку. — Васек похлопал по сумке.

— Трубачев, — крикнула Сеницына, — мы первые будем свои работы показывать.

— Трубачев, они хотят со своими вышивками вылезать... Понимаешь? Новый учитель — военный человек, а они к нему с тряпками! — объяснил Одинцов.

— Мы не с тряпками!

— А с чем же?

— У нас — свое, а у вас — свое!

Васек положил на парту сумку.

— Тише! — Он выждал, пока наступила тишина. — Кого Сергей Николаевич спросит, тот и покажет — мальчик или девочка, понятно? А самим не вылезать, категорически! Понятно?

— Понятно! — прошумел класс.

— Ну и лучше! Так, по крайней мере, никому не обидно.

Ребята занялись рассматриванием принесенных вещей. В классе шуршала бумага, под партами валялись обрывки газет, тесемки, тряпочки.

Саша был занят марками. Одинцов раскладывал по ящикам свои камни. Трубачев, сидя боком на парте, что-то рассказывал ребятам. Когда в класс вошел Сергей Николаевич, все вскочили. Учитель прошел к столу. Под ноги ему попала какая-то бумажка. Он поднял ее, повертел в руках, потом оглядел класс и сдвинул брови.

— В классе грязно. В чем дело? — отчетливо сказал он и, заложив руки за спину, отошел к окну.

Несколько ребят сорвались с места и нырнули под парты. Через минуту учитель повернулся к классу. Все сидели уже на местах с виноватыми, сконфуженными лицами.

— Я думал, что говорить о чистоте и порядке в четвертом классе мне не придется. Но пусть это будет в первый и последний раз. Вы не малыши, и объяснять тут вам нечего. Есть староста, есть дежурный по классу, есть санком. Честный человек честно относится к своим обязанностям.

Все были подавлены. Синицына, прикрыв ладонью рот, отвернулась и сделала ребятам гримасу.

«Что? Говорила я вам? Вот и любите его после этого!» — было написано на ее торжествующей физиономии.

Начался урок. Учитель вызывал к доске, спрашивал с мест. Ребята подтянулись. Они старались так ходить, как ходит учитель, так четко выговаривать слова, как выговаривает он, и вообще заслужить улыбку, шутку, похвалу. Выходя к доске, мальчики прижимали руки к туловищу и старались держаться прямо, по-военному.

На перемене озабоченно переговаривались между собой:

— Не спрашивает, что принесли.

— Забыл или рассердился?

— Ага, похвалиться хотели, а он и не спрашивает ничего! — язвила Синицына.

Васек заложил в учебник свою рамочку — он уже пожалел, что принес ее: «Зря только карточку изомну».

Но на последнем уроке Сергей Николаевич вдруг сказал:

— Кто-то из вас собирался принести свои работы, коллекции. Одинцов, кажется, хотел показать уральские камни.

Ребята ожили:

— Одинцов, Одинцов, иди!

Одинцов покраснел от удовольствия:

— Можно показать?

— Конечно.

Одинцов вытащил из сумки серую коробку с несколькими отделениями и подошел с ней к столу. Учитель внимательно рассматривал камни — о каждом он знал что-нибудь интересное. Рассказывая, держал камень на ладони, обходил с ним всех учеников.

Или говорил Одинцову:

— Покажи ребятам.

За камнями появились коллекции насекомых, за коллекциями — Сашины марки. Все приобретало особый интерес в руках учителя.

— Вот этот жук... — говорил Сергей Николаевич. И жук начинал оживать в его рассказе. Он гудел, жужжал, портил в садах деревья, спасался от преследования и наконец укладывался обратно в коробочку.

— Вот эта марка... — говорил учитель.

И марка начинала длинное путешествие из чужой страны через моря, через океаны, на судне, на самолете, в поезде и наконец возвращалась к Саше.

Васек показал пенал и рамку с карточкой матери. Учитель спросил, кто выжигал.

Васек сказал, что он сам. Учитель посмотрел на карточку и улыбнулся:

— Твоя мать?

— Да, — сказал Васек и, испугавшись, что учитель будет что-нибудь спрашивать, поспешно добавил: — Она умерла.

— Возьми, — сказал учитель, передавая ему рамку.

И, подняв вверх пенал, стал рассказывать, как по дереву можно выжечь различные рисунки и раскрасить их.

Несколько мальчиков не принесли ничего. Учитель удивился:

— А что же вы любите, что делаете дома?

Малютин вытащил из-под парты большой лист.

— Я немножко черчу, — сказал он. — Вот тут я нашу школу начертил, и улицу, и парк... — Рассказывая, он проводил мизинцем по тонким и жирным линиям на бумаге. — А вот это, — указал он на другой чертеж, — прямо так, я выдумал из головы такое, как бы мне хотелось... чтоб было... новая школа, фруктовый сад вокруг, пристань...

Ребята вытянули шеи и с любопытством смотрели на Севу.

— Постой, это очень интересно. Это план, так сказать. Молодец! — с видимым удовольствием сказал учитель. — А как же ты чертить научился?

— У меня мама чертежница, я ей помогаю иногда, — скромно сказал Сева.

— Интересно, — улыбнулся учитель. — Ну, давай покажем ребятам, как делается план улиц, строений. Покажи-ка нам школу!

Сева прошел по всем партам, объясняя:

— Вот улица... вот школа...

Когда он кончил, Сергей Николаевич сказал:

— А девочки нам ничего не показали!

Девочки низко наклонились к партам. Лида Зорина бросила торжествующий взгляд на мальчиков и шепнула что-то Вале Степановой.

Степанова встала:

— У нас одно фото... Потом одна девочка занимается лепкой, потом еще одна книжки переплетает... и еще...

Она обернулась к подругам.

— Игрушки... игрушки... — подсказал кто-то сзади.

— Да, игрушки на елку и еще... вышивки всякие, — закончила Валя Степанова.

— Так давайте, что же вы! Это все нужные и интересные занятия. Очень интересные!

Девочки, перешептываясь, достали свои сверточки и гуськом потянулись к столу.

Мальчики переглядывались:

— Ого! Когда это они делали? Вот хитрюги какие!

— Смотри, смотри! Степанова снимок показывает!

Сергей Николаевич держал в руках фотографический снимок:

— Очень интересная работа! Это ты, что же, увеличила?

За снимками появился удачно вылепленный из глины галчонок с раскрытым ртом и растопыренными крыльями, за галчонок — вылитые из гипса фигурки и аккуратно переплетенные книги.

Мальчики молча таращили глаза.

Сергей Николаевич рассматривал все с большим интересом. Лучшие работы показывал классу.

Вышивки, кружева и вязанье тоже понравились учителю.

— А вот это и я умею делать, — вдруг сказал он, поднимая вверх туго сплетенный из сутажа пояс. — У меня даже галстук такой есть!

Девочки ликовали. Мальчики улыбались, но на девочек не глядели.

Учитель рассмотрел еще несколько вышивок; на одной трудно было определить, кто вышит — не то заяц, не то кошка. Разговор перешел на мышей, ежей, кроликов.

Одинцов сострил:

— А Леня Белкин поймал белку.

— Жалко, что у нас нет Медведева: он поймал бы медведя, — сказал учитель.

— Есть, есть Медведев! — закричали ребята. Медведев, коротенький, щупленький мальчик, поднялся с места.

— Мне не поймать, — смущенно сказал он под громкий хохот ребят.

Глава 12

«ТИШЕ... ТИШЕ...»

Одинцов, Саша Булгаков и Васек вышли вместе.

— Вот что, ребята, — сказал Васек. — Давайте пересмотрим расписание дежурных, чтобы такого, как сегодня, больше не было. Слыхали, как он сказал: в первый и последний раз! Да еще о честности...

— Да! — подхватил Одинцов. — Я сегодня чуть не пропал, думал — сквозь землю провалюсь, когда он отошел к окну.

Саша вытащил записную книжку.

— Кого же мне назначить? Может, вместе составим расписание?

— Одинцов, ты помоги ему... Знаешь, чтоб подобрать хорошие пары, кого с кем, чтобы все как по маслу шло!

— Ладно, мы сделаем! А я вот что, ребята, придумал: давайте попросим Сергея Николаевича посадить нас вместе, — сказал Одинцов.

— Да как же втроем сядем? — засмеялся Васек.

— Ну, один впереди, два сзади, а все-таки вместе. Попросим, а?

— Ну что ж, попросим, — решили товарищи.

У своего дома Васек распрощался с друзьями.

— Папа уехал? — спросил он у порога.

— Уехал. Утром еще. А ты что же, забыл? — отозвалась тетка, накрывая на стол.

— Нет, не забыл.

Васек почувствовал острую необходимость видеть отца, рассказать ему о том, что было в классе, посоветоваться.

«Сейчас надо бы подтянуть ребят... — подумал Васек. — А как подтянуть?»

Он вспомнил, что ему говорил Митя: «Хочешь ребят подтянуть — подтянись сам, а то ребята знаешь какие? Сразу скажут: «Ты что с нас спрашиваешь? Ты раньше с себя самого спроси».

Васек вспомнил, что за все время каникул он не брал в руки учебника, и, наскоро пообедав, сел заниматься. Но мысли как-то разбегались, что-то не додумывалось до конца, беспокоило. «Со стенгазетой запаздываем. И что Одинцов думает! Ведь он редактор, почему я должен ему напоминать?»

Кроме стенгазеты, что-то еще царапало Васька. Когда учитель похвалил Малютина за чертежи, Васек вдруг почувствовал что-то против Севы и довольно грубо сказал ему, когда тот сел рядом с ним: «Не рассаживайся на всю парту со своими планами!»

— Васек! — позвала из кухни Таня. — Иди сюда! У меня билеты в кино. Пойдешь? У нас в клубе. Вместе и домой потом придем.

Васек не успел ответить — тетка просунула в дверь голову:

— Васек уроки должен учить, день будний, а в вашем клубе как-нибудь обойдутся без него!

— Как хочет, — бегло взглянув на мальчика, сказала Таня.

— Ему и хотеть нечего, за него взрослые думают...

— Почему это еще? — грубо прервал ее Васек. — Захочу — и пойду! Ты мне запретить не можешь — я не маленький.

— Тише, тише... — вдруг зашептала тетка, приложив к губам палец с наперстком и оглядываясь с таким видом, будто в комнате спал ребенок. — Тише, тише... тише.

— Чего — тише? — сбавляя тон, удивленно спросил Васек.

— Сядь на место сейчас же, — тем же значительным шепотом произнесла тетка.

Таня смотрела на нее испуганными глазами.

— Сядь на место тихонечко...

Васек пожал плечами, пошел в свою комнату и сел на место.

— Ну и чего? — нетерпеливо спросил он, поднимая глаза на вошедшую за ним тетку.

Тетка молча закрыла в кухню дверь и спокойно взяла свое шитье.

— Что — чего? — сказала она обычным голосом. — Чего задано. Сиди и занимайся.

Васек покраснел от злости.

«На пушку взяла... «Тише... тише...» Колдунья старая!» — с раздражением думал он, глядя на склоненную голову тетки с ровным, как ниточка, пробором.

Но делать было нечего. Он раскрыл учебник географии и стал заниматься. А поздно вечером, засыпая, слышал сквозь сон, как тетка отчитывала Таню:

— Ваше ученье в ваших руках. Вы себя самостоятельной чувствуете, хотя и не сказать, что много над образованием трудились, а Ваську еще учиться да учиться. Теперь сын отца перегоняет, в жизни последнее место никому не надобно, а вы молодая, беспечная — может, вся ваша жизнь для кино пойдет...

Васек не слышал, что отвечала Таня, и сам не мог двинуться на ее защиту; голос тетки, однозвучный и монотонный, как дождь по стеклу, заглушался непобедимым сном набегавшегося за день человека. «Иш-шь... ты... тетка...»

Глава 13

РАСПИСАНИЕ

Одинцов и Саша Булгаков, проводив Ваську, пошли вместе, советуясь, как лучше составить расписание дежурств.

— Хорошо бы девочек отдельно, а мальчиков отдельно, — сказал Саша, — а то они на дежурстве ссориться будут и сваливать друг на друга.

— Верно! — обрадовался Одинцов. — Мы их отдельно поставим. Пусть они за себя отвечают, а мы за себя. Тогда, по крайней мере, Сергей Николаевич сразу будет знать, кто честно дежурит, а кто нечестно.

— Да, и потом соревнование у нас получится.

— Зайдем сейчас ко мне и сразу напишем, а завтра вывесим, — предложил Одинцов.

— Зайдем!

Товарищи провозились часа два, а утром чисто переписанное Одинцовым расписание висело в классе под двумя заголовками:

ДЕЖУРСТВО МАЛЬЧИКОВ

и

ДЕЖУРСТВО ДЕВОЧЕК

Дальше следовали фамилии.

* * *

На другой день Васек встал рано. Тетка разговаривала с ним как ни в чем не бывало. «Обманула меня вчера, хитрюга!» — беззлобно думал Васек, вспоминая вчерашний случай.

В школе навстречу ему бросился Лепя Белкин:

— Трубачев, иди скорей! Там девчонки из-за расписания крик подняли.

— Какой крик? — Васек быстрыми шагами вошел в класс. Около нового расписания собралась целая куча ребят.

— Неправильно! Все равно неправильно! — кричали девочки. — Не имеете права разделять класс! И мы ничуть не хуже вас дежури́м!

— Не хуже, а лучше!

— А ты, Булгаков, звеньевой, да еще староста, Одинцов тоже звеньевой, а делаете неправильно! — кричала Лида Зорина, взъерошенная, как птица, защищающая своих птенцов.

— Вы лучше, так вот мы вас отдельно и поставили! — старался перекрычать ее Одинцов.

— Мы думали соревноваться с вами, — оправдывался Саша.

— Не спорьте, не спорьте! — вмешался Васек. — Не кричите! Сейчас все разберем... Зорина, подожди!... В чем дело, Булгаков?

— Понимаешь, мы их отдельно в расписании поставили, чтобы в случае чего они сами за себя отвечали, а мы сами...

— А они орут! — с возмущением перебил Сашу Одинцов. — Мы хотим, чтоб лучше было...

— Трубачев! — выскочила опять Лида. — Они хотят, чтобы мы дежурили отдельно, а я считаю — это не по-товарищески. Мы все должны быть вместе. И вообще, ребята к девочкам придираются... Ты разберись, Трубачев!

— Вы вечно на нас жалуетесь! — кричал Белкин.

— Из-за всякой мелочи тарарам поднимаете! — презрительно бросил Мазин.

— Тише! — Васек крепко сдвинул брови, подошел к стене, сорвал расписание и сунул его Одинцову: — Перепиши заново. Зря это.

Класс притих. Одинцов и Саша глядели на Трубачева виноватыми глазами.

Васек сердито повернулся к ним:

— Мы ведь как хотели сделать? Составить крепкие пары дежурных. А вы что? Одним словом, надо переписать заново... И нечего крик поднимать!

— Девчонки все языкатые! — крикнул кто-то из ребят.

— Мы не языкатые, а если неправильно, молчать не будем, мы тоже... — начала Степанова.

— Перестань! — прервал ее Васек. — Сейчас звонок будет... Ребята, по местам!

Ребята разошлись по партам, кое-кто продолжал еще ворчать.

Васек Трубачев поднялся из-за парты и, обернувшись лицом к классу, постоял так несколько секунд. Потом молча сел.

— Образцовая тишина. Я думал, у меня ни одного ученика нет, — пошутил Сергей Николаевич, входя в класс.

Васек пригладил свой рыжий чуб и удовлетворенно улыбнулся.

Глава 14

УРОК ГЕОГРАФИИ

Первый урок был география. Сергей Николаевич принос в класс большую немую карту.

— Сейчас мы с вами немножко попутешествуем, — сказал он, отходя в сторону и потирая руки.

Из окна на лицо Сергея Николаевича падал свет, и ребята в первый раз заметили, что у него светло-серые глаза и очень белые зубы.

— Ну так... Трубачев! Зорина! Мазин! — медленно вызывал учитель.

Ребята с интересом смотрели, как один за другим подходили к доске вызванные.

Васек старался казаться спокойным, черные брови Лиды Зориной испуганно лезли вверх, и даже на толстых щеках Мазина выступил румянец.

Все трое остановились у карты.

Учитель окинул их взглядом и обратился к классу:

— Три рыбака... скажем, бригадиры рыболовецких бригад... водным путем везут в Москву рыбу.

Ребята слушали внимательно, боясь пропустить хоть одно слово.

Ты, Трубачев, везешь рыбу... — учитель прищурился и поглядел на карту, — с Балтийского моря. Зорина везет рыбу с Каспийского моря, а Мазин — с Белого моря. Все три бригады должны встретиться в Москве, понятно?

— Понятно, — ответил за всех Васек.

Лида Зорина уже бегала глазами по карте. Мазин тоже уставился на кар — ту, пытаюсь определить направление рек.

— Посмотрите внимательно, выберите себе путь и отправляйтесь, — сказал Сергей Николаевич. — Ну, кто первый начнет?

Ребята поглядели друг на друга.

— Я, — сказал Васек и взял указку. «Будь что будет!» — подумал он.

— Трубачев? Ну, пожалуйста!

— С Балтийского моря я вошел в Финский залив... — начал Васек.

Учитель кивнул головой.

— ...прошел по Неве... — Васек показал на карте.

— Хорошо, — сказал Сергей Николаевич.

...в Ладожское озеро... — Васек откашлялся, чтобы выиграть время, — затем вот по этой реке...

— Свири, — подсказал Сергей Николаевич. Васек заторопился:

— ...в Онежское озеро...

Через секунду он уже плыл по Шексне, достиг Рыбинского моря, благополучно прибыл в Москву и с облегчением вздохнул.

— Очень хорошо, Трубачев! Теперь жди своих товарищей.

Лида Зорина взяла указку.

— Вот, кажется, на встречу с тобой направляется женская бригада Зориной... Откуда идешь, Зорина?

— С Каспийского моря, — ответила Лида Зорина, осторожно вывела свой пароход на Волгу, прошла мимо Астрахани, мимо Сталинграда, вышла на реку Оку, бойко перечислила по

пути несколько городов, благополучно прибыла в Москву и, тряхнув косичками, передала указку Мазину.

— Я вот здесь поеду, — сказал Мазин, направляясь к Северной Двине.

Учитель улыбнулся:

— Как хочешь, но у тебя есть более короткий путь.

— Я по Северной Двине, — безнадежно сказал Мазин, упираясь в неизвестные ему притоки. Направо узенькая ниточка неожиданно оборвалась. Налево путь был неизвестен. Мазин подумал и вернулся обратно. — Застрял, — сознался он, отвечая на вопросительный взгляд учителя.

— Трубачев, подскажи ему, — сказал учитель. Трубачев взял у Мазина указку.

— Можно через Сухону к Рыбинску, — сказал он.

Когда Мазин с помощью Трубачева добрался до Москвы, Сергей Николаевич посадил всех трех учеников на место и сказал:

— Трубачев справился с трудным путем. Зорина тоже не сплеховала. А вот Мазин пока что плохой путешественник. Москва, пожалуй, не скоро получит от него рыбу.

Ребята засмеялись. Но Сергей Николаевич стал серьезным:

— Тебе, Мазин, нужно немножко подучиться.

Мазин почесал затылок:

— Я много пропустил...

— Трубачев, помоги товарищу, — сказал Сергей Николаевич.

— Есть! — радостно отозвался Трубачев и оглянулся на Мазина.

По одному взгляду его Мазин понял, что занятия будут серьезные.

«Пожалуй, я с ним не только в Москву, а в Атлантический океан заеду», — со вздохом подумал он. И не ошибся. Сразу же на перемене Васек с решительным видом подошел к нему:

— Выбирай: я к тебе или ты ко мне?

— Я к тебе, — уныло ответил Мазин.

— Ну, — сказал Русаков товарищу, — не хотел бы я быть на твоём месте. С Трубачевым

дело иметь — чахотку наживешь. По всем горам будешь лазить, во всех реках искупаешься, — печально сострил он.

— Зато в классе не утону, — усмехнулся Мазин.

После обеда он направился к Трубачеву.

Васек уже ждал его, с нетерпением поглядывая на дверь.

— Ну и обедаешь ты! Целую корову можно съесть за это время! — встретил он товарища.

Мазин увидел карту, разложенную на полу, и почесал затылок:

— Эх, жизнь!

Васек вытащил учебник географии:

— Говори честно, что знаешь и чего не знаешь. Мазин скосил глаза на учебник:

— Ничего не знаю.

— Совсем ничего?

— Совсем ничего.

— Ладно, — сказал Васек, — начнем с первой страницы.

— Я способный, — утешил его Мазин. — Давай показывай.

Мальчики погрузились в занятия. Тетка два раза заглядывала в комнату, на цыпочках проходила мимо двух склоненных над картой голов и, когда Мазин ушел, сказала Ваську:

— Это что ж ты на этого толстого здоровье свое тратишь? Два часа на коленках лазил, небось и чулки протер. Кто это велел тебе?

— Учитель велел. Да он способный, ничего, — ответил Васек, собирая на завтра книги.

«Доброе утро!» — сказал по радио чей-то громкий голос.

Васек вспомнил, что как-то в разговоре с ребятами Сергей Николаевич посоветовал всем делать зарядку. Он почувствовал прилив бодрости, вскочил с постели и, стоя в одних трусиках посреди комнаты, начал делать упражнения.

— Ты что это акробатничаешь с утра? — недовольно спросила тетка, обходя его стороной с чайной посудой в руках.

— Зарядку делаю!

Васек показал ей на радио. Тетка прислушалась.

«Вдох... выдох... приседание...»

— Не очень-то приседай, а то в школу опоздаешь, — добродушно сказала тетка, не смея спорить с тем, чей голос в этот утренний час распоряжался всеми ребятами.

«Значит, так надо, — решила она про себя. — Зря бы не стал человек по радио надрываться». И, выждав, пока Васек кончил, тетка спросила:

— А что же ты раньше этой самой зарядки не делал?

Васек, обтирая мохнатым полотенцем крепкое, как орех, разогретое движениями тело, просто ответил:

— Глупый был.

— А... поумнел, значит? — пошутила тетка.

Племянник ей нравился. Он аккуратно ходил в школу, учился, учил других, хорошо ел, крепко спал и редко спорил с нею. Каждый день спрашивал, нет ли писем от отца, скучал без него, но не жаловался, не ныл, а переносил разлуку стойко.

От Павла Васильевича уже было одно письмо. Тетка с особым удовольствием передала его Ваську и, увидев его загоревшиеся глаза, с удовлетворением подумала: «Хороший сын. Такой сын и на старости отца не обидит».

В письме Павел Васильевич описывал дорогу, места, которые он проезжал, мирную трудовую жизнь тамошних людей.

«Богато тут живут люди, и всего здесь много, только нет моего вихрастого Рыжика», — неожиданно заканчивал отец. Васек читал, перечитывал, смеялся, а вечером забрался на отцовскую постель и заснул, положив письмо под подушку. Утром, лежа в кровати, он пересчитал по пальцам, сколько дней осталось еще до приезда отца: десять плюс шесть — шестнадцать.

— Шестнадцать так шестнадцать, — сказал он вслух, тяжело вздыхая.

Хотелось, обхватив руками шею отца, рассказать ему все новости, порадовать хорошей отметкой по географии и похвалой учителя.

«Ничего! Я еще за это время постараюсь, — успокоил себя Васек. — Надо Мазина подтянуть хорошенько».

После зарядки и умывания Васек позавтракал и отправился в школу.

— Ну, как Мазин? Соображает что-нибудь? — спросили его ребята.

— Способный, как черт! — с гордостью ответил Васек.

— Да что ты? — удивился Саша и с сожалением покачал головой. — Значит, просто учиться не хотел.

— Жирняк эдакий! — засмеялся Одинцов. — Ты с него жирок спусти маленько — лучше голова будет работать.

— Лучше не надо — он и так все вперед как-то соображает.

— Как это — вперед? — заинтересовались Саша и Одинцов.

— А так... Смотрит по карте — реки там или горы, сейчас же надует щеки, уставится куда-нибудь в одну точку и скажет: «Здесь можно туннель пробить, тогда вот сюда выход будет». Или насчет реки интересуется: «Тут если плотиной загородить, так океанский пароход пройдет!»

Васек откинул голову и засмеялся. Товарищи тоже засмеялись.

— А ведь здорово! И правда вперед соображает, — удивился Леня Белкин.

— Ну, лишь бы не назад! — сострил Одинцов и, заметив входившего Мазина, толкнул Трубачева: — Не смейся, а то подумает — над ним.

Васек встал и пошел навстречу Мазину.

— Ты повторил на ночь все, что мы прошли? — строго спросил он.

— Повторил.

— Ну, знаешь теперь?

— Назубок.

— Молодец! Сегодня опять приходи.

— Сегодня стенгазету нужно делать, Митя спрашивал. Я свою статью на — писал, а ребята ничего не дают, — сказал подошедший Одинцов. — Одна Синицына какие-то дурацкие стихи написала. Ты объяви в классе сегодня. И так до последнего дня дотянули, — озабоченно добавил он.

— А ты сам-то что молчал? Ты редактор!... Булгаков! — крикнул Васек.

— Чего? — отозвался со своей парты Саша.

— «Чего»! Ничего! Митя сердится. В стенгазету никто не пишет, — сказал Трубачев.

— А я виноват? — вспыхнул Саша. — У нас редактор есть — Одинцов.

— «Редактор, редактор»! Что мне, за всех писать самому, что ли? — буркнул Одинцов.

— Ну ладно, — сказал Трубачев, — сегодня соберем редколлегия.

— Ребята! — закричал Одинцов. — После уроков — редколлегия. Сейчас же давайте заметки в стенгазету!

— А о чем писать? Что писать? — раздались голоса.

— Пишите о чем хотите!

— Мое дело сторона! Я стихи дала, — вскочила Синицына.

— Я тоже одну заметку написала, — сказала Зорина, оглянувшись на подруг.

— А я не умею ничего — я не писатель, — заявил Петя Русаков.

— Мазин! — крикнул Васек.

— Чего?

— Пиши заметку!

— Хватит с меня географии.

Ребята захохотали:

— Он теперь с Трубачевым рыбу возит!

— В Белом море купается!

— У него на Северной Двине крушение произошло!

— Эй, Мазин!

— Ребята, без шуток! — сказал Васек. — Кто еще заметку даст?

— А чего Трубачев командует? Пускай сам тоже напишет! — крикнул кто-то из девочек.

— И напишу! — покраснел Трубачев. — Сегодня же. Кто еще?

В классе стало тихо.

— Я дам рисунок, — сказал Малютин.

— Кто еще? — повторил Васек.

Над партами поднялось несколько рук. Одинцов сосчитал.

— Хватит, — облегченно сказал он и сел на свое место.

* * *

На большой перемене Васек вместе с ребятами вышел на школьный двор. Ребята сейчас же затеяли перестрелку снежками, но Васек потихоньку удалился в самый угол двора и, засунув руки в карманы пальто, стал ходить по дорожке вдоль забора. Его беспокоила заметка, которую он обещал сегодня же дать в стенгазету. Он завидовал Одинцову, который легко справлялся с такими вещами.

«Он, может, вообще будущий писатель, а я, наверно, архитектор какой-нибудь — о чем мне писать? — Васек сердился на всех и на себя. — Если б я еще дома сел и подумал, а так сразу — какая это заметка будет!»

Он слышал веселые голоса и хохот ребят, видел, как ожесточенно нападали они друг на друга, как шлепались о забор и разлетались белые комочки снега.

«Бой с пятым классом. Наши дерутся. А я здесь...»

— Трубачев, Трубачев, сюда! — неся издали призыв Саши.

Закрываясь руками, он боком шел на врага, сзади него стеной двигались ребята из четвертого «Б», и даже девочки поддерживали наступление, обстреливая неприятеля со стороны.

— Трубачев!...

Васек рванулся на призыв, но вдруг остановился, круто повернулся спиной к играющим, присел на сложенные у забора бревна и вытащил из кармана бумагу и карандаш.

Несколько любопытных малышей вприпрыжку подбежали к нему.

— Куда? Кыш отсюда! — грозно крикнул на них Васек и, устроившись поудобнее, решительно написал:

«В ПОСЛЕДНЮЮ МИНУТУ»

Ребята! Ничего нельзя делать в последнюю минуту, потому что торопишься и ничего толком не думаешь. Эту заметку я мог бы написать дома, а сейчас пишу на большой перемене. Последняя минута — самая короткая из всех минут, а сейчас я вспомнил, что мог бы о многом написать — о дисциплине, например. Но в школе уже звонок, а заметку я обещал дать во что бы то ни стало, и получилось у меня плохо. Давайте, ребята, ничего не будем оставлять на последнюю минуту!

В. Трубачев».

Васек решительно свернул листок и зашагал по тропинке.

— Одинцов, прими заметку, — не глядя на товарища, сказал он.

— Уже? — удивился Одинцов, вытирая шарфом мокрое, разгоряченное лицо. — Я так и знал, что ты пишешь! А мы тут пятых в угол загнали. Как окружили их со всех сторон — и давай, и давай! Сашка орет: «Трубачев! Трубачев!» Слышал?

— Слышал... я на бревнах сидел, — с сожалением сказал Васек. — Сам себя наказал... да еще написал плохо...

— Плохо? Посмотрим, — важно сказал Одинцов, пряча заметку. Он почувствовал себя ответственным редактором. — Плохо, так исправишь.

— Отстань, пожалуйста! Я и эту-то наспех писал, когда мне исправлять ее? Не на уроке же! — рассердился на товарища Васек. — Плохо — не бери. Вот и все!

— С Митей решим, что брать, а что нет. Материала хватит, — независимо ответил Одинцов и, увидев Лиду Зорину, подошел к ней.

Васек уселся на свою парту и заглянул через плечо в тетрадку Малютина. Тот, глядя на картинку в книге, писал крупными буквами незнакомые слова.

— По-каковски это? — спросил Васек.

— Немецкий у меня сегодня после школы. Я в группу хожу, — пояснил Сева.

— А зачем это тебе? Ведь у нас английский учат.

— Немецкий тоже надо знать, — просто ответил Сева.

— Всех языков не изучить!

Сева хотел что-то возразить, но Васек был зол и повернулся товарищу спиной.

«И зачем это я такую дурацкую заметку дал? Может, лучше назад взять, а то все надо мной смеяться будут. Пойти к Одинцову?»

Но к Одинцову он не пошел, сомневаясь, что лучше: не выполнить обещание или осрамиться с плохой заметкой.

* * *

В пионерской комнате шла оживленная работа. Ребята складывали по порядку номера журналов и подшивали «Пионерскую правду», чтобы передать в школьную библиотеку.

Васек покрывал лаком рамку для стенгазеты.

«Вот это по мне», — думал он, с удовольствием макая кисть в густой лак.

Митя сидел за столом, просматривая заметки для стенгазеты.

— Это все у тебя? — спросил он Одинцова, приглаживая пальцами светлые волосы. — Маловато, плохо шевелитесь!

— Многие только сегодня дали, — виновато сказал Одинцов. — Вот Лида Зорина дала заметку, и Трубачев, и еще несколько ребят... — Он подвинул к Мите новую пачку бумаг.

— А, еще есть! — обрадовался Митя. — Давай, давай!

Нюра Синицына вбежала в комнату и, оттолкнув Одинцова, положила на стол вырванный из тетрадки лист.

— Вот, Митя! Я стихи написала, а Одинцов не берет. Он думает, что если он редактор, так может распоряжаться. А стихи очень хорошие, мои родители даже в «Пионерскую правду» послать хотели!... — затрещала, размахивая руками, Синицына.

— Стоп, стоп! — остановил ее Митя. — Экая ты мельница!

— Вот она всегда так! — возмущенно сказал Одинцов. — Кричит только, а у самой

голова ничего не работает. Вот прочти, что она тут написала.

— «Что написала, что написала»!... — передразнила его девочка.

— Сядь и помолчи! — потянул ее за рукав Митя. — Сейчас разберемся. Я уже говорил тебе, Одинцов, что такие спорные вещи надо решать сообща.

Васек оставил работу и подошел к столу.

— Мы всей редколлегией проверяли. Тут она Лермонтова и Пушкина списала, да еще сама между ними втерлась! — сердито сказал он.

— Неплохо попасть в такое соседство! — засмеялся Митя. — Сейчас посмотрим, что у нее получилось. Он громко прочел:

*Уж небо осенью дышало,
А я учебу начинала.
Взяла тетрадки и пошла,
Так я учебу начала.*

— Тьфу! — не выдержал Одинцов.

— Вот он всегда на меня нападает! — пожаловалась Сеницына.

— Да потому нападаю, что глупо! Противно...

— Потихе, потихе, — сказал Митя. — Плохо ведешь себя, Одинцов! Так не годится: лишний спор заводишь и мне не даешь прочитать до конца.

Одинцов замолчал.

Митя начал читать сначала:

*Уж небо осенью дышало,
А я учебу начинала.
Взяла тетрадки и пошла,
Так я учебу начала.
Белеет школа одиноко
В тумане неба голубом,
Идти мне в школу недалеко -
На крайней улице мой дом.
Мои родители давали
Мне на прощание совет:
«Учись ты, Нюра, хорошенько -
В награду купим мы конфет».*

М-да... — задумчиво протянул Митя и посмотрел на Сеницыну. — Плохо. Очень плохо!

— А почему плохо? Рифма есть, все есть, — забормотала Сеницына, поглядев на всех.

Митя еще раз пробежал глазами стихотворение и тяжело вздохнул:

— Почему плохо? Прежде всего по мысли плохо. Ты вот пишешь о себе:

*А я учебу начинала.
Взяла тетрадки и пошла...*

А родители тебе за эту учебу обещали конфет.
Ребята фыркнули.

— А еще Пушкин и Лермонтов тут у нее!
— Вот уж ничего подобного! — сказала Сеницына.
— Ну как же ничего подобного? — улыбнулся Митя. — Вот смотри:

*Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало...*

Чье это?
Сеницына раскрыла рот, чтобы что-то сказать.
— Постой. Дальше посмотрим:

*Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом...*

Это чье?
— Во-первых, у меня не парус, а школа белеет...
Одинцов громко фыркнул. Митя рассердился:
— Одинцов, ступай займись подшивкой газет! стыдно! Большой парень — и не умеешь себя в руках держать. Ступай!
Одинцов нехотя отошел от стола.
— А ты, Нюра, сядь. Мы с тобой сейчас разберемся хорошенько.
Сеницына надулась и с упрямым лицом присела на кончик стула.
— Что она там — все спорит? — спросил Одинцова Булгаков.
За столом Митя что-то говорил, не повышая голоса, но часто поднимая вверх брови и разводя руками.

Нюра сидела красная, надув губы. Ответы ее становились тише, спокойнее, потом она встала, взяла со стола листок и молча прошла мимо ребят.

— Поняла наконец, — улыбнулся Васек.
— Сейчас мне нахлобучка будет, — сказал Одинцов.
— Ребята! — Митя постучал по столу. — Если мы будем высмеивать человека, тогда как мы обязаны по-товарищески объяснить ему его ошибки... — Он строго посмотрел на присмиривших ребят.

— А чего ж она... — вспыхнул Одинцов.

Васек вспомнил свою заметку: «И правда, если над каждым смеяться, никто и писать не будет».

Когда Митя кончил, он подошел к нему и сам сказал:

— У меня тоже как-то нескладно получилось с заметкой.

— Сейчас будем читать, — сказал Митя. — У меня остались три заметки: Одинцова, Зориной и твоя.

Одинцов услышал свою фамилию и насторожился. У него был важный и ответственный раздел — «Жизнь нашего класса». Выбранный единогласно, он очень строго относился к своей работе и не пропускал ни одного случая или события, взволновавшего класс. Теперь он тоже дал заметку под заголовком: «В классе было грязно».

Митя внимательно просмотрел ее, улыбнулся и написал: «Принять». К статье Зориной он отнесся очень серьезно. Зорина писала о дружбе мальчиков и девочек и заканчивала так:

«Многие мальчики говорят: «Мы, ребята, между собой всегда поладим — кому надо, и тумака дадим. А девочку за косу дернешь — и то она обижается; значит, с девочками и

дисциплину подтянуть нельзя». А я считаю, что это неправильно, и тумака давать совсем необязательно, только с девочками надо разговаривать по-дружески, а не высмеивать их. Девочкам тоже не надо пересмеиваться и поддразнивать ребят, а у нас есть такие ехидные — это тоже неправильно. Мы росли вместе, учились вместе с первого класса, давайте будем дружить. Я стою за дружбу девочек с мальчиками. Не надо никого обижать и пересмеивать.

З в е н ь е в а я З о р и н а».

Читая, Митя все время одобрительно кивал головой и в уголке тоже написал: «Принять».

Пока Митя читал заметки Одинцова и Зориной, Васек делал вид, что совершенно поглощен своей работой. Но Митя и на его заметке написал своим размашистым почерком: «Принять».

Потом подозвал Сашу:

— Кто переписчик?

— Я, — сказал Саша.

— Вот еще три статьи. Кто нарисует заголовок?

— Малютин.

В пионерскую комнату вошел Сергей Николаевич:

— Работаете?

Митя засмеялся:

— Фабрика-кухня. Стенгазету делаем, журналы подшиваем.

Ребята при Сергее Николаевиче сразу подтянулись; каждому хотелось, чтобы учитель заметил его работу. Васек тоже хотел обратить на себя внимание учителя.

— Рамка готова! — громко сказал он, деловито собирая кисти. — Булга — ков, какую заметку пишешь?

— Четвертую, — ответил Саша тоже громко, чтобы слышал учитель.

Остальные ребята один за другим подходили к столу с кипой журналов и газет.

— Подшито!

— Готово!

Сергей Николаевич пробежал глазами Лидину заметку.

— Нужный вопрос... Лида Зорина... А... черненькая такая, с косичками! — сказал он, припоминая, и взял вторую заметку.

— Мою читает, — шепнул ребятам Одинцов, прислушиваясь, что скажет учитель.

Сергей Николаевич прочитал про себя, потом улыбнулся и прочитал Мите вслух:

— «Сергей Николаевич увидел, что на полу валяются бумажки и вообще сор. Он не начал урока, заложил руки за спину, отошел к окну и не повернулся к нам, пока мы все не убрали. А потом сказал: «Чтобы это было в последний раз». Теперь ребята стараются вовсю. Редакция надеется, что такой случай больше не повторится».

Последние слова Одинцов списал со взрослой газеты. Учитель засмеялся и громко сказал:

— Совершенно точно и честно! А относительно надежд редакции — просто солидно получается!

Он крепко пожал руку Мите, кивнул головой ребятам и вышел.

— Что он сказал? Что он сказал? — заволновались ребята.

— Ты слышал? — спросил Одинцова Саша.

Одинцов сиял.

— Сергей Николаевич сказал «Точно и честно. И просто солидно», — взволнованным голосом сообщил он окружившим его ребятам.

— Честно и точно! Это значит — не наврано ничего!

— Ну еще бы, Одинцов вообще никогда не врет!

— Молодец! — радовались ребята.

— Молодчага! — сказал Васек, хлопнув Одинцова по плечу. Он был рад за товарища.

Саша тоже был рад, но он не понял, что значит «солидно».

— Одинцов! Как это понять — «солидно»? — спросил он. — Ты знаешь?

— Нет, — сознался Одинцов. — А как по-твоему? — Он улыбнулся. — Это, наверно, самая главная похвала. Давай спросим у Мити!

Но Митя стоял уже в дверях и, крикнув ребятам: «Не задерживайтесь долго!» — исчез.

— У него комсомольское собрание сегодня, — сказал Трубачев. — Сами разберемся.

— А ты тоже не знаешь? — допытывался Саша.

— Да я знаю, только объяснить не могу. Это о старых людях говорят: солидный! — догадался Васек.

— А какой же я старый? — растерянно спросил Одинцов, обводя всех удивленным взглядом.

Ребята прыснули со смеху.

Из соседней комнаты — читальни — прибежали девочки.

— Тише! Читать мешаете!

— Ребята, я «Пионерскую правду» в библиотеку относила, а вы так кричите, что даже там слышно, — сказала, входя, Лида Зорина. — Что у вас тут такое?

Ребята, смеясь, рассказали ей.

— Солидный — это толстый. Сейчас только в библиотеке про один журнал сказали, что он солидный, — объяснила Лида.

— Но какой же я толстый? — обтягивая свою курточку, расшалившись, крикнул Одинцов. — Я спортсмен, человек без веса!

Он действительно был тоненький и на редкость легкий.

Ребята опять закатились смехом:

— Одинцов, Одинцов! Это он тебя с Мазиным спутал! Это Мазин у нас солидный.

— Попадет вам сегодня! Лучше уходите скорей, — кричала Лида, — сейчас из читальни прибегут! И Сергей Николаевич еще не ушел. Он с Грозным в раздевалке разговаривает и, наверно, все слышит.

— Тише! — крикнул Васек. — Булгаков! Одинцов! Пойдем к Сергею Николаевичу! — Он обнял товарищей за плечи и пошептал им что-то.

— Не посадит он нас вместе — лучше не просить! — с сомнением сказал Саша.

— А может, и посадит. Попросим!

Все трое побежали в раздевалку. Сергей Николаевич, надевая калоши, разговаривал с Грозным.

— Еще эта школа семилеткой была, как я сюда пришел, еще Красным знаменем нас не награждали... — рассказывал старик.

— Сергей Николаевич! — запыхавшись, крикнул Одинцов. — У нас к вам просьба.

— Мы просим... — начал Саша.

— Разрешите нам сесть вместе! — возбужденно блестя глазами, сказал Васек. — Мы друзья.

Сергей Николаевич нахмурился:

— Я разговариваю с Иваном Васильевичем, а вы скатываетесь откуда-то сверху, перебиваете разговор взрослых... Что это такое?

— Простите, — покраснел Одинцов, — мы нечаянно... Мы боялись, что вы уйдете...

— А что вам нужно?

— Мы вот товарищи, мы хотели сесть в классе рядом, — запинаясь, пояснил Васек.

— Зачем? — строго спросил Сергей Николаевич. Мальчики оробели.

— Чтобы дружить втроем, — сказал Васек.

— Дружить втроем? — переспросил учитель. — Разве ваш класс делится на такие дружные тройки? А остальные в счет не идут?

— Да нет, мы просто друзья... ну, закадычные, что ли, — пояснил Одинцов.

— Допустим, что вы закадычные друзья. Это очень хорошо, но усаживаться со своей закадычной дружбой на одну парту — это совершенно лишнее. Я не разрешаю! — твердо сказал Сергей Николаевич — До свиданья!... До свиданья, Иван Васильевич!

— Счастливо! Счастливо! — заторопился Грозный, закрывая за ним дверь. — Что, не вышло ваше дело? — усмехнулся он, глядя на оторопевших ребят.

— Не вышло, — вздохнул Одинцов.

— Отменный учитель, просто-таки знаток вашего брата! — одобрительно сказал Грозный.

Нюра схватила свое пальтишко и выбежала из раздевалки. Она никак не могла успокоиться после сцены в пионерской комнате.

Осрамили. На смех подняли, а сами и вовсе ни одной строчки сочинить не умеют... И потом мама так хвалила ее за эти стихи. Разве мама меньше ихнего понимает? И папа хвалил. Правда, папа никогда ничего не дослушает до конца. Он просто погладил ее по голове и сказал: «Пиши, пиши, дочка!»

Нюра снова вспомнила смех ребят и обидные остроты Одинцова.

Сами побыли бы на моем месте. Вот и пиши... Митя сказал: «Разве учатся за конфеты?» Может, не надо было писать про конфеты? И еще Митя сказал: «Пустые стихи. Разве у тебя нет других мыслей: о школе, о товарищах?...»

Нюра глубоко вздохнула и заспешила домой.

Папы дома не было. Папа всегда приходил поздно, и Нюра с мамой обедали одни. Когда девочка приходила из школы, стол уже был накрыт и около каждого прибора лежала нарядная салфеточка. Но сегодня мама запоздала и, крикнув Нюре: «Раздевайся!» — засуетилась у буфета. Нюра повесила пальто и, бросив на стул сумку, исподлобья взглянула на мать. Мария Ивановна расставляла тарелки, неестественно оттопыривая пальцы, с густо окрашенными в красный цвет острыми ноготками.

— А я, доченька, в парикмахерской была. Такая очередь! Все дамы, дамы... И все хотят быть красивыми! — Она поправила рыжую челку на лбу и с улыбкой взглянула на дочь: — Ну, как тебе нравится твоя мама?

Нюра бросилась на стул и, закрыв лицо руками, расплакалась.

— Ах, боже мой! Что с тобой? Что случилось?

Мария Ивановна испуганно заглядывала в лицо дочери, трясла ее за плечи:

— Да говори же! Я ведь ничего не понимаю! Что случилось?

Нюра сбивчиво рассказала про стихи, про насмешки ребят.

— А ты сама хвалила! Нарочно хвалила... И теперь все меня глупой считают... — всхлипывая, повторяла она.

Мария Ивановна гневно закричала на дочь:

— Перестань! Сию же минуту перестань!... Они тебе завидуют! Понимаешь ли ты? Завидуют!

Слезы Нюры высохли. Она с изумлением глядела на мать.

Мария Ивановна презрительно сжала губы, сузила зеленоватые глаза и еще раз повторила:

— Завидуют!

У Севы болело горло. Он уже три недели не ходил в школу. К нему забегала Лида Зорина. Она присаживалась на кончик стула, раскрывала свою сумку и, пока Малютин списывал с ее дневника заданные уроки, поспешно рассказывала ему все новости: Митя болен, без него скучно, ребята ходили его навещать. Трубачев все еще занимается с Мазиным. Мазин даже немножко похудел от этого. Стенгазету они делают без Мити.

Поболтав, Лида уходила. Сева с завистью смотрел, как мимо его окна пробегают школьники. Он чувствовал себя оторванным от товарищей, от школы. Во время болезни он много читал, пробовал рисовать, но после картины, отданной на выставку, никак не мог придумать чего-нибудь нового и говорил матери:

— Я всегда так... нарисую, отдам... и скучно, скучно мне делается...

— Вот и папа твой, бывало, кончит картину и заскучает. Как будто всего себя вложил в нее и ходит опустошенный. А я, наоборот, сдам свои чертежи — и рада-радешенька! — смеялась мама.

— Потому что ты с готового чертишь, а мы с папой свое придумываем, — серьезно сказал Сева.

— Конечно. Но разве не приятно тебе, что твоя картина всем понравилась? Ведь это, по-моему, самое главное. Разве интересно человеку делать что-нибудь только для себя?

— Ну конечно, я рад, а то все ребята меня таким каким-то считают... — Сева запнулся и с упреком посмотрел на мать, но сдержался и только добавил: — Я многого не умею делать...

Мать поняла его:

— Сева, я знаю, о чем ты говоришь. Но без этого футбола и всякой чехарды можно обойтись. Они здоровые, крепкие мальчики, а у тебя порок сердца.

— Ну, вот я никуда и не гожусь, мамочка, — грустно усмехнулся Сева.

Мать заволновалась.

— Это совсем не нужно внушать себе. Это пройдет, с годами ты окрепнешь, на рисковать сейчас — просто глупо.

— Ну ладно, ладно, мама! Я ведь так сказал... Просто я боюсь, что мне никогда ничего такого не сделать. Вот как наши герои.

— Конечно, не всякий может быть героем. Сева, но я думаю все-таки, что в каждом честном человеке непременно есть это геройство... непременно есть... Ой, Сева, — вдруг вспомнила мать, — у нас плитка зря горит, мы же хотели чай пить. И вечно мы с тобой заговоримся!

Она бежала с чайником в кухню и на цыпочках возвращалась обратно:

— Тише, Севочка, весь дом уже спит, только мы с тобой никак не уговоримся. И каждый день так. Завтра же сделаю строгое расписание.

Но строгое расписание не помогало. Мать приходила с работы поздно, за день у обоих накапливались разные новости — времени для разговоров не хватало.

— Сева, пей чай и ложись спать... Положи, положи книжку. Я не буду тебя слушать.

— Подожди, мама. Я только один вопрос... Почему это говорят, что трус умирает много раз, а храбрый один раз? Как ты это понимаешь, мама?

— Как я это понимаю?... — подняв глаза вверх и сморщив лоб, начинала мать и вдруг,

спохватившись, сердито обрывала себя: — Никак не понимаю! Опять ты меня в длинный разговор втягиваешь, Сева...

Когда Сева был болен, мама вставала ночью, осторожно щупала ему лоб, утром торопилась приготовить еду и, уходя, уговаривала сына, чтобы он не переутомлял себя чтением и не выдумывал себе никаких занятий.

— А мне сегодня лучше, мама! Куда лучше! — каждый день заявлял ей Сева. — Ты не беспокойся!

Сегодня в первый раз Севе было позволено выйти. Он решил зайти к Саше Булгакову и узнать у него, что задано на завтра, так как Лида уже два дня не приходила.

Закутавшись теплым шарфом, Сева вышел на улицу. Непрочный мартовский снег сбивался под ногами в грязные комья. Саша Булгаков жил недалеко. Сева хорошо знал его улицу и дом, так как в прошлом году, когда Саша был болен, Сева приносил ему уроки. Но теперь, по рассеянности, мальчик долго путался, заглядывая в чужие дворы и припоминая номер дома. Наконец в одном дворе он узнал одноэтажный флигель, где жил Саша.

«Сейчас погреюсь, возьму уроки, узнаю все новости!»

Во дворе маленькая девочка в теплом платке с длинными пушистыми концами усаживала на санки крепкого, толстого мальчугана в больших валенках.

— Положи ноги на санки, а то они будут по снегу ехать. Ну, положи свои ноги! — хлопотала она.

Малыш, опираясь на санки, шевелил тяжелыми валенками.

— Да не поднимаются они, — уверял он девочку. Какой-то высокий мальчик в шапке, без пальто подскочил к мальчугану, вытащил его из санок, сел на них верхом и крикнул:

— Н-но! Поехали!

Девочка схватила за руку малыша и замахнулась на мальчика.

Когда Сева вошел в длинный коридор, со двора послышался громкий плач, и тотчас в углу открылась дверь, из нее выскочил Саша. Не заметив товарища, он пробежал по коридору и бросился к девочке.

Сева выглянул во двор. Чужой мальчик дергал девочку за пушистые концы платка и, сидя верхом на санках, кричал:

— Н-но! Поехали, поехали!

Малыш сбоку старался столкнуть обидчика с санок.

— Эй, ты! Брось! — сердито закричал Саша.

Мальчик вскочил, отбежал в сторону и, кривляясь, завизжал:

— Ох, ох! Деточек обидели. Караул! Нянечка пришла!

— Дурак! — вытирая носовым платком мокрые щеки сестренки, крикнул ему Саша. — Связался с малышами! Попробуй только тронуть их еще раз!

— Еще раз, еще два!... А что ты мне сделаешь?

— Тогда посмотришь! — показал ему кулак Саша.

Он был очень рассержен и тяжело дышал. Сева уже хотел поспешить ему на помощь, но дверь в коридоре снова открылась, из нее вышла женщина, поставила на порог ведро с мыльной водой и, крикнув: «Сашенька, вынеси помой!» — поспешно ушла.

— Го-го-го! Сашенька, вынеси помой! Постирай пеленочки! — запрыгал мальчишка.

Сева увидел красное, злое лицо Саши. Не замечая товарища, Саша схватил ведро и молча, не оглядываясь, потащил его по двору, сопровождаемый насмешками. Сева поспешно вышел и решительными шагами направился к обидчику.

— Ты подлый человек! — сказал он, поднося к его носу свой худенький кулак, и, круто повернувшись, направился к воротам.

У ворот он услышал, как, возвращаясь назад и позвякивая пустым ведром, Саша презрительно говорил мальчишке:

— Ну, и что ты этим доказал? Что ты этим доказал? Я на тебя плевать хочу! Ты хулиган. Я с тобой даже связываться не буду. А за ребят когда-нибудь так дам, что своих не узнаешь!

«Расстроился, — подумал Сева. — Хорошо, что меня не видел, а то ему неприятно было бы...»

Он тихонько пошел по улице к своему дому.

В этот день была суббота. Для Саши это был самый трудный день в неделе. В субботу мать купала ребят. Придя из школы, Саша наливал ванночку, менял воду, выносил помой, укладывал в кровати выкупанных ребятешек. В такую-то минуту и попал к нему Сева. А

перед этим, сразу после уроков, Одинцов и Васек Трубачев звали Сашу на каток.

— Пойдем! Ведь последние зимние денечки. Скоро каток растает! — уговаривали они его.

— Да не могу я сегодня. Мать ребят купает. Давайте завтра пойдем.

— Ну, завтра! Я и коньки в школу принес, чтобы домой не заходить, — говорил Одинцов.

— А я вообще не люблю откладывать. Решили — значит, пойдем, — заявил Трубачев. — Это у тебя всегда дела какие-то находятся. Пусть мать сама купает. При чем тут ты?

— Чудак! — усмехнулся Саша. — А кто же ей помогать будет? Одной воды сколько натаскать надо! И вообще... она моет, а я вытираю. Ведь у нас мал мала пять штук... Одна Нютка самостоятельная.

— Фью! — свистнул Васек. — Так это ты их и до ночи не перемоешь.

— Да пойдем! Скажи матери — может, она завтра их выкупает? — спросил Одинцов.

— Ну ладно! Зайдем ко мне. Вы постоите, а я спрошу, — согласился Саша.

Ребята зашли. Пока Саша бегал спрашиваться, Васек говорил Одинцову:

— Чудак Сашка: вечно со своими ребятами нянчится!

— Ну, — протянул Одинцов, оглядываясь на Сашину дверь, — ему же нельзя иначе. У них отец целый день на работе, а детей куча.

Саша вышел:

— Ребята, идите! Мне никак нельзя: завтра воскресенье, отец дома, — ему тоже отдохнуть надо.

— Значит, не пойдешь? — хмуро спросил Васек.

— Не могу.

— Ну ладно! Идем, Трубачев! — звякнув коньками, сказал Одинцов.

Саша с сожалением посмотрел им вслед и открыл свою дверь. В кухне над плитой поднимался пар, на двух стульях стояла детская ванна.

— Кого первого? — не глядя на мать, спросил Саша.

— Меня! Меня!... — запрыгали вокруг него малыши.

— Витюшку, — сказала мать.

На кровати ползал малыш с закрученной на спине рубашонкой. Он протянул к брату пухлые ручки и что-то залепетал.

Но Саша молча стащил с него рубашонку и, пока мать пробовала локтем воду, удерживал подпрыгивающего на кровати малыша.

— Расстроился, Сашенька? — спросила мать.

— Еще бы... Товарищи на каток пошли, а я тут как банщик какой-то...

— Ну что же, иди тогда. Я сама как-нибудь, — вздохнула мать.

— «Сама, сама»! Давай уж скорей, что ли! — с раздражением сказал Саша.

Мать взяла у него из рук голого малыша:

— Иди!

— Да чего ты еще! Знаешь ведь, что не пойду. Сажай лучше!

Через минуту Саша смотрел, как Витюшка ловит мыльные пузыри и, подняв из воды толстую ножку с короткими розовыми пальчиками, изо всех сил тащит ее к себе.

— Смотри, смотри, мама! Он думает, это игрушка. Неужели и я такой был?

«СО СВОИМ ПРОФЕССОРОМ»

С утра гуляла по городу метель. Был конец марта. Этот сердитый месяц яростно нападал на прохожих, забивая снегом меховые воротники и шапки. Дул резкий ветер, и, хотя мороза не было, ребята прибежали в школу замерзшие.

Грозный, весь засыпанный снегом, в широком тулупе и меховой шапке, стоял на крыльце, как дед-мороз, и, размахивая платяной щеткой, командовал:

— Наклоняй голову! Давай воротник!... Эх, зима на тебя насела!... Ну, беги грейся!

Русаков пришел с Мазиным. Они встретились за воротами своего дома и шли вместе. По дороге Русаков упрекал Мазина, что тот уж слишком занялся учебой:

— Тебе только подучиться сказали, а ты совсем в книгу носом зарылся. А тут у одних овчарка пропала... Я уже на след напал.

— Некогда мне чужую собаку искать! — буркнул Мазин. — Если б Сергей Николаевич вызвал меня да поставил мне хорошую отметку, а то он все только с места меня спрашивает...

— Значит, так и будешь до конца года к Трубачеву шататься? А в землянку скоро вода затекать начнет, что я там один сделаю?

— Говорю, некогда мне сейчас.

— Тебе все некогда... У меня, может, отец скоро женится, а тебе и на это наплевать, — обиженно сказал Петя.

— Не женится.

— Почему это?

— А почему женится?

— Почем я знаю. Только он сам сказал: «Скоро к нам моя жена переедет, люби ее», — неожиданно сообщил Русаков.

— Так уже, значит?

— Наверно, уже, — вздохнул Петя. — Теперь мне вдвое доставаться будет — от двух родителей сразу.

— А какая она? — забеспокоился Мазин. — Посмотреть надо. Хорошую женщину сразу узнать можно.

— Узнаешь ее! Начнет отцу на меня наговаривать. Ведь она мачеха. Читал сказку про Золушку? Ведь ее даже на экскурсию во дворец не брали. Хорошо, ей фея помогла, а мне кто помогать будет?

— Обойдешься без дворца, лишь бы не дралась она, — задумчиво сказал Мазин.

Петька растерянно заморгал ресницами и покрутил головой:

— Если вдвоем будут меня драть, так... ого!

— Вдвоем, вчетвером! Не морочь мне голову... При Советской власти таких мачехов нет!

— «Мачехов»? — засмеялся Русаков. — Неправильно говоришь.

— А ты не учи! — рассердился Мазин. — Сам небось ни одной речки на карте не можешь найти.

— Ладно, пускай я пропаду и чужая овчарка пропадет, раз ты с географией связался, — сказал Русаков и, бросив товарища, пошел вперед.

В этот день последним уроком была география. На большой перемене Трубачев подошел

к Мазину и сказал:

— Если вызовут тебя, не трусь. А чего не знаешь, говори прямо: не знаю.

Мазин кивнул головой. Он был расстроен ссорой с Русаковым. Печальное, вытянутое лицо товарища вызывало в нем раздражение и сочувствие.

«Мачеха у него там еще какая-то...» — озабоченно думал он.

Сергей Николаевич пришел веселый, потер руки и сказал:

— Весной пахнет! Сердится старушка-зима. Проходит ее время. Конец марта!

В классе было чисто, уютно и тепло.

Дежурные Одинцов и Степанова старались вовсю. Они пришли в школу раньше всех, облазили все углы, вытерли пыль. Валя Степанова принесла из дому чистую, выглаженную тряпочку для доски.

А когда Одинцов ловко и красиво развернул перед учителем карту, Сергей Николаевич пошутил:

— Совсем как в сказке цветистый ковер раскинул!

Одинцов сел. Учитель посмотрел в записную книжку и вдруг сказал:

— Мазин и Трубачев!

Трубачев вспыхнул и встал. Мазин сидел впереди. Он неловко вылез из-за парты, одернул курточку и, обернувшись к Трубачеву, сказал:

— Пошли!

Ребята фыркнули. Сергей Николаевич улыбнулся.

— Со своим профессором, — пошутил он.

Оба мальчика стали у доски.

Сергей Николаевич перелистал учебник географии.

Класс затих. Только Русаков беспокойно вертелся на парте, быстро-быстро обкусывая на левой руке ногти и не сводя испуганных глаз с товарища.

— Ну, Мазин, как теперь твои дела? — спросил Сергей Николаевич.

Мазин медленно повернулся к Трубачеву:

— Как мои дела?

Ребята снова засмеялись. Сергей Николаевич покачал головой:

— Я не Трубачева спрашиваю. Ты мне сам отвечай, как ты чувствуешь: прибавилось у тебя знаний или нет?

Мазин пристально посмотрел на карту:

— Прибавилось.

— Выберешься ты теперь из Белого моря без посторонней помощи?

— Выберусь.

— Хорошо. А если мы тебя, скажем, из Ленинграда в Белое море пошлем?

— Поеду, — сказал Мазин и взял указку. — По Беломорско-Балтийскому каналу поеду, вот так... — Он проехал по каналу и остановился в Архангельске. — Есть. Пять суток потратил.

— Немного, — сказал Сергей Николаевич. — А если б не было Беломорско-Балтийского канала, как бы ты поехал?

Мазин показал длинный путь вокруг северных берегов Европы и тотчас уточнил время:

— Семнадцать суток потратил.

— Хорошо, Мазин! Я вижу, что ты действительно окреп. Теперь расскажи нам все, что ты знаешь о Беломорско-Балтийском канале. А если ты ошибешься, то Трубачев тебя поправит.

Мазин ровным и бесстрастным голосом начал рассказывать:

— Беломорско-Балтийский канал тянется на триста километров.

— На двести, — поправил его Трубачев.

Он стоял выпрямившись, под рыжим завитком лоб его стал влажным, глаза блестели.

— На двести километров, — спокойно поправился Мазин и взял указку. — Канал соединяет Онежское озеро с Белым морем...

Мазин обращался с картой вежливо и осторожно.

Ребята, облокотившись на парты, внимательно следили за указкой,двигающейся вдоль канала. Петя Русаков вертелся, нервно потирал руки и обводил всех торжествующим взглядом. «Ну, как Мазин? Вот вам и Мазин!» — говорили его взволнованные глаза.

— Хорошо, Мазин! Пожалуй, тебе и Трубачев не нужен, а? — сказал Сергей Николаевич.

— Нет, пусть стоит. Я к нему привык, — заявил Мазин.

— Отвыкай. Трубачев всю жизнь не будет стоять с тобой рядом... Трубачев, садись!

— Пусть стоит! — тревожно выкрикнул Русаков.

Все головы повернулись к нему. Он смутился и юркнул под парту.

Отпуская Мазина, Сергей Николаевич похлопал его по плечу и сказал:

— Совсем хорошо, Мазин! Я очень рад за тебя. Я вижу, ты поймал быка за рога. Смотри не упускай его больше! А Трубачеву скажи спасибо... Трубачев!

Васек вскочил. Учитель посмотрел на его взволнованное лицо:

— Молодец!

Когда Сергей Николаевич вышел, в классе поднялся шум.

Русаков бросился к Мазину и, забыв утреннюю размолвку, обнял его:

— Здорово, Колька!

Ребята тоже радовались:

— Вот так жирняк!

— Повезло тебе!

— Держись крепче за Трубачева!

— Привяжи к себе веревочкой! — добродушно острили они.

Толстые щеки Мазина лоснились и набегали на нижние веки, щелочки карих глаз лениво и ласково глядели на ребят.

— А насчет мачехи твоей я подумаю, — улучив минуту, ни с того ни с сего шепнул он Русакову.

Саша и Одинцов поздравляли Трубачева.

— Здорово подогнал его! А я боялся — у меня прямо в ушах зазвенело, когда Сергей Николаевич вас обоих вызвал, — сказал Саша.

— А Русаков-то? Вот кто вертелся, как карась на сковороде!

— Верный товарищ! Преданный, как собака! — восхищенно сказал Саша. — Такой — на всю жизнь!

— А мы трое? Не на всю жизнь? — ревниво спросил Одинцов.

Васек вспомнил морозный вечер и огромную желтую луну над снежным прудом.

— Я за нас троих головой ручаюсь!

— Я тоже, — тихо сказал Одинцов.

— А обо мне и говорить нечего! — радостно улыбнулся Саша.

Все трое вошли в класс растроганные и счастливые. После уроков Васек бежал домой, размахивая сумкой и толкая прохожих.

«Молодец! Молодец! Молодец!» — повторял он про себя.

Во дворе для охлаждения он бросился в сугроб и, вывалявшись в снегу, предстал перед теткой.

— Тетя Дуня, я молодец!

— Вижу, — сказала тетка и, повернув его обратно, сунула ему щетку: — Обчистись в сенях, молодец!

ВАЖНЫЙ ВОПРОС

Зима наконец устала. Она притихла, порыхлела, а на небо вышел новый хозяин — весеннее солнце. Ребята, расстегнув пальто, шли из школы. В толпе слышались веселый насмешливый голос Одинцова, ленивые замечания Мазина, смех ребят. Звонко перекликались девочки. На каждом углу толпа редела; уходившие домой долго пятились задом, сожалея о том, что приходится расставаться.

Лиде Зориной тоже не хотелось расставаться с товарищами. Она прыгала у своей калитки и все уговаривалась да уговаривалась с подружками о каких-то пустяках на завтра.

Наконец все голоса смолкли. Лида быстро побежала по дорожке. Она была взволнована больше всех. Митя выздоровел, и сегодня на сборе поставили на обсуждение ее заметку об отношениях девочек с мальчиками. Об этом необходимо рассказать маме, а если не маме, которая еще не скоро придет с работы, то хотя бы кому-нибудь.

Но дома обычно в это время бывали только соседи: старичок бухгалтер Николай Семенович и молоденькая Соня, ужасная копуша, которую Лида долго будила каждое утро.

Наверно, им тоже очень интересно послушать, как прошел сбор.

У крыльца стоял какой-то высокий молодой человек в лыжном костюме, с широким смешным носом и темным пушком на верхней губе. Он нетерпеливо поглядывал вокруг и время от времени, постукивая двумя пальцами в Сонино окошко, басил:

— Сонечка, поторопитесь!

— Сейчас! Сейчас! — кричала в форточку Соня. Лида замедлила шаг и на всякий случай вежливо кивнула головой:

— Здравствуйте!

— Привет! Привет! Вы из школы? Какая смена? — деловито осведомился юноша.

— Я в первой смене, но сегодня после обеда у нас был сбор.

— Ого! Это, значит, часиков пять уже! Сонечка, поторопитесь!

— Может, и не пять, но у нас сегодня разбирали очень важный вопрос, — задерживаясь на крыльце, сказала Лида.

— Важный вопрос? Ого! Какой же это вопрос? — поглядывая на Сонино окошко, спросил юноша.

— Это, знаете, о дружбе девочек с мальчиками. У нас в классе... — охотно начала Лида.

— О дружбе девочек с мальчиками? Это очень важный вопрос... Сонечка, поторопитесь! Сонечка, ведь мы же опоздаем! — подбегая к окну и не обращая больше внимания на Лиду, закричал он.

Соня высунула в форточку розовое лицо и сделала сердитые глаза:

— Не кричите на весь двор, а то никуда не пойду!

— Сонечка!...

Лида открыла дверь и вошла в кухню.

— А, школьница наша пришла! — закричал из своей комнаты бухгалтер Николай Семенович. — Это хорошо! А то я уж всякую надежду потерял ее увидеть сегодня.

— Я на сборе была, — улыбнулась Лида. — У нас вожатый Митя наши дела разбирал.

— Дела разбирал? — копаясь в корзинке с бумагами, рассеянно сказал Николай Семенович. — Хорошо бы, чтоб этот самый Митя и мои дела разобрал, а то я никак не

разберу... Никак не разберу никаких своих дел, — глядя на заваленный бумагами стол, развел руками Николай Семенович. — Проклятая память! Такая небольшая синенькая тетрадка была у меня, и не знаю, куда делась. Куда делась? — потирая двумя пальцами лоб и глядя на Лиду светлыми близорукими глазами, пожаловался Николай Семенович.

— Сейчас! Я только пальто сниму, — сказала Лида и, повесив в передней пальто, заглянула под стол Николая Семеновича. — Я знаю, вы иногда мимо корзины бросаете.

— Мимо корзины? Никогда! — возмутился старичок. — Я аккуратнейший человек. Я, прежде чем бросить что-нибудь в корзину, тысячу раз проверю. У меня с письменного стола ни одна бумажка не упадет...

Лида неожиданно нырнула под стол:

— Вот она!

Николай Семенович схватил тетрадку и близко поднес ее к глазам:

— Скажите пожалуйста! Как же это вы нашли?

— Да за ножкой стола, на самом видном месте лежала, — засмеялась Лида, поднимаясь с колен.

— Ну, спасибо! Спасибо, девочка! А то я как без рук, работа стоит, — усаживаясь за стол, благодарил старичок.

Лида вышла, постояла немного в кухне, потом тихо побрела в свою комнату.

Вечером пришла мама. Она еще на пороге, снимая шапочку, крикнула:

— Был сбор, Лидуша?

— Был, был, мамочка! — бросилась к ней Лида.

— Интересно! Подожди только минутку. Я сейчас вымою руки, сядем за стол, и ты мне все подробно расскажешь, — заторопилась мама. — Подожди, подожди только, я с самого начала хочу.

— С самого начала так... Митя прочел мою заметку... Вот полотенце, мамочка. Вытирай одну руку, а я другую буду вытирать.

— Нет, я сама... Ну, прочел заметку... Мама придвинула к столу два стула, вынула из портфеля булку, налила чай:

— Ну, теперь все... Митя прочел заметку, а что мальчики?

— Ну вот... Сначала никто из мальчиков ничего не говорил, и, наоборот, даже пересмеивались и толкали друг дружку.

— Это не наоборот вовсе. Ну, предположим... А девочки?

— Ой, мама, девочки сразу давай на ребят жаловаться: кто там кого дернул за косу, кого кто толкнул... Понимаешь, не обсуждали вопрос, а жаловались только! — высоко вскидывая брови и округляя глаза, сказала Лида.

— Ну, ну?

— А Митя слушал, слушал, потом так сморщился и говорит: «Вот я вас слушаю и удивляюсь. Лида Зорина подняла такой серьезный вопрос...»

— Правильно, — кивнула головой мама, помешивая ложечкой в стакане.

— Да, правильно, — протянула Лида, — а у меня зато сердце в пятки ушло.

— Трусишка!...

— Да, трусишка! У нас ведь знаешь как дразниться любят...

— Ну, об этом потом. Не перебивай себя. Что же сказал Митя еще?

— Он очень хорошо сказал, мама... Он сказал, что при важном вопросе... то есть на важном вопросе пионеры себя так небрежно ведут. Мальчики позволяют себе всякие глупые шутки, пересмеиваются, а девочки только обиды свои перебирают. И что он уже тысячу раз слышал, как Мазин у Синицыной ленточку из косы выдернул, что это уже разбирали, и

Мазина тогда наказали уже, а теперь надо поговорить не о случаях таких, а о том, чтобы их никогда больше не было, чтобы класс был дружный. Что и мальчики и девочки виноваты, и чтобы не торговаться здесь, кто больше виноват, а исправить это, потому что мы все пионеры и должны быть хорошими товарищами... Он, мама, прямо рассердился даже на нас...

— Ну, а ребята что?

— Ребята покраснели многие, а девочкам тоже стыдно стало. А потом все начали говорить, что у нас все по пустякам выходят всякие глупые ссоры. А Митя сказал, что мы уже в четвертом классе, а нам можно поставить в пример малышей — они так дружат между собой! Потом он привел примеры всякие... А потом, мамочка, потом!... — Лида вскочила, зажмурилась и подпрыгнула на одной ножке. — Мы все шли домой вместе. И никто никого не дразнил. И солнце было такое, прямо на всю улицу! Я пальто расстегнула. А Коля Одинцов шапку снял, у него густые волосы. И солнышко нагрело их, — они даже чуть-чуть теплые стали, мы все трогали... А некоторые девочки завтра уже в драповом пальто придут. И я... Хорошо, мамочка?

— Нет, драповое еще рано. А остальное все хорошо! Все хорошо, Лидок!

Вечером папа тоже слушал о сборе, но ему рассказывала не одна Лида. Лиде помогала мама, они перебивали друг друга и так часто начинали сначала, что папа не дождался конца и ушел спать.

Павел Васильевич все еще не возвращался. Васек нервничал, придирался к тетке.

— Может, и были письма, да ты потеряла их! — подозрительно говорил он.

Тетка обижалась:

— Да что я, голову, что ли, потеряла?

Писем не было.

Не зная, чем объяснить молчание отца, Васек беспокоился. Иногда ему начинало казаться, что с отцом что-то случилось. Он просыпался ночью и, лежа с открытыми глазами, представлял себе всякие ужасы: то ему казалось, что отец, починяя паровоз, попал под колеса, то заболел и лежит где-нибудь в больнице.

Васек плохо спал и в класс приходил хмурый и сонный.

* * *

В этот день Васек Трубачев дежурил. В паре с ним был Саша Булгаков.

— Давай так дежурить, чтоб ни сучка ни задоринки, — улаживались мальчики.

Первые три урока прошли без запинки. На большой перемене Сашу вызвала мать.

— Васек, положи мел, вытряхни тряпку. Проверь, чтобы все было в порядке. Я сейчас! — крикнул он, убегая.

Васек, закрывшись один в классе, протер парты, вытряхнул в форточку тряпку, сбегал за мелом, подлил в чернильницы свежих чернил. Когда Саша вернулся, осталось только подмести пол.

Пока дежурные наводили в классе чистоту, в укромном уголке раздевалки Русаков с расстроенным лицом говорил Мазину:

— Обязательно он меня вызовет! Пропал я, Колька!

На четвертом уроке был русский язык. Учитель сказал, что будет вызывать тех, у кого плохая отметка.

— Не надо было по собачьим следам рыскать. Взял бы да почитал грамматику... Я хоть по географии хорошо ответил, а ты что? — сердился Мазин. — Чересчур уж... Ни по одному предмету ничего не знаешь.

— По арифметике лучше тебя еще... Да все равно мне пропадать сегодня.

Мазин нахмурился.

— Я подскажу тебе.

Русаков махнул рукой:

— Будет мне дома! Отец да еще мачеха...

— Да ведь она уже неделю у вас живет, и ничего еще не было.

— Придаться не к чему было. Она начнет разговаривать со мной, а я молчу... А сегодня... — Русаков покрутил головой и умоляюще посмотрел на Мазина: — Ты бы придумал что-нибудь, Коля.

— Придумаешь тут.

Оба мальчика постояли молча. Прислонившись к вешалке, Мазин задумчиво вертел чью-то пуговицу. Потом толстые вялые щеки его вдруг начали оживать, он выпятил вперед нижнюю губу и, притянув к себе товарища, зашептал что-то ему на ухо, а потом добавил вслух:

— Надо время затянуть, понимаешь... чтобы он не успел тебя спросить до звонка.

Русаков понятиливо кивнул головой.

— А вдруг он меня первого? — испуганно спросил он.

— А вдруг пол провалится? — передразнил его Мазин.

В коридоре Леня Белкин, щупленький Медведев и Нюра Синицына наскоро проверяли свои знания.

— Только мне никто не подсказывайте, а то я собьюсь, — предупреждал Леня Белкин.

— А мне немножко, одними губами первое слово только... Подскажешь, Зорина? Ты близко к доске сидишь, — просил Медведев.

— Нет, я боюсь, я ни за что! — испуганно отговаривалась Лида. — Я ни губами, никак...

Синицына, закрыв глаза, громко повторяла правила грамматики.

Звонок рассадил всех по местам. Васек привстал с парты. Все в порядке: тряпка, мел, чернильница... Он заметил на полу скомканную промокашку и погрозил ребятам кулаком: только бросьте еще!

Сергей Николаевич вошел в класс.

Мазин бросил быстрый взгляд на Русакова:

— Сергей Николаевич! Сейчас в пруду девочка утонула, в полынье...

Ребята живо повернулись к Мазину:

— Какая девочка?

— Маленькая?

— Где? Где?

Мазин откашлялся.

— Небольшая девочка... — Он еще раз откашлялся. — Годика три... Она так шла, шла, с саночками...

— Ой, с саночками!

Мазин привстал и обернулся к классу:

— Ну да, с саночками. Да как провалится вдруг... весь лед на пруду треснул под ней...

— Ой, бедненькая! — заволновались девочки. — Так сразу и провалилась?

— Поговорим об этом после уроков, — сказал Сергей Николаевич, усаживая Мазина движением руки и раскрывая классный журнал. — Синицына! — вызвал он.

Мазин хрустнул пальцами и уставился в потолок. Нюра одернула под партой платье и с вытянутым лицом пошла к доске.

— А вы пишете в тетрадах, — сказал Сергей Николаевич, перелистывая учебник.

— У меня перо сломалось, — неожиданно заявил Русаков, поднимая вверх ручку.

Учитель вынул из бокового кармана коробочку и положил ее на стол:

— Пожалуйста, возьми себе перо.

Русаков толкнул Мазина и пошел к столу.

Мазин поднял руку.

— А у меня царапает, — сказал он.

— Подойди и ты к столу.

Учитель подошел к передним партам и спросил:

— Кто еще пришел в класс, не заготовив себе хорошее перо?

Трубачев беспокойно заерзал на парте. Ребята молчали. Мазин за спиной Русакова протянул руку к доске, схватил мел и спрятал его в карман.

— Все с перьями? — еще раз спросил учитель.

— Все!

— Значит, только вот эти двое... — Учитель повернулся к Мазину и Русакову и вынул часы: — Вы отняли у нас три минуты. Сядьте оба.

Русаков и Мазин пошли к своим партам.

— Пишите, — сказал Сергей Николаевич: «Колхозники рано начнут сев...»

Синицына беспокойно завертелась у доски. Она присела на корточки, пошарила руками по полу и, повернувшись к ребятам, вытянула в трубочку губы.

— Ме-е-ел! — раздался ее пронзительный шепот. Васек поднял голову. Саша повернулся к нему и тихо спросил:

— Где мел?

— Я клал, — взволнованно ответил Васек. Сергей Николаевич постучал пальцами по столу.

— Ищи-и! — зашипели на Синицыну ребята. Синицына испуганно развела руками. Лицо Сергея Николаевича потемнело.

— Одинцов, сбегай за мелом, живо!

Одинцов опрометью бросился из класса.

— Кто сегодня дежурный?

Васек встал, чувствуя, как кровь приливает к его щекам. Рядом встал Саша Булгаков.

Сергей Николаевич поднял брови:

— Трубачев? Булгаков? Булгаков, ты к тому же и староста.

Саша вытянул шею и замер.

— Надо лучше знать свои обязанности, — резко сказал учитель. — Садитесь!

Не глядя ни на кого, Васек опустил на место. Ему казалось, что сзади него перешептываются девочки. Неподалеку слышалось тяжелое дыхание Мазина — ему было жарко. Русаков, забыв обо всем на свете, считал минуты. Одинцов, запыхавшийся от бега по лестнице, принес мел и от волнения протянул его прямо учителю.

— Положи на место, — сказал Сергей Николаевич.

Синицына перехватила из рук Одинцова мел и, держа его наготове, таращила на учителя глаза.

«Колхозники рано начнут сев...» — снова продиктовал учитель.

Урок пошел как обычно. Синицына разбирала предложения бойкой скороговоркой.

«И куда торопится, лягушка эдакая?» — с тревогой думал Русаков.

После Синицыной отвечал Медведев. Проходя мимо Зориной, он тихонько толкнул ее локтем. Лида замотала головой и заткнула уши.

— Что-нибудь случилось, Зорина? — спросил Сергей Николаевич.

Лида вскочила:

— Нет.

— Тогда сиди спокойно и не делай гримас, — отвернувшись, сказал учитель.

Лида села, боясь пошевелинуться. В классе было тихо. Сергей Николаевич вызывал, спрашивал, но ребята чувствовали, что он недоволен.

Звонок, как свежий студеной ручей, ворвался из коридора и разлился по классу.

Ребята облегченно вздохнули. Сергей Николаевич взял портфель.

Когда за ним закрылась дверь, ребята повскакали с мест и окружили Трубачева и Булгакова:

— Что же вы? Как это вы?

— Не могли мел положить!

— Осрамили! Весь класс осрамили!

— Честное пионерское... — начал Саша и, возмущенный, повернулся к Трубачеву: — Я на тебя, как на себя самого, надеялся!

— А я что? Что я? — сразу вскипел Трубачев.

— Ты сказал, что у тебя все в порядке, а сам...

— Что — сам? — подступил к нему Васек.

На щеках у него от обиды расплылись красные пятна.

— Дисциплина! — крикнул кто-то из ребят. — А сами еще всех подтягивают!

— И на девочек нападают, — пискнула Синицына.

— Молчите! — с бешенством крикнул Васек и обернулся к Саше: — Говори, что я сделал?

— Мел не положил, вот что!

— Кто не положил?

— Ты! — бросил ему в лицо Саша. — Весь класс подвел.

— Врешь! — топнул ногой Васек. — Я все проверил, и все было, — нечего на меня сваливать!

— Я не сваливаю. Я еще больше отвечаю! Я староста!

— Староста с иголкой! Тебе только сестричек нянчить! — выбрасывая из себя всю накопившуюся злобу, выкрикнул Васек.

— Трубачев! — сорвался с места Малютин.

— А-а, ты так... этим попрекаешь!... — Саша поперхнулся словами и, сжав кулаки, двинулся на Ваську. Тот боком подскочил к нему.

— Разойдись! Разойдись! — выпрыгнул откуда-то Одинцов.

Несколько ребят бросились между поссорившимися товарищами:

— Булгаков, отойди!

— Трубачев, брось!

— Перестаньте! Перестаньте! — кричали девочки. Валя и Лида хватили за руки Трубачева. Одинцов держал Сашу.

— Ты мне не товарищ больше! Я плевать на тебя хочу! — кричал через его плечо Саша.

— Староста! — презрительно бросил Васек, отходя от него и расталкивая локтями собравшихся ребят. Пустите! Чего вы еще?

Сева Малютин загородил ему дорогу:

— Трубачев, так нельзя, ты виноват!

Васек смерил его глазами и, схватив за плечо, отшвырнул прочь. Класс ахнул. Надя

Глушкова заплакала.

Валя Степанова бросилась к Мalyотину.

Васек хлопнул дверью.

Мазин и Русаков стояли молча в уголке класса.

Когда Трубачев вышел, Мазин повернулся к Русакову и с размаху дал ему по шее.

— За что? — со слезами выкрикнул Русаков.

— Сам знаешь, — тяжело дыша, ответил Мазин.

Ребята удивленно смотрели на них:

— Еще драка!

Но Мазин уже выходил из класса, спокойно советуя следовавшему за ним Русакову:

— Не реви, хуже будет.

Глава 20

КАК БЫТЬ?

Одинцов и Саша шли вместе. Под ногами месился мокрый снег, набиваясь в разбухшие от сырости калоши. Саша шел, не разбирая дороги, опустив голову и не глядя на товарища. Одинцов щелкал испорченным замком своего портфеля и взволнованно говорил:

— Знаешь, он просто со зла, нечаянно... Он, может, этот мел в форточку выбросил, когда тряпку вытряхивал... И сам не знал... Да тут еще ребята кричат. Ну, довели его до зла — он и сказал.

Одинцов перевел дух и взглянул в упрямое лицо Саши.

— Вот и со мной бывает. Как разозлюсь в классе или дома — так и давай какие-нибудь глупости говорить, что попало, со зла. А потом самому стыдно. Да еще бабушка скажет: «Ну, сел на свинью!» Это у нее поговорка такая.

Коля неловко засмеялся и, ободренный Сашиным молчанием, продолжал:

— Это с каждым человеком бывает. А Трубачев все-таки наш товарищ.

Саша вскинул на него покрасневшие от обиды глаза:

— Товарищ? Да лучше б он меня по шее стукнул, понимаешь? А он мне такое сделал, что я... я... — Саша задохнулся от злобы и, заикаясь, добавил: — Ни-когда не прощу!

— Саша, ведь ему самому теперь стыдно, он сам мучится! — горячо сказал Одинцов. Саша вдруг остановился.

— А, ты за него, значит? — тихо и угрожающе спросил он в упор.

— Я не за него, — взволновался Одинцов, — я за вашу дружбу, за всех нас троих! Мы всегда вместе были. И на пруду еще говорили...

— Ладно, дружите... А мне никакого пруда не надо. Мне и тебя, если так, не надо! — с горечью сказал Саша.

Голос у него дрогнул, он повернулся и, разбрызгивая мокрый снег, быстро зашагал к своему дому.

— Саша!

Одинцов догнал его уже у ворот:

— Саша! Я все понимаю. Я за тебя... Мне только очень жалко...

— А мне не жалко! Мне ничего не жалко теперь! И хватит! — Саша кивнул головой и пошел к дому.

Одинцов глубоко вздохнул, оглянулся и одиноко зашагал по улице.

«Пропала дружба... — грустно думал он, стараясь представить себе, как будут теперь держаться Трубачев и Саша. А с кем я буду? Один или с каждым по отдельности?»

Одинцов не стоял за Трубачева. Поступок Васька казался ему грубым и глупым.

«На весь класс товарища осрамил! «Староста с иголкой! Тебе только сестричек нянчить!» — с возмущением вспоминал он слова Трубачева. — И как это ему в голову пришло? Ведь Саша не виноват, что у них детей много, ему и так трудно, размышлял он, шлепая по лужам. — И еще Малютина отшвырнул... Севка и так слабый...»

Коля Одинцов был растревожен. Дома он наскоро выучил уроки, весь вечер слонялся без дела и, ложась спать, вдруг вспомнил: «А ведь сегодня четверг. К субботе статью писать надо...»

Перед ним встал Васек Трубачев, с рыжим взъерошенным чубом на лбу, с красными

пятнами на щеках.

«Я ведь о нем писать должен. Все... Честно... И вся школа узнает... Митя... Учитель... — Одинцов нырнул под одеяло и накрылся с головой: — Не буду. На своего же товарища писать? Ни за что не буду!»

Он замотал головой и беспокойно заворочался. — Коленька, — окликнула его бабушка, — ты что вертишься, голубчик?

— У меня голова болит, — пожаловался ей мальчик.

— Голова? Уж не простудился ли?

Старушка порылась в деревянной шкатулке, подошла к кровати и пощупала Колин лоб:

— На-ко, аспиричику глотни.

— Зачем? — отодвигая ее руку с порошком, рассердился Коля. — Вечно ты, бабушка, с этим аспиричиком! У меня, может, не то совсем.

— Да раз голова болит. Ведь аспирин — первое средство при всяком случае.

— Ну и лечи себя при всяком случае, а ко мне не приставай... Тебе хорошо — ты дома сидишь, а я целый день мотаюсь. Иди, иди! Я и так засну!

Он повернулся к стене и закрыл глаза. Перед ним опять встал Васек Трубачев. Потом стенгазета, перед ней кучка ребят и учитель.

«Совершенно точно и честно», — глядя на статью, говорит Сергей Николаевич.

«Одинцов никогда не врет!» — кричат ребята.

«Не врет... Мало ли что... Можно и не врать, а просто промолчать. Только вот Митя спросит, почему не написал, и ребята скажут: побоялся на своего дружка писать, а как про кого другого, так все описывает... — Одинцов вздохнул. — Нет, я должен написать... всю правду».

Кровать заскрипела. Бабушка заглянула в комнату. Коля громко захрапел, как будто во сне.

«Какой же я пионер, если не напишу? — снова подумал он, прижимаясь к подушке горячей щекой. — Ведь меня выбрали для этого... А какой же я товарищ, если напишу?» — вдруг с ужасом ответил он себе и, сбросив одеяло, сел на кровати.

— Коленька, тебе чего?

— Дай аспиричику, — жалобно сказал Коля.

МАЛ МАЛА МЕНЬШЕ

Когда Саша открыл дверь своего дома, на него пахнуло знакомым теплым детским запахом, звонкая возня ребятишек неприятно оглушила его.

Он схватил за рубашонку играющего у порога Валерку:

— Куда лезешь? Пошел отсюда!

Валерка сморщился и вытянул пухлые губы. Мать поспешно подхватила его на руки и тревожным взглядом окинула расстроенное лицо сына:

— Саша, Саша пришел!

Ребятишки, отталкивая друг друга, бросились к Саше.

— Брысь! — сердито крикнул он и, заметив взгляд матери, с раздражением сказал: — И чего лезут! Домой прийти нельзя!

— Да они всегда так... радуются, — осторожно сказала мать.

— Виснут на шее! Как будто я верблюд какой-нибудь... ну, пошли от меня! — закричал он на сестренку.

— А мы без тебя играли. Знаешь как? — заглядывая ему в лицо и пряча что-то за спиной, сказала его любимица — Татка.

Саша молча отодвинул ее в сторону и прошел в комнату.

— Не троньте его, отойдите, — тихо сказала мать. — Играйте сами.

Саша бросил на стол книги и сел, стараясь не замечать внимательного взгляда матери. Этот взгляд тоже вызывал в нем раздражение: «Так и смотрит, все знать ей надо...»

Мать наскоро вытерла руки, накрыла на стол:

— Сашенька, иди обедать!

Ребята с шумом полезли на стулья. Трехлетняя Муська зазвенела ложкой о тарелку.

— Руки под стол! — закричал Саша. — Что ты звонишь, как вагоновожатый! — накиннулся он на Муську, отнимая у нее ложку. — Сейчас выгоню!

— Саша, Саша! — удивленно, с упреком сказала мать. — Что это ты, голубчик?

— «Голубчик»! Нянька я вам, а не «голубчик»! Не буду я им больше ничего делать! Сама, как хочешь, с ними справляйся! — отодвигая свою тарелку, закричал Саша. — Все на меня свалила!...

Он вдруг остановился. Мать смотрела на него с жалостью и испугом. Половник дрожал в ее руке. Дети притихли.

— Ешь. Вот тебе мясо. Сам порежешь?

— Сам, — буркнул Саша, давась куском хлеба. За столом стало тихо. Мать резала маленькими кусочками мясо и клала его в тарелки малышам.

— Кушайте, кушайте, — говорила она вполголоса, помогая то одному, то другому справиться с едой.

Татка, придвинув к Саше свою тарелку, шепотом сказала:

— Саша, порежь мне.

— Сама не маленькая! — отодвигая локтем ее тарелку, сказал Саша.

— Мама, чего он не хочет? — обиженно протянула Татка.

— Не приставай к нему, Таточка. Дай свою тарелку!

Татка вскочила, с колен ее покатила на пол круглый пенал. Этот пенал Саша сам подарил

ребятам для игры «в школу». Но сейчас, чувствуя закипавшие в глазах слезы и острую потребность придраться к чему-нибудь, Саша схватил пенал и выбежал из-за стола.

— На моем столе роетесь! Все мое хватаете! Ладно, я теперь всех швырять буду! — кричал он неизвестно кому со слезами в голосе. Потом бросился ничком на свою кровать и разрыдался.

— Сашенька, Саша... Кто тебя, сынок мой дорогой? Кто тебя обидел, голубчик? — глядя его по спине, спрашивала мать.

Саша молча плакал, уткнувшись в подушку круглой стриженной головой. Вокруг кровати, прижимаясь к матери, всхлипывали испуганные ребята. Валерка, приподнявшись на цыпочки, обхватил Сашину шею и уткнулся лбом в подушку. Саша высвободил руку и обнял теплое тельце братишки.

Васек стоял у окна и на все вопросы тетки отвечал:

— А тебе-то что?

— Как это — тебе-то что? — возмутилась тетя Дуня. — Прибежал, как с цепи сорвался! Я тебя и спрашиваю: случилось с тобой что, отметку плохую получил или наказали тебя в школе?

— Ну и наказали, — усмехнулся Васек. — А тебе-то что?

— Ты мне не смей так отвечать! Я не с улицы пришла ответ у тебя спрашивать. Мне вот отец пишет, что еще недели на две задержится.

— Письмо есть? Отец пишет? Давай письмо! Почему сразу не дала мне? — закричал на тетку Васек.

Тетка вынула из-под скатерти письмо.

— Я с тобой поговорю еще... Вот почитай раньше... — холодно сказала она, испытующе глядя на племянника поверх очков.

— Ладно! — нетерпеливо сказал Васек, отходя к своему столу и вытаскивая из конверта тонкую серую бумажку.

Отец писал, что никак не мог сообщить о себе, так как ездил со своей бригадой на другие участки и все надеялся скоро вернуться. Но сейчас в паровозном депо идет большой ремонт, и придется недельки на две задержаться. Он просил тетку приглядеть за племянником, спрашивал, как учится Васек, как он ест, спит, не очень ли скучает. В конце стояла приписка сыну:

«Дело, Рыжик, прежде всего. Паровозы мои — пациенты смирные, слушаются меня. Есть среди них очень интересные, новой системы, наши советские. Приеду — расскажу. А пока делай ты, Рыжик, свои дела так, чтобы совесть была чиста.

Твой папа».

Васек опустил письмо и задумался.

Отец задерживается... Не с кем поговорить по душам. Некому рассказать, что произошло за это время в его жизни...

Васек подумал о Саше. Вспомнил его лицо и слова, которые тот бросил ему: «Не товарищ!» «Подумаешь, напугал! И что я ему сказал? Разве это не правда, что он сестричек нянчит? Правда...» — храбрясь и оправдываясь перед собой, думал Васек.

Потом, вспыхнув до ушей, он растерянно посмотрел на свою твердую загорелую руку. В этой руке осталось ощущение острого, худенького плеча Севы. Васек прикусил губу, чувствуя стыд и недовольство собой. Как это с ним случилось, что он швырнул Севу? Конечно, Малютин сам полез, его никто не просил.

Васек посмотрел на письмо. Задерживается... в такую минуту, когда ему одному мог он рассказать обо всем, что произошло в классе.

«Ну и ладно... Пусть со своими паровозами остается... Хоть и совсем не приезжает, раз так», — с горькой обидой на отца думал он.

— Вот и поговорим, — сказала тетка, закончив какие-то кухонные дела и присаживаясь на стул против Васька. — Разболтался! Грубишь! Думаешь, тетка сквозь пальцы глядеть будет? — Тетя Дуня оправила подол юбки и поудобнее уселась на стуле. — Нет, племянничек,

я здесь не для этого живу. На меня не напрасно твой отец надеется. Трубачевы зря ничего не обещают, и я тебя на ум-разум направлю, — медленно цедила слова тетка.

Васек вдруг вышел из берегов:

— А что ты мне сделаешь? Что ты ко мне привязалась сегодня? «На ум-разум направлю»! Вот я отцу расскажу! — кричал он, размахивая руками.

Тетка поджала тонкие губы.

— А я и отца ждать не буду. Я в школу пойду, — язвительно сказала она.

— Ты... в школу? — задохнулся Васек. — В школу?... Ведьма! — неожиданно для себя выпалил он и испугался.

Лицо у тетки вдруг сморщилось, очки упали на колени, ресницы заморгали, и на них показались слезы.

— Спасибо, Васек, спасибо, племянник, — тихо сказала тетка, поднимаясь со стула.

Васек хотел броситься к ней, попросить прощения, но слова застряли у него в горле. Первая минута была потеряна, и, провожая глазами ее сгорбившуюся фигуру, он только беспомощно шевелил губами.

Тетка весь вечер просидела в кухне.

«Ну и пускай! — думал Васек, стараясь побороть в себе чувство жалости и раскаяния. — Еще каждому кланяться буду! Просить, унижаться!»

Вечером пришла Таня. В последнее время Васек редко видел ее и особенно обрадовался теперь, чувствуя себя одиноким и несчастным.

— Таня, ты где все пропадаешь? — спросил он, поглаживая глиняного петуха. — Я тебя совсем не вижу.

— Да у меня дела теперь сверх головы. Меня, Васек, в комсомол принимают! — с гордостью сказала Таня, показывая на толстую книгу в коленкоровом переплете. — Вот, учусь! И работаю. Ведь это заслужить надо.

— А я еще пионер только, — со вздохом сказал Васек и сразу подумал: «А вдруг Митя узнает про то, что в классе было? Или учитель?»

Сердце его сжалось, и к щекам опять прилила краска.

— Ты что? — спросила Таня.

— Ничего. Спать захотел, — сказал Васек.

— Да посиди, рано еще... Что отец пишет?

— Пишет — задерживается... Я пойду, — устало сказал Васек.

Ему и правда захотелось спать. Он лег, но сон не приходил долго. На душе было одиноко и тоскливо.

Васек вспомнил Одинцова и грустно улыбнулся.

«Один товарищ у меня остался... Один друг, а было два... Эх, из-за куска мела! — Он приподнялся на локте. — А куда же этот проклятый мел делся? Ведь я же сам клал его — длинный, тонкий кусочек. Куда же он делся? Надо было поискать хорошенько, найти, доказать. Может, он лежал в уголке где-нибудь...»

Васек пожалел, что не сделал этого сразу, а в раздражении ушел из класса.

* * *

Утром Васек долго валялся в кровати, лениво делал зарядку. Он не торопился: день перед

ним вставал хмурый и неприятный. В первый раз не хотелось идти в школу.

«Теперь, наверно, все на меня глазеть будут, как на зверя какого-нибудь...»

Не хотелось видеть Сашу, Малютина, и перед остальными ребятами было стыдно и нехорошо.

«А что такое? Фью! Больше бояться меня будут! Никто не полезет ко мне!» — хорохорился он наедине с собой, пытаясь заглушить чувство стыда и беспокойства.

Входя в класс, он сделал равнодушное лицо и как ни в чем не бывало направился к своей парте, хотя сразу заметил, что ребята его ждали и говорили о нем. Ему даже показалось, что из какого-то угла донесся шепот:

— А еще председатель совета отряда...

На самом деле слова эти никем не были сказаны, Ваську это только показалось. Но он насторожился и, небрежно обернувшись к классу, посмотрел на ребят дерзким, вызывающим взглядом.

Саша Булгаков, который сидел впереди, ни разу не обернулся с тех пор, как Трубачев вошел в класс. На его круглом открытом лице было вчерашнее упрямое выражение, в глазах — мрачная, застоявшаяся обида.

Васек, чтобы показать, что он совершенно не интересуется Сашей, небрежно развалился на парте и, стараясь не смотреть на стриженный затылок товарища, неудобно и напряженно повернул голову и смотрел вбок.

Малютин спокойно сидел рядом с ним. Он не чувствовал ни страха, ни унижения, ни обиды, как будто не его, как котенка, швырнул вчера Трубачев на глазах всего класса. Малютин страдал за Ваську. Васек Трубачев в его глазах всегда был честным, смелым товарищем, которого слушались и любили ребята. И вот теперь вместо этого честного и смелого товарища рядом с ним сидел дерзкий расшибака-парень, показывающий всем и каждому, что в любую минуту может пустить в ход кулаки.

«Пусть только кто-нибудь пикнет!» — говорил весь облик Трубачева.

Сева ясно видел, что класс осуждает Трубачева. И, чтобы заставить товарища перемениться, вернуть его в обычное состояние, Малютин изредка задавал ему простые вопросы: как он думает, будут ли у них экзамены и когда; останется ли с ними Сергей Николаевич и на следующий год?

Васек удивлялся, что Сева как будто забыл про вчерашнее; он чувствовал к нему благодарность, жалел, что так обидел его, но, боясь показаться в глазах ребят трусом, который подлизывается к Малютину, чтобы уладить с ним отношения, отвечал Севе свысока, небрежно, чуть-чуть повернув в его сторону голову.

На перемене к Трубачеву подошел Мазин.

— Ну и поссорились, экая важность! — ни с того ни с сего сказал он. — Из каждой мухи слона делать — так это и жить нельзя.

— Я и не делаю слона, — ответил ему Васек.

— Я не про тебя — я про Булгакова. Что это он нюни распустил, от одного слова скис?

— Он не скис! — рассердился Васек. — И нюни не распускал. Это не твое дело!

Мазин наклонил голову и с любопытством посмотрел на Трубачева.

— Вот оно что... — неопределенно протянул он и отошел к своей парте.

— О чем ты с ним говорил? — спросил его Русаков. Но Мазин был поглощен своими мыслями.

— Вот что... — чему-то удивляясь, снова повторил он.

Лида Зорина избегала смотреть на Ваську; она то и дело подходила к Саше и с глубоким сочувствием смотрела на Малютина.

У Вали Степановой было строгое лицо, и другие девочки неодобрительно молчали.

Хуже всего было Коле Одинцову. Он то сидел на парте рядом с Васьком, стараясь в чем-то убедить его, то отходил к Саше. И, недовольный своим поведением, думал: «Что это я от одного к другому бегаю!»

Одинцов все еще надеялся помирить обоих товарищей.

— Ты бы сказал ему, что виноват, ну и все! — уговаривал он Трубачева.

Васек, разговаривая с Одинцовым, становился прежним Васьком.

— А если по правде, по честности — я виноват, по-твоему? — спрашивал он товарища.

— Виноват! — твердо отвечал Коля. — Не попрекай чем не надо. Ты против Саши барином живешь.

— А он имел право мелом меня попрекать?

Одинцов пожал плечами:

— Не знаю... Если ты клал этот мел, то куда он делся?

Разговоры не приводили ни к чему. Один раз Трубачев сказал:

— С Булгаковым я дружил, а теперь он мой враг. И больше о нем не говори. Я к нему первый никогда не подойду. А ты с ним дружи. И со мной дружи.

— Да ведь нас трое было.

— А теперь ты у меня один остался, — решительно сказал Васек.

К концу дня, видя, что ребята, как будто условившись между собой, не заговаривают о ссоре, Трубачев успокоился, принял свой прежний вид и даже сказал Малютину:

— Я ведь тебя не хотел вчера...

— Я знаю, я знаю! — поспешно и радостно перебил его Сева. — Дело не во мне, я другое хочу тебе рассказать... Только дай мне честное пионерское, что не рассердишься.

— Я на тебя не рассержусь, говори.

Сева быстро и взволнованно рассказал ему про мальчишку в Сашином дворе, как тот осыпал Сашу насмешками, когда Саша нес помой.

Васек стукнул кулаком по парте:

— И ты не выскочил и не дал ему хорошенько? Эх, я бы на твоём месте...

— Я вышел потом... Но это не то, я другое хотел сказать.

Они посмотрели друг другу в глаза. Васек потемнел.

— Ты что же... меня к тому хулигану приравнял? — тихо, с угрозой спросил он.

— Тот хулиган не был Сашиным товарищем, — ответил ему Сева.

СТАТЬЯ ОДИНЦОВА

Одинцов писал статью. Он описывал все происшедшее в классе так, как оно было. Но каждый раз на фамилии Трубачева он останавливался и долго сидел, опустив голову. Потом снова брал перо.

«А теперь ты у меня один остался», — сказал ему Васек.

«Но ведь я в глаза говорил ему, что он виноват. И завтра сам скажу, что статью написал. Как пионеру скажу... Он поймет, что иначе нельзя мне», — волновался Одинцов.

Уже несколько ребят спросили его в классе, какую статью он даст в стенгазету.

— Правду напишешь?

— Как всегда.

Одинцов вспомнил, что, ответив так ребятам, он перестал колебаться, но после этого никак не мог подойти к Трубачеву и ушел домой, не попрощавшись с ним. И всю дорогу в мыслях его что-то двоилось, путалось. Трубачев стоял по одну сторону, а он, Коля Одинцов, — по другую. Ребята ждали от Одинцова правды и справедливости.

«Я спрошу его, как бы поступил он на моем месте, — волнуясь, думал Коля. — Он ведь тоже пионер, он не захочет, чтобы я из-за него пионерскую честь свою запятнал».

Одинцов снова брался за перо:

«...Когда Трубачев выходил, к нему бросился Малютин и сказал: «Трубачев, ты виноват». Трубачев схватил Малютина за плечо и сильно толкнул его...»

Подумав, Одинцов зачеркнул слова «схватил» и «сильно». Вышло так: «Трубачев взял Малютина за плечо и оттолкнул его...»

— Почти одно и то же... — прошептал Одинцов и перешел к следующему происшествию:

«...А потом Мазин за что-то ударил Русакова, и оба спокойно вышли из класса. Редакция надеется, что Трубачев, как пионер и товарищ, поймет, что он сделал нехорошо, и как-нибудь помиритесь с Булгаковым».

* * *

Васек притих. Он вдруг понял, что всех обидел: и тетку, и Сашу, и Севу Малютина, — что он перед всеми виноват. От этого на душе у него было тоскливо, и даже приезд отца не обещал ему радости. Случай на Сашином дворе не выходил у него из памяти. Он думал о Саше. Вспомнил, как они с Одинцовым звали его на каток, а он не мог пойти.

— «А ведь Сашке, конечно, трудно, а я еще попрекнул его. Он, верно, сразу того хулигана вспомнил... Такую обиду Саша не простит. Тетка тоже не простит. Она так заботилась обо мне, а я назвал ее ведьмой... Сева простил. Почему простил Сева — непонятно. Но Малютин вообще непонятный. Может, он трус и не хочет ссориться со мной? Нет, он не трус! Он даже, наоборот, как-то...»

Но как это «наоборот» — Васек не додумал.

Была суббота. После обеда собиралась редколлегия, вчера ребята давали заметки. Интересно, что написал Одинцов?

Вчера из самолюбия Васек не спросил его об этом, хотя сам Одинцов все время начинал с ним разговор о стенгазете. Видно, не знал, как писать, и хотел посоветоваться.

«Наверно, написал просто, что куда-то делся мел и дежурные поспорили между собой», — спокойно подумал Васек.

— Тетя Дуня, мне в школу на собрание нужно.

Тетка молча накрыла на стол. Она все делала теперь молча. Васек слышал, как вчера вечером она сказала Тане:

— Он меня обидел, и я все ему буду делать официально.

Васек вздохнул: «Ну что ж, я тоже официально буду...»

Глава 24

В ЗЕМЛЯНКЕ

Мазин перестал ходить на занятия к Трубачеву. С одной стороны, его мучила история с мелом и он чувствовал себя виноватым перед Васьком. С другой стороны, после злополучного урока он решил подтянуть Русакова и сам превратился в учителя, пригрозив Петьке, что будет считать его последним человеком в Советском Союзе, если он не научится отличать подлежащее от сказуемого и глагол от имени существительного.

Русаков сам понял, что ему никуда не деться от грамматики, и согласился заниматься.

Он хорошо знал, что если Мазин за что-нибудь берется, то «дело будет».

Занимались в землянке. Пообедав, порознь выходили из дому и окольными путями шли к пруду. Ноги проваливались в глубокий, рыхлый снег, вода доходила до щиколотки, пробираться к старой ели было трудно, но зато в землянке было сухо и уютно.

Мальчики отгребли от входа снег и прорыли вокруг глубокие канавы, чтобы дать сток воде. Усевшись поудобнее на мешке, они зажигали коптилку и начинали заниматься. Еще до урока Петя успевал рассказать товарищу тысячу новостей. Уже две недели в их доме жила молодая женщина, которую он называл мачехой. Мачеха пугала и интересовала Петю. Он всегда ждал от нее каких-нибудь неприятностей и рассказывал Мазину:

— Такую пыль в доме подняла! всю мою кровать вверх тормашками перевернула. И чего ей там нужно было?

— Клопов, — изрекал Мазин.

— Может, конечно... А потом, смотрю, на мой стол чернильницу отцовскую поставила, ручку у отца сперла.

— Это что еще за слово у тебя? Говори по-русски.

— Ну, стащила...

— Смотри у меня! А то подумают — я тебя научил, — выговаривал Мазин.

— Ладно, — соглашался Русаков, — пускай стащила... Она вообще нас с отцом не различает: что ему, то и мне! — вдруг похвалился он.

— Различит, когда за ремень возьмется, — поддразнил его Мазин.

— Она сама не возьмется. Отца подучать будет... Она мне вот что один раз говорит: «Петя, может, ты за хлебом сегодня сходишь?» Видал? Думает прислужку из меня сделать!

— А ты хлеб ешь?

— Ем.

— Не ешь, — серьезно сказал Мазин.

— Почему это?

— Потому что она подумает, что ты из нее прислужку хочешь сделать.

Петя засмеялся.

— Ты всегда придумашь чего-нибудь... А мне бы только одно наверняка знать: добрая она или злая? — задумчиво сказал он. — Почему это нельзя сразу человека узнать?

— Узнать, пожалуй, можно, — протянул Мазин.

— А как? — заинтересовался Русаков.

— Принеси ей дохлую кошку.

— Совсем дохлую?

— Не совсем... наполовину... чтоб еще мяукала... Или собаку. Одно из двух.

— И что?

— И посмотри: выкинет она ее или накормит. Кто любит животных, тот добрый человек, а кто их не жалеет, тот сам дрянь! — объяснил Мазин.

— Это верно... А где же мне эту самуюдохлую кошку взять? Если поймать да заморить какую-нибудь? — сморщившись, сказал Петя.

— Ну, и будешь сам дрянь, — отрезал Мазин.

— Ну вот... а говоришь... Легче уж совсемдохлую достать, так ту и жалеть нечего, раз она уже все равно скончалась... А так... все кошки толстые, — припоминая всех знакомых кошек, говорил Русаков.

— Ну ладно! Выбрось все это из головы. Садись. Говори честно: чего знаешь и чего не знаешь?

— Что ты не знаешь, то и я не знаю, — расхрабрился Русаков.

— Ну-ну! Я не знаю — так догадаюсь, — важно сказал Мазин. — Тебе со мной не равняться. А по правде, обоим подтягиваться нужно. Скоро экзамен. Придется как-никак поработать.

Ребята взялись за учебу.

Положив на колени учебник, Мазин экзаменовал Русакова, тут же проверяя и свои знания. Когда оба начинали скучать, Мазин говорил:

— Последнее предложение: «Коля стукнул Петю по шее». Разбирай.

— Нет, ты разбирай: «Русаков положил Мазина на обе лопатки».

— Раньше положи, — говорил Мазин, обхватывая товарища поперек туловища.

Начиналась борьба. Со стен летели пугачи и рогатки, мешок с сеном трещал по всем швам.

Ужинали порознь. Каждый у себя дома. Последнее время Петя стал разборчив в еде. Ворону пришлось выбросить, мороженую рыбу пустили в пруд на съедение ракам.

— Знаешь, Мазин, это кушанье как-то не по мне, — сознался товарищу Петя.

— А какие еще фрикадельки тебе нужны? — ворчал Мазин, очищая котелок от вороньих перьев.

Ложась спать, Мазин размышлял о жизни: «Учиться хорошо можно. В конце концов это не такое трудное дело. Отвиливать, пожалуй, труднее».

И он сразу решил за себя и за Русакова — хорошо подготовиться к экзаменам. История с мелом тоже повлияла на Мазина.

«В общем, все из-за одного лодыря вышло. Знай Петька грамматику — я бы не стащил мел. Не стащи я мел — Трубачев не поссорился бы с Булгаковым, вот и все... А какие товарищи были Васек и Саша! Трубачев и сейчас за Булгакова вступился, когда я сказал, что Сашка нюни распустил... Гм... А в общем, какая это дружба! Из-за одного куса мела все вдребезги! Я бы так Петьку не бросил. Эх, жизнь!»

Мазин был благодарен Трубачеву за помощь по географии. Бывая у Васька в доме, он сблизился с ним и привык к нему, а поэтому всю вину перекладывал на Сашу, да еще в самой глубине сердца сознавал и свою вину, которую, в свою очередь, перекладывал на Русакова, и, не в силах разобраться в этой путанице, засыпая, говорил:

— Эх, жизнь!

«СОВЕРШЕННО ТОЧНО»

Васек торопился. На втором этаже школы, в пионерской комнате, окна были освещены. «Работают уже!... Скорей надо! Сегодня Белкин переписывает, наверно».

— Иван Васильевич, Митя пришел? — спросил он, пробегая мимо Грозного.

— Нет еще... Сергей Николаевич в учительской, — сообщил Грозный.

«Эх, а я опоздал!» — подумал Васек и, пробежав быстро по коридору, открыл дверь в пионерскую комнату.

Одинцов стоял посреди комнаты, держа в руках аккуратно исписанный листок. Ребята окружали его тесным кольцом. Увидев Ваську, кто-то тихо сказал:

— Трубачев!

Все лица повернулись к Трубачеву. Одинцов тоже обернулся и машинально спрятал за спину листок.

Трубачев посмотрел ему прямо в глаза. Потом медленно протянул руку:

— Это про меня? Дай!

Одинцов, бледный, но спокойный, передал ему листок.

— Я не мог иначе... — сказал он.

Васек пробежал глазами статью. Она пестрела его фамилией.

— Совершенно точно, — сказал он, криво усмехаясь и возвращая листок. — Совершенно точно... — повторил он и при общем молчании вышел из комнаты.

— Трубачев! — упавшим голосом позвал Одинцов. — Ребята, что же вы! Остановите его!

— Трубачев! Трубачев! — понеслось по коридору.

— Митя! Где Митя? — волновались ребята.

Саша Булгаков подошел к Одинцову и сел рядом с ним.

— Ты не из-за меня написал? — спросил он, моргая ресницами.

— Нет, я просто правду написал! — Одинцов поднялся. — Белкин, переписывай!

Ребята зашевелились, задвигались, горячо обсуждая случившееся.

Мнения разделились: одни обвиняли Одинцова и говорили, что он не должен был подводить товарища; другие защищали Одинцова.

— Он не имел права иначе! Он поступил честно! — кричали они.

В пионерскую комнату вошел Сергей Николаевич. Он просмотрел стенгазету и прочел статью Одинцова. Ребята стояли понурившись, работа шла вяло. Все ждали, что скажет учитель.

Сергей Николаевич подозвал Одинцова:

— Это с Трубачевым ты просил посадить вас вместе?

— Да, с Трубачевым и Булгаковым.

— Закадычные друзья? А кто же больше друг — Булгаков или Трубачев? — спросил учитель, не глядя на Одинцова.

— Оба, — сказал Коля, мучительно краснея.

Сергей Николаевич положил руку на его плечо:

— Бывают, Одинцов, трудные положения у человека. Но если справедливость требует, то... ничего не поделаешь... — он улыбнулся, — надо себя преодолеть!

В комнату вошел Митя.

— Вы давно здесь? — спросил он, вытирая платком мокрые волосы. — Какая-то труха с неба сыплется... Ну как? Познакомились с материалом?

— Познакомился, — сказал учитель, подвигая ему статью. — Тут много интересного.

Митя быстро пробежал глазами статью.

— Ого! Одинцов пишет про Трубачева! Это новость! — Он вскинул на учителя глаза. — Д-да... Не ожидал от Трубачева. Ведь он председатель совета отряда. Придется поговорить.

Сергей Николаевич кивнул головой:

— Обязательно!

— О чем они? — шепотом спросил у Одинцова Саша. Он чувствовал себя неловко и, когда Сергей Николаевич смотрел в его сторону, готов был провалиться сквозь землю.

— Не знаю, они между собой говорят... Им тоже неприятно все это.

Когда Сергей Николаевич вышел, ребята бросились к Мите и, перебивая друг друга, стали рассказывать, что Трубачев прочитал статью и ушел.

— Экий недисциплинированный парень! Никакой выдержки нет. Придется с ним поговорить по-серьезному.

— Ну что ты, Митя, он же председатель совета отряда!

— Тем более должен знать дисциплину! — нахмурился Митя, подвигая к себе статью и перечитывая ее снова.

Читая, он вскидывал вверх брови, всей пятерней расчесывал волосы и задумчиво глядел куда-то вбок. Потом щелкнул пальцами по столу и весело, по-мальчишески спросил:

— А куда же делся мел?

* * *

Васек не шел, а бежал, натягивая на ходу пальто. На крыльце он чуть не сбил с ног Грозного и далеко за собой оставил его окрик:

— Эй ты, Мухомор, куда?

Пробежав школьную улицу, он наугад свернул в первый попавшийся переулок и оглянулся.

Кончено... Кончено... Одинцов не товарищ... Одинцов осрамил его перед учителем, перед Митей... Одинцов не подумал, что Васек — председатель совета отряда, не пожалел товарища...

Васек покачал головой: «Теперь у меня никого нет... ни Одинцова, ни Саши...»

Он вспомнил Малютина, Медведева, Белкина и других учеников своего класса. Никогда не заменят они ему прежних товарищей. На всю жизнь теперь он, Васек Трубачев, остался один.

Мягкий снег сеялся сверху на серые лужи, на черные островки сырой земли, на Васька Трубачева.

А он все шел и шел, низко наклонив голову, как человек, который что-то потерял и безнадежно ищет.

О заметке Одинцова и о том, что Трубачев сам не свой выбежал из пионерской комнаты, Мазин узнал от Нюры Синицыной. Она встретила его с Русаковым на улице и спросила:

— Не видели Трубачева?

— Нет. А зачем тебе? — поинтересовался Мазин.

— Он, наверно, на редколлегии, — сказал Русаков.

— В том-то и дело, что он сейчас выскочил оттуда как угорелый. Ой, что было! Одинцов нам статью читал, а Трубачев вдруг вошел!

— Какую статью? — насторожился Мазин.

Нюра, захлебываясь, стала рассказывать.

— Когда это было? — схватил ее за руку Мазин.

— Да вот, вот... сейчас! Я за ним, а его уже нет. Я звала, звала... прямо чуть не плакала...

Мазин повернулся к Русакову:

— Иди домой.

— Я с тобой, — бросился за ним Петя.

— Кому я сказал! — прикрикнул на него Мазин и быстрым шагом пошел к дому Трубачева.

В голове у него зрело какое-то решение, но какое — Мазин еще не мог сообразить. Он знал только одно: наступило время действовать. А как? Сознаться в том, что он утащил мел? Этого Мазину не очень-то хотелось. Он надувал свои толстые щеки, изо всех сил стараясь придумать что-нибудь такое, чтобы самому выйти сухим из воды и выручить Трубачева. Голова работала плохо.

Мазин хмурил лоб и размахивал руками.

Потолкавшись на улице около дома Васька, он заглянул в окно.

В кухне Трубачевых горел свет.

Мазин прошелся по двору, подождал. Потом легонько дернул звонок.

— Васек еще не приходил, — сказала тетка. — Он в школе на собрании.

Мазин снова вышел на улицу. Мокрый воротник прилипал к шее.

— Одно к одному, — сказал Мазин, мрачно поглядев на тучи. — Еще и небо расхныкалось...

Он отломил от водосточной трубы сосульку, засунул ее в рот и, прислонившись к забору неподалеку от дома, стал ждать.

«Первым долгом выручить Трубачева, вторым долгом выкрутиться самому... Петьку вообще выгородить», — соображал он, острыми глазами всматриваясь в каждую темную точку, возникавшую в свете уличного фонаря.

Он не сразу узнал Трубачева. Васек, не думая, что кто-нибудь из товарищей видит его, плелся понутив голову, озябший, вымокший под дождем.

Когда Мазин окликнул его, он испуганно оглянулся и, желая скрыться, прижался к забору. «Так вот оно что!» — снова неопределенно подумал Мазин, подходя к нему, и, чтобы дать товарищу время прийти в себя, небрежно сказал:

— Промок я тут, как черт... Где тебя носит?

«Не твое дело», — хотел ответить Васек, но замерзшие губы не повиновались ему.

Он сплюнул в сторону и вызывающе посмотрел на товарища. Но Мазин сплюнул в другую сторону и взял его за пуговицу пальто.

— Дело есть, — сказал он, кашлянув в кулак. — Ты на эту заметку плюнь. Мы тебя выручим, понятно?

Привыкнув во всем действовать сообща с Русаковым, Мазин не заметил, что сказал «мы».

Васек тоже не заметил этого. Его удивило лицо Мазина. Мокрое от дождя, с узкими карими глазами, оно было виноватым, ласковым, и даже голос был необычным для Мазина, когда он повторил:

— Ты брось. Не обращай внимания... Иди спать ложись как ни в чем не бывало... Ну, иди...

Васек, ослабевший от горя, усталый и прозябший, не сопротивлялся.

А Мазин, обняв его за плечи и легонько подталкивая к дому, говорил:

— Придешь — и ложись... Накройся с головой и не думай. Мы тебя выручим.

Он подвел Трубачева к двери, сам дернул звонок:

— Ну, прощай!

— Подожди! — Васек выпрямился. — Мазин... Я ничего не боюсь... я... — Голос у него прервался, он отвернулся и обоими кулаками забарабанил в дверь.

— Ну, бояться еще... Мы им... знаешь... — смущенно пробормотал Мазин.

По лестнице застучали шаги. Дверь открылась.

Мазин засунул руки в карманы и вышел за ворота. Редкие прохожие оглядывались на одиноко шагавшего мальчугана и качали головами.

Сдвинув на затылок шапку и расстегнув навстречу ветру пальто, Мазин шагал посреди улицы и громко пел:

Человек проходит, как хозяин...

Он хорошо знал теперь, что он сделает, и совесть его была чиста.

ПЕТЯ РУСАКОВ

У ворот беспокойно вертелся Русаков. Он то поглядывал на свои окна, опасаясь, что вот-вот из форточки высунется отец и крикнет сердитым голосом: «Петя!», то выбегал на длинную улицу, боясь пропустить Мазина.

Ему необходимо было дождаться товарища. Еще ни разу не было такого случая, чтобы Мазин ушел куда-нибудь один, не посвятив в свои планы верного друга.

«К Трубачеву пошел! — догадывался Русаков. — Неужели про меня скажет?»

Услышав голос товарища, Русаков бросился к нему навстречу.

— Ты что, Колька, на всю улицу орешь?

Мазин спокойно допел до конца строчку «Где так вольно дышит человек». Петя с любопытством посмотрел на него.

Мазин усмехнулся:

— Слушай, я завтра при всех ребятах скажу, что мел стащил я.

— Скажешь?

— Скажу.

Русаков сморщился.

— Что, испугался? — насмешливо сказал Мазин. — Не пугайся, я не про тебя, а про себя скажу.

— Да зачем?

— А затем, что из-за нас Трубачев страдает. Из-за этого проклятого мела про него статью написали. Вся школа читать будет. Что же еще молчать-то!

— Да ведь статья из-за драки!

— А драка из-за чего? Из-за чего драка, я тебя спрашиваю?

— Из-за мела, — грустно сказал Русаков.

— Из-за мела. Что ж, я молчать буду?

— Лучше бы молчал, — нерешительно сказал Русаков.

— Что?! — Мазин приблизил к товарищу сердитое лицо. — Похож я на свинью, по-твоему?

Русаков бегло взглянул на выпяченные губы товарища, на короткий розовый нос с каплями дождя на широкой переносице, на щелочки глаз и, запинаясь, ответил:

— Да... нет!

— А если я не свинья — значит, я человек, — решил тут же Мазин. — А ты трус!

— Я не трус! — вспыхнул Русаков. — Я тоже ничего на свете не боюсь!

Мазин медленно повернул голову и выразительно посмотрел на окна Петинной квартиры.

— Отца, думаешь, да? — заволновался Петя.

— А то нет? Ты только за себя трясешься. Тебе и товарища не жалко. Трубачева в газете протащили. С первой строки до последней все его фамилия только! Эту фамилию теперь по всей школе трепать будут, а ты... эх, испугался! Как бы отец не узнал! — с презрением сказал Мазин и, отстранив Петю с дороги, пошел к дому. — И чего я только дружу с тобой? — с горечью спросил он, оглянувшись на Русакова.

Петя молчал, яростно обгрызая свои ногти.

— Вынь пальцы изо рта! И подумай о себе... — сказал Мазин, осторожно поднимаясь на

цыпочки и заглядывая в окошко первого этажа. — Мама, открой!

Когда Мазин ушел, Русаков глубоко вздохнул и поплелся домой. Он был уже у крыльца, когда свет в его окнах мигнул и погас. Вместо него на занавеске зажелтел тоненький огонек.

«Потушили. Спать легли! — с ужасом подумал Петя. — Ну, теперь будет мне. Сколько раз отец говорил, чтобы я нигде не шатался...»

Дверь оказалась незапертой. Стараясь не шуметь, Петя прикрыл ее за собой, осторожно повернул ключ и на цыпочках прошел через кухню в первую комнату. За ширмами белела его кровать. Он тихонько разделся и накрылся с головой одеялом.

«Притворюсь, что сплю, — тоскливо думал он. — Может, отец до завтра отложит».

Из второй комнаты дверь была приоткрыта. Там горела ночная лампочка и слышались голоса. Сердитый бас отца заглушался тихим, спокойным голосом мачехи — Екатерины Алексеевны. Петя приподнялся на локте и прислушался. Но слов не было слышно. Потом скрипнула дверь. Петя упал на подушку и, стараясь ровно дышать, крепко зажмурил веки. Екатерина Алексеевна, в мягких туфлях, со свечкой в руке, заглянула за щирму.

— Он спит, — шепотом сказала она, прикрывая рукой свечу и возвращаясь к отцу. — Видишь, он спит!

— Знаю я его штучки! Спит! Нашел кого обманывать! — загремел отец.

Кровать затрещала под его грузным телом. Петя съежился в комочек.

— Григорий, я тебе последний раз говорю... я тебе серьезно говорю! — раздался взволнованный голос. — Если ты когда-нибудь тронешь его хоть пальцем, ноги моей не будет в твоём доме. Я знать тебя не хочу! Я тебя возненавижу, понимаешь?

— Да что ты волнуешься, на самом деле? Что, я его хоть раз пальцем тронул? Все только обещаю... А следовало бы разок проучить!

— Гриша, никогда я не позволю...

— Ну-ну, не волнуйся, Катюша! — снисходительно усмехнулся отец.

— Я не волнуюсь, а просто сейчас же уйду. И я не шучу, ты знаешь.

— Да замолчи ты! Сказал — не буду! — рассердился отец. — Но уж если он пакости какие-нибудь будет делать, справляйся с ним сама.

— И справлюсь! У тебя помощи не попрошу.

Петя с широко открытыми глазами сидел на постели и слушал.

«Не выдержит он — побьет меня когда-нибудь... И она уйдет... уйдет... уйдет... — с отчаянием думал он, зарываясь в подушку и обливая ее горячими слезами. — Не буду я один здесь жить! Не буду без нее...»

* * *

Утром Петя проснулся рано и сразу вспомнил вчерашнее.

«Так вот она какая! — думал он про мачеху. — Надо сейчас же Кольке рассказать!»

Он вскочил, оделся и побежал на кухню. Екатерина Алексеевна пришла со двора с пустым ведром.

— Колонка испортилась, — сказала она соседке. — Теперь, пока починят, насидимся без воды.

— Я принесу. Я знаю где! — радостно сказал Петя, хватая пустое ведро.

— Колька! Колька! — забарабанил он в окошко Мазина. Тот отодвинул занавеску и

просунул в форточку заспанное лицо:

— Выпороли?

— Наоборот. Она не дала, — прижимая к груди ведро, сообщил Петя.

— Ну?

— Вот тебе и «ну»! Так его пугнула, что держись!

Русаков, оглядываясь во все стороны, передал товарищу подслушанный вечером разговор.

— Так вот оно что... — поднимая брови, протянул Мазин.

Он сидел на подоконнике в одной рубашке, с всклоченной головой.

— А чего же тебя черти чуть свет по двору носят? Я думал, ты после порки бегаешь, — зевая, сказал он.

— Нет, я с ведром... Как бы не увидели нас вместе, — забеспокоился Петя. — Я пойду, Мазин.

— Ну, иди! А я посплю еще, — задерживая занавеску, сказал Мазин.

Петя побежал по улице.

«Где еще колонка есть, — припоминал он, — или водопровод?»

Колонки поблизости не было.

«В школе! — вдруг вспомнил Петя. Школа была недалеко от их дома. — Легче всего там! Еще рано, ребят нет, а Грозному скажу — отец послал».

Крыльцо было чисто вымыто дождем. На перилах висели половики из раздевалки. Где-то в классах грохотали передвигаемые парты. Слышно было, как Грозный выговаривал уборщице, что она плохо моет пол под партами.

Петя пробрался в умывалку, открыл кран и подставил ведро. Вода текла медленно.

«Сбегаю пока, посмотрю, повесили уже газету или нет», — решил Петя.

В коридоре у классной двери висела новая газета.

«Повесили!»

Петя на цыпочках подошел к ней. Статья Коли Одинцова под жирным заголовком «Жизнь нашего класса» действительно пестрела фамилией Трубачева.

«Вот свиньи! Ну свиньи! — возмутился Петя. — Написали бы: «один мальчик», а то полную фамилию напечатали».

Он вдруг хлопнул себя по лбу, вытащил из кармана химический карандаш, плюнул на ладонь и не раздумывая жирно замазал фамилию Трубачева, потом оглянулся и бросился бежать.

«Вот Мазин обрадуется! Скажет: молодец ты, Петька! — ликовал он, расплескивая себе на ноги воду и сгибаясь под тяжестью ведра. — И как это мне повезло так! Даже Грозный меня не видел».

По дороге он встретил Екатерину Алексеевну.

— Куда ты бегал? Уже в нашей колонке вода пошла. Иди скорей, поешь и в школу собирайся. Я сейчас приду.

«Пока она придет, я ей полным-полно воды натаскаю. На три дня!»

Петя перелил воду в бак, схватил второе ведро и побежал к колонке.

Мазин взял книги, вышел во двор и тихонько свистнул. Никто не откликнулся.

«Ушел без меня, видно! Не опоздать бы мне», — забеспокоился Мазин.

К забору подошла молодая женщина в меховой шубке и теплом платке.

Мазин сорвал с головы шапку и широко раскрыл перед ней калитку. Он узнал Петину мачеху.

ПОДОЗРЕНИЕ

В коридоре около газеты толпились ребята. Через их головы испуганно выглядывали девочки.

— Кто же это? Кто же это? — слышались взволнованные голоса.

— Жирно замазал!

— Одну только фамилию!

— Специально!

— Ох, и попадет за это!

— Одинцов, видел? Пропала твоя статья!

— Не нужно было писать ее!

— Эх, ты, испугался! «Не нужно писать»!

Одинцов молча кусал губы. Лида Зорина черными тревожными глазами об — водила все лица:

— Неужели это кто-нибудь из нашего класса?

Синицына, расталкивая всех, вынырнула из кучи ребят:

— Ой, девочки! Когда же это он сделал?

— Кто «он»? — сердито прикрикнул на нее Одинцов. — Ты знаешь? Держи язык за зубами!

— Фу! Чтой-то мне держать язык за зубами! Это ты бы не расписывался в своей заметке.

А то Трубачев! Трубачев! Трубачев! — съязвила она. — Сам на своего товарища написал!

— Не твое дело! Уходи отсюда!

— И пойду... Скоро звонок. Мое дело маленькое. Кто замазал, тот и отвечать будет. Не хотела бы я быть на его месте!

— А я не хотела бы быть на твоём месте, Синицына, — тихо сказала Валя Степанова, складывая под подбородком ладони и крепко зажмуривая веки. — Ни за что, ни за что не хотела бы я быть на твоём месте!

— Скажите, какая артистка нашлась! «Ни за что! Ни за что»! Почему это? — передразнила ее Сеницына.

— Потому что ты говоришь, как чужая, — твердо сказала Валя Степанова.

— «Чужая»... — протянула Сеницына, глядя на нее злыми глазами. — А ты своя?

— Она своя! Она наша! — крикнула Надя Глушкова. — И потому ей всех жалко. А тебе никого не жалко.

— А кого мне жалеть? Вот еще! Не надо было фамилию замазывать! Я за других не отвечаю. И нечего ко мне придирааться.

— Да кто к тебе придирается? Отстань, пожалуйста! — с досадой отмахнулась Валя Степанова.

— Ладно, ладно! Я все понимаю... И насчет стихов тогда придрались. Завидуете мне — вот и все!

— Завидуем? — Девочки удивленно переглянулись.

— Да, завидуете! А больше я ничего не скажу! И кто замазал — не скажу! — крикнула Нюра.

— Сеницына, на кого ты думаешь, говори прямо! — подбежала к ней Зорина.

— На кого думаю? Это мое дело! — сказала Сеницына, уходя в класс.

— Бормочет какие-то глупости, — пожала плечами Валя.

— Я знаю, про кого она говорит, — хмуро сказал Медведев, поглядев вслед Сеницыной.
— Ладно, Митя скорей нас разберется! А я прямо скажу: довели человека до зла. Одинцов не имел права...

— Нет, имел!

— Если дружишь, так не подводи товарища, вот что!

— Одинцов звеньевой... да еще редактор!

— А Трубачев — председатель совета отряда!

— Ну и пропал он теперь!

Девочки собрались в кучку и шепотом разговаривали между собой.

— Лучше прямо сказать, чем за глаза, — слышался взволнованный голос Лиды Зориной.

— Конечно, это обидно... Надо прямо спросить, — соглашалась с ней Степанова.

— Нет, нет! Не надо! Лучше подождать. Он и сам сознается, если это он! — горячо возражали им девочки.

В коридоре показался Мазин.

Он замедлил шаг, нагнул шею, крепкой головой раздвинул ребят и уставился на газету. Потом поднял руку, почесал затылок, глубоко вобрал воздух, шумно выпустил его и, глядя себе под ноги, сказал:

— Эх, жизнь!

И тут только заметил Петю Русакова.

Петя стоял в сторонке и растерянно улыбался товарищу. Но Мазину было не до него.

— Трубачев пришел? — шепотом спросил он.

— Нет еще.

Мазин сел за свою парту: «Если сейчас сказать про мел? Не поможет Пропадет заряд... Как же это он? Сгоряча, верно... Эх, ты!... Что же теперь делать-то? Я же ему сказал: выручу, а он давай фамилию черкать. А теперь вовсе как-то будет...»

Мазин встал и, засунув руки в карманы, направился к Одинцову.

Коля Одинцов, окруженный кучкой ребят, горячо спорил с кем-то:

— А если товарищ мой человека убьет, я тоже молчать должен?

На лбу у него выступили капли пота, лицо было серое, нос заострился.

Мазин взял его за локоть:

— Ты это ладно... потом объяснять будешь. А сейчас давай-ка... сними статью. Пусть Белкин заново перепишет. Одинцов повернулся к Мазину.

— Ты это что, с ума сошел? — заикаясь, спросил он.

— Нет еще, не сошел. Это ты... — Мазин с презрением посмотрел прямо в лицо Одинцову, но сдержался и только глухо сказал: — Давай Белкина!

— Мазин, ты что, еще хуже хочешь сделать? — стискивая зубы, сказал Одинцов. — Все обманом? А пионерская честь у тебя где?

— Эх ты, пионер! Пионер — это товарищ, а ты кто? — остро поблескивая глазами, сказал Мазин.

В класс вбежал Саша. Он кого-то искал.

— Одинцов! Одинцов!

— Булгаков, видел? — подбежали к нему ребята.

— Видел... Где Одинцов?

— Саша! — Одинцов прыгнул с парты и подошел, к товарищу.

Саша крепко сжал его руку:

— Там фамилия зачеркнута.

Одинцов усмехнулся.

— Ты думаешь, это он? — шепотом спросил Саша.

Одинцов кивнул головой.

— Что же будет, Коля? Ведь это же... совсем уже... — Саша запутался в словах. — Наверно, на сборе вопрос будет...

Саша умоляюще взглянул на Одинцова.

— Я не знаю, что делать, Саша... Понимаешь, он, верно, сгоряча, со зла, что ли, — с отчаянием сказал Одинцов. — Надо с Митей поговорить. Все равно он узнает.

— И Сергей Николаевич узнает. Вся школа будет знать, — с испугом сказал Саша и вдруг горячо зашептал: — Я с ним в ссоре, но это ничего не значит, я буду защищать его... Я скажу, что он хороший председатель, что ребята любят его. А ты, Одинцов?

— Я тоже, конечно! Надо просить, чтобы ему только предупреждение сделали в случае чего, понимаешь?

У Саши покраснели веки.

— Ему это ужасно... Он гордый очень.

В класс вошел Сева Малютин. В синей курточке с тугим воротником он казался очень тоненьким и бледным. На щеки его не то от длинных черных ресниц, не то от больших синих глаз ложилась голубоватая тень. Он оглянулся на чей-то голос и громко сказал:

— Это неправда! Он сам скажет всем, что это неправда! — Сева тяжело дышал, но голос у него был сильный и звонкий.

На минуту в классе все стихло.

— Ручаешься? — спросил чей-то насмешливый голос.

— Ручаюсь!

Надя Глушкова подбежала к Севе:

— Малютин, не спорь! Тебе нельзя...

Петя Русаков втянул голову в плечи и боком подошел к Мазину:

— Коля, мне нужно тебе сказать что-то...

Мазин даже не взглянул на него:

— Сядь на место, не до тебя мне!

Петя замолчал и тихонько сел на место.

«Сказать или не сказать Мазину? Ведь я же лучше хотел сделать! Я же не знал, что так выйдет, — тоскливо думал он, искоса поглядывая на Мазина. — Пусть лучше он меня по шее стукнет!»

Он снова близко придвинулся к другу:

— Мазин, слушай...

— Ты что лезешь ко мне? У меня и так в голове все вверх тормашками! — повернулся к нему Мазин. Лицо у него было красное, сердитое.

«Потом скажу, — решил Петя. — Сейчас он, верно, придумывает что-то».

Мазин не придумывал, он думал: «Дело пойдет дальше... вопрос поставят на сборе. Тогда я и про мел скажу. Честно. Из-за чего дело вышло».

В классе было очень шумно. Ребята кричали, спорили, нападали на Севу.

— Нам его не меньше твоего жаль! — кричал Медведев. — Но раз это он сделал, нечего на других тень наводить.

Лицо Севы вспыхивало от волнения, он часто кусал сухие губы:

— А я говорю, что это не он! Трубачев этого сделать не мог! Он не трус! И это сделал не он!

— А кто же — ты? — крикнул кто-то из ребят и осекся.

Васек Трубачев остановился на пороге, откинул со лба волосы и встретился глазами со всем классом.

Стало очень тихо.

Васек посмотрел на Мазина: «Выручил, нечего сказать!» Он сел за свою парту и снова посмотрел на лица ребят: «Еще подумают, что это я сделал!»

Никто не говорил ни слова, никто не смотрел в его сторону. Молчание было так тягостно и напряженно, что Лида Зорина не выдержала. Она поднялась с места и громко сказала:

— Трубачев! Мы хотим тебя спросить всем классом: кто зачеркнул твою фамилию в газете?

Мазин сделал Ваську предупреждающий знак бровями. Он хотел сказать: «Подожди сознаться! Может, я еще что-нибудь придумаю».

Но Трубачев понял этот знак по-своему. Он вспомнил, как Мазин ждал его вечером у крыльца, какое было у него виноватое и трогательное лицо, и решительно ответил:

— Я не знаю, кто это сделал!

И вдруг ясно понял, что именно его, Васька Трубачева, подозревает весь класс в этом трусливом поступке. Он вспыхнул от новой неожиданной обиды, вскипел от злобы, но... посмотрел на Мазина и опустил глаза.

— Он! — тихо и отчетливо сказал кто-то на задней парте. Звонок заглушил эти слова, но Васек слышал их, и, когда Сергей Николаевич вошел в класс, он даже не поднял головы.

— Я знаю, что у вас большая неприятность, — сказал Сергей Николаевич, избегая смотреть на Трубачева. — Но сейчас мы ее обсуждать не будем. Такие вещи разбираются на пионерском сборе организовано, по-товарищески, сообща... А пока успокойтесь, и будем заниматься.

Он начал вызывать к доске.

В число вызванных попал Петя Русаков. Он ничего не боялся и даже был рад, что Сергей Николаевич вызвал его, так как считал, что хуже случившегося ничего уже не может быть. Кроме того, занятия в землянке действительно укрепили его знания, и Русаков отвечал спокойно и уверенно. Сергей Николаевич остался доволен им.

Петя сел на свое место и толкнул локтем Мазина, ища его улыбки и одобрения. Но Мазин только с досадой пробурчал себе под нос:

— Давно бы так!

Он был занят Трубачевым. Васек несколько раз поймал на себе его внимательный взгляд и горько подумал: «Боится, что я его выдам... Эх, Мазин!»

Он хорошо понимал, что оправдаться, не выдав Мазина, ему невозможно, но о том, чтобы выдать товарища, совершившего этот поступок ради него, не могло быть и речи. И с каждой минутой камень на душе Трубачева становился все тяжелее.

Васек сидел тихо, не поднимая головы. Он знал, что все, не исключая Сергея Николаевича, думают, что это он, председатель совета отряда Васек Трубачев, зачеркнул из трусости свою фамилию в газете.

На перемене он ждал вопросов, шума, крика. Но один только Мазин подошел к нему и тихо, с сожалением сказал:

— Эх, сгоряча! Зря это...

Васек улыбнулся жалкой, растерянной улыбкой:

— Не бойся, Мазин...

После второго урока он потихоньку собрал свои книжки и шел из школы.

А в классе после его ухода стало тихо и тревожно, как в семье, когда кто-нибудь близкий внезапно тяжело заболел. У всех был один вопрос: что делать? И все чувствовали себя в чем-то виноватыми.

Уроки кончились. Школа быстро пустела.

Слышно было, как по коридорам с шумом пробежали ребята, хлопали двери, затихали голоса. Из четвертого «Б» расходились медленно и неохотно. Дольше всех оставались

девочки. Окружив Лиду Зорину и Валью Степанову, они высказывали свои догадки и предположения, то осуждая Ваську, то сочувствуя ему.

— Ой, девочки! Как ему теперь быть? — спрашивала всех Надя Глушкова.

— Он хотя бы нам-то сознался! Хотя бы нам-то! — кричала в ухо Зориной девочка с толстым вязаным шарфом на шее.

— И куда он пошел? Вот так взял и пошел, — жалобно повторяла толстушка с красными щеками, затягивая ремни на книжках. — Мы бы тут что-нибудь придумали все вместе...

— Уж вы бы придумали! — передразнила ее Синицына. — Он только в класс вошел, как на него все глаза вылупили, как на зверя какого!

— Ничего не вылупили, а только смотрели!

— Вы всегда так! Нападете на человека... На меня тоже сколько раз нападали!

— Нашла с кем себя сравнивать — с Трубачевым! — возмутились девочки.

— Перестаньте! — остановила их Валя Степанова. — Мы с Лидой решили пойти к Мите.

— К Мите? Он уже ушел!

— Пойдемте тогда к нему домой!

— Верно! Правильно! Пойдемте все! Девочки гурьбой вышли из школы.

— Только вы не заходите, по стойте во дворе, а то нас много, — предупредила Лида.

Митя жил далеко. Было сыро и холодно. В мокрых варежках зябли руки. Резкий ветер трепал платки и шапки, забирался под воротники.

Быстро наступали сумерки. Разговор становился тише. На одной из улиц несколько девочек повернули к себе домой.

— Все равно всем нельзя войти... А на дворе стоять холодно...

— Я боюсь, меня мама заругает!

— А я, девочки, очень кушать хочу! — созналась толстушка.

— Идите, — отпустила их Лида.

Надя Глушкова долго не решалась уйти и, уткнув в муфту красный, замерзший нос, плелась рядом.

— Иди домой, Надя, — говорила ей Степанова. — Ты совсем замерзла.

— А вы как же?

Она долго смотрела им вслед.

Нюра Синицына шла до самого дома Мити.

— Нюра, ты не ходи! — строго сказала ей Лида. Синицына осталась ждать во дворе. Засунув в рукава пальто красные пальцы и постукивая замерзшими ногами, она вытягивала шею, заглядывала в освещенное окно Митиной комнаты и прохаживалась мимо крыльца.

Митина мама, невысокая женщина, открыла девочкам дверь:

— Нету, нету Мити! Вон товарищи у него сидят. Они небось знают... Где у вас, ребята, Митя-то? Девочки спрашивают.

За столом два Митиных товарища играли в шахматы.

— Он в клубе. А чего надо-то? — лениво пробасил один. — Мы сейчас туда пойдем, можно передать.

— А в чем дело, девочки? — весело спросил другой, отодвигая шахматы.

— Мы из школы. Митя наш вожатый... — смущенно начала Лида.

— А, из школы! Ну, говорите!

Девочки замялись:

— Нам с Митей нужно...

— Да по стойте! Сядьте-ка!

Товарищи придвинули девочкам стулья. Лида и Валя присели вместе на один стул.

— Может, у вас случилось что? Набедокурил кто-нибудь? Говорите начистоту! Ну, кто посмелее?

— Мы не боимся... — начала Валя.

Лида поспешно перебила ее:

— Ничего у нас не случилось! И никто не бедокурил! Ничего подобного! — Лида дернула тесемки меховой шапки и глядела прямо в глаза. — У нас вообще... Вот пусть Валя скажет...

Валя встала:

— Наша школа самая лучшая... (Товарищи незаметно толкнули друг друга.) А к Мите мы по одному делу... Пойдем, Лида! До свиданья!

Она потянула за собой подругу.

— Ах, ах, в эдакую погоду!... — закрывая за ними дверь, сокрушалась Митина мама.

Девочки вышли на крыльцо.

— Я так боялась, что ты скажешь, — зашептала Лида.

— Ну что ты! Про свой класс?... Мити нет, — сказала Валя Синицыной.

— Куда же теперь?

Девочки стояли на улице. В домах уже зажглись огни.

— Если нам прямо к Трубачеву пойти, — предложила Валя.

— Нет! Там у него тетя... она ничего не знает, — протянула Лида.

— Домой к Трубачеву? — Синицына замахала руками. — Вы с ума сошли! Да он нас выгонит! Он злой сейчас...

— «Злой, злой»! — с раздражением оборвала ее Лида. — Ты всегда о людях плохое говоришь! Ты сама злая!

— Почему... я злая? — растерялась Синицына. — Я ведь как лучше хочу. Я ведь... — Она запнулась и вдруг со слезами закричала: — Вы всегда на меня нападаете! Я у вас и злая и чужая! Ну и не надо! Идите сами, когда так!

Она повернулась и быстро побежала по улице.

— Ну и лучше, — неуверенно сказала Лида. (Валя молчала.) — Она всегда так — закричит, закричит, как будто ее обидели...

Валя с укором взглянула на подругу:

— Она заплакала...

— Ну, заплакала... А так тоже нельзя — все ей прощать да прощать!

— Пойдем в школу, спросим: был Митя? — сворачивая за угол, сказала Степанова.

— Подожди... — Лида остановилась и, прикрыв от ветра глаза, оглянулась. — Может, еще догонит?

— Синицына? Нет!... Пойдем скорее! У нас в детском доме сейчас ужин, наверно. Тетя Аня будет беспокоиться.

В школе Грозный встретил девочек неприветливо:

— Вы по какому такому расписанию являетесь?

— Иван Васильевич, Митя был?

— Был, был! Отправляйтесь по домам!

Прощаясь, Валя сказала подруге:

— Знаешь, не говори больше Нюре, что она злая. И я не буду.

На крыльце Лиду встретила мама. Она была в пальто и теплом платке.

— Ну, Лида, можно ли так делать? Я уж не знала, куда бежать.

— Ой, мамочка, сколько всего наслучалось в этот день! — прижимаясь к теплему маминому платку, тихо сказала Лида.

А в большой спальне детского дома на кровати сидела Валя и, опираясь локтем на подушку, шепотом рассказывала что-то своей воспитательнице.

— Постой, постой! Кто это Трубачев и какая Синицына? — переспрашивала тетя Аня.

Глава 28

МАЧЕХА

Петя Русаков избегал Мазина. Он не мог ни на что решиться. Он знал, что товарищу сейчас не до него, что он занят одной мыслью: как выручить Трубачева.

«И что ему Трубачев?» — ревниво думал Петя, но его самого грызло сознание своей вины перед Трубачевым.

После школы, когда они шли вместе, Мазин, что-то уточняя про себя, сказал загадочные слова:

— Сначала дурак, а потом трус...

Петя испугался и даже не стал спрашивать, что это значит, и успокоился только тогда, когда после долгого молчания Мазин добавил:

— Не похоже на Трубачева.

Значит, он думал не о Пете.

Дома Екатерина Алексеевна была одна.

— Давай скорей обедать, Петя. Я ужасно хочу есть, еле дождалась тебя!

— А вы бы обедали без меня.

— Я не люблю одна. Мой скорей руки и садись!

— А папа поздно придет? — чтобы выказать ей внимание, спросил Петя.

— Папа большую партию обуви сдает... спешил, нервничал утром, — озабоченно сказала Екатерина Алексеевна, наливая Пете суп. — Он ведь хочет везде первым быть, наш папа!

— А я сегодня хорошо по русскому ответил, — ни с того ни с сего сказал Петя.

— Да что ты! Вот порадуем отца, а то он все беспокоится... А по какому предмету у тебя плохо? Ты мне покажи — можно разделить на небольшие кусочки и подогнать понемножку, — просто сказала Екатерина Алексеевна.

Голос у нее был спокойный, серые глаза смотрели на Петю дружески-ласково. Петя понял, что она совсем не собирается говорить ему надоедливые и неприятные слова: лентяй, лодырь, неблагодарный... Он стал рассказывать, принес учебники. Про арифметику он сказал с гордостью:

— Это у меня хорошо. Я задачи любые решаю.

— А я, помню, как мучилась с ними, — засмеялась Екатерина Алексеевна. — Прямо плакала иногда!

Она стала рассказывать о школе, в которой училась, вспоминала разные случаи. И Петя вдруг увидел, что она еще совсем не старая. Ему даже стало смешно, что она называется мачехой и что он мог ее бояться.

После обеда они вдвоем мыли посуду.

— Это твой товарищ, толстячок такой? — спросила Екатерина Алексеевна. — Я его во дворе видела. Хороший мальчик, приветливый такой, вежливый!

Петя удивился. Никто еще никогда не говорил так о его друге.

— Это Мазин! — гордо сказал он. — Я его позову как-нибудь, можно?

— Конечно. Комната большая — можете и почитать и позаниматься тут. И мне веселее будет.

— Может, сейчас его позвать? — обрадовался Петя.

— Когда хочешь! — расставляя в шкафу посуду, отозвалась мачеха.

Петя вышел во двор. По старой привычке, он сейчас же, немедленно передал бы Мазину весь этот разговор, но теперь у него на душе скребли кошки.

«Надо мне все обдумать самому, как быть. Если сознаваться, то сейчас, сию минуту... Хотя теперь уж все равно поздно... Надо было в школе...»

Петя не пошел мимо окон Мазина, он обогнул сарай и вышел на улицу с другой стороны двора, через старую калитку. Вдоль улицы бежал широкий мутный ручей. Петя вытащил из кармана обрывок бумаги, навертел его на щепку, пустил по ручью и пошел за ним. Мысли у Пети были невеселые.

«Если сказать Мазину, он скажет Трубачеву. А может, даже заставит сознаться перед всеми. Да еще трусом назовет и презирать меня будет. А на сборе, когда все узнают, скажут: чего молчал? И начнут прорабатывать... А там еще отца в школу вызовут... и отец...»

Петя похолодел. Щепка с размокшей бумагой давно уплыла с мутной, серой водой.

«Если бы отец выпорол где-нибудь... не дома, чтобы она не знала...»

Петя вспомнил ясные серые глаза Екатерины Алексеевны, их сегодняшний разговор об уроках, о Мазине.

Он вдруг представил себе, как она надевает свою шубку, повязывает пушистый платок и, не оглядываясь, бежит к двери.

И он, Петя, опять остается один на всю жизнь...

— Ты что в самую лужу залез? Вот мать тебе покажет за это! — проходя мимо, сказала какая-то женщина.

Петя пошел домой.

— Постой, у тебя в калошах вода хлюпает. Сними их в кухне. И ботинки сними, — сказала мачеха. — Да где ты болтался? На, мои шлепанцы надень! — Она бросила ему войлочные туфли и строго сказала: — Это не дело, Петя, так насмерть простудиться можно!

— А кому я нужен? — улыбнулся Петя.

— Такой глупый никому не нужен, — сказала Екатерина Алексеевна, присаживаясь с ним рядом и стаскивая с его ноги мокрый чулок. — А вообще никогда не смей так говорить! Не обижай папу и меня.

— Я не буду! — сказал Петя и тут же решил никогда, ни за что не сознаваться в своем поступке. Что бы ни было!

НАДО ПОСОВЕТОВАТЬСЯ

На тихой улице в маленьком домике с тремя окошками всегда далеко за полночь светился огонь. Люди, идущие на ночную смену, привыкли к этому огоньку, как привыкают к обычному уличному освещению. А когда огонь погасал, какая-нибудь соседка, зевая, говорила:

— Учитель свет погасил. Видно, дело к рассвету.

Сергей Николаевич сидел за своим письменным столом. Сбоку лежала горка журналов; под тяжестью книг сгибались полки; из портфеля выглядывала стопка тетрадей. Толстая книга с несколькими закладками лежала перед ним. Он медленно перелистывал ее, отмечая карандашом какие-то строчки, и, положив подбородок на скрещенные пальцы, думал.

Учитель учился.

Рядом, в маленькой комнатке, спал его старик-отец. Седая голова его покоилась в теплой ямке подушки, одеяло со всех сторон было заботливо подвернуто.

Было часов одиннадцать. Под окнами еще слышались шаги прохожих и обрывки фраз, когда Сергей Николаевич сел за свой письменный стол. Он перевернул несколько страниц книги своего любимого педагога Ушинского, отложил книгу в сторону и долго сидел задумавшись.

«Готовых рецептов, видно, нет. В каждом отдельном случае свои причины и вытекающие из них действия... Правильное решение зависит от правильного понимания ребенка...»

Думая так, Сергей Николаевич машинально ставил на листе бумаги какие-то черточки, потом так же машинально написал три фамилии: Трубачев, Одинцов, Булгаков. Осторожно соединил их стрелками, потом зачеркнул Трубачева и поставил его отдельно. И, откинувшись в кресло, устало моргая и морща лоб, он стал решать про себя какую-то трудную задачу. Ответ на нее напрашивался простой: рассердился на статью и зачеркнул свою фамилию. Но этот ответ не удовлетворял учителя. Подавленный вид Трубачева тоже ни в чем не убеждал его.

— Нет, это не так просто... не так просто, — тихо говорил он себе, вспоминая Трубачева другим: с открытыми, смелыми глазами, с горящим, огненным чубом на загорелом лбу. Сергей Николаевич, ловил себя на особой симпатии к этому ученику. — Может, я невольно пытаюсь оправдать его, потому что он мне симпатичен больше других?

Лицо его стало строгим. Во всяком случае, мальчишке не хватает дисциплины. Ушел из класса, ушел с редколлегии.

Учитель нахмурился и протянул руку к стопке тетрадей. На одной из них было старательно выведено: «В. Трубачев». Тем же почерком чисто и старательно написаны целые страницы. Сергей Николаевич улыбнулся. Ему почему-то представилось, что когда Трубачев пишет, то обязательно высовывает кончик языка и болтает под столом ногой. И все же отличник... Самолюбивый. Умеет заставить себя заниматься. Пользуется авторитетом в классе. Выбран председателем совета отряда...

Мысли учителя снова возвращались к классной газете и зачеркнутой фамилии.

«Может, именно поэтому и сорвался, что самолюбив и горд? А может, это сделал кто-

нибудь другой, например Одинцов, не выдержавший роли беспристрастного редактора?...»

Сергей Николаевич вспомнил Одинцова. Нет, бледный и расстроенный Одинцов не считал себя виноватым. В нем чувствовалось сознание своей правоты, несмотря ни на что... Булгаков?

Учитель тепло улыбнулся:

«Этот весь — раскрытая книга. Простая, искренняя душа. Все написано на его доброй, круглой физиономии».

В соседней комнате тихо и уютно тикали ходики. Они почему-то напоминали домовитого сверчка под теплой печкой.

Сергей Николаевич прислушался к дыханию отца.

«Надо бы чаще гулять ему, — озабоченно подумал он. — Если бы мне выкроить время как-нибудь после уроков и куда-нибудь пойти с ним».

Он вынул из кармана записную книжечку. Родительское собрание... Педсовет... Методическое совещание... Партийное собрание. Скоро учительская конференция.

Он закрыл книжечку и глубоко вздохнул: «Нет, гулять не придется. А эти дни вообще все заняты... Прежде всего трубачевскую историю надо распутать».

В окошко кто-то осторожно постучал. Сергей Николаевич увидел приплюснутый к стеклу нос и молодое встревоженное лицо.

Он помахал рукой и пошел к двери.

— Вы извините, Сергей Николаевич! Уже поздно, но такой случай... Я думаю, посоветоваться надо.

— Хорошо, Митя. Я ждал вас. Завтра сбор вы назначили?

— Ясно! — Митя пожал плечами. — Вот какая ерунда получается! Просто безобразие! Может, я сам виноват, Сергей Николаевич. Выдвинули мы такого неустойчивого парнишку, сделали его председателем совета отряда, а он черт знает что делает! — запальчиво сказал Митя, с шумом придвигая к столу табурет.

Сергей Николаевич показал на приоткрытую дверь в соседнюю комнату:

— Там у меня старик спит.

— Ой, простите! — шепотом сказал Митя. — Но я просто готов хоть сейчас бежать к этому Трубачеву.

Учитель улыбнулся:

— Подождите. Не принимайте скороспелых решений. Прежде всего нужно все хорошенько обдумать. Митя поднял брови и виновато улыбнулся:

— Это точно. Но тут случай такой, что просто голова кругом идет. На каждом сборе про эту дисциплину долбишь, долбишь... — Он махнул рукой и отвернулся. Потом вытащил клетчатый платок, шумно высморкался и с испугом покосился на дверь: — Ой, извините! Опять забыл...

— Постараемся разобраться вместе. Случай этот, может быть, очень простой, а может быть, и очень сложный. Его интересно обсудить на сборе. Если вы хотите, чтобы ребята что-нибудь прочно усвоили... здесь и дисциплина и всякие другие насущные вопросы... только не долбить! — Сергей Николаевич ближе придвинулся к Мите. — Только через подобные случаи, через опыт их собственной жизни, на ошибках, на хороших примерах... Вспомните себя, Митя. Поставьте себя на место Трубачева, Одинцова и других. — Сергей Николаевич взял Митю за руку. — Вожатый — это самый близкий товарищ.

— Сергей Николаевич! Я, вы знаете, все готов... Но эта история... — Митя развел руками. Учитель перебил его:

— Подождите. Всяко бывает. Давайте-ка обсудим эту историю спокойно. У меня есть свои предположения...

Сергей Николаевич говорил, Митя слушал...

Далеко за полночь не гас в окошке учителя привычный огонек, освещаая ровным, теплым светом тихую улицу.

Тетка беспокоилась. Выдерживая характер, она редко заговаривала с Васьком, зато часто жаловалась Тане:

— И что это Павел Васильевич не едет? А тут мальчишка чудить начал. И мне грубостей наговорил, и сам как побитый ходит... То ли возраст у него ломается, то ли обижает его кто, только и с лица и с изнанки совсем не тот парень стал. А приедет отец — с меня спрашивать будет.

— Обязательно спросит, — качала головой Таня.

— Да что же, я за ним плохо смотрю, что ли?

Таня набралась храбрости:

— Плохо не плохо, да все сердитесь на него, а он на ласке вырос.

— «На ласке вырос»! То-то и смотрит волком на всех... «Плохо не плохо»! Ишь, яйца курицу учат! — сердилась тетка.

Но, учитывая про себя Танины слова и вглядываясь в потемневшее, осунувшееся лицо племянника, она решила изменить свою тактику и пойти на мировую.

* * *

Васек бродил по городу, не зная, куда себя деть. Ему казалось, что все, взрослые и дети, смотрят на него и удивляются, почему он не в школе. Вот-вот кто-нибудь спросит.

Васек прятал под мышку сумку и старался держаться отдаленных улиц. Он чувствовал себя пропащим, конченным человеком и с горечью думал об отце: «Знал бы он все — не сидел бы там...»

Положение, в которое попал Васек, казалось ему безвыходным. Единственно, что могло бы оправдать его, — это полное признание Мазина.

«А Мазин сам меня боится, — думал Васек. — Он не знает, что я скорей умру, чем выдам его».

Народу на улице было мало: первая смена рабочих еще не кончила работу, все ребята сидели в школах, одни домашние хозяйки, громко переговариваясь между собой, расходились с рынка.

По дороге рядом с санями, нагруженными кирпичом, лениво потряхивая вожжами, шагали возчики в серых фартуках поверх теплых стеганок. Лошади, упираясь на передние ноги, вытягивали задние и, тяжело дыша, останавливались. Над боками у них поднимался теплый пар. Возчики забегали вперед, кричали, хлестали лошадей вожжами. Дорога была немощеная, талый снег густо смешивался с грязью, полозья попадали в глубокие колеи или, поскрипывая, ползли по голой земле.

Одни сани застряли, очевидно, давно. Лошадь была вся в пене и не двигалась с места. Она вздрагивала под ударами и бессильно вскидывала морду с падающей на глаза челкой. На санях, покрытых брезентом, высилась целая гора аккуратно сложенных кирпичей.

— Ишь, наложили! Чтобы скорей свезти да отделаться. Бессовестные этикие! — сказала, проходя мимо, старушка.

Васек остановился и с жалостью смотрел на выбившееся из сил животное.

— Дяденька, помоги ей, подтолкни сзади! — крикнул он возчику.

— Сама потянет, — откликнулся возчик, прикуривая у товарищей папироску.

Васек подошел ближе.

— Тогда не бейте! — попросил он. Возчик затянулся дымом, сплюнул в сторону и взмахнул вожжами:

— Н-но! Отдохнула! Н-но, дьявол тебя возьми!

Лошадь напрягла мускулы. Под мокрой шкурой у нее пробежала дрожь. Она дернулась и остановилась. Возчик забежал вперед и с размаху ударил ее по морде.

— Брось! — подскочил к нему Васек и, подняв сумку, загородил от ударов морду лошади. — Не смеешь так бить! Я милицию позову!

— Пошел, пошел отсюда, а то и тебе попадет! — пригрозил возчик. — Не мешайся тут!

— Не уйду! По глазам бьете! — загораживая собой лошадь, кричал Васек.

— Защитник нашелся! Тебя самого представить в милицию надо!

— Ты кто такой есть? Почему не в свое дело лезешь? — подошел к Ваську рослый парень, товарищ возчика.

— Я в свое дело лезу! — сказал Васек, закидывая вверх голову. Шапка его съехала на затылок, глаза посинели от злобы. — Я пионер! Председатель совета отряда!... Наша лошадь, государственная! Бить не дам!

— Ого! Ишь ты, председатель!... Слышал, Вань? — подмигнул своему товарищу возчик.

По обеим сторонам улицы останавливался народ, сбегались мальчишки. Подходили мужчины. Возчики сбавили тон:

— Ну что ж, Вань, может, отложить кирпичу маленько?

— А где ты его отложишь?

— Да вот около дома. А тогда заедем, возьмем, — предложил товарищ возчика.

— А какое вы имели право такой груз класть на одни сани? — строго спросил подошедший гражданин, вынимая из портфеля бумагу и самопишущую ручку. — Вот мы сейчас на вас акт составим. Лошади эти мне известны, возчиков я запишу. Там, где надо, вас научат, как такой груз накладывать да еще по глазам лошадь хлестать.

Он написал несколько строчек:

— Кто подтвердит, граждане?

Охотников подписать нашлось много. Васек тоже протянул руку. Он хотел подписать: «Трубачев, председатель совета отряда», но вдруг раздумал и тихо отошел в сторону. Ему показалось, что с тех пор, как он ушел из школы, прошло очень много времени, что за это время в школе уже решилась его судьба и что он теперь уже, наверно, не председатель совета отряда, а просто школьник, оскраивший свой класс грубым и недостойным поведением.

А Мазин? Что же Мазин? Как же он молчал?... Как он допустил это? Ведь Мазин поступил с ним еще хуже, чем Одинцов. Зачем же тогда, вечером, он пришел к нему как товарищ, как друг? Разве он не пионер? Разве не дорожит своей честью?

Васек почему-то вспомнил, как в прошлом году он с отцом ездил в Москву. Они долго стояли на Красной площади и смотрели на Кремль. Васек стоял с красным галстуком на шее, как стоит на посту часовой. Он боялся пошевелиться. Мысленно он давал себе клятву свершить какой-нибудь небывалый подвиг во славу Родины. И не один! Васек видел себя на воде и на суше бесстрашным моряком и раненым командиром, он побеждал и умирал в жестокой схватке с врагом. Он стоял без шапки, с затуманенными глазами, и, когда отец

тронул его за рукав, он молча пошел за ним, унося в душе свое торжественное обещание.

И сейчас, вспомнив об этом, он выпрямился, стряхнул прилипший колбу чуб... Нет, он, Васек Трубачев, еще покажет себя, он не опустит голову перед этой первой бедой в его жизни! И товарища он себе найдет! И оба они будут сражаться за Родину и вместе победят или вместе умрут на поле битвы. И тогда все ребята узнают, что такое настоящая дружба!

Васек не заметил, как миновал несколько улиц и очутился у своего дома.

Тетка увидела, что глаза у Васька блестят, и подумала про себя: «Прежний задор появился. Уж не знаю, что хуже, что лучше».

За обедом она торжественно сказала:

— Геройская картина идет. Сходим с тобой под вечер?

Но Васек вдруг поскуchnел и тихо сказал:

— Спасибо, тетя, только у меня голова болит. «Не хватало еще, чтоб меня в кино видели!» — с испугом подумал он.

— Ну, голова твоя пройдет, — успокаивала тетка.

— Не пройдет!

— Как так — не пройдет?

— А так, не пройдет — и все! — упрямо сказал Васек и, не глядя на тетку, снял с вешалки отцовский пиджак и, бросившись на кровать, укрылся им с головой.

— Ну, коли так, завтра пойдем, — добродушно сказала тетка.

Васек не ответил. Он и сам не знал, что будет с ним сегодня... завтра... И только отцовский пиджак со знакомым запахом паровозной гари и табака успокаивал его сердце.

* * *

Васек не пошел в школу и на другой день. Митя приходил в класс, о чем-то говорил с учителем. Ребята волновались:

— Митя, а как же сбор? Ведь сегодня сбор, а Трубачева нет.

Сбор был назначен на шесть часов вечера.

После уроков Сергей Николаевич вызвал в учительскую Одинцова и Булгакова.

— Вот что, ребята! — сказал он, перебирая на столе какие-то бумаги. — Сегодня, часиков в пять, зайдете за Трубачевым...

— Я не пойду, — быстро сказал Саша.

— Зайдете за Трубачевым, — как бы не расслышав Сашиных слов, продолжал Сергей Николаевич, — и скажете ему, что сегодня сбор... и что я тоже к нему зайду перед сбором. Понятно?

— Понятно, — пробормотал Одинцов.

Саша молчал.

— Да прихватите с собой Лиду Зорину. И никаких лишних объяснений... Одинцов, полагаюсь на тебя, — быстро сказал учитель, когда Саша вышел.

— Есть никаких объяснений! — ответил Одинцов. Он не понимал, зачем понадобилось Сергею Николаевичу послать их к Трубачеву. Его взволновало и то, что учитель сам придет к Трубачеву.

Выйдя из учительской, он догнал Сашу. Лицо Саши выражало протест и упрямство.

— Так я и пошел! Лучше и не просил бы.

— А он и не просил, — оглядываясь на учительскую, ответил Одинцов. — Он приказал.

— Мне это приказать никто не может.

— Тише! Ты что? Он же учитель, он же хочет как лучше сделать...

Саша смолк.

Одинцов пошел договариваться с Зориной.

— И никаких объяснений там. Понятно, Зорина? Полагаюсь на тебя.

Лида Зорина кивнула головой. Она тоже была озадачена поручением учителя.

— Он, верно, хочет, чтобы вы все помирились? — шепотом спросила она.

— Не знаю. Я не ссорился. Одним словом, пообедай и приходи в школу. За Сашей я сам зайду, и вместе пойдем!

День у Васька был мучительный, не похожий ни на один прежний будний день. Он валялся на кровати до десяти часов. На все вопросы тетки кратко отвечал:

— Сегодня нет занятий.

— Да почему же это нет занятий? — удивлялась тетка. — Все ребята в школу бегут!

— А нас отпустили.

— Чудно! А с чего же это ты в постели валяешься? — снова подступила тетка к племяннику. — Заболел, что ли?

— Да нет...

— И в кино не пойдешь?

— Не пойду.

Тетка обиделась и говорила Тане в кухне так, чтобы слышал Васек:

— Все капризы какие-то у него являются. А в кино мы и сами пойдем. Уж очень, говорят, картина геройская идет!

Васек слышал и молчал. Ему было не до кино. Его мучила мысль о школе: «Что-то там теперь делается?»

После обеда тетка решительно подошла к Ваську, потрогала его лоб, заставила смерить температуру. Все было нормально.

— Здоров, — снимая с носа очки, объявила вслух тетка. — Просто свое «я» показываешь! Ну и сиди один!... Таня, пойдем!

— Еще рано, Евдокия Васильевна, — нехотя сказала Таня.

Ее не на шутку беспокоил Васек, но она побаивалась тетки и не решалась при ней заговорить с Васьком.

«Ты мне все воспитание сбиваешь», — уже однажды упрекнула ее Евдокия Васильевна.

— Пойдем, пойдем! — поджимая губы и туго закручивая на затылке узел, торопила тетка. — Мороженого покушаем, получше места займем!

— Да места все равно согласно взятым билетам, — со вздохом сказала Таня, надевая пальто.

Когда они вышли, Васек подошел к окну и стал смотреть на улицу. По улице шли школьники и школьницы.

«Из школы идут! Поздно. Наверно, совет отряда был у них, — подумал Васек. — У нас тоже часто бывал совет отряда... я сам объявлял ребятам об этом!»

Васек прислонился лбом к холодному стеклу. Потом быстро отодвинулся. На улице стояли три знакомые фигуры. Одна из них отделилась и быстро ушла; Васек узнал Булгакова. «Зачем он приходил?»

На лестнице слышались шаги и голос Лиды Зориной:

— Здесь даже дверь не заперта... Трубачев, ты дома?

Из-за плеча Зориной выглядывал Одинцов.

— Я дома, — сказал Васек, вопросительно глядя на обоих. — Идите в комнату.

— Здорово! — развязно сказал Одинцов и тут же смутился.

— Здравствуй! Мы пришли узнать, как твое здоровье, — поспешила на выручку Лида и вдруг заметила измятые подушки и свисающую с кровати куртку: — Ой, какой беспорядок!

Это убрать надо. Сейчас Сергей Николаевич придет.

— Сергей Николаевич? — Васек сдвинул брови и посмотрел на Одинцова. — Зачем?

Одинцов пожал плечами:

— Не знаю.

— Нет, знаешь. И говори. А то опять... сам пришел, а сам...

— Честное пионерское... — торжественно начал Одинцов.

Но Лида решительно перебила его:

— Никаких объяснений! Сказал — приду! И все. Понимаешь?... А у тебя беспорядок, на полу обрезки какие-то. Давай щетку!... Одинцов, раздевайся.

Лида сняла шубку и платок:

— Васек, на, повесь! И не стой с раскрытым ртом. Смотрите, что кругом делается!

В комнате действительно был беспорядок. С утра тетка ходила расстроенная и в первый раз оставила комнату неубранной. На стуле было брошено ее шитье, на письменном столе Васька валялись какие-то инструменты.

— Скорей, скорей! Ужас что делается! — заткнув за пояс полотенце, говорила Лида. — Одинцов, собирай в ящик инструменты!... Васек, прибери стол! Он же первым долгом на твой стол посмотри!

Мальчики, не рассуждая, принялись за работу. Поправляя постель и взбивая подушки, Лида говорила:

— Надо, чтобы все прилично было!

Васек прибрал свой стол. Одинцов сгреб со стула ворох материи:

— А это куда?

— Это теткино! — испугался Васек. — Не тронь, а то спутаешь ей все, она сердиться будет!

— Подожди! — Лида накрыла все газетой. — Нехорошо, но уж раз теткино...

— Мы за тетку не отвечаем, — решили ребята. — Надо только просто так сказать, что это ее.

На обеденном столе на чистой скатерти стояла плетеная сухарница.

— Сюда бы хорошо такую салфеточку... — сказала Лида.

Васек пошарил в комод и вытащил что-то белое, с кружевами.

— Можно этим, — сказал он.

— Это ж косынка! — возмутилась Лида.

Васек полез в буфет.

— Вот! — с торжеством сказал он, вынимая оттуда вышитую салфеточку.

— Теперь хорошо! Совсем другое дело! — отходя от стола и склонив голову набок, радовалась Лида. И вдруг всплеснула руками: — А что, если учитель захочет... чаю?

Мальчики оторопели.

— Ну, как это захочет... — протянул Одинцов, глядя на Ваську.

Тот пожал плечами:

— Я думаю — нет. Он дома напьется.

— А я вам говорю, может и тут захотеть. Он же в гости придет. Вот возьмет да и скажет: «Я хочу чаю».

— Не морочь голову! — рассердился Одинцов и передразнил девочку: — «Хочу чаю»! Ведь он же учитель.

— Здравствуйте! — насмешливо сказала Лида. — Если учитель, так и чаю не пьет?

— Нет, пьет, конечно, — озабоченно сказал Васек и вспомнил: — У нас печенье есть.

— Давай! — строго приказала Лида. — Все давай, что есть!

Васек снова полез в буфет:

— Держите: сахар, масло...

Через полчаса ребята торжественно сидели за столом, открыв в кухне входную дверь, чтобы учитель не споткнулся на лестнице. На столе стояли четыре стакана с блюдами, сухарница с печеньем, масленка с маслом и сахар. Чайник с кипяченой водой на всякий случай был уже приготовлен.

История с зачеркнутой фамилией, ожидание сбора — все отодвинулось на задний план. Васек и Одинцов радовались возможности снова попросту говорить друг с другом, не касаясь недавней размолвки.

И хотя Васек боялся прихода учителя, но в обществе Одинцова и Лиды чувствовал себя спокойнее. А Лида вся ушла в роль хозяйки. Переставляя на столе то масленку, то сухарницу с печеньем, она отходила в сторону и любовалась сервировкой стола.

Одинцов радовался, что у Васька в отношении к нему уже не было враждебности. Беспокоило Одинцова только то, что Саша послушался Сергея Николаевича и от самого дома Васька решительно повернул обратно.

— Чтоб я еще унижался перед Трубачевым! Этого мне никто приказать не может! Идите сами!

«Упрямый! — подумал Одинцов, сознавая себе, что, будь он на месте Саши, он тоже не пошел бы к Ваську первый. — Учителя не знают, какие ребята. У нас ведь сроду никто первый не подойдет, если поссорились!»

Ребята говорили шепотом, прислушиваясь к каждому шороху.

— Тише, — сказала вдруг Лида. — Идет!

На лестнице действительно слышались шаги. Все трое наперегонки бросились туда.

— Пожалуйста, пожалуйста! — кричала Лида.

— Входите! Здесь десять ступенек, — беспокоился Васек. Одинцов держал настежь раскрытую дверь. На пороге показалась... тетка.

— Ой! — пискнула Лида.

— Это... тетя, — сказал Васек.

Тетка подозрительно оглядела всю компанию:

— Здравствуйте, дорогие гости!

— Здравствуйте, — поспешно сказал Одинцов, подтягиваясь и поправляя на груди галстук.

— Здравствуйте... Простите, пожалуйста, мы тут хозяйничали, — смущенно улыбаясь, поясняла Лида, идя за теткой и показывая ребятам глазами на сервированный стол.

Тетка быстро оглядела с ног до головы Лиду, так же внимательно — Одинцова, потом подошла к столу и подняла вышитую салфетку.

— Чаем поить гостей будешь? — обернулась она к Ваську.

— Да, хотим чаю, — сказал Васек.

Тетка поманила его пальцем и, выйдя на кухню, прикрыла за собой дверь:

— Приличные дети. Брат и сестра, что ли? Это чьи же такие будут?

— Это одного знатного стахановца ребята! — выпалил Васек.

Тетка высоко подняла брови и одобрительно кивнула головой:

— А-а, оно и видно. Не то что твой давешний толстяк. Поздороваться как следует не умеет... Ну, дружи, дружи! Только что ж мне сказать-то побоялся, что гости у тебя нынче? Я бы пирожков хоть спекла!

Васек усмехнулся:

— Так себе...

— То-то «так себе»! — с ласковым укором сказала тетка. — А теперь я должна идти. Там Таня с билетами сидит. Я зашла... думаю, может, сошел с тебя каприз — так побежишь.

— Нет.

— Теперь уж что, раз гости!... Погоди, я орешков вам положу.

Она прошла в комнату, по пути погладила тугие косички Лиды, улыбнулась Одинцову. Насыпала полную тарелку грецких орехов.

— Ну, играйте, угощайтесь. А я нынче в кино иду. Очень геройская картина! До свиданья, деточки! Вашим родителям привет передайте. Скажите, что очень рада знакомству!

— Спасибо, спасибо, — смущалась Лида.

Одинцов забежал вперед и ловко распахнул перед теткой дверь.

«Что за уважительные ребята! — подумала тетка, выходя на улицу. Отложной воротничок Одинцова, тугие косички Лиды и разглаженные пионерские галстуки на обоих приятно подействовали на тетку. — Достойная семья. Подходящая компания».

Как только за теткой закрылась дверь, Лида прижала руки к бьющемуся сердцу:

— Ой, как я испугалась!

— Я тоже, — сознался Одинцов. — Я забыл, что у тебя тетя есть. Мы тут хозяйничали вовсю!

— Ничего. Я ей сказал, что ваш отец — знатный стахановец.

— А она что?

— Говорит: какие воспитанные...

Васек засмеялся. Ребята тоже расхохотались.

— А Одинцов-то, Одинцов! Как-то ногой шаркал! — заливалась Лида.

— Это я с перепугу, честное пионерское.

— Ха-ха-ха!... С перепугу!

В шуме никто не заметил, как вошел учитель.

— О, да тут все товарищество! — пошутил он.

Ребята вскочили.

— Садитесь! Садитесь!

— Ну, зачем же я так сразу сяду, — улыбнулся учитель. — Дайте осмотреться сначала. — Он подошел к круглому шкафчику, с интересом оглядел его, потрогал на этажерке книги и, обратив внимание на накрытый стол, лукаво посмотрел на ребят. — Вот теперь я сяду. И даже выпью стакан чаю, если вы меня угостите.

Все трое сразу сорвались и убежали в кухню.

— Подогрей, подогрей! — шептал Одинцов, накачивая изо всех сил потухавший примус.

— Что? Я говорила, я говорила! — торжествовала Лида.

— Хорошо, что печенье и орехи есть, — захлебываясь от волнения, шептал Васек.

А учитель, оставшись один, улыбался. Глаза у него блестели. За чаем он шутил и смеялся. Рассказывал о своем детстве. Одинцов и Лида с восторгом слушали его. Васек тоже слушал, но его мучила неотвязная мысль: зачем пришел учитель? Что он думает о нем, что скажет?

Забывшись, он тревожно смотрел на Сергея Николаевича, но тот ничем не отличал его от Лиды и Одинцова. Посидев полчаса, он взглянул на часы и поднялся:

— Ну, а теперь пойдёмте на сбор! Опаздывать пионерам не полагается. И учителю тоже не полагается...

«Вот оно!» понял Васек.

Он надел шапку, пальто и остановился на пороге. Учитель, проходя мимо, легонько обнял его за плечи:

— Пошли.

Митя сидел в своей маленькой комнатке и сосредоточенно думал. Мысли были тревожные. Он сожалел, что раньше не пошел к Трубачеву и по-товарищески не поговорил с ним. В дружеском разговоре, один на один, всегда находятся такие простые и нужные слова. Тут и голос другой и глаза смотрят в глаза, прятаться и что-то скрывать делается невозможным. Разве мало было у Мити таких случаев? Никто в школе и не знал о них. Митя откинул со лба волосы и устремил в одну точку взволнованный взгляд.

«Он пионер, я комсомолец. Я сам только что вышел из пионеров; таким же, как он, был. Ошибки у всякого человека бывают — это что же, без этого не обходится. Но тут самое главное что? Чтобы он понял... Он парень неглупый... — Митя грустно покачал головой: — Эх, опоздал я... Без этого дружеского разговора теперь и на сборе не то будет. Как-то и сам не подготовлен, и парнишка внутренне не подготовлен...»

Митя стал думать о сборе: «С чего начать? Если прямо с заметки Одинцова? И непосредственно перейти к дисциплине? Ударить по этому вопросу!»

Он вспомнил совет Сергея Николаевича:

«Вы только не торопитесь... Не выводите поспешных заключений. Дайте ребятам высказаться, поспорить... Трубачев, возможно, заупрямится...»

«Не возможно, а наверняка, — усмехнулся Митя. — Я этого парня как свои пять пальцев знаю. Если он сразу не пришел ко мне и не рассказал, в чем дело, значит, что-то тут есть, чего он, хоть убей его, не скажет. А что? Поди вот, разбери! Верно, кто-нибудь еще впутан в это дело. Эх, пошел бы я к нему — все было бы проще!»

— Митенька, — окликнула его из-за перегородки мать, — обедать-то сейчас будешь или с отцом?

— С отцом, с отцом... — рассеянно ответил Митя и вдруг, прислушавшись к возне за перегородкой, побежал в кухню. — У тебя что, мама, пирожки? Дай мне один. Вот так, в рот прямо... Во! Есть! Еще один! Для бодрости, так сказать. Еще, ладно?... Стой, стой, хватит!

Он вернулся в комнату, держа на ладони пышные горячие пирожки, и, отправляя их в рот один за другим, кричал матери:

— Здорово ты их делаешь! Просто замечательно!

— Ну вот и покушай! — отвечала из-за перегородки мать. — А то все, слышу, бегаешь, бегаешь по комнате... Не ладится, что ли, у тебя что, Митенька? — просовывая в дверь голову, с беспокойством спросила она.

— Ничего, мама, все сладится. У нас да не сладится! — весело ответил Митя.

Он снова мысленно представил себе сбор, всех ребят, Трубачева и решительно стукнул кулаком по столу:

«Вожатый не должен допускать ни малейшего ослабления дисциплины! Трубачев — председатель совета отряда. По нему равняются другие ребята. Надо так крепко начать, чтобы сразу почувствовалось мое отношение к этому делу... со всей строгостью!»

Митя подошел к окну.

«Если б найти такие живые, настоящие слова! Ребята-то, в общем, народ чуткий. Только б начать. А потом они сами... Да, Сергей Николаевич прав!»

Митя взглянул на часы и стал собираться. Почистил лыжную куртку, пригладил волосы, поправил на груди комсомольский значок.

Пора!

Он вышел на улицу и зашагал к школе.

Глава 33

НА СБОРЕ

Сбор был назначен в пионерской комнате. Ребята стояли кучками, о чем-то тихо переговариваясь между собой. Девочки сидели на скамейках, подобрав ноги и сложив на коленях руки. Не было обычного шума, острот и поддразнивания друг друга.

Митя беглым взглядом окинул собравшихся, поздоровался и сел за стол.

Приход учителя вызвал движение среди ребят. Здоровались негромко, усаживались, стараясь не скрипеть стульями.

Васек Трубачев стоял рядом с Одинцовым. Саша незаметно для себя придвинулся ближе к Ваську. Мазин, засунув руки в карманы, стоял в стороне. Глаза у него были тусклые, лицо равнодушное.

Рядом с ним Петя Русаков со своим серым личиком был похож на мокрого воробушка. Он ежился и натягивал рукава курточки.

Лида Зорина, усадив свое звено на скамейку, сидела сбоку с напряженным, страдальческим выражением лица, склонив набок черную, гладко причесанную головку. Синицына, расталкивая локтями соседок, уселась посередине скамейки и смотрела на Митю и учителя так, чтобы они могли прочесть на ее лице, что она ни в чем не виновата. За ее спиной слышалось короткое, взволнованное дыхание Малютина — он только что спорил с кем-то из ребят и никак не мог успокоиться.

— Малютин, сядь! — шептала ему Валя Степанова.

Когда наступила полная тишина, Митя порывисто встал, с шумом отодвинув стул:

— Ребята! На сегодняшнем сборе мы должны обсудить поведение председателя совета отряда Трубачева. Ни для кого не секрет, что последнее время Трубачев ведет себя плохо...

По комнате пронесся неясный шум — все повернули головы в сторону Трубачева. Трубачев двинулся вперед. Лицо у него побелело, и рыжий чуб загорелся на лбу.

«Эх, жалко парня!» — с досадой подумал Митя и тут же, рассердившись на себя, крепко стукнул кулаком по столу:

— Да, плохо! Недостойно пионера! Срывает дисциплину в классе, самовольно уходит с уроков, не является в школу и в конце концов зачеркивает свою фамилию в статье Одинцова...

— Я не зачеркивал! — с силой выкрикнул Васек.

Кучка ребят дрогнула и сдвинулась тесней. Кто-то из девочек громко вздохнул. Валя Степанова смахнула со лба разлетающиеся ниточки волос и крепко сжала ладони. У Нади Глушковой на круглом лице выступила легкая испарина. Лида не шелохнулась.

— Трубачев! Подойди сюда поближе!

Васек подошел к столу и стал перед Митей.

Сергей Николаевич вдруг вспомнил, как доверчиво и решительно пошел с ним Трубачев на этот сбор — может быть, он надеялся, что учитель будет защищать его.

Сергей Николаевич поднял голову и посмотрел на ребят.

«Если бы они знали, как мне больно за этого мальчишку», — с горечью подумал он, переводя на Трубачева спокойный и строгий взгляд.

Этот взгляд говорил: «Ты виноват — отвечай!»

Но Васек не искал поддержки учителя. Он не отрываясь смотрел в лицо Мити и только

иногда повторял: «Я не зачеркивал фамилии».

Митя внимательно посмотрел на него:

— Допустим, что так. Мы это разберем. Но это не снимает с тебя ответственности за другие поступки. Ты ссоришься с Сашей Булгаковым, обижаешь товарища, которого мы все уважаем за то, что он помогает своей матери. О помощи в семье мы здесь говорили не раз, а ты позволяешь себе бросать какие-то глупые насмешки. — Митя смел со стола попавшуюся ему под руку промокашку. — Это поступок нетоварищеский и непионерский. Я не знаю, как ты себя ведешь дома по отношению к своим домашним... (Васек вспомнил сморщенное обиженное лицо тетки и густо покраснел.) Об этом нужно тебе подумать, Трубачев! И крепко подумать! Стыдно! Ты меня понимаешь?...

Васек молчал, упрямо сдвинув брови.

— Я говорю не с дошкольником, а с человеком, который должен отвечать за себя. Я говорю с пионером, председателем совета отряда, Трубачев!

Васек крепко прижал к бокам опущенные руки.

— Есть... — чуть слышно сказал он.

— Хорошо. Это не все. Я хочу знать еще, Трубачев, как ты смел уйти самовольно с урока и на другой день не явиться в класс? Что это тебе, шутки, что ли?... — Митя второпях не подобрал другого выражения и, снова рассердившись на себя, напал на Трубачева: — Учебу срываешь, нарушаешь дисциплину, роняешь свой авторитет в глазах товарищей! Мы тебя выбрали председателем совета отряда!... Что это, Трубачев?

Васек молчал.

— Я спрашиваю тебя: почему ты ушел с урока? — настойчиво повторил Митя.

— Я ушел, потому что все думали на меня...

— Что думали на тебя?

— Что я зачеркнул фамилию...

— Не понимаю, — нетерпеливо сказал Митя, — объяснись... Ребята зашумели, задвигались. Сбоку, оттирая от стола Трубачева, поспешно вырос Мазин.

— Надо разобраться... — хрипло сказал он. — С самого начала. Тут виноват мел, понятно?

Ребята вытянули головы:

— Чего, чего?

Митя нахмурился:

— В чем дело, Мазин?

Сергей Николаевич с интересом смотрел на крепкую, коренастую фигуру Мазина, на живые, острые щелочки его глаз и спокойное упорство в лице.

— Из-за чего вышла ссора в классе? Из-за мела. Вот он! — Мазин вытащил из кармана кусок мела и положил его на стол.

Девочки ахнули и зашептались. Ребята заглядывали через головы друг другу — каждому хотелось посмотреть на тоненький, длинный кусочек мела.

— Вот он, проклятый мел! Трубачев тут ни при чем. В тот день Русакова должны были вызвать, а он не знал... как это... глаголов, что ли... И я стащил мел, чтобы Русакова не успели спросить... Это раз. — Он обернулся, поглядел на испуганное лицо Пети и усмехнулся: — Ладно, я все на себя беру... А насчет ссоры... Это тоже надо разобраться. И Булгакову нечего обиженного из себя строить. Если ко всему придирается, так мы друг другу много насчитать можем. А по мне так: взял да ответил хорошенько, а то и другим способом расквитался за обиду, а цацкаться с этим... — Мазин презрительно скривил губы и пожал плечами. Разбираться так разбираться. Вот Одинцов статью написал и все на Трубачева

свалил, а Булгаков тоже не молчал. Он сам Трубачева обозлил! Ты, говорит, весь класс подвел, а тому, может, это хуже всего на свете! И мел он клал? Клал. А я стащил... И дело с концом...

— Ты все сказал? — спросил Митя.

— Нет, не все. — Мазин зашептал: — Одинцов тоже... не разберется, а пишет. А потом кто-то фамилию зачеркнул, и опять все на Трубачева... — Мазин кашлянул в кулак, говорить ему было больше нечего. — Проклятый мел! — пробормотал он, не выдержав пристального взгляда учителя.

— Мазин, сядь! Мы с тобой еще поговорим. Просто стыдно перед Сергеем Николаевичем, какие возмутительные вещи тут открываются!

— Прошу слова! — крикнул кто-то из ребят.

Митя поднял руку.

— Я еще не кончил. Когда кончу, кто хочет — возьмет слово... Так вот, Трубачев, я хочу, чтобы ты ответил мне сам: почему ты ушел с урока? Если даже тебя заподозрили в том, что ты зачеркнул свою фамилию, а ты, скажем, этого не делал, так неужели ты не мог найти способ выяснить это? Почему ты не пришел ко мне, к Сергею Николаевичу?

Трубачев молчал.

— Я не думаю, Трубачев, что ты трус, но я боюсь, что ты и в этом виноват. Я думаю, что если ты не сам зачеркнул свою фамилию, то ты хорошо знаешь, кто это сделал.

— Я не знаю, — твердо сказал Трубачев, сжимая зубы. «Пусть Мазин сам сознается, если хочет», — подумал он.

— Трубачев, ты знаешь, — тихо и настойчиво сказал Митя.

Трубачев опустил голову.

Ребята заволновались:

— Трубачев, сознавайся!

— Трубачев, говори!

Малютин протиснулся через толпу и вытянул вперед худенькую руку.

— Я прошу слова, Митя! Митя, слова! — прорываясь к столу, кричал он.

— Дайте ему слово, — шепнул Мите учитель.

— Сергей Николаевич, это не он! Митя правильно сказал. Я Трубачева знаю — про себя он бы сразу сказал. Это кто-то другой... Ребята! — Сева повернулся к молчаливым, взволнованным ребятам. — Если сейчас здесь сидит человек, который сделал это, и если он молчит, то этот человек... последний...

Петя Русаков вдруг вынырнул из кучки ребят и бросился к Малютину:

— Ты... не твое дело... Я не последний человек... Я сам скажу... — Петя поискал глазами Мазина. — Мазин! Мазин! Это я зачеркнул фамилию! Я хотел сделать лучше, я не думал, что скажут на Трубачева!...

Петя весь дрожал, поворачиваясь во все стороны. Мазин, расталкивая ребят, подошел к нему и обнял его за плечи.

— Не реви, — сказал он, отводя его в сторонку и смахивая с его щек слезы. — Ну, не реви...

Васек стоял ошеломленный и смотрел им вслед. Тишина внезапно прорвалась шумом голосов. Ребята поднимали руки, требовали слова. Митя быстро взглянул на учителя и сел:

— Степанова, говори!

— Ребята, я хочу сказать... — голос у Вали сорвался, она глубоко вздохнула, — что мы мало знаем друг друга...

— Что? Почему? Как? — зашумели ребята.

Валя поправила на лбу волосы, перекинула через плечо косу.

— Потому что вот Мазин и Русаков сейчас как-то так хорошо поступили, что у меня просто... ну... Я их обоих как будто знала и раньше, в классе, а по-настоящему узнала только сейчас... Но я... мне... — Она остановилась, подыскивая слова.

— Говори! Говори! — одобрительно зашумели опять ребята.

— И все равно мне многое непонятно. Например, почему Русаков фамилию зачеркнул? И еще... Знал или не знал об этом Трубачев? Если не знал, то почему он как-то странно молчал? Как будто что-то скрывал, что ли... Вот, ребята, если кто понял, — скажите, или пусть Трубачев сам все расскажет!

— Верно! Верно!...

— Трубачев, говори!

— Мы тоже не поняли!

— Я и сам ничего не понял, — неожиданно сказал Васек, все еще глядя на Русакова и Мазина. — Я сейчас все начистоту расскажу, как было. Я пришел, а фамилия зачеркнута... А вечером... ну, перед этим... Мазин меня около дома ждал, поздно уже... Я после редколлегии так себе гулял... А он пришел ко мне и говорит: «Мы тебя выручим». Я и думал, что это он выручил. — Васек грустно усмехнулся и посмотрел на ребят. — Не мог же я про него говорить.

— Ты про меня думал? — вдруг отозвался Мазин. — А я про тебя! Эх, жизнь! — Он хлопнул себя ладонью по щеке и засмеялся. — А это Русаков Петька!

— А при чем Русаков?

— Пусть Русаков говорит!

— Разбираться так разбираться!

— Тише!

— Говори, Петя!

Митя и учитель сидели молча, с интересом слушая разбор дела. Ребята разгорелись, заспорили, останавливая друг друга:

— Тише! Тише!

— Не мешайте! Пусть сами скажут!

Кто-то тихонько подтолкнул к столу Петю Русакова.

— Это я... — Петя взмахнул длинными ресницами в сторону Мазина. — Для Мазина я это сделал... И еще потому, что из-за нас у Трубачева ссора вышла. И про него статью написали. — Петя развел руками. — Только я, ребята, когда зачеркивал, не думал, что на него подумают.

— А что же ты думал? — крикнул Белкин.

— Просто... ничего не думал... Я хотел выручить.

Кто-то засмеялся. Петя махнул рукой и отошел от стола.

— Что у нас только делается! — всплеснула руками Сеницына. — Один за другого... один за другого... И все виноваты. — Она всхлипнула в платочек и, заметив взгляд Вали Степановой, быстро отвернулась.

В комнате снова поднялся шум:

— Подожди, Русаков!

— Спросите его, почему он в классе молчал?

— Почему Мазину не сказал сразу?

— Русаков, почему ты молчал, когда мы на Трубачева думали? — крикнул бледный от волнения Одинцов.

Петя покраснел и опустил голову.

— Я не мог... Я боялся...

В комнате стало тихо.

— Эх! — с презрением бросил кто-то. — Боялся! А товарища подвести не боялся?

Петя вспыхнул, сморщился, губы у него задрожали. Надя Глушкова взволновалась, вскочила с места:

— Ребята, нехорошо так! Он же сознался все-таки!

— Не защищай! — строго сказала Лида Зорина. — Пусть сам скажет.

— Он сам ничего не скажет, — вступился Мазин. — Потому что тут история другая. Степанова правильно сказала: мы мало знаем друг друга. Как Петька живет, что у него есть и чего он боится, — это из всего класса знаю один я.

Ребята притихли.

Сергей Николаевич написал на клочке бумаги: «Это обвинение нас тоже касается».

Митя прочитал, скомкал бумажку. Он был расстроен, светлые волосы липли к его мокрому лбу. Он силился вспомнить домашнюю обстановку Пети Русакова и сердился на себя и на Мазина, который знал больше, чем он, Митя.

А в наступившей тишине ребята уже решали по-своему вопрос о Пете Русакове:

— Мазин знает, что говорит! И кончено!

— А ты, Петя, на нас не обижайся! — Ребята сорвались с мест и окружили Петю.

— Тише! — крикнул Митя. — Сергей Николаевич будет говорить.

Ребята затихли.

— Я не буду разбирать всю эту историю в подробностях. Мне кажется, всем вам уже ясно, как произошло то, что Трубачев, председатель совета отряда, оказался в таком тяжелом положении. Вас, конечно, интересует больше всего вопрос, кто виноват. Ну, виноваты тут многие. Прежде всего и больше всего, несмотря ни на что, сам Трубачев. Потом, конечно, Мазин — в этой пропаже мела — и Русаков...

— И Одинцов тоже, — подсказал кто-то.

— Одинцов? — переспросил Сергей Николаевич.

— Одинцов! Одинцов! — крикнул Мазин.

— Не вижу вины Одинцова. В чем ты его обвиняешь? — спросил учитель Мазина.

— Я уже говорил. Он не разобрался и написал. Да еще про своего товарища.

— Что он не разобрался, куда делся мел, то в этом его обвинять нельзя, потому что мел лежал у тебя в кармане и этого Одинцов предполагать, конечно, не мог. А что он совершенно точно и честно описал все происшедшее в классе, несмотря на то что в этом участвовал его лучший товарищ, то за это, по-моему, Одинцова можно только уважать. Как вы думаете?

Белкин вытянул вперед руку.

— Пусть ребята думают как хотят, а я скажу про Одинцова так... что мы, когда... вообще... это было, думали: Одинцов вообще не напишет про своего товарища... И решили считать его... ну, вообще, если напишет — честным пионером, а если скроет — нечестным. И вот он написал. И мы считаем — это честно! — волнуясь, сказал Белкин.

Сергей Николаевич кивнул головой:

— Скажи ты, Малютин!

— Мне кажется, что он поступил честно, но как-то не по-товарищески все-таки. Потому что Трубачев не ожидал, а когда пришел на редколлегию, то сразу увидел, и это на него тоже подействовало.

— Верно! — крикнул Мазин. — Предупреди, а потом пиши. Да разберись раньше, где мел. А не знаешь, где он, — так не пиши!

Кто-то засмеялся.

Одинцов поднял руку:

— Я не писал про мел. Я всегда пишу то, что вижу и слышу. И потом, думал так: если не

напишу, то какой же я пионер, а если напишу, то какой же я товарищ? — Одинцов посмотрел на всех. — Я все думал... А тут ребята меня спросили прямо в упор. И я сразу как-то понял, что должен написать. Только я не предупредил Трубачева... Это верно. Мне не пришлось как-то с ним поговорить.

— В этом ты, конечно, неправ, Одинцов. Такие вещи надо делать открыто, — сказал Сергей Николаевич. — Но все-таки из виноватых мы тебя исключаем!... Верно? — улыбнулся он.

— Верно, верно! — закричали ребята, обрадованные его улыбкой.

Сергей Николаевич взглянул на часы.

— И так как теперь уже очень поздно, то давайте пока буду говорить я один, и уж только в том случае, если моим противником окажется такой отчаянный спорщик, как Мазин, мы дадим ему слово, — пошутил учитель. — Так вот что я хотел вам сказать — и это, по-моему, самое главное. Для меня сегодня выяснилось, что вы неправильно понимаете слова «товарищество», «дружба». Отсюда и поступки у вас неправильные. Например, Мазин выручает Русакова, чтобы я не обнаружил, что Русаков лентяй, что он плохо учится, не знает урока... Мазин хочет, очевидно, чтобы Русаков с его товарищеской помощью остался на второй год... Подожди, Мазин, я все знаю, что ты хочешь сказать.

— Мазин, не мешай! — крикнула Зорина.

— Я хочу сказать! — Мазин выставил вперед одну ногу, но, увидев Митин взгляд, убрал ногу и махнул рукой. — Я, Сергей Николаевич, еще докажу, какой я товарищ! — крикнул он, отходя от стола.

— Это очень хорошо, — спокойно сказал Сергей Николаевич, — но то, как ты сейчас доказал нам, это плохо, это называется ложным товариществом. И, к сожалению, вся эта история построена на ложном товариществе. Русаков зачеркивает фамилию Трубачева — глупо и не нужно, он тем самым ставит Трубачева в тяжелое положение подозреваемого. А почему Русаков это делает? Я уверен, что из любви к товарищу... Так вот что я хочу сказать вам, ребята! Учтите это на будущее. Есть прямое, честное пионерское товарищество — и есть мелкое, трусливое, ложное выручательство. Это вещи разные, их никак нельзя путать. К товарищу надо относиться бережно и серьезно... Ну вот, я все сказал, что хотел. Подумайте над этим хорошенько. Думаю, что даже Мазин со мной согласен сейчас... А, Мазин? — улыбаясь, спросил Сергей Николаевич.

Никто не засмеялся. Лица у ребят были серьезные. Расходились молча. Каждый торопился домой, чтобы обдумать про себя что-то очень важное и необходимое.

В коридоре Васек столкнулся лицом к лицу с Сашей Булгаковым. Одинцов схватил обоих за руки.

— Помиритесь, ребята! Васек! Саша! — умоляюще шептал он, стараясь соединить руки товарищей.

— Я с ним не ссорился, — сказал Васек.

— Ты не ссорился? — вспыхнул Саша, вырвал свою руку и побежал вниз по лестнице.

* * *

Митя шел с учителем. Перед ними маячила одинокая темная фигурка, то возникающая при свете фонаря, то исчезающая в темноте улицы.

— Трубачев... — усмехнулся Митя. — Домой бежит... Тяжко ему пришлось сегодня, бедняге.

Сергей Николаевич вздохнул полной грудью свежий вечерний воздух:

— Трудно растет человек...

Митя ждал, что учитель скажет еще что-нибудь, но тот молчал. Сбоку его твердый, резко очерченный подбородок и рот с сухими, крепко сжатыми губами казались чужими и холодными.

«Недоволен мной, ребятами? — взглядывая на учителя, пытался угадать Митя. — «Трудно растет человек»... Конечно, трудно... Так чего же он хочет от ребят?»

От обиды нижняя губа у Мити чуть-чуть припухла. Молчание становилось тягостным.

— Вы не думайте, они все-таки неплохие ребята...

Сергей Николаевич повернулся к нему и с живостью сказал:

— Хорошие ребята! Особенно этот... Трубачев и его товарищи.

* * *

Васек шел один. После сбора в темной раздевалке его поймал Грозный и, легонько потянув за рукав, шепотом спросил:

— Проштрафился, Мухомор?

— Проштрафился, Иван Васильевич!

— Да, прочесали тебя, брат, вдоль и поперек... Раньше, бывало, ремнем учили, попроще вроде, а теперь — ишь ты! Ну, авось обойдется... Ступай домой. Макушку в подушку, а утром на душе легче.

Васек попрощался со стариком и вышел на улицу. Он устал, в голове было так много мыслей, что ни на одной не хотелось останавливаться.

В конце своей улицы Васек увидел тетку. Она, суетливо и неловко обходя лужи, шла вдоль забора, придерживая обеими руками концы полушалка. Васек вспомнил, что тетка плохо видит, и бросился к ней навстречу:

— Тетя!

— Васек! Батюшки! Где ты запропал? Девятый час пошел...

— Я на сборе был... Нас вожатый собирал.

— «Вожатый, вожатый!» С ума он сошел, твой вожатый! Детей до полуночи держать!

— Да он не виноват. Дела у нас такие были... пока разберешься... Не сюда, не сюда, тетя. Давай руку!

— Погоди, не тащи... Это чего блестит?

— Тут лужа, — держа ее за руку, говорил Васек. — А вот камень... ставь ногу...

— Ишь ты, глазастый. А я шла, небось забрызгалась вся... Ну, какие же у вас дела разбирали? — благополучно минуя лужу, спросила тетка.

— Кто что натворил, — уклончиво сказал Васек.

— Кто что натворил... А ты бы домой шел.

Васек засмеялся.

— Да меня, тетя, больше всех ругали там, — сознался он. — За поведение и всякие разные слова дурацкие... за грубость...

— А-а, — подняв кверху брови, протянула тетка, — за грубость?

— Ну да. Вот и тебя я тоже обидел.

— Ну... это что... Мы свои — не чужие! — заволновалась тетка. — А вожатый, он, конечно, знает, что делает. Коли задержал, значит, нужно было... это на пользу.

Васек крепко прижал к себе теткину руку.

— Ладно, ладно... Идем уж. Там тебе ужин приготовлен, а под тарелочкой... — Она остановилась и подняла вверх палец: — Суприз!

Глава 34

Р. М. З. С

Мазин сидел на берегу пруда и напевал свою любимую песенку:

*Кто весел — тот смеется,
Кто хочет — тот добьется,
Кто ищет — тот всегда найдет!*

Он смотрел, как у края берега в темной воде отражаются набухшие почками ветки березы, как, переплетаясь с ними, вытягиваются тонкие иглистые сосны и громадной тенью ложатся мохнатые лапы старой ели. Теперь под этой елью чернеет глубокая яма, залитая водой. Это бывшая землянка Мазина и Русакова. Когда снег начал таять, в нее хлынули со всех сторон ручьи. Хорошо, что к тому времени у мальчиков появился новый приют...

Мазин вспомнил, как они с Петей шли домой со сбора. Петя ждал, что Митя вызовет в школу отца. Наказания он не боялся — он боялся потерять свою новую мать.

— Она уйдет! — тоскливо повторял он всю дорогу.

— Не уйдет! — лениво утешал его Мазин: ему не хотелось заниматься Петькиными делами. Он хотел разобраться в настоящем товариществе, о котором говорил учитель, а потому, не глядя на расстроенное лицо Русакова, нехотя бубнил, идя с ним рядом: — Птичья голова у тебя, Петька... И вообще, ты только о себе одном думаешь. Брось ты с этим делом нянчиться... Уйдет — так другая найдется!

— Другая? — Петька даже остановился. — Другая?! — От волнения у него перехватило горло. — А ты себе другую мать хочешь, Мазин?

— При чем тут это? — тоже останавливаясь, недовольно спросил Мазин?

— А при том, что ты... ничего не понимаешь в моей жизни, — с усилием сказал Петя, — а я... один. И ты лучше ничего не говори, если так...

— Как — так?

Петя молчал. Мазин почувствовал, что Петька вдруг отделился от него со всеми своими горестями и теперь уже будет решать свои дела тихо, про себя, не обращаясь за помощью к товарищу.

— Ладно, — сказал он прежним снисходительным тоном. — Я пошутил. Сей — час придумаем что-нибудь...

— Не надо.

— Что — не надо? Собери ее вещи и спрячь, а пока она будет искать, отец сам уговорит остаться. Понял?

— Не надо, — тихо повторил Петя. — Ничего не надо мне, Мазин! Это не такое, чтобы придумывать что-нибудь. — Он отвернулся и сломал голую ветку у забора. — Этого ты не можешь... и не надо.

— Да ну тебя! — рассердился Мазин. — «Не можешь, не можешь»! Я все могу!

Когда Петя ушел, Мазин долго стоял во дворе и смотрел на его окна.

«Есть прямое, честное товарищество, а есть мелкое, трусливое выручательство», — вспомнил он слова учителя.

«Эх, жизнь! Пойду завтра к его мачехе и напрямки начну действовать», — решил Мазин.

За ночь решение окрепло. Мазин застал Екатерину Алексеевну одну. Она сидела за работой — подшивала Петины брюки. Из рта ее торчали булавки, а в длинных ловких пальцах мелькала иголка. Мазин поздоровался и, оглядев новые Петины брюки, вежливо сказал:

— Симпатичные брючки.

Мачеха засмеялась с закрытым ртом, булавки запрыгали на ее губах.

«Еще подавится!» — с тревогой подумал Мазин и сказал:

— Выньте изо рта булавки. Я к вам по делу пришел.

С тех пор как Петя первый раз привел к себе Мазина, прошло много времени. Екатерина Алексеевна уже хорошо знала этого смешного, толстого, спокойного мальчика, товарища Пети. Она с интересом прислушивалась к коротким фразам, которые бросал Мазин Пете во время игры или занятий. Ей нравился Мазин, но где-то про себя она опасалась того влияния, которое он имел на Петю.

«Если хорошенько братья за Петю, то сначала нужно взяться за Мазина», — нередко думала она, наблюдая их вместе. Но до сих пор Мазин был неуловим, никогда не обращался к ней с вопросами и сам отделялся короткими ответами.

— Какое же у тебя ко мне дело? — опуская на колени шитье, спросила Екатерина Алексеевна.

— А вот какое. — Мазин придвинул стул и сел прямо против нее. — Я, как настоящий товарищ Пети Русакова, считаю, что нам надо прямо и честно объясниться. — Он заметил смешливые искорки в глазах Петиной мачехи и насупился: — Вы не смейтесь. Это не такое, чтобы смеяться. Это такое, что заплакать можно, если вы для Петьки как мать родная. Мазин вспыхнул и рассердился: — Мне тоже, как товарищу, не очень-то легко!

Екатерина Алексеевна сложила руки на коленях и умоляюще посмотрела на него:

— Коля, если что-нибудь случилось, ты говори сразу... ну, сразу!

— Не бросайте Петьку никогда, если даже отец его выпорет! Понятно? — выпалил Мазин.

В темной воде один за другим исчезали камешки, брошенные Мaziным. От камешков расходились ровные спиральные круги.

«Плакала, — вспомнил Мазин. — И Петька плакал... — И, удивленно поглядев на свое отражение в воде, Мазин скорчил гримасу. — И я плакал... Эх, жизнь!»

Но зато не только Петина мачеха осталась навсегда в Петинем доме, а и все имущество из землянки перекачовало в русаковский дом, который стал теперь самым прочным местом на свете. И даже Русаков-отец потерял свой грозный вид.

«Не то он был черный, а стал каштановый; не то он раньше с бородой ходил, а теперь

усы у него. Петьку по плечу хлопает, смеется, шутит. Одним словом, наверно, его фабрика сто пар ботинок в секунду делает. Придется и нам себя показать, — озабоченно подумал Мазин, устраиваясь поудобнее на бревне и отводя глаза от темной глубины пруда. — Даешь учебу!»

Он вытащил из кармана свернутую в трубочку тетрадь. Но поучиться ему не пришлось. Около прежней землянки слышались тихие голоса.

— Я думаю, что это нора лисы, — сказала девочка в белом фартуке, с пучком подснежников, торчащих из кармана на животе.

— А я думаю — медвежья, — серьезно ответил, приседая на корточки, стриженный мальчик с круглой головой и черными глазами. — Я даже сейчас потыкаю медведя палкой.

— Не надо. Он затонул, — сказала девочка.

Но мальчик достал прут и наклонился над ямой.

— Эй, ты, упадешь! — крикнул Мазин и, перескочив через бревно, пошел к детям. — Вам что тут надо? Это не нора, а землянка. Убирайтесь отсюда!

— Мы сейчас уберемся, — сказала девочка.

Но мальчик продолжал сидеть на корточках.

Мазин поднял его за шиворот и поставил подальше от ямы.

— А чья землянка? — спросил мальчик, несколько не смутившись.

— Это землянка, — сказал Мазин, скрестив на груди руки, — двух знаменитых следопытов: Русакова и Мазина — Р. М. З. С. Понятно? А теперь ступайте отсюда оба к своей бабушке!

Когда малыши удалились, Мазин вынул перочинный ножик и на толстом стволе березы вырезал четыре буквы: Р. М. З. С.

Полюбовавшись своей работой, Мазин сделал еще один глубокий надрез на белом стволе березы и припал к нему губами.

Он напился свежего березового соку, вытер рукавом рот и смачно сказал:

— Эх, жизнь!

«Супризом» тетки была телеграмма от отца. Павел Васильевич приехал ночью. Васек долго ждал, сидя одетый в уголке широкой кровати, и прислушивался к каждому шороху на дворе. Тетка тоже не спала, она все что-то прибирала и хлопотала в кухне.

— Ты ляг. Я тебя тогда разбужу, — уговаривала она племянника.

— Ничего. Я не хочу спать, — с трудом приподнимая отяжелевшие веки, говорил Васек.

Ему хотелось первым встретить отца на пороге. Но он все-таки не выдержал и заснул, ссутулившись и уткнувшись головой в спинку кровати. Ему снился дремучий лес и колючие ветки, снилось, что он ползком пробирается через поваленные бурей деревья и занозил себе коленку.

И вдруг теплые большие руки осторожно прижимают его к себе и мягкие усы, похожие на зеленые водоросли, щекают лицо.

— Ну, Рыжик... Глянь-ка на меня, Рыжик!

Васек еще крепче зажмуривает веки, потом сразу открывает их и горячи — ми от сна руками гладит отца по заросшим, небритым щекам. И оба они мол — чат, потому что нет слов, которые можно было бы сказать в такую минуту.

— Скажи пожалуйста, ведь какой парень привязчивый! Это что! — бормочет в кухне тетка, тихонько сморкаясь в платочек.

Прежние, светлые дни наступают для Васька. В длинные вечера уже все переговорено и рассказано, все пережито сначала вместе с большим, настоящим другом — отцом. Ему не надо много говорить — он все понимает с первого слова.

Ссора Васька с Сашей взволновала Павла Васильевича. Он никак не мог успокоиться и все повторял:

— Как же так? Такой парнишка хороший...

Васек хмурился:

— Я, папа, этот сбор никогда не забуду!

— Ничего, ничего, сынок! Теперь нам нужно будет себя во как поднять! Мы это сделаем, сделаем... — задумчиво говорил Павел Васильевич, даже не замечая, что вместо «ты» говорит «мы».

Один раз Васек сказал:

— Я, папа, теперь с Мазиным и Русаковым занимаюсь. Мы вместе к экзаменам готовимся. Они, знаешь... — Васек нагнулся и зашептал отцу на ухо: — Должны на «отлично» выдержать. Мазин хочет Сергею Николаевичу доказать, какой он товарищ. Понимаешь?

— А!... — таинственно кивнул головой отец. — Это надо, надо.

— А я им помогаю... Я тоже хочу доказать. Мне хочется, чтобы они оба лучше всех на экзамене ответили.

— Себя-то, смотри, не упусти с ними, — беспокоился отец.

— Нет, нет, что ты! Я ведь и сам в это время учусь.

Васек отогнул пальцы и сосчитал:

— Две недели осталось. Вот еще только Первое мая отгуляем, а тогда будем друг дружку по всей программе гонять.

Первое мая отгуляли весело. Вся школа вышла на демонстрацию. Шли стройными колоннами, несли большие портреты вождей, украшенные первыми полевыми цветами. Несли знамена.

— Шире, шире разворачивайте, чтобы такой красивой, широкой лентой они были! — возбужденно командовал Митя, поворачивая к ребятам сияющее веснушчатое лицо.

Ребята старались шире разворачивать знамена и не сбиваться с ноги. А из всех домов торжественно и весело присоединялись к ним люди, на ходу подхватывая знакомый мотив любимой песни:

Широка страна моя родная...

Васек Трубачев, воодушевленный всеобщим праздником, пел вместе со всеми, а Мазин, шагая с ним рядом и устремив на голубое небо глаза, пел громче всех, не считаясь с общим хором и забегая далеко вперед:

*Как невесту, Родину мы любим,
Бережем, как ласковую мать!*

Маленький городок утопал в зелени. На всех подоконниках стояли первые весенние цветы. Кусты в палисадниках кудрявились и в полдень, отяжелев от набухших почек, ложились на забор. На ночь люди настежь открывали свои окна, чтобы дышать свежим, ароматным воздухом. Это было время весеннего праздника, когда все люди кажутся особенно добрыми и приветливыми.

Васек Трубачев шел к Русакову. Там сегодня была назначена репетиция экзаменов. Учениками были он, Мазин и Петя Русаков, экзаменатором — Екатерина Алексеевна.

Трубачев торопился. Он только что встретил Митю и узнал от него замечательную новость: сразу же после экзаменов начнется подготовка к походу.

К походу! Ура!

Васек бежал по улице, взволнованный этим сообщением. Если бы хоть с кем-нибудь скорее поделиться своей новостью! Но никто не попадался навстречу... И только из одних ворот прямо на него вышел Саша.

«Булгаков! Эй, Булгаков!» — хотел крикнуть Васек, но запнулся и неловко замедлил шаг. Саша тоже остановился. Они посмотрели друг на друга и отвернулись. Потом каждый пошел своей дорогой. На душе у Васька померкла радость, и даже ноги в легких сандалиях стали цепляться за все бугорки. Дойдя до угла, он оглянулся. Саша тоже оглянулся.

Васек тяжело вздохнул и пошел к Русакову. Круглое, доброе лицо Саши с открытыми черными глазами было так знакомо и близко ему. Почему-то вспомнились даже руки Саши, с заусенцами около ногтей, такие ловкие и быстрые в работе.

У Русаковых уже все было приготовлено к экзамену. На середину комнаты был выдвинут большой стол, на стене висела чистая фанера, а под ней лежал кусок мела. За столом торжественно сидела Екатерина Алексеевна в темном платье с белым воротничком. Лицо у

нее было такое, как будто она всю жизнь экзаменовала школьников.

Мазин и Русаков в чистеньких новых костюмчиках, приготовленных для экзаменов, шепотом переговаривались между собой в ожидании Трубачева.

— Ты что же? Иди скорей! — встретил его в дверях Петя. — Смотри, она сидит уже, — кивнул он в сторону мачехи.

Васек почувствовал всю торжественность обстановки, чинно поклонился и сел на скамейку рядом с Мазиным и Русаковым.

Первым отвечал Петя.

— Русаков! — вызвала Екатерина Алексеевна.

Петя взял со стола билетик и, прочитав его, сказал:

— Это я все знаю! Можно другой?

— Можно.

— Это я тоже знаю! — радостно крикнул Петя. — Смотрите, разбор по частям речи! — Он оглянулся на мальчиков.

— Отвечай, — сказала Екатерина Алексеевна. — Дай пример.

Петя написал на доске: «Не бросай товарища в беде» — и начал бойко разбирать. Екатерина Алексеевна кивала головой. Петя закончил стихами Пушкина к няне:

*Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя...*

В дверь тихо просунулась мощная фигура. Русаков-отец на цыпочках подошел к столу и сел рядом с женой. Петя вспыхнул и взволнованно продолжал:

*Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня...*

Пушкин в детстве был очень одинок. Самым дорогим и близким человеком ему была его няня, Арина Родионовна, — рассказывал Петя, глядя прямо в глаза своим экзаменаторам.

Петю похвалили. Вторым вышел Мазин.

Он спокойно брал один за другим билеты и со словами: «Знаю, знаю...» — бросал их на стол.

Русаков-отец вопросительно посмотрел на жену и, наклонившись к ее плечу, шепнул:

— Что за система?

Но она сделала ему знак не вмешиваться. Наконец Мазин выбрал себе билет и ответил по нему все, кроме стихов.

— Стихи не знаю, надо будет выучить, — спокойно сказал он.

Трубачев отвечал бойко, с видимым удовольствием.

Русаков-отец спросил:

— Если обыкновенные мастера в смену выполняют сто процентов задания, скажем пять пар обуви, то сколько пар обуви сделают стахановцы, выполняющие двести пятьдесят процентов задания.

— Это вопрос из арифметики, — смутился Трубачев.

— Это вопрос из жизни, — ответил Русаков-отец. — Ну, кто сообразит?

— Я! — крикнул Петя. — Двенадцать с половиной пар!

— Верно, сын, — сказал Русаков.

После экзамена по русскому начался экзамен по другим предметам. Мальчики разошлись

усталые, но довольные собой.

* * *

Школа притихла. Она стояла торжественная, праздничная, полная цветов и света. В коридорах ходили на цыпочках, говорили шепотом. В классах сидели учителя и какие-то новые, приезжие люди с большими портфелями. Мягкая ковровая дорожка устилала лестницу и спускалась с крыльца, на котором стоял Грозный в черном сюртуке, с новым галстуком в голубых горошинах.

В школе шли экзамены. Они шли уже не первый день. Митя, с торчащей из кармана зеленой тюбетейкой, взволнованно спрашивал ребят из четвертого класса «Б»:

— Ну, как у вас тут дела?

— Хорошо! Хорошо!

— Ой, Митя! Русаков на «отлично» по русскому!

— Мазин тоже! И Белкин! И Синицына! — шептали ему девочки.

— Ничего, Митя! Не подкачаем! — храбрились ребята.

— Ну-ну! Старайтесь, старайтесь, ребята! — торопливо отвечал Митя. (Для него самого наступило страдное время экзаменов.) — Я побегу... У меня вот... — Митя хлопал ладонью по учебнику. — А вы тут смотрите... Трубачев, чтобы все в порядке было!

— Есть все в порядке!

Школа стояла тихая и торжественная, но вокруг нее громко и весело пели птицы, кричали и ссорились воробьи, в листьях шумел ветер и звал далеко-далеко — в поле, в лес, на речку, на вольную лагерную жизнь.

* * *

Одинцов лежал на кровати и слушал, как на крыльце бабушка уговаривала снести большую рябую курицу:

— Накормлена, напоена и гребень красный, а ходишь, бездельница, пустая!

Одинцов засмеялся, нырнул под одеяло и сладко потянулся.

«Теперь пойдут чудесные дни! В воскресенье поход! А там, может быть, лагеря... Вчера сам директор поздравил четвертый «Б» с отличным завершением учебного года... Он так и сказал: «С отличным!» — с гордостью вспомнил Одинцов и посмотрел на этажерку, где на четвертой полке были уже аккуратно сложены его учебники за четвертый класс.

Пятая полка еще была пуста. На ней только к сентябрю появятся новые книги, а пока еще только май.

— Бабушка! — закричал Одинцов, вскакивая и подбегая к окну.

У крыльца шумно кудахтали куры, стуча по тарелке с пшеном твердыми клювами.

Бабушка вошла в комнату, держа на ладони теплое, свежее яичко.

— Уговорила? — обрадовался Одинцов.

— Усовестила!... — ответила бабушка. — Тебе в мешочек сварить али всмяточку?

— В мешочек, в мешочек! — чмокнув ее в сморщенную щеку, закричал Одинцов и, шлепая по полу босыми ногами, побежал умываться.

Брызгая водой, он без умолку говорил о походе, о товарищах и о том, что теперь можно ни о чем не думать и бить баклуши до сентября.

— Бабушка, ведь мы пятиклассники! Понимаешь, пятиклассники!

— Ну, дай бог, дай бог! — повторяла бабушка, глядя на внука светлыми голубыми глазами.

ПРИГОТОВЛЕНИЕ К ПОХОДУ

Поход был назначен на воскресенье. Ребята целую неделю готовились к нему и одолевали Митю вопросами:

— Кто пойдет? Какие классы? Какие учителя?

— Повторяю, — охрипшим голосом кричал Митя, — пойдут три отряда! Четвертый и пятый классы. Задание каждого отряда — раньше всех прибыть к костру, местонахождение которого нужно будет определить в пути, руководствуясь указателями.

— Топографические знаки! — с восторгом крикнул Белкин.

Митя кивнул головой.

— Дальше. От четвертого «Б» в походе примет участие Сергей Николаевич.

— Ура! Ура! — Ребята вскочили с мест и окружили Митю. — С нами? Пойдет?

— Сергей Николаевич и я будем принимать отряды в назначенном месте у костра. Понятно? — кричал Митя. — В четвертом «Б» командиром назначен Трубачев, а комиссаром — Булгаков, — закончил он при общем ликовании. — Сбор во дворе школы в десять часов.

— Митя! Митя! Подожди!

— Трубачев с Булгаковым в ссоре!

— Митя, они же давно в ссоре! — зашептали со всех сторон девочки.

— Что? — нахмурился Митя и громко сказал: — Ничья ссора нас не касается. В общем деле не может быть личных интересов. Понятно?... Трубачев, ты слышал, что я сказал?

— Слышал.

— А ты, Булгаков?

— Слышал.

— Так принимайте задания!

— Есть! — твердо ответили оба.

* * *

В воскресенье Васек вскочил с постели и, отдернув занавески, зажмурился. Луч солнца мягко скользнул по его щеке и прыгнул на пол.

— Есть поход! — прошептал Васек и оглянулся на спящего отца.

Было еще очень рано, но теткина постель была пуста. Васек заглянул в кухню.

На столе были уже приготовлены отцовская фляжка, несколько отборных картофелин, соль и каравай хлеба. На табуретке лежал рюкзак.

— Не буди отца, — шепотом сказала тетка, разглаживая утюгом новый матросский костюм. — И чего вскочил ни свет ни заря! Поди полежи еще!

Васек примерил рюкзак, осмотрел фляжку и лег, крепко зажмурив глаза от солнца. Но спать было невозможно. Ему уже представлялись запутанные тропинки в лесу; знаки, тщательно замаскированные; выложенные из камешков стрелы; сломанные ветки...

«Надо в оба смотреть... на деревьях, на земле, на кустах. А пропустим — назад

вернуться. Быстро, молча. Болтать не позволю... Вперед пущу Одинцова, Мазина и Русакова. Булгаков со мной рядом пойдет... Он слышал, что Митя сказал. Ну и вот... Зорину со Степановой тоже вперед пущу. А Малютин пусть сзади идет. Он невоенный человек. Синицыну — в хвост, чтобы не болтала...»

Васек представил себе отряд, движущийся в тишине леса. Себя впереди, Булгакова рядом... Командир и комиссар!

Ему стало жарко. Откинув ногами одеяло, он вскочил, отдал кому-то честь.

Отец спал, отвернувшись к стене.

На столик с маминой карточкой падало солнце.

— Есть поход! — неслышно пошевелил Васек губами, глядя в лицо матери, улыбавшейся ему с портрета знакомой, памятной улыбкой.

— Встаю, встаю, сынок! — забормотал отец, садясь на кровати и приглаживая рукой растрепанные волосы. — Ты что тут шебуршишься, сынок?

— А ты забыл? — спросил, подбегая к нему, Васек. — У нас поход нынче.

— Нет, как же забыл! Ни в коем случае не забыл, — заторопился Павел Васильевич. — Сейчас, сейчас собираться будем!

— Да погоди, еще восьми нет — ты, может, не выспался.

— Ну, выспался не выспался — беда не велика! А ты вон погляди: я тебе вчера топорик смастерил — может, понадобится в лесу.

Он вытащил из-под кровати топорик с отточенным светлым лезвием.

Васек схватил его и заткнул за трусики.

— Себе-то живот не пропори, — засмеялся отец. В половине десятого Васек вышел из дому. Он шел не оглядываясь, но знал, что отец стоит на крыльце и смотрит ему вслед.

Завидев Трубачева, ребята ахнули. Ремни от рюкзака оттягивали назад его плечи, красный шелковый якорь блестел на рукаве, из-под тубетейки выбивался на лоб рыжий завиток.

— Вот командир так командир!

Девочки сейчас же подбросили записку:

«Трубачев, ты очень похорошел!»

— В общем деле не может быть личных интересов! — вспомнив слова Мити, важно сказал Васек, скомкал записку и громко скомандовал: — Отряд, стройся! Справа налево рассчитайся!

На школьном дворе стояли три отряда, готовые к походу. Васек осмотрел с головы до ног каждого из своего отряда. Все были подтянуты, торжественны, не размахивали руками и не болтали зря.

Васек был доволен.

* * *

Три отряда стояли как вкопанные.

Митя давал последние указания:

— Повторяю: задача каждого отряда — раньше всех прибыть к костру, местонахождение которого нужно будет определить в пути по указательным знакам. Будьте внимательны! «Первый отряд идет через улицу Чехова, шоссе. Указатель на полкилометра от леса. Второй отряд...» — читал Митя.

Васек ждал. Саша Булгаков стоял рядом с ним и не отрываясь смотрел Мите в рот.

— «Третий отряд... — Митя повернулся лицом к ребятам Трубачева: — Черкасская улица, переход через шоссе. Стрелка, показывающая направление на первой тропинке, сворачивающей в лес». Понятно?

— Понятно! — выпалили все три отряда.

Митя махнул рукой:

— Вперед!

— Шагом марш! — скомандовал Васек Трубачев.

Отряд вышел из школьных ворот и зашагал по улице. Два других отряда со своими командирами свернули в боковые переулки.

— Скорей! Скорей! — заволновались девочки. — Перегонят!

— Не бежать! — нахмурился Васек.

— Бежать хуже. Прозеваем указатель и все спутаем, — сказала Лида.

Шли ровным быстрым шагом. Дорога была всем знакома.

— Красиво идем! — шептали девочки.

— Ребята! По мостовой потише, у меня тапочки новенькие, — беспокоилась Синицына.

— Повесь их себе на нос, твои тапочки!

— Не из-за тапочек, а из-за Малютина потише надо. Здесь камни, и солнце печет очень,
— тихо сказала Валя Степанова, трогая рукой свою макушку.

Васек оглянулся. Сева Малютин шел сзади. На спине у него был рюкзак, на боку — полевая сумка. На покрасневшее от солнца лицо падала тень от низко надвинутой на лоб панамки.

— Леня Белкин, возьми у Малютина рюкзак, — сказал Васек, — ему тяжело.

— Есть! — бойко отозвался Леня Белкин, подождал Севу и, не слушая его возражений, перекинул через плечо Севин рюкзак. — Иди, иди! А то устанешь сразу... А мне нипочем!

Улица вдруг кончилась. За шоссе открывался зеленый ряд елок. Они стояли как нарисованные, а за ними живой стеной поднимались дубы, березы и ели. Пахло хвоей и нагретым листом. По небу плыли белые пушистые облака.

Отряд остановился.

— Здесь! — взволнованно сказал Васек.

— Вот она, вот! — закричало сразу несколько голосов. На траве искусно выложенная мелкими камешками стрелка указывала на тропинку.

Ребята почувствовали важность этой минуты.

— Начинается! Начинается! — зашептали они.

— Пошли! — бодро крикнул Васек.

Он шел впереди, оглядывая каждый кустик и чуть притоптанную траву по бокам тропинки. Ребята, затаив дыхание, гуськом шли за ним.

— Сейчас тропинка сама ведет, а как выйдем из елок, надо смотреть в оба, — уговаривались Одинцов и Саша.

Елки кончились. Тропинка, сделав полукруг, сворачивала обратно на шоссе. В лесу было свежо и тенисто, в густой траве качались белые ромашки и нежно-голубые колокольчики.

Сквозь заросли крапивы пробивались кусты дикой малины.

— Ищите здесь, — сказал Васек. — Далеко не отходить, кусты не ломать, смотреть под ноги!

Ребята, низко пригнувшись к земле, всматривались в каждый уголок.

Девочки, заправив под панамки непослушные волосы и стараясь не мять цветы, продвигались вперед на цыпочках, напряженно и молча оглядываясь вокруг. Мазин и Русаков держались вместе. Все места пригорода были ими исхожены зимой на лыжах.

— Вот тут следы зайца были, помнишь? — припоминал Русаков.

— Ладно, не болтай. Не до зайца сейчас, — хмуро останавливал его Мазин. И тут же, указывая на молодую белоствольную березу, опоясанную маленькими окошечками, говорил: — Дятловы кольца. Березовым соком остроносый лакомился! Я тоже пил. Эх, хорошо!

— А помнишь, как мы... — оживлялся Петя.

— Хватит, ищи стрелу! — сурово останавливал его Мазин.

Васек подбежал к старому пню. Около него валялись сломанные ветки елки. Он присмотрелся к ним ближе. Елка была так обломана, что ствол с двумя ветками напоминал стрелу.

На земле были рассыпаны иглы, очевидно счищенные перочинным ножом.

— Булгаков, Одинцов, сюда! — боясь ошибиться, позвал он товарищей.

— Куда направление? Куда направление? — волнуясь, спрашивал Саша.

— Да, направление в лес! Ясно — это указатель, — сказал, поднимаясь с колен, Одинцов.

— Вперед!

Ребята весело двинулись в указанном направлении.

Лес становился гуще. Валежник царапал колени, цеплялся за платье. В тоненькие пушистые волосы Вали Степановой вцепилась зеленая колючка. У Лиды Зориной через всю коленку тянулась красная полоса. У многих девочек от крапивы распухли руки, но никто не жаловался. Одна Синицына тихо ворчала, попадая то в крапивное место, то на острый сучок. Ее никто не слушал.

Васек, покрасневшись от напряжения, старался не снижать строгого командирского тона, чтобы не уронить дисциплину. Сам он, так же как и все ребята, уже чувствовал тревогу. Всем казалось, что прошло уже много времени и другие отряды давно опередили их. Шли молча. Вдруг Синицына нагнулась над муравьиной кучей и, выхватив оттуда три палки, подняла их вверх.

— Стрела, честное слово, стрела! — торжествующе крикнула она. — Вот так лежала!

— Положи! Положи! — в ужасе закричали ребята.

— Трубачев, она подняла!

— Она спутала направление!

Синицына испуганными, круглыми глазами смотрела на подходившего Васька. Он вырвал у нее из рук палки и наклонился над муравейником. Там остался глубоко вдавленный след, обозначающий стрелу. Васек выпрямился:

— Указатель найден!... Синицына, становись в задние ряды!

У ребят отлегло от сердца.

Пристыженная, Нюра Синицына пошла в задний ряд.

Дальше стрелы стали попадаться чаще. Глаза, привыкшие нащупывать их, не пропускали ничего.

Васек шел впереди. Найдя стрелу, он молча показывал на нее рукой и торопился дальше.

— Давайте бегом! Нас же много — авось не пропустим, — предлагали некоторые ребята.

— На «авось» нельзя! — доказывала Лида Зорина.

— Мы и так быстро идем! — утешал Саша Булгаков.

Все шло благополучно. Последняя стрела, вырезанная на дереве перочинным ножиком, вдруг указала направление в такую чащу, где колючие кусты шиповника, сухие ветки и торчащие во все стороны сучья бурелома совершенно загораживали дорогу. Впереди виднелся овраг. Может, не сюда?

— Трубачев, верно мы идем? — заволновались ребята.

— Все в порядке. Вперед! — скомандовал Трубачев, медленно пробираясь через чащу и защищая рукой лицо от колючих веток.

Ребята беспрекословно двинулись за ним. Овраг был крутой. На дне бежала лесная речушка, неширокая, но быстрая. В темной воде не было видно дна.

— Брр... Тут глубоко, — неуверенно сказал кто-то.

— Смеряйте глубину! — зашептали девочки. Коля Одинцов вытащил из хвороста длинную палку, наклонился и стал мерить глубину. Палка, не достигнув дна, вырвалась у него из рук и уплыла по течению. Он поднялся, обескураженный.

Валя Степанова заглянула в темную воду и сняла тапочки.

— Надо так надо, — тихо сказала она, ожидая приказа.

— Обследовать берег! — сказал Трубачев и, пройдя несколько шагов, вытащил из земли белую, свежеевыструганную галочку. Это была стрела, воткнутая в землю.

— Направление в землю, — недоумевающе сказал кто-то за плечом Васька.

— Трубачев, куда направление? — спросил, нахмурившись, Одинцов.

Васек кусал губы, глядя на запачканную в земле стрелу.

— Направление в землю, — сообщил он сгрудившимся вокруг ребятам.

— Ничего особенного... Значит, что-то в земле, — заявила Зорина.

Булгаков присел на корточки и стал разрывать руками рыхлую землю. Вместе с комьями земли вылетела спичечная коробка.

— Дай сюда! — протянул руку Васек.

В коробке лежала записка — приказ по третьему отряду. Ниже стояли: точка-тире-точка-тире...

— Что это? Что это? — заволновались ребята.

— Морзе! — ахнул Саша.

— Азбука Морзе! Азбука Морзе! — зашумели ребята.

Васек растерялся. Точки и тире запрыгали у него перед глазами.

— Ничего, сейчас разберем... — неуверенно сказал Саша. — Давай сигнал для сбора!

Васек свистнул. Отряд живо собрался вокруг своего командира.

— Найдена записка. Азбука Морзе. У кого есть перевод?

— У кого перевод? У кого есть перевод? — кричал Одинцов.

Все молчали.

— Что же вы? Мы время теряем! — торопил Саша, потрясая запиской.

— У меня дома есть... — уныло сказал Белкин.

— Ну и беги за ним домой! — оборвали его ребята. Мазин вытянул голову, хмуро посмотрел на записку и почесал затылок:

— Эх, жизнь! Что же мы-то с тобой, Петька!

— Вот так история! — развел руками Медведев.

— Ребята, ну что же вы, ребята? — обращаясь то к одному, то к другому, умоляла Лида

Зорина. — Неужели вы азбуки Морзе не знаете?

— Сама попробуй прочти! — накинулась на нее Синицына.

Васек не знал, на что решиться. Идти наугад? Искать следующий знак?

— Смирно! — прикрикнул он, чтобы прекратить разгорающийся спор.

Сева Малютин, осторожно прокладывая себе дорогу между ребятами, подошел сбоку:

— Трубачев, я немножко знаю. Можно посмотреть?

Саша поспешно протянул ему записку. Малютин раскрыл полевую сумку, вытащил оттуда карандаш и записную книжку.

— Пиши на моей спине, — предложил ему Одинцов.

— Не надо, — сказал Сева. Он внимательно посмотрел на записку, потом заглянул в записную книжку, покусал губы и потер лоб.

— Забыл! — насмешливо сказал Мазин.

— Нет. Сейчас! — просветлел вдруг Малютин. — Вот первые слова: «Переправа на берегу...»

— Ура! — подпрыгнули ребята.

— Читай дальше! — нетерпеливо сказал Васек. Малютин пошевелил губами:

— Дальше я не могу разобрать.

— Хватит! Ищите переправу! — закричал Васек и, пригнувшись, побежал вдоль берега.

— Есть! — раздался из кустов голос Русакова. Красными, обожженными крапивой руками он с торжеством вытащил из-под валежника две крепко сбитые доски.

— Перекладины! Столбики с рогульками, живо! — командовал Васек.

Но ребята уже и без команды яростно тащили сваленные в кучу сухие жерди, обтесанные топорами колья и в жидкую грязь на берегу вколачивали столбики.

— Готово! Цепью! За мной!

Ребята один за другим перешли речку.

Васек смерил глазами крутой подъем и тревожно оглянулся на Малютина.

Мазин поймал его взгляд, вытащил из кармана веревку, закрутил один конец себе повыше локтя и подмигнул Ваську: «Поднимем... ничего!»

Васек кивнул головой.

— Ребята, держись за веревку!

Все схватились за веревку. Сева Малютин оказался между Валею Степановой и Петей Русаковым. Мазин крикнул, натянул постромки и полез по крутому склону.

— Малютин, держись крепче, — беспокоилась Валя Степанова, глядя на порозовевшее лицо Севы.

— Малютин, не трать силы. Ты только ногами перебирай, — озабоченно советовал Петя Русаков.

— Молодец, Малютин, всех выручил! — кричали сверху ребята.

Сева, крепко держась за веревку, глядел на товарищей счастливыми глазами.

— Ну, айда! Пошли! Пошли! — натягивая изо всех сил веревку и набирая высоту, кричал Мазин.

Васек Трубачев, не обращая внимания на осыпавшуюся под ногами землю, цепляясь за кусты, выскочил из оврага первый. Стоя на пригорке, он выпрямился и протянул вперед руку.

Между деревьями возвышалась куча хвороста, издали похожая на шалаш. Около нее мелькало что-то зеленое, как птица с зелеными перышками.

— Костер! Митя!

— Ура! Ура! — грянул подоспевший отряд.

— Подойти в порядке! Построиться! — крикнул Васек.

Но его уже никто не слушал. Ребята бросились врассыпную на последний знак — зеленую Митину тюбетейку.

Отряд Трубачева пришел первым!

* * *

— Ай да Мухомор! — любовно говорил Грозный, складывая у костра хворост. — В самый раз поспел! Небось в хвост и в гриву погонял, а?

— Да нет, ничего, — рассеянно отвечал Васек, поглядывая в сторону, где сидел Сергей Николаевич и о чем-то разговаривал с ребятами.

Ваську очень хотелось подойти, но он боялся, что учитель подумает: «Вот привел отряд первым и ждет, чтобы его похвалили». И он, делая вид, что ищет что-то в своем рюкзаке, отстал от ребят.

Второй отряд уже показался на дороге. Ребята шли, размахивая панاماми и поднимая столб пыли.

— Вторые! Вторые! — кричали им из отряда Трубачева.

— Где проплутали? — крикнул Митя, идя навстречу задержавшемуся отряду.

Командир отряда, долговязый парнишка, снял тюбетейку и вытер ладонью потный лоб.

— Пропустили стрелу — и давай наугад шпарить. А потом — стоп! — видим, дело плохо. Назад вернулись.

Ребята завистливо поглядывали на отряд Трубачева.

— Мы в другой раз будем знать, — смущенно сказал их командир. — А то ребята все кричат: «Бегом, бегом!» Вот и пропустили.

— А ты командир. Надо дисциплину держать, — строго сказал Митя и посмотрел на часы. — Где же первый отряд?

— Загадочная картинка! — сострил Одинцов.

Учитель улыбнулся и подозвал Трубачева.

— Ну, командир, рассказывай, как шли.

Он подвинулся и указал ему на место около себя. Васек, покраснев до ушей, начал с жаром рассказывать. Ребята помогали ему припоминать все мелочи.

— ...И вдруг письмо...

Васек поискал глазами Малютина.

— Кто же прочитал? — спросил учитель.

— Все читали, жутко прямо! — сказала Синицына.

— Неправда, неправда! — закричали ребята.

— Никто не умел, — сказал Васек. — Вот он только... три слова разобрал. — Васек кивнул на Малютина.

Сева подошел к ним.

— Ты знаком с азбукой Морзе? — спросил учитель.

— Я немножко, чуть-чуть.

— Это очень важно. А что было бы, если бы Малютин не сумел разобрать? — спросил Сергей Николаевич.

Васек почувствовал досаду, но поборол ее и обнял Севу за плечи.

— Если бы он не прочел, мы могли бы опоздать, — честно сказал он.

Ребята захлопали в ладоши:
— Молодец! Молодец!
— Молодец! — подтвердил учитель.

* * *

Митя все еще ждал первый отряд. Грозный хлопотал по хозяйству. Он вместе с ребятами приладил над костром котел с картошкой. Послал еще за хворостом. Васек принес охапку сухих веток и, отряхивая костюм от приставших к нему листьев, увидел, что разорвал штаны.

— Разорвал, Трубачев! Эх, ты, новый костюм! — сочувствовали ему ребята.

— Зашить надо, — сказал Митя. — У кого есть иголка с ниткой?

Саша Булгаков отвернулся и стал ковырять носком ботинка сухую землю.

— У Саши есть, — робко сказала Лида и прикусила язык.

— Булгаков, ты, говорят, человек запасливый. Одолжи командиру иголку, — пошутил Митя.

Саша нашарил иголку под воротником своей куртки и стал раскручивать длинную нитку. Васек быстро подошел к нему.

— Булгаков, — сказал он, заикаясь и краснея до слез, — не сердись на меня больше... за то...

— Я — нет... что ты... — пробормотал Саша, поднимая на него влажные глаза. — Я всегда... На вот иголку, — радостно заторопился он, — вместе зашьем.

— Трубачев, давай я! — вскочила Лида Зорина.

— Нет, мы сами! — крикнул Васек, увлекая за собой Сашу.

— Мы сами! — оглянувшись, с гордостью сказал Саша.

Митя взглянул на учителя. Сергей Николаевич смотрел вслед обоим мальчикам.

— Помирились, вот здорово! — с восхищением шептал Петя Русаков. — Мазин, видал?

— Вижу, — сказал Мазин. Он запрокинул голову, отпил несколько глотков из своей фляжки и весело сказал: — Эх, жизнь!

* * *

Пламя костра поднималось все выше. Сухие огненные елки трещали. Вокруг стоял шум и смех.

Командир первого отряда, круглолицый веселый мальчуган, сильно жестикулируя, рассказывал:

— Мы там все перепугались. Кто туда тянет, кто сюда! Домой никому не хочется возвращаться. А указатель давно потеряли. Ну, значит, давай наобум! Вдруг видим — дымок над лесом поднялся... Я влез на дерево: вижу — огонь! Ну, айда! Вот и нашли!

Митя встал:

— Ребята! В этом походе только один отряд показал себя дисциплинированным. И только в одном командире я не ошибся. Поговорим об этом особо. А теперь от имени

директора нашей школы объявляю отряду Трубачева премию за отличную учебу, за дисциплину в походе. Эта премия... — Митя остановился, обвел глазами ребят и торжественно закончил: — поездка на Украину, в колхоз «Червоны зирки»!

Ребята зашумели, но Сергей Николаевич сделал им знак молчать.

— Экскурсия состоится в начале июня. Поедет весь класс четвертый «Б» с Сергеем Николаевичем, — Митя обернулся с улыбкой в сторону учителя, — и со мной!

Последние слова были заглушены радостными криками ребят:

— На Украину! Ура!

— С Митей! С Сергеем Николаевичем!

Девочки прыгали, обнимались, тормозили Лиду Зорину:

— Всем классом! Всем классом!

Васек обнял Одинцова и Сашу:

— Поедем вместе! Поедем?

— Еще бы! — сказал Одинцов. — А ты, Булгаков?

— Куда вы — туда и я, — широко улыбнулся Саша.

Солнце уже заходило. За деревьями широкая красная полоса все суживалась, и наконец от нее осталась только розовая ленточка, низко протяну — тая по земле. Деревья сразу почернели, одни березы белели в темноте. Раскрасневшись от костра и горячей картошки, ребята жадно слушали учителя.

Сергей Николаевич, острым концом обструганной палочки доставая картошку из котла и очищая ее, говорил:

— Украина — это моя родина. От колхоза «Червоны зирки» километрах в тридцати я родился, там живет моя сестра... У нее в саду черешни, яблони, груши, сливы... Вот куда мы с вами в гости поедем! Полакомимся...

Костер затянулся до позднего вечера. Домой шли кратчайшей дорогой, по шоссе. Ярко светились окна домов. У Трубачевых дверь была не заперта. Васек вихрем ворвался в комнату.

— Папа, отряд Трубачева премирован поездкой на Украину! — одним духом выпалил он.

ПРОВОДЫ

Быстрые и ловкие, с тонкими коричневыми от загара ногами, ребята заполнили весь перрон.

— Как опята! Как опята из лесу выскочили! — сказала какая-то женщина, указывая на сбившиеся в кучку панамки.

Вокруг школьников столпилась вокзальная публика.

Сквозь толпу с сияющими, размягченными лицами пробирались матери, отцы и хлопотливые, беспокойные бабушки.

— Фляжку-то, фляжку, голубчик, не забудь!

— Открыточки возьми! Карандаш... Там на какой-нибудь станции напишешь...

— Ладно, ладно! Не беспокойся — напишу.

Около сложенного горкой пионерского имущества стоял Коля Одинцов и еще несколько ребят.

Тут же на чьем-то вещевом мешке сидела бабушка Одинцова:

— Ты гляди, Коленька, не растеряй все по дороге-то. Мало ли какие люди в вагоне будут!

— Да у нас свой вагон, бабушка! И учитель и Митя с нами.

— Ишь ты, весь вагон себе закупили! Миллионеры, да и только, — улыбалась бабушка.

— Не миллионеры, а пионеры! — шутил Одинцов.

Митю и Сергея Николаевича со всех сторон атаковали родители. Сыпались вопросы: какой маршрут, где будут ребят кормить, выедет ли за ними колхозная машина. Учитель объяснял, рассказывал, успокаивал. Митя, поглядывая через головы родителей на длинный состав поезда, нетерпеливо отвечал:

— Все будет хорошо, товарищи родители! Просим не беспокоиться! Будет и кормежка, и машина, и письма отправим, и телеграммой сообщим о прибытии — все будет как надо!

«Ох, уж эти мне родители! — думал про себя Митя. — Хоть бы скорей погрузиться в вагон!»

— Митя, тебя твои папа с мамой ищут! — крикнула Валя Степанова. — Вон они!

Митя хлопнул себя по щеке: «И мои старички прибыли!» На его живом веснушчатом лице выразилось явное удовольствие.

— Сюда, сюда! Мама! — замахал он рукой.

Васек Трубачев крепко держал обеими руками большую руку отца и, глядя ему в лицо сияющими глазами, торопливо говорил:

— Я тебе, папка, каждый день писать буду! Каждый день!

— Да врешь ты, Рыжик! Там тебе не до этого будет. И не обещай лучше, да и не надо мне этого. Как захочешь, так и пиши, — любовно оглядывая сына, говорил Павел Васильевич и, понизив голос, лукаво прибавил: — Вот тетке не забывай приветы слать. Она, знаешь, обидчива у нас.

Васек кивнул головой.

— Ну, а там и опять вместе будем! — заранее радуясь встрече, улыбался Павел Васильевич.

— Трубачев, кто тебя провожает — папа? А меня мама! — радостно сообщила Лида Зорина. — Хочешь твоего папу с моей мамой познакомить?

— А мы уже и без вас познакомились, — шутил, здороваясь, Павел Васильевич.

— Да мы постоянно на родительских собраниях встречались с вами, — напомнила Лидина мама. — А вот товарища твоего, Лидуша, я давно не видела. Настоящий командир он у вас!

— Они все командиры дома! — подмигнул сыну польщенный Павел Васильевич. — Вот посмотрим, как себя в самостоятельной жизни покажут.

— А мы не будем в самостоятельной жизни. Мы с Сергеем Николаевичем и Митей! — весело сказала Лида. — Петя Русаков, иди сюда!

— Я с матерью, — сказал Петя, держа за руку высокую полную женщину с серыми глазами и ясной улыбкой.

Лида обхватила за шею свою мать и что-то оживленно зашептала ей на ухо.

— Не шепчи, Лидочка, — неприлично, — делая строгие глаза и потирая ухо, остановила ее мать.

По перрону прошел Сева Малютин с худенькой, бледной женщиной. Они тихо разговаривали, не обращая внимания на общую сутолоку.

— Я тебе, мама, разных-разных цветов засушу... Помнишь, когда я болел, ты приносила мне мяту. И руки у тебя пахли мятой... На даче, помнишь?

— Помню. Только не вздумай привезти мне мяту, — засмеялась мама, — ее и здесь много. И по сырым местам не лазь, Сева, а то промочишь ноги и заболеешь, а мамы там не будет с тобой, — улыбнулась она и вдруг тревожно поглядела в синие глаза сына. — А может... не ехать тебе, Севочка? Еще не поздно...

— Ну, мамочка! — засмеялся Сева. — Ну что ты, трусишка какая! Я же не один — со мной товарищи...

Мимо, нагруженный всем дорожным снаряжением, прошагал Мазин.

Рядом с ним семенила его мать — рыхлая, болезненная женщина.

— Дай же мне что-нибудь, Коленька, ведь я с пустыми руками иду! — уговаривала она сына.

— Да уже дошли. Стой тут, я вещи сложу. Вот здесь, у колонны, на эту корзинку сядь, а то толкнет кто-нибудь, — беспокоился он, снимая с плеч вещевой мешок. — Я сейчас... Эй, Булгаков! Где Одинцов? — кричал он, заметив на перроне Сашу Булгакова.

— Он около вещей!... — крикнул Саша, разнимая сестренку и братишку, которые вдруг о чем-то сильно заспорили. — Ну что у вас тут?

— Саша, я этого следопыта первая узнала, а он говорит — он первый узнал.

— Я первый его узнал! — толкая сестренку, сердился мальчик.

— Тише, тише! — погрозила им пальцем мать. — Что это вы брата перед всеми товарищами срамите!

— Ничего, — сказал Саша, поднимая на руки толстого Валерку и глядя на мать грустными глазами. — А тебе, мама, трудно с ними без меня будет...

— Ну что ты, Сашенька! Отдыхай от нас, голубчик, и ничего такого даже не думай. У отца отпуск скоро...

— А у тебя, мама, когда отпуск? — вздохнул Саша.

— А куда же я денусь? Мне без них и дня не прожить, Сашенька... За тебя-то все сердце изболит, сыночек...

— Граждане! Граждане! Приготовьтесь к посадке! Через две минуты подходит поезд, — громко объявили по радио.

На перроне все задвигалось, зашумело.

— Пионеры, к вагону стройся!

— Родителей просим на минутку отойти! — пробегая, кричал Митя.

— Ну, ну, — заторопились родители, наскоро обнимая детей, — бегите, бегите!

Черный массивный паровоз, тяжело ворочая колесами, подошел к перрону.

За ним потянулись новенькие свежее-зеленые вагоны.

Началась посадка.

Через полчаса платформа вокзала опустела.

Поезд медленно отходил.

Из всех окон высывались сияющие, взволнованные лица ребят.

— Мама, подойди сюда! Мамочка! — кричала Лида, посылая воздушные поцелуи.

— Лидок, не высывайся, дорогуша...

— Папка, пиши, слышишь? — кричал через головы товарищей Васек шагавшему рядом с поездом отцу.

— Петя, перейди на нижнюю полку — ты разбрасываешься во сне. Слышишь, Петя!

— Сергей Николаевич, вы уж за нашей Нюрочкой последите, пожалуйста, — обмахиваясь платком, бежал за поездом отец Синицыной.

— Мама, не скучай, мама! — просил Сева Малютин.

— Валерка, до свиданья, расти большой... Маму слушайся! — кричал Саша.

— Бабушка, не беги! — грозил из окна Одинцов.

— Коленька! Да... ах, батюшки, пирожки-то остались!

— Мама, будь здорова... Не плачь, ну, мама... Эх, жизнь! — отходя от окна, махнул рукой Мазин.

Паровоз круто завернул и дал полный ход.

— До свиданья, до свиданья!

Замахали платки, панамы, галстуки.

На вокзале остались осиротевшие родители.

— Ведь вот, как они дома — и ругаем мы их, и надоедают они нам, а как оторвутся куда — так и сердце за ними рвется, — смеясь и плача, говорила чья-то мама.

— Да уж это вы, женщины, чувствительный народ, — шумно сморкаясь, говорил чей-то папа. — А в общем, в чем дело? Великолепная экскурсия, с вожатым, с учителем, все условия — о чем же тут слезы лить?

— Верно, верно! — соглашались с ним родители. — А все-таки трудно расставаться.

— Ну, кому куда? Кто со мной по пути? Дальние проводы — лишние слезы. Эдак и заночевать на вокзале можно! — шутил Павел Васильевич. — Пошли, пошли, товарищи родители!

УКРАИНА! УКРАИНА!

Свежий ночной ветер врывается в открытые окна вагонов. Он шевелил рыжий чуб спящего Васька; обвевал прохладой спокойное лицо Мазина с упрямой нижней губой и по-детски пухлыми щеками; трогал длинные ресницы Пети Русакова, разметавшегося на нижней полке; гладил доброе, озабоченное лицо Саши, заснувшего с мыслью о матери; трепал светлые волосы Одинцова и заглядывал в бледное лицо Малютина, а потом, шаловливо перебегая в соседнее купе, начинал трепать выбившиеся прядки волос в черных косичках Лиды Зориной, пробегал по раздумавшемуся во сне лицу Синицыной и по серьезному личику Вали Степановой, сложившей под щекой ладони...

Ребята крепко спали, утомленные сборами и прощанием с родными. А поезд мчался в темноту ночи; черный блестящий паровоз по-хозяйски отстукивал километры, увлекая за собой длинную цепь вагонов.

В отдельном купе так же спокойно, как ребята, спал старик — отец учителя. Сергей Николаевич стоял у раскрытого окна. Митя, свесив голову с верхней полки, смотрел на учителя.

— Вы знаете, Митя, это изумительное чувство — ощущение своей Родины! Эта непостижимая любовь человека к своей земле! И как это хорошо, взволнованно звучит:

*Как невесту, Родину мы любим,
Бережем, как ласковую мать!*

Яркое, солнечное утро разбудило ребят. Поезд мчался мимо золотых полей пшеницы, мимо зеленых лугов со стадами. Коровы, лежа в густой траве, лениво жевали жвачку. Прыгали, высоко вскидывая задние ноги, молочно-желтые телята. Пастушок, сдвинув на затылок картуз, щелкал длинным бичом.

Цвела розовая гречиха, густел овес, сиреневые шарики клевера сливались в один пушистый ковер. Синел лес, под мостом покачивались на воде кувшинки...

Мелькали железнодорожные будки, белые хаты с густыми вишневыми садочками, а на маленьких станциях врываются в окна свежие, задорные голоса с мягким украинским выговором:

— Черешен! Черешен!

— Меду! Меду!

— Ось кому молочка свеженького!

— Ряженки!

— Сюда, сюда! — кричал Митя, принимая из загорелых рук босоногих девчонок крынки с молоком, затянутые густой розовой пенкой, лукошки с черными, горячими от солнца черешнями и кувшины с медом.

Ребята пригоршнями ели черешни, залетавшие в вагон пчелы лезли к ним в миски с медом.

Украина! Украина!

Это был июнь 1941 года.

КНИГА

в т о р а я

КНИГА ВТОРАЯ

Глава 1

ВСТРЕЧА

На широкую проезжую дорогу смотрят белые хаты. Окна с расписными наличниками прикрыты тонкими занавесками. Под окнами растут розовые мальвы, душистые вьюнки, в густой траве около перелазов краснеют маки, над черными, разогретыми солнцем вишнями кричат и ссорятся воробьи. А позади белых хат, понизу за огородами, за цветистым лугом, кружит быстрая речка. За рекой синеют густые леса. На лугу лениво пасутся колхозные коровы, истомленные жарой, сытной пищей и надоедными слепнями. По другую сторону села — богатые колхозные поля. Теплый ветер доносит оттуда медовый запах цветущей гречи, легкий шум дозревающей пшеницы.

Солнце перевалило за полдень. У колхозного сарая девчата и хлопцы складывают под навес сено. У плетня старые деды раскуривают трубки и мирно беседуют меж собой:

— В подбор сено идет...

— Погода подходящая...

— В самый раз для уборки.

В волосах у девчат путаются сухие стебли, забираются за воротники, щекочут шеи.

Председатель колхоза Степан Ильич мнет в ладонях душистый пучок сухой травы и жадно вдыхает ее запах:

— Богатые корма для скотины!

По улице пробегают с граблями девчата.

— Эй, девчата! — окликает их Степан Ильич. — Повыше от реки скирды складывайте, где я указал.

— Добре! — звенят с улицы молодые голоса.

Степан Ильич смотрит на небо, поглаживает широкой ладонью бритые щеки. Праздничная, расшитая васильками рубашка ловко сидит на его статной фигуре; воротник туго охватывает загорелую шею. Голубые глаза щурятся от солнца.

— Раздела тебя, Степан Ильич, жинка, как на свадьбу! — шутят над ним старики.

Степан Ильич смущенно оглядывает себя, осторожно снимает с рубашки сухой стебелек и улыбается широкой, простодушной улыбкой, показывая ровные белые зубы:

— Верно, что раздела! К сенокосу и вышивала.

Старики улыбаются:

— Ребята наши москвичей ждут — до свету встали да за Игнатом в Ярыжки бегали!

— Ну, ясно, большой интерес для них!

— Сейчас должны прибыть, — скручивая папиросу, говорит Степан Ильич.

Во двор вбегает босоногий подросток:

— Дядя Степан, вас до сельрады кличут!

— Добре. Иду сейчас. — Степан Ильич крупно шагает к воротам.

— Степан Ильич, бригадир спрашивает, какое ваше распоряжение будет насчет луговины, — сегодня там починать косить или завтра? — окликает председателя дивчина в красной косынке и синей подоткнутой юбке.

— Сегодня, сегодня починайте, пока погода стоит!

На улице, толкая друг дружку, скачут ребяташки. Щупленький дед Михайло суетливо пробегает мимо.

Показываются возы, доверху нагруженные сеном.

— Стой! Стой! Заверни один воз до школы!... Заверни, говорю, председатель приказал! — машет рукой дед Михайло.

В колхозе «Червоны зирки» не до гостей.

Стоят горячие дни сенокоса. Люди чуть свет вышли на работу, село опустело, и только из трубы председателевой хаты вьется дымок.

Мать Степана Ильича, баба Ивга, вытаскивает из печи дымящийся чугунок, вычерпывает дуршлагом горячие вареники. Темное, сухое лицо ее с черными бровями покраснелось. Аккуратно подобранные под очипок гладкие волосы, подернутые сединой, блестят, как намазанные маслом.

— А где ж то наш Степан? И весь народ на поле — некому будет и встретить приезжих... — беспокоится она. — Спасибо, хоть ты, Татьяна, забежала! А ну, сходи, доню, за холодцом! Проголодаются диты с дороги!

Татьяна, председателева жена, хватает полотенце и бежит в погреб. Разогретая солнцем земля жарко припекает ее босые ноги.

Степан Ильич быстрым шагом идет к своей хате.

— Поторапливайся, жинка, поторапливайся! Время!

На широком лице Степана Ильича блестят капельки пота, он расстегивает воротник и вытирает платком шею.

— Ой, Степа, так же некрасиво!

Татьяна на ходу застегивает мужу воротник, оправляет ему рубашку.

— Да жарко же... — покорно говорит он, подхватывая на руки выбежавшего из хаты маленького белобрысого хлопчика. — А ну, Жорка, садись на плечи, да пойдем до ворот, сынок! Глянем на дорогу — не едут ли гости из Москвы.

* * *

С утра сидели у околицы колхозные пионеры, купая в пыли босые ноги и прикрыв от

солнца глаза. Трижды успели они сбегать к реке, прежде чем ветер донес до них звонкую песню и из-за леса вынырнул грузовик с широким полыхающим, как пламя, пионерским знаменем.

— Едут! Едут!

— Бежим на село!

— Выходьте с хаты! — врываясь во двор Степана Ильича, кричали ребята. — Живо! Бо воны вже туточки!

— Встречают! Встречают! — волновались в машине приезжие. — Митя! Нам как, Митя?

— Знамя выше! Девочки, знамя поднимайте! Ребята, подъезжаем! — кричал Васек Трубачев, придерживая разлетающийся рыжий чуб. — Пойте громче!

Сергей Николаевич поднял шляпу и, стоя в машине, замахал ею над головой.

— Ура! Ура! — дружно вырвалось за его спиной.

На улице, у хаты председателя колхоза, быстро собрались встречающие.

Грузовик остановился. Оттуда, как горох, посыпались ребята, хватаясь за протянутые к ним руки.

— Доехали!

— Здоровеньки булы!

— Доехали, голубята мои!

Степан Ильич заторопился навстречу, но женщины опередили его.

Высокая, прямая баба Ивга быстро поправила на голове нарядный очипок. Татьяна засуетилась около грузовика.

— Здравствуйте, голубята мои! — выступая вперед и кланяясь, сказала баба Ивга. — С приездом вас, дорогие гости!

— С приездом! С приездом! — весело кричали ребяташки, пропуская наконец вперед Степана Ильича.

— Здорово, здорово, дорогие гости! Окружили вас со всех сторон, никак не дают человеку поздороваться! — добродушно смеялся Степан Ильич, пожимая руку учителю.

Николай Григорьевич растроганно говорил старикам:

— Земляки мы... Вот добрался я до своей родины... Добрался все-таки...

Ребята, сбившись в кучу, весело оглядывались вокруг. Откуда-то сбоку с громким барабанным боем неожиданно двинулся к ним отряд колхозных пионеров.

— Здорово, товарищи! — оглушительно рявкнул из строя белоголовый Федька Гузь.

— Здорово! — прокатилось за ним.

Барабанщик, стиснув зубы, яростно бил в барабан.

— Тихо, ты! — крикнул на него хлопчик в пиджаке и шапке-кубанке. — Тихо, ты! Дай слово сказать!

Игнат Тарасюк сдвинул на ухо кубанку и выступил вперед.

— Построиться! — шепнул своим ребятам Трубачев.

Ребята поспешно стали в строй.

Все стихло...

Васек вышел навстречу колхозным пионерам и отдал салют.

— Привет от Москвы! — горячо и взволнованно крикнул он.

— Привет от колхоза «Червоны зирки»! — отдавая салют, с достоинством ответил ему Игнат Тарасюк.

Ребята пожали друг другу руки.

— Будем знакомы! — важно сказал Игнат, поднимая густые, сросшиеся брови, оглядел Ваську и вдруг, не удержавшись, с удовольствием шлепнул его по спине крепкой ладонью: —

Бачь, який ты! Московский!

Отряды зашумели, смешались. Ребята быстро знакомились, не обращая внимания на взрослых.

Решено было двинуться к школе, выгрузить вещи, привести себя в порядок.

— Девочки, девочки, как тут хорошо! — радовалась Нюра Синицына. — Я ни за что отсюда не уеду, ни за что! Хоть насильно меня тащи!

Ребята направились к школе.

Валя Степанова шла по краю дороги, срывала ромашки и о чем-то расспрашивала колхозных пионеров. Лида Зорина, подпрыгивая, убежала вперед. Мальчики старались держаться солидно: Одинцов с кем-то спорил, что-то горячо доказывая, а Петька Русаков с любопытством оглядывал желтое поле подсолнухов и тихонько толкал Мазина:

— Подсолнухов-то, подсолнухов! Вот где полакомимся!

— Ладно уж, — ворчал на него Мазин. — Что за характер у тебя, Петька! Ведь в гости приехали. Сдерживайся все-таки.

Трубачев и Булгаков разговаривали с Игнатом.

— Вот где будете жить! — гордо сказал Игнат, снимая с головы свою кубанку. — Смотрите — это наша школа!

* * *

В середине села, на высоком пригорке, неподвижно стоят строгие, прямые тополя. Под ними краснеет черепичная крыша новой, выкрашенной в голубую краску школы.

На собрании колхозников решено было покрасить школу веселым цветом, чтоб «дитя до ней бигло краще, як до дому». И теперь школа была видна далеко с дороги.

«Як дивчина на празднике», — шутили колхозники и, объясняя кому-нибудь дорогу, говорили:

«Як дойдете до школы...»

Или:

«Як минуете школу...»

Сторожем при школе поставили деда Михайла. Там он и жил со своим внуком Генкой в маленькой белой мазанке.

Этим летом привезли в школу столы и парты. Из района ждали новых учителей. А прошлые зимы ребята из колхоза «Червоны зирки» бегали учиться в соседнее село Ярыжки, к учительнице Марине Ивановне.

— В Ярыжках школа четырехкласная, а это семилетка, понятно? И участок нам отвели при школе. Будем свой сад сажать, — объяснял Игнат.

Дед Михайло отворил ворота. Ребята с шумом вбежали на широкое, гостеприимное крыльцо школы. В классах было светло и прохладно, пахло краской и свежим тесом, на полу лежало душистое сено.

— Ребята, занимайте себе класс! Чур, это наш! Смотрите — пятый! Это наш! — кричали девочки.

Мальчики осматривали сложенные в углу парты. Игнат, присев на корточки, прижимал ладонь к крашеному полу и с гордостью говорил:

— Вот краска! Только недавно покрасили, а ничуть не прилипает! И блестит, как зеркало!

— Живо, живо, ребята! Нас хозяйева с обедом ждут. Потом все разглядим, — торопил Митя.

Наскоро умывшись и пригладив волосы, ребята вернулись во двор председателя колхоза. Под тенью деревьев уже был поставлен длинный стол, покрытый чистым, выбеленным холстом. Чашки с синими ободками, расписные глиняные миски и тугие букеты цветов украшали стол. От чугуна с красным украинским борщом поднимался душистый пар. Из-под вышитых полотенец виднелись румяные перепички и паляныцы; на варениках, величиною с добрый кулак, таял сахарный песок. Хлопотливые пчелы кружились над кушаньями. Под столом, сладко зевая в ожидании пиршества, улеглись сбежавшиеся отовсюду псы. Они шевелили холст, высовывали из-под стола черные носы, беспокойно принюхивались к запахам. Колхозные ребяташки отгоняли их длинными ветками:

— А куды! А куды!

Ребята шумно и весело размещались за столом вперемешку с колхозными пионерами.

— Сюда, сюда, Василь! Около меня садись! — тянул Трубачева Игнат. — Садись, садись!

Сева Малютин очутился рядом с барабанщиком.

— Девочки, девочки! Идите к нам! — звали Лида и Валя новых подружек.

— Да вы ж гости... мы после...

— Нет, вместе, вместе!

Федька Гузь таращил серые глаза на Мазина и, согнув в локте руку, показывал ему свои мускулы:

— А ну, потрогай! Бачишь? Як камень!

Мазин крепко сжимал Федькины мускулы.

— Стой, стой! Ух, и сила ж в тебе! — искренне восхищался Федька.

Баба Ивга весело и радушно угощала ребят:

— Ешьте, ешьте, мои голубята! Ешьте на доброе здоровьичко!

Сергей Николаевич и Митя сидели на другом конце стола и оживленно беседовали с председателем. Татьяна налила им меду. Сергей Николаевич встал, поднял кружку и что-то сказал. Ребята в шуме не расслышали его слов, но громко захлопали. Тогда Степан Ильич вышел из-за стола, пригладил усы и тоже поднял свою кружку:

— А ну, выпьем за московских пионеров! Чтоб росли да поднимались, як дубы могучи, як соколы вольны, комсомолу на подмогу, нам на радость! — Степан Ильич засмеялся. — Вот какую я вам речь сказал! А теперь вы отвечайте... Налейте-ка им медку, мамо!

Баба Ивга налила ребятам меду. Ребята встали, смутились:

— Трубачев, выступи! Выступи!

— Одинцов, Булгаков, что же вы? — зашептали девочки. — Отвечайте же!

— Митя! — пискнул кто-то.

Сергей Николаевич улыбнулся. Митя кивал ребятам:

— Ну, отвечайте! Что же вы? Трубачев!

У Васька загорелись уши. Он взмахнул кружкой, мед плеснулся на голову Мазина. Мазин вытер ладонью мокрые волосы и сердито сказал:

— Да говори, что ли, а то обливаешь только людей!

Общий хохот заглушил его слова.

Трубачев тоже засмеялся и уже без смущения громко сказал:

— Обещаем вам вырасти хорошими людьми, хорошо учиться, помогать взрослым и... — Он запнулся и горячо закончил: — Спасибо вам за все!

Все захлопали, зашумели.

Степан Ильич вдруг взглянул на небо и заспешил:

— Как бы туча не набежала... Ну, дорогие гости, пейте, ешьте, веселитесь! А мы пошли. Время горячее — сенокос идет. Еще успеем и повидаться и наговориться... Угощайте ребят, мамо, а мы с Татьяной на луг пойдем...

Веселье продолжалось еще долго.

С песнями и шутками до самой школы провожали своих гостей сельские пионеры.

Глава 2

НА НОВОСЕЛЬЕ

Утром, плотно позавтракав, девочки принялись устраиваться на новоселье.

— Ребята, разгружайте коридор! Мы свое уже все убрали.

Тащите мешки! — командовала Лида Зорина, заправляя под косынку мокрые косички. Они с Нюрой Сеницыной уже успели сбегать на речку и выкупаться.

— А, хитрюшки! Вы уже выкупались, а нас работать заставляете! — кричали, бегая по двору, мальчики. — Мы тоже хотим купаться!

Леня Белкин схватил ведро и, зачерпнув кружкой воду, погнался за товарищами:

— Кто хочет купаться? Подставляй голову!

— Мазину жарко!

— Нет, Одинцову! Петьке!

Белкин наскочил с ведром на Мазина. Оба упали, вода пролилась, ведро с грохотом покатилося по ступенькам.

На шум выскочила Нюра Сеницына:

— Бессовестные! Что вы делаете? Нам новое ведро дали, а вы его по ступенькам катаете!

Она подняла ведро и стала разглядывать его на свет.

Белкин, хромая, поднялся на ноги:

— Тебе ведро жалко, а человека не жалко!

— Хватит баловаться! Пошли в класс порядок наводить! — крикнул Саша Булгаков.

В классе лежало не убранное с ночи сено. Петька Русаков уже сгреб его в кучу и развалился наверху.

Мазин с размаху шлепнулся ему на спину:

— Мала куча! Мала куча!

Ребята навалились друг на друга. Сено полетело во все стороны. Леня Белкин стал на четвереньки и с целой копной на спине вылез в коридор.

— Вам что, сено на один раз дали, что ли? — напали на ребят девочки.

— Убирайтесь отсюда сейчас же! — размахивая полотенцем, кричала Лида Зорина.

— Как не стыдно! Ведь этим коров кормят, а вы ногами топчете!

— Уходите отсюда!

— А вы не командуйте здесь! Какие командирши приехали!

— Повязали себе косыночки и воображают!

— Ребята, Сергей Николаевич идет! — крикнул Одинцов.

— Собирайте сено!

— Ага, испугались! Вот вам будет сейчас! — поддразнили их девочки.

Сергей Николаевич вошел в класс.

— Что тут у вас происходит?

— Да ничего... Работаем, Сергей Николаевич! — скромно отозвался Мазин, как ни в чем не бывало собирая в охапку сено.

— Ой, работают! — всплеснула руками Сеницына.

— Что, попадает вам от девочек? — усмехнулся Сергей Николаевич и, подойдя к куче сена, с удовольствием уселся на нее. — Хорошо! Люблю я на сене повалиться! Удивительно

пахучие здесь травы! Мне всю ночь снился мед. Интересно, от каких это цветов пахнет медом?... А ну-ка попробуем разобраться в этом гербарии! — Он положил на колени пучок сухой травы и осторожно отделил сморщенный сиреневый цветок. — Вот это, например...

Ребята со всех сторон полезли смотреть:

— Это клевер! Клевер!

— А вот полевая гвоздика... и мелкая ромашка... Смотрите, Сергей Николаевич, ромашка!

— А вот это — травка «степное сердце», она может всю зиму стоять.

— А вот мята. Я мяту нашел. Эх, и пахнет! Понюхайте, Сергей Николаевич! — протягивая засохший стебель мяты учителю, радовался Малютин. — Мята на сырых местах растет, — это, верно, около реки косили траву.

Все по очереди понюхали мяту, разглядели выгоревший от солнца василек, сморщенные копытки, увядший цветочек смолки.

В коридоре слышались шаги Мити.

— Что это так тихо у вас? Я думал — все купаться ушли, — сказал Митя, заглядывая в комнату.

— Какое купанье! Мы еще не убрались. Везде беспорядок. А что у ребят делается!

— Что у нас делается? Ничего не делается! — запротестовали ребята.

— Вот в том-то и дело, что ничего не делается! — засмеялся учитель. — У нас с вами, Митя, тоже еще никакого уюта нет. Придется вступить в соревнование с мальчиками.

Трубачев вскочил:

— Ребята, на соревнование с Сергеем Николаевичем и Митей!

— А с нами? Сергей Николаевич, с нами! — запрыгали девочки.

— Ну, с вами мы не беремся! Мы уж с мальчиками лучше... Как вы думаете, Митя, а? — спросил учитель.

— Да уж с девочками насчет уюта лучше не спорить, Сергей Николаевич. Обязательно проиграем!

Девочки лукаво поглядывали на них:

— Да мы вам все сами сделаем, только вы лучше уйдите пока куда-нибудь.

— Ну нет! Это не годится, — запротестовал Сергей Николаевич. — У вас свои дела, а у нас свои.

Все принялись за работу.

Прежде всего девочки устроили уголок для отца учителя. Они подружились с ним еще в поезде и, бегая по всему вагону, часто заглядывали в купе учителя.

Николай Григорьевич играл с ребятами в шахматы и радовался, выигрывая партию. Один раз, когда выиграл Мазин, старик очень огорчился:

«Эх, разбил ты меня... Старость не радость».

Ребята напали на Мазина:

«Ты что, не мог проиграть? Как тебе не стыдно! Не маленький, кажется».

Мазин, почесывая затылок, недовольно сопел:

«Он тоже не маленький...»

В школе девочки выбрали для Николая Григорьевича солнечный класс, перенесли туда его вещи, поставили букетик цветов.

У себя в классе они расположились совсем по-домашнему: откуда-то появились у них стенное зеркальце, корзинка с иголками и нитками и даже занавеска.

У мальчиков в углу валялись удочки, сетки, футбольный мяч и вещевые мешки. Эти вещи они перетаскивали с места на место, пока не вмещались девочки и не помогли им привести

все в порядок. Школа ожила.

Во дворе вертелись колхозные ребята, спрашивали, не надо ли чего. Пятилетний Жорка прыгал на одной ножке и кувыркался на траве.

После обеда мальчики натягивали волейбольную сетку, Федька Гузь вместе с Мазиным надували футбольный мяч, девочки сбегали на луг и притащили пышные букеты цветов, кто-то разбирал рыболовные снасти, а Игнат Тарасюк деловито расхаживал по двору, давал советы, а потом, засучив рукава, мастерил около крыльца скамейку.

— А ну, сядем все разом! Выдержит она нас или нет? А то я еще колья забью. Садись, хлопцы! — приглашал он улыбаясь.

Улыбка у Игната была очень добрая и сразу смягчала строгое выражение лица, которое придавали ему густые, сросшиеся брови.

После трудового, хлопотливого дня, когда все ребята собрались во дворе школы, на крыльцо, прихрамывая и держась за перила, вышел отец учителя.

— Эх, хорошо вечером посидеть на крылечке! — сказал он, присаживаясь на ступеньки и глядя вокруг. — Славные места... Молодость вспоминается. Много тут дорожек было нами исхожено... Много и крови пролито... Славный вояка был мой Матвеич, да и я на силу не жаловался: одной рукой подкову гнул. Эх, Матвеич! Товарищ мой! Тяжко пострадал он в гражданскую. В голову ранен был... Два дня мы с ним в болоте скрывались...

— А что, дедушка Николай Григорьевич, не наш ли это Иван Матвеич, что пасекой колхозной заведует? — с интересом спросил Игнат.

— Он, он! — оживился Николай Григорьевич. — Вот я к нему и поеду... А далеко ли до пасеки?

— Далеко. Отсюда не увидишь. Если по шоссе идти — километров двенадцать будет, а как снимут пшеницу, так напрямки, полем, — поменьше. Красивые места эти... Таких мест нигде нету... Пасека над рекой стоит, вся вишеньем поросла. Зайдешь весной к Ивану Матвеичу — и уходить не хочется... Падают на плечи белые квитки, поют пчелы, а река — плеск-плеск! — рыбку за рыбкой подгоняет...

Ребята слушали Игната не прерывая. Сергей Николаевич и Митя подсели на крыльцо.

Мягкие сумерки уже давно окутали село, и в хатах горели огоньки.

Глава 3

КОСТЕР

На другой день вместе с колхозными ребятами было решено устроить пионерский костер.

— Мы расскажем им о нашей жизни, а они нам о своей, — говорил Митя. — Найдется много интересного и у них и у нас.

Ребята заволновались:

— Трубачев, подготовься хорошенько! Не подведи!

— Это не шутка, — мрачно сказал Мазин. — У них тут работы много. Как бы они нас не перетянули. Ты смотри обдумай, что будешь говорить.

— Ты как-нибудь красиво расскажи: ну там... то, другое... — скашивая глаза на Митю, заметил Петька.

— Иди ты еще! — рассердился Одинцов. — «То, другое» Надо честно говорить, напрямки!

— А вдруг у них лучше окажется? Ведь мы свою школу подведем!

— Надо было раньше думать! — отрезала Синицына. — А то как дошло до дела, так испугались!

— Кто испугался? Кто испугался? — напали на нее ребята. — Сама ты испугалась!

Лида Зорина вместе с Валей Степановой спешно вспоминали все, что делало их звено, как они работали в кружках, как ходили на лыжах.

— Они у нас что-нибудь переймут, а мы — у них, вот и будет хорошо, — серьезно сказал Сева.

Васек, окруженный со всех сторон, молча хмурил брови. Потом решительно сказал:

— Как было, так и расскажу!

Ребята успокоились:

— Ничего, Трубачев не подведет!

Мазин покусал нижнюю губу, посчитал что-то по пальцам и внушительно посоветовал:

— Начинай с маленького, с мизинчика. Понял? А самый козырь на конец прибереги.

Понял?

Леня Белкин припомнил, как Мазин, получив плохую отметку, пошел в буфет и сразу десять котлет съел.

— Это ты на конец побереги, Трубачев! — хохотали ребята. — Вот и будет у нас козырь!

Мазин махнул рукой:

— Эх, жизнь! Съел человек от огорчения, а они смеются!

— Ну, что вы там расшумелись? — прикрикнул издали Митя. — Желающие выступить в самодеятельности — записывайтесь заранее!

Ребята начали записываться.

Девочки обещали сплясать русскую; набралось много желающих прочесть стихи; Одинцов вызвался рассказать про деда Щукаря — отрывок из книги «Поднятая целина». Программа оказалась большой.

— Ну, вот и набралось кое-что. А еще и хозяева нас чем-нибудь порадуют, — говорил Митя, пряча в карман записную книжку.

Митя вообще чувствовал себя хорошо. Все его радовало: здоровый, бодрый вид ребят, новые места, гостеприимные колхозники. Радовался Митя и тому, что за дорогу он как-то незаметно сдружился с Сергеем Николаевичем, и тому, что уже сделано главное — всем родителям разосланы телеграммы о благополучном прибытии на место, а в школу отправлено коллективное письмо с описанием встречи с колхозниками «Червоны зирки».

Впереди ожидало много интересного: веселый отдых, работа вместе с колхозниками. Но это был большой план на будущее, а пока они с Сергеем Николаевичем решили дать ребятам хорошенько оглядеться, познакомить их с колхозом и устроить поход с ночевкой в лесу.

«В общем, все будет хорошо! Просто замечательно!» — радовался Митя.

До вечера ребята бегали, советовались, репетировали.

У Синицыной горели щеки. Она подходила то к одному, то к другому:

— Девочки, только бы не осрамиться, только бы не осрамиться! Пойте изо всех сил!

— Как это — изо всех сил? Не придумывай! Пой как надо! — строго говорила Валя.

— Конечно. А то затянем козлиными голосами...

— Всю Москву осраим!

— Только ты, Мазин, не пой, пожалуйста! У тебя очень плохой голос, — предупреждала Лида Зорина.

— Спою! — заупрямился Мазин. — В хоре не слышно будет, кто как поет.

Игнат Тарасюк тоже собрал свой отряд и вывел его в рощу, чтоб подальше от москвичей, на свободе, прорепетировать.

— А может, они наши песни не понимают? — беспокоился Федька Гузь.

— А что тут понимать? Песня, она и без слов — песня... А ну, ребята, зачинайте легонько ту, что в школе разучивали... Федька! Чего шею вытянул, как тот гусак... Кому говорю — легонько зачинай!

Игнат поднял вверх тоненький прутик. Ребята, не сводя с него глаз, затянули песню.

Игнат вдохновенно раскачивался, водил по воздуху прутиком, как дирижерской палочкой:

— А теперь поднимайте голос... А ну, а ну!... Павло, давай втору... Вступай, вступай...

Когда стемнело, на лужке за школой собралось все село. Вылезли из хат старики и старухи, не усидели и молодницы — вышли с грудными детьми на руках. Принарядились девчата и хлопцы. Из села Ярыжки пришла молоденькая учительница Марина Ивановна.

— Сюда, сюда, Марина Ивановна! Ближе садитесь, тут местечко вам есть! — крикнул Игнат, подвигая к костру бревно.

Учительница села. Колхозные ребята со всех сторон тесно облепили ее.

— Хорошая у них учительница! — прошептала Валя Степанова на ухо Сеницыной.

Мазин, услышав ее шепот, недовольно пробурчал:

— Ничего особенного. Наш Сергей Николаевич лучше. — И, растолкав ребят, освободил место рядом с Мариной Ивановной для учителя.

Из темноты послышался голос Степана Ильича:

— Ого! Да тут все товарищество собралось! Вот мы сейчас и познакомимся получше и повеселимся вместе. — Он бросил на траву свой пиджак, уселся поудобнее и, взглянув на Марину Ивановну, усмехнулся. — А около учительницы никогда пусто место не бывает: где учительница — там и школа!

— А где колхоз — там и председатель! — засмеялась Марина Ивановна.

— А мы тоже около Сергея Николаевича всегда! У нас тоже школа! — закричали приезжие.

Пионерский костер начался торжественно.

Оба отряда построились в линейки.

— Костер посвящается первому знакомству и дружбе пионеров Москвы с пионерами колхоза «Червоны зирки»! — громко объявил Митя.

Честь зажигать костер выпала на долю Саши Булгакова. Он с волнением поднес спичку к сухой елке. По желтым иглам пробежал быстрый огонек, и елка вспыхнула, с треском рассыпая вокруг золотые искры.

— «Широка страна моя родная...» — дружно запели ребята.

Взрослые весело подхватили знакомую песню. Когда все смолкло, Митя сказал короткое приветствие. Закончил он его так:

— Широка наша страна родная, а куда ни поедешь — везде ты свой человек. Вот мы к вам приехали, а уже вроде как дома или у родных...

— А я ведь тут рос. И все мне тут дорого. И язык украинский, и воздух вот этот с полей... Что значит родина!... — задумчиво сказал Сергей Николаевич.

Завязалась беседа. Колхозники наперебой расспрашивали о Москве.

— Москва наша с каждым днем растет и украшается, — сказал Сергей Николаевич. — Иногда проходишь по улице и видишь — забор стоит какой-то. За забором экскаваторы работают, грузовики рычат, растет этаж за этажом. А снимут забор — и ахнешь! Стоит перед тобой дворец — глаз не отвести! Как в сказке!

— А мы под самой Москвой живем, на электричке туда ездим... — мечтательно сказала Лида.

— У нас городок тоже хороший! У нас и театр свой, и кино, и школы! — зашумели ребята.

— Расскажите про нашу школу! — неожиданно попросил учителя Мазин.

— Ну что же я буду рассказывать! Вы сами про свою школу расскажите.

Ребята зашевелились, зашептались:

— Одинцов, Одинцов!... Нет, Зорина! Лида Зорина, расскажи!

Лида Зорина встала.

— У нас очень хорошая школа... — бойко начала она.

— Самая лучшая! Замечательная школа!... У нас все учителя хорошие и директор хороший! — перебивая Зорину, закричали ребята.

Мазин подбросил в костер ветку и встал:

— Наша школа на весь Советский Союз, может быть, одна... У нас знаете как учат — ого! Чего не знаешь, так хоть в класс не ходи! Например, географию...

— Из нашей школы уже герои вышли! — крикнула Синицына.

— У нас второгодников почти нет!

Марина Ивановна крепко пожала руку Сергею Николаевичу, глаза ее при ярком свете костра влажно блестели.

— Школа, которую так любят ребята, — хорошая школа! Нам всем это очень радостно слышать!

Игнат Тарасюк сдвинул набок кубанку и встал:

— Оно, конечно, каждому свое... Я скажу, что наша школа лучше, а вы будете говорить, что ваша лучше... Ну, так это может и ссора получиться. А так как вы у нас гости, то все ж таки неудобно будет...

Ребята всполошились, приготовились к отпору, но Жорка, задремавший было на коленях матери, вдруг вскочил:

— Гармонь! Гармонь идет!

Все зашевелились, раздвинулись. Мазин и Саша подбросили в костер сухих веток. В отблесках пламени нежно зарумянились березы, высоко взлетевшие искры осветили кудрявую листву дуба.

Из темноты вышла баба Ивга и подала Степану Ильичу гармонь:

— Играй, Степа! Нехай гости нашу музыку послушают.

Степан Ильич встал, широко развернул гармонь, склонил набок голову и пробежал пальцами по желтым, истертым ладам.

Гармонь тихо, протяжно вздохнула, запела что-то грустное и нежное... Пела для всех, а слышалось каждому, что поет она только для него. Вспоминалось что-то хорошее, дорогое, свое...

Лида Зорина молча прижималась к плечу новой подружки. Васек вспомнил вдруг отцовский галстук, съезжавший на сторону, теплые большие руки отца. Сева Малютин, глядя в пламя костра, откуда-то издалека услышал голос матери, как будто не гармонь, а она пела что-то своему сыну. Саша, посадив на колени толстого хлопчика, гладил его по голове и шептал ему на ухо, пытаясь говорить по-украински:

— А у меня дома такие, як ты, людыны тоже есть.

В глубокой, темной вышине ярко светились звезды. В ответ на гармонь в лесу тихо защекали соловьи, и по овсу, словно на цыпочках, прошел ветер.

Степан Ильич взглянул на лица, освещенные пламенем костра, усмехнулся и заиграл гопак.

Молоденькая учительница встала, приглашая девочек и хлопцев.

Плясали попарно и в одиночку; один танцор сменялся другим.

— Татьяна! Татьяна! — вызывали развеселившиеся колхозники.

— Да не буду я, нехай кто другой спляшет! — смеясь, упиралась Татьяна.

Степан Ильич, крепко прижимая к себе гармонь, кивнул головой жене:

— Выходи, Татьянка!

Татьяна вдруг сорвалась с места, ударила в ладоши и пошла в пляс. Отсвет от костра играл на ее оживленном лице, под черными круглыми бровями задорно блестели глаза.

— «Гоп, кума, не журися, туды-сюды повернися!» — подпевала она в такт музыке.

Татьяне хлопали долго, вызывали ее еще, но она, смеясь, схватила на руки сына и спрятала за ним разгоревшееся лицо.

— Она больше не будет плясать, — обнимая мать, объявил Жорка. — Ось я зараз! — Он вырвался из рук матери и под бойкий плясовой мотив, кувыркнувшись в траве, болтнул в воздухе босыми пятками. — Эй, московские, дывиться! От як я можу! Гоп, гоп, гоп! — Он высоко подпрыгнул и упал на траву. — Эй, московские!...

Кто-то из женщин дал ему легонько шлепка. Ребята хохотали до слез. Потом девочки сплясали русскую, Одинцов смешил рассказами, Белкин показывал фокусы.

Учительница Марина Ивановна подсела поближе к костру, протянула над огнем руки и задушевно, тихо запела:

*...Полюшко-поле,
Полюшко, широко поле...*

Ребята дружно подхватили припев знакомой песни:

*Ехали да по полю герои,
Эх, да Красной Армии герои...*

Наконец, усталые и довольные, все разошлись.

В ушах у ребят долго еще звучали песни, музыка и бойкий голос хлопчика: «Эй, московские!... От як я можу! Гоп, гоп, гоп!»

19 июня 1941 г.

Засаекаю время — 21 ч. 05 м.

Вчера Митя сказал, что пора начинать вести дневник, только теперь он будет называться не «Жизнь нашего класса», как было в школе, а «Жизнь нашего отряда», а если жизнь — значит, все, что есть, то и писать. Нам всем это очень понравилось, и мы сначала решили писать по очереди, а потом все ребята сказали, чтобы писал я один. «Одинцов, — говорят, — лучше всех умеет писать». Я, конечно, говорил: «Нет, нет, все умеют!» А Нюра Синицына и тут выскочила: «Конечно, все умеют, почему один Коля Одинцов?» Подумаешь, какое ее дело во все вмешиваться! Все равно ребята меня назначили.

Вообще лучше бы Нюрка поменьше воображала, а то как приехали, так и пошла командовать. Вчера собрала все тапочки и спрятала. «Можно, — говорит, — и босиком ходить, тут тепло!» Подумаешь! Нам родители купили, а она распоряжается. Я раньше и сам хотел босиком бегать, а тут назло ей взял да и надел. Теперь из-за нее ногам жарко.

Больше с ней ни в какую республику не поеду!

А здорово тут гостить! Наша жизнь идет хорошо. Три дня мы только и делали, что веселились. По-украински это называется «гуляли». Вчера выступали у костра, никто не боялся, и все сошло хорошо. Ребята довольны. Митя — тоже. А Сергей Николаевич ходит с нами купаться, шутит — говорит, что здесь уж, так и быть, он нам волю даст, а в школе подтянет.

А сегодня мы ходили в село Ярыжки. Было жарко, девчонки немного раскисли. Ярыжки все-таки далеко: туда ребята из нашего колхоза зимой бегают в школу по реке. В Ярыжках хороший клуб — его построили комсомольцы. Заведующий клубом тоже комсомолец. Его фамилия Коноплянко. Он такой тихий, сутулый, лицо бледное, а глаза голубые-голубые. Митя взял да подарил ему свою самопишущую ручку. Чудной... Сам ее на дорогу купил и в вагоне все нам показывал.

Марина Ивановна тоже комсомолка. Игнат говорит, что она еще почище нашего учителя: кого хочет — того и подтянет.

А когда мы шли по селу, нам показали старую, сгоревшую конюшню. А дед Михайло и рассказал, что в прошлом году весной ударила молния в дуб и загорелась конюшня, а старшие все на поле были. Так его внук Гена всех лошадей вывел, а одного жеребца сильно опалило, и Гена за ним ухаживал.

Вот так Гена! Сейчас этого Гену послали на МТС зачем-то.

А Игнат сам из Ярыжек. У него там родители.

Мы в клубе всем пионерам подарки раздавали: книжки, шелковые галстуки и Севину картину им подарили. А они посмотрели и говорят: «Хорошая картина, про героев». И Севу похвалили.

Комсомольцы из Ярыжек все на лесозаготовки уехали, остались только Коноплянко да

учительница. Они с Митей и с Сергеем Николаевичем составили какой-то обоюдный план. Завтра на сборе будем обсуждать. Петька Русаков уже все подглядел — говорит: «Сначала в поход пойдем, а потом будем вместе с их пионерами помогать во всяких работах».

Сегодня Мазин поймал рогатого жука, привязал его на веревочку и забросил в окошко к девочкам. Девочки такой визг подняли, что мы думали — нам попадет из-за них. А потом Сева этого жука взял у Мазина для своей коллекции. Сева все с альбомом ходит, рисует и ловит всяких жуков. Даже к обеду сегодня опоздал!

А дедушка Николай Григорьевич торопится на пасеку: там у него верный товарищ живет — тоже, безусловно, старый. А еще мы пойдем в гости к сестре учителя, Оксане Николаевне, в другой колхоз.

Так и будем все гулять да гулять. Как-то потом за парты сядем?

Дядя Степан нам всем очень нравится. Он очень партийный председатель, и колхоз у него богатый — скот такой, что когда идет по улице, так земля дрожит. А баба Ивга — мать Степана Ильича — какая-то и ласковая и строгая, ее все слушаются. Дядя Степан без ее совета ничего не делает. А что ж тут такого? Она ему мать. Татьяна у него тоже хорошая, веселая. А лучше всех Жорка. Вот боевой парень! Да смешной! Баба Ивга сшила ему длинные штаны на помочах и застегивает на одну пуговицу на животе. Так он пришел к нам и говорит: «Я бабины тии штаны на огороде закопаю, бо воны мини на пятки наступают!»

Сейчас свой дневник кончаю, а то уже поздно. Митя стучит в стенку, чтоб ложились.

Глава 5

НОВОЕ ЗНАКОМСТВО

— Ну и чего?

— Ну и ничего! Тогда побачишь!

— Чудак ты!

Васек засмеялся, соскочил с гнедого жеребца и бросил поводья сердитому мальчишке в засученных выше колен штанах и в вышитой рубашке.

— Получай своего коня! Да брось злиться! А славный жеребец! — с видом знатока добавил он, поглаживая золотистую челку лошади. — Молодой еще. Сколько ему?

— Сколько б ни было, так, без разрешенья, не имеешь права брать! — отрезал хлопчик, вскидывая одну бровь и глядя на Ваську все еще сердитыми глазами. — Я его воспитываю, понял?

— Понял, — озадаченно протянул Васек, помогая хлопчику вытащить из хвоста лошади колючки. — Да ты, может быть, Михайлов внук, Гена? — вдруг догадался он.

— Может быть, и Гена. Ну и чего?

— Да ничего. Я про тебя слышал... Так это ты его из конюшни вывел, когда пожар был? — с живостью спросил Васек, окидывая взглядом крепкую, как лесной орех, голову Генки с темными завитками на ушах, тонкую загорелую шею и босые ноги. — Так это ты?

— Я.

— Молодец!

Генка усмехнулся, прищурил глаз и миролюбиво спросил:

— А ты що, московский?

— Да, мы живем недалеко от Москвы... Мы к вам в гости приехали. В школе остановились... А ты что же... где живешь?

Генка поднял голову и задумчиво поглядел на верхушки деревьев:

— А я так... где пошлют... А сейчас до деда вертаюсь.

— А у тебя, кроме деда, никого нет?

— Никого.

Васек глубоко вздохнул:

— У меня тоже матери нет.

— То, мабуть, плохо, — равнодушно сказал Генка, погладил лошадь и вдруг весело улыбнулся: — У меня дед бедовый!

Оба помолчали.

— Ты мне вот что скажи, — неожиданно обратился к Ваську Генка, — был ты на Красной площади в праздник?

Васек стал с жаром, рассказывать, как в праздник проходит по Красной площади демонстрация и как он однажды прошел близко-близко от трибуны.

Это была мечта. На демонстрации в Москве Трубачевы были только один раз и шли в колонне железнодорожников довольно далеко от трибуны. Но Васек, увлекшись, повторял:

— Совсем-совсем близко, ну прямо вот так...

Он протягивал руку, касаясь Генкиной рубашки, А Генка жадно и завистливо слушал его, кивая головой и радостно вскидывая бровями.

— Ну, слухай... А трибуна? То ж высоко, мабуть? — неожиданно спросил он, что-то

соображая.

— Ну да! Это, конечно, высоко все-таки... — покраснел Васек. — Я так, к примеру, ведь рассказываю... Мы же не одни были... Там народу тьма-тьмущая. Все хотят поближе пройти!

— Это верно... Каждому хочется... Из всех республик идут и едут... Только я еще и одного разу не ездил! — с огорчением сказал Генка.

— Поедешь еще, — утешил его Васек.

— Это верно, что поеду, — вздохнул" Генка, снимая с жеребца уздечку и разглаживая на его лбу челку. — Сяду на Гнедка и геть!

Он засмеялся и, пригнув морду коня, прижался к ней щекой. Жеребец тихонько заржал, черными губами пощекотал Генкину шею и шумно вздохнул ему в ухо.

Васек протянул руку и погладил Гнедого.

— Ох ты хороший! Глазищи-то какие! — с восторгом сказал он и, нагнувшись, сорвал пучок свежей травы. — На, ешь!

Жеребец, лениво выбирая, понюхал траву.

— Баловной! — сказал Генка с гордостью. — Ишь, перебирает! — Он легонько шлепнул жеребца по спине: — Ну, скачи в луговину!

Конь понятно тряхнул гривой и, обмахиваясь хвостом, пошел прочь.

Генка сел на траву, обхватил руками коленки и, покусывая травинку, о чем-то задумался. Васек опустился рядом и, опираясь на локоть, смотрел вслед коню.

Гнедой шел, раздвигая высокую, густую траву, иногда останавливаясь и поворачивая назад свою умную, красивую голову.

В зеленых берегах плескалась река. Над головами мальчиков с шумом и писком пролетали птицы.

Васек опрокинулся на спину и глядел, как по небу плывут и плывут куда-то пушистые белые облака.

— Ты вот чего... Слухай! Возьми меня в Москву, а? — тихонько тронул его за плечо Генка.

Васек растерянно пригладил свой чуб и сел. Глаза у Генки заблестели, он облизнул языком сухие, темные губы.

— Чуешь? У меня одна думка есть. Хочется мне до Москвы дойти и всему поучиться там. Я бы всю мичуринскую науку перенял... Земля меня любит, и рука у меня на работу легкая. — Генка вскочил, вытащил из-за пояса аккуратно обернутую газетой книжку, посплюнул палец и торопливо стал листать страницы. — Вот, смотри, что люди делают. Дивись! Это что, по-твоему?... Слива? Нет, хлопче, то вишня! А черемуху розовую пробовал? Нет?

— Черную ел... — припомнил Васек.

— Черную? Ту, что рот вяжет... верно? А то розовая, гибридная. — Генка провел пальцем по строчке: — Читай! "Дает... замечательно красивые розовые сладкие ягоды... годные для варений... и конди... тер... ских..."

— Кондитерских изделий, — подсказал Васек.

— Кондитерских-то нехай. То хто як хоче... Тут самое главное что? А то, что человек до такого дела додумался! Вот где работа так работа! — Он любовно погладил книжку, заткнул ее за пояс и торжествующе сказал: — Вот туда меня и пошлют учиться!... — Генка вдруг понизил голос: — Только тут одна загвоздка есть. Я кончил четыре класса в этом году, понял?

— А нужно семилетку, понял? Иначе меня не примут.

Васек покачал головой:

— Верно, без семилетки у нас никуда не назначают. Ни одного человека теперь нет, чтобы школу не кончил!

Генка хлопнул по траве рукой и отвернулся. Васек придвинулся к нему и обнял его за плечи:

— А ты чего же так спешишь? Учись!

— Эге! Здорово, кума! Стара песня! — сердито усмехнулся Генка, стряхивая с плеча руку Васька. — Ты что думаешь, это ты первый мне сказал? Эге! Уж до тебя и Марина Ивановна то самое говорила и дядя Степан: учись, да и все! Я же с тобой, как с человеком, говорю! Мне практика нужна. Я арифметику и так пойму. Я способный, как черт! И упрямство у меня такое, что никто меня переупрямить не может. Что задумал, то сделаю! А другой раз и сам своему упрямству не рад. — Генка вдруг что-то вспомнил и нахмурился. — В эту зиму захотел я на лыжах научиться. А у нас мало кто ходит, больше на коньках бегаем. Ну, раз так мне в голову пришло, я съездил в район, достал себе лыжи и двинул с ними на речку. Ан, смотрю, не так-то просто научиться! То одна лыжа на другую наедет, то обе в сугроб врежутся. Нет, думаю себе, не пойдет так мое дело! Встал утром, взял кусок хлеба с салом, лыжи под мышку, да и в поле! А с поля — в лес! Заночевал на хуторе — и опять за свое. Два дня домой не заявлялся! Ходил, ходил... То мокрый стану, то обмерзну весь, а все хожу... — Генка ударил кулаком по коленке. — Аж пока не выучился!

— Два дня? Ого! А дома-то не искали тебя?

— Как — не искали! Целая история была! — Генка легонько свистнул. — Марина Ивановна всех ребят подняла. Сама ходила меня искать, дядя Степан на Гнедом ездил по лесу. Один дед дома сидел. Дед хитрый! Он мою натуру знает. Зато когда я пришел, вызвали нас с дедом и говорят ему: "Стыдно тебе, дед, что хлопец у тебя такой самовольный растет! Мы его, как сироту, жалели, а он всех на ноги поднял да школу два дня пропустил..." Чуть не заплакал мой дед!

— Ну, а ты что?

— А я что? Я знал, зачем ходил... — Генка выплюнул изо рта травинку и засмеялся. Смех у него был чистый, звонкий, залихватый.

— Ну тебя! — невольно улыбнулся Васек, не видя ничего смешного во всей этой истории.

— Нет, ты слухай... Вот пришли мы с дедом до дому, он мне и говорит: "Ты упрямый, но я тоже упрямый. Я, каже, в бога не верую, но який-нибудь черт обязательно есть. Вот он в тебе и сидит!" Дыблюсь: взял мой дед веревку, накрутил ее на руку да подступает ко мне...

— Ну?

— Ну що... Вдарил меня один раз, а у самого руки трясутся, аж жалко мне его стало. На що, кажу, диду, вы себя перетомляете, вы ж, кажу, старый. Мне-то ничего, а с вас может и дух вон!"

Васек встал:

— Да ты что же, издеваешься тут над всеми, что ли?

— Ни, я не издеваюсь! Я ничуть не издеваюсь! — запротестовал Генка.

— Да с тебя бы за это надо галстук снять! — твердо сказал Васек.

— Галстук снять? — Генка перестал смеяться, пристально поглядел в глаза Трубачеву, потом скучно улыбнулся. — Догадливый ты... Может, что другое придумал бы... А галстук с меня и без тебя сняли... за мою дисциплину...

Васек машинально погладил на груди свой галстук.

— Надо заслужить, — сказал он, уже с сочувствием глядя на Генку.

Но Генка молча приклеивал листы подорожника к своим коричневым, блестящим от загара ногам.

— Эй, слухай! — вдруг подмигнул он Ваську и, оглянувшись, зашептал: — Что-то один ваш хлопчик с какой-то жестянкой лазит и срисовывает все?

— Срисовывает? Малютин, верно. Какой он из себя?

— Да такой какой-то... — Генка вытянул шею, широко раскрыл глаза, устремил их вдаль и стал что-то быстро-быстро рисовать пальцем на ладони.

Васек подпрыгнул и хлопнул себя по коленкам.

— Малютин! Малютин! Вот здорово! — Он поперхнулся от смеха. — Ой, не могу! Малютин!

— Да стой! Тихо! Ты мне скажи: а чего он такой? Просто интересный хлопец. Очень он мне понравился!

— Ну еще бы... Он у нас художник! — похвалился Васек.

— А-а, — вскидывая брови, протянул Генка. — Художник! Я тоже за ним это заметил. А еще... Он каждую малую травку разглядывает, каждого жучка он так легонько берет да распрямляет его... — Генка подул на руку и нежно сказал: — А ведь оно живое... Хиба ж ты ему крылья звяжешь, як воно летить...

Генка старался говорить по-русски, но незаметно для себя пересыпал свою речь певучими украинскими словами. Васек с интересом слушал его.

— Воно ж живое, — повторил Генка. Глаза у него посветлели, он все еще держал

протянутой свою ладонь и улыбался.

В кустах громко заржал Гнедой. Мальчики оглянулись.

Жеребец лег на спину и стал кататься по траве.

— На дождь, — пояснил Генка, щуря на солнце глаза.

— Плохо, — с сожалением сказал Васек. — Я дождь не люблю.

— А то наплевать, что ты не любишь. Дождя треба. Нехай отавы растут. Мы траву по два раза косим. У нас земля... — Генка нагнулся, вырвал с корнем пучок травы, растер на ладони комочек черной земли, — як масло! Дывись, чи такая у вас земля, як у нас?

Васек внимательно посмотрел на Генкину ладонь, силясь припомнить, какая земля под Москвой. Но в памяти его почему-то вставали аккуратно подстриженные городские клумбы.

— Такой земли, як у нас, нигде не найдешь!

Генка выпрямился, медленно повернул голову, окинул взглядом цветистый луг, речку, далекое желтеющее поле, лес и с гордостью сказал:

— Вот она, наша земля!

* * *

— А я с Генкой познакомился! — сказал за обедом Васек. — Чудной парень. Просто особенный какой-то! Ему наш Малютин понравился.

— Я? — удивился Сева. — Почему это? Да я его и не видел.

— Зато он видел! Как ты рисуешь и как жуков разглядываешь. Здорово он тебя передразнивает!

— Передразнивает? — Сева нахмурился.

— Нет, ты не думай! Он не в плохом смысле. Он по-хорошему! Это такой парень...

Васек рассказал про свою встречу с Генкой.

Ребята слушали с любопытством.

— Да вот он придет скоро, сами увидите. Эх, такой парень — и без галстука! — с огорчением вздохнул Васек.

— Значит, провинился! — с уверенностью сказал Одинцов. — Иначе не наказали бы. Тут все хорошие!

Мазин сморщил лоб и недовольно засопел:

— Эх, вы! Чуть что — галстук снимать с человека!

— А ты как думаешь? Дисциплина так дисциплина, а то всех распустить можно! Заслужит Генка — вернут ему галстук.

Саша покачал головой:

— Надо разобраться. У Генки ни отца, ни матери нет. Может, его обижают?

— Ну нет! Кто его обижает? Наоборот. Игнат говорил, что его избаловали все, и дядя Степан даже. А конюх ему Гнедого в любое время дает, уж об этом на собрании один раз ставили вопрос. Кто его обидит! — с жаром сказал Васек.

— Игнат еще говорил, что Генке всякие поручения доверяют, и на работу он мастер, руки у него золотые. Галстук он свой заслужит, как только начнется работа в огороде или в поле. Я у Игната все расспросил! — сообщил Петька Русаков.

Ребята долго не могли уснуть после обеда. Они вскакивали, заглядывали в окно — не пришел ли Михайлов внук. Но на школьном дворе было тихо.

Из окна была видна хата деда Михайла.

Дед Михайло обычно спал на свежем воздухе под навесом, варил на железной печке обед и, сидя перед огнем на скамеечке, сапожничал.

Рядом с навесом низкая дверь вела в хату-мазанку с глиняным, крепко убитым полом и с русской печью. Под окошком стояли стол и скамья, выкрашенные в коричневую краску. Новая кепка и школьная сумка с тетрадями висели в углу, рядом с расшитым полотенцем. На подоконнике стояла чернильница. Над ней жужжали и бились мухи, падали в чернила и, отяжелев, ползли по стеклу, оставляя за собой черный след.

Днем Михайло суетился по двору: что-то прибирал, приколачивал, вступал в разговоры с ребятами и, подняв острую бородку, разглядывал их живыми, веселыми глазами. Потом вдруг, словно что-то вспомнив, мелкими шажками бежал под свой навес и, не добежав до него, останавливался посреди двора, к чему-то прислушиваясь. Видимо, он привык к неожиданным появлениям внука и всегда ждал его.

Теперь Михайло сидел перед печкой и чистил картошку, сбрасывая на пол кожуру.

— Может, Генка своего Гнедого потерял да ищет в лесу, — поглядывая в окошко, гадали ребята.

Глава 6

В КОЛХОЗЕ

— Пшеница у нас уродилась — чистое золото! — Степан Ильич осторожно срывал колос, большими темными пальцами вылуцивал желтые крупные зерна и клал их на широкую ладонь. — Вот посмотрите... Это новый сорт — "кооператорка". Мы с ней опыт делали — из озимой в яровую переводили. Может, слышали про это?

Ребята лезли со всех сторон — посмотреть на сорванный колос, на тучные зерна пшеницы.

— Ого! Вот она как, булка-то, растет! — просунув голову, серьезно сказал Мазин.

— А Мазин не видал, только едал, — сострил Одинцов.

— У вас все кругом пшеница? — оглядывая поле, спросила Валя.

— А вот подождите, пойдем и на гречу... А там далее овес начнется, до самого леса...

Мне как раз туда заглянуть надо...

Степан Ильич шагал по дороге, вел ребят по узеньким стежкам. Освещенные солнцем, желтели поля пшеницы, розовела греча, и отливали сизым цветом густые овсы. Вдалеке по лугу без устали ходила сенокосилка, оставляя за собой ровные ряды срезанной травы. Люди казались издали маленькими. Цветные платки и вышитые рубашки мелькали пестрыми пятнышками; под умелыми, ловкими руками колхозников росли огромные, как дома, стога. Где-то слышалась дружная песня, красиво выделялась втора, и девичий голос, заканчивающий песню на высокой ноте, долго звенел в чистом летнем воздухе...

— Здорово, ребята, правда? — ахнула Нюра Синицына.

— А работают как... ого! — восхищались ребята.

— А у нас иначе нельзя. Выдалась погода, начался покос — все на луг! А то как пойдут дожди — беда! Сопреет сено и погибнет — чем тогда скотину кормить? — пояснил Степан Ильич.

— А когда же они обедают? Так целый день без еды и работают? — спросила Надя Глушкова.

— Как — без еды? У нас на стану поварихи для всех обед варят. Там и пообедают, там и отдохнут в холодке, там и газету прочитают.

— Добрый вечер! — пробегая мимо с граблями на плече, торопливо здоровались колхозницы. Лица у них были потные и горячие от солнца, руки до локтей исколоты сеном.

— Эй, дивчина! — окликнул одну из них Степан Ильич. — Скажи там, чтоб вечером кузнец ко мне зашел, чуешь?... А вот интересно вам еще новую молотилку нашу посмотреть, — снова обратился он к ребятам. — Я ее на Сельскохозяйственной выставке облюбовал. Она у меня тоже москвичка, можно сказать...

Он начал рассказывать, как работает молотилка.

— Пойдемте на молотилку! — просили ребята.

— Молотилку я вам потом покажу, а сейчас на скотный двор заглянем мимоходом.

На скотном дворе их встретила доярка Христина; она была в белом халате и показалась ребятам докторшей. Доярка что-то шепнула Степану Ильичу, и он сразу пошел за ней, махнув рукой Мите, чтоб ребята подождали на дворе.

— Она ему сказала, что корова Горлинка отелилась и что у нее хорошенький бычок родился! Я слышала! — запрыгала Лида Зорина.

— Митя! Сергей Николаевич! Пойдемте смотреть! — пристали ребята.

Но Сергей Николаевич остановил их:

— Тише! Тише! Во-первых, тут шуметь не разрешается, а насчет новорожденного — это как хозяева хотят. У них тут свои правила. Подождем Степана Ильича и разглядим пока постройки. Видите, какие у них хоромы для коров настроены!

Скотный двор был огорожен высоким забором. Посередине стояло длинное кирпичное здание с маленькими окошками и большой дверью. Ребята заглянули в окно; внутри помещение было разделено перегородками. В каждом стойле лежала свежая подстилка из соломы. Наверху на дощечках были написаны имена коров: "Волюшка", "Буренка", "Беяночка"...

— Подождите! Ну, чего все вместе лезете! — ворчал Мазин, отгоняя ребят. — Пустят нас — тогда и посмотрим.

Степан Ильич, весело улыбаясь, выглянул из коровника.

— Оставил я вас... Доярка меня вызвала — теленочка посмотреть, — сказал он, широко открывая дверь и проходя вперед. — Ну вот, здесь у нас высокоудойные коровы помещаются. Сейчас они, конечно, на пастбище... Вот посмотрите, тут у каждой свой график есть: сколько она дает молока, какой жирности.

— А теленочка покажете? — забегая вперед, спросила Надя Глушкова.

— Теленочка, теленочка, Степан Ильич! — запросили ребята.

— Все, все покажем, хоть и не полагается у нас новорожденных смотреть. Ну, да что с вами делать! Раз так интересуетесь — пойдем. Малыши у нас в изоляторе помещаются.

Он повел ребят в небольшую светлую пристройку. Она была похожа на первое здание, только меньше, и казалась уютным домиком. У двери лежало грубое рядно и стоял веник. Ребята вытерли ноги и вошли в коридор.

— Христина Семеновна! — громким шепотом позвал Степан Ильич.

Доярка в белом халате приоткрыла дверь большой, светлой комнаты.

— Вот теленочком интересуются ребята, — как бы оправдываясь, сказал Степан Ильич. — Они на минуточку, поглядят — и готово!

Доярка ласково кивнула ребятам и озабоченно сказала:

— Только что облизала его мать... Сейчас принесут... Пойдем — поглядите пока других. Только уж руками не трогайте — они еще маленькие.

— Нет, нет! — зашептали ребята, на цыпочках проходя вслед за Христиной Семеновной.

Телята лежали в отдельных клетках на сухих соломенных подстилках. Они поднимали большеглазые теплые, словно обшитые мехом, мордочки и удивленно глядели вокруг. Вместо рогов у них были смешные крутые бугорки.

— Ой, ой, какие хорошенькие! Какие маленькие! — зашептали девочки.

— Смотрите, смотрите — встает один! — присев на корточки, говорил Мазин. — Встает, честное слово!

"Му-у... Му-у..." — пытаюсь встать, мычал рыжий теленок, вытягивая голову с белой звездочкой на лбу.

— Он по маме своей скучает, маленький еще, — сказала Лида Зорина.

Сергей Николаевич подозвал ребят к табличке, висевшей на одной из клеток:

— А ну-ка, почитаем, как эти малыши поправляются. Вот видите, здесь все написано: и как зовут, и сколько времени, и как он прибавил в весе.

Две дивчины в белых фартуках внесли в ящике новорожденного теленка. Он был желтенький, с большими удивленными глазами. Шерстка его, тщательно облизанная матерью, блестела. Весь мокрый, он казался худеньким и дрожал. Христина Семеновна прикрыла его

старым байковым одеяльцем.

Ребята издали глядели на теленка с восторгом и нежностью.

— Тетя Христиночка, как его называли? Как называли?

— А вот и придумайте ему имя! Можно сказать, при вас родился. Сделаем вас шефами, — сказал, улыбаясь, Степан Ильич.

Ребята стали наперебой предлагать имена:

— Стрелок!

— Богатырь!

— Колокольчик! — громко прошептала Зорина.

— Следопыт! — выкрикнул вдруг Петька.

— Шш... шш... Тише ты! — зашикали на него ребята. — Тут детская, а он орет!

Телята вдруг забеспокоились, тоненько замычал новорожденный. Доярка озабоченно взглянула на ребят.

— Пойдемте, пойдемте! — заторопился Сергей Николаевич, выпроваживая всех за дверь. — Потом придумаем!

— Тетя Христина, пусть будет Колокольчиком! — не стерпев, крикнула Лида Зорина со двора.

— А теперь пойдем на птичник, — сказал Степан Ильич.

На птичнике ребята видели белых, как снег, гусей и уток, крошечных желтых цыплят, только что выпущенных на травку. В свинарнике смотрели бело-розовых поросят с тоненькими, закрученными в колечки хвостиками и больших, жирных свиней, которые уже не могли ходить и только, лениво подняв свои мокрые пяточки, глядели на ребят маленькими глазками.

Но больше всего ребятам полюбились телятки, и долго еще в ушах у них звучало тоненькое мычание новорожденного и голос доярки: "Руками не трогайте — они еще маленькие!"

А Степан Ильич все шагал да шагал. Свежий ветер раздувал его вышитую рубашку, шевелил мягкие волосы...

Ребята старались не отставать от могучего шага председателя, но усталые ноги уже не слушались их. Поля пшеницы и гречи, густые овсы и заливные луга все плыли и плыли перед их глазами.

— Ну как, ребята? Может, устали? Домой вернемся? — спрашивал Сергей Николаевич.

— Нет, нет! Еще посмотрим! Не устали! — дружно откликались ребята и снова бежали за председателем, окружая его тесной толпой.

— Ну значит, нашу скотину вы видели, хлеба наши тоже, а другим разом я вам покажу новую мельницу. А старая вот тут, за леском...

Степан Ильич стал рассказывать, как на этой мельнице давным-давно удавился старый пан.

— Деды рассказывали — злой был, как собака, людей забивал до смерти.

Ребята слушали, раскрыв рты.

Сумерки уже легли на село, когда Сергей Николаевич решительно повернул назад:

— Ну, Степан Ильич, ваши богатства за один день все равно не осмотришь, а ребята у нас еле плетутся...

— Да нет, Сергей Николаевич, мы ничего! Пойдемте, пойдемте к старой мельнице!

— К молотилке пойдемте!

— Сергей Николаевич, да они совсем не устали, — уверял Митя.

Степан Ильич смущенно улыбался, поглядывая то на ребят, то на Сергея Николаевича:

— Нет, видно, другим разом, а то они, конечно, непривычны к нашей ходьбе.

Степан Ильич зашагал к школе. На лужайке около школьных ворот сидели Коноплянко, Марина Ивановна и Игнат со своим отрядом.

Ребята бросились к ним:

— Где мы были! Что мы видели!

— Где же вы были? — удивилась Марина Ивановна.

— На скотном дворе были! И на грече, и на пшенице...

Марина Ивановна, подняв вверх голову и обхватив руками колени, смотрела на ребят лучистыми серыми глазами и улыбалась. На щеке ее темнело маленькое родимое пятнышко.

— Что же вам больше всего понравилось у нас?

— Нам телятки понравились!... — закричала Лида Зорина.

Подшли Степан Ильич, Сергей Николаевич и Митя. Они, видимо, продолжали начатый разговор.

— Ну, значит, так и порешим, — усаживаясь на траву, сказал Степан Ильич. — Сенокос сейчас идет хорошо. Погода стоит добрая, залежей нет. Помощь ваша нам тут не требуется... Отдохните, оглядитесь хорошенько, а тогда пожалуйста! Вот жнива будет — так тут уж весь народ на поле, никто дома не усидит. Игнат знает. У нас ни один колосок не завалается! Это уж дело ребят. Вся ихняя бригада выходит. Вот и вы поможете тогда... Ну конечно, есть для вас и огородные работы, можно и на фермах поработать.

Игнат Тарасюк предложил посылать на работы его отряд вместе с ребятами Трубачева.

— Вместе будем работать! Вот и хорошо! — обрадовался Васек.

— А у нас в Ярыжках свой клуб есть, — сказал Коноплянко. — Будем театр устраивать. На сцене и темный бор вырастет, и река побежит, и солнце взойдет, и ясный месяц засветит. Как нам нужно, так мы и сделаем...

Коноплянко говорил очень тихо и ровно, не повышая голоса, но ребята слушали его с большим вниманием. Митя приготовил к концу разговора какой-то сюрприз. Губы у него разъезжались в улыбке, серьезный тон не удавался. Он сказал, что вполне полагается на ребят Трубачева и Тарасюка и что если они пообещали выполнить план летних работ, то выполнят и перевыполнят его.

— Верно! Верно! — кричали ребята. — Выполним!

— А пока спешных работ в колхозе нет, мы с Сергеем Николаевичем решили организовать большой поход, километров этак за сорок... познакомиться с окрестностями... побывать в тех местах, где в гражданскую войну сражались наши бойцы. И мы надеемся, что с нами отправится Иван Матвеич — участник этих боев. Вот Сергей Николаевич обещает по пути заехать на пасеку и попросить Ивана Матвеича об этом лично...

Мите не дали договорить, заглушая его голос радостными криками. Сергей Николаевич водворил тишину:

— Ивана Матвеича я попрошу. Надеюсь, он нам не откажет. А пока вот что я хочу сказать. Двинуться в большой поход без предварительной подготовки нельзя. Поэтому с завтрашнего дня начнем готовиться. Соберем продовольствие, посмотрим походное снаряжение, назначим ответственных ребят... Может, и твои ребята с нами пойдут? Как думаешь, Игнат?

— Конечно! Пойдем с нами! — дружно закричали москвичи. Игнат и Федька Гузь нерешительно посмотрели на Марину Ивановну.

— Ну что ж, — улыбнулась учительница, — если уж вам очень хочется, идите вместе с новыми товарищами.

— Хочется-то хочется, — задумчиво сказал Игнат, — только у нас свой план есть. Мы

его срывать не можем. У нас агитбригада работает — пьеску готовим. Уже программу отпечатали... Другим разом вместе пойдем.

— Конечно, — сказал Сергей Николаевич. — У них свои планы, нарушать их не следует. А наш отряд должен готовиться...

— Есть готовиться! Трубачев, готовиться! Ура! — вырвались снова радостные голоса. Ребята расшумелись. Белкин прошелся колесом по траве. Мазин набросил на Петьку свой вещевой мешок и, натягивая ремни, кричал:

— Тпру! Но-оо!

Марина Ивановна засмеялась и весело сказала:

— Сборы уже начались!

* * *

Степан Ильич пришел домой поздно. Стоя у перелаза, он вдруг что-то вспомнил и потер ладонью вспотевший лоб.

— Ох, я ж им еще новую молотилку не показал! — с сожалением сказал он Татьяне, открывая дверь в свою хату.

— Та будет тебе, Степан! Они ж совсем утомились... Я через окно бачила, як у них ноги заплетаются. Разве ж так можно! — укоряла его Татьяна. — Они же дети!...

Но Степан не слушал ее. Он выложил на стол сорванные колосья:

— Жнива, жнива на носу, Татьяна.

Глава 7

ДЕД И ВНУК

На рассвете село разбудила песня.

Сонно закричали петухи, всполошились на насестах куры, замычали коровы, захлопали ставни. Весело загавкали псы. Звонкий мальчишеский голос будил спящую улицу:

*Роспрягайте, хлопцы, кони
Тай лягайте опочивать...*

Генка въезжал в село. Гнедой жеребец важно переставлял стройные ноги, осторожно опуская в прохладную пыль подкованные копыта. На спине его, небрежно покачиваясь и сжимая пятками гладкие бока, сидел Генка. Надвинутый на лоб картуз, околышем назад, и брошенный через плечи армяк были влажны от ночной сырости.

На свежем, загорелом лице Генки задорно блестели карие глаза и белые, как сахар, зубы.

*А я выйду в сад зеленый,
В сад крыныченьку копать... -*

лихо выводил Генка высоким, чистым голосом.

Колхозницы, на ходу повязывая косынки, выбегали на крыльцо, старые деды высовывали в окна головы с седыми, спутавшимися за ночь волосами.

— Эге-ге! Михайлов хлопец спивает!

— А, чтоб тебе, дурной хлопец! Молчи, а то детей побудишь! — кричали из-за плетней бабы. — Носит тебя по селу ни свет ни заря!

— И чего это конюх жеребца ему дает!

К воротам бежал дед Михайло с радостной улыбкой; пальцы старика на ходу застегивали ворот рубашки, не попадая в петли.

*Копав, копав крыныченьку
Раным-рано поутру...*

— Чую, чую! До дому вертаетесь! — кричал дед, подбегая к внуку.

Генка не спеша соскочил с коня и с ласковой усмешкой глянул на деда:

— А то куда ж?

Михайло хлопнул себя по коленке и заглянул в лицо внука сияющими, как светлячки, глазами:

— А что ж? Погулял бы! Дед подождет! Правление тоже с деда не спросит, де внук гуляе, де песни спивае, — насмешливо начал он.

Генка снял с коня уздечку, осмотрел новенькие подковы и, отойдя на два шага, сказал:

— Нигде такого коня нету, как наш!...

— Эге! Нигде нету! Значит, далеконько ты побывал, — подхватил Михайло. — А я ж себе думаю: где-то мой внук пропал? И день ожидаю, и два, и три... Может, думаю, Гнедко захромал или в обратную сторону повез. Тебя ж на МТС посылали...

Но Генка перебил его:

— Есть хочется, диду!

— Есть хочется?

Старик побежал под навес и засуетился. Генка привязал к забору коня и пошел за дедом.

Через минуту он сидел на нарах, поджав под себя босые ноги, и рассказывал:

— Поручение дяди Степана я выполнил. В воскресенье механик тут будет... Я там людям в ремонтной помогал... Так директор Мирон Дмитриевич мне и говорит: "Оставайся на МТС, доброго тракториста из тебя сделаем".

— Ну, а ты чего?

— Как — чего?

— Чего на МТС не остался, я спрашиваю? Или люди не такие или Гнедка погано принимали? — наливая в кружку холодное молоко, лукаво допытывался дед. — Чего не остался, а?

— А того не остался, что тебе скучно, — разжевывая крепкими зубами хлеб и прихлебывая молоко, сказал Генка.

— Эге! Мне скучно? А тебе? — склонив набок голову и подергивая бородку, подскочил дед. — А тебе?

— Мне тоже скучно, — засмеялся Генка и, обхватив старика за шею, притянул его к себе.

Дед неловко, боком присел на нары и замер, боясь пошевелиться.

— Вот как ты уже помрешь, то я тебя и не побачу больше, — задумчиво сказал Генка, вытирая о плечо деда нос.

— А ну да, не побачишь! Где ж ты меня тогда побачишь? Нигде ты меня тогда не побачишь, — глядя ему в лицо сияющими глазами, усмехнулся дед.

— А сколько тебе годов, диду?

— Сколько б ни было, а еще поживу! Еще и тебя воспитаю! — расхрабрился дед.

— Нет, ты меня не воспитаешь, — отрезая ножом хлеб, серьезно сказал Генка.

— Как это так — не воспитаю? — всполошился старик.

— Я сам тебя воспитаю... А что, диду, московские в классах живут? — переменял разговор Генка.

Дед наклонился к нему и стал рассказывать о приезжих.

Генка слушал, сморщив лоб и думая о чем-то другом. Потом вытащил из-за пояса

книжку, аккуратно разгладил ее и положил на стол:

— Спрячь, диду.

Глаза его слипались. Михайло принес из хаты рядом и подушку:

— Ложись спать, я сам Гнедка конюху сдам.

Генка лег, но дед вдруг вспомнил что-то, посчитал по пальцам и снова подсел к нему.

— Эй, слухай! Так где ж ты был? Ты же в пятницу еще уехал. На твоей чертяке можно было два раза на МТС побывать, — пощипывая свою бородку, сварливо сказал он. — Где ж ты был, я тебя спрашиваю? — Михайло дернул внука за штаны и выпрямился. — Где ты был, а?

Генка приподнял голову с подушки, натянул на себя рядом и нехотя сказал:

— Не морочь голову!

— Что? "Не морочь голову"? Как это "не морочь голову"? — петушился дед.

— А так. Я у агронома был.

Дед заморгал глазами и плюнул:

— Тьфу! Черт в тебе сидит! Ей-бо, черт!

— Может, и черт, — согласился Генка.

Дед склонил набок голову, развел руками. Генка повернулся на спину, высунул из-под рядом босые ноги и громко захрапел. Зеленая муха загудела под навесом. Михайло схватил полотенце и с озабоченным лицом замахал над Генкой:

— Ш-ш, ты, проклятая! Куды залетела? Мало тебе места, дура!

20 июня

Завтра поход! Сегодня мы все укладывали, приготавливали. Нести придется всем по очереди, только Севу Митя освободил, а Севка, глупый, надулся на него. А потом познакомился с Михайловым внуком и развеселился. Все какие-то жестянки ему показывал и альбом. А Михайлов внук — это тот самый Генка, с которым разговаривал Васек. Лошадка у него хорошая, он ее чистит щеткой и гриву ей расчесывает. Этот Гнедко на Генкин свист бежит, где бы он ни был. Генка говорит: "Я его для Красной Армии готовлю, да еще не всякому бойцу дам!" Сначала у нас с этим Генкой все хорошо было, а потом вдруг ссора получилась. Вот из-за чего.

Мы себе около школы волейбольную площадку сделали, а Генка увидел, покраснел весь и говорит: "Здесь пришкольный участок будет, что вы землю топчете!" — и давай расшатывать столбы. А Мазин ему говорит: "Ты здесь не хозяин. Уходи!" Ребята тоже напали на Генку. Он разозлился, подскочил к Мазину и кричит: "В своем колхозе каждый хозяин! Это ты уходи!" Ну и сцепились они. Крик такой подняли, что Митя прибежал. Мы Мите ни в чем не сознались. Мазин говорит: "Девочки лягушки испугались". А Митя начал нас ругать, что мы к походу не готовимся, а все какими-то глупостями занимаемся. А за ужином мы еще с Лидой Зориной из-за Генки поссорились. Он сидит со своим дедом у себя под навесом и поет как ни в чем не бывало. А Лидка слушала, слушала и говорит: "Ни у кого из вас такого голоса нет! И потом, он самый храбрый из всех!"

Подумаешь, какой храбрец! Васек решил сам с ним подраться. А Митя, оказывается, уже все понял, что творится, и давай над нами смеяться. Так мы с Генкой и не подрались.

А потом Митя устроил игру в "лошадей и всадников". И мы начали играть, а когда разыгрались, Митя позвал Генку. Генка сначала не хотел, а потом согласился.

Мазин говорит, что, несмотря на ссору, Генка ему все-таки нравится.

Ну ладно! У меня еще мешок не сложен, а мы завтра рано-рано, чуть свет, выйдем.

Глава 9

В ПОХОД

С реки поднимался легкий пар и мягко стелился по огородам; на дороге крепко прибитая росой пыль еще хранила вчерашние следы; кое-где над колодцем поднимался журавель; изредка слышался скрип ворот. После трудового дня колхозники крепко спали, чтобы с солнышком дружно подняться на работу.

Ребята шли молча. Туго набитые вещевые мешки оттягивали ремнями плечи. У Белкина над головой торчали удочки. Мягко поскрипывала телега, в которой сидел отец учителя.

Шли тихо, чтобы не разбудить спящее село. Было прохладно. Ребята поеживались. Девочки, подпрыгивая, побежали вперед, стараясь согреться.

— Что, холодно? Холодок пробирает? — смеивался Николай Григорьевич. — Подождите, еще жара припечет!

На шоссе все оживились.

Получив разрешение громко разговаривать, мальчики сейчас же о чем-то заспорили, девочки затянули песню.

Ты взойди, взойди, солнце красное...

Голоса поднялись высоко вверх и неуверенно заколебались.

— Эй, эй! Врете, врете! — закричал Митя.

Недружный хор двадцати голосов подхватил песню нескладно, фальшиво и весело.

Митя махнул рукой:

— Ну так и быть — врете дальше!...

Солнце вставало. По одну сторону шоссе в верхушках деревьев уже просвечивали его золотые лучи. Проснулись птицы, засуматошились в кустах, защелкали, засвистели. По другую сторону шоссе лежал луг; на траве блестели и переливались прозрачные капельки росы.

— Севка, дыши хорошенько! Этот воздух самый полезный! — уговаривали Малютина ребята.

— Все свои печенки сразу вылечишь, — подтверждал Мазин.

Сева Малютин широко раскрывал рот и радостно смеялся.

Николай Григорьевич то и дело поворачивал назад голову и кричал ребятам:

— Стой, пионер! Сорви-ка вот эту ромашку при дороге... Давай сюда! Да зеленое копытце прихвати!

Ребята с готовностью спрыгивали в узкий ров и бросали на колени старику пучки зелени. Старик растирал ладонями тугие круглые копытца; от копытцев остро пахло чем-то медвяным, душистым.

— Запах-то какой!

Ребята нюхали и охотно соглашались:

— Здорово пахнет!

Старик радовался знакомым местам:

— Гляди, гляди, Сережа! Вон они, три дуба-то, те самые! Под ними Матвеича моего ранило... Эх, рассказать, так это целая история... Когда б не товарищи, не быть бы нам с ним

живыми...

Колеса подпрыгивали на камнях и монотонно скрипели.

Хлопчик, сидевший за кучера, легонько встряхивал вожжами.

Солнце стало жарко припекать. Ребята проголодались. Решили отойти в сторону от шоссе и сделать привал около реки. На зеленом пригорке сложили вещи. Над рекой поднялся шум и визг. Мальчики вместе с Митей переплыли на другую сторону и, обвалявшись в песке, бросились в воду, осыпая друг дружку фонтаном брызг.

Девочки долго бродили, выбирая себе местечко; они купались около берега, держась за руки и щупая ногами дно.

Вода была теплая — купанье затянулось. В конце концов ребят еле выгнали из воды: пришлось два раза протрубить в горн. Развели костер, сварили похлебку, вкусно позавтракали и улеглись на мягкой траве, в холодке.

После сна ребята отяжелели. Лениво надевали на плечи вещевые мешки. Никому не хотелось нести лагерное имущество: продукты, палатки, рыболовные снасти. Когда снова вышли на шоссе, девочки сложили свои вещи на телегу, в которой ехал Николай Григорьевич.

— Ладно, ладно, хитрюшки! Вам бы только полегче! — упрекали их за это ребята.

— А вам завидно?

— Да ну их! Никуда с ними ездить не стоит! — ворчал Одинцов. — На Украину заехали — и то ссоримся!

— Что вы тут спорите? — подбежал к ним Васек.

— Да надоело мне с удочками таскаться всю дорогу — торчат, как иглы у дикобраза! — пожаловался Белкин.

У Лени Белкина над красным, вспотевшим лбом топорщились прямые белые волосы.

Ребята захохотали:

— А и правда ты похож на дикобраза!

— Ну и несите тогда сами! — рассердился Белкин.

Мазин сбросил на землю вещевой мешок и поставил свою спину:

— Кладите все на меня! Ладно! Кто ворчит — клади!

Ребята с мешками налетели на Мазина.

— Давай! Клади! Накладывай! — разыгрался Трубачев. — Еще давай!

На дороге образовалась куча вещевых мешков; под ней скрылся с головой весь Мазин.

— Эй, Митя, Митя! Мазина нет! Мазин пропал!

— Это что за склад? — засмеялся Сергей Николаевич.

Митя разбежался и прыгнул через мешки. Куча зашевелилась — из-под нее вылез Мазин.

— Хотел совесть у ребят испытать, — заявил он при общем смехе.

Шоссе казалось бесконечным. Жара начала спадать. Сергей Николаевич посмотрел на часы:

— Ого! Пять часов уже. Пора в лес сворачивать... Вам, Митя, дотемна надо разбить лагерь, чтобы устроиться на ночь.

— А вот сейчас поворот будет, до него от нашего села километров двадцать, там и свернете, — посоветовал возница.

— Вот и хорошо, — сказал Сергей Николаевич. — Я замечу место, где вы войдете в лес, отвезу отца на пасеку, и мы с Иваном Матвеевичем придем в лагерь.

На повороте распрощались. Учитель взял с собой горн:

— Когда вернусь, буду горнить в лесу, а вы барабаном откликайтесь.

Николай Григорьевич помахал ребятам платком:

— Приходите в гости, не забывайте старика!...

Отряд свернул с шоссе и вошел в лес. Между деревьями замелькали голубые и белые майки.

Сергей Николаевич сел на телегу рядом с отцом.

— Большой крюк мы сделали, — сказал возница и хлестнул лошадь.

* * *

Шли медленно. Лес был густой, без тропинок. Разросшийся кустарник цеплялся за платье, ноги обжигала крапива. Заросли папоротника, колючего шиповника преграждали путь. Встречались огромные, старые дубы, тяжело накренившиеся набок; их толстые корни торчали из земли, а рядом шумели крепкие дубки и молодые осинки, заплетенные хмелем. Из-за их ветвей выглядывали красные гроздья калины.

— Тут где-то Николай Григорьевич посулил нам речку, — перелистывая свою записную книжку, говорил Митя. По его расчетам, они отошли от шоссе километра три.

Ребята постояли, прислушались. Нигде не было слышно шума воды.

— Да и место для воды неподходящее, — огляделся вокруг Митя. — Ну, пошли дальше...

Спустились в глубокий овраг; цеплялись за кусты, поползли наверх. Открылась светлая зеленая лужайка, окаймленная орешником. На кустах орешника под широкими листьями тесными семейками лепились молодые орехи с мохнатыми зелеными колпачками и белой скорлупой.

— Может, на ночь остановиться здесь? — предложил Митя.

— Ну нет, здесь неинтересно! Надо речку искать! — закричали ребята.

Лес стал редеть. Из-за белых берез вдруг выглянула полоса светло-зеленой изумрудной травы; между кочками заголубели крупные незабудки.

— Болото! Болото! Значит, нужно влево держать. Николай Григорьевич предупреждал!

Митя оживился:

— Теперь все в порядке! Пошли!

Из кустов выскочил Петя Русаков:

— Нашел! Все нашел! Идите за мной! Вон между деревьями светится полоска. Это река. Идемте!

Петя побежал вперед. Ребята еле поспевали за ним.

Снова миновали заросли крапивы, ежевики и колючек, миновали молодой осинник и наконец вышли к маленькой лесной речушке. Она бойко и весело плескалась между зелеными берегами; кое-где прямо из воды росли широкие, тенистые ивы; ветки их как бы плыли по течению, купаясь в чистой воде.

На высоком берегу было сухо. Желтели сосны, пахло свежей хвоей.

— Вот местечко так местечко! Как раз то, что нам нужно! — обрадовались ребята.

— Стоп!... Разбивай лагерь! — скомандовал Митя.

Васек нашел место для палаток. Ребята захлопотали. Наспех натянули палатки. Синицына, выбранная поваром, загремела котелками, подгоняя кострового — Мазина. Петя Русаков уже готовил площадку для костра. Санитарка Валя Степанова пошла искать родниковую воду для питья.

Решено было сварить на ужин уху. Мальчики вместе с Митей отправились на рыбную ловлю, а девочки остались в лагере чистить картошку.

— У них от ходьбы ноги болят, только они не признаются, — подмигнул Петьке Мазин.

Ребята вооружились кто чем мог. Одни ловили рыбу сачком с густой сеткой, другие — удочкой. Над рекой зазвенели веселые голоса.

— Ребята, рыба не любит шума. Надо, чтоб было тихо, а то мы ничего не поймем, — сказал Митя, сидя на берегу около своей удочки.

И тут же, выдернув ее из воды, замахал руками и громко запел:

*Вот так щучка,
Вот так штучка!*

Оказалось, что он поймал маленькую щучку.

В лагере ребята застали полный порядок. Не дождавшись рыбы, девочки уже сварили ужин. В горячей золе стоял чугунок с лапшой. Проголодавшийся Митя с удовольствием потянул носом аппетитный запах и потер руки:

— Вот так девочки! Вот так хозяйки!

Ребятам тоже понравилась лапша. Но, чтоб девочки не задавались, Мазин на всякий случай сказал, что такую лапшу всякий дурак сварит. И съел две полные миски.

Ужин был веселый. После лапши пили чай с московским печеньем и играли в коллективное рассказывание.

Митя сказал:

— Участников похода было двадцать. Первый, Коля Одинцов, был живой, смешливый мальчик... — Митя тронул Одинцова локтем: — Рассказывай все, что знаешь о себе.

Одинцов подумал и сказал:

— Мне больше всего помнится, как я первый раз пришел в школу и подрался с Васьком, потому что он рыжий.

Ребята смеялись. Больше всех хохотал Васек.

Потом Коля описал наружность Саши Булгакова и подтолкнул товарища:

— Рассказывай все, что знаешь о себе.

Некоторые ребята придумывали всякие смешные истории.

А Сеницына сказала, что у нее — все друзья, только есть в лагере один мальчик, который всегда к ней цепляется, как репей.

Одинцов вскочил, бросил в нее щепкой и крикнул, чтобы она его лучше репьем не называла.

— Ага, на воре шапка горит! — засмеялись ребята.

Трубачеву пришлось описывать Мазина. Он долго на него смотрел и потом сказал:

— Колю Мазина описать трудно: он очень меняется... Я Мазина люблю! Мазинчик хороший!

А Мазин о себе сказал:

— Я как родился, так сразу поел, попил и вышел на улицу, а тут и Петька Русаков стоит...

— Врешь, я тогда еще не родился — ты меня на два месяца старше! Ты в феврале родился, а я в апреле, — перебил его Петя.

— Ну, в феврале так в феврале... Вышел я, значит, в лыжном костюмчике. Смотрю — мой Петька Русаков в пеленках болтается, соска у него изо рта торчит и чепчик на макушке — такой фитюль-фитюль с кружавчиками...

Когда стемнело, лагерь в лесу казался тихим, мирным жильем. Смутно белели в темноте палатки, на колках сушилась посуда, дым от костра окутывал сосны, пробиваясь к темному небу. Огонь освещал веселые лица ребят... Далеко в лесу слышался иногда протяжный крик ночной птицы: "Поховал! Поховал!"

Девочки ближе придвигались к огоньку...

Глава 10

НОЧЬ В ЛЕСУ

Ночную вахту несло караульное звено. Дежурили по два часа.

Часовой Леня Белкин неподвижно стоял около палаток, зорко вглядываясь в темноту ночи. Луна то и дело скрывалась за тучами; ее неверный свет, падающий на траву, кусты и деревья, неожиданно менял их очертания: то он отдалял, то приближал стройные стволы сосен, то скользил за кустами, то с головы до ног освещал Леню и шелковое пионерское знамя, оставляя в полной тьме деревья. Над головой Лени, хлопая тяжелыми крыльями, пролетали ночные птицы. От их крика по спине мальчика пробежал неприятный озноб.

Подчасок Лени — Лида Зорина спокойно стояла около большого пня с другой стороны лагеря. В палатках слышались дружный храп и сонное посапывание ребят. На траве, подложив под себя вещевые мешки, богатырским сном спал Митя. Над ним роем кружились и тоненько пели комары.

Леня Белкин боялся отвести глаза от чернеющего леса. Незнакомые шорохи и звуки ползли на него со всех сторон; он крепче сжимал древко знамени и вытягивался в струнку. Один раз шорох послышался совсем близко, позади палаток.

Леня нащупал в кармане свисток. Из-за палаток вышла на цыпочках Лида Зорина и тихонько прошептала:

— Мне показалось — кто-то ходит...

— Ерунда! — процедил сквозь зубы Леня.

На рассвете на вахту встали Булгаков и Надя Глушкова.

Над рекой поднимался прозрачный туман. За грядой желтых сосен выступили старые дубы, забелели редкие березы. Лес был еще сонный. Тихо потягивались молодые осинки, мягкие листья орешника дремотно стряхивали на землю светлые капли росы. На полянке чернел затухший костер.

Митя открыл глаза и прислушался. Земля под ним мягко вздрагивала, в ушах гудело. Но небо было чистое, ничто не предвещало грозы. Митя повернулся на другой бок и закрыл глаза. Надя Глушкова тихонько тронула его за плечо.

— Митя, сколько самолетов летело! И сейчас летят. Просто гул идет. Это что?

Митя широко зевнул и натянул на себя одеяло:

— Маневры, наверно...

Надя подошла к Булгакову и тихо шепнула:

— Маневры.

Ребята сладко спали.

На смену Наде вышла Валя Степанова. Сева Малютин сменил Сашу Булгакова. Валя ежилась от холода и, накинув на плечи пальтишко, уселась на пенек, положив рядом барабан.

Над лесом с тихим гудением снова проплыли самолеты. Потом вдалеке раздался глухой гул, как будто в лесу валили вековые деревья. Из палатки девочек высунулась чья-то маленькая рука и, подержав в воздухе ладонь, скрылась.

Валя заглянула в палатку.

— Я думала, дождь идет, — прошептала ей Зорина.

— Нет, это самолет, — успокоила ее Валя.

А солнце уже золотило палатки, просыпались птицы. Наступало чудесное летнее утро,

свежее от росы и горячее от солнца.

Громкая барабанная дробь разбудила ребят. Лагерь ожил, зашевелился.

— На зарядку становись!

ДНЕВНИК ОДИНЦОВА

Утро 22 июня

Сегодня я проснулся и очень удивился — где я? Потом сразу вспомнил и обрадовался. Да ведь это наш лагерь в лесу! Над головой — натянутая палатка. Сквозь парусину видно, как качаются ветки, а между ними желтыми зайчиками прыгает солнце. Ух, как хорошо! Вокруг меня вповалку спят ребята. У Мазина обе ноги прямо из палатки торчат. Ага! Валька Степанова на посту венки плетет. Украшается! А барабан на траве лежит, и солнце уже высоко. Сейчас я ее напугаю.

Вечер 22 июня

Я решил писать дневник утром и вечером, а то что-нибудь забуду.

День у нас был тревожный, а к вечеру и совсем испортился, и сейчас Митя кричит, чтобы я не жег фонарика, а ложился спать.

Расскажу все по порядку.

Утром, когда мы проснулись, Валя Степанова и Надя Глушкова стали рассказывать, как на рассвете летали самолеты. Надя сказала, что где-то даже бабахнуло очень сильно, только далеко. Про самолеты Митя сказал, что это, наверно, маневры, а что это так бабахнуло, он не знает, но, может быть, где-нибудь производились строительные работы. Мазин сказал, что иногда взрывают целые горы.

Так мы поговорили, поговорили, а потом принялись за дела.

Поправили палатки, так как вчера ставили их наспех, потом позавтракали. Кашу варила Синицына: она у нас за повара!

После завтрака мужчины вместе с Митей начали рыть глубокую землянку, так как Митя сказал, что на Украине бывают сильные грозы со страшным ливнем и нужно для этой цели иметь глубокую, хорошо укрепленную землянку. Митя показал нам чертеж такой землянки в разрезе. Мы выбрали хорошее место и принялись за дело... Земля тут очень черная, но если рыть глубоко, то там и глина.

Мы углубили вход и сделали три ступеньки. Митя спустился и сказал, что грунт хороший — пол в землянке должен быть твердый и гладкий. Для этого нужно еще замесить глину с песком, смазать и дать просохнуть.

Мы пошли с ребятами за глиной, и вдруг опять что-то за лесом стало бабахать. Тогда я влез на дерево и посмотрел в ту сторону, а там такой черный-черный дым по краю неба.

Мы сказали об этом Мите и опять подумали, что это строительные работы производятся; вытащили даже карту и стали определять, что где строиться может. Определили наше местонахождение по карте. Мы находимся довольно далеко от Киева. По левую руку у нас Житомир, а железнодорожная станция, на которой мы высаживались, от "Червоных зирок" километров двадцать будет.

Вот как мы далеко забрались, даже узнать не у кого, что и где взрывают!

А Митя говорит: "Надо ждать Сергея Николаевича, он нам все расскажет".

А вечером, когда начало темнеть, мы уже не на шутку заволновались, так как опять загудели самолеты, и один мальчик увидел на крыле самолета свастику. Мы ему сначала не поверили, но он дал честное пионерское. Тогда Митя посмотрел на девочек — видит, что они

испугались, и сам хотел пойти на шоссе что-нибудь узнать, но было уже темно и поздно.

Теперь все ребята легли, а Митя назначил себя дежурным и сидит. И все старается с нами шутить, но мы уже видим, что он беспокоится. Ребята тоже не спят — шушукаются, а девочки забрались все в одну палатку и тесно-тесно рядышком легли, накрылись с головой одеялами. Вот трусишки!... Скоро все узнаем от Сергея Николаевича и Ивана Матвеича — они завтра придут.

Коля Одинцов.

Мутный свет луны освещает спящий лагерь.

Теснее сдвинулись дубы, робко проглядывают между ними березы, утонули в густой траве белые домики-палатки. Пахнет речной водой и водорослями, запах мяты смешивается с запахом хвои. С болота доносится дружный хор лягушек.

Митя стоит на площадке и, закинув голову, смотрит на плывущие по небу разорванные облака, на скользящие тени самолетов: ухо его пытается уловить малейшие оттенки тихого, воющего гудения моторов. Изредка далекий, глухой удар потрясает землю. Митя встревожен. Он обходит палатки, прислушивается к сонному дыханию ребят и снова смотрит на небо.

Васек Трубачев не спит. Приоткрыв край палатки, он следит за каждым движением вожатого. Он видит, как Митя смотрит на небо, потом опускает голову, трет ладонью затылок и снова смотрит. Видит Митино лицо, крепко сжатые губы, нахмуренные брови.

Васек боится выйти и окликнуть Митю. Но ему необходимо сказать, что он тоже видел свастику. Может быть, Митя не поверил ребятам и потому велел всем поскорее ложиться, чтобы не болтали зря? А может, поверил и потому остался дежурить сам?

Трубачев подтягивает трусики и тихонько вылезает из палатки. Ночная сырость охватывает его плечи.

Митя молча смотрит на Трубачева; так же молча они усаживаются вдвоем на широкий мохнатый пенёк. Митя прикрывает Ваську полкой своей куртки и улыбается ему дружеской, ободряющей улыбкой.

— Я видел свастику, — шепотом говорит Васек.

Митя кивает головой:

— Я тоже видел.

Над лесом снова ползет протяжный, ноющий звук. Палатка тихо шевелится — из-под нее высовывается Мазин и быстро прячется обратно.

Васек вскакивает и карабкается на высокую сосну; смолистые чешуйки прилипают к его коленкам. Потом он соскакивает на землю, показывает рукой куда-то за реку, за лес и торопливо объясняет:

— Там свет... Далеко-далеко, а видно...

— Это в стороне Житомира, — определяет Митя. — Утром надо разведку послать на шоссе.

— Пошли меня!

— Ты нужен в лагере. Все должны быть на своих местах. Никакой тревоги не поднимать. Пошлем Мазина и Русакова — они все разузнают, — спокойно говорит Митя и смотрит на часы: — Ложись спать, Трубачев!

— А ты?

— А я дежурный.

— Ладно тебе... Вдвоем подежурим, — прячась под его куртку, говорит Васек.

Они молча смотрят в глаза друг другу. Доверчивые глаза Васька кажутся Мите такими близкими и родными, он чувствует рядом младшего брата, надежного товарища, который делит с ним вместе тревоги этой ночи. Он крепко прижимает к себе вихрастую голову Трубачева и тихо, душевно говорит:

— У каждого человека, Васек, есть мечта заветная. Вот когда мне не спится, например, я сейчас же начинаю мечтать. То будто я где-то в тайге очутился... И вот мы с ребятами...

— С нами? — быстро спрашивает Васек.

— Да нет, не с вами... С комсомольцами... Залезли в эту глухую тайгу и давай своими силами там новый город строить... Может, и небольшой, конечно, но особенный. У меня даже рисунок есть, я тебе покажу когда-нибудь... Ты что на меня так смотришь?

— Да просто... — отвечает Васек, крепче прижимаясь к старшему товарищу. — Рассказывай, Митя...

Назойливое гудение прерывает разговор. Митя встает, снова смотрит на небо и жестко говорит:

— Но если, Трубачев, мне придется драться, то я буду драться до конца, до победы! И нет такого врага, которого мы бы не победили! Потому что каждый из нас, Васек, будет защищать свою Родину, как родную мать...

Молча и торжественно слушают эти слова влажная земля и черный застывший лес.

* * *

На рассвете в молочном тумане, сквозь заросли дикой малины, кучи хвороста и поваленные деревья пробирались Мазин и Русаков, посланные в разведку.

— Руководствуйтесь компасом, — напомнил им Митя.

У Мазина и Русакова были еще и свои приметы: кривая береза, поваленный дуб, пучок

увядших колокольчиков, засунутых в дупло дерева. Привычка оставлять на пути заметки уже давно выработалась у обоих, и теперь они шли безошибочно по собственному следу. Разговаривать было некогда. Задание ответственное: выяснить, в чем дело и, не задерживаясь, вернуться в лагерь.

Петька молча указывал на березу, на дуб, на сложенные накрест ветки. Мазин кивал головой и отрывисто командовал:

— Влево!... Вправо!... Вперед!...

Лес поредел. В дорожных знаках уже не было нужды. Мальчики шли по слуху. Шоссе приближалось; оттуда слышался скрип телег, доносились гудки и мычание коров. Высокий мальчишеский голос не то пел, не то кричал что-то.

Мазин прислушался и, дернув Петьку за рукав, бросился вперед. Запыхавшись, они выскочили на шоссе и огляделись. По дороге понуро и неохотно шагало колхозное стадо. Телята разбегались по сторонам, подростки звонко щелкали бичами, старики сурово покрикивали на скотину. Хрюкали свиньи. Встревоженно мычали коровы.

С той стороны шоссе, в поле, молча и сосредоточенно работали люди, убирая хлеб. Тарахтел комбайн, мелькали разноцветные платки, выезжали на шоссе машины с тугими мешками. Люди останавливались, пропускали машины вперед.

Петька облизнул языком сухие губы и бросился наперерез высокому седому старику:

— Дедушка, куда это вы?

Старик глянул на него мутными от бессонницы глазами и неохотно сказал:

— Скот угоняем...

Петька растерянно оглянулся на Мазина. Мазин, обведя глазами шоссе, бросился к хлопцу, который с трудом тянул за веревку бычка. Бычок упирался, подняв коричневую морду с черными бугорками рогов; он жалобно мычал, призывая на помощь мать.

— Та иди, бисова душа! Иди, щоб ты здох! — покраснев от натуги, кричал на него мальчишка.

Мазин схватил за веревку.

— Стой! Не тащи его!... Куда вы идете?

Хлопец вытер рукавом пот.

— А ты що, з неба звалился? — сердито спросил он. — Война! Понял? Война! Немцы границу переступили...

— Немцы?... Границу?...

Мазин выпустил из рук веревку и круто повернулся к Петьке:

— Пошли!

Но они не пошли, а побежали, задыхаясь и обгоняя друг друга.

Страшное, незнакомое слово "война" заставляло их мчаться, не разбирая дороги, к Мите, к товарищам со спешным, тревожным донесением. Ветки хлестали мальчиков по лицу, сучья царапали ноги. В овраге Петька споткнулся и боком свалился в кустарник. Мазин схватил его за плечо:

— Вставай! Война! Понимаешь? Война!

Петька, хромая, выбрался из кустарника и, стараясь не отставать от Мазина, говорил на бегу:

— Мы им пропишем, Мазин! Мы им такого зададим, что они сроду к нам больше не сунутся! Мы... Мазин...

Но Мазин не слушал его. Он бежал, раздвигая головой и локтями кусты, поглядывая нажатый в руке компас. Брови его были нахмурены, глаза остро блестели. А Петька, прихрамывая, торопился за ним и без умолку говорил про тяжелые и дальнобойные орудия и

про Красную Армию, которая так даст врагам... так даст, что своих не узнают!

Потом Петька совсем выбился из сил и замолчал...

Они выбежали к палаткам вместе. Мазин бросился к баку, зачерпнул кружкой воду и стал жадно пить. Потом сунул кружку Петьке, посмотрел на встревоженные лица ребят, подошел к Мите и коротко сказал:

— Война!

СТАРЫЕ ТОВАРИЩИ

Расставшись с ребятами, Сергей Николаевич двинулся на пасеку. Бескрайнее поле сливалось с синим горизонтом. Усталая лошадь шла шагом; однообразный скрип колес и тишина навевали спокойные мысли. Николай Григорьевич молчал.

Сергею Николаевичу тоже не хотелось говорить. Им овладели смутные воспоминания об этих местах. Вспоминалось раннее детство. Вспоминалась мать — высокая, чернобровая, строгая. Вспоминалась сестра, с которой он расстался, когда она вышла замуж и ушла на хутор к своему "чоловику". Он был еще совсем маленьким и все цеплялся за нее, когда она уходила, и оба они плакали. Тогда у нее были горячие мокрые щеки, на груди звенело много бус, с подвенечного венка спускались цветные ленты...

С тех пор прошли годы. Вместе с отцом и матерью он уехал в маленький городок под Москвой. Там он рос и учился, постепенно забывая и эти места и слезы сестры. Они редко писали друг другу, а после смерти матери их переписка и совсем оборвалась, и только в последнее время сестра стала настойчиво требовать, чтоб брат привез ей отца.

"Тут все ему родное, он оживет от нашего солнышка, и я за ним похожу, как за маленьким..."

Лошадь стала. Хлопец соскочил с телеги, достал торбу с овсом.

— Далеко еще? — спросил Сергей Николаевич.

— Порядком будет. Большой крюк сделали. Назад вертаемся. К вечеру доедем, — успокоил хлопец, присаживаясь на край дороги.

Николай Григорьевич дремал, лежа на телеге. Покормив лошадь, отправились дальше. Солнце садилось.

Лес быстро темнел. Дорога свернула на свежескошенный луг; остро запахло увядающими цветами и травами.

Пасека открылась перед глазами как-то вдруг, когда, сделав крутой поворот, дорога сбегала в овраг и снова вынырнула перед высокими тополями. За тополями вился плетень.

Было уже совсем темно. Отпустив хлопца с телегой, Сергей Николаевич с трудом нашел перелаз, заросший густым вишняком. За вишняком виднелась белая хата, утонувшая в зелени деревьев. Запах меда и гречи носился над спящими ульями.

— Стой! Где же тут калитка у него? И огня в хате нет, — заволновался Николай Григорьевич.

Мохнатая собачонка черным шариком подкатилась к плетню и залилась звонким лаем. В хате хлопнула дверь.

— Эге-гей! Бобик! — слышался густой бас.

— Матвеич! Эгей! — Николай Григорьевич выпрямился и рванулся навстречу другу. — Эгей!

— Принимайте гостей, диду! — крикнул Сергей Николаевич.

На заросшей тропинке показалась грузная фигура Матвеича. В темноте были видны его широкие плечи и взмахивающие на бегу большие руки. Собачонка с лаем крутилась у него под ногами.

— Цыц, ты! Гости до нас!

Матвеич подбежал к перелазу, перегнулся через него всем своим грузным телом и схватил

в охапку Николая Григорьевича:

— Стой... стой!... Где ты тут есть, товарищ мой?... Товарищ мой...

Николай Григорьевич счастливо смеялся, не выпуская большой теплой руки друга.

Из-за облака показался краешек луны и осветил коротко стриженную голову Матвеича с крупным носом, густыми бровями и опущенными книзу черными усами. Одна щека его была перехлестнута поперек глубоким шрамом, живые, смеющиеся глаза смотрели добродушно и лукаво.

— Ох ты ж вояка... вояка мой! — умиленно глядя на друга, повторял он.

Старики еще раз обнялись.

— Мы тебя зараз, як персональну персону, до самой хаты предоставим!

Хата была новая, с дубовым крыльцом и тяжелой дверью. В кухне стояла русская печь с полатями. На припечке были сложены горкой глиняные миски, котелок, чугунок и закопченная дочерна сковородка. У окна — крепкий дубовый стол, перед ним — широкая скамья. Печь была голубовато-белая, разукрашенная по краям никому не ведомыми цветами в виде синих кружочков с синими пестиками и короткими толстыми стеблями. На полотах лежало старое одеяло, в углу — скомканная подушка в ситцевой розовой наволочке; из-под нее выглядывали новые яловые сапоги. Посреди кухни гудел примус, в чугуне варилась картошка.

Белая двустворчатая дверь вела в соседнюю комнату; там было свежо и чисто, а из угла, где стояли в ряд бочонки, покрытые круглыми крышками, сильно пахло медом.

— Ну, вот и моя хата! — Матвеич шагнул через порог и выпрямился. — Живу як той пан. Домок ничего себе. Прошлую весну колхоз отпустил средства на полное оборудование пасеки.

Он распахнул обе половинки двери, чиркнул спичку, зажег керосиновую лампу:

— Ну, гости дорогие, располагайтесь як знаете, як вам по душе, а я на стол соберу. Хозяйки у меня нема, так я сам себе повар. Зараз сала нашкварим, яишницу разобьем!...

Сергей Николаевич с веселым любопытством смотрел на неуклюжего, как медведь, Матвеича, слишком шумного и большого для маленькой кухоньки.

Матвеич точил об печку нож, грохотал посудой и без умолку говорил, обращаясь то к Николаю Григорьевичу, которого называл "старым", то к Бобику, то просто к различным вещам, находящимся в кухне. Видно, привычка разговаривать с самим собой и с окружающими его предметами давно выработалась у Матвеича.

— Ну що? Долго будешь булькать?

Матвеич ткнул вилкой картошку и бросился в сени. Внес большой розовый кусок сала с искристым бисером соли на тонкой коже, нарезал его толстыми кусками, шлепнул на сковороду и, присев на корточки, налег на примус, приговаривая:

— От так! Живо! Раз-два — и готово!

Орудую возле печки, он чуть не свалил целую грудку мисок, но успел подхватить их и, прижимая к груди, понес на стол.

Николай Григорьевич с доброй улыбкой смотрел на него и, встречаясь глазами с сыном, подмигивал, как бы желая сказать: "Вот он какой, мой Матвеич!"

Шум примуса заглушал голоса, и Матвеич, поворачиваясь от печи всем своим корпусом, кричал, размахивая ножом:

— Обожди, старый! Зараз я этот сумасшедший примус загашу, тогда тихо будет. Може, умыться с дороги хотите, дак умывальник коло крыльца.

Сергей Николаевич подал отцу полотенце. Старик медленно поднялся со скамьи и, нерешительно ступая больными ногами, пошел к двери.

Матвейч поставил на пол горшок с молоком и бросился к нему:

— А ну, ну... А ну, иди! — заглядывая товарищу в лицо и обхватив его правой рукой, возбужденно кричал он. — Смело! Смело!... От так! Смело, давай! Сме-ло!... — Потом выпрямился, шумно вздохнул, удрученно развел руками: — Погано дило! — И тут же весело добавил: — Ну да ничего! Я такое средство знаю, що будешь бигать, як той физкультурник.

Во время разговора, заметив Бобика, он поднял его за шиворот, вынес за дверь и кратко пояснил:

— Завсегда присутствует. Кто б ни пришел — и он тут. Хитрый, як муха! Салом интересуется...

Матвейчу не терпелось скорей закончить свою стряпню и за доброй чаркой поговорить по душам со старым другом. Стоя у припечка, он обещающе подмигивал оттуда своими веселыми, живыми глазами:

— Зараз поговорим! Обо всех делах наших... Що и як!...

На Сергея Николаевича он почти не обращал внимания, только один раз, окинув его взглядом, неодобрительно хмыкнул:

— Худый, як глиста! Голодный, чи що?

Сергей Николаевич сбросил рубашку, потер выступающие под темной кожей мускулы:

— А ну, дедуш, поборемся, коль так!

Матвейч потрогал его мускулы:

— Завтра.

За столом было шумно. Старики разошлись, вспоминая боевые годы гражданской войны. Сергей Николаевич не узнавал отца. Николай Григорьевич, слушая Матвейча, встряхивал головой, стучал по столу кулаком. Голос его окреп, глаза блестели.

— Да, был бы нам всем конец тогда! А ведь вот выжили, а, Матвейч? Выжили и землю от погани очистили.

Матвейч смачно крякал, опрокидывая чарку:

— Ще як выжили! Сами себе хозяева! И работа идет. Я меду на весь район заготовку сдаю и помощников себе не требую. Один раз секретарь райкома заехал на пасеку и говорит: "Вам, Иван Матвейч, тут одному не управиться!" А я ему говорю: "Мне по моим силам три такие пасеки мало! Надо, говорю, мое дело расширять, потому как наш колхоз богатеет и средства на то найти можно". А он смеется: "Ваше предложение нам нравится, только без помощников тут нельзя. Мы вам комсомольцев прикрепим, а вы будете их к этому приучать. Понятно?" — Матвейч налег на стол и заблестевшими глазами обвел собеседников. — Значит, такое дело: буду молодых обучать... Вот и ты оставайся со мной! И тебя обучу! — неожиданно закончил он, хлопнув по плечу Николая Григорьевича.

— А у нас, дедуш, к тебе просьба, — дав Матвейчу выговориться, сказал Сергей Николаевич. — От моих пионеров и от меня...

Матвейч склонил голову набок и лукаво улыбнулся:

— Меду, чи що?

— Меду — это потом. Это ты нас угощать будешь, когда мы к тебе всем отрядом в гости придем. А сейчас вот что: собирайся-ка, дедуш, с нами в поход! Тряхни стариной! Погуляем по лесам. Поведешь моих пионеров по тем партизанским тропам, где вы с отцом бродили; покажешь нам места, где были жаркие бои с белыми... Одним словом, приглашаем тебя как героя гражданской войны, свидетеля и участника боев. Расскажи ребятам обо всем, что видел и знаешь.

— Ну-ну... нашел рассказчика!

Матвейч замахал руками. Но Николай Григорьевич постучал по столу пальцем:

— Даже и не думай отказываться! Сережа дело говорит... Для ребят каждое твое слово интересно. Они все хотят знать... Даже и не думай отказываться!

— Да Матвеич и не отказывается, — подмигнул отцу Сергей Николаевич. — Он только о пчелах, верно, беспокоится.

— Ну да! И пчелы... и вообще того... — закричал Матвеич.

— Ну, это мы устроим. Оставим завтра отца на пасеке за сторожа, сходим к Оксане и пошлем ее сюда, а сами махнем в лес к ребятам! А как они ждут тебя!

— Скажи пожалуйста... — растрогался Матвеич и, обернувшись к Николаю Григорьевичу, вдруг сказал: — Добре! Оставайся, старый, за хозяина. А мы с Сережей к пионерам пойдем.

Получив согласие Матвеича, Сергей Николаевич оставил стариков и прошел в комнату. Новый крашеный пол был застлан половиками, в углу стоял круглый стол с двумя табуретками. Большая кровать, аккуратно застланная серым байковым одеялом с белоснежной покрывкой на подушке, была отодвинута от стены и стояла нетронутая и важная. Трудно было представить себе, что большой, неуклюжий Матвеич каждый день спит под этим одеялом, утопает головой в этих подушках и потом так аккуратно убирает свою кровать. На окнах висели занавески. Вышитые крестом зазорные петухи с красными клювами и растопыренными перьями привлекли внимание Сергея Николаевича.

Он подошел к окну и бережно взял в руки тонкую расшитую холстинку. Красные и черные крестики напомнили вышитые рукава и горячие мокрые щеки. Он вдруг с неожиданной силой ощутил теплое, родное чувство к сестре, ее близость и глубокое раскаяние в том, что столько лет не вспоминал ее, не интересовался ее жизнью. А ведь у нее умер муж, и она жила одна, оторванная от семьи, и, может быть, не раз горькое чувство охватывало ее при воспоминании о родном брате. Сергей Николаевич вспомнил сестру на маленькой деревенской фотографии. Она стояла, положив руку на спинку стула, на котором сидел ее муж. Отец, получив эту фотографию, долго рассматривал ее, с сожалением повторяя:

— Не та уже Оксана... Постарела Оксана...

А ему тогда даже не хотелось всматриваться в черты этой новой женщины, чтобы не утратить в своей памяти черты прежней Оксаны. Сколько же ей лет сейчас? И как встретятся они после долгой разлуки?

Сергей Николаевич осторожно погладил выпуклые крестики на занавеске:

— Сестра...

Матвеич заглянул в комнату:

— Ты чего смотришь? Занавеска? Да это твоя Оксана расшивала! Бачь, яких пивней настряпала! Это она мне на новоселье принесла... И койку заправила как полагается. Кажет: "Щоб у вас, диду, чисто було. Я приду проверю!" — Он почесал лохматую голову, хитро улыбнулся и махнул рукой: — Так я теперь той койки не касаюсь! Чтоб порядок не нарушать, на полатах сплю. Будет тут твой батько спать. Честь честью.

* * *

Поздно ночью, засыпая на широкой скамье, Сергей Николаевич слушал тихую беседу двух друзей.

Матвеич, присев на угол кровати, осторожно гладил заскорузлой ладонью больные ноги

товарища и шепотом говорил:

— От я уже бачу, где самая болявка у тебя. Это тебе, брат, наши болота отзываются. Да, может, и с того разу, как ты меня на плечах тащил из лесу. Эх, Коля, богато чего мы с тобой видели! Ну, зато на старости проживем. А ноги я тебе воском с маслом буду мазать и на солнышке греть. И работать будем... Потому как человека что убивает? Болезнь одно, а без дела тоже не можно жить. Тоскует человек без дела. Вот полюбишь моих пчел, да от ульичка к ульичку потыхесеньку... Так-то, товарищ мой...

* * *

Когда Сергей Николаевич открыл глаза, солнце уже заливало хату горячим светом. Крашенные половицы блестели, в раскрытое окно с жужжанием влетали пчелы, на занавеске билась пестрая бабочка. Николай Григорьевич еще крепко спал, свесив с кровати руку. В кухне было пусто. Где-то во дворе слышалась добродушная воркотня Матвеича.

Сергей Николаевич сладко потянулся и зажмурил глаза. Что-то снова напомнило ему далекое детство, ночевки у дядьки Матвеича, быструю речку под горкой и серебряную плотву, которую он ловил зеленой ивовой корзинкой. Даже сон в эту ночь у него был крепкий, непробудный, как в детстве. И только на рассвете приснилось ему, что на реке встают громадные валы и с гулким шумом обрушивается на берег вода... И было приятно чувствовать себя в крепком доме, под теплым одеялом, у старого деда Матвеича...

Сергей Николаевич вскочил и вышел на крыльцо. Из рукомойника, прибитого к дереву, капала вода. Холодные струйки освежили лицо и голову, потекли по спине. Бобик с высунутым языком лениво вылез из кустов и полакал из лужи.

— Что, брат, жарко?

Сергей Николаевич схватил черный кудлатый шарик и подставил его под рукомойник.

Бобик изо всех сил сопротивлялся.

— Чудак! Умойся, умойся! Тебе же лучше будет! — весело приговаривал Сергей Николаевич.

Отпустив мокрого Бобика, он пошел на сизый дымок, поднимавшийся из-за кустов.

В траве желтели новенькие ульи. У летков серыми кучками копошились пчелы. Несколько пчел на лету ударили Сергея Николаевича по лбу, запутались в его волосах. За вишнями Матвеич, в сетке, с дымящимся факелом, разбирал улей. Пчелы тучей гудели над ним, ползали по его рукам и по рубашке. Бобик уселся поодаль. В его мокрую шерсть тоже забирались пчелы; он взвизгивал и, щелкая зубами, впивался в свой хвост.

— Не щелкай! Не щелкай! За свое любопытство страдаешь, — спокойно выговаривал собаке Матвеич, поворачивая в руках рамку и разглядывая янтарные пласты меда. Увидев подошедшего Сергея Николаевича, он кивнул головой в сетке.

Сергей Николаевич заглянул в улей. Пчелы загудели в его волосах, полезли за воротник. Матвеич засмеялся:

— Тикай лучше, а то разукрасят так, что родной батько не узнает!

— Не разукрасят! — Сергей Николаевич хлопнул себя по шее, нагнулся, вырвал пучок травы с сыроватой землей и приложил к укушенному месту: — Эге, уже есть!

В небе, за белыми разорванными облаками, загудел самолет.

Матвеич поднял голову и прищурил глаза:

— Слухай... Что это за чертовщина такая? Чего они там кувыркаются? А на рассвете такой гул поднялся, что я думал — вас с батькой разбудят!

— Нет, я спал. И тебя, дедуш, во сне видел. Ну, когда бороться будем? — улыбнулся Сергей Николаевич, отступая от пчел.

— Вот старый проснется, тогда после завтрака я тебя и поборю! А теперь иди погуляй, а то пчелы тревожатся — не любят незнакомых людей.

Сергей Николаевич обошел кругом хату. Ульев было много. Одни — старого образца, похожие на колоды; другие — новенькие, нарядные, как домики. Густая трава закрывала их до половины; от пушистых шариков клевера все казалось сиреневым. Прямо за пасекой пышно цвела гречиха. Узенькая дорожка выходила на свежий, нескошенный луг. В нагретом воздухе смешивались все запахи: пахло мятой, гречихой, травой и цветами. Ветер колебал травы, и казалось, что луг качается и плывет. Весело перекликались птицы. Клейкие стебли красненькой смолки прилипали к рукам.

Сергей Николаевич сел на мягкую траву и обхватил руками колени. В глазах у него пестрело. Повсюду слышался неугомонный шум: трещали кузнечики, гудели пчелы, мохнатый шмель ворчливо рылся в ромашке. Желтые и белые бабочки стайками кружились над цветами. Маленькие букашки свершали свой трудный путь, пробираясь куда-то среди непреодолимых препятствий; блестящий жук сердито гудел, качаясь на тоненькой былинке; божьи коровки с красными спинками расправляли крылышки.

Ни о чем не хотелось думать, хотелось броситься на землю, прижаться лицом к пахучим травам. Чувство безмерного счастья и покоя овладело Сергеем Николаевичем...

* * *

Матвеич засучил рукава и, широко расставив ноги, сказал:

— А ну, Сережа, выходи! Побачим, який ты боец!

Сергей Николаевич сбросил рубашку и спокойно стал против Матвеича. Николай Григорьевич потер руки и усмехнулся:

— Ты гляди, Иван, не сломай мне сына...

Матвеич шагнул к Сергею Николаевичу и огромными ручищами обхватил его поперек туловища. Но Сергей Николаевич не поддался: ловким приемом он выскользнул из рук Матвеича и крепко сжал его локти... Боролись долго. Матвеич наступал, как медведь. Сергей Николаевич, ловкий и увертливый, выskalзывал из его рук и наконец, улучив минутку, обхватил старика за плечи и с силой пригнул его к земле. Бобик с яростным лаем прыгнул на обидчика... Борьба кончилась вничью. Но Матвеич был возбужден и доволен:

— Молодец, Сережа! Борец, чемпион, да и все!

— Я тебе говорил, Матвеич! У него сила есть! — гордясь сыном, кричал Николай Григорьевич.

Сергей Николаевич развеселился, стал возиться с Бобиком, трепал его за уши, бегал с ним по дорожкам.

— Сережка, не дури! Не дури! Ведь укусит Бобик! — совсем как в детстве, кричал ему отец.

За дальним лесом что-то ухнуло и, прокатившись по земле глухим эхом, замерло...

— И что оно чиркае? — удивился Матвеич.

— Да что ты как волк живешь — ни газет у тебя, ни радио! — строго выговаривал ему старый товарищ. — Без радио никто не живет теперь!

Матвейч сердито вытащил из-под навеса длинный, тонкий шест и бросил его около крыльца.

— Это все твои пионеры, Сережа! "Мы вам, диду, то, мы вам се, мы вам радио проведем"! — передразнил он ребят. — Принесли какую-то жердину, тягали ее, тягали, и в землю вкапывали, и на крышу лазили... Не, не годится! Опять побежали куда-то. Другую притащили... Мерили-мерили, бегали-бегали с нею... Есть! Хороша уже! Антенна, чи як? Теперь вдруг проволоки у них нет! "Пойдем, кажутъ, достанем". От же ж бисови хлопцы! Наморочили голову, да ничего и нема!

Сергей Николаевич осмотрел антенну:

— Если сказали — сделают, значит, сделают. Не зря бегали.

— Может, и сделают. Я у них, конечно, в плане состою, это верно, — вздохнул Матвейч.

— А я с Сережиными пионерами сдружился. Хорошие ребята! Ты, Матвейч, любишь поворчать, я тебя знаю, — добродушно сказал Николай Григорьевич. — А прибегут, ты и рад им!

— Ну конечно, дети... Без них и дедам скушно, — сознался Матвейч и, погладив свежестроганную антенну, добавил: — Мабуть, сделают.

ГРОЗНАЯ ВЕСТЬ

После обеда стали собираться. Решено было оставить Николая Григорьевича на пасеке, а самим, наведив на хуторе Оксану, отправить ее к отцу и, не мешкая, идти к лагерю.

— Собирайся, собирайся, дедуш! Нас ребята ждут! — торопил Сергей Николаевич.

Он уже начинал скучать без ребят; было непривычно тихо без шумных голосов, не хватало обычной радостной толкотни, расспросов, смеха и пытливых, живых глаз. Сергей Николаевич поминутно ловил себя на одной мысли: как жаль, что нет ребят! Вот бы им показать пасеку, рассказать о пчелах, видеть внимательные ребячьи лица...

— Идем, идем, дедуш! — нетерпеливо повторял он, поправляя за спиной рюкзак и наскоро прощаясь с отцом: — До свиданья, отец. Не скучай. Мы тебе сейчас Оксану пришлем. Заготавливайте тут побольше меда, а мы к вам всем отрядом после похода нагрянем!

Вышли по холодку. Узенькая тропинка вилась в густой пшенице. По бокам шелестели спелые, налитые колосья. Матвеич, поминутно оборачиваясь к Сергею Николаевичу, кричал:

— Вон где хутора начнутся! Отсюда до Оксаны километров шесть полев. А по правую руку за лесом — это МТС. Там заведующий дуже хороший человек! Правильный человек. По последней технике действует... А по левую руку — тут шоссе проходит. На шоссе мы и телегу найдем; подъедем малость к хуторам, а то наш старый заскучает один...

Жар спадал.

Сергею Николаевичу казалось, что они идут слишком медленно, он торопился выйти на шоссе.

— А что, далеко еще? — спросил он Матвеича.

— Зараз выйдем, — ответил тот, приподнимаясь на цыпочки и вглядываясь в густую желтизну колосьев. — А ну, Сережа, кто там есть? Чи то заяц скаче, чи дытына...

— Эй, эй, диду! Диду! — донесся откуда-то звонкий голос. — Подождите трохи!

— Эгей-гей! — мощно окликнул Матвеич.

Из пшеницы наперерез ему выскочила девчонка. Красная косынка сбилась у нее на шею, мокрые щеки блестели.

— Диду, я ж за вами от самой пасеки бигла! Вертайтесь скорийше до дому! Председатель вас требует! — быстро затараторила она, исподтишка оглядывая приезжего серьезными голубыми глазами. — Вертайтесь до дому, диду! Председатель вас требует...

Матвеич пожал плечами и подмигнул Сергею Николаевичу:

— Видал? Требует, и все. А чего?

Девочка удивленно и строго взглянула на него.

— Собрание в колхозе идет, вот чего! — сказала она, присела на землю, вытащила из пятки занозу и неожиданно добавила: — Война, вот чего! Хиба не знали? — Она искоса взглянула на взрослых.

Сергей Николаевич, пораженный неожиданным известием, молчал.

Матвеич оглянулся:

— Чего? — И, багровея, закричал, наступая на девчонку: — Где война? Яка война, я тебя спрашиваю?! — Он снова оглянулся, как будто война должна быть где-то рядом, а он ее не видел.

— Ну, война! С Гитлером! По радио сказали! — сердито заговорила девочка. — И чего

это вы кричите, диду! Идите лучше до председателя, а я на хутора побегу.

Она вскочила и прыгнула на тропинку.

— Эй, слухай! Слухай! — кричал ей вслед Матвеич. — Стой, кажу, бисова душа!

— Нема колы! — звонко донеслось из пшеницы.

Старик посмотрел в небо, широко развел руками. По багровым щекам его катились крупные капли пота, глубокий шрам побелел, брови сдвинулись.

— Значит, порешили они на нашу землю идти, — тихо, с угрозой сказал он. — Добре. Добренько... Хай идуть... — Он застегнул доверху пуговицы на своей гимнастерке. — Добре! Встринемось!

Сергей Николаевич мгновенно представил себе пионерский лагерь в лесу, Митю...

Нагнувшись к своему рюкзаку, он поспешно вынимал из него свертки, предназначенные для Оксаны. Потом вытащил горн, протер его носовым платком, снова засунул в рюкзак и выпрямился. Лицо у него было серое — сухие губы, щеки и лоб как будто покрылись дорожной пылью. Но глаза были светлые, спокойные, решительные.

— Мне, дедуш, машину надо. Я должен ребят вывезти. Отца тебе оставляю... Возвращайся домой.

— Ах они бандюги! Каты!... — кричал, потрясая кулаками, Матвеич.

— Диду, слышишь? Машину надо! Ребята в лесу остались. Говори, где машину взять. Матвеич пришел в себя.

— Машину? Стой! Стой!... — Он потер лоб соображая. — Иди зараз на МТС. Тут прямиком километров пятнадцать будет. Там и машины есть и телефон. В случае чего, можно секретарю райкома позвонить. Вот, гляди. Прямехонько в овраг, а там через сосенки...

— Есть! Найду!

— А я... — Матвеич махнул рукой и отвернулся. — От же ж яка катавасия получается.

Сергей Николаевич подошел к нему:

— До свиданья, диду! Увидишь Оксану, скажи — я ее помню. И отца береги!... Увидимся...

Матвеич обеими руками стиснул его плечи:

— Ты того... за нас ни-ни... Я старика в обиду не дам...

Сергей Николаевич вскинул на плечи рюкзак и, не оглядываясь, зашагал по дороге. Он шел быстро, прямиком, спускался в овраги, пересекал поля с гречихой, блуждал в молодом лесу, поминутно теряя узенькую тропинку. Сначала лучи солнца золотили тонкие стволы молодых сосенок и ложились светлыми полосами между их ровными рядами, потом вечерние тени легли на траву. Солнце незаметно ушло, а тропинка вела все дальше и дальше, лес становился гуще.

Сергею Николаевичу представилось, как в таком же лесу, в пионерском лагере, сбившись в кучу, ребята одолевают Митю вопросами и ждут условного горна...

Становилось все темнее, изредка вскрикивали птицы. Запахло шиповником, влажной травой...

Внезапно мягкий свет месяца осветил кирпичные здания, крепкий забор и запертые ворота.

Сняв с головы шляпу, Сергей Николаевич подошел к воротам и крепко постучал. И почти одновременно со стуком перед ним выросли две фигуры дюжих хлопцев:

— Кто такой?...

ДИРЕКТОР МТС

Директор МТС Мирон Дмитриевич, сидя за столом, смотрел на Сергея Николаевича острыми, насмешливыми глазами и, поглаживая бритый подбородок, спокойно говорил:

— Машины пошли своим плановым порядком. Как вернутся назад, то можно будет дать.

— А когда они вернутся назад? — сдерживаясь, спросил Сергей Николаевич. Его раздражал этот человек, которому он уже успел рассказать, что у него в лесу остались ребята, что они ждут, что их необходимо скорее вывезти и посадить в поезд на Москву. — Когда же они вернутся?

Мирон Дмитриевич развел руками и указал на занавешенные окна:

— Видите, что делается... Может, завтра к вечеру...

Сергей Николаевич возмутился:

— Товарищ, я удивляюсь вашему спокойствию! Я повторяю — у меня дети! Мне необходимо их вывезти. Есть в вашем распоряжении еще хоть одна машина?

Мирон Дмитриевич отогнул большой палец и прищурил светлые глаза:

— Есть машина. На нее особое распоряжение — со двора никуда!

Сергей Николаевич снял телефонную трубку:

— Район! Район!... Дайте райком партии!

Директор покачал головой:

— Навряд ли они сейчас дадут.

Дозвониться было нелегко. Сергей Николаевич бросал трубку, ходил большими шагами по кабинету и снова звонил.

— Секретаря нет. На совещании... Не уполномочен... Ждите... — отвечали из райкома.

Мирона Дмитриевича вызывали по разным делам. За окном слышался его густой бас.

— Все тракторы в поле. Живо, хлопцы, живо! Давай, давай, ремонтируй! Чтоб через час там был! — кричал он на кого-то. — Сказано: убрать хлеб — и все тут!

Возвращаясь в комнату, он прислушивался к разговору по телефону.

— Где на совещании? — кричал учитель. — Когда приедет? — Лоб у него был мокрый, лицо усталое, под глазами легли темные круги.

Мирон Дмитриевич взял у него из рук трубку:

— Говорит директор МТС... Да, я знаю, что на совещании. Дайте телефон. Ну?... Давай, кажу, телефон... того совещания! — заорал он, прижимая ко рту трубку. — Без ниякого разговору! Срочно! — Он кивнул головой Сергею Николаевичу: — Записывайте!...

Сергей Николаевич записал телефон и взял трубку. Мирон Дмитриевич снова вышел во двор. Когда он вернулся, учитель стоял у окна, заложив в карманы руки. Губы у него были крепко сжаты.

— Ну что? Дозвонились? — спросил директор.

— Дозвонился к секретарю... Утром пришлет свою легковую, — отрывисто, не глядя на него, сказал Сергей Николаевич.

Директор тронул его за плечо:

— Вы что ж, москвич? Учитель?

— Москвич. Учитель, — стараясь сохранять спокойствие ответил Сергей Николаевич.

— Партийный человек? — тем же тоном спросил Мирон Дмитриевич.

Сергей Николаевич молча вынул из кармана партбилет.

"Не доверяет", — мелькнуло у него в голове.

Но директор осторожно отвел его протянутую руку:

— Не треба. Я насчет паники...

— Какой паники?

— А той самой паники, какой в наше время не должно быть... — подняв свой большой палец, начал директор.

Сергей Николаевич вспыхнул:

— Да вы что, товарищ! Понимаете или нет? Я учитель. У меня в лесу дети...

Мирон Дмитриевич стукнул ладонью по столу:

— "Дети, дети"! У нас у всех дети. У меня у самого дети. И нечего горячку пороть. Сейчас война! Вероломное нападение — понятно тебе, товарищ? Все машины заняты — подвозят бойцов, доставляют горячее, убирают хлеба... А ты — "дети, дети"! "Я учитель"! — передразнил он Сергея Николаевича. — Да як ты учитель, так должен понимать, что все своим порядком делается. А ты сам весь побелел, распушился. Ты учитель, а я — батко. И у меня полна хата детей. А нужно сдерживаться, бо время военное. Вот утречком поедешь и заберешь своих детей, да и все!

Сергей Николаевич с удивлением смотрел на этого человека, строго и решительно читающего ему наставление, как вести себя. До сих пор никто не мог упрекнуть его в отсутствии выдержки. Он воспитывал в себе эту черту характера годами, терпеливо и неуклонно, простым и верным способом — не давая себе воли в проявлении гнева, раздражения по отношению к окружающим его людям. Он вызывал к себе уважение среди своих товарищей именно этой удивительной выдержкой, и вдруг чужой, почти незнакомый человек делает ему такое замечание... Сергей Николаевич чувствовал, что кровь приливает к его щекам. Но Мирон Дмитриевич ласково усмехнулся и похлопал его по плечу:

— Ну добре, хлопче! Так — не так, а к утру машина будет. Пойдем сейчас до моей хаты. Там я распорядился, чтоб нам жинка повечерять приготовила, бо такая перепалка, що некогда и поесть. Пошли! Берите свое имущество! Где оно есть?

Он ухватил рюкзак и потащил за собой ошеломленного Сергея Николаевича через двор к маленькой белой хате с железной крышей. Во дворе было темно, где-то нетерпеливо мычала корова, из ворот выезжал трактор.

— Ну як? Починился? Живо давай! Чтоб у меня к завтраму зерно в мешках было! — крикнул в темноту Мирон Дмитриевич, толкая дверь хаты и пропуская вперед учителя.

Хата была маленькая, уютная. Посередине стоял добела выскобленный стол, по бокам — табуретки. У стены на широкой никелированной кровати спали ребята. С двух сторон сползали с подушек кудрявые темные головы и торчали из-под одеяла маленькие босые ноги.

— Мала куча! — добродушно усмехнулся Мирон Дмитриевич, указывая на них учителю. — Ну, садитесь, будьте гостем! Он придвинул к столу табуретку и заглянул в сени:

— Ульяна!

Ульяна не откликнулась. За нее ответил с кровати детский голос:

— Мама во дворе корову доит.

— Давно пошла? — спросил Мирон Дмитриевич.

— Давно. Зараз придет, — сонно отозвалась девочка.

Она, видимо, привыкла к чужим людям и, не обращая внимания на Сергея Николаевича, отвернулась к стене и уткнулась лицом в подушку.

Мирон Дмитриевич стал собирать на стол. Вытащил из стенного шкафа тарелку с селедкой, очистил луковицу, порезал ее большими кружками, достал хлеб.

В хату, гремя подойником, вошла маленькая, кругленькая молодлица в темном платке; оба конца, стянутые под розовым подбородком, были завязаны наверху тугим узелком. Она мельком взглянула на гостя и тихо сказала:

— Здравствуйте.

Потом поставила на лавку ведро с молоком и, обтирая о передник руки, вдруг быстро и сердито напала на мужа:

— А то что ж за порядки, Мирон, а? Скотина до ночи не пригнана, где-то того пастуха к черту заслали! Корова кричит, с фонарем выйти до сарая не можно. Тычешься во все углы, як та слепа курка! Это что за дело, я тебя спрашиваю, Мирон?

— А такое дело, що война, — обтирая рукавом губы и обсасывая селедочную голову, спокойно сказал Мирон Дмитриевич. — Война! Не привыкла, чи що?

— О! Бачишь! "Не привыкла"! Так я ж баба, а ты мужик. А такого крику наробив: "Затемняйтесь, та щоб я ниде свиту не бачив!" Таку панику на всих нагнав...

— Ульяна! — строго прикрикнул Мирон Дмитриевич, заметив улыбающийся взгляд учителя. — Это не твоего ума дело, понятно? Я директор МТС. Я за все отвечаю! — Он налил молока и махнул рукой: — Одним словом, прекрати разговор! Або перемени свой разговор... — добродушно закончил он, подмигнув учителю.

Сергей Николаевич, улыбаясь, взял стакан:

— Видно, нам всем нужно побольше выдержки и терпения.

Ульяна под села к столу и, лукаво блеснув глазами, спросила:

— Ну, а кто ж его бачив, того немца, Мирон? Хоть одного?

Мирон Дмитриевич вытащил круглые часы, поспешно встал, пошарил рукой за шкафом, включил радио:

— Зараз Москву послушаем, товарищ учитель!

Сергей Николаевич с волнением слушал сводку, передаваемую по радио из Москвы. Кровь закипала гневом, бурно билось сердце. Он чувствовал, что где-то близко отсюда в жестоких боях уже бьются с врагами молодые, сильные, самоотверженные сыновья Родины. И ему казалось невозможным больше сидеть в этой хатке и ждать... "Приеду — пойду в райком партии... сейчас же..."

* * *

Поздно ночью хозяева внесли раскладушку и уложили гостя.

— Спите, товарищ, я разбужу, как машина придет, — уговаривал его Мирон Дмитриевич.

Сергей Николаевич лег, но уснуть было невозможно. Перед его глазами стоял лес, около раскинутых палаток теснились ребята. Он видел их встревоженные лица и, сжимая руками виски, думал: "Не могу ждать... Уйду. Лучше пешком, как-нибудь... Скажу, чтоб машина шла вслед за мной..."

Он решительно вытаскивал из-под головы свой рюкзак, потом снова клал его на место: "А что, если шофер, узнав, что я ушел, погонит машину обратно? Или в темноте я потеряю дорогу и машина пройдет мимо? И сколько я буду идти? Нет, надо ждать... Надо ждать..."

Ходики тихонько покачивали гирями. Время тянулось медленно.

Сергей Николаевич не знал, на что решиться. Казалось, что бы ни ожидало его впереди, ничто уже не будет страшней этой ночи бездействия и ожидания...

Мирон Дмитриевич часто выходил на крыльцо, потом осторожно, стараясь не стучать тяжелыми сапогами, возвращался в комнату, присаживался к столу, крутил козью ножку и что-то записывал в потертой записной книжке. Слышно было, как во двор въезжали тракторы, где-то приглушенно гудели машины. Откуда-то издали слышались глухие удары...

Мирон Дмитриевич хмурился и глядел на жену. Стучал по столу пальцем, видимо обдумывая что-то про себя.

— Ты вот что, Ульяна... Бери завтра детей и эвакуируйся в Макаровку...

— А, видчипысь! — с досадой отвечала Ульяна, заботливо укрывая ребят. — Куда я с ними эвакуируюсь? До Макаровки не близко. Як я поеду?

— Ну, особого транспорта у меня для тебя нету. А Сивка завтра запрягу, да и поедешь!

— Никуда я не поеду от своей хаты. Видчипысь!

Очевидно, спор этот шел с утра, и Ульяна сердилась на мужа.

Сергей Николаевич думал о своем... Конечно, Митя постарается успокоить ребят и будет ждать его, учителя. А если Митя двинется по направлению к селу? А он, Сергей Николаевич, будет искать их в лесу и потеряет время?...

Над хаткой с тихим воем пролетели самолеты. Сергей Николаевич прислушался. Внезапно сильный удар потряс землю. Хатка дрогнула. Сергею Николаевичу показалось, что над его головой сорвалась крыша и с грохотом покатилась по двору. Ульяна схватилась за голову и бросилась к детям.

— Ой, боже мий! — с ужасом простонала она, прикрывая руками их головы.

Младший проснулся и заплакал. Мирон Дмитриевич взял его на руки и, стоя посреди хаты, грозно сказал:

— Завтра же чтоб тебя здесь не было! Эвакуируйся!

Ульяна заплакала, прижимая к губам платок. Мирон Дмитриевич покачал на руках ребенка, коснулся сухими губами мягких волос на его лбу, подсел к жене.

— Ульяна, я человек партийный... Я должен свою жизнь по-военному располагать. Я на партию смотрю и партию слушаю. Мне может любой приказ выйти, — объяснял он жене, заглядывая ей в глаза, и тихо прибавил: — Чуешь, голубка моя?

Ульяна плакала...

Под утро гудение самолетов затихло. Только где-то вдалеке слышался мелкий дробный стук — казалось, что в лесу на каждом дереве сидит дятел и долбит носом кору. Сергей Николаевич, готовый к отъезду, стараясь не будить прикорнувших хозяев, вышел на крыльцо.

Солнце еще не вставало. Было свежо. На траве лежала холодная роса. Около сарая два хлопча выбрасывали лопатами землю из глубокой ямы. Еще один хлопец, почти подросток, в длинном тулупе, прохаживался у ворот.

— Что, не было машины? — спросил Сергей Николаевич.

— Легковой?

— Да.

— Из района?

— Да.

Хлопец не спеша вытер платком нос:

— Не було.

В сарае сонно закричал петух. Всполошились на насестах куры. Светало...

"Что делать? Вдруг не придет?" — мелькнуло в голове у Сергея Николаевича. Он с горькой досадой подумал о потерянном времени. Нужно было расспросить дорогу и еще вчера вечером пуститься в путь. Хлопец как будто угадал его мысли. Он высвободил из мохнатого воротника натертый докрасна подбородок, прищурил светлые глаза и пошевелил

губами.

— А до якого вам места?

— До поворота, где река под горой, знаешь?

— Чего ж не знаю! Километров двадцать по шоссе. Пешком далеко...

Сергей Николаевич вошел в хату. Было еще слишком рано, чтобы снова звонить в райком. Он приподнял темную занавеску и стал смотреть во двор. Бездействие доводило его до отчаяния. В углу мирно тикали ходики. Стрелки медленно ползли к четверем часам. Хозяева спали.

Сергей Николаевич взял свой рюкзак и в нерешительности пошел к дверям.

Но Мирон Дмитриевич вдруг поднял с подушки нечесаную голову, провел ладонью по заспанному лицу и прислушался:

— А ну, подождите!

С дороги донесся тихий шелест и негромкий гудок.

— Эге! За вами!

Сергей Николаевич бросился к воротам.

Машина была легковая. Шофер, открыв дверь, окликнул:

— Кто тут будет товарищ учитель?

На ходу застегивая френч, выскочил Мирон Дмитриевич. Сергей Николаевич крепко пожал ему руку:

— Спасибо, Мирон Дмитриевич!

— Добрый ты хлопец, а горячий, — с улыбкой сказал ему директор.

Они обнялись.

Хлопцы окружили шофера:

— Ну, яки там новости?

Шофер был хмурый, невыспавшийся.

— Погано. Сильно напирает фашист, — хрипло сказал он.

Люди, встревоженные его сообщением, ближе придвинулись к машине.

Сергей Николаевич тронул шофера за плечо:

— Поехали, поехали, товарищ! К большому лесу. По шоссе.

Машина загудела, попятилась назад и, вырвавшись на лесную дорогу, помчалась, мягко подпрыгивая на ухабах.

Глава 16

СНОВА В ПОХОД

Мазин вытер губы и повторил:

— Война!

Ребята, тесно сдвинувшись вокруг, молча и тревожно смотрели то на него, то на Митю. Митя, ошеломленный неожиданным известием, старался сохранить спокойствие; он неестественно улыбнулся, пожал плечами.

Мазин, прерываемый взволнованным Петькой, начал рассказывать:

— Мы вышли на шоссе, а тут — скот гонят, люди идут...

— Неожиданное нападение! — перебивая его, кричал Петька.

Ребята забрасывали их вопросами:

— А что говорят? Где сражение? Зачем скот гонят?

Девочки прижимались друг к дружке, смотрели широко открытыми глазами на Митю:

— Что же это, Митя? Война? Настоящая война?

Митя поднял руку. Он чувствовал, что надо успокоить ребят, что-то сказать им, но про себя он уже спешно решал вопрос, что делать: ждать учителя или двигаться к нему навстречу?

— Ребята! Война, конечно, является неожиданностью не только для нас, но и для всей нашей страны — Митя остановился, посмотрел на серьезные лица ребят. — Но у нас, у советских людей, у коммунистов, комсомольцев и пионеров, есть такое отличительное свойство: перестраиваться на ходу. Мы не теряемся ни при каких обстоятельствах. А потому наше дело: спокойно, стойко, как подобает пионерам, принять это известие и срочно перестроиться на военный лад... Трубачев, ты остаешься командиром отряда!... — Митя посмотрел на мирную полянку, на дымящуюся на костре картошку. — Сей — час лагерь снимется с места и походным порядком выйдет на шоссе. Вареную картошку разделить — съедим на ходу. Консервы, мешки с мукой, лишнюю посуду и лишние тяжести сложить в яму и замаскировать. Уладится дело — заберем. Каждый идет налегке — понятно?

— Понятно! — серьезно ответили ребята.

Митя взглянул на часы:

— Полчаса на сборы.

На поляне закипела работа.

Снимали и связывали палатки, складывали в незаконченную землянку консервы, чугунки, удочки. Мазин и Русаков занимались маскировкой. Они искусно выложили дерном и забросали валежником яму. Синицына с Зориной раздавали горячую картошку. Кто-то из ребят потребовал соли. Синицына возмутилась:

— Какая соль еще? Война, а он "соли"!

Трубачев о чем-то советовался с Одинцовым. Через полчаса все было готово. Стоя посередине полянки с легкой ношей за спиной, ребята с сожалением поглядывали на изумрудную зелень, на затухший костер, на черные ямки в том месте, где так уютно стояли их палатки. Было странно, что они должны уходить отсюда потому, что на их землю пришел враг. Было непонятно и тревожно слово "война", знакомое ребятам только по книгам и рассказам.

— Нам не страшно... Нам только самую чуточку страшно, — сознавались шепотком

девочки.

Ребята были настроены воинственно. У них появились толстые палки с острыми концами. Два кухонных ножа бесследно исчезли под чьими-то куртками.

— Готово? — спросил Митя.

— Готово!

— "Если завтра война, если враг нападет..." — решительно запел Трубачев.

— "Если темная сила нагрянет..." — звонко подхватили голоса ребят.

Они шли, крепко ступая по земле, презирая колючки и крапиву, ломая на своем пути сухие ветки. Шли с песней, как идут бойцы.

Когда первый боевой пыл улегся, стали решать, как быть, если Сергей Николаевич запоздает. Посыпались и другие вопросы. Ребята забеспокоились о родителях — что они думают? Мама уже, верно, плачет. Надо послать телеграмму, успокоить их. И вообще, что будет дальше? И как это так все неожиданно случилось?

Над головой сквозь темную зелень розовело небо, трава была еще мокрая, но в воздухе уже не чувствовалось ночной свежести.

— А вдруг мы этих самых фашистов встретим? — тревожно оглядываясь, спросила Надя Глушкова.

— Встретим — так будем драться! — крикнул Трубачев, с силой сбивая палкой молодые кусты.

— Трубачев, отставить! — прикрикнул Митя. — Во-первых, мы их не встретим, во-вторых, таких вояк никому не нужно, а в-третьих, наша прямая обязанность — возможно скорей убраться восвояси, чтобы не затруднить собой взрослых.

— Как — восвояси? Сейчас же? Домой? — разочарованно протянули ребята.

— Да над нами все смеяться будут — скажут, что мы трусили.

— Тут война, а мы "восвояси"! — возмущался Одинцов.

— Ну, а куда же нам? Конечно, по домам надо, — рассудительно сказал Саша.

— Конечно. В школу надо... — задумчиво поддержал его Сева.

Трубачев был недоволен:

— Что мы, маленькие, что ли? В гражданскую войну и не такие, как мы, воевали!

— Я никуда не поеду! — решительно заявил Мазин.

— Я тоже! — крикнул Русаков.

Митя рассердился:

— Кто это смеет рассуждать, поедет он или не поедет! Как старшие решат, так и будет. (А старшие — то есть он, Митя, и Сергей Николаевич, — без всякого сомнения, посадят всех в вагон и вывезут. А потом Сергей Николаевич пойдет на фронт, а может быть, и он, Митя.) И прекратить лишние разговоры! Давайте лучше слушать, не горнит ли Сергей Николаевич.

Но горна не было слышно. Митя с каждым шагом испытывал все большее беспокойство. Что, если Сергей Николаевич не встретит их и потом будет искать в лесу? Поляна еще хранит следы пребывания лагеря. Учитель, наткнувшись на нее, вероятно, поймет, что Митя увел ребят в село. Но что будет, если, не услышав ответа на горн, учитель двинется в глубь леса и, разыскивая отряд, напрасно потеряет время? Надо было бы как-нибудь дать знать, куда снялся лагерь...

Митя подозвал Трубачева.

— Мы с тобой, брат, маху дали, — тихо сказал он.

— А что? — встрепнулся Трубачев.

— Да надо было Сергею Николаевичу какой-нибудь знак на поляне оставить, что мы ушли в село.

— Знак? Я оставил! Мы с Одинцовым письмо в клеенку завернули и над костром к железке привязали, — сообщил Васек.

Митя просветлел:

— Ну, тогда все в порядке! Если и разойдемся, то он нас догонит.

Шли долго. Дорога казалась очень длинной и незнакомой. Несколько раз останавливались, прислушивались и хором кричали:

— Сергей Николаевич! Ау!

Но в лесу не было слышно ни одного человеческого голоса. Мазин и Русаков то и дело забегали вперед — проверять свои дорожные знаки.

— До шоссе осталось два километра! — сообщили они.

Ребята заспешили.

До них доносились какие-то смешанные звуки: неясный равномерный шум, стук колес, гудки машин. Митя сквозь деревья увидел красноармейцев. Они шли и шли ровным, широким шагом. Кое-где двигались за ними орудия, ехали грузовики, торчали вверх черные стволы винтовок. Ребята замерли.

— Красная Армия пошла на врага! — торжественно сказала Валя Степанова.

— Бойцы! Бойцы!

Ребята врассыпную бросились к шоссе. Митя перепрыгнул через глубокий ров, отделявший его от дороги, и остановился, с волнением вглядываясь в суровые лица шагавших бойцов. Увидев пионеров, некоторые из них поворачивали серые от пыли лица и улыбались. Ребята радостно ловили эти улыбки.

Сева Малютин, подняв вверх худенькую руку, махал и махал ею в воздухе. Петька схватил Мазина за плечо.

— Пойдем за ними! — возбужденно зашептал он.

Мазин нагнул голову, раздумывая:

— Сейчас нельзя, не по-товарищески.

Трубачев, Булгаков и Одинцов стояли на пригорке, освещенные лучами солнца. В немом восхищении они отдавали салют идущим в бой красноармейцам... И вдруг за сплошной движущейся массой, откуда-то с другой стороны шоссе, раздался призывный звук горна.

— Сергей Николаевич!!!

Митя схватил за плечо Белкина:

— Давай! Давай!

Тра-та-та-та! — изо всех сил забарабанил Белкин.

ПЕРВАЯ РАЗЛУКА

Учитель с горном в руках стоял по ту сторону шоссе. Он видел взволнованные лица ребят, видел Митю. Тягостное беспокойство, которое он испытывал в последние часы, сменилось в нем горячей нежностью. Он махал ребятам шляпой, время от времени подносил к губам горн и, раздувая щеки, горнил еще и еще, извещая их о том, что он здесь.

А бойцы шли и шли, новыми рядами выступая из-за поворота, не давая возможности Сергею Николаевичу соединиться с Митей. Шофер давал гудки, мальчишки буйно волновались. Митя с трудом удерживал их.

Машина медленно двинулась по боковой дороге, по направлению к селу. Горн стал удаляться и звать за собой. Митя поспешно направился в ту же сторону. Теперь бойцы шли им навстречу, а Сергей Николаевич и ребята двигались по обеим сторонам шоссе.

За поворотом ребята бросились к учителю. Шофер остановил машину и, улыбаясь, смотрел, как, отталкивая друг друга, ребята обнимают учителя, тянутся к нему со всех сторон, наперебой рассказывают, как они узнали про войну, как боялись разминуться с ним на шоссе, как шли и как хорошо было бы в лагере, если б не война...

Митя стоял в стороне, но, встречаясь с ним глазами, учитель кивал ему головой. И, когда наконец они протолкались друг к другу, Сергей Николаевич неожиданно крепко поцеловал Митю и, сжав его плечи, спросил:

— Ну как?

Веснушчатое лицо Мити зарделось, он смущенно улыбнулся:

— Да ничего!

И оба они понимали, что под этим "ничего" скрыта большая, только что пережитая тревога, а теперь им легче, потому что они вместе.

Отойдя в сторону от ребят, Сергей Николаевич крепко сжал руку Мите и серьезно сказал:

— Ну, теперь все в порядке. Сейчас вы поедете с ребятами прямо на станцию. Машину набьем до отказа. Кто не сядет, пойдет со мной пешком...

— Они пойдут со мной! — перебил его Митя.

— Подождите. По приезде на станцию вы сейчас же отправите нам машину навстречу и договоритесь с начальником станции о вагоне.

— Сергей Николаевич, по-моему, вы это лучше сделаете! Время такое... я могу не договориться... Кроме того, большая часть ребят сейчас уедет; значит, останутся только шесть-семь человек. А вдруг поезд как раз подойдет и я не буду знать, что делать? — решительно запротестовал Митя.

— Поезжайте, поезжайте! — уговаривал его учитель. — Если поезд как раз на станции, вывозите первую партию, а за нами посылайте машину.

Митя спорил. Учитель сердился, доказывал, потом махнул рукой и громко сказал:

— Хорошо! Значит, я возьму столько, сколько смогу, а вы будете ждать в селе возвращения машины.

Ребята одолевали шофера:

— Вы за нами приехали? А почему на легковой? Лучше бы на грузовике...

— А откуда вы приехали — там есть уже война?

Подожли Сергей Николаевич и Митя. Учитель открыл дверцы машины:

— Ну, ребята, сейчас мы вас тут, как грибов в кузов, наберем! Садитесь так, чтобы как можно больше взять. Первая партия поедет со мною. Другая пойдет с Митей пешком до села и будет ждать, пока за ней вернется машина. Кто устал, кому трудно идти, поедет со мной. А ну-ка, девочки! Девочки! Ну, что же?

Ребята застеснялись. Несколько девочек сели в машину. Митя постучал им в окно:

— Поплотней, поплотней садитесь! На колени друг к дружке. Садитесь, садитесь! Глушкова! Белкин! Где Малютин?

Трубачев подошел к Севе:

— Ты с Сергеем Николаевичем?

— Нет, я с Митей, пешком. Пусть другие... — Сева спрятался за спиной Мити.

— Сеницына Нюра! — кричал Сергей Николаевич, несмотря на то что дверцы машины уже не закрывались. — Сеницына!... Митя, давайте и ее как-нибудь посадим, — вытирая платком разгоряченное лицо, говорил учитель. — Ведь я могу уехать. Если попадем на поезд, мы вас ждать не будем... Сеницына!... — Сергей Николаевич понизил голос: — Пожалуй, вам будет трудно с ней. Давайте-ка ее в кабинку... Товарищ шофер, еще одну там устроить нельзя?

— Да куда уже, товарищ... Одну девочку я посадил, а еще и вам где-то надо сесть.

— Ничего, Нюра пойдет со мной. Она ведет себя хорошо, — успокоил Сергея Николаевича Митя. — Поезжайте! А мы, как только придет машина, вслед за вами. Еще, может, на станции застанем вас.

— Давайте рассчитаем. В село вы придете к вечеру. Если машина вернется раньше, она вас будет ждать. Во всяком случае, не медлите. Если кого-нибудь удастся посадить на случайную машину, вслед за нами, — сажайте. Я на станции предупрежу... — Учитель с трудом влез в кабину. — Скажите там, чтобы не наваливались на дверцу, а то вылетят! — кричал он оглядываясь.

— Ребята, держите дверцу, не наваливайтесь!

— Ничего, ничего! Мы друг за дружку держимся! — кричали ребята.

Учитель быстро сосчитал остающихся:

— Трубачев, Одинцов, Булгаков, Мазин, Русаков, Степанова, Зорина, Сеницына, Малютин... Малютин, ты почему не сел?

— Я ничего... Я с Трубачевым хочу! Я не устал, Сергей Николаевич!

— Ну, смотри! — Учитель махнул рукой и подзвал к себе Митю: — До свиданья, Митя! Помните — не задерживайтесь. Ну, в вагоне обо всем поговорим... Из пионерского имущества берите только самое необходимое — вряд ли мы можем рассчитывать на свободный поезд... Ну, друзья... — обратился он к кучке стоящих на дороге ребят. — Трубачев! Шагайте к селу! Слушайтесь Митю! На станции увидимся! — Он соединил в своих ладонях протянутые к нему руки: — Будьте молодцами! Не раскисайте в пути!

Машина двинулась. Внутри нее, как в тесном гнезде, плотно прижавшись друг к дружке, сидели ребята; из окошечка высовывались руки, махали в воздухе:

— До свиданья! До свиданья! Догоняйте нас!

Машина загудела и, набирая скорость, помчалась по шоссе.

Митя собрал ребят:

— Ну, пошли!

Маленький отряд бодро зашагал по дороге. Солнце постепенно нагревало камни на шоссе.

Ребята сняли тапки и шли по краю леса, по узенькой утоптанной тропинке. Мимо проехала нагруженная всякой утварью телега. На ней сидела женщина, повязанная темным

платком; на коленях у нее спал ребенок; сзади сидело еще трое, держась за узлы. Девочка лет десяти правила лошадью. Женщина то и дело утирала концом платка набегавшую слезу.

— Ульяна! — окликнула ее старая бабка, выходя из лесу с мешком свежей травы. — Куда это?

Ульяна тронула девочку за плечо. Лошадь остановилась.

— В Макаровку. Мирон отправляет... говорит: "Эвакуируйся от меня, пока война", — уныло сказала она, поправляя на голове платок и моргая глазами. — Вот... еду...

Старуха кивнула головой на ребят:

— А як же? Треба мужа слухаты, голубка моя, бо ты не одна, у тебя дети... Ось из-под Лукинок детский дом с малыми детьми тоже эвакуируется. Целую машину их погрузили... И заведущая и воспитателька с ними. — Старуха вытерла двумя пальцами рот и зашептала: — Кажуть люди — вороги страшной силой идут. Бьются наши крепко, а они опять напирают.

Ульяна сердито блеснула глазами:

— Побоялась я их! Як бы не Мирон, сроду не поехала бы никуда от своей хаты!

Девочка, услышав про воров, хлестнула лошадь. Ребята с Митей остались позади. Какие-то люди догоняли их на шоссе, другие шли им навстречу. Все говорили о войне. Никто точно не знал, где немцы: близко или далеко. Митя уже слышал от Сергея Николаевича, что пограничная охрана, не ожидавшая вероломного нападения, была смята и фашисты продвинулись на несколько километров. Митя с нетерпением ждал минуты, когда он сам, своими ушами, услышит по радио сводку или, усадив в вагон ребят, обстоятельно расспросит обо всем Сергея Николаевича.

После полудня, когда ребята присели отдохнуть и закусить, в небе снова стало беспокойно. Показались самолеты. Один из бомбардировщиков пролетел так низко над лесом, что казалось, крылья его вот-вот заденут за верхушки деревьев. Митя поднял ребят. Прибавили шаг.

Под вечер стало легче идти. Воздух посвежел, пыль улеглась. Солнце широкими полосами ложилось на поля. Колхозники убрали хлеб.

Навстречу вдруг выехал грузовик. Он был доверху заложен ящиками и покрыт брезентом. Два красноармейца охраняли его, сидя наверху. С ним поравнялся другой грузовик. Он обогнал Митю с ребятами. В нем ехали две женщины с детьми. На дне машины, усталой матрацами и одеялами, тесно сидели малыши в белых фартучках. Обе машины остановились. Красноармеец подошел к шоферу прикурить. Женщина, ехавшая с детьми, неумело слезла с грузовика.

— Товарищи! Вы от Жуковки едете? Как там — не забито шоссе машинами, проедем мы?

— Ничего, проедете гражданка! — заглядывая в машину с детьми и подмигивая какому-то малышу, ответил красноармеец. — Ишь, стронули вас проклятые гитлеровцы с гнезда! — сочувственно добавил он.

— Что делать! Война. Нам лишь бы до станции добраться, а там в вагоне с людьми веселее как-то. Мы на Киев...

Митя прислушался.

— А ну, подождите, ребята! — Он быстрыми шагами направился к женщине.

Девочки окружили грузовик и, подпрыгивая, заглядывали в машину:

— Нянечка, это дошкольники?

— Валя! Лида! Смотрите, какой медвежонок в белом фартучке!

Девочки протягивали руки. Малыши, что-то лепеча на своем языке, кучкой лезли к краю машины.

— Тетя Катя, девочки к нам пришли! — серьезно сказал беленький мальчик с большими

кариими глазами.

Тетя Катя кивнула ему головой и, заметив подходявшего к ней Митю, пошла ему навстречу. У нее было доброе лицо и ясные, спокойные глаза. Она выслушала Митю и сразу заговорила с ним так, как говорят с близким знакомым:

— Послушайте! Если ваш учитель поехал с ребятами на станцию, то возможно, что мы попадем с ним на один поезд. Я могу взять с собой девочек и там передать их Сергею Николаевичу, а вы с ребятами поедете следующим поездом — вероятно, уже утром. Я бы с удовольствием взяла всех, но у меня, как видите, полным-полна коробушка, — с улыбкой закончила тетя Катя.

— Ну что вы! И за девочек спасибо... Только вот что... — Митя сморщил лоб, забеспокоился. — Видите ли, я должен быть уверен, что в случае чего... ну, скажем, поезд подали раньше и наш Сергей Николаевич уехал...

Тетя Катя ласково погладила Митю по плечу:

— Я понимаю... Не брошу, не брошу! Довезу до Киева, сдам в детскую комнату, найду вашего учителя и вообще сделаю все, что нужно. Не беспокойтесь, дорогой! И решайтесь скорее, а то нам нужно ехать. Ну, спросите своих девочек!

Заведующая пошла к машине. Красноармейцы, перекурив с шофером, осторожно объезжали грузовик с детьми. Митя позвал девочек:

— Ну, девочки, поехали! Вот Екатерина Михайловна обещает нас доставить на станцию. Мы обо всем договорились. Садитесь, живо!

Девочки не спорили: они были рады ехать с малышами, догнать Сергея Николаевича с ребятами.

Митя посадил Валю Степанову, Лиду Зорину и Нюру Сеницыну. Нюра, влезая в машину, зацепилась за крюк своей корзиночкой и чуть не расплакалась:

— Митя! Тут нитки у меня... Ой, ножнички, ножнички упали!

Ребята подобрали нитки и ножницы. Екатерина Михайловна потесней усадила своих малышей и освободила уголок:

— Ну, так. Семейство мое прибавилось... До свиданья, товарищ Митя! Не беспокойтесь за ваших девочек!

Машина тронулась.

— До свиданья, девочки! Мы следом за вами! — шагая рядом с машиной, говорил Митя. — А если Сергей Николаевич уже уехал, вы от Екатерины Михайловны ни на шаг! Я вас сам разыщу, понятно? Мы встретимся в Киеве!

— Ладно, ладно, Митя! Не беспокойся! Мы с Екатериной Михайловной будем!... Ребята, до свиданья!

Мальчики побежали за машиной:

— Лида Зорина! До свиданья! Сеницына, Валя!

Девочки долго и неумолимо махали им платками. Когда грузовик скрылся из глаз, Митя вытер рукавом лоб и облегченно вздохнул:

— Ну, все в порядке! Остались одни мужчины. Народ мужественный и твердый.

* * *

В село пришли поздно вечером. В небе снова зловеще гудели самолеты, глухие удары

слышались то впереди, то где-то далеко позади.

На шоссе догнал Генка. Гнедой его был в грязи и в мыле.

— Весь лес объездил. Дядя Степан велел найти вас. Ну я, конечно, на лагерь наехал. Письмо прочитал, да и назад!

Ребята обрадовались Генке. По очереди ехали на Гнедом. Впечатления дня и длинный путь утомили всех. Ноги болели...

Подходя к селу, мальчики из всех сил старались казаться бодрыми, пели боевые военные песни, выпрямляли усталые плечи; но едва вошли в теплую хату Степана Ильича, как один за другим повалились на лавку. Баба Ивга с ласковыми причитаниями кормила их варениками. Глаза у ребят закрывались, и, пока Татьяна стелила им на полу, они уже крепко спали, привалившись друг к другу. Митя не ложился долго. Он ждал машину, которая, по его расчетам, должна была скоро вернуться со станции.

Стоя на крыльце, Митя думал о развернувшихся событиях, как о каком-то страшном и неправдоподобном сне, и даже услышанная им по радио сводка не утвердила в нем мысли, что война действительно есть, что, может быть, где-то за пятьдесят — шестьдесят километров уже второй день идут кровопролитные бои... Митя ждал Степана Ильича. Он чувствовал острую необходимость поговорить со взрослым партийным человеком. Быстрое продвижение немецких частей казалось ему тяжелым недоразумением, а то, что враг осмеливался бомбить наши города, было совершенно невероятно...

Степана Ильича не было. Баба Ивга объяснила, что сейчас все село на уборке хлеба. Уложив ребят, ушла и Татьяна.

Митя сходил в школу, вместе с дедом Михайлом собрал пионерское имущество, туго набил рюкзаки. Назад он шел шатаясь, отяжелевшие ноги не слушались его.

Над пустым селом гулял месяц — небо вдруг очистилось. Наступило затишье. На поле мирно гудели тракторы; освещенные месяцем тополя как будто охраняли село... Дорога уходила далеко-далеко, ровная, белая, спокойная...

У Степановой хаты Митя остановился, поглядел на часы: было двенадцать часов ночи. Машина могла бы уже вернуться... Митя вспомнил, что около деревни Жуковки, не доезжая станции, плохая дорога — песок и глина.

Степана Ильича все еще не было. На полу крепко спали ребята. На кровати сладко сопел Жорка. Митя лег около Трубачева; он представил себе Сергея Николаевича, отъезжающую машину с ребятами, девочек... Потом в его усталой голове все смешалось задернулось туманом... И Митя заснул.

Он не слышал и не видел, как над селом зловеще проплыли бомбардировщики, как где-то около Жуковки вздыбилась дорога от первых сброшенных бомб, как на железнодорожной станции тяжело ухнула земля и белый каменный вокзал, разламываясь надвое, засыпал кирпичом и известкой железнодорожные пути...

Митю разбудил шум, доносившийся со двора: слышались плачущие голоса женщин, гневные выкрики, проклятья. Среди них выделялся старческий, дребезжащий голос; его прерывал спокойный густой бас Степана Ильича. Митя провел ладонью по своей колючей бритой голове и сел... В раскрытые двери и окна широким потоком вливалось солнце. Разогревшиеся во сне ребята закрывались от него руками, прятали головы в подушки, не в силах побороть крепкий утренний сон. Ни бабы Ивги, ни Татьяны не было в хате. Машины, видно, тоже еще не было.

Во дворе вдруг стало совсем тихо. Говорил один Степан Ильич:

— Одним словом, нашего колхозного хлеба фашистам не кушать! Вывезем все до единой крохи, а не вывезем — так найдем, как с ним поступить.

Митя вышел во двор. Около сельрады собрались колхозники. Они были возбуждены, взволнованы; бабы утирали передниками глаза. Лица у всех были утомленные — видно, никто не ложился спать в эту ночь. У забора стояла мокрая, вспотевшая лошадь. Ребятишки заботливо вытирали тряпками ее запавшие бока. Около хаты на завалинке, окруженный тесной кучкой колхозниц, сидел высокий бородатый дед в пыльной, прокопченной рубашке, в старом пиджаке. Он поминутно вскакивал и, размахивая руками, кричал срывающимся голосом, перебивая Степана Ильича:

— А як ты его вывезешь? Куда ты пассажиров распределишь? Я кажу — народ давайте! Треба станцію восстанавлювати. Красная Армия с Киева подходит — на чем будем подвозить? Ведь он же, проклятый, весь вокзал разворошил! Пути все чисто перебиты, каменюгой завалены! Ой, горе, люди! — Он покрутил головой и ударил себя кулаком в грудь: — Двадцать лет сторожил! Какую новую станцию поставили! Вагоны были як те огурки зеленые. И нема, ничего нема. А людей так уж не касайся — сколько их перебил да покалечил проклятый кат за эту ночь!...

— Ну, слухай, диду! Все, что потребуется, будет сделано. И пути починим и вагоны пригоним, — спокойно отвечал ему Степан Ильич. — Людей, конечно, убитых не вернешь... это не в нашей воле. Только враг наш кровью своей заплатит нам за каждого человека, а за детей наших и крови его не хватит — выключет ему воронье поганые очи за детей наших!

Бабы громко заплакали, закричали мужики, потом все стихло...

Не глядя на людей, Митя шел прямо к старику. Во рту у него пересохло, но спине пробежал колючий озноб. Женщины зашептались, раздвинулись. Баба Ивга всплеснула руками и, поправляя на голове черный очипок, поспешила навстречу Мите.

— Ах ты ж, боже мий! — Она остановила Митю, обняла его за плечи, радостно зашептала: — Поехали ваши, поехали! Успокойся, сынок, успокойся, голубчик, еще с вечера поехали! Как раз на поезд успели. И учитель и пионеры твои — все поехали... Дед Гаврила сам их в вагон сажал, он знает!

Дед Гаврила повернул головой и подвинулся, освобождая место около себя.

— А ты вожатый ихний? — с любопытством спросил он.

— Вожатый. — Голос у Мити был хриплый, чужой, деревянный. — Так уехали они, говорите?

Дед оживился:

— Раз в раз! На последний поезд успели! Еще шоферу своему приказывали за вами ехать...

Митя облегченно вздохнул:

— А где шофер?

Старик развел руками:

— Пропал, бедный... И машину его перекорежило, и ничего от человека не осталось... от бомбежки пропал...

Митя вспомнил молодое улыбающееся лицо, выглядывающее из кабинки; сердце у него заныло.

— А вы, дедушка, сторож? Там еще три девочки на грузовике... с малышами были... — От волнения Митя говорил несвязно, глотая слова.

Старик нахмурился, как бы припоминая:

— Так там же и девочки и мальчики, одно слово — пионеры... Ну, так они все и поехали... От який ты пуганый! Я тебе одно, а ты мне другое! А шофера коло Жуковки разбило... И богато там людей проклятый кат покрошил... Песок там, быстро ехать не можно, а он, кажут, по-над самой дорогой, як той дьявол, спустился да с пулемета и давай людей крошить... А то и бомбой действовал... И малых деток не пожалел: як тарарахнет по грузовику, так всех в одну кашу, як тех пташек в гнезде уложил... И заведующую и нянечку, яки там с ними были... Люди говорили — страшно смотреть на это дело...

У Мити в глазах медленно двинулось и поплыло куда-то шоссе, закачался грузовик, в ушах зазвенел и смолк детский лепет...

Старик махнул рукой, вытащил кисет:

— Мабуть, и в гражданскую такого не було... Я сам не бачив, но люди говорили...

Митя встал:

— Где это? Около Жуковки?

— Ну да, на шоссе...

Подошел Степан Ильич. На его лице не было заметно ни волнения, ни следов бессонной ночи. Только голубые глаза стали темнее и строже. Он тронул Митю за плечо, улыбнулся ласково и ободряюще:

— Ну, как ни есть, а твои уже скоро дома будут. А там и вас отправим. Станцию мы в два дня оборудуем. На поле баб оставим, а молодежь и кой-кого из стариков пошлем на железную дорогу. Из Ярыжек уже пошли люди...

Дед продолжал пояснять собравшимся:

— Он, бандит, думал, что на склады напал. А склады-то военные у нас не в тех местах сохраняются... — Сторож вдруг замолчал, пожевал губами ус и, видимо рассердившись на себя за излишнюю болтливость, поспешно встал: — Поеду дальше. Нема у меня часу тут рассиживаться... А ты, Степан, посылай людей сегодня же!

— Зараз пошлю, — откликнулся Степан Ильич и, взяв под локоть Митю, пошел с ним в хату. Глядя на разметавшихся во сне ребят, он пошутил: — Вот где у меня работнички! Богатырская сила!

Баба Ивга принесла молоко, хлеб, сало:

— Кушайте, мои дорогие, что есть, бо я и печь сегодня не топила.

Степан Ильич ел молча; он был уже снова поглощен своими делами и не обращал внимания на Митю.

Татьяна и баба Ивга нарезали большими кусками хлеб и торопливо жевали его, макая в миску с варенцом. Жорка влез к отцу на колени и громким шепотом спросил:

— А таких, как я, хлопчиков на войну берут?

Отец молча снял его с колен, вытер губы:

— Ну, я пойду! Татьяна, бежи до клуни, готовь мешки. А вы, мамо, как накормите хлопцев, то ложитесь поспать.

— Ни, сыну! Тебе работа, и мне работа, — коротко ответила баба Ивга, убирая со стола.

Степан Ильич посмотрел на Митю; в глазах его промелькнула какая-то мысль, но он ничего не сказал, кашлянул и вышел. Митя хотел выйти вслед за ним, хотел сказать, что в грузовике вместе с малышами ехали девочки... Но говорить об этом было бесполезно, и голос застревал где-то в горле.

Когда Степан Ильич вышел, Митя тоже встал, кивнул на ребят:

— Я... скоро приду... Пусть они спят.

В селе шла напряженная жизнь. В каждом дворе были настежь открыты ворота; за воротами двигались люди — выгружали возы, таскали мешки с зерном. В некоторых хатах еще горели ночные огни — видно, хозяева, занятые работой в поле, забыли их потушить. Где-то ревели коровы; на улице валялись в пыли жирные свиньи; собаки, чуя непорядок, с остервенением лаяли на них. Не умолкая, тарахтел в поле комбайн. На шоссе мимо Мити пробегали девчата, деловито шагали хлопцы.

"Хлеб убирают, торопятся. Помочь бы надо", — думал, проходя по селу, Митя. Но мысли эти были безучастные, поверхностные. Другие, страшные, наполняли ужасом Митино сердце. "Валя Степанова, Лида Зорина, Нюра Синицына... Не может быть! Нет, не может быть!"

Выйдя за околицу, Митя прибавил шагу, потом побежал. Ветер трепал его рубашку, солнце обжигало лицо. Люди останавливались, глядели ему вслед.

— Далеко до Жуковки?...

Кончался лес, начиналось поле, шоссе кружилось, убегало за сосны, за тополя, в неизвестную даль. Лоб покрывался испариной, рубашка прилипала к телу.

— Далеко до Жуковки?...

— Вот как песок начнется, немощеная дорога будет — там и Жуковка.

В овражке под мостом журчала вода. Митя упал в густую траву и жадно стал глотать воду пересохшим ртом.

Качались ромашки, голубели незабудки, мирно квакали лягушки... Небо было синее-синее. Перед глазами встали веселые лица девочек...

Митя зачерпнул пригоршней холодную воду, плеснул на лицо, на шею и бросился бежать...

Солнце поднялось высоко, потом перевалило за полдень и медленно начало опускаться. Митя не чувствовал ни голода, ни усталости.

Шоссе кончилось. Ноги тонули в горячем песке. На дороге стали попадаться куски железа, вывороченные комья земли. Темной кучей лежала легковая машина, колеса ее отлетели на несколько метров и вздутыми шинами торчали на измятой траве. Вблизи дороги валялась перевернутая набок телега.

Митя шел и шел, замедляя шаг, прислушиваясь. Иногда ему казалось, что кто-то зовет его по имени, и он снова бросался бежать. Потом вдруг сразу остановился, замер...

Под самым лесом тяжело и бездыханно лежал разбитый грузовик — это была куча железа; вздыбившаяся кабинка с передними колесами прикрывала разбитое в щепы дно машины. Неподалеку виднелась невысокая свежая насыпь, на ней еще не успела обсохнуть глина; рядом были заметны следы ног, валялась старая лопата...

Митя остановившимися глазами смотрел на разбитый грузовик, на свежую насыпь. В примятой траве светлела па солнце нежно-желтая манная крупа. Под деревом что-то блестело.

Митя машинально нагнулся и поднял маленькие острые ножницы...

Рядом с ними валялся клубок вышивальных ниток...

Глава 19

ПЕРВОЕ ГОРЕ

Васек потянулся, открыл глаза. Во всем теле было такое ощущение, будто он спал на голых камнях. Ребята тоже кряхтели во сне, вытягивая то руку, то ногу. Васек вспомнил вчерашний день и удивился, что никто их не будит, не торопит.

"Ведь машина, наверно, уже пришла. А где же Митя? Может, он в школе — собирает вещи? Что ж он никого не разбудил? Неужели еще так рано?"

Васек поискал глазами мирно тикающие в углу ходики и вскочил:

— Десятый час! Вот так поспали!

Он потряс за плечо спавшего рядом Сашу. Саша недовольно промычал что-то и повернулся на другой бок.

Васек вышел во двор. Солнце брызнуло ему в глаза, облило все тело горячим светом; захотелось побежать на речку искупаться, окунуться с головой в холодную воду. Около крыльца лежала лохматая собака; она лениво вытянула лапы на сухой черной земле и шумно вздохнула, покосившись на Васька.

За плетнем, около белой просторной хаты сельрады, было пусто. Васек прошел туда, заглянул в окна, думал увидеть Степана Ильича. Но за столом сидели колхозные старики и, торопливо подсчитывая что-то, записывали в толстую клеенчатую тетрадь.

Васек прошелся по двору. Около крытого сарая лежала горка зерна. Там копошились птицы. Сбившись в кучу, кудахтали куры, сердился петух, гоготали гуси.

Жорка, присев на корточки, обеими руками сгребал зерно и насыпал его в торбу.

Куры копошились у него под руками; гусаки, вытягивая длинные шеи, с гоготом нападали на Жорку. Он сердито оборонялся от них, хватал за крылья, выбрасывал из общей кучи и кричал:

— От я вас! Пошли вон! — Увидев Васька, обрадовался: — Московский, иди зерно собирать!

Васек подошел, разгоняя кур:

— Что это ты делаешь?

Жорка вытер ладошкой нос; щеки у него были замурзаны, в короткие волосы набилась пыль; чистыми на лице были только голубые, как у отца, глаза. Он объяснил, что с поля свозят хлеб, а один мешок порвался, и баба Ивга велела ему собрать рассыпанное зерно.

Васек потрепал его по голове и пошел к воротам. За воротами на зеленой траве колхозные девочки шили мешки. Одна из них что-то бойко рассказывала подружкам, взмахивая иглой с тонкой бечевкой. При виде Васька она смолкла. Васек кивнул девочкам головой:

— Здравствуйте!

Они ответили дружно, хором.

Васек хотел спросить, не видели ли они вожатого Митю и не приходила ли со станции машина. Но спросить было как-то неловко; он с независимым видом постоял у ворот, посвистел... Девочки с любопытством смотрели на него. От их взглядов и от того, что они работают, а он стоит и посвистывает, Ваську стало не по себе; он повернулся и пошел в хату. Но Жорка снова окликнул его:

— Московский! Что я тебе скажу! — Он, согнувшись, потащил по земле свою сумку. —

Иди сюда! У нас фашисты железную дорогу разбили... и станцию... Дед на коняке приезжал... И шофера вашего убили... бомбой! — вытаращив глаза, кричал он.

— Чего? — Васек побежал к нему, тряхнул его за плечи: — Врешь!

Жорка вырвался, обидчиво выпятил губы:

— Я правду кажу!

— А где мать? Где дядя Степан? Где баба Ивга? — Васек растерянно смотрел в голубые глаза Жорки, тянул его за руку. — Кто тебе сказал?... Где баба Ивга?

— Баба в коровнике, — испуганно пятился от него Жорка.

Васек побежал к коровнику, с силой толкнул тяжелую дверь, застучал кулаками:

— Баба Ивга! Откройте!

Баба Ивга не спеша открыла дверь. Васек шагнул в темноту сарая. Споткнулся на кучу земли и, задыхаясь, пробормотал:

— Жорка сказал — станцию разбили! Где наши все — ребята, Сергей Николаевич?... Мити нет!

— От же який хлопець противный! — рассердилась баба Ивга. — Я ему покажу! — Она ласково погладила Васька по голове: — Живы все ваши! Поездом поехали, спокойненько погрузились — нема чего за них волноваться, сынок! И Митя ваш цел, никуда от вас не денется...

— Покормите, мамо, хлопцев. Верно, уже попросыпались они, — тихо сказала из темноты Татьяна. Она стояла по пояс в яме, опираясь на лопату.

— Зараз, зараз... Пойдем, голубчик! Ваши уже в Киеве скоро будут. А станцию разбили — это верно... Разбили, проклятые! Только учитель ваш уже уехал до того времени... — рассказывала баба Ивга, вытирая о передник руки.

— Да когда же это? Как это?

— Ночью, голубчик. Налет фашисты сделали... Страшное дело... Война, миленький, идет, война... — Она вывела Васька из сарая, заглянула в хату, взяла коромысло, загремела ведрами. — Спят еще хлопцы твои. Я их не побудила утром — пусть спят. И Митя не велел будить. Он к Жуковке пошел. А чего пошел — не сказал... Дорога не ближняя — мабуть, к ночи только вернется... Посиди на солнышке, сынок, я за водой схожу.

Васек присел на завалинку. Беспорядочные, тревожные мысли толпились у него в голове.

Станция разбита... Значит, где-то близко уже бродит враг... Он бросает бомбы, он убивает людей... Баба Ивга так и сказала: много людей побил... Не в сражение побил бойцов, а просто на дороге каких-то людей... А по дороге идут женщины и дети... Вот и сейчас к этой самой Жуковке пошел Митя. И зачем он пошел? Почему не сказал Ваську, что делать ребятам в его отсутствие?...

Васек решил разбудить товарищей и поделиться с ними всеми новостями.

Он вошел в хату, крепко стукнул дверью:

— Вставайте!

Никто не отозвался. Васек подходил к каждому, дергал за одеяло, тряс за плечо. Ребята недовольно отмахивались, сонно мычали. Мазин дрыгнул ногой и с угрозой проворчал:

— Брось лучше!

Сева открыл сонные глаза, нежно улыбнулся:

— Сейчас, сейчас, мамочка!

Васек рассердился:

— Какая я тебе мамочка! Вставайте сейчас же!

Он снял с полки барабан и забил тревогу. Ребята испуганно заерзали на мягком сене, моргая от яркого света; потянули к себе одежду, вскочили.

— Тревога! Тревога! Вставай! — заорал Мазин, тормоша Петьку.

— Трубачев, что случилось?

Васек рассказал товарищам все, что слышал от бабы Ивги.

— Как же это? Станцию разбили? С воздуха?

— Значит, они в тыл зашли?

— А Сергей Николаевич с нашими ребятами далеко отъехал? Может, и их поезд бомбили? — с тревогой спросил Сева.

— Ну, что ты! Это же не военный поезд, а пассажирский. Они не имеют права невоенных убивать, — уверенно сказал Саша.

— Не имеют права? А около Жуковки дорогу бомбили, а на дороге всяких людей много! — возмущенно сказал Васек. — Хорошо еще, что наши девочки с малышами успели!

— Ну, уж ты чересчур... Они ведь смотрят, кто едет. А там одни малыши — не нападать же им на детей, — серьезно сказал Одинцов.

— Эх! — бросил с презрением Мазин. — Будут фашисты разбирать!

Пока баба Ивга готовила завтрак, ребята строили планы, что делать — не пойти ли навстречу Мите?

Удивлялись, что Митя ушел, никого не предупредив и не сказав никому, зачем идет. А вдруг на село налетят фашисты?

— Ребята, а у дяди Степана уже окопы роют, — шепотом сообщил Васек.

Ребята заинтересовались. Васек осторожно заглянул в коровник. Татьяна там не было. Ребята один за другим спрыгнули в яму.

Подходя к своей хате, Степан Ильич услышал треск, пальбу и грозную команду:

— Вперед! Заходи с тыла! Бей его!

В стенки сарая летели комья земли. Лохматая собака с яростным лаем нападала на сарай.

Степан Ильич прислушался, усмехнулся, широко распахнул дверь коровника и стал на пороге:

— А ну, один за другим, марш отсюда! Живо!

Ребята, виноватые и смущенные, вылезли из ямы.

За столом Степан Ильич, ласково поглядывая на них, говорил бабе Ивге:

— От не знали, кого на войну послать! Такие бойцы зря без дела пропадают!

— Не пропадут. Я им после завтрака работу найду — всю яму мне обвалили! — строго пригрозила баба Ивга.

— Мы поправим! Мы сейчас!... Идем, ребята! — вскочил Трубачев.

— Сиди, сиди! Кушай вот! А за баловство от меня и Жорке попадет... Люди копали — значит, надо их работу уважать, хоть вы, мои голубята, и гости у нас.

— А они без няньки не могут быть, — поддразнил Степан Ильич. — Раз вожатого нет — пропало! Дисциплина уже не та. Ребята сидели красные, смущенные.

— А что это ты, Степан, на хлопцев напал? Они и вправду подумают, что ты на них сердишься... А и вы, мамо тоже! — вступилась Татьяна. — Дети перепуганы, а вы шутики шутите. — Она заморгала глазами, отошла к печи.

— Ну-ну! То вы, бабы, пугаетесь, а мужики — народ крепкий, — вздохнул Степан Ильич, исподлобья глядя на жену.

— "Крепкий"... А над тем грузовиком с малыми детьми так и мужики и бабы плакали... Такой крик стоял... — всхлипнула Татьяна.

— Доню моя... — тихо сказала баба Ивга. — И так сердце болит, зачем такое рассказывать... — Она указала глазами на остолбеневших от неожиданности ребят: — Сама хлопцев пугаешь...

— Над каким грузовиком? — тяжело дыша, спросил Сева. — С дошколятами? Почему плакали?...

Ребята перестали есть.

Мазин налег на стол. Петька похолодевшими пальцами вцепился в его плечо. Саша и Одинцов не отрывая глаз смотрели на Степана Ильича. У Васька замерло сердце...

Степан Ильич недоумевающе смотрел на ребят. Баба Ивга сердито прикрикнула на Татьяну:

— Выйди с хаты со своими слезами!

Степан Ильич нахмурился, рассердился:

— А еще пионеры! Москвичи! Где война — там и убитые есть! И скрывать тут от них нечего. Верно! Побили грузовик с детьми. Малых детей побили! Так это зверство каждый на всю жизнь запомнить должен! Чтоб пионеры это знали, комсомольцами помнили и коммунистами не забывали! Вот как надо! — Он стукнул кулаком по столу.

— Дядя Степан... — Голос у Васька дрогнул. — В этом грузовике наши девочки были. Мы их на дороге подсадили...

— Чего? — Степан Ильич широко открыл глаза, неуклюже повернулся к матери.

Баба Ивга сидела прямая, неподвижная:

— Не знала я этого, сыну...

Степан Ильич посмотрел на ребят. Они сидели согнувшись, каждый с трудом удерживал слезы. Сева закрыл руками лицо, пальцы его дрожали.

У Степана Ильича на лбу выступили капли пота. "Так вот куда побежал Митя!" — подумал он и обернулся к ребятам:

— Вот что я вам скажу, хлопцы... Может, и погибли ваши девочки, и горе ваше большое... На войне слезы нескитанные. Только слабость нам сейчас не к лицу. Слабость наша врагу на руку... А у нас дела непочатый край. Хлеб на поле стоит, рабочих рук не хватает... — Он встал. — Плакать нам некогда! И чтобы живо мне на работу становиться! Яму копать, в поле идти!... Кто у вас командир?

— Я...

— Не слышу! — загремел Степан Ильич. — Голоса твоего не слышу!

Васек встал:

— Я, Трубачев, командир отряда.

Степан Ильич махнул рукой:

— Распределяй людей! Чтобы к ночи яма была вырыта! Двоих мне на поле давай!

— Мазин! — окликнул Васек.

— Есть!

— Булгаков!

— Есть!

— На поле! Остальные со мной!

— Пошли! — пропуская вперед мальчиков, сказал Степан Ильич.

Ребята на ходу утирали слезы.

Под вечер над селом завывали фашистские самолеты. Они пролетели низко над полем, осыпая работающих людей градом пуль. Степан Ильич отослал ребят домой. Сидя в хате и прислушиваясь к вою вражеских самолетов, они молча переживали свое горе. Все произошло так неожиданно и так страшно, что даже не верилось, что это правда и они больше никогда не увидят девочек.

Люди долго не возвращались с поля. Село казалось пустым. Наступали сумерки. Никто не зажигал свет. В хате было одиноко и страшно.

Поздно ночью, стоя у ворот, ребята видели, как, устало передвигая, ноги, шел по селу Митя. Навстречу ему вышел Степан Ильич. Они долго говорили о чем-то, замедляя шаги и останавливаясь. Степан Ильич гладил Митю своей широкой ладонью по спине и, наклоня голову, заглядывал в осунувшееся Митино лицо. Когда они подошли ближе, Васек увел ребят... Никто из них не спросил Митю, где он был.

ГОРЯЧИЙ ДЕНЕК

Было еще совсем рано, когда Игнат широко распахнул дверь и крикнул:

— Василь, поднимай своих хлопцев — на поле пойдем! Живо! Наши уже все там!

Васек вскочил, протер глаза. Из-за спины Игната выглядывали три хлопца. Один был неизменный товарищ Игната — Федька Гузь, другой — сын колхозного конюха Грицько и третий — племянник счетовода Ничипор. Веселого голубоглазого Грицька Васек хорошо запомнил еще с первой встречи. Грицько почему-то считал своим долгом здороваться со всеми за руку и даже у костра обходил всех по очереди и, если кто-нибудь сидел к нему спиной, легонько толкал его в спину и говорил: "Здорово! Давай твою руку!"

И, когда один раз Валя Степанова, заговорившись с кем-то из девочек, не обратила на него внимания, он без всякого стеснения дернул ее за косу и, простодушно улыбаясь голубыми, безоблачными глазами, сказал: "Здорово и ты, дивчинка! Давай твою руку!"

Ребята так и прозвали его: "Гриць — давай руку".

Другой хлопец, Ничипор, был такой же длинный и нескладный, как его имя. Тонкие мальчишеские руки его и ноги цеплялись за все предметы, мешая себе и окружающим. Характер у Ничипора был мягкий, никогда ни на кого он не сердился, и добрые глаза его с редкими белесыми ресницами, пухлые щеки и полуоткрытый рот имели всегда одно и то же удивленное детское выражение.

— Здорово! Здорово! — дружески кричали вошедшие.

Грицько расталкивал сонных ребят:

— Ну, просыпайся! Давай твою руку!

— Вожатый ваш велел, чтоб вы с нами на поле шли, — пояснил Игнат. — Он тоже там со Степаном Ильичом. Сейчас весь народ вышел, потому что надо спешно хлеб убирать.

Ребята заторопились. Наскоро завтракали простоквашей с хлебом.

— Тапочки наденьте, а то с непривычки ноги поколете, — беспокоился Игнат.

Малютина оставили дома. Митя велел ему помочь Жорке собрать просыпанное вчера зерно и приготовить на печку дров.

Ребята вышли за околицу. Игнат хмурил брови и, жестикулируя, говорил:

— Когда б не так спешно, были б грузовики, а сейчас негде их взять. Ну конечно, послали на МТС человека, да вряд ли толк будет... Везде уборка идет. И лошадей мало... Ну, чем ты будешь зерно свозить, как у тебя грузовиков нет?

Он толкал Трубачева в бок, строго смотрел на него сине-серыми глазами и, дожидаясь ответа, заканчивал сам:

— Ну вот... Люди сыплют зерно на брезент, и лежит хлеб на поле... Вот тебе и уборка! Так наши хлопцы лопатой его — да в мешки. А кто посильнее, тот и на подводу подтащит...

Васек не слушал Игната. Ребята тоже хмуро и печально глядели себе под ноги. Весть о гибели девочек казалась еще страшнее, чем вчера. Начиналось утро; дул свежий ветерок, качались деревья; кудахтали во дворах куры, кричали гуси, на поле тарахтели комбайны, сутились люди, а на земле уже не было тихой, ласковой Вали, живой говоруньи Лиды и хлопотливой Нюры Синицыной...

Игнат еще что-то говорил, потом бросил ребят, догнал проехавшую мимо телегу с туго набитыми мешками и, указывая на один мешок, плохо завязанный веревкой, сердито закричал

на шагавшего рядом хлопца:

— Куда смотришь? Зачем такие мешки кладешь? Какой-то черт ленивый завязывал! Смотри, зерно просыплешь!

Хлопец беспокойно оглянулся на мешок, потрогал бечевку.

— Довезу... Недалеко!

Игнат вернулся к ребятам и, прибавив шагу, повел их через редкий соснячок к полю.

Огромное, желтое, подстриженное, как под гребенку, поле уже не было таким золотым и шумливым, как в тот день, когда Степан Ильич, остановившись на краю его, широко повел рукой, указывая ребятам на высокие волны колосьев, убегающие далеко-далеко к лесу.

— Ой, какое голое стало поле! — удивился Васек. Но тут же, взглядевшись, увидел вдали широкую полосу пшеницы и словно плывущий по ней комбайн.

— Пошли за мной, хлопцы! — крикнул Игнат, вырвался вперед и, прижав к бокам локти, побежал напрямик по колючей стерне, поднимая ногами сухую пыль.

Ребята бросились за ним.

В поле толпился народ; на серых брезентах, разостланных прямо на земле, поднимались горы крупного, отборного зерна. Хлопцы лопатами ссыпали его в мешки. Какая-то дивчина, держа в зубах конец бечевки, обрезала ее ножом и, привалившись грудью к полному доверху мешку, туго завязывала его. Женщины-колхозницы сильными руками поднимали мешки и с помощью хлопцев или стариков укладывали на подъезжавшие телеги.

Комбайн, врезаясь в гущу колосьев, с тархтением выбрасывал обмолоченную солому. Сбоку, из его широкого рукава, золотым потоком сыпалось крупное зерно. Подводы не успевали подъезжать, и зерно падало прямо на брезент, вырастая среди поля желтыми горами.

Ребята с удивлением и восторгом смотрели на машину, которую никогда раньше не видели в действии.

— Василь, становись на мешки! Бери лопату!... Хлопцы, сюда! Расставляйтесь по местам!

Васек схватил лопату и с размаху всадил ее в кучу зерна, потом оглянулся, поднял пустой мешок, положил его боком и, присев на корточки, стал обеими руками сгребать в него зерно. Вокруг раздавались чьи-то голоса, но, зараженный общей спешкой, Васек не слушал их. Ему некогда было посмотреть, где ребята, и только раз или два, подняв глаза, он увидел, как Мазин, напыжившись и вцепившись обеими руками в мешок, тащит его к телеге, и в другой раз, неожиданно столкнувшись с кем-то головой, узнал Одинцова.

— Девчата, мешки подавайте!... Куда тебя на зерно несет? Не видишь, что ли? — кричал где-то рядом Игнат на нерасторопного Ничипора, потом, подскочив к лошади, шлепал ее ладонью по морде, хватался за оглобли: — Тпру!... Назад! Осади назад!... Стоп!...

Лошади, прокладывая свежие колеи на стерне, изо всех сил тянули возы, наполненные мешками.

Ваську становилось жарко. Солнце уже высоко поднялось над полем, припекая плечи и головы работающих людей. Быстро мелькали лопаты, от зерна рябило в глазах, во рту стало сухо, в горле першило. Мазин с багрово-красным лицом пробежал мимо, зажимая нос; сквозь пальцы просачивались капли крови. Саша нес куда-то сложенные стопкой мешки, поддерживая их подбородком и шатаясь от жары и усталости.

— Хлопцы, кто кончил, перебегайте до другой кучи! Тут пускай один-два остаются — мешки завязывать! — кричал, неожиданно появляясь, высокий седой бригадир в выгоревшей майке.

— Ребята, давай сюда лошадь! Сюда! — кричал и Васек, глотая сухим ртом воздух.

— Игнат! Ау! Игнат! — раздался звонкий молодой голос.

Из-за подвод вынырнула Марина Ивановна. На ней была синяя юбка, отороченная красными полосками, и вышитая крестом рубашка. Из-под голубой косынки выбивались прядки черных волос. Она поставила на траву ведро воды и замахала кружкой.

— Эй, Тарасю-у-ук! Напой хлопцев водо-ой! — певуче разнеслось по полю.

— Добре! — отозвался Игнат.

Ребята, волоча за собой мешки и лопаты, со всех сторон бросились к воде. Васек, с трудом разгибая спину, подошел последний. Мазин, закинув голову, жадно пил. А Марина Ивановна, сердито сдвинув брови, кричала на Игната:

— Смотреть надо! Хлопчик весь красный, как бурак, из носа кровь идет! Отправь на село сейчас же... Какая это работа!

Мазин оторвался от кружки и зажал нос серым от пыли платком. Лицо у него было обожжено солнцем, веки подпухли.

Марина Ивановна зачерпнула пригоршню свежей воды и, продолжая ругать Игната, своей рукой умыла Мазину лицо и, повернув его за плечи, скомандовала:

— Иди в село! — Потом, осмотрев остальных ребят, покачала головой: — Отведи их всех, Игнат. По холодку пускай выходят... Заморились!

Рулевой, стоя на мостике комбайна, замахал рукой:

— Воду сюда!

Марина Ивановна подхватила ведро и быстро побежала по стерне.

— Идите в село! — оглянувшись еще раз, крикнула она.

Мазин, прижимая к носу платок, улыбаясь, глядел ей вслед:

— Как она меня... умыла...

Игнат усмехнулся:

— Всегда такая! Раз-раз! И чтоб все по ее было. А в классе что делает! Напишешь грязно или кляксу уронишь и подашь ей тетрадку, так она аж покраснеет вся: "Ты меня не уважаешь! Свой труд жалеешь, а мой нет!" И пойдет! Ну, а уж если что хорошо сделаешь, так ты у нее первый человек. Даже от радости засмеется, и весь класс за ней! — Игнат оглянулся и таинственно шепнул: — С Коноплянкой сильно дружат, может, даже жениться будут... — И, помолчав, добавил с мягкой улыбкой: — По всей вероятности, что так, потому что уже хату себе ставят...

Забежав в хату, ребята увидели Митю. Он сидел на скамье ч мокрым полотенцем обертывал распухшую багрово-красную ногу.

— Пустяки. Телегой задело. Я на Жуковке был вчера. Пути восстанавливают. Завтра-послезавтра поедem, — кратко сказал Митя.

По холодку, когда солнце спустилось к лесу, ребята снова вышли на работу. Теперь им показалось легче собирать в мешки зерно, но спину ломило, руки ныли, и вечером, придя домой, они как подкошенные упали на свои постели, отказавшись от ужина.

ДНЕВНИК ОДИНЦОВА

28 июня

Давно я не писал наш дневник. Такое горе у нас, такое горе! Неужели правда, что нет на свете наших девочек? Митя ничего не сказал нам; ребята все молчат и только плачут потихоньку. Как мы без девочек домой поедem?

Жалко Митю. Он сразу стал такой худой, просто почернел даже. Как пришел, все советовался с дядей Степаном — хотел с нами пешком до Киева идти. А на другой день, смотрим, нога у него распухла вся, под коленкой кровавое пятно. Еле-еле он ходит. Баба Ивга примочки ему кладет. Оказывается, на Жуковке, когда он шел назад, фашистский бомбардировщик опять стал бомбить шоссе, и одна лошадь понеслась; Митя помогал ее ловить, его по ноге колесом и задело. А он даже ничего не сказал сначала. Все про себя терпит, бедный.

Мы стараемся работать изо всех сил. Трубачев и Тарасюк Игнат берут всякие задания. Некогда даже поесть иногда — так мы стараемся! Дядя Степан нас хвалит. Бабе Ивге мы все дрова перекололи, воду носим и печку затапливаем сами.

А фашисты все идут да идут. Говорят, их очень много — целые моторизованные колонны, и танки у них, и пулеметы. Недавно по всему небу дым пошел, и красное-красное зарево где-то далеко было. Один дядька сказал, что это фашисты жгут села, потому что Красную Армию все колхозники поддерживают — и продовольствие подвозят и раненых прячут.

А недавно в одно село ворвались фашисты, а Красная Армия их там здорово побила — вот они и злятся...

А вчера в наш колхоз два человека приезжали. Один высокий, седой, волосы ежиком подстрижены, и глаза такие серые, пристальные. Это секретарь райкома, его зовут Николай Михайлович. А другой с ним — директор МТС. Он тоже хороший. Глаза веселые, насмешливые, плечи широкие. Он нам сначала показался высоким, а потом, как стал рядом с Николаем Михайловичем, то куда ниже его ростом. Когда говорил, то все время палец поднимал — такая у него привычка. Его зовут Мирон Дмитрич.

Как только они приехали, все село сбежалось в сельраду. И мы, конечно, сбежались. Начался разговор про войну. Николай Михайлович сказал, чтоб люди были стойкими, что мы все равно фашистов разобьем и что сейчас самое главное, чтоб все крепко держались друг за друга и доказали свою верность Родине, а коммунисты всегда будут первыми в этой борьбе и вместе с народом. И что Красная Армия уничтожила уже много врагов и будет уничтожать их до конца! Колхозники так все подбодрились, что хоть сейчас в бой.

А один тут есть — Петро, он тоже высказался, а Николай Михайлович ему сказал, что каждый человек будет виден на деле, а не на словах.

Потом дядя Степан ходил с приезжими в поле. И совещание какое-то у них было.

Вечером они уехали.

А ночью мы подсмотрели, что несколько колхозников со Степаном Ильичом зарывали в нашу яму зерно.

Трубачев сказал нам по секрету, что это на всякий случай зарывают семенной фонд. А Мазин пронюхал, что колхозники даже свой хлеб зарывают, чтоб не достался фашистам, если

они сюда придут. Неужели они могут прийти сюда?

Николай Михайлович и директор МТС ездили и в Ярыжки. Игнат говорил, что они там комсомольцев собирали. Митя не мог пойти, а нас туда не звали — мы пионеры.

Зато Трубачев нас собрал и сказал, чтоб мы брали пример со взрослых, работали изо всех сил, а что случится, не падали бы духом и, даже если кого-нибудь из нас ранят на войне, чтоб терпели молча, потому что время военное. Мазин сказал, что он может все вытерпеть, если надо, и попросил нас, чтоб мы ему тут же для пробы зажали дверью руку. Но Трубачев не позволил, потому что руками надо работать и нечего придумывать всякие дурацкие штуки. И вообще надо хорошенько подтянуть дисциплину.

Железную дорогу на Жуковке уже почти восстановили. Там и колхозники и красноармейцы работают. Скоро мы поедем домой. Нам даже не верится, что мы будем дома. Мы с Митей сложили в мешки самое необходимое, чтоб, как только пустят поезда, скорей ехать.

В школе теперь живет один дед Михайло, а Генку Степан Ильич все время по всяким поручениям посылает. Вот и сейчас послал куда-то.

А сегодня в селе никто не спал. Вес так гремело, ухало, трещало. И на небе все время как будто кто спичками чиркал. А потом два самолета немецких загорелись. Прямо сразу вспыхнули каким-то белым пламенем и кувыркнулись вниз. Дядя Степан пришел и говорит, что сильный бой идет около одного села, недалеко от нас, и что там Красная Армия здорово бьет врага, и хоть наше село в стороне стоит, а все-таки надо угонять скот. И вот на рассвете поднялась суматоха. Вся улица была запружена коровами, телятами, свиньями. Все провожали, плакали. Коровы упирались, ревели, не хотели уходить. А теляток так жалко было! Они все в кучу жались и мычали. Многих прямо в клетках везли! И наш теленок Колокольчик там был. Мы его жалели, а доярка такая хорошая, она нам говорит: "Я теляток не брошу, буду растить и назад приведу большими, здоровыми!" А потом конюх вывел из конюшни лошадей. Стали считать, а Гнедка-то нет!

И Генки нет!

Дед Михайло чуть не плачет. Степан Ильич тоже расстраивается. Генка может приехать самое раннее завтра к вечеру, а ждать нельзя. Так и угнали без Гнедка. А каково это Генке!

НОЧЬ ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ

Тревога Мити росла. Фронт приближался. В селе появились женщины и дети, уходившие из занятых фашистами сел; по дорогам ночью гнали скот. Вражеские самолеты низко спускались над шоссе и бомбили идущих и едущих людей. За лесом, в стороне МТС, уже явственно была слышна оружейная пальба. Зарево пожаров окрашивало горизонт в серо-малиновый цвет.

У Мити была надежда примкнуть со своими ребятами к раненым красноармейцам, которых отправляли в тыл. Но через село только один раз прошли красноармейские части. Бойцы шли молча, в полном боевом порядке, с тяжелой амуницией на плечах. Все село высыпало им навстречу. Женщины хватали ведра с чистой водой и подносили бойцам. Те на ходу умывали пыльные, усталые лица, наспех пили воду, отказывались от вареников и пирогов, которые совали им в руки выбегавшие из хат люди:

— Не надо. Мы сыты... Вот вернемся, тогда попотчуете нас!

Митя бросился к командиру. Немолодой седоусый командир выслушал его просьбу и, взглянув на Митю усталыми, подпухшими от бессонницы глазами, кратко сказал:

— Мы не можем взять ребят, товарищ. Нам предстоят тяжелые бои. Как же можно рисковать детьми!

Митя отошел. Люди долго стояли на улице и смотрели вслед красноармейцам. А к вечеру пришли пастухи и рассказали, что недалеко от Жуковки произошел тяжелый бой.

Митя вспомнил седоусого командира и отказался от мысли отправить ребят с военными частями.

Но время шло, надо было на что-то решаться... Железнодорожная станция была почти восстановлена, но поезда еще не ходили.

Митя решил пробираться пешком к Жуковке, чтобы при первой возможности уехать.

В селе побывал Матвеич. Ребята с интересом смотрели на него: на глубокий шрам, на живые, блестящие глаза под мохнатыми бровями. Все уже знали, что это тот самый товарищ Николая Григорьевича, который живет на пасеке. Они расспрашивали его об отце учителя. Матвеич рассказал, что "старый" живет хорошо, дочка Оксана часто навещает его.

— Ничего, мы с ним еще повоюем! — закончил Матвеич.

Когда ребята вышли, Митя подсел к нему:

— Завтра хочу идти, Иван Матвеич! Пойдем к станции, будем поблизости выжидать первого поезда...

— Сидеть нечего, — насупившись, сказал Матвеич. — Фашисты надвигаются со всех сторон. Только лучше лесом идти на шоссе неспокойно — бомбят, проклятые!

— Мы ночью выйдем. За деревьями по лесу проскочим как-нибудь, — вздохнул Митя. В глазах у него все эти дни стоял разбитый грузовик и свежая насыпь.

Матвеич ушел со Степаном Ильичом. С ним у него были свои, особые дела. Они заходили в хаты к колхозникам, беседовали то с одним, то с другим. Матвеич пробыл в селе до вечера. Уходя, еще раз сказал Мите:

— Двигай, сынку!

После обеда Митя собрал ребят, велел им приготовить свои рюкзаки и ложиться спать.

— Выйдем ночью.

Ребята заволновались. Бегали по селу прощаться; колхозники с грустью расставались с ними:

— Привыкли мы к вам, как к родным, хлопцы!

— Что поделаешь! Надо, надо до дому добираться, родителей успокоить! Время военное, — хмуро говорили деды.

Татьяна пекла на дорогу хлеб. Баба Ивга подходила по очереди к ребятам: гладила рыжий чуб Васька, обнимала Севу; грустно улыбаясь, глядела на Мазина, Русакова, Одинцова и Сашу. Притихший Жорка прижимался к ее подолу.

— Вот и расстанемся мы, голубята мои! Тай, може, и не побачуть мои старые очи, яки с вас хлопцы повыврастают. А чую я сердцем — хорошие из вас люди будут: на работу скорые и народу верные. До всего вы дойдете. В коммунизме жить будете. Може, и вспомните тогда старую бабу Ивгу, що любила вас да привечала в своей хате.

Ребята низко склонились над рюкзаками, сопели, шумно сморкались.

— Никогда мы не забудем вас, баба Ивга, и Татьяну, и дядю Степана, и Жорку! — Неловко подходили, стесняясь сказать ласковое слово, выдать свое волнение. — Спасибо вам всем... спасибо!

Степан Ильич хмурился, пробовал шутить:

— Как же так? А я вас уже в дети принял!

Он часто выходил из хаты, стоял на крыльце и, склонив набок свою большую голову, слушал.

Из-за леса сквозь гул орудий и пулеметные очереди доносился какой-то мерный лязгающий шум. Митя, прихрамывая, выходил к Степану Ильичу. Они слушали вдвоем, стараясь понять, что означает этот шум.

Уложив ребят, Митя нарезал длинные бинты из холста, крепко забинтовал ногу и прошел по селу. Колхозники, стоя у ворот, молча смотрели на небо, на лес, на шоссейную дорогу.

Поля были убраны; далеко за рекой расползлось по земле дымное пламя. Старухи крестились, молодницы загоняли в хаты ребятишек, деды, собравшись в кучу, вполголоса беседовали о событиях. В селе было глухо и тревожно. Около будок, звякая цепями, завывали привязанные собаки. Стемнело... Митя поднял ребят. Степан Ильич заторопил:

— Живо, бабы! Собирайте хлопцев!

К ночи грозное пламя охватило горизонт. В багровом свете, прорезая облака, завывали немецкие бомбардировщики.

Ребята стояли одетые, с вещевыми мешками за спиной. Баба Ивга дрожащими руками наливала им в кружки молоко. Ели стоя, не разговаривая. Степан Ильич давал Мите последние наставления:

— Потемну за деревьями идите... Забомбит — в лес подавайтесь...

Прощание было торопливое, наспех. По двору прошли гуськом. Освещенная заревом могучая фигура Степана Ильича остановилась у ворот. Земля дрожала от орудийных залпов.

Степан Ильич поднял руку:

— Стойте!

По дороге бешено мчался конь; пригнувшись к гриве, седок что-то кричал звонким, мальчишеским голосом. В селе торопливо хлопали ставни, скрипели ворота.

Из темноты вырвался Генка и на всем скаку круто осадил Гнедого:

— Фашисты!

В село с глухим шумом въезжали вражеские мотоциклы. Они шли замедленным ходом, сплошной колонной надвигаясь из темноты. Солдаты, в зеленоватых шинелях и в глубоких касках, сидели как неживые, положив на руль неподвижные руки и не глядя по сторонам. Очки, похожие на маски, скрывали их лица. Казалось, что это движутся не люди, а заводные, пущенные вперед автоматы, бесчувственные и безликие, вселяющие ужас и ненависть в живое человеческое сердце.

Степан Ильич дрогнул, отвернулся:

— Живо, хлопцы, до хаты! Запирайте ворота!

В темноте он увидел белое лицо Генки, приникшего к мягкой гриве Гнедка и махнул рукой:

— Ховай коня!

Генка дернул поводья. Гнедой встал на дыбы и, круто повернув, исчез, сливаясь с чернотой ночи.

ТЯЖКИЕ ДНИ

По селу идет мальчик. На нем полинявшая от солнца майка, серые трусики. На рыжих кудрях смятая тюбетейка. Он идет вдоль плетней, чутко прислушиваясь к чужим, гортанным голосам, звучащим на селе. Около голубой школы стоят прислоненные к забору немецкие мотоциклы. Солнце припекает каски часовых; из раскрытых окон вырываются резкие, незнакомые голоса. В школьные ворота влетает легковой автомобиль, из него выходят гитлеровские офицеры. Васек закрывает глаза, стискивает зубы. Не снится ли ему все это? Нет, не снится.

Вот у колодца стоит женщина. Два дюжих гитлеровца подходят к колодцу. Женщина, торопясь, поднимает ведра. Плещется вода, сбегает ручейками с пригорка. Солдат хватает у женщины ведро и, бросив на землю каску, опускает в чистую воду руки, плещет себе на голову, на шею, фыркает от удовольствия, приглашая приятеля последовать его примеру. Женщина, не глядя в его сторону, уносит одно ведро.

— Подавитесь, проклятые! — шепчет она, проходя мимо Васька.

Вот на дворе у Костики, жены кузнеца, пляшут гитлеровские солдаты. Один из них, худой, как жердь, прижав ко рту губную гармошку, приседая и подпрыгивая на тонких ногах, наигрывает плясовой мотив. Незвестная, чужая песня будоражит вылезшего из будки пса. Подняв вверх морду, он тоскливо воет. Громкий гогот стоит во дворе. Костичка тихо бредет из своей хаты. Трое ребят плетутся за ней; самый маленький, держась за материнскую юбку, пугливо оглядывается. Лицо у Костики потемнело от бессонных ночей и тревоги за мужа. Кузнеца Костю забрали с Митей. В ту ночь много молодых увели из села.

Васек никогда не забудет, как гитлеровцы забирали Митю, как на рассвете вломились они в хату дяди Степана и, топоча сапогами, лазили по всем углам — искали красноармейцев. Митя сразу привлек их внимание: у него была бритая голова и забинтованная нога.

— Зольдат? — Двое солдат приставили к его груди автоматы: — Пошоль!

Ребята закричали, бросились к Мите. Степан Ильич отстранил ребят и закрыл собой Митю.

— Он хлопчик, хлопчик... брат... школьник! — кричал он прижимая к сердцу ладони.

Солдат толкнул Митю в спину:

— Пошоль!

Васек Трубачев вспоминает, что вместе с ребятами он снова бросился вперед, но Митя повернул к нему белое лицо и предостерегающе крикнул:

— Трубачев, останься!...

Никогда не забудут они, как Митя, хромя шел по двору под конвоем гитлеровцев. Ребята смотрели в окно, онемев от ужаса.

У двери, тяжело дыша, стоял Степан Ильич. Баба Ивга накинула платок:

— А ну, пусти, сыну!

Черная, прямая, без слезинки в глазах, она ушла за Митей. Когда Митю вместе с другими арестованными гитлеровцы втокнули в сарай и поставили у дверей часовых, баба Ивга вернулась. Тогда ушел Степан Ильич, строго-настрого приказав Ваську не выпускать из хаты ребят. Но он, Васек Трубачев, послушался приказа Степана Ильича. Весь остаток ночи на старом выгоне, недалеко от сарая, где был заперт Митя, ребята ползали между кочками,

ловкие и быстрые, как ящерицы. Затаив дыхание они прислушивались к шагам часового, пробирались к толстым бревенчатым стенам и, прижимая губы к пахнущим мохом и смолой пазам, шептали:

— Ми-тя...

Но никто не откликался.

На рассвете они вернулись. В хате не спали. Степан Ильич встретил их молча. Он сидел на скамье, положив на стол свои большие, жилистые руки и глядя куда-то в угол тяжелыми, невидящими глазами. Глубокая темная складка прорезала его лоб. Он обернулся на стук двери, с горькой усмешкой посмотрел на мокрых от росы, усталых, измученных мальчишек и отвернулся. Они прошли мимо него на цыпочках, тихо улеглись, крепко прижавшись друг к другу, осиротевшие и испуганные.

А враги уже расселялись по хатам, выгоняя на улицу хозяев: резали кур, убивали поросят, ломали плетни и заборы, топили хозяйские печи. В новой, только что отстроенной колхозной конюшне клетки для жеребят были разбиты в щепы; в раскрытые настежь двери с грохотом въезжали нагруженные машины; новая молотилка, недавно приобретенная колхозом, была поломана и завалена всяким хламом.

В селе воцарился ужас, но люди не смирялись. Они прятали и уничтожали свое добро, чтобы оно не досталось врагам. То из одного, то из другого двора вырывались истошный плач и крики... Кого-то тяжело били, отнимали добро, выбрасывали из хаты. Люди бежали на этот крик, натыкались на дула автоматов и молча пятились назад, хватая своих детей... Люди постигли ужас фашистской неволи. Село как будто оглохло, онемело, затаилось в страшной, непримиримой ненависти к врагу, и ненависть эта еще больше чувствовалась в молчании, чем в криках протеста и боли.

У Степана Ильича не поставили солдат. В тот день, когда к нему явились фашистские солдаты, баба Ивга жарко затопила валежником печь и наглухо закрыла трубу. Копоть и угар выгнали солдат — они с руганью ушли и больше не возвращались. Зато рядом просторное помещение сельрады кишело гитлеровцами. Вечерами они сидели на крыльце — там, где раньше, мирно раскуривая свои трубки, любили посиживать колхозные деды. Чужой язык, чужие песни раздавались в селе...

Через несколько дней сарай опустел. Фашисты угнали арестованных неизвестно куда. Весь день ребята металась по селу, шныряли между немецкими повозками, искали на дороге следы. Страшное уныние овладело ребятами; сбившись в кучу, они сидели на неубранных сенниках, вспоминая оставленных дома родителей, погибших девочек, Митю... и уже не скрывали друг от друга отчаяния и слез:

— Никого, никого у нас не осталось!...

Васек на глазах у товарищей крепился изовсех сил. Он чувствовал, что с потерей Мити ответственность за ребят легла на него как на командира отряда. Он старался казаться бодрым, выходил на разведку с Мазиным и Русаковым, расспрашивал людей, но Митя как в воду канул. Нигде не было слышно об арестованных. Васек не знал, что предпринять, как жить дальше, где искать Митю. Одинокий, не смея выказать перед ребятами свое отчаяние, он жался к Степану Ильичу. Степан Ильич, мрачный и озабоченный, с беглой лаской клал ему на голову свою большую руку и говорил:

— От меня ни на шаг, хлопче! Держи крепче своих ребят и сам не унывай!...

...Осторожно оглянувшись, Васек перелезает через плетень и идет огородами.

На сухой тропке валяются надгрызенные огурцы, разбитые недозрелые тыквы. Длинные гряды истоптаны, торчат зеленые палки оборванных подсолнухов.

Молодица в темной старушечьей кофте крадучись собирает в сито горох и зеленые помидоры. Она срывает их с куста прямо гроздьями, пугливо глядя по сторонам. Когда Васек проходит мимо, она приподнимается, сует ему в руки сладкие зеленые стручки, ласково кивает головой и, увидев группу солдат, бежит к своей хате. Васек прячется в кустах и пережидает, пока пройдут гитлеровцы.

За околлицей, на опушке леса, шумят ветвистые дубы, белеют тонкие березы, сбегают по косогору вниз молодые елки. В густой траве желтеют свежесрезанные сосны; прямые и строгие, они лежат вытянувшись, как мертвецы. По золотой чешуе ползают большие муравьи, прыгают кузнечики. Из-под сосен, смятые тяжестью стволов, выбиваются на волю поблекшие колокольчики, ромашки, лесная гвоздика... Жарко припекает солнце. С мертвых деревьев тяжелыми слезами капает на землю смола.

"Митя... Может быть, фашисты расстреляли его где-нибудь в овраге!"

Васек бросается в траву и горько плачет.

Зеленый мох и белые невестины цветочки ласково вытирают мокрые щеки мальчика; ветер силится приподнять его с земли, треплет за рукав, заглядывает в лицо; муравьи щекочут пальцы.

Негде поплакать командиру отряда — Ваську Трубачеву. Никто не должен видеть его слез.

От зеленой травы мутно и зелено в глазах. Тихо шелестят рядом рыжие чешуйки сосны. Ваську кажется, что мягкие рыжие усы щекочут ему шею и подбородок...

"Папка, папка..."

Чужой говор настигает его и здесь. Он вскакивает на ноги, настораживается. Группа солдат проходит между деревьями. Васек видит двух офицеров. На боку у одного из них висит полевая сумка, другой держит бинокль. Они идут к опушке леса. Васек долго следит за ними глазами. На опушке стоят орудия, они завалены срубленными елками. Офицеры что-то говорят солдатам. Внизу, по шоссе, на длинных грузовиках подвозятся еще какие-то орудия. Васек тихонько ползет, прячась за кустами. Что делают тут враги? Может, они собираются в бой? Васек сжимает кулаки. В селе Ярыжки тоже хозяйничают фашисты. И железнодорожная станция в Жуковке занята ими...

Васек снова думает о своих ребятах. Теперь они все живут отдельно: Мазин и Русаков — у колхозницы Макитрючки, он, Васек, Одинцов и Саша — у Степана Ильича, а Сева — у деда Михайла. Это баба Ивга разделила их по хатам, а Сева сам попросился к деду Михайлу: ему жалко деда, потому что Генка со своим конем исчез, и никто не знает, где он. Где-нибудь в лесу лежит бедный Генка. А рядом с ним, может быть, и верный товарищ его — Гнедой.

Васек поднимается. Ребята, наверно, уже ждут его.

Они часто собираются в Слепом овражке, за огородами. В этом овражке под изумрудной

травой — вязкое, засасывающее болото. Ребята там усаживаются на большой полузатонувшей коряге. Толстые корни ее торчат во все стороны.

У каждого из ребят здесь есть свое место. Сегодня место Васька займет Одинцов, потому что Васек идет на пасеку. У Матвеича не стоят фашисты. В цветущем закутке все по-прежнему, только там уже не гудят пчелы. В саду сложены пустые ульи. Матвеич говорит, что все они прохудились и лежат здесь для починки. Васек не спрашивает — он понимает, что Матвеич не хочет кормить медом врагов и потому разорил свою пасеку. Оба старика больше сидят теперь в хате. А хата всегда на запоре. Васек идет напрямик через скошенное поле, проходит под тополями, перелезает через плетень.

ГЕНКА И ГНЕДОЙ

Генка бродил по самым глухим зарослям леса, скрывая Гнедка. Днем он сторожил его, прислушиваясь к каждому шороху; ночью, припав к шее коня, обливал слезами его морду, гладил его и шептал ему в чутко настороженное ухо:

— Для чего я тебя воспитывал? Для лихого командира, на геройские дела!

Конь смотрел на него умными карими глазами. Вспыхивали в них, как слезы, золотые искорки. Черными мягкими губами касался он мокрой Генкиной щеки, вздыхал, раздувая ноздри, и тихонько ржал, чуя горе хозяина.

Мигали в траве зеленые светляки, прятались в темных зарослях лесные цветы, молчали птицы. Сквозь верхушки деревьев просвечивало темно-синее небо. Набегал ночной ветер, шевелил влажные от росы листья; просыпались совы, и в лесу становилось беспокойно.

Генке слышались шорохи и шепот, треск сучьев. Он пугливо озирался и, ведя коня за поводок, спускался с ним в овраг. Прятал его в густых камышах около реки.

Закрутив на руке длинный поводок, Генка садился на берег и смотрел на воду. В речной воде уплывали вместе с течением облака и звезды. А в глазах у Генки мчались по волнам на боевых конях бесстрашные бойцы... Мчался впереди всех Гнедко, управлял им лихой командир; горела у него на шапке красная звезда, в поднятой руке сверкала острая шашка. В кучу врагов врезался лихой командир, топтал их копытами верный конь...

Счастливая улыбка трогала Генкины губы.

Забывшись коротким сном, бессильно падал он головой в росистую траву, и во сне слышался ему тихий, пытливый голос деда:

"Може, и не побачимся мы с тобой, Генка, а?"

Яркие светлячки дедовых глаз с острой тоской смотрели на внука.

Генка крутил головой, съеживался в комочек:

"Може, и не побачимся, диду..."

Поднимались от влажной земли родные, знакомые запахи, склонялись над Генкой прибрежные травы, и предостерегающе шуршали высокие камыши:

"Берегись, Генка! Налетят фашисты — отнимут у тебя коня. Будет он врага на своей спине носить, копытами родные поля топтать!"

Заноет у Генки сердце, крепче сожмет он в руке поводок:

"Не будет мой Гнедко под ворогом ходить! Ускачем мы с ним в темные леса, в глухие чащи..."

Качаются над водой строгие камыши:

"Зачем прятаться боевому коню в лесу от врага? Кто ж раненого бойца с поля битвы вынесет? Вставай, Генка, ступай на широкий шлях — не проедет ли мимо лихой командир, не попросит ли у тебя боевого коня..."

Бежит сон от Генки. Встряхнувшись, вскакивает Генка на ноги, обнимает за шею Гнедка.

Что, как правда отнимут коня фашисты? Не боевая слава, а позор покроет голову его хозяина.

Садится Генка на своего коня, сжимает его крутые бока босыми пятками и, пригнувшись к мягкой гриве, стрелой летит на широкий шлях.

Осветит месяц темную холеную шерсть коня, застучат по камням его звонкие копыта.

Натянет поводья Генка, встанет на широкой белой дороге и ждет — не проедет ли мимо лихой командир, не попросит ли у него боевого коня. Долго стоят конь и всадник, облитые светом месяца, не знают, куда повернуть. Задымится над ними небо, завоют вражеские моторы, задрожит от ударов земля. Насторожит Гнедко уши, повернет к хозяину тонкую морду; не двинется с места Генка... Ждет!

Глава 25

ВАСЕК ТРУБАЧЕВ

Бобик звонким лаем извещает хозяев о госте. Матвеич открывает дверь, глядит на дорожку:

— А, хлопчик! Здорово, командир!

Из окошка высовывается серебряная голова Николая Григорьевича. Глаза старика так похожи на глаза Сергея Николаевича, что Васек, поздоровавшись с Матвеичем, радостно бежит к окошку.

— Иди, иди, пионер! Что давно не был у нас? Как там дела, а? — Старик долго держит в своих ладонях твердую, загорелую руку мальчика. — Как там команда твоя? Живы, здоровы? ... Угости-ка медком его, Матвеич!

Васек проходит в кухню.

Матвеич наливает ему в миску янтарный мед, кладет кусок хлеба:

— Ну, как в селе? Рассказывай, что знаешь! Васек макает в миску хлеб и рассказывает, как хозяйничают в селе гитлеровцы, как они ходят по хатам и берут все, что им вздумается.

— На людей смотрят хуже, чем на собак.

— Ну, а люди что? — спрашивает Иван Матвеич.

— А что люди? Молчат...

Васек опускает голову, Матвеич набивает трубку и ждет. Николай Григорьевич глубоко вздыхает.

— Ну, а Степан Ильич что? — осторожно спрашивает он.

— Дядя Степан у вас меду просит, говорит — чай пить не с чем.

Васек густо краснеет — ему неловко и стыдно за Степана Ильича. Но Матвеич оживляется:

— Меду просит? Чай пить не с чем? — Он смотрит на Николая Григорьевича, подмигивает ему и потирает свои большие руки. — Вот сластена! Скажи пожалуйста, меду ему захотелось!

Васек пробует выгородить Степана Ильича:

— Да это он так... Пошутил, может...

— Конечно, пошутил, — серьезно подтверждает Николай Григорьевич, прихлебывая с блюдечка чай.

Матвеич стучит по столу толстыми пальцами, морщит лоб:

— Что ж человека обижать! Ты скажи ему так: меду нет, пришлю сахару. Скажешь?

— Скажу.

Разговор затихает. Ваську хочется спросить, не слыхал ли Матвеич чего-нибудь о тех арестованных, которых увели из села гитлеровцы, но Матвеич вдруг ласково треплет его за чуб:

— Ну, а ты фашистов не боишься, хлопчик? Ведь их, верно, полное село нагнали, а?

— Много. По хатам солдаты стоят, а в школе офицеры и генералы ихние; там штаб.

— Хе-хе-хе, "штаб"! Да это тебе с перепугу показалось, — вмешивается Николай Григорьевич. — Полтора человека — это не штаб!... Ну, сколько ты там генералов видел?

Васек обижен:

— Мне на их генералов наплевать. Я их не боюсь. А что видел, то и говорю. И ребята

наши знают. Севка Малютин у деда Михайла живет — всех видит!

Матвейч грузно ворочается, жадно сосет трубку. Николай Григорьевич смотрит на Васька внимательными, серьезными глазами:

— Ты не обижайся. Мы с Матвейчем сидим тут, как в берлоге, ничего не знаем. Ты бы приходил почаще — нам веселее будет: все что-нибудь да услышим от тебя.

— Я еще не то знаю! — бодрится Васек. — Я сегодня на опушке леса орудия видел! Много их там фашисты навезли. И елками завалили, думают — не видно...

— Да что ты! — удивляется Николай Григорьевич, поглядывая на Матвейча. — В каком же это месте?

— Да около леса, на опушке, где молодые елки. Матвейч отодвигает миску с медом, ловит пчелу и, осторожно держа ее двумя пальцами за крылья, выпускает в окно. Долго глядит ей вслед, потом поворачивается к Ваську:

— Зоркий ты, хлопчик. Мабуть, и посчитал их для интересу?

— Кого — их?

— Да орудья-то фашистские, — небрежно говорит Матвейч.

— Нет, я не считал...

Живые глаза Матвейча внимательно разглядывают пионера Васька Трубачева.

— А ты посчитай!

— Я узнаю! Я все узнаю! — быстро говорит Васек. — И про штаб и про орудия. Мы с ребятами...

— Ну-ну! — прерывает его Матвейч. — Не кажи гоп, поки не перескочишь! Загребут тебя фашисты с твоими ребятами да как всыпят вам хорошенько, чтоб не лазили где не надо. Да еще нас, стариков, на березе повесят — тоже, чтоб не интересовались. — Матвейч кладет руку на голову Трубачева: — Чуешь, хлопчик, что я говорю?

— Не загребут нас фашисты! — волнуясь, шепчет Васек. — А ребятам я скажу, что мне так... самому интересно.

— Ну, действуй, — говорит Матвейч.

* * *

Торжественно, словно в почетном карауле, стоят ряды высоких тополей. Идет по дороге пионер Васек Трубачев. Не просто идет — высоко поднял голову, словно вырос за один час, покрепчал, силы набрался; смело шагает. Несет в своем сердце пионер первое важное задание; обуревают его вихрастую мальчишескую голову смелые и отчаянные планы.

Отныне крепко и нерушимо будет хранить он военную тайну, доверенную ему взрослыми партийными людьми. Бежит под босыми ногами пионера тропинка, бежит, перегоняет, забегает вперед, остается позади; низко кланяется, мягко стелется перед ним трава; гладят по плечам кусты, шумят навстречу деревья... Шепчутся с белками сосновые ветки, и поют птицы о том, что идет пионер, в первый раз получивший важное боевое задание. Вся земля, нагретая солнцем, ложится под ноги Трубачеву; даже скошенное, колючее поле не саднит его босых ног.

Родная земля! На все готов для нее младший из верных сыновей — пионер Васек Трубачев!

Глава 26

Р. М. З. С

Каждый день Мазин и Русаков рыскали по окрестностям в надежде найти какие-нибудь следы Мити. По разговорам взрослых и по всем предположениям было очевидно, что арестованных увели из села. Может быть, их заставили работать...

— Митя не будет работать на фашистов! — говорил Трубачев. — Он или убежит, или... — Он не договаривал, но ребята понимали, что значит это "или".

— У него комсомольский билет с собой, — тихо добавлял Одинцов.

Мазин хмурился, вздыхал:

— Пошли, Петька!

На дороге обнаружить какие-нибудь следы группы арестованных было невозможно. Тут шли и ехали люди, мчались мотоциклы, двигались целые колонны гитлеровцев. Мазин подробно обследовал тропинки около леса, оглядел кусты и деревья: он искал какой-нибудь знак, который мог бы оставить Митя.

Мальчики возвращались поздно, усталые, хмурые.

Ребята ждали их в Слепом овражке. Трубачев беспокоился, выходил навстречу и, взглянув на их лица, ни о чем не спрашивал.

Сегодня Мазин рано поднял Петьку. Макитрючка отрезала им по куску сала. Вздыхая, смотрела, как они прячут за пазуху хлеб, и, бренча заслонкой, ругала фашистов. Баба Макитрючка ругала фашистов с утра до вечера. Падала ли у нее из рук миска, пригорало ли в печи молоко — Макитрючка проклинала фашистов самыми страшными проклятиями.

— А щоб вы сгорели, проклятые! Щоб вам руки-ноги повыкручивало, очи повылазили! — кричала она, подбирая разбитые черепки или вытаскивая из печи пригоревшее молоко.

Гитлеровцы ловили по дворам кур, заходили в хаты, требовали сала, яиц. Макитрючка в первый же день прихода фашистов порезала своих кур и усиленно кормила ими Мазина и Русакова:

— Ешьте, хлопцы! Я над своими курами сама хозяйка. Кого хочу — того и угощу.

Ощипанные перья и косточки ребята относили на огород и зарывали в землю.

— Матка, кура есть? — заглядывая в хату, кричал солдат.

Макитрючка, собрав в упрямые складочки рот, смотрела на него серо — зелеными злыми глазами.

— Но-но... кура давай! — наступал на нее гитлеровец.

Макитрючка молчала до последней возможности, потом разражалась громкими жалобами:

— Откуда у меня куры? Где я их возьму? Всю меня обобрали, до ниточки! Последнего цыпленка со двора унесли. Нету, нету! Хотя весь дом обыщи — ни перышка не найдешь!

Она выбегала во двор, показывала пустой курятник. Мазин и Русаков с тревогой и любопытством смотрели в окно.

— Ось, диты мои, як с ними надо поступать! — удовлетворенно говорила Макитрючка, когда солдат уходил. — Свое добро переведу, а им не дам!

К Мазину и Русакову Макитрючка относилась хорошо, ничего для них не жалела и, зная, что они ходят по лесу в поисках Мити, давала им с собой на дорогу хлеб и сало. Сегодня, когда ребята объявили ей, что уходят надолго, она собрала еще один узелок и дала Мазину:

— На, хлопчик... Може, найдется ваш Митя, може, ще хто из наших голодный по лесу блукае або раненый лежит...

План у Мазина был простой. Ему пришло в голову, что если Мите удалось убежать от гитлеровцев, то голод приведет его на то место, где когда-то был раскинут их лагерь. Митя знает, что в землянке, которую они вырыли, сложены продукты — там есть консервы и мука. (По всем расчетам Мазина выходило, что если Митя скитается по лесу, то уж обязательно постарается найти место бывшей лагерной стоянки.) Посоветовавшись с Васьком и обдумав ночью свой план, Мазин едва дождался рассвета. Разбудил Петьку...

От реки узенькая тропка выводила на шоссе. Мокрая осока резала ноги. От влажного тумана одежда пропиталась сыростью. Кусты обдавали холодными брызгами. В остывших за ночь берегах неприятно плескалась река. Мазин торопился миновать село, перейти шоссе и укрыться в лесу. Он боялся встречи с фашистами. Петька почти бежал за товарищем, натянув на голову курточку.

Внезапно за густым ивняком раздался сердитый окрик:

— Вэг! Вэг!

Мазин быстро присел, дернул за ноги Петьку. Оба мальчика, скрывшись за кустами, затаили дыхание.

На берегу стоял дряхлый дед в серых штанах и холщовой рубаше, завязанной шнурочком у ворота. Он держал удочку и ведро с рыбой. Гитлеровец толкал его прикладом в спину:

— Вэг! Вэг!

Старик, согнувшись, прошел мимо мальчиков. Голова у него тряслась.

— Наша земля, наша река... — бормотал он, разводя руками.

Когда патруль скрылся, Мазин поднял Петьку. Мальчики пробрались к шоссе и нырнули в лес.

Над их головами, взметнув рыжим хвостом, прыгнула с сосны на сосну белка. Какая-то сварливая птица долго провожала мальчиков, перепархивая с ветки на ветку. Она так крикливо отчитывала их, что перебудила всех птиц. В лесу начинался день. Брызнуло солнце, кусты ожили, зашевелились. Колокольчики, полные свежей, непролитой росы, засинели среди дикого боярышника и высоких колючек с сиреневыми шапками. Около старых, мшистых пней выглянула из травы крупная земляника. Мальчики вволю полакомились; от ягод пальцы у них покраснели и душисто пахли земляничным соком.

Наступил полдень. Ребята выбрали тенистое местечко. Защищенное со всех сторон густым орешником, оно было похоже на беседку. Мазин разложил на платке хлеб, снял с пояса фляжку с водой. Оба с жадностью накинулись на еду. На платок полезли муравьи. Большой рыжий муравей ухватил крошку хлеба и пятился задом, держа ее в цепких лапках. Мазин хотел сбить муравья щелчком, но Петька не дал.

— Ну что тебе, жалко? Силу свою показать хочешь? — рассердился он на товарища. — Пускай тащит!

— "Пускай"! — проворчал Мазин, наблюдая за муравьем. — Я ихнюю повадку знаю — он сейчас весь муравейник на помощь приведет...

К муравью действительно приползли на помощь такие же рыжие большие муравьи; они ухватились за хлебную крошку и тащили ее в разные стороны. Мальчики заинтересовались муравьями. Неподалеку оказался муравейник.

— Ишь, трудятся! — с уважением сказал Мазин и, подержав над муравейником ладонь, сунул ее Петьке: — Понюхай. Муравьиный спирт вырабатывают...

Но Петька уже забыл о муравьях. Он думал о чем-то своем, обхватив руками голые коленки и часто вздыхая.

— Чего это ты? — покосился на него Мазин.

— Ничего... Я думаю, Мазин... как бы не умерла моя мама...

Петька шмыгнул носом. Мазин протянул ему серую тряпку — бывший носовой платок.

— Высморкайся, — разрешил он. Потом, помолчав, спросил: — А чего же это она так, с бухты-барахты, помрет вдруг?

— А первая моя мама отчего умерла?

— Не знаю.

— Так и эта может умереть... Будет ждать, ждать... Петька снова высморкался и шепотом добавил: — А потом умрет...

Мазин вдруг вспомнил свою маленькую комнатку и больную мать с повязанной полотенцем головой.

— Эх, жизнь! — тоскливо протянул он. — Плохо быть семейным человеком, Петька...

Петька, услышав в его голосе сочувствие, заплакал.

Мазин сморщил лоб, выпятил губы и уставился на ореховый куст. Потом опустил глаза, одним щелчком сбил с платка муравьев и встал.

— Враги кругом... война... а мы за мамочкины юбки хватаемся! — сердито сказал он. — Здоровые парни... нам воевать пора!

Петька взмахнул длинными ресницами, мокрые глаза его заблестели.

— Воевать, Мазин?

— А что же, плакать? — жестко усмехнулся Мазин.

Петька вцепился в его плечо и лихорадочно зашептал:

— Надо было тогда... с Красной Армией уйти... я говорил...

— А товарищей бросить?

— Не бросить, а просто уйти...

Мазин покачал головой, задумался. Петька выжидающе смотрел на него:

— Мазин...

— Надо оружие достать. И всем отрядом — в бой! — сказал Мазин, раздувая ноздри.

Где-то хрустнула ветка. По траве, вытягивая вперед острую мордочку, пробежал ежик. Мазин встал:

— Ну, пошли скорей!

Петька завязал узелок, надел его на палку.

Шли долго. На повороте, где когда-то Сергей Николаевич ждал ребят, был врыт столб. На столбе была прибита доска с надписью на чужом языке. Мазин схватил увесистый булыжник, оглянулся. На шоссе было пусто. Петька тоже поднял камень. Вдвоем они сшибли доску на землю и потоптали ее ногами:

— Наша земля, наша дорога!...

Потом, взволнованные и довольные этим происшествием, углубились в лес. Шли по памяти и по оставленным когда-то дорожным знакам. У обоих болели ноги, но, чем ближе они подвигались к лагерной стоянке, тем больше ускоряли шаг. Обоими владела одна мечта — найти какой-нибудь след Митиногo пребывания в лагере.

— Эх, жизнь! — время от времени бросал на ходу Мазин.

В папоротнике желтели лисички. Под старыми дубами крепко сидели на толстых ножках боровики; под молодыми сосенками ютились маслята, к их коричневым шапкам лепились прошлогодние листья и сосновые иглы. Мазин нагнулся и поднял разломанный пополам гриб; другой гриб, рядом, был раздроблен на мелкие куски. Мальчики одновременно наклонились над ним, стукнувшись головами.

— Копыто лошади, — прошептал Мазин.

Петька, ползая на четвереньках, указал товарищу на глубокий, вдавленный след:

— Давно проехал — в ямку иглы нападали.

Мальчики медленно передвигались с места на место. Следы привели их к кусту рябины.

Ветки ее с одной стороны были сильно примяты.

Мазин указал на коротко выщипанную вокруг траву:

— Лошадь паслась...

— Генка! — радостно шепнул Петька.

— А может, фашист?

Тревога сжала сердца мальчиков. Перебегая от дерева дереву, они осторожно подошли к лагерной полянке. Там было тихо и безлюдно. Чернело обожженное костром место, где Синицына варила кашу. Валялись обрубленные ребятами колья Мазин и Русаков долго не могли найти яму, где были сложены продукты и вещи. Замаскированная дерном, она была почти незаметна среди зелени. Наконец Петька вспомнил, что немного влево от этого места он воткнул кустик орешника. Кустик, уже засохший и сморщенный, был на месте. Мазин приподнял край срезанного дерна. Под ним забелела палатка. Мальчики лихорадочно считали продукты и вещи:

— Палатка одна, а было две... Консервов мало... хлеба нет!

— Аптечка... Ящик с аптечкой! Я сам его клал. Вот тут клал! — захлебываясь, шептал Петька. — И письма в клеенке, которое Сергею Николаевичу оставили, тоже нет. Одинцов его над костром вешал, я сам видел!

У Мазина беспокойно бегали глаза, он что-то искал: перебрасывал вещи, вытаскивал посуду, заглядывал на дно.

— Это кто-то другой был, — мрачно заявил он на вопросительный взгляд Петьки.

Усталость и печаль овладели обоими. Мазин долго сидел задумавшись над раскрытой ямой. Митя оставил бы ребятам письмо или хоть какой-нибудь знак, что он жив. Мазин встал, обследовал поляну, спустился к реке.

Наступили сумерки. Петьке стало страшно. Он сел, пристально вглядываясь в темнеющий лес. С берега донесся до него торжествующий крик:

— Сюда! Сюда!

Мальчик стрелой понесся на голос товарища. Неожданное зрелище предстало перед его глазами. Мазин плясал танец диких, высоко вскидывая ноги и выкрикивая одни и те же слова:

— Бинточки! Бинточки! Тра-ля-ля! Тра-ля-ля-ля!...

В руках его болтались длинные серые бинты из полотна бабы Ивги. Петька мгновенно захватил себе другой конец и тоже пустился в пляс:

— Митины бинточки! Тра-ля-ля!

На берегу валялся пустой ящик из-под аптечки.

Через несколько минут, выкупавшись в реке, голодные, но счастливые, ребята уселись на берегу. Незаметно подкрался вечер. Костер разводить боялись. Петька принес банку консервов, но Мазин решительно велел положить банку обратно.

— Это Митино, а ты берешь! Ведь он где-то в лесу блуждает, у него весь запас тут, — с укором сказал он.

Петька смутился и сейчас же предложил:

— Мазин, останемся тут навсегда! Он придет — а мы тут!

Оба замечтались о встрече с Митей. Мазин глядел в темное небо и, потягиваясь, радостно бормотал:

— Эх, жизнь!

Он представлял себе, какую счастливую весть принесут они с Петькой ребятам. И,

словно угадывая его мысли, Петька добавил вслух:

— А Трубачев-то! Трубачев прямо с ума сойдет от радости!

— Все с ума сойдут! А мы не сошли?

— Я сошел! — радостно уверил Петька.

Лес уже не казался страшным: где-то тут, в этом лесу, бродил Митя...

Заснули неожиданно и так же неожиданно проснулись.

Темный вечер сменило ясное утро. Радость стала еще больше. еще значительнее. Митя жив! Он где-то здесь — может быть, недалеко от них. Мазин решил пройти в глубь леса, а перво-наперво написать Мите письмо и замаскировать яму. Письмо писал Петька. Мазин, стоя над ним, диктовал, тщательно подбирая простые слова, чтобы не наделать грамматических ошибок:

— "Дорогой Митя! Ты жив, мы тоже живы. Нашли твои бинты и все угадали. Мы живем там же. Слушаемся дядю Степана и Трубачева тоже. Ты живи здесь, а то всюду фашисты. В Ярыжках фашисты и на станции Жуковка. Наши их бьют, а они все лезут — Мазин вспомнил сшибленную доску с чужой надписью и продиктовал: — Мы тоже без дела не сидим и сидеть не будем".

Потом он задумался и, не зная, что еще добавить, почесал затылок:

— Эх, жизнь!

Петька послунил карандаш, записал последние слова и незаметно для Мазина поставил в углу четыре буквы: Р. М. З. С.

Положив письмо, они тщательно замаскировали яму и двинулись в лес.

— А Трубачев-то! Еще не знает, что Митя жив! — несколько раз повторяли мальчики, вспоминая Васька.

* * *

Но Васек уже знал. В это утро в хате Степана Ильича неожиданно появился Генка. Он стоял у порога; армяк на нем был разорван, лицо осунулось, пожелтело, глаза лихорадочно блестели.

— Где конь? — тихо спросил его Степан Ильич.

Васек Трубачев, Саша и Коля Одинцов со страхом ждали ответа. Генка глубоко вздохнул, вытер грязной ладонью щеки:

— Отдал...

— Колхозного коня отдал? — Степан Ильич потемнел. Колхозного коня? Кому?!

Генка вскинул голову, сердито блеснул глазами:

— Мите!

КРАСНЫЙ ГАЛСТУК

В Слепом овражке собрались все ребята. Были тут и Грицько и Ничипор. Пришли из Ярыжек Игнат с Федькой. Не хватало только Мазина с Русаковым. Они все еще не возвращались из своего путешествия. Перед сбором Игнат долго советовался о чем-то с Трубачевым. Саша Булгаков, стоя на часах, с радостной улыбкой прислушивался к тому, что происходит в овражке. Там, на затонувшей коряге, удобно расположившись на толстых корнях, ребята слушали Генку. Генка сидел на самом почетном месте. Лицо у него было усталое, темная, обветренная кожа туго натянулась на скулах, на висках обозначились ямки, но карие глаза сияли.

— ...Я чувю — выстрел... один, другой... Я до Гнедка... А тут... Митя ваш из кущей як выскочит! Рубаха на нем порвана, задохнулся весь. — Генка обвел ребят затуманившимся взглядом. — Ну и... отдал я ему коня...

— Ускакал он? — живо спросил Одинцов.

— Ускакал...

Малютин обнял Генку за шею:

— Митя хороший, он не обидит Гнедка! Ты не бойся, Генка.

Игнат встал. Растроганная улыбка лишала его обычной степенности, но голос звучал торжественно.

— Товарищи! — Он обвел всех взглядом и остановился на Генке. — Я так думаю, товарищи: если человек сделал плохой поступок, то его надо наказать, и это будет правильно. Гена Наливайко, наш ученик и пионер, за плохой поступок против дисциплины лишился галстука... Галстук у него отобрали... — Игнат снова обвел взглядом всех присутствующих. — Верно я говорю?

— Верно... — неохотно подтвердили ребята.

Генка забеспокоился, сжал сухие губы и исподлобья следил за Игнатом. Игнат повысил голос:

— Но Гена Наливайко не такой человек, чтобы на него не можно было надеяться... Он человек верный, и когда подойдет такая минута, то он так поступит, как другому не поступить. Я то хочу сказать, товарищи, что Генка не испугался выстрелов и не ускакал, а отдал комсомольцу Мите своего коня... Поступок это хороший, пионерский. И, значит, так мы и порешим, что Гена Наливайко свой галстук заслужил! Кто согласен, поднимайте руки!

— Все! Все согласны! — дружно откликнулись ребята.

Саша выглянул из-за кустов:

— Потихе, а то слышно очень!

— Добре. Ну, а раз все согласны, так я передаю пионеру Гене Наливайко его галстук.

Игнат торжественно вытащил из-за пазухи красный галстук. Генка вспыхнул.

— Бери, бери, Генка!... Ну да чего! Бери! — зашумели ребята.

Генка осторожно взял галстук, повязал его на шею. Гузь шлепнул его по спине:

— Добрый хлопец!

Грицько, протягивая через все головы руку, улыбался:

— Давай свою руку. Гена! Давай сюда!

Васек был растроган и хотел что-то сказать, но Ничипор вдруг зашевелил в воздухе

пальцами и, потоптавшись на коряге, поднялся.

— Я тоже хочу держать речь насчет нашего Гены и, конечно, про себя скажу... — Он кашлянул в кулак и, переставив свою ногу на ногу Федьки, продолжал, не обращая внимания на то, что Федька Гузь крепко двинул его ногой и стукнул по спине. — Я, конечно, прошлым летом тонул... И, конечно, был я в плохом положении — ухватиться не за кого. Ну, утопленник, да и все!

— Утопленник, а на ноги лезет! — проворчал Гузь.

У ребят заблестели в глазах насмешливые искорки.

— Ну и что? Выплыл?

Ничипор вытащил из кармана платок, не спеша вытер нос и невозмутимо продолжал:

— Конечно, я давай кричать...

— А что ты кричал? — с интересом спросил Одинцов.

— Караул! — бросил Грицько и, опрокинувшись навзничь, залился смехом.

Ребята тоже расхохотались, даже Генка засмеялся. Васек рассердился:

— Ребята, не дело!

Все замолчали.

— Ну, так что ты кричал? — побаиваясь Трубачева, тихо спросил Коля Одинцов.

Ничипор повернулся к нему всем своим нескладным телом и неожиданно сказал:

— А вот полезай под воду, тогда и узнаешь, что кричал!

— Го-го-го! — загоготали опять ребята.

Игнат нахмурился:

— Федька, стукни по шее вон тому тонкому, — ты ближе сидишь.

— Кому? Мне? — вскочил Одинцов.

— Хоть и тебе. Чтоб не гигакал зря!

— Ого... — начал было Одинцов.

Но Васек возмущенно крикнул:

— Молчи! Что это вам — цирк? Вы на пионерском сборе находитесь! Дайте человеку слово сказать!

— И правда, что вы все напали на него? — заступился Малютин.

— А кого он боится? — усмехнулся Грицько. — Он и в школе так... У одной Марины Ивановны с ним терпения хватает. Каждый день она заставляет его рассказывать. Как идем с уроков, так сейчас и приказывает: "Ничипор, расскажи что-нибудь!"

— Хорошая она у вас... — задумчиво сказал Сева.

— Другой такой нету, — серьезно подтвердил Грицько.

— Говори, что хотел сказать, — кивнул Ничипору Трубачев.

— Да не тяни за душу, как кота за хвост! — сердито бросил Игнат. — Говори сразу, как там с тобой дальше было.

— Добре, — согласился Ничипор и, скрестив пальцы, пощелкал суставами. — Так я, конечно, тонул...

— Опять за свое! — угрожающе вскинул брови Игнат.

Ребята беззвучно тряслись от смеха.

— Я знаю, что он хочет сказать, — вдруг усмехнулся Генка. — Это история в двух словах. Он тонул, а я его вытащил! Верно?

— Верно, — подтвердил Ничипор и с удовлетворением сел на свое место.

— Скажи ты теперь свое слово, — обернулся Игнат к Ваську.

Васек встал:

— Я скажу за себя и за своих ребят, потому что мы все одно чувствуем... Ты хороший

человек, Генка. Ты ведь знаешь, как мы о Мите думали... (Васек махнул рукой, отвернулся. Ребята насупились.) Спасибо, Генка! Спасибо от нас всех... И если придется тебе в жизни... ну плохо, что ли... так ты помни: у тебя есть товарищи! — закончил Васек.

— Спасибо тебе! Спасибо, Гена!... — потянулись к Генке ребята.

— Ну, чего там... — смущенно и радостно отмахивался Генка.

— Ну, вот и все... Договорились, значит, — улыбнулся Игнат и тут же, взглянув на обрыв, заторопился: — А теперь давай прячь, Гена, свой галстук, да разойдемся кто куда, а то чего-то Сашко беспокоится.

Саша действительно делал какие-то таинственные знаки. В один миг коряга опустела. На ржавую поверхность болота ложился оранжевый отблеск заходящего солнца. Какая-то птичка пролетела над болотом, держа в клюве толстого червяка. Огромный жук-рогач с разлету шлепнулся на корягу, осмотрелся и с ворчливым гудением полетел дальше.

ДЕД МИХАЙЛО И ЕГО ВНУКИ

Дед Михайло жил теперь в самой гуще событий.

— Як в аду кромешном... С ведьмаками живу! В пекле! — дергая седую бородку, потихоньку рассказывал он Степану Ильичу. — И двое внуков у меня теперь стало.

— Двор метешь?

— Мету.

Степан Ильич, усмехаясь, смотрел в лукавые, острые, как буравчики, глаза деда:

— А классы метешь?

Дед Михайло вытащил из-за пазухи кисет — в нем звякала связка ключей. Наклонившись к Степану Ильичу, он что-то зашептал ему на ухо.

— Осторожней там, — предупредил его Степан Ильич.

— Эге! Осторожному только на печке сидеть, — проворчал дед.

В школе помещался фашистский штаб. По коридору щелкали офицерские каблуки, у дверей стояли часовые. Толстый, грузный генерал со своим адъютантом жили в двух классах. Там же собирались штабные офицеры. Михайло не понимал ни одного слова из того, что говорили немцы.

— Язык у них тяжелый! Нияк не изучить! И услышишь, а не поймешь! — сокрушенно жаловался он. — А мое дело такое — вроде за дворника я у них. Туда-сюда! Передник надел — и готово! Денщики ленивые, як свиньи! Генерал за ворота — они на диваны! Ноги вверх, сигару в зубы! "Батька, фу-фу, грязь... пошоль, уборка делать!"

Степан Ильич задумчиво крутил козью ножку:

— Без языка плохо... Что ты сделаешь?

— А что я сделаю? — подпрыгивал дед. — Ничего я не сделаю! Убить их — другие придут. Что я сделаю?

— Там побачим, что к чему... Ты в доверие входи, угождай... Понял? А то старым дурнем прикидывайся...

— Тьфу! — плевался дед Михайло. — Як бы дело какое, а то зря душу мараешь!

...Сева Малютин считался внуком деда Михайла. В старой Генкиной рубашке и широких штанах он выглядел украинским хлопчиком, только бледное, незагорелое лицо и русская речь отличали его от Генки. Но гитлеровцы не обращали внимания ни на старика Михайла, ни на его внуков. Они сбрасывали около мазанки деда старый хлам, заставляли его чинить солдатам обувь, убирать комнаты, держать в чистоте двор. Генка в это дело не мешался; он, стиснув зубы, не глядя, проходил мимо гитлеровцев и чаще всего, сидя в своей мазанке, думал о Гнедке. Теперь у Генки была одна радость — возвращенный галстук. Ночью, лежа на нарах, он осторожно вытаскивал галстук из сенника, завязывал его на груди и гладил мягкий узелок.

— Що, заработал? И где ж ты его заработал? Ты его нигде не заработал! — ласково поддразнивал его дед.

Генка вспоминал тревожные ночи, глухие лесные тропы, запачканные влажной землей копыта Гнедка и отвечал:

— Заработал.

— Эге! Значит, опять пионером будешь?

— Буду.

— Хе-хе-хе! — счастливо смеялся дед. — И комсомольцем будешь?

— И комсомольцем буду.

— И коммунистом будешь?

— И коммунистом буду, — усмехался Генка.

— Ну, черт! Вот черт! — восхищался Михайло. — Значит, деду и помирать можно спокойно, а?

— А чего тебе помирать? Живи, — разрешал Генка.

Оба затихали. Каждый думал о своем, но мысли их сходились. Из школы доносились чужие голоса.

— Погибель на вашу голову! — тихо бормотал дед.

Генка, приподнявшись на локте, напряженно всматривался в широкие окна школы. В освещенных окнах двигались фигуры фашистов.

— Прогонят их, диду?

— Фашистов? Обязательно! — твердо говорил дед. — Сами побегут... весь свой фасон по дороге растеряют! До самого Берлина поскачут, да и в Берлине места себе не найдут!

Завернувшись в одеяло, Сева лежал на скамейке. Он с тоской думал о матери, вспоминал девочек — Лиду, Валю и Ньюру. Представлял себе Митю блуждающим по лесу, беспокоился за Мазина и Русакова. Сева всей душой тянулся к Ваську, но в последнее время Васек изменился. Он стал более сдержанным и при встрече с Севой часто молчал, как бы обдумывая что-то про себя. Недавно они с Трубачевым стояли у колодца. Задумчиво глядя на Севу, Васек неожиданно сказал:

— Вот что интересно: о чем фашисты между собой в комнате говорят?

— Не знаю, я там не был... Туда не пустят! — испуганно ответил Сева.

— . А ты... как-нибудь... под окошком послушай, что ли...

— Окошки закрывают. И часовые везде, — озабоченно вглядываясь в Трубачева, шептал Малютин.

Глаза у Трубачева были упрямые, взгляд их куда-то убегал.

— А ты попробуй все-таки...

— Я попробую, — серьезно сказал Сева.

Васек быстро наклонился к нему:

— Главное, чтобы никто не знал, что ты понимаешь немецкий язык!

Они постояли и разошлись. Севе было о чем подумать.

Мысли, глубокие и тайные, одолевали его. Хотелось откровенно поговорить с Трубачевым, но он понимал, что Васек все равно не ответит на его вопросы.

Теперь по утрам Сева надевал передник деда и шел к воротам. Он подметал двор, прибирал около крыльца брошенные огрызки сигарет и чутко прислушивался к тому, что говорят между собой фашисты.

— Они говорят, что Гитлер возьмет Москву! — весь дрожа сообщил он однажды Ваську.

ДВЕ ВСТРЕЧИ

Тоскуя о матери и об оставленных дома мал мала меньше, Саша собирал колхозных ребятишек: играл с ними, строил им домики, учил их тем песням, которые пели когда-то в детском саду его сестренки. Жорка не отходил от Саши. И с самого утра во двор Степана Ильича с разных концов села бежали ребятишки. Некоторых приносили матери и, посадив на крыльцо, просили Сашу:

— Погляди за ним, хлопчик, чтобы беды не случилось!

Губная гармошка иногда привлекала малышей. Фашисты, подпустив близко какого-нибудь заслушавшегося музыкой карапуза, вдруг хватили его, как котенка, за шиворот или направляли на него ружья, пугая:

— Пуф-пуф, киндер!...

Саша оберегал ребят как мог. Он уводил их на полянку за клуней и там часами возился с ними. Однажды Васек слышал, как, собрав семилеток, Саша говорил им о школе, о Москве, о Красной Армии.

— Фашисты — наши враги, они заняли нашу землю, они у нас все берут... — объяснял Саша.

— И у нас берут! — вставлял какой-нибудь малыш. — А батька нашего увели...

— И нашего увели!

— А у нас из скрини добро украли! — жаловались другие.

В каждой хате были обиды, которые понимали даже дети.

— Офицер нашу бабку ударил...

Саша говорил о Красной Армии:

— Придут сильные, смелые бойцы с красными звездами на шапках...

— Як наш батько! Он тоже в Красную Армию пошел!

— И наш Павло тоже пошел!

— И Василь наш, — вспоминали дети.

— ...Придут красные бойцы и прогонят злого врага! — с глубокой верой говорил Саша.

— И к нам придут! — радостно шептали малыши, прижимаясь к Саше.

Васек обнял товарища:

— Это хорошо, что ты им все рассказываешь. Только гляди в оба, Саша!

Васек и сам глядел.

— Куда ты с ними идешь? — спрашивал он товарища.

— За клуню.

— Не надо. На полянке садись, чтобы кругом тебе видно было — нет ли гитлеровцев...
Постой, — окликал он Сашу, — иди сюда!

Саша возвращался.

— В траве иногда солдаты валяются — за цветами не видно. Оглядывайся хорошенько.

— Да не бойся, я смотрю, — улыбался Саша.

Васек собрался на пасеку. Уже два раза ходил он к Матвеичу, передавал ему свои наблюдения и рассказывал все, что слышал в селе.

Стоял жаркий июль... Ту же натянув на голову свою тюбетейку, Васек вышел на улицу. На каждом шагу попадались гитлеровцы; люди пробирались сторонкой, чтобы не встретиться с ними. Васек шел смело, размахивая пустой корзинкой.

— Пойдешь за грибами? — спросил его утром Степан Ильич.

— Пойду, — не сморгнув ответил Васек.

Степан Ильич озабоченно постучал пальцами по столу, покусал светлые усы. Васек ждал, не даст ли он какого-нибудь поручения к Матвеичу, но Степан Ильич ничего не сказал.

По дороге шла группа солдат; лица у них были красные от жары, вороты расстегнуты. Васек спрятался в первый попавшийся двор, переждал, потом, зорко глядя по сторонам, снова вышел на улицу.

Впереди показался высокий старик. На нем был серый пиджак и старый, помятый картуз, низко надвинутый на лоб. Он слегка хромал, опираясь на палку. Васек забеспокоился — что-то неуловимо знакомое показалось ему в этом старике... И чем ближе тот подходил, тем сильнее волновало Васюка странное сходство старика с кем-то, кого он не мог еще вспомнить.

Поравнявшись с мальчиком, старик вскинул на него серые блестящие глаза. Васек смешался, оробел и, задышавшись от волнения, прошептал:

— Здравствуйте...

Он узнал секретаря райкома. Радость, испуг, тревога за этого человека охватили его. Старик внимательно посмотрел на мальчика, но не ответил и, хромя, прошел мимо. Васек боялся оглянуться. Ему казалось, что отовсюду следят за стариком глаза фашистов. Тысячи мыслей вертелись в голове. Зачем он пришел? Разве он не знал, что здесь враги? Каждый из села мог нечаянно выдать его, окликнув по имени. Что делать? Как предупредить несчастье, которое так легко может произойти?

Васек поглядел вслед секретарю райкома. Тот шел спокойно, как человек, который хорошо знает, куда и зачем он идет. И тогда Васек вспомнил его слова: "Коммунисты всегда будут среди народа, первыми в этой борьбе".

За селом, на лугу, Саша сидел с ребятами. Васек подбежал, хлопнул товарища по плечу и возбужденно сказал:

— Эх, Сашка, ничего-то ты не знаешь! А у меня такая тайна, которую я даже тебе сказать не могу!

Саша промолчал. У него тоже была своя тайна...

Один раз Костичка попросила Сашу собрать на лугу щавель — трудно было ей прокормить троих детей: гитлеровские солдаты отняли все запасы крупы и сала. Жене кузнеца Кости, чем могли, помогали соседки; баба Ивга передавала ей хлеб для детей. Саша всегда был рад сделать что-нибудь для Костички. Он встал рано, спустился к реке. На другом берегу луг был не скошен — там было много щавеля. Саша сложил одежду в корзинку, вошел в воду и поплыл, держа корзинку над головой. Мальчик еще не достиг берега, как кто-то окликнул его осторожным хриплым шепотом:

— Хлопчик...

Саша испуганно шарахнулся в сторону, не решаясь выйти из воды.

— Эй, хлопчик! — снова донеслось до него из зарослей ивняка. — Иди сюда, не бойся...

Из кустов выглянул какой-то человек. У него было желтое скуластое лицо с сухими, потрескавшимися губами. Рубаха на груди заржавела от крови, глаза ввалились и глядели на

Сашу настороженно и сурово.

— Свой я... Чего от своих бежишь?

Саша с замирающим сердцем подошел к незнакомому человеку.

— Стоят фашисты у вас? — тихо спросил тот, кивнув головой в сторону села.

— Стоят, — прошептал Саша.

— Много?

— Много...

Незнакомый сдвинул брови, набрал ладонью воду, жадно хлебнул:

— Красноармеец я... раненый... к своим пробираюсь. Не слышал — есть наши в лесу?

Саша насторожился. Вспомнил Митю... Где-то в лесу бродит Митя; может быть, там и другие люди, бежавшие вместе с ним... Но Саша молчал.

— Не слышал, есть наши в лесу? — тоскливо повторил красноармеец и снова жадно хлебнул с ладони воду. Потом поглядел на Сашину корзинку и быстро спросил: — Хлебца нет у тебя? Голод мучит...

— Я сейчас принесу, — заторопился Саша.

— Принесешь? Ну, принеси... — с заблестевшими глазами прошептал раненый. — Только, слышь... — Он тронул Сашу за плечо: — Скажешь кому — убьют меня!

Саша отчаянно замотал головой:

— Нет, нет, что вы... никогда не скажу!...

Красноармеец поглядел ему в глаза:

— Ну, беги...

Саша, торопясь, переплыл речку, натянул одежду и, не оглядываясь, пошел к своей хате. "Сказать или не сказать ребятам? Может, посоветоваться с Васьком? Шепнуть бабе Ивге? Нет, нельзя! Никому нельзя сказать... Каждое слово сейчас может выдать. Ребята разволнуются, начнут шептаться: кто, что... А этот красноармеец про лес спросил... — вспомнил Саша. — Может, надо было сказать ему про Митю?"

В хате никого не было. Саша схватил ломоть хлеба, несколько луковиц. В шкафу на тарелке лежал кусочек сала. Мальчик спрятал сало и лук за пазуху, хлеб положил в карман.

Назад шел осторожно, оглядываясь по сторонам: ему казалось, что из всех кустов следят за ним чьи-то глаза.

На берегу было тихо, но, когда мальчик уже собирался спуститься к воде, на тропинке показались два немецких солдата.

Саша спрятался в кусты. Солдаты остановились и стали раздеваться. Потом вошли по пояс в воду и не спеша начали мыться. Саша в отчаянии поглядел на тот берег.

Кусты ивы не шевелились. Солдаты купались долго. Потом ушли. Когда их голоса совсем затихли, Саша вылез из кустов, разделся и, держа над головой корзинку с одеждой, в которой были завернуты хлеб и сало, поплыл. У берега он остановился, прислушался.

— Дяденька!

Никто не ответил.

— Дяденька! — повторил Саша.

Везде было пусто и тихо. Только примятые ветки ивы напоминали о раненом красноармейце. Саша посмотрел на густую осоку, на луг...

За лугом начинался колючий молодой сосняк. Мальчик, пригнувшись к высокой траве, бросился бежать к сосняку. Он прошел между рядами молодых деревьев; сосновые ветки царапали его плечи, иглы кололи ноги. Но здесь тоже было пусто. Мальчик понял: красноармеец ушел... испугался фашистов или его, Саши... Ушел, не дождавшись хлеба.

Саша вернулся к реке. У примятых кустов ивы он вынул из корзинки сало и хлеб, положил

на траву и в последний раз тихонько позвал:

— Дядечка...

В эту ночь баба Ивга часто подходила к Саше, трогала ладонью его голову. Саша не спал. Ему чудились выстрелы, слышались стоны, доносившиеся с реки. "Почему я не сказал ему, что в лесу Митя?" — горько раскаивался Саша.

Утром он снова пошел на берег, переплыл на ту сторону. Под ивой не было оставленной еды. "Взял он или не взял хлеб? Если бы склевали птицы, были бы крошки..."

Много дней еще Саша тревожно прислушивался ко всякому шуму на селе, бродил один по берегу реки, рискуя попасться на глаза фашистам, пробирался за село, в ближний лес.

Потом нахлынули новые события, воспоминание о раненом отошло, осталась только одна мысль, которая всегда мучила Сашу: "Взял он или не взял хлеб?..."

Товарищам Саша ничего не сказал.

"ЗЕЛЕНЕНЬКИЙ ПОЕЗД..."

В этот день Ваську не удалось побывать на пасеке. Случилось еще одно событие, взволновавшее ребят. За околлицей Васька догнал запыхавшийся Одинцов.

— Игнат передал, чтобы после обеда мы трое в овражек пришли. У него какое-то спешное дело, — торопливо сказал он.

Пришлось повернуть назад.

— А что за дело, не знаешь?

— Не знаю. Он не говорил. Только обязательно велел прийти.

После обеда Саша, Одинцов и Васек по одному пробрались в овражек.

Ждали долго. Уже солнце начало садиться, когда сквозь кусты просунулась голова Игната.

— Я Ничипора наверху поставил... — шепнул он.

— Ладно. А в чем дело у тебя? — нетерпеливо перебил Васек. Он был расстроен тем, что не попал на пасеку, где давно уже не был.

— А дело вот какое... — Игнат вытащил из кармана пачку бумаг. Здесь были листы, вырванные из школьных тетрадок, писчая бумага и даже кусочек светлых обоев. — Держи, — сказал Игнат, передавая Ваську пачку. — Это мои хлопцы по селу кое-где бумаги пособирали, а то писать не на чем. А вот это нам задание...

Он осторожно достал из-за пазухи завернутый в газетную бумагу листок и расправил его на коленке. Ребята вытянули головы и с любопытством прочли заголовок:

ВЕЧЕРНЕЕ СООБЩЕНИЕ 3 АВГУСТА

Сводка была написана четким почерком, рукой взрослого человека.

— Читайте про себя, — тихо предупредил Игнат.

Лица у ребят покраснели от волнения, губы зашевелились.

"...После 6-часового боя полк противника, окруженный с трех сторон нашими частями, был разгромлен... На поле боя фашисты оставили больше 1500 убитых и раненых немецких солдат..."

В овражке была тишина, слышались только прерывистое дыхание и легкий шелест бумаги, лежавшей на колене Игната; каждому хотелось потрогать листок, прикоснуться к нему.

— Игнат, откуда это?

— Откуда — это не наше дело. Наше дело — переписать чисто, понятно да осторожненько расклеить. Вот я и принес вам. Тут бумаги на десять таких листовок хватит. В Ярыжках и еще кое-где мы уже порасклеивали. Только смотрите, хлопцы: попадетесь — плохо будет... Тогда уж... — Игнат покачал головой. — Одним словом — кто дал, где взяли... — Он строго посмотрел на товарищей.

— Предателей среди нас нет, — просто сказал Васек, спрятал на груди листовку и развернул пачку чистых бумажек. — Эх, сколько тетрадей мы в школе бросили! Знать бы раньше, что понадобятся... — с сожалением сказал он и вдруг, перевернув один листок, вырванный из школьной тетрадки, удивленно заметил: — А здесь стихи какие-то... и зачеркнуты... Это что?

— Да это — так... Видно, кто-то из школьников последние листки из тетрадки вырвал да отдал. Ну, на этом листке не пишите — и все!

— Что? Что? — рассеянно переспросил Васек и медленно прочитал вслух первые строчки стихов:

*Зелененький поезд сюда нас привез,
Заехали мы на Украину в колхоз...*

— Зелененький поезд? — живо перебил его Саша. — У нас тоже был зелененький поезд... Странно... — сказал он, заглядывая в листок.

— Читай, читай! — заторопил Одинцов. Сквозь тонкую кожу на его лице проступили красные пятна, и даже веки покраснели.

Васек громко, с волнением в голосе прочитал дальше:

*С любовью нас встретили, точно родных, -
В Советской стране не бывает чужих,
Все любят друг друга и славно живут.
Да здоровствует мирный и радостный труд!*

— Игнат! Где это взяли? Откуда? Ребята! Ведь это... это писала Нюра Синицына, — прошептал Одинцов.

— Это наша Нюра... я узнал... И, может, она жива? Может, все они живы? — заволновался Саша.

Васек посмотрел на товарищей и покачал головой:

— Эти стихи Нюра могла написать в первые дни, когда мы только приехал". И, может, потеряла тетрадку или отдала кому-нибудь из здешних девочек... Мы возьмем себе на память эти стихи... Только надеяться на что-нибудь, по-моему, нельзя...

— Да, конечно... Митя сам видел разбитый грузовик, — упавшим голосом сказал Саша.

Все замолчали. Игнат глубоко вздохнул, поправил свою кубанку:

— Кого нет — того нет. О живых надо думать... Так вот, я свое слово сказал. А вы тут постарайтесь. Может, успеете, так к ночи и расклейте.

— Ладно. Сделаем, — поднимаясь, сказал Васек. — Выходите по одному... Когда придешь опять, Игнат? — все еще потрясенный напоминанием о девочках, грустно спросил Васек.

Игнат присел на корточки и быстро зашептал:

— Справляйтесь сами, хлопцы, — у нас другие дела объявились. Не можно мне часто приходить, а если надо, Грицька посылайте ко мне.

Прощаясь, он еще раз попросил не задерживать листовки... Но ребят ждала неудача.

По хате тяжелыми шагами ходил Степан Ильич. Переписывать сводку при нем боялись. Тайна — так от всех тайна. Пробравшись гуськом мимо Степана Ильича, ребята сели в угол и тихо зашептались. Степан Ильич неодобрительно посмотрел на них, но ничего не сказал. В последнее время он был хмурый и неразговорчивый.

Пошептавшись, ребята послали Сашу к Макитрючке, чтобы узнать, вернулись ли Мазин и Русаков. В ожидании они бегали несколько раз к воротам и обратно. Степан Ильич стоял у окна, повернувшись к ним спиной и постукивая пальцами по стеклу, — о чем-то думал.

— Может, он уйдет куда-нибудь?

— Он всегда вечером уходит...

— Одинцов, ты так, намеками, узнай у него, уйдет он или нет, — кивнул на Степана Ильича Васек.

Одинцов, сделав непринужденный вид, подошел к другому окну и, покосившись на Степана Ильича, сказал:

— Ой, как темно уже! Наверно, сегодня никто никуда не пойдет, дядя Степан?

— Как это — никто никуда? — насмешливо переспросил Степан Ильич и, вдруг с шумом подвинув табуретку, сел, сложив на коленях руки. — А ну-ка, идите сюда, вылезайте из-за печки!

Ребята переглянулись и робко подошли:

— Мы?

— Вы, вы! Настало время мне поговорить с вами всерьез. И вы этот разговор запомните хорошенько, чтобы два раза повторять не пришлось. — Степан Ильич поднял вверх палец и, медленно отчеканивая каждое слово, сказал: — Чтобы с этого часу прекратить всякие ваши перешептывания и лазание где ни попало! И не носитесь вы по селу как угорелые, не советуйтесь в каждом углу, потому что все ваши тайны у вас на лбу написаны... Всякое это ваше подмигивание, подмаргивание...

— А мы не подмаргиваем, — быстро перебил его Одинцов.

— Как это — не подмаргиваете? — сердито стукнул по столу Степан Ильич. — Я сам видел. И все это вы делаете на глазах у врагов, шмыгаете перед самым их носом. Да что вам война — игрушка, что ли?

— Да мы не подмаргиваем! — вспыхнул от обиды Васек.

Дверь неожиданно открылась, и Саша, просунувшись наполовину, замахал рукой и, делая таинственные знаки бровями, вытянул трубочкой губы:

— Васек, выйди... Васек...

Степан Ильич шагнул к двери, взял за плечо Сашу и поставил его перед собой:

— Вот, видали? Ну, чего ты моргаешь? Что там случилось?

— А я не моргаю, — растерявшись, сказал Саша.

— Ну, а как же эта твоя мимика называется?

Ребята не выдержали и рассмеялись.

— Эх, дети, дети! Нет у вас настоящего понимания того, что происходит... Да если вам взрослые что-либо поручают сделать, делайте, но не обращайтесь все в игру и не смейте что-либо придумывать от себя! Потому что вы можете муху в слона превратить, и из-за вашей глупости хорошие люди могут погибнуть, и сами вы пропадете ни за грош, ни за копейку. — Степан Ильич встал, откинул на окне занавеску. — Вот... смотрите сюда!

Присмирившие ребята один за другим подошли к окну. Отсюда видна была улица... У каждых ворот и у плетня стояли и ходили гитлеровские солдаты, громко, развязно переговариваясь на своем языке.

— Вот он, наш враг... В каждой хате, на каждом шагу... Кровью нашей он не дорожит, людей в ямы живьем бросает. С оружием пришел, с хитростью, с коварством... Вот и подумайте, как надо себя вести, ребята! — тихо закончил Степан Ильич.

НА СТАРОЙ МЕЛЬНИЦЕ

Два дня Мазин и Русаков блуждали по лесу. Спускались в лесные овраги, забирались в густую чащу. Петька складывал рупором ладони и гудел, подражая горну. Лес откликался протяжным эхом. Стали попадаться путанные тропинки, лесные дороги. Мазин решил вернуться. Лес то густел, то редел, приметы были так похожи, что мальчикам начинало казаться, будто они уже проходили эти места. Перед глазами неожиданно открывался молодой сосняк, за ним белели березы. В непроходимой чаще леса было темно и сыро, солнце скупо проникало туда сквозь густую зелень кустов и деревьев, на траве не просыхала роса. Мазин чуть не провалился в болото. Под мягким, бархатным ковром, расшитым незабудками, стояла ржавая вода.

Ночевали опять в лесу.

— Заблудились! — объявил утром Мазин. — Надо речку искать. Я в речках хорошо разбираюсь!

— Помнишь, как ты по Северной Двине ездил? — фыркнул Петька.

Мазин улыбнулся:

— Все помню! Эх, и времечко было, Петька! Сергей Николаевич, директор. Грозный!... А школа! Я ее часто во сне вижу... Стоит себе и стоит на том же месте!

Стали вспоминать всякие мелочи школьной жизни. Все тогдашние неприятности казались теперь милыми и смешили до слез.

Покружив еще несколько часов, вышли к реке. Наступала третья ночь их жизни в лесу. Запасы кончились, голод давал себя чувствовать.

Развели костер, попили горячей воды с остатками хлеба. Место было глухое; казалось, что здесь нечего опасаться врага. К каждому шороху мальчишки прислушивались с радостным ожиданием: а вдруг на огонек выйдет Митя!

— Как хорошо, Мазин! Как будто и войны нет. — Петька придвинулся поближе к огоньку и уютно свернулся калачиком на траве. — Пойдем утром!

— Куда "утром"! Третью ночь шатаемся... Ребята ждут, вставай! — заворчал Мазин.

Петька со вздохом поднялся.

Река здесь была широкая, спокойная. Мазин долго стоял, соображая, в какую сторону надо идти.

— Пойдем по течению, — решил он.

Шли по берегу.

Луна еще не всходила, но в лесу уже легла ночь. Высокий очерет с коричневыми бархатными головками мягко шелестел; в воду шлепались с берега крикливые лягушки. От усталости не хотелось говорить.

Вдруг с реки донеслись тихие голоса, раздался плеск весел. Ребята увидели лодку. В ней сидели три гитлеровца. Над водой вспыхивали огоньки их сигарет.

— Пусть проедут, — шепнул Мазин.

Мальчишки спрятались в камышах. Теперь им никак нельзя было вылезти, не обратив на себя внимания. Мазин вытянул голову и прислушался. Из лесу донесся стук топора. Привыкнув к темноте, острые глаза Петьки различили среди редких деревьев немецкие палатки.

— Надо удирать... — прошептал он, прижав губы к уху товарища.

Но лодка причалила неподалеку от них; гитлеровцы не спеша вытащили ее на песок и ушли по тропинке в лес, к палаткам. Шагов их не было слышно. Прошли они дальше или остановились где-нибудь за деревьями, мальчики не знали. Вылезать было опасно. Они стояли в камышах по колено в воде и наблюдали за берегом. У обоих возникла одна и та же мысль. Петька, тихонько толкая товарища, указывал на лодку, в ответ Мазин крепко сжимал его локоть. В темноте кусты орешника сливались в густую массу. Мазин поднял гладкий камешек и изо всех сил пустил его в лес. Камешек прошелестел по веткам и шлепнулся на землю. На шум никто не откликнулся. Тогда Мазин осторожно раздвинул камыши, окунулся в воду и пополз, цепляясь руками за мелкое дно. Петька последовал за ним. Лодка, врезавшись носом в песок, тихо покачивалась на волнах. Руки мальчика коснулись ее гладкой, просмоленной кормы, потом ухватились за борта.

— Тащи! — шепнул Мазин.

Мальчики, стоя на коленках в воде с двух сторон лодки, потащили ее с берега. Песок закрипел... Мазин остановился... Потом кивнул головой Петьке... Песок снова закрипел, лодка сползла на воду, повернулась носом по течению и стала медленно удаляться от берега. Мальчики плыли рядом, держась за ее борта. Петька вскарабкался первый, осторожно вложил в уключины два весла. Мазин мокрым мешком плюхнулся на дно, молча поменялся с Петькой местами и взял весла. Взошла луна. На всякий случай ребята старались держаться ближе к берегу — чернота кустов закрывала лодку. Ошеломленные и счастливые своей удачей, оба молчали. Лодка шла медленно, обтирая бока о кусты, прячась под ивовыми ветками, скрываясь в камышах. Берега стали меняться, река вдруг повернула и выбежала на луг. На лугу стояли стога сена.

— Смотри в оба! — шепнул Петьке Мазин.

Луна спряталась за тучу. Наступила темень. Мазин выехал на середину реки. Лодка бесшумно понеслась по течению. Впереди снова начинался лес.

— Петька! — окликнул Мазин товарища.

Петька ответил ему радостным мычанием.

Становилось холодно, с одежды стекала вода.

— Надо выжать рубахи и штаны, — сказал Мазин. — Эх, котелок на берегу бросили из-за этих чертей!

— Зато лодка у нас! — радовался Петька.

Одежду крепко отжали, с трудом натянули опять штаны и рубахи. Петька улегся на дне лодки и свернулся калачиком.

— Куда мы едем, Мазин? — равнодушно спросил он.

— "Куда, куда"! На кудыкину гору!

— А ты ж говорил, что в речках хорошо разбираешься!

Мазин промолчал. Петька закрыл глаза, согрелся и заснул. Глаза у Мазина тоже закрывались, но он изо всех сил боролся со сном.

Над рекой медленно вставал рассвет. На берегу сонно и нежно попискивали птицы. От воды поднимался легкий туман. Показалось и скрылось какое-то село с белыми хатами. Выросли из тумана неподвижные высокие тополя, мелькнула на пригорке утонувшая в вишняке пасека. И снова загустел на берегах лес...

Лодка плыла и плыла, уносимая течением неизвестно куда.

Неожиданно выступила громадная тень полуразвалившейся мельницы. Неподвижно торчало занесенное илом мельничное колесо. Река в этом месте сильно суживалась и, обегая колесо, с гулким шумом падала вниз с позеленевших от времени бревен плотины. Лодка с

разбегу врезалась носом в берег. Мазин вскочил. Петька протер кулаками глаза. Оба вылезли из лодки, тревожно оглядываясь.

— Старая мельница, — шепотом сказал Мазин. — Постереги лодку, а я разузнаю, что там.

Он, пригнувшись, побежал к мельнице. Старая, почерневшая от дождей и времени, она тяжело накренилась над водой. Заросшая мохом крыша осела, из нее торчали голые балки. Узкие окошки с выбитыми стеклами покосились набок.

Ступеньки глубоко вдавились в землю и буйно заросли крапивой. Наглухо забитая досками дверь давно не открывалась. Везде было тихо. Мазин осторожно обошел мельницу со всех сторон. В одном месте трухлявые доски разъехались, и в стене зияла черная дыра.

"Не мудрено было пану повеситься тут", — усмехнулся про себя Мазин. И вдруг замер от неожиданности и удивления. Перед ним стоял Игнат.

— А ну, поверни назад, хлопче! — тихо и внушительно сказал он.

* * *

Петька, оставшись один, недолго сидел в кустах. Любопытство мучило его.

— Мазин! Мазин! — тихонько звал он товарища, не смея самовольно покинуть наблюдательный пост.

Мазин не откликнулся. Терпение Петьки лопнуло. Он вылез из кустов и решительно направился к мельнице. Но внезапно выросла перед ним крепкая, коренастая фигура Федьки Гузя. Он стоял, широко расставив ноги, и таращил на Петьку круглые светлые глаза:

— Ты чего тут?

— Мельницу хочу посмотреть, — сказал Петька и, небрежно покачиваясь, свернул вправо, пробуя обойти Гузя.

Но Федька тоже двинулся вправо. Петька забрал влево — Гузь подался влево и еще шире расставил ноги.

— На мельнице пан повесился! — сказал он, делая страшные глаза.

— И сейчас висит? — вежливо осведомился Петька.

— И посейчас там.

— Вот я и хочу на него посмотреть. Сроду не видел панов — ни живых, ни мертвых, — заявил Петька, решительно наступая на Гузя.

Федька заложил два пальца в рот и издал короткий свист.

Петька вспылil:

— Ты чего свистишь? На кого намечаешься? Думаешь, испугал? А ну, тронь! Он боком подскочил к Федьке и уперся плечом в его плечо. — А ну, тронь!

Гузь громко задышал ему в ухо, но не отстранился.

Петька крепче нажал на его плечо.

— На мельницу не пущу! — рывкнул Гузь, засучивая рукава и переходя в наступление.

Оба подпрыгнули и, обхватив друг друга поперек туловища, покатались в траву. На драку выбежали два мальчика. Один был Мазин, другой — Игнат Тарасюк. Игнат Тарасюк глянул на катающихся по траве ребят, спокойно зачерпнул шапкой из реки воду и вылил на головы дерущихся. Петька и Гузь отскочили друг от друга, фыркая и отряхиваясь.

Петька бросился к Мазину:

— Я им дам! Они меня на мельницу не пускают! Небось к нам в Слепой овражек ходят. Ихняя, что ли, мельница? Пойдем, Мазин!

Он рванулся вперед, но Мазин схватил его за руку.

С другой стороны снова выросли Гузь и бледный, но решительный Игнат.

— Нечего тебе на мельнице делать. Я сам раздумал туда идти, — сказал Мазин.

— Почему это? Я хочу посмотреть! — не сдавался Петька.

— Ладно, поворачивай! — Мазин взял Петьку за плечи и повернул его назад.

Петька искося взглянул на товарища и замолчал. Игнат дружески улыбнулся Мазину и как ни в чем не бывало сказал:

— А вас ребята ожидают. Василь говорил, что если сегодня не придете, то сам пойдет вас искать.

— Придем, — растерянно ответил Мазин.

— А что, не слыхать ничего про вашего Митю? — с сочувствием спросил Игнат.

Но Мазин не ответил. Он думал о мельнице.

Игнат беспокойно оглянулся, снял с головы кубанку и сверкнул на Гузя сердитыми глазами.

— Они ж на лодке подъехали, — словно оправдываясь, сказал Федька.

— А где ж это вы лодку взяли? — заинтересовался Игнат, только теперь заметив спрятанную в кустах лодку.

— У фашистов отняли! — похвалился Петька, победоносно глядя на Гузя.

— У фашистов? Не врешь? — Федька вытянул шею и с уважением поглядел на недавнего врага.

— А что нам врать? Пустяк дело! — хорохорился Петька.

Игнат быстро оглядел лодку и, поманив пальцем Мазина, тихо сказал:

— Вы вот что: уходите отсюда... Понятно? А лодка нам останется...

— А вам зачем? — поинтересовался Мазин.

Игнат вздохнул:

— Да так... може, сгодится на что-нибудь... рыбу ловить...

"Знаю я зачем", — подумал Мазин.

— Бери, если надо, — тихо сказал он Игнату.

Игнат снова наклонился к лодке.

Федька торопливо объяснял мальчикам дорогу. Показал ближнюю тропинку.

— Мазин, а лодка? А лодка как же?... — заволновался Петька.

Мазин нетерпеливо оборвал его:

— Когда я что-нибудь делаю...

— Ну?

— Значит, делаю!

Петька пожал плечами. Он привык понимать своего друга с полуслова, но сейчас он ничего не понимал. Спорить же было бесполезно.

Поднявшись в гору, Мазин оглянулся. На берегу никого не было. Туман рассеялся, и старая мельница была хорошо видна. Она стояла черная, заброшенная, низко накренившаяся к воде. Все казалось в ней пустынным и неживым...

Но это только казалось.

Мазин не мог видеть, что внутри мельницы, на чердаке, в туманном свете, падающем из слухового окна, стоял на коленках перед ящиком Коноплянко и что-то быстро прилаживал.

Рядом с ним, примостившись на бревнах, сидела учительница из Ярыжек. В руках у нее был блокнот и карандаш.

"Говорит Москва! Говорит Москва!" — раздался спокойный голос диктора.

ДНЕВНИК ОДИНЦОВА

10 июля

Дорогой мой дневник! Ничего я не пишу теперь. Что ни подумаешь написать, все нельзя. Мы живем у дяди Степана. Он очень строгий и бранит нас иногда, если заслуживаем, но зато и жалеет нас. Совсем мы были бы сиротами без Мити, если бы не он. Добрый и, главное, на папу моего очень похож. А больше всего я полюбил его за то, что он один раз взял на колени Жорку и стал с ним шутить, а я тут же стоял. Ребят никого не было. Тогда он посмотрел на меня, спустил Жорку на пол, а меня обнял и говорит: "А теперь я с другим сыночком посижу. Ну, рассказывай, Коля, что у тебя на душе". Я стал про родителей говорить, а он слушал и все спрашивал... И мы так долго, долго вдвоем сидели! Вот какой дядя Степан! Если бы враги на него напали, я бы умер, а защитил его. И Трубачев тоже, и все наши ребята.

Хорошие тут люди, только ни о ком писать нельзя. Придется кончать дневник. Я с Трубачевым советовался, — он говорит, что когда все кончится и мы победим, то тогда все вспомним и запишем. А пока мы тоже хвехвехведем хвеххверохветься хвес хвефахвешихвестахвеми.

Хвекохвеля Хвеохвединхвецов.

Залаял Бобик. На крыльце стояла женщина и, прикрыв глаза рукой, смотрела на подходившего Васька:

— Ты к Матвеичу?

Васек остановился около крыльца.

Бобик прыгал на него, лизал ему щеки, нос.

— Знает, видно, тебя собака?

— Знает.

Васек не решался сказать, что пришел к Матвеичу, и молча играл с Бобиком, разглядывая незнакомую женщину. У нее было круглое лицо с глубокими складками около губ. Темные косы, обернутые в два ряда на голове, серебрились сединой, голубые глаза смотрели вопросительно. Из вышитых рукавов украинской рубашки были видны большие спокойные рабочие руки. Серый нитяный платок покрывал ее плечи; прячась от солнца, она набрасывала его на голову, завязывая узелком под мягким подбородком.

— Матвеич сейчас придет. Садись.

Она села на крыльцо. Васек тоже присел на нижней ступеньке, не смея пройти в хату.

— Я — Оксана. Слыхал обо мне? — просто сказала незнакомая женщина.

Васек радостно удивился:

— Это вы? Сестра Сергея Николаевича? Моего учителя?... Я слышал, я еще давно слышал!

— От Сергея Николаевича слышал?

— От всех слышал!

— А от учителя своего слышал? — настойчиво спрашивала Оксана.

— Ну да! Он всем нам говорил, что у него сестра Оксана... то есть тетя Оксана... есть... — запутался Васек.

Женщина засмеялась. От голубых глаз ее протянулись к вискам тонкие морщинки.

— Это я тебе тетя. А учителю твоему — сестра. Я его маленьким еще помню, он на моих руках рос. — Она пригладила волосы, грустно улыбнулась. — Большим-то и не видела никогда.

Ваську стало жаль ее:

— Он хороший... Строгий такой... и ласковый. Сильный... ужас! Просто силач!

— А маленький худой был, легонький. Бывало, выйду с ним на крыльцо, зовут меня девчата на улицу песни петь, а он уцепится руками за мою шею — не оторвешь... — Оксана вздохнула. — А какой уж теперь стал, и не знаю — не довелось повидаться... — Она расправила на коленях юбку, поглядела на свои руки. — Рубашку ему вышила. Может, он такую-то и носить не будет — городской стал.

Ваську захотелось сказать ей что-нибудь очень хорошее.

— Будет, будет носить! Я знаю! Он любит всякое... ну, вышиванье, что ли... Девочек за это хвалил. И сам себе галстук сделал, нам в классе показывал! — заторопился он.

— Негде носить. Он, наверно, на фронте теперь. Врага бьет. Какая ему рубашка сейчас, куда наряжаться! — сказала Оксана. — У нас у всех одно и на уме и на сердце.

Васек спрятал между колен свою тубетейку. В ней хрустели зашитые бумажки.

— А Николая Григорьевича нет? — осмелился спросить он.

— Есть, — кратко ответила Оксана, не приглашая его в хату.

Наступило молчание. За дверью задребезжала посуда. Васек взглянул на Оксану.

— Тебя Васьком звать? — спросила она, хмуря брови.

— Васьком.

— Хорошо вас воспитывают! В строгости... На примере... — Она понизила голос: —

Отец у тебя с билетом?

— Он машинист — ему без билета можно.

Оксана наклонила голову, как бы разглядывая Ваську:

— Не понимаешь разве, о чем говорю?

Васек вспыхнул, догадался.

— Нет, понимаю... Он давно уже... еще я не родился, — поспешно сказал он.

— Тише говори! Ищут враги коммунистов — вешают, расстреливают, живых в огонь бросают! Скажешь про кого — погубишь человека. Ненароком погубишь, — строга заговорила Оксана, наклоняясь к Ваську. — Матвеич не любит, кто болтает. Болтун с предателем по одной дорожке ходят...

Васек испугался:

— Вы спросили — я и ответил.

— Не всякому отвечать — кому в ответ и помолчать. Я спрошу, другой спросит... — Она пытливо вглядывалась в лицо Васька.

Он почувствовал к ней неприязнь: "Сама спрашивала — и сама болтуном ругается..."

— Я тебя учу, а не ругаю, — ответила на его мысли Оксана. — Матвеич тебя любит. И отец любит. А любовь от доверия... — Она положила на голову Ваську руку, пригладила назад чуб. — Лоб у тебя большой, чистый. В отца?

— Оксана! — послышался из хаты голос Николая Григорьевича. Он открыл дверь и, опираясь на палку, остановился на пороге. — А, Васек пришел!... Что ж ты не скажешь?

— Да мы за разговором тут, слово за слово...

— Познакомились? — улыбнулся Николай Григорьевич.

— А мы и были знакомы. Он про меня слышал, я — про него. Что говорили, то и есть. Славный хлопец! — сдержанно похвалила Оксана.

Старик закивал головой:

— Ну, я рад, что он тебе понравился! Я так и думал.

Васек вздохнул.

"А все-таки она сердитая какая-то... — подумал он про Оксану. — Ее и Николай Григорьевич, видно, боится".

Они вошли в хату.

Васек заметил, что в кухне что-то изменилось. За печкой, где были полати, стоял теперь шкаф с посудой. Он хотел спросить, кто его сделал, но подумал, что лучше не спрашивать, а то Оксана еще и любопытным назовет.

Скоро пришел Матвеич. Он был веселый, потирал руки, командовал:

— Садись за стол, командир!... А ну, Бобик, до перелазу, живо! Живо, живо забирай свой хвост, а то дверью прищемлю! — Он закрыл за Бобиком дверь, придвинул к столу табуретку. — Ну, рассказывай! Да не бойся — Оксана своя. Кто на пасеке у Матвеича — тот свой. Чужой тут голову сломит.

Оксана закрыла окно, опустила занавеску. Васек снял тубетейку, протянул ее Матвеичу:

— Вот тут у меня все.

— Зашил?... — подмигнул Николай Григорьевич. — Смотри, Матвеич, зашил!

— Как надо! — важно подтвердил Матвейч, распарывая подкладку. — Комар носу не подточит!

Оксана обняла Ваську.

— Рассердился на меня — и хорошо! Значит, к пользе. Значит, запомнишь слова мои, — ласково шепнула она ему на ухо.

Матвейч разложил на столе Севины бумажки.

На этих бумажках Сева записывал все, что ему удалось услышать или увидеть в штабе. Некоторые услышанные слова Малютин, затрудняясь перевести, вписывал прямо по-немецки.

Матвейч обернулся к Ваську и удивленно спросил:

— Это кто же у тебя работает?

— Малютин, — сказал Васек и, оглянувшись на Оксану, стоявшую за его спиной, добавил с гордостью: — Сева у нас немецкий язык знает!

И он начал шепотом рассказывать, какие поручения выполняет для него Малютин, как он слушает, что говорят в штабе, и передает ему, Ваську.

Над столом склонились три головы. Глаза взрослых внимательно и серьезно разбирали Севины каракули. Трубачев дополнял их рассказами:

— Фашисты собирают яйца, крупу, зерно... Говорили между собой, что на Жуковку повезут, в вагоны грузить.

Оксана выходила на крыльцо, стояла на дорожке под окнами.

С дружеским лаем промчался за хатой Бобик. Матвейч насторожился.

Васек вскочил, прикрывая ладонью листки. Оксана вошла в комнату:

— Свой.

Из кухни выглянул Коноплянко.

— Не бойся, не бойся! Это коноплянка прилетела, — засмеялся Матвейч, протягивая Коноплянко свою широкую ладонь и усаживая Ваську на место. — Садись, садись, хлопчик! ... А ты с чем прилетел, а?

— С лыхом чи с добыхом? — пошутил Николай Григорьевич.

— С добыхом, — всерьез ответил Коноплянке и, подвинув табуретку, сел рядом с Трубачевым. — Поклон тебе, Васек Трубачев, от твоего вожатого!

Васек задохнулся от счастья:

— От... Мити?

Коноплянко кивнул головой:

— Беспокойся о вас Митя. Велел вам передать, чтобы вы крепче держались друг за дружку. Знает, что трудно тебе, Васек Трубачев, но надеется на тебя и на всех ребят. Велел никогда не забывать, что вы пионеры и должны быть верными своей Родине.

Васек встал. Он не находил слов от радостного волнения. Коноплянко мягко улыбнулся ему и обратился к Матвейчу:

— Свежий выпуск. Осилите?

Он положил на стол листочки из блокнота.

— Осилю! Осилю! — заторопился Николай Григорьевич, разглядывая листки.

Коноплянко лег грудью на стол; на длинном, худом лице его выступил румянец, глаза засияли.

— Драгоценный материал принес...

Оксана позвала Ваську:

— Иди-ка сюда! Я твою копну состригу немножко. Ишь ты, какой дядя Туман! Рыжий да кучерявый, совсем оброс! — выводя мальчика в кухню, певуче проговорила она.

Васек, взволнованный скупым сообщением Коноплянко, боясь спрашивать, медленно

шел за ней, машинально оберегая от ножниц свой чуб.

Оксана сняла его руку с головы.

— Чуб твой при тебе и останется. Я за ушами колечки постригу. Садись-ка сюда. А то домой тебе скоро идти... Баба Ивга обедать наварила, коровку подоила, молочка нацедила... — Приговаривая, как над маленьким, Оксана подстригла Ваську волосы, дунула на пробор, поскребла ногтем кожу: — Чистая головка. Ступай, голубенок, вынеси волосы во двор да закинь их подальше. Ишь, золота у тебя сколько! — пошутила она, собирая с фартука остриженные кольца волос. — Ступай. Да много не думай. Порадовал тебя Коноплянко, сказал тебе слова бесценные, вот и береги их в сердце да помни: что мог, то сказал, а что не сказал, того не мог. Значит, и спрашивать не надо.

Васек зарыл в кустах свои волосы, чтоб не разлетелись по ветру, и вернулся в кухню.

— Уходить мне? — послушно спросил он Оксану.

— Уходи. Завтра придешь под вечер. За кого из товарищей ручаешься — приводи. Настороже стоять будете. Понял?

— Понял.

Оксана дала Ваську горбушку хлеба, густо намазанную медом, проводила до перелаза, обобрала на его рубашке золотые волоски.

— А то на шею попадут — колотья будут, — как о чем-то очень важном, шепотом сказала она.

Васек не шел, а бежал домой, чтобы скорей передать товарищам слова Мити.

Возле села он неожиданно встретился с Мазиным. Мальчики бросились друг к другу:

— Мазин!

— Васек!

— Вернулись? — радостно сказал Васек. — А я боялся за вас.

Лицо Мазина показалось ему особенно родным и близким. Обожженное солнцем, с чуть-чуть припухшими и покрасневшими веками и знакомыми щелочками глаз, оно было смущенным и ласковым.

— У меня бы сердце разорвалось, если бы с тобой что-нибудь случилось, — добавил Васек.

Мазин без слов сдавил товарища в своих объятиях.

— Есть важная новость, — шепнул ему Васек. — Сегодня соберемся...

ВАСЕК ТРУБАЧЕВ И ЕГО ТОВАРИЩИ

В Слепом овражке было тихо и пустынно. По крутому склону, заросшему густым орешником, как паутина вилась тонкая проволока. Проволоку эту Мазин и Русаков еще в первые дни после прихода фашистов нашли около сарая, где сидел Митя, и опутали ею кусты, чтобы враги не могли застать собравшихся врасплох.

Васек ждал товарищей. Все они приходили поодиночке, чтобы не привлечь внимания патруля. Собираться вместе становилось все труднее. Чтобы попасть в Слепой овражек, надо было миновать конюшню, в которой гитлеровцы устроили гараж, надо было идти огородами, куда солдаты нередко лазили за овощами.

Один раз Васек, пробираясь между сломанными подсолнухами, увидел солдата. Фашист проводил мальчика ленивым, равнодушным взглядом, но от этого взгляда у Васька долго ползали по спине мурашки.

"Вот-вот выстрелит... и убьет", — думал он, боясь оглянуться.

Реже всех приходили в Слепой овражек Сева и Генка. У ворот школы стояли часовые. Мальчики могли пройти мимо них с ведрами к колодцу и там, вытаскивая воду, двумя-тремя словами перекинуться с товарищами; но уходить надолго было опасно. Трудно было пробраться из Ярыжек Игнату; Федька Гузь, связанный с Игнатом разными делами, являлся теперь тоже редко. Нужна была крайняя осторожность. После того как в селе появились листовки, расклеенные ребятами Трубачева, фашистские патрули то и дело расхаживали по селу.

Сегодня Васек пришел первый и, сидя на коряге, с тревогой прислушивался к шороху кустов. Вот из орешника выглянула круглая голова Саши. Потом послышались осторожные шаги Одинцова. Справа треснул валежник, и из-под кучи хвороста вылез Мазин. За ним шмыгнул, как заяц, Петька. Степенно спустился в овражек Игнат. Последними пришли Генка и Сева. Наверху на страже остался Федька Гузь. Он зорко оглядывал каждый кустик, осторожно обходил овражек; поднявшись на цыпочки, вглядывался в даль.

Предупрежденные об особой важности сегодняшнего сбора, ребята бесшумно заняли свои места. Старая коряга была похожа на корабль, причаливший к зеленому берегу.

Сначала говорил Мазин.

Ровным, бесстрастным голосом он рассказывал обо всем, что с ними случилось в эти дни, как в поисках Мити они зашли далеко в лес.

Петька вскакивал, перебивал его, забегая вперед. Ребята боялись пропустить хоть одно слово. В том месте рассказа, где на лагерной стоянке были обнаружены следы лошади, волнение их достигло предела.

— Это Митя проехал! Это он!

Генка смотрел на всех счастливыми глазами.

— Бинточки нашли! Бинточки! — кричал Петька. — Мазин плясал! Вот так!

Он выбросил вперед ногу, присел и подпрыгнул вверх.

— Корягу перевернешь, Петька! — хохотали ребята.

— Перестань дурить!

— Тише! По порядку давай... Мазин, дальше, дальше! Рассказывай, Коля.

Васек остановил расшалившегося Петьку. Мазин стал рассказывать дальше: гитлеровцы

на берегу, лодка, плывущая ночью по реке...

Дойдя в своем рассказе до старой мельницы, Мазин вдруг смолк и, помолчав, добавил:

— Все.

— А что на мельнице? Что на мельнице? — спрашивали ребята.

— А на мельнице Игнат был и Федька. Я сначала с Федькой подрался, а потом мы с Мазиним отдали им лодку и ушли, — закончил Петька.

— Верно, — подтвердил Игнат.

Когда все уgomонились, Васек встал:

— Ребята, вы слышали, что рассказал Мазин? Теперь скажу я... Только вы не перебивайте и не кричите. Первое... это... — губы у Васька дрогнули, — это... поклон вам от нашего вожатого Мити!

Ребята ахнули, вскочили. Но Васек усадил их на место:

— Митя велел нам всем передать, чтобы мы крепче держались друг за дружку, чтобы не забывали, что мы, пионеры, должны быть верными своей Родине и что он на нас надеется.

Ребята заволновались.

— Больше я сам ничего не знаю, — сказал Васек. — Эти слова мне передал один человек... Ребята, будем всегда помнить то, что сказал наш Митя!

— Будем помнить! — тихо и торжественно повторили ребята.

Васек оглядел поднятые к нему лица. Он увидел честное круглое лицо Саши, внимательные, зоркие глаза Одинцова, худенькое, нервное лицо Петьки, спокойное и напряженное лицо Мазина, синие встревоженные глаза Севы, карие пытливые глаза Генки и голубые простодушные — Грицька; увидел крепко сжатые губы Игната, его черные сросшиеся брови над строгими серыми глазами. Волнение сжало ему горло.

— Ребята, вы все мои товарищи!... Я за каждого из вас, как за себя, ручаюсь...

Он оглянулся, прислушался. Ребята тоже оглянулись, прислушались. Над Слепым овражком гудели мухи, в кустах попискивали птицы, зеленые лягушата прыгали около коряги.

Васек совсем понизил голос и, обхватив за плечи товарищей, зашептал им что-то быстро и страстно. Все головы сблизилась и тесно касались одна другой... Наконец Васек встал.

— Игнат здешний, он всех знает, — тихо сказал он.

— Игната... Игната бери! — дружно подхватили ребята.

Игнат снял кубанку:

— Во мне не сомневайтесь.

Глава 34

У ЛЕСНОГО КОСТРА

На бывшей лагерной стоянке паслась лошадь. Около разрытой пустой ямы лежал доверху набитый рюкзак. Митя держал в руках листок бумаги, исписанный крупным детским почерком, — письмо Мазина и Русакова.

На берегу реки мягкая глина еще хранила следы мальчишеских ног.

В памяти вставали веселые, шумные голоса и смех ребят... Палатки, костер... Вот здесь Валя Степанова расчесывала свои длинные золотистые косы, а Мазин подкрадывался к ней и щелкал ножницами.

Вот здесь, на этом пне... Митя подошел к широкому пню, осторожно сел на край, оставляя рядом с собой место. Здесь когда-то, в первую тревожную ночь, сидел он с Трубачевым. Глаза у Васька были темные, он ежился от холода. Митя накрыл Васька своей курткой, и они вместе просидели так до утра... Что же случилось? Разве прошли с тех пор годы?...

Прошло только две недели, как фашисты арестовали кузнеца Костю, Митю и других людей из села. В сарае было темно и сыро. Люди были подавлены случившимся, никто не понимал, за что и почему он арестован, каждый думал о своих близких. Митя думал об осиротевших ребятах, тяжело казнил себя за то, что не мог раньше выбраться из села.

Вспоминал девочек. В темноте вставали перед ним их светлые детские лица, слышались зовущие голоса:

"Ми-тя!..."

Мите казалось, что горе, свалившееся на его плечи, сделало его глубоким стариком. Его собственное детство, школа, счастливые мальчишеские годы ушли далеко-далеко и безвозвратно. Он думал о Сергее Николаевиче, который взял с собой всех ребят и оставил с ним самых стойких и сильных.

"Не задерживайтесь!" — звучал в ушах голос учителя. Митя вскакивал, хватался за голову...

Из темноты сарая выступали заплаканные лица родителей, доверивших ему своих детей.

Митя видел и свою мать. В тихом материнском лице не было укора. В каждой знакомой морщинке таилась тревога и боль за сына:

"Ми-тя!..."

Через несколько дней на рассвете фашисты вывели арестованных из села. Рядом с Митей шел кузнец Костя. Он был без шапки, ветер шевелил его лохматые волосы, из-под густых бровей глядели темные настороженные глаза.

По бокам арестованных шагали два конвоира, держа в руках автоматы. С одной стороны шоссе начался лес. Костя толкнул Митю. Митя понял: толкнул идущего рядом с ним. Арестованные насторожились.

В глухом месте, где за густым орешником начинался овраг, Костя гикнул и бросился на конвоира. Тяжелым ударом кулака он свалил его на землю...

Раздались беспорядочные выстрелы... Арестованные рассыпались по лесу. Все произошло так мгновенно, что Митя потерял из виду всех. Колючки рвали на нем рубаху, царапали лицо, руки. Он задыхался от бегства. Пули свистели за его спиной... И тут лицом к лицу он столкнулся с Генкой.

Генка торопливо сунул ему в руки поводья, отдал ему любимого коня.

Митя вспоминает свою первую одинокую ночь в лесу, на этой самой лагерной стоянке.

Всхрапывал Гнедко, косясь на Митю пугливым, недружелюбным глазом, тихонько ржал, призывая Генку; подняв высокие чуткие уши, недоверчиво слушал ласковые, благодарные слова...

Вокруг таинственно шептались деревья, словно скрывая чьи-то осторожные, крадущиеся шаги...

На рассвете Митя стал искать разбежавшихся по лесу товарищей. Он часто останавливался, слушал, окликал. Одиноким голос его терялся в лесу.

В полдень из чащи, ломая сучья, вышел Костя... С тех пор они стали товарищами. Разный народ встречался им в лесу. Костя был осторожен и не каждого подпускал к огоньку.

— Кто знает, что за люди! Может, за фашистов руку тянут.

Однажды они вдвоем наткнулись на раненого красноармейца. Он лежал, подняв вверх скуластое лицо с сухими, синими тубами. По желтой, обтянутой — той на щеках коже бегали муравьи. Рубаха на груди заржавела от крови. Красноармеец крепко принимал к себе винтовку.

Митя осторожно поднял его голову, приложил к губам флягу с водой. Во — да полилась мимо, за воротник.

— Помер, — сказал Костя. — Жалко — молодой... — Он осторожно, словно стеснясь своего поступка, потянул к себе винтовку: — Отдай, товарищ! Тебе она уже не нужна. Мы теперь за твою молодую жизнь рассчитаемся...

Красноармеец вдруг заморгал глазами, со стоном рванул винтовку из рук Кости.

— Убью! — прохрипел он, дико глядя вокруг себя.

Кузнец отступил.

— Живой! — удивленно сказал он.

Митя наклонился над раненым:

— Товарищ! Товарищ! Это свои!

Красноармеец пошевелил губами:

— Пить...

Он пил долго, большими глотками, глядя в лицо наклонившегося над ним Мити. Сознание медленно возвращалось к нему.

— Не бросайте, братцы!

Костя на руках перенес его в овраг, где они с Митей вырыли себе землянку. Красноармейца звали Илья Кондаков.

На другой день он пришел в себя и рассказал, что в одном из сильных боев он был ранен; истекая кровью, отполз в пшеницу. Фашисты его не заметили. С тех пор он бродил по лесу, прятался в копне сена; однажды подошел близко к селу, в надежде добраться до своих, примкнуть к какой-нибудь красноармейской части... В одном месте у реки увидел хлопчика... Но в селе стояли фашисты, пришлось снова уйти в лес. Илья обессилел, заголодал и свалился.

— Не отбил я врага, братцы, и вот помираю! — с сожалением сказал он, растягивая в улыбку бледные губы.

— Погоди, еще отобьем! — усмехнулся Костя.

— До последнего дыхания буду их бить, с собой в могилу утащу! — сказал Илья.

Сдружились... По утрам варили крупеник с консервами. Илья постепенно поправлялся, набирал сил.

— Вот гляди, Митя! Зарыли вы продукты и ушли. А думал ты, когда зарывал, кто их есть будет? — вытирая рот, говорил Костя.

— Пропал бы я без вас! — вздыхал Илья. — Великое дело — товарищи! Не думал я живым быть, а вот ожил.

И еще один человек прибил к их компании. Подошел он вечером к огоньку. Костя, держа наготове винтовку, поднялся навстречу. Пришлый не испугался.

— Отведи, отведи! — спокойно сказал он, усаживаясь ближе к костру. — Меня уже сколько раз стреляли, да не застрелили.

— Кто такой будешь? — спросил Костя.

— Эх, ты! "Кто такой"? Человек! Ну, человек! Чего тебе еще? — Он вытянул ногу, снял тяжелые бутсы и стал развязывать серую грубую портянку. — Вишь, ногу стер... Замучился хуже смерти! Полей-ка водички из чайника.

Илья подал ему чайник с водой, Митя невольно улыбнулся, глядя на озадаченного Костю.

— Ты мне турусы на колесах не разводи! — сердито сказал кузнец. — Какое оружие при тебе есть — показывай!

— Оружие мое все при мне: руки, ноги, голова. Кого надо — убью, кого надо — помилую!

Илья захохотал:

— Герой!

— А как же! — серьезно сказал пришедший. — Завсегда герой! Ты меня — убивать, а я тебя не боюсь! Может, я тебя и сам убить должен, это еще разобраться надо.

— Да ты что за человек, я тебя спрашиваю? — сердился Костя. — Сел к чужому огню и портянки распустил!

Пришедший поднял лицо.

Лицо было маленькое, с вздернутым носом. Глаза светлые, с лукавым и простодушным выражением. Глядя на Костю снизу вверх, он морщил лоб и высоко поднимал густые выцветшие брови.

— Вот ты говоришь — "сел к чужому огню". А огонь, мил человек, — это дело общее. Это для удобства — для пищи, для обогревания тела, огонь-то! Он не твой и не мой! Общий! — вразумительно сказал пришедший.

— Да фамилия твоя как... имя, что ли? — потеряв терпение, крикнул Костя.

— Фамилия моя — Пряник, а зовут меня Яков. И анкета моя немудреная. Человек я простой. Пока война — буду воевать, а побью врага — стану на работу. Потому как по профессии я слесарь. При МТС находился.

— А как же ты врага побьешь-то? Ведь вот он тебя в лес загнал... Слышь, дядя? — пристал Илья.

— А он не одного меня в лес загнал. Когда б одного, тогда б еще, может, он меня и повоевал бы, а теперь я его повоюю! — пояснил Яков и, протянув Мите пустой чайник, попросил: — Сходи-ка еще за водицей. Вконец ноги испортил — ходьба не получается.

Митя пошел.

— Ишь ты, как расположился! — подмигнул Косте Илья.

— Добре! Сиди уж. Дальше посмотрим, что ты за птица есть, — усмехнулся кузнец.

— Это ясно. Слепому долго глядеть надо, а зрячему — одна минута.

— Это кто же слепой, а кто зрячий? — спросил задетый за живое Костя.

— Я — зрячий, а ты — слепой. Я на вас издали поглядел и увидел, кто вы такие есть. А ты меня два часа туда-сюда перевертываешь, и все у тебя одна изнанка получается!

— А потому как хитер ты, дядя, не в меру!

— Где надо — хитер, — согласился Яков, — а где не надо — свободно себя держу. Вот как пояс, к примеру: где потуже затяну, подберусь, а где распушу да спать ложусь. Это от

обстоятельств зависимо.

— Чудной ты человек! — похлопал его по плечу Илья. — И фамилия твоя чудная!

Чудной человек, Яков Пряник, прижился. Был он хлопотун по хозяйской части. Работу находил себе сам. В землянке застелил пол душистым сеном, соорудил потайное окошко, затянул его кусками марли, замаскировал ветками вход, сложил из глины печь.

— Дождик — это для природы хорошо, а человеку кости промывать не требуется.

— Да ты что стараешься? Что мы тут, зимовать, что ли, будем? — удивлялся Илья.

— Хоть день прожить, так надо по-человечески. На то ты и есть человек, а не зверь лесной, — отвечал Яков.

Он перечинил всем одежду, разрезал свои бутсы и поставил заплатки на Костины сапоги.

— Похоже, золотой ты человек... — задумчиво говорил Костя.

— На золото человека не меряют. Это два понятия разные. Один человек и гроша медного не стоит, а на другого цены нет. Это по делам. Человек — существо душевное, живое.

Иногда Яков исчезал. У костра становилось скучно. Костя хмурился:

— Куда пошел? Убьют где-нибудь, как собаку, и остатков не найдешь!

Появлялся Яков внезапно и всегда с чем-нибудь: либо вытащит из-за пазухи свежий хлеб, либо вынет из серого мешка крынку с молоком и как ни в чем не бывало хлопочет по хозяйству.

— Где ж ты взял это? — приставал к нему Илья.

— Молока коровка дала, хлебца бабушка испекла, — улыбался Яков. — Понятно, где взял, — люди-то кругом есть!

Дни в лесу казались очень длинными. Выздоровливающий Илья чистил винтовку, задумывался, вздыхал.

Костя хмуро смотрел в огонь. Митя мучительно беспокоился за ребят и не знал, что предпринять. Раза два он пытался пробраться в село и оба раза чуть снова не попал в руки фашистов. Хата Степана Ильича стояла неподалеку от штаба, и пробраться туда незамеченным было невозможно.

У костра становилось все печальнее.

Однажды Илья не выдержал.

— Долго так сидеть будем? — в упор спросил он Костю. — Я боец, мне спину греть нечего! — Он встряхнул начищенной до блеска винтовкой. — Мне до фронта пробираться надо!

— Тебе до фронта, а мне и здесь фронт. Враг по моей земле ходит, колхозное добро грабит. Мне некуда идти. Я за нашу землю и здесь постою, — отвечал Костя.

— До Красной Армии пробиваться надо! — упрямился Илья. — Кто нас тут держит? Встали да пошли! — Он смотрел на Митю: — Пошли, что ли?

Митя всей душой поддерживал Илью, но он не мог оставить ребят, не зная, что с ними и как они будут жить.

— Что мы друг друга держим? Разойдемся коль кто куда! — настаивал Илья.

— Это как — кто куда? — вскидывал голову Яков. — Кто под пулю, кто на веревку, а кто и в яму живьем? Вместе надо действовать! Война — дело общее. Собирать людей надо, а не распускать по лесу в одиночку!

Илья замолкал, но споры не прекращались.

Митя решил пробраться к Коноплянко — узнать у него, что делается вокруг, расспросить о ребятах. Товарищи одобрили его решение. Кузнец проводил до опушки.

Ночь выдалась темная. Митя перешел шоссе, потом свернул к реке. Раза два ему повстречались немецкие солдаты. Он спрятался в кустах, переждал...

В селе Ярыжки лаяли собаки. Митя пробрался огородами к хате Коноплянко. Тихонько постучал в окно.

Встретились они как братья.

Разузнав подробно о ребятах, Митя обрисовал своих новых товарищей, положение в лесу:

— Сидим и не знаем, что делать. Споры начались. Коноплянко взял его за руки:

— От жизни вы оторвались, а ведь она ключом кипит. Все на местах. Вот почитай... А я о вас кого надо в известность поставлю.

Он протянул Мите напечатанный на машинке листок.

— Из Москвы... Сталин по радио выступал.

— Из Москвы?! — Митя бережно развернул листок. Партия вдохновляла людей на борьбу с врагом, вселяла уверенность в победе. Слово ее разрешало все сомнения и вопросы Мити и его товарищей.

Митя вскочил, обнял Коноплянко:

— Дай мне, дай мне это! Я товарищам отнесу! Ведь это все, что надо!

Коноплянко отдал ему листок, проводил до реки. По дороге Митя еще раз расспросил его о Ваське и ребятах.

— Хвалит их Матвеич: говорит — верные хлопцы! — сказал Коноплянко.

Митя, счастливый и гордый за своих пионеров, улыбался; торопился передать им хоть несколько слов.

— И еще передай поклон от меня... — попросил он.

Прощаясь, Коноплянко напомнил:

— Значит, я о вас скажу. А вы с кузнецом послезавтра на старую мельницу приходите — там поговорим.

Митя вернулся под утро. Товарищи ждали его с нетерпением. Митя передал им свой разговор с Коноплянко.

Костя ликовал:

— Все, что я думаю, партия завсегда знает и ответ мне на мою думку подает!

— Вот и не будете глядеть кто куда — сообща будем действовать! — сказал Яков.

Костя с Митей побывали на старой мельнице. С волнением слушали сводку Совинформбюро. Провожая их, Коноплянко сказал:

— Завтра в ночь на пасеку приходите. Нужный человек будет!

* * *

Митя поглядел на солнце. Лучи его золотили стволы деревьев, пробежали по траве, прятались в кустах.

"Время ехать!"

Он поднял с земли рюкзак, подозвал Гнедко. В последний раз оглянулся на поляну, где стоял когда-то лагерь. Больше сюда незачем было приезжать.

Чернела распотрошенная яма бывшей землянки, в ней уже не было запасов...

С высокой сосны сорвалась шишка и глухо стукнулась о пень.

Митя тронул коня.

Глава 35

НА СТРАЖЕ

— Тетя Оксана, мы пришли!

Оксана оглянулась, быстрым внимательным взглядом окинула вышедших из кустов мальчиков.

Игнат, держа в руках кубанку, стоял рядом с Васьком. Серые глаза его под прямой линией сросшихся бровей глядели серьезно и строго.

Оксана узнала Игната, с теплой, материнской лаской погладила по плечу.

— Хорошего товарища привел! — одобрительно кивнула она головой Ваську. — Умеешь выбирать.

— Я за всех ручаюсь! Может, еще надо, так я живо...

— Не надо, — коротко оборвала Оксана и, все еще не снимая руки с плеча Игната, о чем-то задумалась.

Мальчики стояли не шевелясь. Сумерки уже спускались на пасеку; кусты вишняка становились темней, сквозь них белыми столбиками просвечивали стволы берез.

— Игнат у реки будет, а ты — у перелаза. Глядите, хлопцы, чтобы врага не пропустить, да и сами зря не высовывайтесь, — тихо сказала Оксана.

— Не высунемся!

— Чуть что — давайте знать. От реки филин ухнет, а от перелаза иволга может крикнуть. Умеете ли иволгой да филином кричать? — строго спросила она.

— А как? — растерялся Васек.

Игнат приложил ко рту ладони и издал негромкий крик.

— А, знаю! Вспомнил! — обрадовался Васек и тут же крикнул, подражая иволге.

— Хватит, — сказала Оксана.

Но Ваську показалось — плохо, и он крикнул еще раз. Игнат с серьезным лицом присел на корточки и заухал филином, хлопая себя по бокам руками.

— Хватит, — еще раз сказала Оксана. — Помногу не кричите. Кто показался в виду — давайте знать. Пасека в стороне стоит, дорога полями идет — бывает, едут по ней солдаты... Ты, Васек, тогда не прогляди. На овраг тоже поглядывай: там тропа есть — кто знает...

— А если просто чужие люди?

— Чужой или свой — ты этого знать не можешь. На это другие сторожа найдутся. Твое дело в одном: показался человек — давай знать, — спокойно разъяснила Оксана.

* * *

Тонкий месяц острыми краями врезался в темную глубину неба и остановился над пасекой. Вынырнула из густой листвы белая хата, заблестели стекла закрытых окон, упал на крыльцо желтый круг света.

...Молчат высокие тополя, в густом вишняке не дрогнет ветка с черными, сладкими вишнями, не шелохнется трава, не закачается на стебле цветок. Только вдруг блеснут из

кустов внимательные глаза, вынырнет из травы спрячется вихрастая голова, зашевелится в темноте рука, отведет от лица назойливую ветку. Это Васек стоит на страже.

У реки, за широким пнем, залег Игнат. Отсюда по обе стороны видны ему мягкая, переливающаяся блесками гладь воды, противоположный крутой берег и кусты. Шуршат камыши, тихо касаясь друг друга сухими стеблями; плещет хвостом неугомонная рыба... Из-за старого пня, обросшего белыми грибами и зеленым мохом, смотрят зоркие глаза Игната. Вот, пригнувшись к сырой траве, он ползет к камышам, вглядывается в плывущую по реке лодку...

— Ух!... Ух!... — несется предупреждающий крик филина.

Васек стоит за черными кустами георгинов, около перелаза; он не спускает глаз с дороги. Освещенная светом месяца, она далеко видна. Только там, где начинается овраг, дорога спускается круто вниз и уходит из глаз. Крик филина заставляет мальчика насторожиться. Он беспокойно оглядывается на хату Матвеича. От крыльца отделяется Оксана... По узенькой тропинке от реки идет Коноплянко...

Васек облегченно вздыхает: свои.

Но вот снова несется предупреждающий крик филина. Кто-то тихо подходит к крыльцу. Дверь хаты неслышно захлопывается за пришедшими. А вот на тропинке, ведущей из оврага, появляется черная тень. Васек издает тревожный крик... Волнение сжимает ему горло, и крик неведомой птицы мало похож на крик иволги. Оксана появляется у перелаза...

Месяц освещает согбенную фигуру старика, опирающегося на суковатую палку. На нем серый пиджак, старый картуз низко надвинут на лоб.

"Так вот кто здесь..."

У Васька замирает сердце; он еще больше напрягает зрение и слух, вытягивает шею, вглядывается в темноту. Наступает долгая, напряженная тишина...

И вдруг... крик иволги снова несется из вишняка. На скошенном поле, как на раскрытой ладони, видна пролегающая дорога... Оттуда, приглушенный расстоянием, слышен нерусский говор. Одна за другой тянутся повозки... Издали видны фигуры солдат и огоньки сигарет.

Васек считает: одна повозка, другая, третья... Первая уже скрылась за поворотом. За последней идет группа гитлеровцев, а из оврага поднимается маленькая торопливая фигурка. Васек узнает деда Михайла. Дед Михайло, пригнувшись к плетню, тоже наблюдает за гитлеровцами. Но повозки исчезают за поворотом... Далеко видно в поле широкую дорогу... Крик иволги повторяется... То один, то другой человек возникает из темноты оврага. Иногда Васек слышит за своими плечами спокойное дыхание Оксаны.

— Свой, — одними губами шепчет она, вглядываясь в приближающегося человека.

Дверь Матвеичевой хаты без стука и скрипа впускает своих людей. Ночь идет. Васек сливается с кустами георгинов; месяц не выдает его — он освещает узкую дорожку к перелазу, золотит верхушки тополей, желтым светом обливает плетень.

К плетню подходят два человека. По могучему сложению первого, заросшим щекам и лохматой гриве волос можно узнать кузнеца Костю, но Васек смотрит не на него. Через перелаз ловко перепрыгивает молодой хлопец, знакомым движением он откидывает со лба волосы, поворачивает голову к Косте... Короткий и радостный крик иволги рвется из вишняка. Сторож не выдерживает: он прыгает на дорожку и бросается на шею Мите.

Митя молча, без слов, прижимает к себе Васька, глядит в его одуревшие от счастья глаза и смеется...

— Пошли, пошли, — хмурится Костя, — не время.

Васек отрывается от Митиной груди, на ходу ловит Митины руки, изо всей

мальчишеской силы жмет его пальцы... Это ничего, что они не успели сказать друг другу ни одного слова; что-то большее, чем слова, распирает грудь Васька.

— Все теперь прошли, — раздвигая кусты, шепчет Оксана. — Гляди в оба, голубенок мой...

Сторож снова напрягает зрение и слух, вглядывается в дорогу, ловит каждый звук.

А в хате Матвеича говорит секретарь райкома:

— Борьба будет жестокой, беспощадной! Уничтожать, истреблять врага всюду и везде, нападать внезапно, не давая ему опомниться! Поднять весь народ — вот наша задача!

Голос Николая Михайловича раздвигает стены, зажигает невидимые партизанские костры. Никто не узнал бы в нем теперь старика, опирающегося на палку. Острым взглядом охватывает он сидящих перед ним людей.

— Родина нас зовет, товарищи! — раздается чей-то взволнованный голос.

— За Родину!

Люди встают.

Потом они окружают стол, за которым сидит Николай Михайлович. Всем хочется говорить, спрашивать, поделиться новостями. Митя тоже подходит к столу. Костя легонько подталкивает его к секретарю райкома.

— У него, товарищ, душа смелая. Выдержанный он человек, не глядите, что молодой, — говорит кузнец Костя.

Секретарь райкома внимательно смотрит на Митю, потом поворачивается к директору МТС:

— Ну как, Мирон Дмитриевич, принимаешь в свой отряд?

— А что ж, Николай Михайлович, раз за него так кузнец стоит, то беру!

Костя подробно рассказывает директору МТС о людях, которые остались в лесу. Вспоминает Якова, Илью:

— Правильные люди, подходящие.

Кузнец и Митя отходят в сторону.

— Оружие достаньте себе сами... держите крепкую связь с народом, — снова слышится голос секретаря.

Оксана в углу завязывает узелок, прячет что-то на груди.

— С утречка и пойду, — говорит она отцу.

В кухне, за шкафом, Николай Григорьевич, согнувшись, стучит на машинке.

— Листовки надо будет остороженько расклеить где можно, — говорит Матвеич. — Часть Оксана возьмет с собой...

Николай Михайлович подзывает Коноплянке и Марину Ивановну:

— Ну, а вы, товарищи, действуйте осторожно, с оглядкой. Сводки, по возможности, не задерживайте, найдите постоянных связных для передачи...

Над пасекой занимается рассвет. Хата Матвеича пустеет. Один за другим исчезают в предрассветных сумерках люди. Мимо Васька проходит Оксана:

— Зови Игната, да ложитесь. Я вам в кухне сенца настелила. Молоко в крынке на столе, хлеб — под рушником. Ишь, глаза красные... Ложись спать, голубенок...

— А вы куда? — спрашивает Васек и пугается своего вопроса.

Но Оксана не сердится.

— Я далеко, — просто говорит она, поглаживая его волосы большой мягкой рукой. — Не скоро увидимся... Если встретишь когда своего учителя, скажи: хорошо он ребят учит, спасибо ему... Ну, и поклон передай от сестры Оксаны.

Глава 36

В СЕЛЕ

В селе было беспокойно. Гитлеровцы заставляли колхозников сдавать продовольствие. На столбах появились грозные объявления. По ночам ребята Трубачева заклеивали их листовками. Люди останавливались, жадно читали; гитлеровцы били людей прикладами, срывали листовки, топтали их ногами. Листовки появлялись снова. Колхозники, читая про свою родную Красную Армию, верили в освобождение, набирались сил, выше поднимали головы.

— Бабы, не сдавайте продукты! Ничего они с нами не сделают. А Красная Армия придет, своих кормить будем! — шептала колхозницам Макитрючка.

Около сельрады выросла виселица. Колхозные ребяташки издали смотрели на нее.

— Мамо, дивиться, яки соби качели фашисты зробили! — первый сообщил Жорка.

Люди боялись выходить на улицу. В селе нашлись предатели, надевшие черную форму полицейских. Колхозники с ненавистью и презрением называли их "чернокопытниками".

Один из таких полицейских, сын бывшего кулака, Петро, вместе с гитлеровским офицером ввалился в хату Макитрючки. Мазин с Петькой сидели за столом и чистили картошку.

— Почему продовольствие не сдаешь? — заорал с порога Петро, пропуская вперед офицера.

Макитрючка вскипела.

— Ах ты, иуда, вражий наймит! Продажная душа! — зашипела она в лицо полицейскому. — По тебе ж осина в лесу скушает!

Петро схватил ее за плечи, швырнул об пол:

— Я тебя, ведьму, на виселицу отправлю!

Он стал бить ее по лицу, по голове.

— Проклят ты, проклят от людей и от бога! — кричала страшная, растрепанная Макитрючка.

Мазин и Русаков бросились к ней, пытались оттащить ее от разъяренного полицейского.

Офицер брезгливо водил глазами по стенам хаты, чистил зубочисткой зубы и плевал прямо перед собой. Потом ткнул пальцем в спину полицейского и вышел на крыльцо, Петро, скверно ругаясь, хлопнул дверью, оставив на полу избитую Макитрючку.

Вечером жителей села сгоняли на сход.

Встревоженный Сева вызвал Трубачева к колодцу.

— Они Степана Ильича старостой назначили! Велели ему, чтобы в два дня все продовольствие было собрано, — шепнул он.

Васек схватил Севу за руку:

— А дядя Степан что?

Малютин покраснел от боли и стыда за Степана Ильича.

— Они били его, мучили? — задохнувшись от волнения, спросил Васек.

— Не-ет... я не слышал. Нет, не били! Он сам согласился, — прошептал Сева.

— Сам? Старостой у фашистов? Не может он сам! Это они его заставили! Постой... Приходи в овражек!

Васек рассказал все ребятам. Ребята слушали с широко раскрытыми глазами. До вечера, сбившись в кучку, сидели они в Слепом овражке, убитые и напуганные Севиним сообщением.

— Да, может быть, ты ослышался? Или это кто-то другой был? — допрашивали они товарища.

— Нет, нет! Я не ослышался.

Васек, бледный, с красными пятнами на щеках, зажимал пальцами уши и, мотая головой, кричал на Севу:

— Неправда, неправда! Не смеешь ты так говорить! Тебе, может, показалось? Неправда это!

Сева чувствовал себя в чем-то виноватым.

— Я, конечно, сам слышал, что он согласился, то есть он ничего не сказал... Но все-таки, может, он еще не будет старостой — убежит или еще что-нибудь сделает...

Ребята вздыхали, обменивались короткими замечаниями:

— Какой человек хороший!

— Председатель колхоза!

— Мы его так любили... А он к фашистам пошел!

Одинцов встал:

— Не смейте про него так говорить! Не смейте!

На сходке, куда полицаи согнали все село, слова Севы, к ужасу мальчиков, подтвердились. Степан Ильич стоял рядом с полицаями и, глядя куда — то поверх голов, кричал в толпу хриплым, деревянным голосом:

— Сдавайте хлеб, сдавайте гречу!... Чего ждете?

Колхозники молчали.

— Ой, боже мий, что же это делается? Степан врагу продался! — с гневом и удивлением шептались бабы.

Фашисты одобрительно хлопали Степана Ильича по плечу. Петро подал ему немецкую сигарету. Степан Ильич долго держал ее, разминая пальцами; табак сыпался на землю.

После схода старики собрались у деда Ефима; вздыхали, качая головами:

— Вот и поди ты к нему, Ефим, спроси: есть у него совесть или нет?

— Отдаст он запрятаный семенной фонд врагам — чем будем сеяться весной?

— Ты ему скажи: гитлеровцев прогонят, а народ останется... Люди не простят...

Дед Ефим пришел к Степану Ильичу в хату, остановился у двери, опираясь на палку. Степан Ильич встал навстречу.

Татьяна рушником обмела скамейку:

— Садитесь, диду!

— Садиться я не буду. Мое дело в двух словах. — Дед постучал об пол суковатой палкой. — Я, Степан, твоего батька знал. Вместе мы женились, вместе в колхоз вступали... Ну, да не о том речь. Вот старики послали меня узнать: отдашь ты семенной хлеб врагам — обидишь своих людей или нет? Да велели еще тебе сказать... — Голос у деда повысился, дробно застучала об пол палка. — Придет Красная Армия, освободит народ, напроць истребит врага — куда тогда пойдешь, с кем будешь? Подумай, чтобы не каяться тебе на этом свете...

— Эх, дед... — сказал только Степан Ильич и махнул рукой.

Ефим ушел.

За ужином Степан Ильич сидел мрачный как туча. Мальчики молчали, молчала и баба Ивга. Татьяна не выдержала — расплакалась.

— Что ж это ты делаешь, Степа, а? Як же мне на село появляться, людям в глаза глядеть?

Степан Ильич не отвечал. Татьяна заломила руки:

— Что же вы, мамо, молчите? Як в рот воды набрали! Хиба это не ваш сын? Або мне одной страшно на свете жить?... Ой, Степа, Степа!...

Она упала головой на стол, затряслась от слез. Баба Ивга встала, обняла ее:

— Молчи, доню, молчи!

— Ой, мамо, як же молчать? Люди кажут: проданся Степан фашистам...

Васек вылез из-за стола; Саша с красным, упрямым лицом, не поднимая глаз, катал из хлеба шарики; Одинцов сидел прямо, белый как стена.

Утром Татьяна взяла Жорку и ушла из села, не простившись со Степаном Ильичом.

— До своей матки пошла, — кратко сказала ребятам баба Ивга.

Лицо у бабы Ивги за один день почернело и сморщилось, глаза впали. Она ходила по хате строгая, молчаливая. Допоздна не ложилась спать. Степан Ильич тоже не ложился. Они сидели рядом за столом, и оба молчали.

Мальчики исподтишка следили за каждым шагом Степана Ильича. Сева и Генка видели его в штабе. Гитлеровцы вызывали Степана Ильича для каких-то поручений. У колодца бабы осторожно спрашивали Ивгу:

— Говорят люди — старостой Степан будет?

— Старостой.

— Ну что ж, его дело!

— Подневольный человек... Как не согласишься, когда петля на шее! — заводила разговор соседка Мотря.

Макитрючка, оправившись от побоев, сама побежала к Степану Ильичу. Застала она его в хате одного. О чем говорили они, никто не знал.

ВОПРОС ПИОНЕРСКОЙ ЧЕСТИ

— Это вопрос пионерской чести, — тихо, но твердо сказал Одинцов. — Какие же мы пионеры, если будем есть хлеб предателя?

В Слепом овражке было тихо. Ржавые пятна мутно поблескивали на поверхности болота. Сумерки окутывали сбегающие по склону кусты орешника. Лягушки, неподвижно распластавшись на воде, круглыми, немигающими глазами смотрели на трех мальчиков.

— Уйдем! — глухо сказал Васек и, обхватив руками колени, задумался.

— Все от него уйдут... Татьяна с Жоркой ушла, баба Ивга уйдет, мы уйдем, — мрачно сказал Саша.

— Баба Ивга? — переспросил Васек. — Да... может быть... Но какая же она мать, если она уйдет? — И, словно возражая самому себе, покачал головой: — А какая же она советская, если она останется?

— Все от него уйдут! И будет пустая хата... И он будет шагать по ней... один! — с отчаянием крикнул Одинцов.

— Пускай, — тихо и упрямо сказал Саша.

* * *

За ужином Степан Ильич посмотрел на мальчиков. Они сидели молча, не поднимая глаз от тарелок.

Одинцов казался больным; в последнее время тонкие черты его лица заострились, сквозь прозрачную кожу проступала синева. Степан Ильич забеспокоился:

— А что это, мамо, у нас один хлопчик так с лица изменился? Може, больной, а?

Он положил свою большую руку на голову Коле и, перегнувшись через стол, заглянул ему в глаза:

— Что это ты, хлопчик?

Коля, низко согнувшись и опустив голову, смотрел под стол.

— Эге... Совсем наше дело плохо! — удивленно сказал Степан Ильич и попробовал повернуть к себе мальчика.

Но Одинцов резко высвободился от него и, закрыв лицо руками, разрыдался. Васек побледнел.

Лицо Саши залилось темной краской, губы упрямо сжались. Одинцов плакал громко, захлеб. Степан Ильич растерянно оглянулся на мать.

Баба Ивга поставила на стол чугуны с картошкой, бросилась к Коле, прижалась сухими губами к его голове и, раскачиваясь из стороны в сторону, зашептала, как маленькому:

— Тихо, тихо, мое дитятко!... Чего ж ты, мое серденько, так расплакался?... Все же на свете минуется, все переживется. Пойдем, пойдем, мой сыночек, я тебя уложу...

Коля обхватил бабу Ивгу обеими руками и, пряча лицо в широких сборках ее кофты, рыдая, шел с ней по хате.

— Не плачь, не плачь, мое дитяtko! — взбивая одной рукой подушку, а другой прижимая к себе Колю, шептала баба Ивга. — Будет и на нашей улице праздник. Да хибa ж русский народ поддастся якому-нибудь врагу? Боже сохрани! Кто ж это такое бачил? — Она присела на край постели, с улыбкой покачала головой, заглянула Коле в глаза. — А у нас же Красная Армия есть! Да когда ж то было, чтобы нашу армию кто победил? За ней же весь народ стоит, як гора каменная! Великая это сила — наш народ! И в огне он не горит, и в воде не тонет. Так-то, мой сыночек... Вот и послухай, яку присказку стары люди про наш народ кажут...

Коля вслушивался в мягкий голос, и плач его постепенно затихал. Мальчики на цыпочках подошли к бабе Ивге и стали сбоку кровати.

Степан Ильич сидел за столом, обхватив руками голову.

* * *

Несколько дней мальчики тщательно следили за Степаном Ильичом. Ходили за ним по пятам, расспрашивали Севу.

Один раз под вечер прибежал взволнованный Грицько:

— Вчера Петро до моего батька заходил! Хвастал, что они со Степаном теперь первые люди на селе...

Мальчики хмурo переглянулись.

Одинцов твердо сказал:

— Я, правда, плакал, и теперь у меня как-то сердце сжимается, и бабу Ивгу мне жалко, но только все равно своих слов не меняю. Надо уходить! Это вопрос пионерской чести!

ПИОНЕРСКАЯ ДИСЦИПЛИНА

Васек пошел к Матвеичу. Волнуясь, рассказал про Степана Ильича и закончил словами:
— Мы не хотим больше у него жить!

Матвеич внимательно слушал, потирая двумя пальцами усы. Николай Григорьевич молчал, изредка взглядывая на Матвеича.

— Мы за дядей Степаном по пятам ходим! Куда он — туда и мы, — начал опять Васек.

Матвеич вскочил, двинул стулом, рассердился:

— "Мы, мы"! Это кто тебе дал право распоряжаться? Кто вас назначил за Степаном следить?! "По пятам ходим"!... Видал, старый? А кто ему такое поручение давал, я спрашиваю?

— Мы думали... — вспыхнул Васек.

— А вы не думайте! Есть поручение — выполняй! Дисциплину забыл?

Васек молчал, сбитый с толку, обиженный.

— Видал, старый? Они за ним по пятам ходят! Ах вы, бисовы диты! — крикнул Матвеич, с шумом обрушиваясь на табуретку.

— Ну, ну, расшумелся!... — постучал по столу Николай Григорьевич и притянул к себе Васька. — Садись со мной, пионер... Следить за дядей Степаном не надо, понял?

Васек кивнул головой.

— Ну, понял — и весь разговор. И жить у Степана Ильича будете, как жили. Этого от вас пионерская дисциплина требует. Понятно?

Васек удивленно посмотрел на Николая Григорьевича и ничего не сказал. Потом нерешительно кивнул головой.

— Тоже понятно? Ну и хорошо! А вот если еще какие новости у тебя есть — выкладывай.

Васек поглядел на Матвеича. Тот вдруг громко, раскатисто захохотал, встряхивая головой и откидываясь назад:

— "По пятам ходим"! Ну, диты! От бисовы диты! — От смеха щеки его побагровели, могучая грудь тряслась.

Глядя на него, Николай Григорьевич не выдержал и тоже засмеялся. Васек побледнел от обиды, встал и пошел к двери.

— Стой, стой! — закричал Матвеич. — Садись за стол. Давай отчет: где были, что делали? Я тебе насчет продовольствия задание давал.

— Фашисты три машины нагрузили. Сева слышал — на Жуковку повезут; шофер говорил — в Лукинках бензин будут брать. Полицаи поедут и солдаты. А там на одном грузовике... — Васек нерешительно взглянул на Матвеича.

— Давай, давай дальше! — кивнул тот.

— На одном грузовике пулеметы стоят.

— Добре! А когда повезут? Не слыхал?

— Нет. Скоро, потому что уже совсем нагрузили.

Матвеич заложил назад руки, большими шагами заходил по комнате, бор — моча что-то про себя и загибая на руке пальцы.

Когда Васек уходил, Матвеич дал ему толстый пакет:

— Спрячь хорошенько. Пойдешь в Макаровку. К Миронихе. Баба Ивга скажет куда. Сам пойдешь. Толкового товарища возьми. Да гляди в оба: не попадитесь — далеко это. Я там давно не был, не знаю... может, фашисты в селе стоят, — так осторожненько!

Васек шел недоумевающий, но успокоенный доверием Матвеича. По дороге он думал о Степане Ильиче: "Тут какая-то тайна. Матвеич умный, он все знает, только не говорит. А как может он сказать, если ребятам этого знать нельзя! Может, Матвеич сам следит за дядей Степаном, но не хочет, чтобы мы знали... Ну и пускай! Нельзя так нельзя. Наше дело — слушаться. Как Матвеич сказал, так я и передам. И рассуждать об этом не надо больше, и думать не надо".

Но думалось как-то невольно.

Васек вспомнил разговор с Николаем Григорьевичем и вдруг остановился, пораженный внезапной мыслью: "А если все это неправда? Дядя Степан нарочно старостой стал, чтобы все узнавать у фашистов!"

Перед глазами Васька встало темное, полное глубокой душевной тоски лицо Степана Ильича.

— Пусть это будет неправда, дядя Степан, пусть это будет неправда! — прижимая к

грудь руки, прошептал Васек.

Дома он строго сказал ребятам:

— Не велел Матвеич следить. И уходить не велел.

— Что же это? — растерялся Одинцов. — Что ж это, Васек? Ведь мы — пионеры!

— А для пионеров есть пионерская дисциплина! — обрезал его Васек.

О поручении, данном ему Матвеичем, он сообщил только то, что уходит далеко и не знает, когда вернется. Ребята огорчились, но спрашивать не стали.

— А вы тут не зевайте! Пусть на пасеку за меня Мазин сходит, если надо будет.

С собой он решил взять Одинцова.

С вечера баба Ивга уложила им в мешок еду, рассказала дорогу:

— Может, с людьми подъедете где... А то тропинкой пройдете напрямки. Далеко это... от Жуковки в сторону. Торбы я вам сошью; в случае чего, сохрани бог, скажете: сироты, подбираемся...

Мальчики вышли на рассвете. На длинной деревенской улице маячили фигуры полицейев. За хатой конюха Леонтия скользнула тень Петро. Васек забеспокоился:

— Чего это он там высматривает? Надо бы предупредить... Подожди меня.

У конюха стояли фашистские солдаты. Сам конюх с семьей ютился рядом в каморе. Васек осторожно перелез через плетень и стукнул в закрытое окошко каморы. Дверь приоткрылась, выглянула жена Леонтия.

— За вашей хатой Петро ходит! — шепнул ей Васек.

Леонтьиха испуганно захлопнула дверь.

Мальчики пошли дальше. За селом на выгоне стояли машины, нагруженные продовольствием. Две из них были уже доверху заложены ящиками и мешками. Гитлеровские солдаты прикрывали их серым тугим брезентом. Третью машину нагружали полицейай. Вдоль забора ходил часовой. Мальчики незаметно прошмыгнули мимо, в молодой лесок позади выгона. Пройдя несколько шагов, они остановились, удивленные неожиданной встречей.

Под орешником сидел Мазин с каким-то незнакомым человеком. Человек этот был босой, с завязанными тряпкой пальцами; одежда мешком висела на его худых плечах, широкие украинские штаны были подвязаны ремешком. Он о чем-то рассказывал Мазину, опираясь локтем о землю, поднимая вверх густые выцветшие брови и морща лоб. Рядом на траве лежала горка вырезанных из орешника дудочек. Одна из них, с зеленой резьбой, видимо, принадлежала уже Мазину. Он вертел ее, прикладывая к губам, но свистнуть не решался.

— Да-а... Гитлеровец на работу не прыток. За него лакеи работают. Ишь, грузят, стараются... — щуря светлые глаза, говорил незнакомец. — Вот этот полицейай, мальчишечка, и называется изменник Родины. Самый худший вид человека! И даже человеческого в нем ничего не осталось — потому как, если правильно разобраться, из чего состоит человек? Какие такие качества он в себе имеет? — Он склонил голову набок, растопырил на руке пальцы. — Первое — любовь к Родине! Гляди, какой палец я загибаю... — Он загнул большой палец. — Второе...

— Мазин! — окликнул товарища Васек.

Мазин оглянулся, вскочил:

— Я сейчас, дядя...

— Ты с кем это? — спросил Васек.

Мазин отвел его в сторону:

— Я этого дяденьку тут и вчера видел. Он тоже выслеживает кого-то.

— Не тебя ли? Иди домой лучше. Не болтайся тут зря.

— Я не зря болтался. Фашисты ночью продовольствие на Жуковку повезут! — зашептал Мазин.

— Надо бы Матвеичу сказать. Он зачем-то спрашивал, когда повезут. Ты бы сходил, Мазин.

— Я схожу сейчас.

— А мы Петро видели около Леонтьевой хаты! Высматривал, видно, что-то, — сообщил Одинцов.

— Я бы этого Петро убил, как собаку! Это самый худший вид человека! — Мазин вынул

из кармана дудочку, повертел ее в руках.

— А что это у тебя? — заинтересовался Васек. Он взял у Мазина дудочку, приложил к губам.

— Осторожно! Свистнет! — испугался Мазин. — Это мне дяденька подарил. У него много. Здорово сделано?

— Ловко! А ты в полную силу свистел?

— Нет. Боюсь! Часовые недалеко. Дяденька говорит, если свистнуть в эту дудку, так все, кто рядом стоят, навзничь повалятся!

Ребята засмеялись.

— Ну, мы пошли, а то поздно. Ты тоже иди. Зря не лазь тут! — распорядился Васек.

— Возьми дудку! — великодушно предложил ему Мазин.

— Насовсем? — обрадовался Васек.

— Бери насовсем. Я у него еще выпрошу, да он и так даст — добряк, видно.

Васек с удовольствием взял дудку. Мальчики расстались.

Коля Одинцов и Васек шли рядом, изредка передавая друг другу дудочку и тихонько, для развлечения, посвистывая.

— Жаль, в полную силу нельзя! Пристанут еще чернокопытники, остановят...

Шли долго. Дорога была длинная-предлинная. Бесконечно тянулось шоссе. Повсюду встречались гитлеровцы: они ехали па повозках, на грузовиках...

Один раз мальчиков посадил на телегу какой-то дед. Он ни о чем не спрашивал, только тихо бормотал про себя, нахлестывая лошадь:

— Иди, иди, все равно Гитлер житья не даст! Ребят по миру пустили, чего еще надо? Людей на дорогах стреляют... Видно, пропала наша жизнь. Серко! Что было, того не воротить! Иди, не поджимай брюхо! О колхозных кормах забывать надо...

Ребята переглядывались, молчали. Слезая с телеги, Одинцов горячо сказал:

— Спасибо вам, дедушка! Только неправильно вы думаете... Мы победим! Мы, честное слово, победим! Вот и Васек вам скажет...

Старик усмехнулся, внимательно посмотрел Коле в глаза, потом перевел взгляд на Васька.

— Мы победим, дедушка! — решительно подтвердил Васек.

— А вы что за ворожейки такие? "Победим"! Большое слово! Да армия-то наша на Киев отошла. Сам видел... Через наше село шли... Молодец к молодцу, в полном боевом порядке. Богатыри! Один на десятерых идет... А отходят. Куда отходят — бог весть... Бабы с воем за ними бегут, ребятишки... А они только стиснут зубы: "Вернемся, граждане, не бойтесь..." А чего — не бойтесь? Со всех сторон враг идет. Народ весь в леса подался... — Старик вдруг замолчал, оглянулся на лес и тронул лошадь. — Эх, эх, дела!...

Мальчики пошли по тропинке. Солнце начинало сильно припекать. Волосы покрылись пылью.

— Не стоит со всяким разговаривать, — нащупывая на груди свой пакет, сказал Васек.

Одинцов протянул руку:

— Дай потрогать... А толстый пакет! Видно, важное поручение. Хотя в тонком иногда еще важнее бывает!

— Конечно, бывает, — неохотно согласился Васек. — Я читал где-то, что в гражданскую войну один герой ехал с таким пакетом и попал к белым... Так он знаешь что сделал? Весь этот пакет съел!

— Да что ты?

— Честное слово, съел! Там еще сургуч был — так и с сургучом вместе.

— Это здорово! — Одинцов задумался.

Васек снова пощупал свой пакет:

— А нам, в случае чего, тоже придется съесть, пожалуй...

— Да он толстый! — засмеялся Одинцов. — Как его есть?

— А как красноармеец ел? Думаешь, вкусно ему было?

Одинцов покрутил головой:

— Я один раз промокашку съел маленьким... Конечно, если придется...

Ребята замолчали.

К полудню ноги у них устали, оба приуныли и еле тащились по дороге.

— Хоть бы свистнуть один раз! Попробовать, что за свисток такой? — сказал Васек, разглядывая подарок Мазина.

— Зайдем в лес и свистнем! — оживился Одинцов;

— Так нам сейчас крюк надо делать!

— Ну что ж такого? Свистнем по разу, а тогда за это пойдем побыстрей.

— Ладно.

Свернув с шоссе, мальчики побежали в лес. Выбрали тенистое местечко. Прислушались, оглянулись. Васек свистнул. Коля упал в траву и задрогал ногами:

— Ох и свист!

Свист действительно был резкий, пронзительный. Одинцов тоже свистнул.

— Мы еще не в полную силу. А если в полную свистнуть — вот было бы!

Что было бы, никто не знал, но мальчики выбрались на шоссе довольные. Усталости как не бывало. На закате солнца дошли до того места, где когда-то пил из ручья Митя. Ребята влезли по пояс в водоросли, потом обмылись ключевой водой. Закусили и снова вышли на шоссе.

— Вот Жуковка виднеется... А нам еще в сторону километров пять.

Ноги стали утопать в песке. Попадались неубранные разбитые телеги, остатки легкового автомобиля, отлетевшие и утонувшие во рву колеса.

— Ведь это около Жуковки грузовик разбили... — шепотом сказал Васек. — Здесь наши девочки ехали... Одинцов заморгал глазами:

— Знаешь, Васек, я их никогда не забываю и не забуду! А ты?

— Никто из ребят не забывает. Только не говорим... Что теперь говорить!

— А какие девочки были! Валя Степанова, Лида Зорина, Нюра Синицына... Самые лучшие люди из всего класса!

Васек кивнул головой.

— Если б хоть знать, что они не мучились, что сразу... — сказал Одинцов и вдруг остановился.

Впереди лежала груда железа. Около нее одиноко высился белый деревянный столбик.

Мальчики на цыпочках подошли к нему. Одинцов закрыл лицо руками и бросился в траву. Васек присел около насыпи, вытирая кулаком глаза. Не глядя друг на друга, мальчики нарвали цветов, положили на могилу.

— Давай тут, около них, и заночуем, — предложил Васек. — Все равно нам в лесу ночевать.

Мальчики залезли в перевернутую вверх дном разломанную машину. Долго говорили о девочках, вспоминали, как дружили и как ссорились с ними в классе.

— А мне всегда Нюра Синицына представляется... Я ее до зла доводил, придирался к ней, — изливал душу Одинцов.

— Она бы тебя простила теперь, если б знала...

Выговорившись, Коля заснул. Заснул и Васек.

По небу рассыпались мелкие звезды. Черной грудой лежал на дороге разбитый грузовик. Мальчики дружно посапывали, неудобно свернувшись под искореженной кабиной. Они не слышали, как хрустел в лесу валежник, как всхрапывал конь, осторожно переставляя копыта через поваленные деревья.

Мальчики не видели, как, пригнувшись к земле и прячась за обломками, перебежали через дорогу какие-то люди и, притаившись во рву, зорко вглядывались в даль.

Резкий, пронзительный свист разбудил обоих. Васек испуганно схватился за пакет. Одинцов вскочил, больно ударившись головой о железо.

С дороги грянули выстрелы, с треском разорвалась граната, застрочил пулемет.

Вспыхнуло пламя, где-то заржали лошади, раздались крики.

Мальчики, схватившись за руки, выглянули наружу.

На дороге, сгрудившись, буксовали машины, черным столбом поднимался дым, прорывались клубы пламени. Вокруг метались полицаи и солдаты. При свете огня можно было видеть, как они прыгали с машин на землю и падали под ударами напавших на них людей. Крики заглушались стрельбой. Мимо пылающего грузовика проскакал какой-то боец на гнедом коне. Неподалеку от мальчиков разорвалась граната. От страха они замерли, тесно прижавшись друг к другу. Когда стрельба затихла, они снова поглядели в щель.

Мимо ребят промчались телеги и, свернув в лес, запрыгали по ухабам. За ними ускакал конь. Под мышкой у седока торчали дула немецких автоматов.

На дороге остались пылающие машины и распростертые тела убитых полицейев и гитлеровцев.

Васек схватил за руку Колю Одинцова, и они, выбравшись из-под обломков грузовика, бросились в лес. Мальчики бежали, натываясь на кусты и деревья, обдирая об острые сучки ноги. Они боялись оглянуться назад, боялись остановиться, чтобы перевести дыхание. Наконец, споткнувшись о заросший мохом пенек, оба упали. Позади них сквозь гущу леса просвечивало розовое пламя.

Васек сел, прижимая рукой спрятанный на груди пакет. Одинцов обхватил его за шею, прижался холодными губами к его уху.

— Что это было? — прошептал он дрожа.

Васек молчал, тяжело переводя дыхание. Потом снова вскочил и потянул за собой Колю:

— Уйдем подальше.

Утро застало мальчиков в глухом, неизвестном месте. Выйти на дорогу они боялись, блуждали по лесу. Говорили шепотом:

— Как она их... здорово!

— А обоз-то узнал ты?

— Тот самый.

— А на коне...

Мальчики поглядели друг другу в глаза.

— Мне показалось, это был... — прошептал Одинцов.

Васек схватил его за руку:

— Молчи!

К концу дня они увидели Жуковку. Обошли ее стороной — боялись фашистов.

В Макаровку пришли поздно вечером. В хатах горели невеселые огоньки. На улицах было пусто. Кое-где подвывали собаки.

Какой-то хлопчик указал хату Мирониhi. Мальчики пробрались с огородов во двор.

— Заглянем раньше в окно — нет ли в хате гитлеровцев, — решил Васек.

Коля Одинцов стал коленом на завалинку и прижался лицом к стеклу. Потом медленно сполз на землю, протер кулаками глаза и жалобно сказал:

— У меня, Трубачев, виденье... Там... Нюра Синицына!

Васек оттолкнул его от завалинки и полез сам.

За окном около стола сидела Нюра Синицына и что-то шила. Стекло звяк — нуло. Нюра подняла голову и увидела прямо перед собой приплюснутое к стеклу лицо Трубачева. Она вскочила, вскрикнула и бросилась во двор. Первый, кто ей попался, был ошеломленный Коля Одинцов. Нюра заплакала, обливая слезами его щеки. Потом бросилась к Ваську.

— Валя! Лида! — кричала она.

Какой-то малыш цеплялся за ее платье и тоже лез целовать мальчиков.

ДЕВОЧКИ

Девочки забрасывали ребят вопросами. Потащили их в хату, усадили за стол, подкрутили фитиль в лампе. Мальчики наконец пришли в себя.

— Ну да, живы!... Только так страшно было, так страшно!

Девочки, прижавшись друг к другу, стали тихонько рассказывать. Голоса их часто прерывались:

— ...К вечеру около Жуковки, над самой дорогой, появился фашистский самолет. Он летел низко-низко... И потом начал бомбить шоссе. Кроме грузовика, на дороге была телега с людьми... Лошадь понесла... Малыши испугались, начали плакать. Тогда шофер подъехал самому лесу... под деревья... А Екатерина Михайловна... она, бедная, схватила детей...

Нюра всхлипнула. Малыш, который все время не отходил от нее, беспокойно заерзал на скамейке.

Валя Степанова улыбнулась дрожащими губами, знакомым движением откинула со лба разлетающиеся тонкие волосы:

— А на дороге взлетела телега... И около нее со свистом посыпалось что-то...

— Пули, — подсказала Лида Зорина. Она не плакала, но глаза у нее были красные.

— ...Шофер закричал, чтобы мы прыгали с машины и бежали в лес. А няня схватила ребят, обняла и ничего не понимает... Тогда Екатерина Михайловна тоже закричала: "Прыгайте, прыгайте! Берите детей!" Нюра первая спрыгнула, схватила Павлика...

— Нюра меня схватила... — серьезно сказал малыш, прижимаясь головой к боку Сеницыной.

— А мы с Лидой одну девочку... Гальку... Она толстая, тяжелая и за няню уцепилась... Мы ее еле-еле вдвоем с Лидой в лес... бегом... а дальше... — Валя широко открыла голубые глаза и крепко стиснула ладони. — Всех убили...

— Всех, всех! — с ужасом прошептала Лида. — Бомбой...

Нюра Сеницына прижалась щекой к теплой головке прильнувшего к ней Павлика. Одинцов ничего не спрашивал; от страшной картины, нарисованной девочками, у него рябило в глазах. Вспомнился разбитый грузовик, одинокий столбик, могила, на которую они с Васьком положили вчера цветы... И ему казалось чудом, что девочки, которых они оплакивали, живы. И еще одно чувство волновало Колю: он с торжеством вспоминал о ночном происшествии на шоссе. Это была месть за погибших детей, за слезы девочек! Но Коля не смел сказать об этом. Он вопросительно смотрел на Ваську.

Васек тоже ничего не сказал. Он притянул к себе Павлика, потрогал его худенькие плечики, неловко потрепал по голове:

— Октябренок...

— Братик, — поспешно сказала Нюра. — Он тетю Ульяну любит, мамой зовет. Она его насовсем взяла...

Васек кивнул головой, оглядел хату. Она была переделана на две половины. За дощатой перегородкой кто-то сонно бормотал, слышались посапывание и храп.

— Кто там?

— Это дети спят... Ульяны Ивановны. А ее нет... ушла.

— Не обижают вас здесь? — осторожно спросил Одинцов.

— Нет, что ты! Они хорошие. Она же нас и подобрала в лесу. Мы ведь два дня в лесу жили.

— Как — в лесу?

Снова начались рассказы.

...Испуганные, несчастные, с двумя малышами на руках, девочки бродили по лесу, потеряв дорогу. Галька кричала, плакала, просила есть...

— А что же вы ели?

— Сначала ничего... Мы как побежали, побежали сразу... А потом, когда сильно ударило, — за нами бомба... упала... Ничего не помнили... Оглушило нас... А потом вдруг тихо-тихо стало. Я слышу, Галька плачет рядом, — рассказывала Валя Степанова. — И Нюра с Павликом стоят надо мной, а Лида кричит: "Пойдемте, пойдемте назад! Там что-то случилось!" Мы и пошли... А потом, когда увидели, что всех насмерть... опять назад побежали... далеко-далеко в лес... в болото какое-то зашли...

— Ну ладно. Не люблю я все вспоминать!... Выбрались, одним словом, на шоссе через два дня, — хмуро сказала Нюра.

— Ну да, выбрались, конечно... Мы ведь еще вас с Митей потом ждали... Думали, вы проехали уже, — сказала Лида.

— Кашу в лесу варили, — задумчиво припомнила Валя. — Нюра бесстрашная — она еще после одна к нашему грузовику бегала. Манной крупы принесла, сгущенного молока, спичек, хлеба. Одна ходила, без нас... рано-рано встала и пошла... ничего не сказала...

— А чего мне говорить-то? У нас дети на руках, есть просят, и холодно им... Я еще там, — Нюра вдруг понизила голос и зябко повела плечами, — одеяло взяла...

Одинцов с уважением посмотрел на нее:

— Молодец ты!

Девочки рассказали еще, что на дороге подобрала их Ульяна Ивановна, жена директора МТС. Маленькую Гальку взяла другая женщина, а они все живут вместе.

— Никому она нас не отдала, хотя у нее и своих четверо. Одна девочка — старшая — с нами дружит, а другие еще маленькие. У нас эсэсовцы в селе. Они по хатам не стоят — боятся, верно. В клубе живут, в сельпо, из сельрады общежитие сделали. Вот тетя Ульяна и взяла нас к себе...

— Значит, она и есть Мирониха? Жена директора МТС? — живо спросил Васек.

— Ну да! А что?

— Ничего. Нас к ней по делу послали.

— По делу? Митя?

— Митя?

Мальчики переглянулись:

— Эх, да ведь вы ничего не знаете, что с нами было!

Васек стал рассказывать, как фашисты забрали Митю, как все ребята искали его, как он нашелся. Как Митя даже обнимал его, Васька, один раз, случайно, в одном месте, а потом опять ушел в лес.

Девочки слушали, боясь проронить хоть одно слово.

— И у нас все комсомольцы в лес ушли. А двоих эсэсовцы убили! И женщину одну убили!

— Убили? Ладно! Их тоже сегодня ночью били! Еще как! — не выдержал Васек. — Мы сами видели!

Он придвинулся ближе к девочкам и стал рассказывать про то, что они видели ночью на дороге.

— Так это правда? — радостно спрашивали девочки. — У нас в селе все-все друг дружке шепотом говорили, только мы не верили...

— А зарево какое было! Мы сами видели! И эсэсовцы куда-то на мотоциклах ехали, бегали, кричали, машины гудели... Мы боялись, что они схватили кого-нибудь, — сказала Зорина.

— Ну да, "схватили"! Сами попались! Там один на коне был... — начал с увлечением Одинцов.

Васек строго прервал его:

— Не наше дело, кто был! А только храбрецы они! Рраз, рраз! — и всех фашистов уложили!

Лида Зорина блеснула черными глазами:

— Фашисты! Мы их так ненавидим!

Синицына сморщилась:

— Они с людьми, как с подданными какими-то, обращаются!

Валя сидела молча. Губы у нее были крепко сжаты, глаза холодные, как голубые льдинки. Она взяла в обе руки свои тяжелые светлые косы, скрестила их на груди и о чем-то думала; на тоненькой шее у нее билась синяя жилка.

— Валечка! — прошептала Лида, осторожно обнимая подругу.

— Ненавижу я их! Ненавижу! — крепко сжимая зубы, проговорила Валя.

— Их выгонят! — твердо сказал Васек.

Девочки встрепенулись.

— Когда? — нетерпеливо спросила Нюра.

Валя строго посмотрела Ваську в глаза:

— Когда?

— Когда же? Когда? — прошептала Лида.

— Выгонят, и все! Не сразу, конечно. Потерпеть надо.

Девочки вздохнули. Валя отвернулась и стала смотреть в темное окно.

— А помните, как хорошо мы жили! Бегали в школу, — неожиданно улыбнулась она. — Леонид Тимофеевич всегда шутил с нами. Грозный на крыльце стоял... А в классе из окна видно было березку...

— И липы там цвели и клен был, — вставила Нюра.

— Все было! И сирень была! — заторопилась Лида Зорина.

Валя покачала головой:

— Нет. У окна одна березка... Белая-белая, тоненькая-тоненькая... Она всегда на нас глядела. А весной положит ветки на подоконник и стоит, как живая...

— А еще, Валя, помнишь, как в учительской глобус со шкафа упал? — засмеялась Синицына.

— Помню.

— А Белкин его за мячик принял и давай катать! — весело добавил Коля Одинцов. — Это еще в первом классе было!

— А помните...

Одно воспоминание сменяло другое. Говорили обо всех и обо всем, кроме родителей. О родителях не говорили, боясь расплакаться. Но воспоминания сами по себе были так полны школой и домом, так неразрывно были связаны между собой, что при одном из самых веселых воспоминаний — о том, как перед отъездом, на вокзале, Мазин посадил свою маму на чью-то корзинку с продуктами, — девочки заплакали. Мальчики, борясь с собой, недовольно сопели. Маленький Павлик, дремавший на скамейке, протер кулаками глаза.

— Я хочу спать! — пожаловался он.

Нюра вскочила.

— Ой, я и забыла, как не стыдно! — упрекнула она сама себя, бросаясь к Павлику. — Одинцов, встань, я ему тут постелю. Подержи-ка его пока — видишь, он совсем спит.

Она сунула Коле Павлика.

— Ну, куда еще... — начал было протестовать Одинцов, но, вспомнив что-то, любезно предложил: — Давай, давай! Клади на меня одеяло! И подушку клади! Ничего — я подержу, мне не тяжело!

Навьюченный как верблюд, он стоял посреди хаты, смущенно улыбаясь.

Когда Павлика уложили, Васек вдруг вспомнил:

— Да! А почему вы нас не искали, не пришли к нам, не дали о себе знать! Ведь Митя с горя заболел совсем, да и мы тоже.

— Как — не искали? Мы всю станцию исходили, спрашивали... Нам сказали, что вы все уехали. Сели в поезд и уехали.

— Да ведь это не мы! Это Сергей Николаевич с нашими ребятами. Ведь они еще при вас тогда на легковую садились. Еще там Белкин был, Надя Глушкова, все девочки!

— Да, да! А мы думали, что вы их догнали и все вместе уехали... А о Сергее Николаевиче ничего не слышно?

— Нет, как же услышать... Да он, верно, на фронте теперь.

За окном послышался шум. Залаяла собака, загудели машины; из темноты блеснули фары, по улице забегали огоньки, слышались голоса. Нюра схватила со стола лампу и поставила ее на печь. Из-за перегородки вышла босая девочка лет десяти. За ней волочилось серое байковое одеяло. Не обращая внимания на мальчиков, она закуталась в него и села на скамейку, подобрав под себя ноги.

Валя села с ней рядом, обняла ее за плечи:

— Мама придет — не бойся.

Девочка молча, с беспокойством в глазах, глядела на дверь.

По селу мчались мотоциклисты, под окнами пробежали солдаты.

— Лида, я за тетю Ульяну боюсь... Может, выйти поглядеть? — сказала Нюра Синицына.

— Не надо. Подождем еще.

Валя тихо говорила что-то девочке в байковом одеяле. Та слушала ее, не отвечая и не сводя глаз с двери.

— Маруся, дочка тети Ульяны... За маму свою боится, — шепнула Ваську Лида.

— А куда она пошла?

Лида прижалась губами к его уху:

— В лес...

Спустя полчаса, когда шум в селе затих, девочка на скамейке вдруг подняла голову и радостно улыбнулась:

— Мама!

В хату поспешно вошла Ульяна. Она неровно дышала; стеганка на ее груди расстегнулась, платок, повязанный двумя концами под розовым подбородком, съехал на затылок.

— Що, попугались, диты?

Она накинула на двери крючок, сунула Нюре какую-то сумку, сбросила с себя стеганку и, увидев ребят, строго спросила:

— А то чьи хлопцы?

— Это свои... наши! — поспешили объяснить девочки.

— Нас Матвеич послал, — сказал Васек.

— Матвеич? — Мирониха всплеснула руками; красивое лицо ее, румяное от ночного ветра, побелело, губы мелко-мелко задрожали. — Боже ж ты мий! Боже ж мий! — Она медленно подошла к Ваську, со страхом оглянулась на свою дочку: — Доню моя... Может, про батька своего сейчас прослышим?

Девочка посмотрела на Васька:

— Живой он?

Васек отошел в угол, расстегнул ворот, вытащил толстый пакет. Мирониха с трепетом взяла его, осторожно надорвала края, не переставая шептать:

— Боже мий, боже мий...

В конверте была пачка бумаг и письмо. Мирониха спрятала бумаги на грудь, поднесла к лампе письмо и громко прочитала:

— "Милая жена моя Ульяна! Дорогие мои дети..."

Мирониха заплакала, прислонясь лбом к печке и прижимая к груди письмо.

— Живой! — радостно сказала девочка, оглядываясь на встревоженные лица ребят. — Это она от радости плачет! Папка живой? — Она вдруг разговорилась. — Наш папка не помрет! У него сила большая! Он здоровый — он может сразу десять фашистов уложить!

— Та молчи! — прикрикнула на нее Ульяна.

Она уже не плакала, а дочитывала письмо, разглядывая его при свете лампы со всех сторон. Потом, вытерев кончиком платка мокрые щеки, облегченно вздохнула, положила в пакет письмо и вышла за перегородку.

— Собирайте на стол, девчата, — слышался ее голос.

Нюра и Лида вытащили из печи кулеш, поставили миски, нарезали хлеб. Мирониха вышла, под села к столу:

— Угощайтесь, гости дорогие, чем есть! Небогато теперь у нас. Живем по пословице: "Казала Настя, як удастся".

Мальчики вдруг почувствовали отчаянный голод и набросились на еду. Девочки угощали их и расспрашивали про Мазина, Русакова, Сашу, Севу... Передавали поклоны.

Ульяна тоже спрашивала — про Матвеича, про то, что делается в колхозе, как живут там при фашистах люди. Спрашивая, она часто смотрела в угол на ходики и морщила лоб — видно, думала свое, другое...

Одинцов вдруг что-то вспомнил, вытащил из кармана Нюрины стихи и с чувством прочел:

Зелененький поезд сюда нас привез...

Девочки удивились:

— Откуда это у вас?

— Хлопцы принесли.

Нюра покраснела:

— Ой, это, наверно, кто-нибудь мою тетрадку по дороге нашел! Она из корзинки выпала... Я и видела, но не до нее тогда было...

— А мы так обрадовались! — с жаром сказал Одинцов, пряча бумажку. И как будто невзначай добавил: — Хорошо ты стала писать! Мысли хорошие!

После ужина Валя убрала посуду. Мирониха вздохнула, поглядела в окно:

— Ну, хлопцы, накормила я вас чем могла, а оставаться вам тут нельзя — того гляди, эсэсовцы по хатам забегают. Прицепятся: кто такие, — беда будет! Хоть и жалко мне вас, а

надо вам потемну из села выйти. Матвеичу скажете: живы, здоровы, а что надо — пускай присылает. — Она встала, накинула стеганку, повязала платок. — Пойдемте, голубчики мои, провожу... Опасно вам одним идти, еще на патруль наскочите.

Девочки умоляюще взглянули на Миронику. У Лиды блеснули в глазах слезы.

— Мы и не повидались совсем, — тихо шепнула она Ваську. — Когда теперь придете?

Валя и Нюра тоже загрустили. Одинцов вдруг с жаром стал доказывать Миронике, что ей не к чему их провожать, что они дорогу заметили и найдут сами.

— Вам нельзя, вы еще скорей нас попадетесь. Мы где ползком проползем, где за кустом спрячемся, а вы уже старая все-таки! — горячо сказал он.

— Старая? — Мироника засмеялась, на красивом лице ее блеснули ровные белые зубы.

Коля покраснел, спрятался за Ваську. Девочки засмеялись.

— Ну, добре! Что я старая, так я с этим не согласна. А что опасно мне сейчас выходить, это ты правду сказал... Только и одних вас пускать нельзя: вы нездешние, наших тропок не знаете... — Она глубоко вздохнула, посмотрела на Маруську: — Снаряжайся-ка, доню...

— Тетя Ульяна, я пойду! Я с Лидой! Мы огородами пойдем, — вскочила Валя. — Я там каждый кустик знаю.

— Тетя Ульяна, мы пойдем! — запросилась Лида. — Пусть Маруся останется!

— Ну, добре! Идите, девчатки, только промеж гряд осторожненько... Покажите дорогу, да и назад!

— И я пойду! — сказала Нюра, бросаясь обуваться.

— Куда все? — рассердилась Мироника. — У меня за двух-то сердце изболит! Сиди, а то никого не пушу!

Лида и Валя, уже одетые, стояли у двери. Прощаясь с мальчиками, Нюра отвернувшись, заплакала.

— Не плачь. Мы все равно все вместе будем, — тихонько утешал ее Одинцов.

Васек вынул из кармана дудочку:

— Вот возьми для Павлика, пусть играет.

Мироника на прощанье дала ребятам по куску хлеба, насыпала в торбу вареной картошки.

— Дорогие вы гости, а оставить вас не могу — не хозяйка я теперь в своей хате! — с горечью сказала она.

Рассвет уже боролся с темнотой; смутно вырисовывались очертания кустов и деревьев, белые стены мазанок. Ребята поодиночке перебежали к плетню и, прячась за ним, пошли вдоль улицы. Где-то слышались шаги ночного патруля.

Девочки повели ребят по огородам, через гряды; путанный горох цеплялся за ноги, мокрая трава хлестала по коленкам.

Темнота ночи быстро редела... Захлопал крыльями сонный петух...

Прощались молча.

Расставаться было грустно и страшно. Долго держали друг друга за руки.

Лида дрожала не то от холода, не то от страха.

Васек заметил, что лицо у Лиды было маленькое и серое. Валя была спокойна, только грустно смотрела то на Ваську, то на Колю своими большими близорукими глазами. Когда девочки, взявшись за руки, побежали назад, мальчики поглядели им вслед. Две фигурки то ныряли в густую траву, то снова возникали за огородными грядами.

Выйдя на шоссе, ребята еще раз оглянулись. Над Макаровкой вставало солнце...

ВАЖНЫЕ НОВОСТИ

Только на третий день, усталые и голодные, мальчики добрались до своего села. По дороге им все время встречались гитлеровцы. Боясь попасться им на глаза, ребята шли лесом. Ночью около Жуковки фашисты начали простреливать лес.

Лежа на сырой земле, мальчики продрогли, но идти не решались.

Добравшись наконец до своего села, они сразу заметили в нем какую-то перемену — на улице появились эсэсовцы. Люди совсем притихли, забились в хаты. На широкой площади, около сельпо, на виселице качались два трупа. Мальчики еще издали увидели их, ускорили шаг и прошли мимо, не поднимая глаз. У хаты Макитрючки они остановились; им не терпелось поскорей увидеть кого-нибудь из товарищей.

Радостная весть о девочках, которую они несли ребятам, всю дорогу волновала их; они представляли себе, как примут ее товарищи, как будут расспрашивать, удивляться, ликовать.

Но виселица стояла у них в глазах, — тревога и ужас овладели обоими.

Макитрючка была одна. Она сидела на скамье и зашивала старый, стираный мешок, растягивая его на коленях.

— Носит вас по селу! Нет чтобы за печкой сидеть, пока голова цела! — заворчала она на мальчиков. — Людей, как собак, вешают, а вы друг за дружкой бегаєте. С самого утра я своих хлопцев не бачила. Где их искать! Вчера иду, а они около школы торчат, в самое пекло лезут!

— А кого повесили? — с испугом спросил Коля.

— Не знаю... Из другого села взяли... Вчера утром на перегоне гитлеровский эшелон взорвался... Там и схватили первых попавшихся, — нехотя рассказывала Макитрючка.

— А в нашем селе никого не взяли?

— Я по селу не бегаю. Может, кого и взяли. Все между жизнью и смертью ходим!

Макитрючка замолчала. Тугие складки на ее лице стянулись к упрямому, злому рту, глаза стали зелеными, нос заострился.

— А мы девочек наших видели! — сообщил Одинцов.

Но Макитрючка, погруженная в свои мысли, не ответила. Мальчики вышли... Баба Ивга встретила их ласково. Она стояла на крыльце и качала головой, глядя, как они перелезают через плетень и, шатаясь от усталости, идут по двору.

— Ах вы, голубятки мои, горе мое! Я ж все очи проглядела на дорогу! Як же вы добрались до дому!

Одинцов и Васек бросились к ней и, забыв про усталость, перебивая друг друга, стали рассказывать про девочек.

Радостная весть поразила бабу Ивгу. В уголках глаз блеснули крупные слезы.

— Господи Иисусе, хоть на этом сердце отдохнет! Радость-то какая! А вы уж и цветы на могилку положили... А тут счастье такое! Да как же это они живы остались? — Она вспомнила Митю. — Хлопец сам не свой ходил... Белый, без кровинки пришел, всю ночь глаз не закрыл!

Мальчики заволновались.

— А еще, баба Ивга, что было!... — Они начали рассказывать про ночное происшествие на шоссе. — Просто мы опомниться не успели, как все случилось! Вот здорово! Ни один гитлеровец в живых не остался! И пулеметы партизаны с грузовиков взяли, и оружие, и всякое

продовольствие! — захлебываясь, рассказывали мальчики.

Баба Ивга улыбалась, кивала головой, спрашивала, потом снова возвращалась к девочкам:

— Бывает же счастье такое! Они же, бедненькие, напугались до смерти!

Поговорив с бабой Ивгой, ребята решили сбегать в Слепой овражек. Саши нет в хате — может быть, он там.

— Вот бы всех увидеть сейчас!

— Да поешьте хоть, ноги вымойте — ишь как пятки-то растрескались у вас, — уговаривала их баба Ивга.

Но ребята, не слушая ее, убежали. Товарищи действительно были в овражке; они сидели на коряге, тесно окружив Малютина. Сева что-то рассказывал таинственным шепотом. Генка первый увидел Васька и Колю:

— Наши идут!

Мальчики вскочили, бросились навстречу.

Васек с легкостью белки прыгнул на корягу. Румянец заливал его темные щеки, глаза ярко синели.

— Мы, ребята, такое сейчас вам скажем! Такое хорошее, какого вы за всю жизнь еще не слышали!

Ребята затаили дыхание.

— Война кончилась? — прижимая к груди руки, прошептал Саша.

— Ну, "война кончилась"! Ты уж чересчур хочешь! — недовольно проворчал Коля.

На них зацыкали со всех сторон.

— Говори сразу! — рявкнул Мазин.

— Ну, слушайте! Три, четыре! — скомандовал себе Васек, предвкушая общее ликование. — Девочки наши живы, вот что!

— Девочки? Нюра, Валя, Лида?

— Те, что были убиты, теперь живы! — торжественно пояснил Васек.

— И мы их сами видели, своими глазами, вот вам! — крикнул Коля.

Все смешалось. Васька чуть не стащили с коряги. Мазин схватился за сук и изо всей силы раскачивался. Колю кто-то шлепал по спине. Саша стучал себя кулаком в грудь, повторяя одно слово:

— Живы, живы, живы!

Осторожный Сева еще никак не мог поверить в одно хорошее; он боялся, что рядом с этим хорошим есть где-то и плохое.

— Может, ранены? Больны? Без рук, без ног?

— Не ранены, не больны, с руками, с ногами, да еще двух малышей спасли! Вот какие наши девочки! — кричал Коля.

Васек посмотрел на него и вдруг расхохотался.

— У Кольки... виденье было, — вспомнил он вдруг. Картина встречи с Нюрой Синицыной предстала перед ним в смешном виде. Одинцов, отшатнувшийся в испуге от окна, он сам с приплюснутым к стеклу носом, Нюра с вытаращенными глазами и какой-то малыш, который лез то к нему, то к Коле целоваться. — Виденье! Виденье! Ха-ха-ха! — захлебывался Васек.

Ребята дергали его, требовали объяснения. Коля Одинцов стал рассказывать все по порядку. Ночное сражение он нарочно пропустил, чтобы рассказать о нем особо.

Мальчики перебивали, спрашивали. Васек и Коля терпеливо отвечали на все вопросы, подробно описывали девочек, Миронику, передавали поклоны и только потом приступили к

рассказу о ночном происшествии. Услышав, что боец на коне, по всем приметам, был похож на Митю, ребята пришли в окончательное неистовство. Забыв про фашистов, они боролись, падали и даже невзначай подбили Мазину глаз.

Потом решили обязательно навестить девочек и как-нибудь повидать Митю, чтобы сообщить ему радостную весть.

Наконец, когда все немного успокоились, Малютин сказал:

— У нас тоже важные новости. Нам обязательно надо посоветоваться.

Все стали серьезны.

Новости действительно были важные.

В отсутствие Трубачева Степан Ильич запретил ребятам бегать на пасеку. Мазин не поверил Степану Ильичу и все-таки сбегал к Матвеичу. Матвеич рассердился на него и сказал, что на пасеку уже два раза заходили гитлеровцы. Кого-то искали. Один раз ночью лаял Бобик. Матвеич взял его в хату, чтобы собаку не подстрелили.

И еще новости — в селе появились эсэсовские части и везде расклеены приказы: за помощь партизанам — расстрел, за укрывательство — расстрел. Так и пестрят все объявления крупными черными буквами: "расстрел", "виселица".

Двоих колхозников из какого-то другого села повесили на глазах жителей около сельпо.

А партизаны теперь уже действуют всюду; слышно, что где-то на перегоне взорвали целый эшелон и вчера около бывшей МТС на дороге убили несколько гитлеровцев; а в селах стали понемножку расправляться с полицаями — одного в овраге нашли зарубленного топором, с надписью на груди: "Предатель".

Гитлеровцы и полицаи струхнули: в лес ходить боятся, и около самой школы теперь стоят пулеметы.

И еще самую главную новость рассказали Сева и Генка. Степан Ильич, видимо, совсем продался фашистам. Петро рассказывал на селе, будто Степан Ильич согласился ездить по селам и всех бывших кулаков вербовать в полицаи. А вчера Степан Ильич привел какого-то старика. И Сева слышал, как он сказал переводчику, что это старик, пострадавший от Советской власти, бывший кулак, и теперь хочет послужить гитлеровцам. Старика позвали к генералу; он, видно, боялся, потому что шел и даже денщику низко кланялся. А сегодня осмелел и взялся какие-то замки в штабе чи — нить; на деда Михайла кричит и такие штуки выделывает — денщики над ним хохочут.

— Дед мой с ним было подрался вчера. Тот какой-то несгораемый шкаф чинил, а деду дал ящик с инструментами держать. Ну, и чего-то заспорили они там, — хмуро сказал Генка и тут же улыбнулся. — Только не зря дед простачком прикидывается. Хитер он... Вчера вдруг Севку спрашивает:

"Разберешь ты немецкие слова так, чтобы переписать, в случае чего?" Севка говорит: "Разберу. А где не разберу, просто скопирую". Дед мой даже языком причмокнул.

— Неспроста тут что-то, — покачал головой Васек.

Ребята крепко задумались.

На прощанье Сева грустно сказал:

— Теперь уж, наверно, не скоро увидимся... Сегодня и то еле вырвались... За водой только ходим.

СТЕПАН ИЛЬИЧ

Степан Ильич еще не видел мальчиков после их возвращения. Он шумно обрадовался, когда Васек с товарищами вошел в хату.

— Дорогой ты хлопец! — притягивая к себе Васька, сказал Степан Ильич.

Ваську захотелось обнять его крепко-накрепко, как, бывало, он обнимал своего отца, но он поборол в себе это желание, осторожно высвободился из объятий Степана Ильича и сел на скамью, избегая его взгляда. Степан Ильич понял, глубоко вздохнул, отвернулся. Молча слушал то, что рассказывали мальчики, без улыбки кивал головой. Потом перестал слушать, ушел в себя и, ссутулившись, сидел, глядя в окно.

Баба Ивга понимала, что именно мешает Ваську быть приветливым со Степаном Ильичом. Она смотрела то на одного, то на другого с глубокой грустью. Потом подошла к Ваську, нагнулась, поцеловала его в волосы:

— Ну что ж, так тому и быть! Тяжкое время!... У каждого сейчас свой крест. Один потяжеле несет, другой полегче.

Васек не понял ее слов, но горячо откликнулся на ласку, прижался головой к ее плечу.

Одинцов и Мазин с завистью глядели на него:

— Как маленький...

Баба Ивга подошла и к ним. Одинцов смутился, когда она погладила его по голове, а у Мазина отросшие светлые волосы взъерошились; он напряженно вытянул шею и держал ее так, пока баба Ивга не сняла руки с его головы. Тогда, довольный неожиданной лаской, Мазин размешал пятерней свои волосы и сказал:

— Спасибо.

* * *

Ночью кто-то тронул Васька за плечо. Васек встревожился, заморгал глазами, проснулся.

"Не случилось ли чего с Севой?" — почему-то подумал он.

Но над ним склонилось темное лицо Степана Ильича.

— Встань, хлопчик...

В окошко глядела полная луна.

Одинцов и Саша крепко спали. Васек с испугом смотрел в лицо Степану Ильичу и, протянув за спиной руку, дергал за рубаху Одинцова. Но Одинцов, утомленный дорогой, не просыпался.

— Встань, хлопчик, — еще раз сказал Степан Ильич и потянул Васька за собой в сени.

Васек шел за ним, не доверяя ему и не смея послушаться.

Сердце у него билось.

"Что ему надо?" — с тревогой думал он.

В сенях Степан Ильич наклонился к нему и зашептал:

— Беги, сынок, до конюха... огородами беги... остороженько... Мне нельзя... люди

донесут... Скажи конюху, чтобы зараз в лес подавался. Чуешь, сынок?

Васек кивнул головой, поднял на Степана Ильича глаза и вдруг жарко, порывисто обнял его за шею, прижался головой к его груди.

Степан Ильич обхватил его обеими руками любовно и крепко:

— Боишься?

— Нет, нет!

Васек выскользнул во двор, пролез под плетнем на огород и, прячась в кукурузе, пополз к хате конюха. Село, облитое лунным светом, казалось пустым; безглазые, слепые окошки с запертыми ставнями не мигали теплыми огоньками; издалека была видна площадь с черной виселицей...

Конюх, его жена Катерина и Грицько спали. Васек тихонько стукнул в оконце. Подождал, оглянулся. На второй стук чуть-чуть приоткрылась дверь, показалась взлохмаченная голова конюха. Васек проскользнул в камору. Шепотом передал поручение Степана Ильича. Конюх заторопился; старая бабка засуетилась; жена в темноте стала собирать вещи.

— Это он, это Петро проклятый! Не миновать ему, дьяволу! — натягивая сапоги, шептал конюх. — Спасибо Степану... Скольких людей спас!...

Васек бросился к Грицько, крепко обнял его за шею.

— Дядя Степан не предатель! Это он меня послал к вам, Грицько! Он не предатель! — горячо зашептал Васек товарищу.

Грицько смотрел на Ваську сонными, ничего не понимающими глазами.

— Одевайся, сынку, одевайся! — торопила его мать.

Степан Ильич дожидался Васька в сенях. Видимо, он и не уходил оттуда. Он сам уложил мальчика, укрыл его рядом, снова повторив свои слова:

— Дорогой ты хлопчик... цены тебе нет...

Васек долго держал его руку, прижимая ее к горячей щеке.

На рассвете эсэсовцы стучали прикладами в пустую камору конюха, разбивали двери. Старая бабка пряталась у соседей; конюх с женой и сыном ушли в лес.

СТРАШНАЯ НОЧЬ

Утром ребята не отходили от Степана Ильича. За столом Одинцов старался сесть с ним рядом. Саша подолгу стоял возле дяди Степана, притулившись к нему боком.

Васек торжествовал:

— Я ему всегда верил! И Матвеич верил... Дядя Степан нарочно старостой стал, чтобы людей спасать... Только об этом никому нельзя говорить, ни одному человеку!

Одинцов и Саша поклялись молчать.

Мазин и Русаков были заняты другим. С утра Генка передал им, что дед Михайло строго-настрого запретил шататься около школы и ждать у колодца Севу. Это запрещение вызвало особый интерес мальчиков, и они только и делали, что шатались около школы, наблюдая за гитлеровцами. После обеда они принесли Ваську сведения, что из штаба выехал куда-то целый отряд эсэсовцев на мотоциклах. Ребята встревожились, зашептались.

Степан Ильич нахмурился, постучал по столу:

— Чтобы ни один из хаты не вышел! Мало ли куда эсэсовцы поехали! Вас не касается!

Ребята притихли. Степан Ильич большими шагами ходил по хате, хрустел сложенными пальцами, часто поглядывая в окно. Васек смотрел на его сосредоточенное лицо и старался угадать, чем он взволнован.

"Хорошо бы повидать Севу или Генку, — думал Васек. — Может, они выйдут к колодцу хоть на минутку..."

Он шепнул Мазину, чтобы тот тихонько вышел во двор, и сам стал пробираться к двери. Но Степан Ильич заметил и вернул обоих.

— Куда? На место! И вы тут оставайтесь, нечего по селу бегать зря! — сказал он Петьке и Мазину.

Солнце садилось. Откуда-то издали вдруг донеслись выстрелы, глухо застучал пулемет. Степан Ильич поднял брови, насторожился. Баба Ивга вопросительно посмотрела на него:

— На Жуковке, что ли? Или в другой стороне?

Степан Ильич вышел на крыльцо. Ребята тесной кучкой двинулись за ним. Выстрелы были частые, глухие, далекие.

— За лесом где-то, — определил Степан Ильич.

Из гороха вдруг вынырнула голова Генки; он перепрыгнул через плетень. За ним, задыхаясь от быстрой ходьбы, перелез Сева.

Лицо Степана Ильича побагровело от волнения.

— Пойдем в хату, — тихо сказал он, пропуская вперед Севу и Генку.

В хате Сева торопливо вытащил из-за пазухи сложенный вчетверо лист бумаги и сунул его Степану Ильичу. Пальцы у Севы были в чернилах, руки дрожали.

— Вот... все... дед Михайло велел скорей нести!... — сказал он, с трудом переводя дух.

Генка, возбужденно блестя глазами, начал сбивчиво рассказывать:

— Как фашисты со двора... так дед и взял. Севка переписывал, а я сторожил... А старик тот ушел...

Степан Ильич, не слушая Генку, развернул бумагу, пробежал ее глазами, спрятал за сапог, взял шапку:

— Я пошел... Мамо! Ребят никуда не пускайте. Чуть что — на пасеку их. Всех до одного.

До Матвеича!

Он схватил за плечо Генку:

— Подложил дед документ обратно?

Генка испуганно замотал головой:

— Не... еще... Прихитрится сейчас...

Баба Ивга перекрестилась:

— Силы небесные! Господи, помоги!

У Степана Ильича дрогнули брови. Он махнул рукой и пошел к двери. У порога остановился, подозвал мать, кивнул на ребят:

— Пусть на пасеку идут.

— Иди, иди! Не бойся, сынок! Сам поспешай!

Степан Ильич зашагал по двору и скрылся в сумерках. В хате было тем — но. Генка в уголке шепотом рассказывал ребятам, как Сева спешил переписывать какой-то документ, пока он, Генка, сидел на пороге мазанки и сторожил его.

— А что ж это за документ, Севка? Ты понял что-нибудь? — жадно спрашивали ребята.

— Нет... ничего не понял... От страха, наверно, у меня руки тряслись... Я больше копировал слова... Это какой-то военный план, — улучив минуту, шепнул он на ухо Трубачеву.

— Я думаю, это что-нибудь очень нужное. Видал, как дядя Степан схватил эту бумагу и сразу ушел с ней куда-то? — говорил Петька, прикрывая ладонью рот и поглядывая на бабу Ивгу.

Мазин сузил глаза, улыбнулся:

— А я-то думаю, чего дед Михайло Севку прячет, к школе не велит подходить!... Эй! — вдруг дернул он Васька и даже вскочил с места. — А старик-то этот, что замки чинил, знаешь кто?

— Ну?

— Да тот, с дудками, что в лесу со мной сидел!

Васек покачал головой:

— Странно все как-то...

Баба Ивга зажгла лампочку, поставила на стол.

— Собирайтесь, ребята! Матвеича повидаете, на пасеке и заночуете, а там видно будет. Курточки возьмите — свежо сейчас. Да живо, голубята мои!

Ребята обрадовались. Они давно не видели Матвеича и Николая Григорьевича. Ваську не терпелось рассказать на пасеке про девочек, про документ, который собственноручно переписал Сева и доставил Степану Ильичу, про ночное сражение на дороге — событий было много!

— Пошли! Пошли! — торопил он ребят.

— А дед как же? — встревожился вдруг Генка.

— Ну, чего дед! Он уж, наверно, подложил! — уверяли его ребята. — Пойдем!

Но Генка упрямо покачал головой:

— Я к деду пойду!

Баба Ивга вздохнула:

— Деду ты сейчас не помощник. Он один скорей управится. Иди с ребятами, сынок!

Генка нерешительно открыл дверь и остановился на пороге. По двору с непокрытой головой бежала Макитрючка. Не видя ничего перед собой, она оттолкнула от порога Генку, бросилась в хату, упала на скамью.

— Схватили... схватили... Забьют... Ой, лишенько! Забьют старика до смерти... —

застонала она, хватаясь за голову.

Генка с криком бросился к двери и попятился назад...

У порога стоял Петро.

— Ты что по селу бегаешь, народ поднимаешь? — закричал он на Макитрючку, тяжело переступая через порог. — В петлю хочешь?

Ребята с ужасом смотрели на его тяжелую, приземистую фигуру в черной форме полица, на скуластое красное лицо и острый кадык, выступающий из тугого воротника.

Макитрючка, прижавшись к стене, с ненавистью глядела ему в глаза и не двигалась с места.

— Господи помилуй, господи помилуй! — бормотала баба Ивга. — Что ты кричишь, Петро? Что мы тебе сделали?

Петро сбавил тон.

— Я тебя не обижаю. Не про тебя речь. Я за хлопцами пришел. Полковник требует. А она против власти идет! Я с ней еще поквитаюсь! А ну, пошли за мной, хлопцы!

Он схватил Генку за руку. Генка вырвался и отбежал к сбившимся в кучу ребятам. Петро с недоброй усмешкой взглянул на Ивгу:

— Всю шайку у себя хороните? Ничего, там старику язык развяжут! Через внука развяжут да через пионера вашего! — Он кивнул на Севу.

Баба Ивга бросилась к ребятам; раскинув руки, загородила их:

— Не дам детей! Хоть убей на месте, не дам!

Петро отшвырнул ее в сторону, шагнул к остолбеневшим от ужаса и неожиданности ребятам и опустил тяжелую руку на худенькое плечо Севы.

Сева молча рванулся, сбрасывая с плеча его руку. Васек, загораживая собой товарища, изо всех сил толкнул полица. Озверевший Петро ударил его кулаком в грудь и с ругательствами схватился за кобуру. Мазин повис на его руке. Петька вцепился зубами в волосатую кисть. С другого боку на полица навалились Одинцов, Саша и Генка. Баба Ивга бросилась в сени, заложила на крюк дверь. Макитрючка схватила шкворень и ударила Петро по голове. Полицай охнул и осел на пол.

— Уходите, деточки! Уходите, голубята мои! — зашептала баба Ивга. — Господи помилуй, уходите скорей! До Матвеича идите!

Макитрючка трясущимися руками выпроваживала ребят за дверь:

— Уходите, уходите! Мы тоже уйдем! В лес уйдем! Степана упредить надо!...

Не оглядываясь на Петро, Одинцов схватил из-под лавки рюкзак. Васек по одному пропускал мимо себя ребят. Дрожащие губы плохо повиновались ему, в голове шумело. Он недосчитывался Генки.

— Где Генка? Где Генка?

Мазин и Одинцов вели обессиленного Севу.

— Генка убежал, — прошептал в темноте Петька.

* * *

Шли с трудом, зорко вглядываясь в каждый бугорок, продираясь через кусты и колючки. Все молчали; ужас только что пережитого гнал вперед.

За селом ребята выбились из сил; шатаясь, добрались до копны с сеном и сели под ней,

тесно прижавшись друг к другу. Над скошенным полем стояло густое дымное облако. Оно медленно росло, расплывалось по всему небу и заволакивало редкие звезды.

Петька вдруг сплюнул и с дрожью в голосе сказал:

— Я ему руку насквозь прокусил!

Ребята хмуро молчали. В глазах у всех еще стояла страшная фигура озверевшего полиция.

— Гадина! — процедил сквозь зубы Мазин.

Одинцов зябко повел плечами. Васек вспомнил иссиня-белое лицо Макитрючки, вытер рукавом холодный пот и строго сказал:

— Хватит об этом!

Ребята снова замолчали. В тишине было слышно, как трудно дышит Сева.

— Значит, деду не удалось подложить документ! — вдруг прошептал Петька, глядя на всех испуганными глазами.

Васек вскочил:

— Да, да, чего же мы сидим? Надо скорее к Матвеичу. Надо ему все рассказать... Ведь и Генки нет. Где Генка?... Пойдем скорей!

Ребята поднялись, прибавили шагу.

Шли от копны до копны.

На небе колыхался черный столб дыма. Сквозь него вдруг пробились красные языки пламени.

— Пожар!

— В стороне пасеки горит! — тревожно сказал Васек. — Может, кто копны с сеном поджег... Бежим скорей, а то еще полицаи наедут сюда!...

Спотыкаясь и падая, бежали по полю. Зарево разгоралось; запахло гарью. Завиднелись тополя, освещенные огнем.

Оставив далеко позади товарищей, Васек бежал изо всех сил. В овраге перед пасекой было светло как днем. Васек взбежал по тропинке и остановился, пораженный страшным зрелищем. Горела пасека...

* * *

Хата Матвеича была охвачена огнем. С треском горели балки, из-под накаленной вздыбленной крыши вырывалось пламя, огонь бушевал в черных провалах окон, длинные красные языки лизали сухие стены. Над пасекой стоял зловещий гул — все трещало, рушилось, разбрасывая далеко вокруг снопы искр. Все гибло. Развесистый дуб над крыльцом стонал, как человек, качая обгорелой верхушкой; по стволу его змейками пробежали огненные искры, ветки обуглились. На молодых вишнях черными узелками скрутились листья; воздух стал накаленным и сухим; в густой траве был виден каждый цветок.

К хате нельзя было подойти. Натянув на голову курточки, ребята бегали вокруг пожарища.

Васек бросался вперед, задыхаясь от нестерпимого жара:

— Матвеич! Матвеич! Николай Григорьевич!

Мазин, черный от дыма, указывал на бушующее пламя.

На глазах ребят стропила с треском провалились, крыша рухнула, Огонь, получивший новую пищу, забушевал еще яростней... С шумом вырывались снопы искр, падали горящие

головни.

Ребята отбежали к плетню. Мазин подошел к товарищам.

— Кончено!... — сказал он и, махнув рукой, отвернулся.

Откуда-то издалека раздался вдруг жалобный вой.

— Бобик! — догадался Васек.

У всех мелькнула надежда. Вой повторился, но, потерявшись в шуме пожара, затих.

— Бобик! Бобенька! — кричали ребята, бегая по саду.

Обыскали кусты, бросились по тропинке к реке. По пути натыкались на опрокинутые ульи; в одном месте они были беспорядочно нагромождены друг на друга.

Васек несколькими прыжками достиг берега. Ребята со всех сторон тоже бежали туда. Из кустов выскочил Бобик; он бросался к мальчикам и, взвизгивая, звал их за собой.

Недалеко от воды, за широким пнем, плечом к плечу лежали два товарища. Около них валялись расстрелянные гильзы. Лицо у Матвеича было серое, бескровное. Голова Николая Григорьевича откинулась назад; серебряные волосы с запекшейся кровью прилипли ко лбу.

Неровный горячий свет пробегал по мертвым лицам, на короткие мгновения оживляя застывшие черты.

Ребята остановились.

— Матвеич! — позвал Васек.

Ответа не было. Бобик поднял морду и снова протяжно завыл.

Колени у Васька вдруг подогнулись; он сел на траву и дотронулся до неподвижной, холодной руки Матвеича.

Матвеич был тем человеком, который в памятный солнечный день доверил первое боевое задание пионеру Ваську Трубачеву; Матвеич пригрел и окрылил его мальчишеское сердце.

— Матвеич...

Ребята стояли молча, опустив головы...

Огромное пламя пожара бросало на воду красные отблески.

Ветер, набегавший с реки, знобил плечи.

— Куда мы теперь?... — тоскливо прошептал Петька.

Ему никто не ответил. Кругом были враги и тяжелая чернота ночи.

Мазин мрачно и безнадежно смотрел на воду. Потом повернулся, подошел к Трубачеву и тихонько тронул его за плечо:

— На мельницу надо... Один раз Игнат не пустил меня туда... Может, там свои...

Васек взял на руки Бобика, спустился к реке и, не оглядываясь, пошел по берегу. Ребята гуськом потянулись за ним.

НА ЛЕСНОЙ ПОЛЯНЕ

— Подожди, подожди, Валечка! Не заплетай волосы, дай еще поглядеть!

— Ой, какое все золотое! И цветы и травы! Как будто тоненькой золотой паутинкой перепутаны!

Валя, смеясь, закрывает подружек с головой своими распущенными волосами. Девочки, крепко прижавшись друг к дружке, смотрят сквозь тонкие, пронизанные солнцем пряди Валиных волос на лесную поляну.

Пышно доцветает украинское лето; покраснели на деревьях листья, тяжело свесились с кустов спелые гроздья калины, заплелась хмелем синяя ежевика, осыпалась дикая малина. А на лесной поляне, покрытой белыми крупными ромашками, полевой гвоздикой и колокольчиками, еще хлопотливо трещат в траве кузнечики, кружатся бабочки.

— Как хорошо жили бы люди, если б не было на земле фашистов! — задумчиво говорит Лида Зорина.

Нюра Синицына вскакивает. Она в широкой Миронихиной кофте, подвязанной ремешком.

— Ой, девочки, смотрите — все коровы разбрелись! Вставайте скорей!

Девочки, подпрыгивая, разбегаются в разные стороны.

— Красавка! Красавка! — заплетая на ходу косы, зовет Валя.

— Недолька! Буренка! — звучат неподалеку голоса ее подруг.

Каждый день Лида, Валя и Нюра гонят на поляну десяток коров. В Макаровке только у некоторых хозяек остались старые, тощие коровы.

По тайному соглашению с Миронихой, каждое утро хозяйки, увидев девочек, выгоняют за ворота своих коров. Девочки гонят маленькое стадо на лесную поляну. В полдень из лесу тайком приходит женщина. Она доит коров и уносит молоко в лес. Иногда она забирает также хлеб, крупу и сало — все, что удастся потихоньку от фашистов собрать в селе для макаровских партизан. Но чаще всего продукты относит в лес сама Мирониха.

Девочки встают очень рано. Натянув на себя старые Миронихины кофты и вооружившись длинными хворостинами, они гонят по улице коров, торопливо пробегая мимо гитлеровских солдат. Влажная серая пыль холодит босые ноги, из-под длинных рукавов выглядывают красные пальцы; свежее утро охватывает ознобом плечи. За селом, где начинается лес, девочки вздыхают свободней. В глубине леса, на зеленой поляне, они усаживаются втроем на старый пенек и, поджав под себя босые ноги, с грустью смотрят на покрасневшие листья, на желтеющий лес.

— Скоро сентябрь, — тихо говорит Валя Степанова.

— А я все думаю: кто-то в нашу школу пойдет, на наши парты сядет... — вздыхает Синицына.

Лида Зорина печально смотрит на подруг:

— Другие девочки пойдут... Опять будут у них звенья... и звеньевые...

— А мы как же? — тревожно спрашивает Нюра.

— Мы тоже будем учиться... хоть тайком, а будем... Может быть, в Ярыжках, у Марины Ивановны...

— В Ярыжках? Да ведь это очень далеко!

— Наши ребята попросят дядю Степана взять нас к себе. Там мы будем жить и вместе

учиться! — уверенно говорит Валя. — Васек Трубачев придет! Он нас не бросит!

Лица у девочек светлеют.

— А помните, как раньше первого сентября бежали мы в школу! Я, бывало, чуть свет встану в этот день!

— А я помню, как дадут нам в детском доме новые учебники, так я оторваться от них не могу. Все странички перелистаю, все книжки в новую бумагу оберну, надпишу, — счастливо улыбается Валя.

— А потом, а потом! — вскакивает Лида. — Когда еще только подходишь к школе, все кричат: "Здравствуй, Лида! Зорина, здравствуй!" А в классе уже учитель...

— Нет, сначала мы приходим, а потом учитель, и мы прямо сразу, все хором: "Здравствуйте!" — Нюра протягивает вперед руки, как будто держится за парту.

— Здравствуйте, Сергей Николаевич! — повторяют хором девочки и вдруг смолкают... Снова усаживаются на пенёк и долго сидят, тесно прижавшись друг к дружке.

— Разве без школы можно жить? — грустно спрашивает Лида.

Нюра покусывает стебелек и щурится от солнца. Глаза у нее светлые и зеленые, как трава; щеки обветрились, кожа на руках погрубела, но выражение лица стало мягче, спокойнее. Много изменилось в Нюре за эти трудные дни. В ней появилась нежная заботливость по отношению к подругам. Ей всегда кажется, что она крепче и сильнее их.

— Валя, надень мои тапочки! У тебя ноги посинели... Давай, Лида, я тебе платок повяжу, — беспокоится она утром, когда они гонят коров.

— Ладно тебе, Синичка! — обнимают ее подруги. — Что мы, какие-нибудь особенные, что ли?

Девочки крепко сдружились и полюбили друг друга.

— Мы как сестры, — часто говорит Валя — У нас даже все мысли одинаковые.

Сидя втроем на поляне, они без конца говорят о школе, о родителях, вспоминают всякие мелочи из своей прежней жизни и рассказывают их друг другу как что-то очень важное.

— Один раз моя мама пироги с калиной испекла, — говорит Лида, срывая ветку калины. — И вот к нам гости пришли. И так весело было! И все спрашивали: "Что это за пироги, что это за пироги?" А моя мама... — Голос у Лиды начинает вздрагивать, с черных ресниц

спрыгивают капельки слез. — А моя мама говорит: "Это... с калиной... пироги..."

У Нюры быстро краснеет нос, дрожит подбородок.

Валя, улыбаясь, качает головой:

— А вот у нас в детском доме осенью... Ну вообще... в это время много именинников. И тогда тоже пироги пекут и всем подарки делают. А наша тетя Аня всегда знает, что кому хочется. И как это она всегда знает?

— Вот правда, как она знает? — удивляются подруги.

— А мой папа, наверно, на войну ушел, а мама одна осталась, — говорит вдруг Нюра.

— Конечно, все папы сейчас на войне! Разве кто-нибудь будет сидеть дома!... Может, даже моя мама пошла! — с гордостью говорит Лида.

Нюра придвигается ближе к подругам и шепчет, зажимая ладонью рот:

— А фашистам вчера опять жару дали! Целый эшелон взорвался на Жуковке. Помните, ночью грохот был? Это партизаны взорвали! Мне Маруська сказала.

— Да что ты!

Девочки молча переглядываются.

— Фашисты всех вешают да убивают, а их никто не боится, — презрительно говорит Валя.

— Наши ребята их тоже нисколечко не боятся! Мне Коля Одинцов говорил, что они с Трубачевым даже ни капельки не струсили, когда на дороге бой начался, — зашептала опять Нюра. — Наши ребята могли бы их сами побить, если бы у них ружья были!

— Очень просто! Мы бы всем отрядом как двинули на них! — разгорелась Лида.

— Глупости это, — хмурится Валя. — Зря болтаете только...

Она обрывает с ромашки белые лепестки и гадает вслух:

— Будем в школе — не будем в школе, будем — не будем...

Девочки внимательно смотрят, как падают на ее колени лепестки.

Солнце начинает сильно припекать. Коровы перестают жевать траву и утыкаются мордами в кусты. Полдень.

Из леса доносится хруст валежника и шорох листьев. Девочки вскакивают:

— Тетя Оксана!

Лида радостно бежит навстречу. Нюра сгоняет застоявшихся коров. Оксана не спеша выходит из-за кустов и, потряхивая подойником, улыбается:

— Что, доченьки, заждались меня?

— Нет, нет! Что вы, тетя Оксана! Мы хоть целый день ждали бы!

Тетя Оксана — близкий и родной человек. Девочки уже давно знают, что она сестра их учителя. У нее такие же глаза, как у Сергея Николаевича, такие же скупые, неторопливые движения и ласковая улыбка. И, пока Оксана доит коров, девочки, присев на корточки, торопливо рассказывают ей все новости.

Оксана слушает, кивает головой. Молоко длинными белыми струйками стекает в подойник.

— Не приходил больше командир ваш, золотистый-золотой? — с улыбкой спрашивает Оксана.

— Трубачев? Нет, не приходил. Но он обязательно, обязательно придет! Он никогда нас не оставит, ведь мы из его отряда!

Иногда, прощаясь, Оксана тихо говорит:

— Скажите Ульяне — ночью приду.

Девочки радуются и, притаившись, долго не спят в эту ночь. Ждут...

Стук у Оксаны тихий, неторопливый, как дождь по стеклу. И сама Оксана спокойная,

неторопливая. Войдет в хату, присядет к столу, пошепчется с Миронихой, вытащит из-за пазухи какие-то бумажки, разложит их перед собой. Мирониха поднимет на припечке под золой кирпич, подаст ей круглую печатку. Оксана подует на печатку, приложит ее к каждой бумажке, поглядит на свет... Закончив свои дела с Миронихой, она заплетет на ночь свои гладкие волосы, неторопливо сбросит кофту, останется в широкой деревенской юбке и, задув коптилку, большая, теплая и уютная, ляжет на подстилку из сена, рядом с девочками. В сумраке мягкие руки ее с материнской лаской обнимут всех троих сразу. Девочки радостно и благодарно прижмутся к ней во сне. От волос и от рук Оксаны пахнет свежей хвоей, лесными орехами.

— А и славно ж в лесу, доченьки! Месяц все кусточки раздвигает... роса землю моет, — зевая, скажет Оксана.

И слышится в ее голосе такой глубокий покой, будто нет и не было вокруг страшного врага, а шла она и любовалась светлой ночью в лесу.

А утром Оксана уже расхаживает по селу. Деловито, по-хозяйски оглядывает она поломанные плетни, смятые огороды. Заходит в хаты, останавливается на улице с бабами, а на гитлеровцев даже не глядит, словно не замечает, что они толкуются по всему селу.

Один раз высокий эсэсовец с перевязанной головой и мутно-зелеными глазами, подозрительно глядевший из-под белой повязки, злобным окриком остановил Оксану. Она медленно повернулась к нему, поглядела спокойно и строго в его глаза.

— До хаты! До хаты! Вэг! — размахивая автоматом, закричал эсэсовец, принимая Оксану за местную колхозницу. Ударить ее он почему-то не решился. — Вэг! Твоя хата где есть?

— Все мои — твоих нету! — презрительно улыбнулась Оксана, заходя в первый попавшийся двор.

Эсэсовец поглядел ей вслед и ушел. Спокойствие Оксаны спасало ее от фашистов.

Много таинственных дел переделает за день Оксана, а к вечеру, приласкав девочек, уйдет, сказав свое обычное:

— Пойду пока...

Сейчас, подоив коров, Оксана аккуратно обвязывает полотенцем ведро и долго стоит с девочками.

— Найдем, где учиться. Без учебы не будете, — твердо говорит она. — Фашисты тут не хозяева. Хозяева — мы!

— Хозяева — мы! — гордо повторяют девочки, глядя ей вслед.

Глава 45

БУДЕМ В ШКОЛЕ!

Как-то утром в село Макаровку пришла дорогая гостья — учительница из Ярыжек. Пришла она в украинской вышитой рубашке и синей юбке, отороченной белой тесьмой. Под платком были сложены веночком косы, как носят украинские девчата. Мирониха узнала Марину Ивановну, обрадовалась и испугалась:

— Голубка моя, чего ж вы пришли? Вас же все село знает!

Учительница скинула платок, улыбнулась. На щеке ее, около уха, темнело родимое пятнышко.

— Ай, ай, ай! Вы ж приметная, вас люди на всех собраниях видели, комсомольскую бригаду вашу помнят. Упаси бог, выдаст кто... Лучше бы кто другой пришел, — прикрывая дверь, зашептала Мирониха.

— Некому больше... А время не ждет, — кратко объяснила учительница. — В Ярыжки мне нельзя — это верно: там нас с Коноплянко по всем дворам ищут.

Валя, войдя со двора в хату, ахнула, покраснела от волнения и, встретившись взглядом с серыми лучистыми глазами гостьи, радостно бросилась к ней:

— Вы... вы учительница из Ярыжек?

Марина Ивановна, ласково смеясь, шепнула ей на ухо:

— Я из Ярыжек. Но этого никто не должен знать. Меня зовут Ганна. Я вместо тети Оксаны пришла.

Валя сложила на груди руки.

— А я думала... Мы так хотим учиться! — горячо сказала она. — Уже сентябрь скоро!

Марина Ивановна притянула к себе девочку и тихонько сказала:

— Сейчас это очень трудно, но я поговорю об этом с кем нужно. Может быть, нам удастся что-нибудь придумать... Я приду к вам первого сентября. А пока давай запишем всех ребят в Макаровке. Ты будешь моей помощницей, хорошо?

Когда пришли Нюра и Лида, Марина Ивановна сидела за столом и вместе с Валею составляла список всех ребят школьного возраста в селе Макаровке.

— Вот, Валечка, тебе список. Завтра же обойди все семьи и запиши ребят, которые будут учиться, — говорила учительница.

Лида и Нюра от неожиданности не могли вымолвить ни слова.

— Марина Иван... тетя Ганна, вот еще наши девочки! Они отличницы, они будут хорошо учиться! А Зорина звеньевая! — радостно представила их учительнице Валя.

— Вот и хорошо! Значит, все на местах, — пошутила учительница.

— Вы будете нас учить? — не веря своим ушам, спросила Нюра.

— У нас будут звенья? И пионерские отряды? И сборы? Как раньше? — спрашивала Лида Зорина.

— Все, все будет! Конечно, это не так скоро — мы должны быть очень осторожными.

Марина Ивановна долго говорила с девочками, потом вынула из сумки пачку тетрадок и дала их Вале:

— Вот раздай тем ребятам, которые будут учиться в школе. Пусть напишут свое имя, фамилию. А я приду еще — тогда поговорим.

Валя осторожно взяла в руки тетрадки. Пальцы ее нежно коснулись знакомых чистых страниц.

Подруги окружили Валю, трогали синие обложки, считали листочки:

— Такие же, как в Москве! Лида! Такие же! Смотрите!

— Возьмите и себе по тетрадке. Потом я принесу еще, — пообещала учительница.

Маруське, Миронихиной дочке, тоже дали тетрадку.

Девочки сейчас же сели за стол надписывать свои фамилии.

— Школа будет! Школа будет! — ликовали они.

Марина Ивановна отошла с Миронихой и долго о чем-то шепталась с ней. Учительница говорила решительно и твердо. Мирониха в чем-то сомневалась, качала головой; один раз даже быстрая слеза пробежала по ее щеке, подбородок дрогнул.

— ...Жизнь свою вы для людей не жалеете! Лютуют у нас эсэсовцы. Сохрани бог, предатель какой найдется, — люди вас в лицо знают. Опасно вам...

— Каждому опасно, — просто отвечала Марина Ивановна, — не я одна...

Они говорили долго. Потом учительница достала из коричневой сумочки бумажку — на ней крупными печатными буквами значилось: "Ганна Васильевна Федоренко".

Мирониха со вздохом подняла на припечке кирпич, вынула круглую печатку, приложила ее к бумажке и тяжело вздохнула:

— Значит, за дочку кулака Федоренко себя выдавать будете? Людей-то наших знаете?... На полиция не наскочили бы... — Мирониха что-то быстро зашептала, указывая в окно на бывшее помещение клуба, чуть видневшееся из-за деревьев. — Краем села идите. Опасное у вас дело... С детьми-то хоть бы не связывались пока...

Марина Ивановна грустно улыбнулась:

— Вот выполню задание и приду. Учиться они хотят, а я учительница. Как же мне не думать о детях! И если нас окружают враги, то я должна быть с детьми, чтобы воспитывать в них наше, советское, не давать врагу ломать их души.

Учительница вытащила из узелка синий жакетик, потуже завязала платок, низко надвинув его на черные брови, и, ласково кивнув девочкам, пошла к двери.

На пороге она оглянулась. Мирониха, опустив руки, смотрела ей вслед.

Валя догнала Марину Ивановну в сених.

— Я вам всегда, всегда буду помогать! Мы вес трое будем вам помогать! — горячо зашептала она.

Учительница взяла ее маленькую руку:

— Спасибо тебе, девочка. Мы всегда будем вместе!

Валя вернулась счастливая. Пересчитала тетрадки, сложила их стопкой. Снова пересчитала, снова сложила.

— Девочки, поймите! Учительница у нас! Учительница!

Девочки со смехом бросились тормошить ее:

— Валька, мы просто какие-то именинницы сегодня! Правда?

— Именинницы! Именинницы! — запрыгал Павлик.

Маруська озабоченно поглядела на мать. Мирониха стояла, подперев рукой щеку, и с грустной улыбкой смотрела на девочек.

— А ты чего? — по-отцовски усмехнувшись, спросила Маруська у матери.

— Так, доню, — уклончиво ответила та.

Девочки на минутку примолкли, но, не в силах удержать свою радость, снова заговорили, перебивая друг друга:

— Ребята наши придут, а мы учимся! Вот они удивятся!

— А может, и они сюда придут жить? Может, их дядя Степан у кого-нибудь поселит... ну, хоть пока, для учебы? Вот бы хорошо было!

— Конечно, мы не должны разлучаться, мы должны быть вместе, — серьезно сказала Валя и, подумав, добавила: — Я потом попрошу об этом нашу учительницу.

Девочки долго шептались в эту ночь.

Мирониха тоже не спала. Глядя в белый потрескавшийся потолок давно не беленной хаты, она сидела на кровати, крепко сжав обе ладони и к чему-то тревожно прислушиваясь. Перед ней стояло молодое лицо с темной родинкой на щеке и лучистыми серыми глазами.

"Молодая дивчина... Не побоялась. В самое логово пошла... Комсомолка... Сохрани ее боже!"

На рассвете село дрогнуло от взрыва. Черный, густой дым расползлся по хатам. Клуб, где стояли эсэсовцы, запылал, как огромный костер.

Мирониха вскочила, прикрикнула на испуганных ребят, бросилась в сени. На улице метались эсэсовцы — шумело потревоженное осиное гнездо.

В ТУ СТРАШНУЮ НОЧЬ

Зарево пожара осталось далеко позади. Ребята в густой тьме шли по берегу. После яркого света вода в реке казалась черной; глаза с трудом различали кусты и деревья.

Бобик лизал сухим, шершавым языком Трубачеву лицо и руки. Васек машинально гладил его.

Ребята молчали. Несчастье, обрушившееся на них, было так неожиданно и так страшно, что даже слово, сказанное шепотом, заставляло их вздрагивать и оглядываться. Казалось, за каждым кустом притаился враг и вот-вот бросится за ними в погоню. У всех была одна надежда — что на мельнице есть свои люди. Может быть, они помогут найти Митю. А Митя возьмет их всех в свой отряд. И тогда они еще покажут фашистам! Они будут выслеживать их всюду и мстить за смерть Матвеича и дедушки Николая Григорьевича. И за деда Михайла отомстят! Пусть только фашисты посмеют что-нибудь сделать старику! А где Генка? Бедный Генка... Вдруг он тоже попался вместе с дедом?

"Где Генка?" — подумал Васек, с тоской ощущая свое бессилие и утешая себя тем, что, найдя своих людей, он посоветуется с ними, как найти Генку и вообще как быть дальше. Скорей бы мельница.

Васек нетерпеливо вглядывался в темноту. Останавливался, прислушивался... и снова шел, осторожно раздвигая кусты. Росистая трава хлестала ребят по ногам. Ноги были мокрые, по спине пробегала дрожь. Позади Трубачева, согнувшись, как старичок, шел Сева. Васек обернулся к нему, с тревогой ощупал мокрые Севины плечи. Сева поднял белое в темноте лицо, тихо пошевелил губами:

— Ни-че-го...

Вдали показалось село.

— Там тоже что-то горит, — прошептал Мазин.

Ребята, затаив дыхание и низко пригнувшись к земле, прошли берегом мимо села. На реке неожиданно вырос силуэт мельницы.

Выбрав мелкое место, ребята сбросили тапки и, засучив штаны, перешли на другой берег. Васек передал Саше Бобика:

— Мы с Мазиным пойдем узнаем, а вы сидите тут... Мы скоро.

Ребята со страхом и надеждой смотрели им вслед. Страшная мельница! Темная, обвалившаяся, с выбитыми стеклами и заколоченной дверью. Из воды торчит обросшее мохом колесо. Но мельница кажется ребятам жилым домом: черное небо над головой гораздо хуже позеленевшей мельничной крыши.

— Скорее приходите! — догоняет Мазина и Трубачева шепот Петьки.

Мальчики осторожно обходят мельницу со всех сторон, прислушиваются к каждому шороху, подходят к черному отверстию. Все тихо... Мазин протискивается внутрь мельницы и тянет за руку Трубачева. В темноте они нащупывают шаткие перила лесенки, ведущей на чердак.

— А вдруг нас примут за фашистов и выстрелят? — приходит в голову Ваську. Он наклоняется к уху Мазина: — Крикни филином!

— Ух, ух! — тихонько ухает Мазин, прижимаясь к стене. На мельнице тихо. Но откуда-то из-за мельничного колеса робко, словно недоверчиво, откликается чей-то голос:

— Ух, ух!

Мальчики радостно вздрагивают.

— Свои, свои! — не выдерживая, громким шепотом говорит Васек, глядя на темный чердак.

В черную дыру со двора просовывается голова Игната.

— Кто? — испуганно спрашивает он и, не дождавшись ответа, быстро исчезает в кустах.

— Тикайте, если свои! Все ушли. Тикайте! — шепчет он из темноты.

— Игнат! Игнат! — зовет Мазин. — Игнат! Это мы! Иди сюда!

Заслышав шум, оставшиеся на берегу ребята бегут на голоса. Из кустов вылезает Игнат...

* * *

На пустом чердаке мальчики, тесно сдвинувшись вокруг Игната, растерянно спрашивают его:

— И ты не знаешь, куда ушел Коноплянко? А учительница?

— В лес ушли. Не можно тут быть им. Фашисты про мельницу пронюхали. Пасеку сожгли. Матвеича убили, — шепотом рассказывает Игнат. — Я остался сторожить: вдруг кто из своих придет! А тут вы... Зачем вы сюда?

— Мы с пасеки. Нам в селе нельзя оставаться.

Игнат, присев на корточки, степенно, по-взрослому, советует:

— К людям прибивайтесь. Нельзя вам одним. Куда пойдете? На мельнице опасно...

В Ярыжках, по словам Игната, тоже свирепствуют фашисты; люди оставляют свои хаты и уходят в леса.

— Я с маткой тоже уйду. Мы километров за тридцать, в другой колхоз пойдем. Там тетка у меня есть... Вот и пойдем вместе. Зиму прокормимся, как-никак. А может, и раньше наши придут...

Ребята молча смотрят на Трубачева. Где-то там, у тетки Игната, наверное, найдется теплая постель и горячий борщ с куском хлеба. Хотя бы один раз согреться и поесть! Но Трубачев качает головой:

— Нам, Игнат, еще Генку надо найти.

— Да, да, Генку! — вспоминают сразу ребята.

Игнат удрученно разводит руками:

— Нет Генки. Может, в лес ушел, а может, где с дедом эсэсовцы заперли. Всю ночь мы с Ничипором по селу ходили, искали его. Зря и вы пойдете. Пойдем лучше до моей матери! Уйдет она сегодня... Уже все глаза проглядела — меня ждет.

— Нет. Мы еще пойдем искать Митю. И Митя нас будет искать, — твердо говорит Васек. — И девочки наши еще ничего не знают.

— Да и девочек мы не бросим, — подтверждают ребята.

Игнат слушает о девочках, о Мите и упорно твердит свое:

— Со мной идемте! Опасно вам на мельнице оставаться и в лесу одним делать нечего. Лес большой, где там Митя ваш...

Разговор скоро смолкает. Приткнувшись друг к другу, голодные и прозябшие ребята не в силах долго бороться со сном. Игнат уже говорит один. Ему никто не отвечает... Ребята спят вповалку, скорчившись на земляном полу чердака.

Серое утро смотрит в разбитое окно. Игнат будит Трубачева.

— Ухожу я, — тоскливо говорит он, поправляя на голове свою кубанку. — Идемте со мной, хлопцы! До тетки идемте! Мазин сонно продирает глаза:

— До какой еще тетки? Чего ты пристал, чудак?

Васек сразу вспоминает Генку. Он натягивает на уши курточку, ежится, выглядывает в окно.

— Вставай, Мазин! За Генкой пойдем... Разбуди Петьку, Одинцова!...

Услышав имя Генки, Мазин поспешно вскакивает:

— Петька, вставай! Одинцов! Эй, Колька!... — Мазин будит всех ребят по очереди, обещая принести из села хлеба. — Рыбы тут наловите. Похлебку сварим... Мы за Генкой идем!

— Коля Одинцов, сторожи! — хмуро говорит Одинцову Васек.

Игнат показывает ребятам спрятанную в кустах лодку.

— Ваша еще... По реке лучше, — со вздохом говорит он Трубачеву.

Ребята молча тащат лодку к воде. Мазин берет весла.

— Спасибо тебе, Игнат! Только мы с тобой не можем идти, — говорит Васек, прощаясь с Игнатом. — У нас свои дела.

Игнат долго смотрит им вслед. Лодка медленно ползет вверх по реке.

Игнату жалко голодных и иззябших ребят.

Страшно, что попадутся они в руки врагов и пострадают вместе с дедом Михайлом. И сам он не может идти с ними: его ждет мать.

— Эх, горе! — Игнат вдруг срывается и бежит по росистому берегу. Мокрые штанины шлепают его по коленкам, кусты бьют ветками по лицу. — Эй, эй! — машет он рукой вслед ребятам.

Лодка тяжело подплывает к берегу.

— Что тебе? — спрашивают мальчики.

— Пойдем до моей тетки, хлопцы! Ей-богу же, пойдем до тетки!

Мазин сердито отталкивается веслом. Лодка снова ползет вверх по реке. Но, пока она еще видна, Игнат стоит на берегу и, сдвинув черные брови, смотрит ей вслед.

СМЕРТЬ ДЕДА МИХАЙЛА

Петька прячет лодку в камышах, густо маскирует ее ветками и, сидя неподалеку в кустах, тревожно прислушивается к тому, что делается в селе. Он тянет носом смешанный с дымом воздух, смотрит в ту сторону, откуда поднимаются топкие языки огня.

Мазин и Трубачев ушли уже давно. Петьке кажется, что прошло уже больше часа, как он остался один сторожить лодку. На самом деле Мазин и Трубачев еще только ползут огородами к селу, часто останавливаясь и тихонько советуясь между собой.

— К Костичке пойдем! — шепчет товарищу Васек.

— Смотри! — толкает его в бок Мазин.

За огородами видны обуглившиеся стены Степановой хаты. Где баба Ивга? Где Макитрючка, дядя Степан? Васек крепко прижимается грудью к сухой огородной земле; сердце его бьется такими сильными толчками, что кажется, вся гряда сотрясается от его ударов.

Но Мазин ползет дальше, и Васек двигается за ним.

Из села вдруг доносится какой-то шум, злобные выкрики эсэсовцев, что-то похожее на команду, потом звон разбитого стекла и чей-то слабый стон.

Мальчики замирают на месте. Потом снова ползут. За плетнем уже виден двор Костички.

— По-до-жди здесь! — поворачивая к Трубачеву бледное, напряженное лицо, шепчет Мазин.

Васек испуганно мотает головой и крепко стискивает руку товарища:

— Нет, нет... вместе!

Мазин осторожно подгрызает зубами подсолнух и, прикрывая широкой желтой шляпкой голову, выглядывает за плетень. На дворе Костички тихо и пусто. Только один немецкий солдат, спокойно посвистывая, вешает под навесом мокрую рубаху, аккуратно растягивая ее на деревянных плечиках. Мальчики растерянно пятятся назад.

— К школе! — вдруг решительно командует Трубачев. — Огородами пройдем...

Мазин качает головой и, обогнув плетень, смотрит на деревенскую улицу. С улицы снова несется грозная команда и странный шум, похожий на все разрастающийся шорох листьев, на шум двигающейся в безмолвии толпы. Гитлеровец подходит к воротам и тоже смотрит на улицу. Пользуясь этим шумом, мальчики проскальзывают в соседний огород. Отсюда уже видны ворота школы. Около них толкуются гитлеровские солдаты, стоят часовые. И отовсюду молча движется и движется народ, тесными кучками примыкая друг к другу. Идут женщины, дети, старухи. Старые деды, с трудом передвигая ноги, идут без шапок. Ветер развеивает их седые, подстриженные в кружок волосы. Молодых уже давно нет в селе. Подростки жмутся к старикам... Полицаи в черных шинелях теснят народ по обеим сторонам улицы.

Мальчики удивленно смотрят на эту толпу.

— Куда это они? — шепчет Васек.

Глаза его напряженно вглядываются в лица подростков. Между ними он видит Ничипора. Может, с ним Генка? Мазин угадывает его мысли:

— Надо затесаться туда, между хлопцами... Поискать Генку... расспросить Ничипора...

Васек кивает головой. Мазин двумя пальцами засовывает ему под тубетейку приметный рыжий чуб.

— Пошли.

* * *

В воздухе пахнет гарью. Уходя в лес, баба Ивга и Макитрючка подожгли хату. Полицай Петро бесследно исчез. Жители, смутно догадываясь о происшедшем, молчали. Никто уже не сомневался теперь, что Степан Ильич был крепко связан с партизанами. Из уст в уста передавался слух, что дед Михайло украл в штабе какой-то ценный документ и передал его партизанам.

Всю ночь не смыкали люди глаз. В каждой хате шепотом передавали друг другу о страшных мучениях, которым подвергли деда при допросе. Утром в селе появилось объявление с приказом всем жителям под угрозой расстрела собраться на площади, чтобы присутствовать при казни пойманного "русса-партизана". Гитлеровские солдаты бегали по дворам, стучали прикладами в двери и окна.

Виселица стояла на площади. Одним концом верхней балки она упиралась в высокую сосну. Из обрубленных веток дерева медленно сочились крупные желтые капли смолы.

Имя деда Михайла стало именем героя, и люди шли на его казнь с непокрытыми головами.

Гитлеровцы, думая запугать колхозников жестокой казнью их односельчанина, невольно сами придавали ей особую торжественность.

Раздвинув народ, они выстроились шпалерами вдоль улицы.

Мальчишки перебрались через плетень и незаметно затесались в толпу, разыскивая Генку. Никто не обращал на них внимания. Женщины, закрывая подолами малых детей, полными слез глазами смотрели на ворота школы. Все взгляды устремлялись туда же... Мазин дернул за рукав одного хлопчика, но тот испуганно спрятался за спиной матери.

Толпа вдруг сдвинулась, зашевелилась:

— Ведут... Ведут...

— Боже, помоги!... Ведут...

Из ворот школы, окруженный со всех сторон рослыми эсэсовцами, показался маленький, хилый дед. Из разорванного рукава его окровавленной серой рубахи безжизненно висела худая, костлявая рука. Лицо деда Михайла трудно было узнать: острая бородка его темным опаленным клинышком торчала вперед, один глаз запекся кровью, кожа на голове была

рассечена.

Михайло вышел из ворот, споткнулся... Бабы завывали...

Михайло поднял голову и, суетливо передвигая босые синие ноги, заторопился.

Мазин и Трубачев остолбенели от ужаса. Глаза их не мигая смотрели на деда. Рука Трубачева, стиснутая рукой товарища, онемела, рыжий чуб выбился из-под тюбетейки. На лбу Мазина выступили крупные капли пота, щеки покрылись пятнами.

Дед еще раз споткнулся. Эсэсовец тряхнул его за ворот рубахи, обнажив костлявую грудь деда с синими кровоподтеками. Громкий плач вырвался из толпы.

Фашисты прикладами раздвинули людей, расчищая путь к виселице.

Онемевшие и потрясенные мальчики машинально двигались за толпой. Истошный вой провожал деда; эсэсовцы заторопились. У виселицы Михайло остановился, повернулся к людям:

— Чего плачете? Думаете — пропал дед Михайло? Ни! Я не зря пропал! Я за хорошее дело погибаю! — Голос у деда был слабый, тоненький, как у ребенка.

Эсэсовец схватил деда за плечи и толкнул его к виселице. Но дед с силой вырвался:

— Внука моего поберегите, люди добрые!

В толпе вдруг слышался шум борьбы, взметнулся вверх красный пионерский галстук, зажатый в детской руке, и мгновенно исчез, утонув в людском потоке.

— Живи, Генка! Матерь твоя — Украина! Живи, Генка!... — торжествующе кричал захлестнутый петлей дед, отбиваясь от двух солдат.

Крик его вдруг оборвался, маленькое, худое тело взметнулось вверх.

— Деда!... — пронзительно закричал в толпе надрывный голос.

Мазин и Трубачев дрогнули, очнулись и, сбивая с ног женщин и детей, бросились на этот голос. Вой толпы перешел в грозный рев. Безоружные люди с голыми руками шли на гитлеровцев, ломались к виселице. Раздались выстрелы, застрочил пулемет — в общий гул влились стоны раненых. Загороженная женщинами, Костичка силилась удержать обезумевшего Генку.

Мальчики с двух сторон подоспели к ней на помощь, схватили за руки товарища и, увлекая его за собой, бросились бежать. Сзади них строчил пулемет, рядом падали женщины, дети, старики.

У плетня, в луже крови, лежал мертвый Ничипор. Лицо его сохраняло удивленное детское выражение, длинные руки и ноги мешали бегущим...

— Ничипор! — вскрикнул Васек.

Но Мазин увлек его за собой.

За обуглившейся хатой Степана Ильича они запутались в огородной ботве и упали. Генка бился головой о землю и со стоном рыл ее ногами. Трубачев и Мазин, обессиленные от бега, с минуту лежали без движения, не в силах прийти в себя.

Вокруг них со свистом летели пули.

Мазин поднял голову:

— Пропали!

Васек схватил Генку за плечи и с отчаянием закричал:

— Генка, Генка! Бежим! Нас убьют!

Но Генка еще крепче прижимался к земле. Мутные карие глаза его дико блуждали по сторонам, грязное от пыли лицо было залито слезами.

Мазин вскочил.

— Берись! — прошипел он пересохшим ртом Трубачеву, насильно поднимая Генку с земли.

Но земля вдруг ухнула и ушла из-под ног. Страшный взрыв потряс все село. Оба мальчика как подкошенные упали друг на друга, закрывая собой Генку.

Когда Мазин пришел в себя, Трубачев, крепко обняв за плечи Генку, указывал ему на черный дым, валивший из школы. Крыша гитлеровского штаба провалилась. Огненные языки лизали голубые стены.

Мазин поднялся на ноги:

— Бежим!

Генка больше не сопротивлялся. Мальчики, взявшись за руки, сбежали к реке. Петька встретил их громким, захлебывающимся ревом.

Генка послушно сел в лодку; глаза его не отрываясь глядели на пылающие стены голубой школы.

* * *

У мельницы встревоженные ребята бросились к товарищам.

— В лес! К Мите! — торопливо скомандовал Васек.

Собрались быстро, молча. Никто не спрашивал про деда Михайла. Со страхом и сочувствием смотрели на Генку, на его грязное, мокрое от слез лицо, на черные от земли руки, на растерянные глаза.

Мазин и Трубачев еще раз заглянули на мельницу. Под бревном, где когда-то хранился у Коноплянко приемник, Мазин нашел сухую горбушку хлеба. Петька Русаков, пошарив на окне, обнаружил коробку спичек и кусок сахара. Трубачев тоненьким мелком написал на стене:

Уходим в лес искать Митю. Отряд Трубачева. Смерть фашистским зверям!

— Оставляйте дорожные знаки! — распорядился он. — Митя, наверное, тоже будет нас искать.

На берегу они выбрали направление. Одинцов немедленно выложил из камней знак, указывающий на то, что отряд Трубачева ушел в лес.

Узкая тропинка вывела ребят в поле, потом, покружив между молодыми соснами, свернула в густой синий бор и затерялась в нескошенной порыжевшей траве.

А за рекой, в изрешеченном пулями селе, воцарилась грозная тишина. На опустевшей площади над худеньким, вытянувшимся телом деда Михайла кричали испуганные птицы.

До сих пор ребята в Макаровке смирно сидели каждый в своем закутке. Теперь часто через плетень шмыгали друг к дружке будущие школьники и школьницы. У многих девочек в косичках появились ленточки. В дверь к Миронихе то и дело просовывалась чья-нибудь голова, чтобы спросить о школе. Валя, Лида и Нюра с нетерпением ждали учительницу. Они уже обегали все хаты, записали всех ребят.

Одна Мирониха не принимала участия в радости детей. Прошло уже два дня с тех пор, как в ее хате побывала Марина Ивановна. Много мыслей тревожило Мирониху. В том, что учительница не пришла в ту ночь, как они уговорились, таилось для Миронихи самое страшное...

Мирониха почернела от беспокойства, цыкала на ребят, боялась уйти из хаты.

Утром чуть свет будила девочек:

— Гоните коров, девчата... Да Павлика с собой берите, пусть на травке побегает.

Валя и Лида сонно хлопали ресницами, недоумевающе смотрели на Мирониху:

— Да ведь темно еще, тетя Ульяна!

В окошко еле-еле пробивался серенький рассвет.

— Ничего, ничего, не заблудитесь! Живо мне! — сурово покрикивала она на девочек.

— Вы, мамо, с ума сошли, чи що? — лениво откликалась из-за перегородки Маруська.

— Вот я тебе покажу сейчас! Дуже умная стала! — двигая в печке горшки, кричала на Маруську мать.

Синицына, недовольно посапывая, натягивала на Павлика длинные штаны:

— А его зачем? Только руки нам свяжет? Пусть бы спал себе...

— Ну да, "спал"... — покряхтывая, отзывался Павлик, довольный, что идет с девочками.
— Я еще быстрее вас за коровами могу бегать!

Выпроводив девочек, Мирониха вставала у окна и молча глядела на улицу.

На третий день к вечеру заглянула к ней соседка Агриппина и, поманив ее пальцем в сени, быстрым шепотом сообщила ей, что в ту ночь, когда загорелся клуб, учительку схватили гитлеровцы, что она сидит под замком и ни в чем не признается.

Мирониха тихо выпроводила соседку за дверь. Шатаясь, вошла в хату и два часа пролежала как мертвая, отвернувшись лицом к стене.

Девочки шепотом говорили о школе, об учительнице, которая, наверно, пошла за учебниками и теперь уже обязательно придет завтра. Валя опять складывала и рассматривала тетради, по тому, как были подписаны фамилии на обложках, заранее определяла плохих и хороших учеников. Лида и Нюра вспоминали, с чего начинало свою работу в школе их звено. Они боялись осрамиться перед новой учительницей.

Ночью Мирониха встала, вынула из-под кирпича круглую печатку вместе с какими-то бумагами, свернула в узелок платье учительницы и зарыла все это на своем огороде, тщательно прикрыв ботвой. Потом, едва дождавшись рассвета, снова выпроводила девочек из дому.

"Нехай там сидят, меньше знать будут", — тревожно подумала она про себя.

Маруська острыми серыми глазами исподтишка наблюдала за матерью. Когда девочки ушли, она вылезла из постели и, натягивая на колени рубашонку, уселась за столом.

— Ты чего? — спросила ее мать.

— А ты чего? — уставилась на нее Маруська.

Ульяна подошла, прижала к себе спутанную светлую голову Маруьски и заплакала:

— Тяжко мне, доню!

Маруська шмыгнула носом, усмехнулась ласковой отцовской усмешкой:

— Скоро наш батько фашистов побьет! Начисто всех выбьет! И нас к себе заберет! Цыть, мамо...

Мирониха молча улыбнулась сквозь слезы.

— Красная Армия вернется! — уверенно сказала Маруська и погладила мать по спине. —

Цыть, мамо...

Они долго сидели у стола.

— Если что, так ты за меня не цепляйся, доню. Детей малых не кидай, до батька их предоставь. Люди помогут тебе, — говорила Мирониха. — Все мы под смертью живем сейчас...

"ЭТО МОЯ УЧИТЕЛЬНИЦА!..."

Коровы, недовольно мыча, выхолили навстречу девочкам.

— Что это ни свет ни заря вы нынче? — испуганно спрашивали колхозницы, осторожно открывая ворота и оглядывая темную улицу.

— Велели нам!

Валя шла сзади. Лиловая, выгоревшая от солнца кофта Мирониhi закрывала ее до колен. Светлые косы, заткнутые концами за ременный пояс, змейками лежали на груди. Из длинного рукава выглядывала синяя трубка тетрадок. Валя всюду носила их с собой, чтобы младшие дети Мирониhi случайно не подобрались к ним и не растрепали чистенькие страницы. Размахивая рукавами и подгоняя коров, девочка отстала от подруг и, тихо мечтая, про себя высчитывала по пальцам дни, оставшиеся до сентября.

Над дорогой шелестели пожелтевшие листья берез, из-за плетней выглядывали красные и бурые кусты; груши-дички валялись на земле; яблони с поломанными ветками кое-где на самом верху хранили для хозяев одно-два яблока.

"Если не считать воскресенья, то осталось пять дней... Всего пять дней!" — считала Валя.

Перед ее глазами вставало лицо учительницы.

"И как это тогда, у костра, я даже не подумала, что она будет нашей учительницей? Как это я не подумала?"

Несколько коров отстают от стада и мирно щиплют траву под плетнем.

Валя взмахивает длинными рукавами:

— А ну! А ну! Куда!

Мелкие комочки земли щекочут босые ноги. Валя трет ногу об ногу; подпрыгивая, бежит вперед. Потом снова замедляет шаг и, улыбаясь, смотрит на серое небо.

"Она сказала: "Мы всегда будем вместе, ты будешь моей помощницей..."

Нюра и Лида машут Вале рукой. Павлик, упрямясь, как молодой бычок, стал на дороге.

— Вот я тебя! — грозит ему Валя. — Маме скажу!

Павлик называет Мирониху мамой, он любит и слушается ее. Слушается и Валю. А Нюру не слушается: Нюра его очень избаловала.

— Иди сейчас же! А то домой отведу! — кричит на него Валя.

Павлик нехотя протягивает Нюре руку и плетется за ней по дороге.

"И зачем это тетя Ульяна посылает его с нами?" — с досадой думает Валя. Но мысли эти ненужные, короткие. Думать сейчас хочется о школе. Все на свете девочки и мальчики думают сейчас о школе. Даже облачное небо, и красно-бурые кусты, и осеннее солнце — все напоминает о школе, приближаясь к сентябрю.

Валя напевает песенку и, подпрыгивая, бежит догонять подруг. Сейчас за селом начнется лес, а за лесом — их поляна и большой пенёк.

Может, сегодня наконец придет тетя Оксана? Давно не было тети Оксаны. Приходила другая женщина, унесла молоко, ничего не сказала...

— Валю! Валю! — дрожащим шепотом зовет кто-то из кустов.

Валя смотрит вокруг. У последней, крайней хаты, прижавшись к плетню, стоит хроменькая Фенька. Валя знает ее — она тоже записалась к новой учительнице.

— Валю! Валю! — всхлипывая, зовет Фенька. Маленькие руки ее мелко-мелко дрожат, перебирая подол ситцевого платья.

— Ты что, Фенечка? Феня?

— Валю... Учителю... фашисты... зараз...

Валя трясет Феньку за плечо, смотрит на нее остановившимися глазами.

— ...стрелять повели, — всхлипывая, говорит Фенька и взмахивает слабой, дрожащей рукой. — В овраг...

Валя отпускает Фенькино плечо. Потемневшими глазами глядит на узкую тропинку, спускающуюся в овраг. И, вскрикнув, стремглав летит вниз по этой тропинке. На крутом спуске ноги ее скользят, ветки хлещут по лицу, но, раскрыв широко руки, она летит, как по воздуху.

Впереди, за кустами орешника, уже мелькают гитлеровские каски и между ними знакомый синий жакетик учительницы.

— Не стреляйте! Не стреляйте!

Гитлеровцы медленно поворачивают головы, учительница вздрагивает. Из рта ее на расстегнутую сорочку сбегает струйка крови, прядь волос падает на лоб.

Валя бросается к ней на грудь.

— Это моя учительница! Это моя учительница! — кричит она, загоразивая ее слабыми детскими руками. — Не стреляйте! Не стреляйте!

— Валя, уйди! Уйди! — отталкивает ее от себя Марина Ивановна.

Солдаты отходят на три шага и поднимают винтовки.

— Остановитесь! Здесь ребенок! — закрывая собой девочку, кричит учительница.

Залп выстрелов обрывает ее слова... Синяя трубка новых тетрадок вместе с длинными рукавами Миронихиной кофты медленно опускается на траву. Валя широко раскрывает глаза и со вздохом откидывает голову на грудь учительницы...

* * *

— Валечка!... Валя!... Подружка моя! — бьется в траве Нюра Синицына.

Лида Зорина прижимает к лицу холодные руки Вали, греет их горячим дыханием, низко наклоняется над Мариной Ивановной.

— За доктором... за доктором!... — растерянно бормочет она, глядя вокруг ничего не понимающими круглыми глазами.

Хроменькая Фенька, плача, опускается на землю.

Они лежат рядом — Валя и ее учительница. Рука Марины Ивановны, пробитая фашистскими пулями, закрывает грудь девочки.

— Валечка!... Валя!... Подружка моя! — рвется из оврага крик Нюры Синицыной.

ПАРТИЗАНСКИЕ КОСТРЫ

На много километров тянется вдоль шоссе густой смешанный лес. Он стоит грозной стеной, пряча от непрошенных гостей глухие, путанные тропы. На низких, сырых местах, припав к земле разлапистыми ветвями, растут старые, мохнатые ели, в мшистой почве легко утопает нога. За столетними деревьями чернеют глубокие лесные овраги. Заросшие орешником, густо заплетенные зелеными ветками, они таят от чужого человека свою темную глубину.

"Свой? Чужой? Свой? Чужой?" — неумоимо вопрошают какие-то птицы.

Глух и страшен лес для врага.

Проезжают по шоссе вражеские автомашины; трусливо вглядываются в темную чащу солдаты и офицеры, не выпуская из рук оружия; усиленный конвой охраняет легковые машины фашистских генералов.

Лес не щадит врага. Неохотно впускает он его в свои дебри, наглухо смыкает за ним тяжелые ветви, заводит в лесные овраги, топит в болотах.

Ни один карательный отряд, посланный на партизан, не вернулся назад из лесной крепости.

"Свой? Чужой? Свой? Чужой?" — вопрошают птицы.

В темной глубине леса хозяйничают партизаны.

Над кострами поднимается серый дымок, весело трещат сучья, жарко охватывает огонь привешенные на железке солдатские котелки; теплый запах человеческого жилья смешивается с запахами леса.

Около покрытых дерном, наспех сделанных землянок собираются кучками партизаны. Много разных людей в лесу!

Молодые, безусые хлопцы и седые бородачи пришли сюда из занятых фашистами сел и хуторов; есть и военные — отбившиеся от своих частей, вырвавшиеся из окружения красноармейцы в потертых, грязных шинелях. Темные, облупившиеся от дождя и ветра лица суровы, редкие улыбки разгоняют морщины бородачей; молодые хлопцы с озорными огоньками в глазах, бесстрашные в бою и жадные к жизни, запевают песни, сложенные про партизан:

*Як у лиси, темним лиси
Дивчина ходыла.
Ой ви, хлопци-партизаны,
Наша грозна сыла!
Визволяйте из неволи
Ридну Україну,
Нашу землю, нашу долю
И мене, дивчину...*

Яков Пряник, придвинувшись ближе к огоньку, чинит седло и думает вслух:

— Если, скажем, назвать человека скотиной? Ну, ясно, обидно ему покажется. А вот, к примеру, Гнедка нашего вполне к человеку приравнять можно...

— Тьфу! — сплевывает в огонь Илья. — И чего у тебя, Яшка, всегда посторонние мысли в голове?

— Как это — посторонние? — удивляется Яков, поднимая красные от жары веки. — Это твоей голове они посторонние, потому как у тебя простора там мало, а в моей голове всему места хватит!

— О другом думать надо, — хмуро цедит Илья, свертывая сигарку и указывая на зеленую брезентовую палатку. — Важные вопросы решаются, а ты языком треплешь...

— Эй, дядя Яков! Помнишь, орел, как ты фашистов малиной угощал? — шумно присаживаются к костру хлопцы.

— Он угостит, пожалуй! — кивает на Пряника добродушный старик, приглаживая курчавые волосы.

— А чего же? И малинкой и ежевичкой угощу! — подмаргивает Яков. — Лес большой. Чем богаты — тем и рады. Русский человек гостеприимство любит!

Глаза у хлопцев загораются весельем.

— Пока он малиной угощал, мы другое угощение для фашистов состряпали: взрывчатку под рельсы подложили.

— Одних угощал, а другие подавились, — говорит Яков.

Хлопцы смеются.

Из палатки выходит Степан Ильич. Он держит в руке длинный белый листок. Смех моментально смолкает.

— Сюда, сюда, Степан Ильич!

— Вот местечко, пожалуйста!

— Эй, бойцы! Сводка пришла! Свод-ка!

У костра становится тесно, из землянок торопливо выходят бойцы. Степан Ильич усаживается на траву:

— Сейчас, сейчас, товарищи!

Упершись ладонями в колени и глядя на Степана Ильича, партизаны настороженно ждут. Слышно только глубокое, сдерживаемое дыхание людей.

— Сними, сними котелок! Булькает! — толкает Якова Илья.

Кто-то поспешно стаскивает с огня котелок; вода брызжет в огонь и шипит.

— Ну что вы, как дети малые! — расстроено разводит руками старик. — В огонь воды наплескали — ничего не слышно...

— "...На Смоленском направлении, — медленно читает Степан Ильич, — двадцатishестидневные бои за город Ельня, под Смоленском, закончились разгромом дивизии "СС", 15-й пехотной дивизии, 17-й мотодивизии, 10-й танковой дивизии, 137, 178, 292, 268-й пехотных дивизий противника. Остатки дивизий противника поспешно отходят в западном направлении. Наши войска заняли город Ельня..."

— Значит, бьет наша армия его, подлюгу!

— Еще как бьет!

— И армия его бьет, и мы бьем, а ему все конца и края нет! Валит валом, да и все!

— А ты что же, сразу думал его уничтожить?

У костра завязывается жаркая беседа. Степан Ильич, окруженный со всех сторон, не успевает отвечать на вопросы.

Около палатки командира прохаживается часовой. Он нетерпеливо окликает пробегающего хлопца:

— Неси листок сюда. Чуешь? Листок, говорю, неси!

В палатке просторно. Посередине — дубовый стол, крепко вбитый ножками в землю.

Мирон Дмитриевич, стоя около стола, докладывает:

— ...В настоящий момент на вооружении отряда имеется тридцать винтовок, семнадцать автоматов, два ручных пулемета. Это, Николай Михайлович, пока все, что у нас есть.

— Так, хорошо!

Николай Михайлович смотрит в свою записную книжку. Сухие, твердые губы его шевелятся, как бы что-то подсчитывая; над высоким лбом поднимается седой ежик коротко подстриженных волос, глаза быстро и внимательно взглядывают на Мирона Дмитриевича.

— Сейчас ваше хозяйство значительно расширится благодаря соединению с макаровцами. Последняя операция на Жуковке даст вам возможность одеть своих людей, а то, знаете, некоторые выглядят у вас... как бы это выразиться... — Он с веселой усмешкой смотрит на бывшего директора МТС.

— А что же я с ними сделаю, як нет возможности? Приказал бриться-мыться, чиститься — и все тут! — разводит руками Мирон Дмитриевич.

— Так вот, эта операция на Жуковке даст вам возможность одеть людей. Там есть сапоги, в большом количестве белье...

Напротив секретаря райкома, ссутулившись, сидит Коноплянко. Голова его с мягкими прядями темных волос опущена вниз. Рядом шумно двигается большой черный, как цыган, кузнец Костя. Его живые глаза жарко блестят из-под бровей. За палаткой слышится легкий шум и сердитый голос:

— А я говорю — нельзя! Комсомолец, а не понимаешь!

За столом все пятеро склоняются над картой. Мирон Дмитриевич обтачивает ножом тоненькую палочку.

— Я выбрал для соединения с макаровцами Лукинский лес, — как бы продолжая начатый разговор, указывает он на карту. — Пожалуйста, смотрите сюда. Вот тут, вправо от этого леса, находится село Лукинки... Я уже связался с тамошними людьми. Люди это верные, обещают оказать поддержку продовольствием... Дальше...

Николай Михайлович берет у него из рук палочку:

— Позвольте, Мирон Дмитриевич. Сейчас разберемся. Тут неподалеку проходит линия фронта...

За палаткой снова приглушенные голоса. Оксана несет на коромысле выстиранное сырое белье. Несколько хлопцев отделяются от товарищей и бегут к ней навстречу:

— Давай, давай, мамаша!... Тяжело ведь. Гнать твоего помощника надо — чего он тебя нагрузил?... Эй ты, прачка! Тебе что поручено?

Курносый хлопец с голыми красными руками смущенно подтягивает штаны:

— Я им казав, а воны не слушают. Коромысло на плечи, та и ходу!

— Ладно вам спор заводить! Не старуха я, чтобы на печи сидеть. Развешивайте белье да несите мне сухое: кое-что подлатать надо. У тебя, Сеня, иголка моя?

— Есть, есть!

Курносый Сеня вытаскивает из кармана свернутый в трубочку лопух. Из лопуха торчит иголка.

— Глупый ты хлопец! Кто ж в кармане иголку носит?

Только вчера Оксана стояла над свежей могилой отца и Матвеича. Партизаны несли почетный караул. Давали клятву отомстить за погибших товарищей. Склонившись над свежей насыпью, Оксана видела себя босоногой девчонкой, прильнувшей к плечу отца... "Ну що до батька прилипла, хіба дядько Иван хуже?" — шутил Матвеич, дергая ее за короткие светлые косички.

Возникали в памяти Оксаны совсем недавние картины. Вот она прибирает хату Матвеича и бранит его за беспорядок, а он, большой, неуклюжий, ходит за ней на цыпочках и говорит тихим, виноватым голосом: "Ну, дывлюсь я, откуда той беспорядок является? Может, как хозяйева с хаты, так вещи друг до друга бегать начинают, а? Побалакать, або що... А как хозяин скоро вернется, то и не успеют на свои места стать". — "Поспеют, если хозяин хороший. Не придумывайте свои сказки, диду, да не кладите сапоги под подушку — им там не место".

Оксана трогает землю. Ничего больше не будет. Все тут, под бугорком сырой земли... Тяжелые, медленные слезы ползут по ее щекам...

"Где бы ни был я, дочка, а к тебе приду и умирать буду на твоих руках", — писал отец. Оксана смотрит на свои большие руки. Нет, не пришлось им прижать к груди седую голову отца, не пришлось отдать ему в последний раз все тепло, всю ласку заботливых дочерних рук!

Долго сидела Оксана над могилой. Давно разошлись партизаны, тихо было в лагере... Но вот шевельнулась ветка, зашуршал под осторожными шагами валежник, мелькнула в темноте одна, другая пара глаз... Оксана вспомнила, что не одному отцу и Матвеичу она была нужна. Много еще места для своих людей в ее большом материнском сердце!

Она встала, вытерла насухо слезы и, поклонившись, сказала свое обычное:

— Пойду пока...

В отряде Оксана познакомилась с Митей. Рассказала ему, что девочки живут у Мирониhi, что она часто видела их, приходя на поляну, где они пасли коров. Митя ходил счастливый и все расспрашивал Оксану, как они живут, что делают, здоровы ли.

— Я их обязательно повидаю! Какая тяжесть у меня с души спала, Оксана Николаевна, вы и представить себе не можете!

Весть о смерти Матвеича и Николая Григорьевича потрясла Митю. Он знал, что ребята в ту ночь пошли на пасеку, и больше о них никто ничего не слышал. Митя не находил себе места.

— Если б Мирон Дмитриевич отпустил меня, — говорил он Оксане, — я б их нашел. Я все кругом общу!

Оксана обещала попросить Мирона Дмитриевича. Вспоминая Ваську, она улыбалась и задумчиво говорила:

— Помню я его. Сердцем помню. Других-то меньше знаю, а его помню...

Смерть Вали была новым ударом для Мити. Оксана тоже знала и любила Валу, но, глядя на серое и осунувшееся лицо Мити, строго говорила:

— Распрямись, голубенок мой! А то насядет горе, и не сбросишь его никак. Подыми голову, Митя! Не поддавайся, голубчик!

Теперь Митя нетерпеливо ждал конца совещания. Мирон Дмитриевич обещал ему поговорить с Николаем Михайловичем и решить вопрос, как искать ребят.

Время тянулось мучительно долго. Митя пробовал пройти в палатку, но часовой сердито загораживал ему вход:

— Ты ж комсомолец, а не сознаешь. Приезжий человек тут присутствует, понятно это тебе?

В палатке решались важные дела.

— ...Фашисты не должны догадаться, что отряд ушел из этих мест. Нужно время от времени давать им о себе знать и здесь. Кого вы оставите для этой цели, Мирон Дмитриевич?

— Люди у меня уже намечены. Человек двадцать я оставлю здесь с Костей.

Костя, неловко улыбаясь, встал.

— Я им покою не дам! — усмехнувшись, пообещал он.

Николай Михайлович внимательно посмотрел на Костю и улыбнулся. От улыбки глаза его сразу потемнели.

— Я помню вас, товарищи. Мы встречались на пасеке у Ивана Матвеича.

— Встречались, — со смущенной улыбкой ответил Костя. — Мы с Митей Бурцевым приходили, с комсомольцем.

— Помню, помню! — кивнул головой Николай Михайлович и обернулся к Мирону Дмитриевичу: — Еще кого вы решили оставить? Для связи с окрестными селами?

— Я думаю — Степана Ильича. Лучшего человека не найти.

— Правильно. А где находится семья Степана Ильича?

— Семья у него на хуторе. Жена с сынишкой еще раньше к своей матери ушла, в Горлинку, а мать его была здесь, но вчера я ее тоже туда отправил.

Николай Михайлович кивнул головой и сморщил лоб:

— А эта, другая женщина...

— Макитрючка? — подсказал ему Мирон Дмитриевич. — Эта у меня. Разведчица. Во всех операциях участвует. Боевая!

В палатку вошел Степан Ильич и грузно опустился на табуретку:

— Там Бурцев ждет не дождется.

— Да, Митя Бурцев! Вы мне что-то хотели о нем рассказать?

Степан Ильич, сжав свои большие ладони, придвинулся к столу:

— Тут, Николай Михайлович, такая история с московскими пионерами...

Мирон Дмитриевич загушил в пальцах горячий окурок и подсел поближе:

— Да-да, это дело спешное!

Николай Михайлович внимательно выслушал короткую историю Трубачева и его товарищей. Резкая складка легла на его лоб.

— Почему не вывезли своевременно? — отрывисто спросил он.

Степан Ильич начал объяснять.

— Позвольте... Трубачев? Что-то я слышал о нем от Ивана Матвеича. — Николай Михайлович провел рукой по волосам, нахмурился. — Это не тот рыженький мальчик, который кричал иволгой на пасеке, то есть сторожил нас? — спросил он вдруг с веселой усмешкой.

— Он, он! — обрадовался Степан Ильич.

— Вспоминаю. Я его однажды встретил в селе.

Перед глазами Николая Михайловича встали длинная улица, плетень и вспыхнувший до ушей мальчик, уступающий ему дорогу...

— Ну что ж! Надо немедленно что-то предпринять. Где Бурцев? Попросите его сюда!

Степан Ильич заторопился к выходу. Николай Михайлович повернулся к Мирону Дмитриевичу:

— В Макаровке остались девочки. Где они там живут? Кто о них заботится?

— Они живут у моей жинки, как родные. Там и мои ребята, конечно.

— А-а, у Ульяны Леонтьевны? — Николай Михайлович покачал головой. — Вашу семью нужно перевести в другое село.

Мирон Дмитриевич постучал по столу пальцами, нахмурился:

— Куда я их переведу?

— Это мы сейчас решим. — Николай Михайлович снова заглянул в свою записную книжку. — Переведите в Семеновку. Там наши люди. Село стоит в стороне. Фашистов там нет, да и вряд ли они туда заявятся.

Мирон Дмитриевич развел руками.

— Сделайте это немедленно! Я приказываю... — сухо повторил Николай Михайлович. —

Оставлять их в Макаровке нельзя, да и не к чему — это опасно.

В палатку вошел Степан Ильич. За ним протиснулся Митя.

— Бурцев, — сказал Мирон Дмитриевич.

Митя вытянулся, козырнул.

— Есть Бурцев!

Степан Ильич ободряюще кивнул ему головой. Коноплянко поднял глаза и снова опустил их.

— Ну вот. Я все слышал, Бурцев, — сказал Николай Михайлович. — Мы с Мирон Дмтричем договорились. Командируем тебя на поиски твоих пионеров. Возьми верного человека и отправляйся. Доставишь их в отряд, а там мы постараемся их переправить через фронт. Понял?

— Спасибо, — дрогнувшим голосом сказал Митя. — Можно идти?

— Подожди. А с девочками как решим?

— В Макаровке только две девочки, я заберу их...

Николай Михайлович посмотрел на измученное лицо Мити, на мальчишескую шею, выступающую из выцветшей гимнастерки, и улыбнулся:

— Ну, тебе виднее. Бери их всех. Мирон Дмитрия как-нибудь переправит. Ступай.

Митя вышел.

— Золотой хлопец! Нужный в отряде человек, — сказал Мирон Дмитриевич.

Николай Михайлович поглядел на ссутулившегося в углу Коноплянко.

— Товарищ, Коноплянко! — мягко окликнул он. — Мы хотим дать вам ответственное задание.

Коноплянко вскочил. На щеках его вспыхнули красные пятна.

— Я прошу послать меня в самое жаркое дело! — Голубые запавшие глаза его заблестели.

Николай Михайлович молча указал на табуретку:

— Сядьте, Коноплянко! Нам всем тяжело терять наших товарищей... Я понимаю вас...

Он положил руку на тонкие вздрагивающие пальцы Коноплянко. Степан Ильич отошел в сторону. Мирон Дмитриевич старательно собирал в кучку рассыпанный на столе табак.

— Вы поедете на Большую землю, — продолжал Николай Михайлович. — Мы дадим вам ответственное задание, о котором я с вами поговорю особо. Вы захватите с собой вот эту бумагу. Она представляет значительный интерес для нашего командования.

Николай Михайлович вынул из портфеля сложенный пополам лист и не спеша развернул его.

Коноплянко бросились в глаза немецкие слова и даты, написанные неровным, детским почерком. В углу разлилась жирная клякса, наспех подчищенная ногтем.

— За эту бумагу наш товарищ заплатил своей жизнью, Сева Малютин, школьник, который оказал нам эту неоценимую услугу, бродит где-то в лесу. Помните это, Коноплянко! — Секретарь райкома строго посмотрел в голубые глаза Коноплянко и протянул ему руку: — Приготовьтесь к отъезду. О деталях поговорим особо... А теперь, Мирон Дмитрич, пойдемте побеседуем с вашими людьми.

Он вышел. Коноплянко молча и благодарно смотрел ему вслед.

Через час по лесной дороге, потряхивая грибной корзинкой, шел Яков Пряник. Впереди Якова почти бежал Митя, одетый в длинное пальто с поднятым воротником и в щегольской кепке.

— Не то кулак, не то барин, — оглядывая его, смеялся Яков.

Поиски решили начать с пасеки.

— Я уже был там! — взволнованно говорил Митя. — Баба Ивга сказала, что они пошли на пасеку, но на этом все следы и кончаются.

— Где кончаются, там и начинаются. Значит, на пасеке и искать надо, — спокойно отвечал Пряник. — А главное, не спеши. Тише едешь — дальше будешь. Человек не иголка, а ребята и вовсе. Найдем!

КУДА ИДТИ?

Солнце стояло высоко. Прошло уже два часа с тех пор, как ребята вышли с мельницы. Шли медленно, аккуратно выкладывая на пути дорожные знаки. "Иди прямо!" — указывали стрелы.

Около шоссе долго сидели в канаве, пережидая, пока проедет немецкий обоз. Бобик рвался из рук и рычал, шерсть на нем стояла дыбом.

Снова выложили знак из камней "Иди прямо!" — и перешли шоссе.

Начался лес. Укрытые густой зеленью деревьев, ребята вздохнули свободней. Васек оглядел своих товарищей. Курточки у них были пыльные и измятые, щеки серые. События прошлой ночи вселили в них страх и неуверенность. Они шли кучкой, пугливо оглядываясь по сторонам. На Севу было больно смотреть. Он еле тащился, тяжело дыша и прижимая к сердцу тоненькую руку.

Васек испугался:

— Сева, ты что? Заболел?

Сева поднял на него страдающие глаза и улыбнулся:

— Не-ет... Ни-чего...

— Что — ничего? Плохо ему! Я давно вижу, — расстроенным голосом сказал Саша.

— Он еще на мельнице заболел, — вздохнул Одинцов. — У него сердце бьется, наверно.

— Малютин, у тебя сердце, да?

Ребята окружили товарища, по очереди прикладывали ухо к худенькой груди Севы.

— Ой, как бьется!

— Прямо как молотом стучит!

— Сева, давай мы понесем тебя!

— Нам это ничего не стоит!

— Честное слово. Севка!

— Нам это даже практика!

Ребята гладили Севу по спине. Саша грел его холодные руки и просил:

— Мы понесем тебя, а? Согласись, Сева!

— Да нет, что вы... Я сам пойду. Это ничего, пройдет, — улыбался Сева.

— Да ведь трудно тебе идти! — беспокоились ребята.

Один Генка не принимал ни в чем участия. Пустыми глазами смотрел он вокруг, молча шел вперед, молча ждал, когда ребята выкладывали дорожные знаки. Петька озабоченно поглядывал на Генку и толкал Мазина.

— Иди ты еще! Горе у человека — и все! — огрызался Мазин.

Голод невыносимо мучил Мазина. В пустом желудке урчало, живот втянуло под ребра, во рту набегала слюна. Мазин тихонько ощупывал в кармане сухую, заплесневелую горбушку, найденную на мельнице, ковырял ее ногтем, но не осмеливался взять хоть крошку из драгоценного запаса.

"Не мне одному есть хочется", — оглядываясь на товарищей, думал Мазин.

Никто не жаловался, но по лицам, вытянутым и печальным, было видно, что ребята уже давно голодны.

Тоненький Коля Одинцов потуже затянул свой пояс; у Саши вытянулось лицо, и круглые

глаза стали большими и грустными; Петька поминутно совался в кусты, искал в траве щавель и заячий лук. Генка молчал — никто не знал, сыт он или голоден. Бобик, свесив язык, уныло плелся за ребятами.

Васек не сдавался. Охваченный тревогой за себя и своих товарищей, он бодро шел вперед, стараясь подавить подступающую к горлу тошноту.

— Куда мы идем? Надо бы посоветоваться, — говорил Ваську Одинцов.

— Надо раньше уйти подальше в лес, сделать там привал... — отвечал Васек. — Ты знаешь эти места? — спрашивал он Генку.

Генка, не разжимая губ, кивал головой.

— А тут партизаны есть?

— Может, и есть, — равнодушно говорил Генка.

— Ты води нас в самое глухое место, чтобы мы там могли сделать привал и, может, переночевать. Понял?

Солнце уже бродило где-то за деревьями, когда ребята, пройдя редкое полесье, вступили в темную чащу. Потянуло сыростью, под ногами стелился мох, косматые ели преграждали путь. Генка грудью продирался вперед, на ходу обламывая сухие, колючие ветки и мягко отводя рукой зеленые. Севе расчищали путь Одинцов и Саша. Где-то близко зажурчала вода. Генка остановился, прислушался и повернул влево.

— Подожди!... Выкладывайте дорожные знаки — здесь поворот! — сказал Васек.

Севу усадили на пенёк. Он жадно дышал свежим хвойным запахом леса. Ребята долго и озабоченно выкладывали знаки.

Сева подозвал Русакова:

— Здесь должны быть грибы... Ты посмотри, Петя!

Русаков радостно закивал головой и шмыгнул в кусты.

Генка привел ребят к тихому ручью. Ручей монотонно булькал на дне оврага. По склону поднимались молодые сосенки. Над сосенками зеленой крышей переплелись ветви смешанного леса. Сквозь них желтыми бликами пробивалось солнце. Генка показал на вывороченное дерево. Глубокая сухая яма виднелась из-под узловатых корней, обросших коричневым мохом.

— Здесь!

Бобик бросился к ручью. Ребята огляделись:

— Знатное местечко!

— Спасибо, Генка!

Сбежали вниз. Жадно пили воду. Напоили Севу, разгребли под корнями яму. Саша постелил свое пальтишко. Сева с благодарностью смотрел, как хлопчут товарищи, но говорить ему было трудно. Он лег и закрыл глаза.

Ребята сели около ручья. Голод тянул их к воде.

— У нас ничего нет... никакой еды, — с усилием сказал Васек и посмотрел на товарищей.

— Это пустяки. Можно потерпеть.

— Человек может четырнадцать дней жить без еды.

— Ну, четырнадцать дней не проживешь.

— В лесу не умирают от голода! — строго сказал Трубачев.

— Здесь есть грибы! — буркнул Мазин.

— А у меня есть спички! — с торжеством сказал Петька.

— Где? Где? — Ребята оживились, полезли смотреть на измятую спичечную коробку.

— Я ее на мельнице нашел. Пошарил на окне, смотрю — спички!

— Я тоже кое-что нашел! — Мазин вынул из кармана заплесневелую горбушку.

— Хлеб! Хлеб!

Глаза у ребят жадно заблестели. Бобик облизнулся, завилял хвостом. Васек потрогал горбушку.

— Не клади на траву, а то муравьи растащат, — отворачиваясь, сказал он.

— На, спрячь. Мы сейчас грибов найдем и сделаем похлебку, — сказал Мазин. Он тряхнул своим тощим вещевым мешком. Оттуда со звоном упало зеленое ведерко. — Это я на пасеке взял, — нехотя пояснил Мазин.

Генка вытащил из кармана грязную тряпочку, развязал зубами узелок и положил рядом с горбушкой комок слипшейся соли.

— Все! Все! — кричали ребята. — Все у нас теперь есть!

Саша побежал к Севе:

— Малютин! Севка! Мы похлебку будем варить, мы тебя прямо до отвала накормим! Мы сейчас все за грибами пойдем... Пошли, ребята!

— Генка, где тут грибы? Лисички или маслята?

— Я найду, — вместо ответа сказал Генка.

Ребята побежали за ним.

— Не уходите далеко, — предупредил Васек.

Он сел на берегу ручья и опустил голову. В глазах было зелено, колени дрожали. Одинцов вернулся, присел рядом с ним.

— Вот поедим, Трубачев... ладно? А потом посоветуемся, ладно? — робко сказал он.

Васек кивнул головой.

* * *

— Все б тебе, Петька, есть да есть! Об одной еде ты только и думаешь, — ковыряя палкой землю, ворчал Мазин. — Уж ты мне и про сырую рыбу в землянке припомнил и про Макитрючкины вареники... Трепло ты, Петька!

— Да я же только так вспомнил... как мы ели когда-то... вообще...

— "Вообще, вообще"! Никто не жалуется, один ты скулишь! И тошнит тебя, и под ребрами болит...

— Я этого не говорил даже! — вытаращил глаза Петька.

Мазин сплюнул голодную слюну:

— Не говорил, а все понятно... все на твоей физиономии написано!

Петька молча смотрел на Мазина. Пухлые щеки товарища опали, под глазами легли глубокие тени. У Петьки задрожали губы, он нащупал заветный кусочек завалявшегося в кармане сахара. Когда голод особенно мучил Петьку, он осторожно лизал языком этот сахар и, завернув в бумажку, прятал от самого себя. Теперь он вынул его и протянул Мазину:

— На, Мазин. Это правда — я просто нетерпеливый... Возьми, возьми! Я уже много съел... я еще вчера ел...

Мазин хмуро посмотрел на Петькину ладонь.

— Почему не отдал Трубачеву? Сейчас все общее, — сказал он, пряча в карман сахар. Потом увидел мокрые глаза Петьки и виновато сознался: — Я сам нетерпеливый... Сорвался на тебя зря...

Ребята принесли полные шапки грибов и весело принялись за стряпню. Чистили грибы. Перочинные ножи нашлись у всех. Костер зажгли одной спичкой. Над ручьем потянулся дымок. Все сидели вокруг огонька. Бобик, положив на лапы голову, спал. Скоро в зеленом ведерке забулькала похлебка. Никто не говорил о страшных событиях, которые загнали их в лес. Но едва наступила тишина, как в памяти каждого вставала пасека, мертвые лица Матвеича и дедушки Николая Григорьевича, пустая, брошенная мельница... А в глазах у Васька возникало детское удивленное лицо Ничипора и бился захлестнутый петлей дед Михайло... Васек вскакивал, с испугом глядел на Генку. Но Генка как будто омертвел. В темных глазах его, как в темной воде, отражалась зелень леса, матово переливались блески от огня. Похлебку ели жадно, черпая из ведра самодельными ложками и обжигая рты.

— Сроду ничего вкуснее я не ел! — говорил Саша.

— Еще бы! — подтверждали ребята.

Горбушку хлеба пилили перочинным ножом. Разделили поровну. Сахар, с общего согласия, решили отдать Севе.

— Да зачем, ребята! Я уже лучше себя чувствую, — сконфуженно отказывался Сева. Он съел размоченный в похлебке хлеб и несколько вареных грибов.

— Вкусно тебе? — спрашивали ребята.

— Вкусно, — улыбался Сева.

— Заешь сахаром.

— Я завтра лучше...

Бобик долго гремел ведром, доедая остатки. Похлебка подействовала на всех, как волшебное питье. Щеки зарумянились, глаза заблестели, клонило ко сну. Не хотелось думать, что будет дальше; хотелось, разбросав усталые руки и ноги, спать, спать, спать... Даже Генка, свернувшись калачиком на земле, закрывал глаза.

— Спите! — махнул рукой Васек.

— А кто будет ночью дежурить? — спросил Одинцов.

Васек вспомнил, что в тревожную ночь, когда они были в походе, Митя дежурил сам.

— Я буду, — сказал он.

— Один?

— Если надо будет, разбужу кого-нибудь.

— Тогда ложись сейчас, а мы с Сашей посидим, — предложил Одинцов.

Васек не стал отказываться, натянул на уши курточку и лег около Севы. Мохнатые корни дерева скрыли его под своим навесом, покачали коричневой бородой, пощекотали ему шею. Васек вздохнул и закрыл глаза.

НОЧЬ КОМАНДИРА

Снова кричат ночные птицы. Снова с нудным гудением пролетают куда-то вражеские самолеты. И так же полон таинственных шорохов лес, но теперь нет рядом Мити. Васек сидит на поваленном дереве. Ухо его привыкло к гудению самолетов, ночные шорохи не пугают своей таинственностью. Не лес страшен Ваську Трубачеву, командиру пионерского отряда. Страшны люди в железных касках, с черепами на рукавах, страшна неизвестность и еще страшнее ответственность, которая легла на его мальчишеские плечи. Что делать? Куда идти? Жив ли Митя и найдет ли он своих ребят? Где партизаны? Как искать их в этом большом, незнакомом лесу?

Васек вспоминает жалкую кучку своих товарищей, испуганных, голодных, в грязных куртках...

На глаза его навертываются слезы. Он встает и присаживается ближе к яме, где спят вповалку ребята. Теплое дыхание их успокаивает его. Трудно дышит Сева, но он тоже спит, повернув к Саше бледное лицо. Не спит только Генка, его глаза широко открыты. Васек боится заглянуть в Генкины глаза, боится окликнуть товарища. Он со вздохом отворачивается.

Что делать? Как поступил бы на его месте взрослый командир? Куда он повел бы свой отряд? Какие-то смутные воспоминания проносятся в голове... обрывки рассказов о твердых, бесстрашных коммунистах, страницы прочитанных книг.

Возникает лицо Сергея Николаевича. Васек видит учителя в классе, на сборе, мысленно представляет себе учителя и на фронте. Вот он стоит среди бойцов, такой спокойный, подтянутый, в военной форме. Васек видит и бойцов, окружающих учителя, — они такие же спокойные и подтянутые, как их командир. Они пойдут за ним в бой, может быть, на смерть, они не растеряются перед любой опасностью.

Васек машинально стирает с рукава прилипший комок глины. Почему он не заставил ребят вычистить курточки и привести себя в порядок? На что он похож сам! Ведь он командир! Разве было бы так при Мите или Сергее Николаевиче? Васек потихоньку спускается к ручью, растягивает на траве одежду, трет холодной водой щеки, приглаживает непокорный чуб. Потом застегивается на все пуговицы, медленно поднимается назад и осторожно вытаскивает из-под головы Одинцова вещевой мешок. В нем хранится пионерское знамя. Когда-то вместе с Митей, собираясь уходить из села, они аккуратно завернули его в платок и спрятали на самое дно вещевого мешка. Васек присаживается на корточки и осторожно вынимает сокровище отряда. Свет луны падает на шелковое знамя, блестит и переливается в мягких складках.

Васек с трепетом читает вышитые на знамени знакомые слова:

"К борьбе за дело Ленина будь готов!"

— Всегда готов! — шепчет Васек.

Эти слова вливают в него новые силы. Мысли становятся ровнее, спокойнее.

Неожиданно приходит решение: "Я поведу ребят в Макаровку, от Миронихи узнаю о партизанах, может быть, о Мите, возьму девочек. Я должен привести свой отряд к Мите!"

Васек срезает толстую ветку орешника и при свете луны обтачивает ножом древко.

Бобик тихонько вылезает из ямы и, широко зевая, садится рядом с мальчиком. Теплая шерсть собаки напоминает забытый домашний уют. Но Васек не позволяет себе вспоминать ничего, что может вызвать на глаза слезы. Он не должен плакать! Командиры не плачут!

Васек надевает на древко знамя и встает.

Приложив древко к плечу и вытянувшись во весь рост, он неподвижно стоит под Красным знаменем, облитый лунным светом. Завтра он поведет свой отряд в полном боевом порядке! И, что бы ни ожидало их впереди, они не посрамят чести пионеров!

* * *

Солнце уже просвечивает сквозь листву, когда, сложив рупором ладонь, командир горнит утреннюю побудку. Ребята послушно вскакивают, протирают глаза и... бросаются к знамени.

— На зарядку становись! — останавливает их спокойный голос командира. — Назначаю кашеварами Мазина и Русакова! Варить грибную кашу!

— Есть варить кашу!

— Привести в порядок одежду!

— Есть привести в порядок одежду!

— Объявляю приказ по третьему отряду: через час выступить в полном боевом порядке!

Направление — Макаровка.

— Есть! — радостно откликается отряд.

— Пионеры! К борьбе за дело Ленина будьте готовы!

— Всегда готовы!

Глава 53

В ПУТИ

Снова темные чащи, запутанные тропинки. В оврагах и в сырых, болотистых местах острая осока ранит ноги. На коротких привалах — грибная похлебка, сине-пепельная ежевика. От ежевики губы у ребят синие, пальцы как будто испачканы чернилами.

Сева находит какие-то растения, годные для еды.

— Это паутинистый лопух, — говорит он. — Корни его похожи на спаржу, их едят.

— Ну тебя, Малютин! — обижается Мазин. — Всегда ты что-нибудь придумаешь! Если хочешь знать, это просто колючки; их называют собаками, потому что они цепляются за платье.

— Это верно, но корни молодого лопуха едят. Жаль, у меня нет книжки — я бы тебе доказал.

— Он правду говорит, — неожиданно вступает в разговор Генка. — Я сам читал про это. А кислицу варил и ел.

Мазин безнадежно машет рукой:

— Как-нибудь без лопухов обойдемся.

— Генка, сколько отсюда до Макаровки километров? — спрашивает Васек.

Генка морщит лоб:

— Як бы по шоссе, то недалеко. А так — кто его знает... може, километров двадцать...

Трубачев спешит. Грибная похлебка без соли и хлеба плохо подкрепляет силы. Голод начинает одолевать ребят: щеки у них пожелтели, глаза ввалились, около губ обозначились глубокие складки. От долгой, непривычной ходьбы болят ноги. Тапочки прохудились — ребята идут босиком, пробираясь по глухим местам, заросшим крапивой и колючками. Но никто не жалуется.

"Вот дойдем до Макаровки — и все будет хорошо!" — думает каждый.

На привалах подробно обсуждается встреча с девочками; ребята оживляются, радуются.

— Трубачев! Трубачев! Мы так тихонько подойдем к их дому и — рраз! — как выскочим!

— Ну, "выскочим"! Там ведь фашисты. Надо тихо, по одному как-нибудь... Можно даже просто вызвать Валю или Лиду.

— Ньюру надо вызвать! — вставляет Одинцов.

— Эх, Макаровка! Еще найдет ли нас Митя!

Мальчики еле плетутся. Лес, лес и лес... Нигде не видно просвета.

— А не заблудимся мы, Генка?

— Ни.

Потянулись сухие, нагретые солнцем вырубки. Под пнями — редкие, почерневшие ягоды земляники. Нет воды. Воду, запасенную на последнем привале, потратили на похлебку. Зеленое ведерко пусто. Бобик, свесив на сторону сухой язык, уныло плетется сзади.

— Генка, скоро вода будет? — облизывая потрескавшиеся губы, спрашивает Васек.

Генка разгребает желтые листья, берет горсть земли, рассыпает ее на ладони:

— Далеко... Коло Жуковки под мостом вода... Ребята еще острее ощущают сухость во рту.

— Около Жуковки так около Жуковки... Вперед! — командует Трубачев.

Жаркий полдень. В глазах красные, желтые, бурые листья. Лес наконец кончается.

Перед выходом на шоссе Васек объявляет большой привал. Ребята без сил валяются на траву. Мазин и Русаков остаются на страже.

Петьку одолевает сон.

— Чего глаза закрываешь? — толкает его Мазин. — Здесь шоссе близко — того и гляди, на фашистов нарвемся, а ты спишь!

— Я не сплю... Я просто сквозь ресницы смотрю... для интереса...

— Знаю я, какой у тебя интерес! А еще хочешь разведчиком быть! — шепотом говорит Мазин, поглядывая на спящих ребят.

Петька придвигается ближе:

— А если Митя нас не возьмет?

— А куда ему нас девать?

— Мало ли куда! В село какое-нибудь...

— Я не пойду! — решительно заявляет Мазин. — Я бы сейчас ушел, да Трубачева не хочу подводить.

Петька задумывается, потом шепчет, показывая на Васька:

— Он и сам воевать захочет.

— Не захочет, если не позволят! Для него приказ — это вес!

— А для нас, Мазин? Мы ведь тоже пионеры...

— "Для нас, для нас"! — передразнивает его Мазин. — Что для других, то и для нас. Только ведь мы Р. М. З. С. Забыл? Мы должны на войне послужить Родине!

— Конечно! Мы для этого тренировались, — округлив глаза, шепчет Петька.

Но Мазин уже не слушает его. Станный, розовый свет ложится на траву. словно освещенные изнутри, стоят на опушке прямые желтые сосны, за ними краснеет широкая полоса неба.

— Петька, зарево!

Генка беспокойно ворочается во сне, открывает глаза и сразу вскакивает:

— Горит!

— Петька, буди ребят!

Через минуту весь отряд собирается на опушке леса. Под высокой, обрывистой опушкой проходит шоссе. Отсюда далеко видны колхозные поля. Небо охвачено огнем; за полем, на расстоянии километра, бушует пламя.

— Село! Село горит! Эсэсовцы жгут село! — шепотом говорят ребята.

— Проклятые! Проклятые!

В тишине прорывается гневный голос Генки:

— Жгите, жгите, гады! Попомнится вам моя земля!

* * *

На последней ночевке перед Макаровкой снова стоит на посту Васек. Неровный свет луны пробегает по худым, изможденным лицам его товарищей.

— Гена... моя мама будет любить тебя, как родного, — слышится в темноте шепот Севы.

— Одна у меня мать — Украина. Не сирота я, — угрюмо отвечает Генка. — Спи.

"ТРУБАЧЕВ ПРИШЕЛ!"

— Девочка! Девочка!...

Хроменькая Фенька прижимает к плетню острое личико и смотрит на дорогу.

— Девочка! Это свои, не бойся!

Из кустов осторожно поднимается рыжий мальчик. У него темные, запавшие щеки и синие глаза с лихорадочным, голодным блеском. Он протягивает через плетень худую руку:

— Послушай, девочка...

Фенька боязливо отступает назад.

— Нема хлеба, зараз картошки вынесу, — бормочет она, поворачиваясь, чтобы бежать в хату.

— Нет, нет! Подожди, подожди, девочка! Иди сюда!

Фенька останавливается. Мальчик оглядывается на дорогу и тихонько спрашивает:

— Знаешь Миронику?

Фенька кивает головой.

— Послушай! У нее есть девочки. Это наши. Вызови их, скажи — Трубачев пришел.

— Московские? — шепотом спрашивает Фенька.

— Да, да! Знаешь ты их?

— Знаю.

Фенька пытливо смотрит на мальчика и боком перелезает через плетень:

— Они тут, на поляне. До Вали пошли. Пойдем — покажу!

Она, прихрамывая, бежит по тропинке; Васек едва поспевает за ней.

— Подожди немножко... Я не один, я с товарищами! — говорит Васек.

Из кустов один за другим выходят ребята. Бобик рвется из рук Пети Русакова и тихо рычит.

Фенька останавливается. В глазах ее мелькает беспокойство.

— Вон они, за оврагом... на поляне, — быстро говорит она и, повернувшись, бежит назад.

— Девочка! Девочка! Не бойся! — кричит ей вслед Васек. — Это свои!

Но Фенька не оглядывается.

— Испугалась нас! — вздыхают ребята. — Что же делать теперь?

— Ничего, сами найдем! Тут близко — на поляне где-то...

Мальчики спускаются в овраг, карабкаются наверх, потихоньку советуются:

— Может, лучше к Миронике идти?

— Где тут поляна? Лес начинается уже...

— Жаль, испугалась девочка. Она бы показала.

— Эй, хлопцы, куда пошли? — вынырнув из густой травы, машет рукой Фенька. — Налево идите! За дубами тропинка будет. Чуете?

— Чует! Чует!... Иди сюда!

— Не тронем мы тебя!

— Эх, ты, проводила бы!

Фенька мотает головой:

— Сами найдете — за дубами!

— Пошли! — говорит Васек.

На пригорке — широкоствольные, старые дубы. Ребята настороженно и радостно улыбаются. На их лицах — нетерпеливое ожидание встречи. За дубами неожиданно открывается светлая лесная поляна. Солнце косыми лучами падает на траву.

Под молодой березкой, у свежей насыпи, покрытой сорванными полевыми цветами, прижавшись друг к другу, сидят две девочки. Они сидят под одним платком, подобрав под себя босые ноги. Легкий ветер пробегает по поляне. На березе бьется тонкая дощечка...

Васек еще издали видит двух девочек и свежую насыпь под березой. Сердце у него падает. Ребята в смятении останавливаются за его спиной.

— Кто-то умер... — хриплым шепотом говорит Васек, не двигаясь с места.

Лида Зорина быстро поднимает голову, платок скользит с ее плеч; она вскакивает, в упор смотрит на Ваську остановившимися черными глазами, потом с криком протягивает вперед руки:

— Нюра! Нюра! Трубачев пришел!

Нюра бросается к подруге, обнимает ее за шею, и обе они громко плачут. Мальчики, тяжело волоча ноги, боязливо подходят к насыпи. На березе сиротливо бьется дощечка. На дощечке — короткая, скупая надпись:

ЗДЕСЬ ПОХОРОНЕНЫ

УЧИТЕЛЬНИЦА МАРИНА ИВАНОВНА

И ШКОЛЬНИЦА ВАЛЯ СТЕПАНОВА

Нюра падает на сорванные цветы, обнимает тоненький ствол березы:
— Валечка! Валя! Трубачев пришел!

НОЧНОЙ СТУК

— Куда же вы пойдете одни? Вы ж дети... — качая головой, говорит Мирониха.

Трубачев молчит. Глаза у него слипаются от усталости и сытой пищи. Ребята тоже размякли. Петька, широко раскрыв рот, спит сидя. Сева давно уже лежит на скамейке. Одинцов, подперев рукой голову, дремлет над своей миской. Ему жалко отодвинуть миску, хоть она и пустая. Генка ест медленно, подставляя под ложку кусок хлеба и бережливо собирая крошки. Мазин, умильно глядя на Мирониху, просит вторую миску борща.

— Нельзя, Мазинчик, нельзя, — уговаривают его девочки. — Нельзя тебе сразу много есть... Ты можешь заболеть.

— Нельзя, нельзя, дети мои! — строго говорит Мирониха, убирая от Мазина пустую миску. — Сегодня уж так, а завтра я вам целый чугун борща наварю!

Маруська с жалостливой усмешкой в глазах подолгу смотрит на каждого из ребят и время от времени громко говорит:

— Дайте ж им хоть трохи покушать, мамо!

Мирониха со вздохом стелет на пол сенник:

— Ложитесь спать, хлопцы. Треба огонь тушить, а то как бы полицаи не завернули до нас. А завтра где-нибудь я вас пристрою. Может, на Жуковку до сторожа сведу...

"Завтра... завтра..." — бессильно склоняя голову на подушку, думает Васек. Ребята падают рядом с ним; девочки отдают им свои простыни, одеяла. Спящего Петьку укладывает Мазин.

"Эх, Валя... Валя Степанова!" — вспоминает Васек. Откуда-то, из самого краешка глаза, выбегает слеза и мокрым пятнышком расплзается по подушке. Острая тоска схватывает за сердце, тревога отгоняет сон. Васек видит перед собой весь утомительный путь, который они прошли. Лес, лес, лес... Где же Митя? Идет ли он по их следам, знает ли он, что случилось с ними в селе? Зачем пойдет он на пустую мельницу? А следы их и дорожные знаки начинаются только оттуда!

Ваську кажется вдруг, что все его надежды напрасны. Митя не придет! Мирониха тоже, наверно, не знает, где искать партизан. И у себя она не может их оставить — у нее и так полна хата. Сон окончательно покидает Ваську. Он облокачивается на подушку и не мигая смотрит на коптилку.

— Ну, чего зажурился, хлопчик? Тяжело тебе за главного быть? — Мирониха присаживается с ним рядом, гладит его по голове и растроганно говорит: — Спи, голубчик! Ты свое дело сделал — довел ребят. Теперь я об вас подумаю. Люди-то свои везде есть! Кругом они... Фашисты думают, как бы им партизан в кольцо взять, а партизаны давно уже фашистов в петлю загнали.

Мирониха тихо смеется. Глаза ее лучисто светятся в темноте, на щеках появляются ямочки. Васек улыбается...

Тихий стук в окно пугает обоих. Мирониха бледнеет.

— Чужой стук... незнакомый, — шепчет она, приложив к губам ладонь.

Стук повторяется, у двери скрипит крыльцо. Мирониха окидывает взглядом спящих ребят.

— Если что, скажи — из Жуковки... за грибами ходили... ночевать попросились, —

шепчет она Ваську и бежит к двери.

Васек толкает ребят:

— Не спите! Не спите!...

Нюра и Лида тревожно смотрят с печки, свесив вниз головы.

— Мирониха я и есть. Чего треба? — сурово спрашивает Мирониха, впуская в хату низенького человека с морщинистым лицом и выцветшими седыми бровями.

— Чего треба, то я и нашел! Ясно! Человек не иголка!... Это чьи ребятишки у тебя? — весело кивает он на ребят.

Ребята вскакивают. Сонный Бобик вылезает из-под стола и, виляя хвостом, обнюхивает гостя.

— Ба! И ты тут, скотинка, а? Скажи пожалуйста! — удивляется тот.

Мазин, расталкивая ребят, подходит сбоку и беззастенчиво разглядывает знакомое старческое лицо с лукавыми светлыми глазами.

— Свой я, свой! Чего всполошилась, гражданочка? Разве чужие так ходят!... От Мирона Дмитрича мы пришли... Стой, я товарища своего впущу... — Он поспешно идет к двери и кашляет на крыльце.

Мирониха недоверчиво прислушивается.

— Это тот... тот, со свистком, — шепчет Ваську Мазин.

Дверь снова открывается. Высокий человек в длинном пальто сбрасывает щегольскую кепку.

Васек бросается к нему:

— Митя!...

Ребята тесной кучкой окружают Митю, виснут на нем со всех сторон; девочки обнимают его за шею, гладят по лицу:

— Митя... Митя... Митенька!...

— Ой, мамо, мамо, — громко всхлипывает Маруська, — дайте ж им хоть трохи покушать!

В ПАРТИЗАНСКОМ ЛАГЕРЕ

За палаткой слышался шум. Николай Михайлович поднял голову.

— Узнайте, что там такое! — отрывисто сказал он, просматривая свежий листок фашистской газетки, только что доставленной связным.

Степан Ильич поспешно вышел.

Около землянки, где жила Оксана, собрались партизаны. Среди них слышались удивленные восклицания, одобрительные возгласы, добродушные шутки. В центре этой кучки стояли ребята. Курточки и штаны почти у всех были разорваны и свисали бахромой на рукавах и коленках; волосы отросли и торчали вверх; за ушами Васька золотились рыжие колечки. Девочки в длинных кофтах выглядели не лучше. Зато красные пионерские галстуки были повязаны с особой тщательностью, свежeweымытые щеки ребят блестели, и на лицах было написано безграничное счастье. Шелковое знамя жарко и празднично алело над маленьким отрядом. Смущенные встречей с партизанами и необычайной обстановкой лагеря, мальчики искоса поглядывали на Митю и растерянно улыбались. Бобик, издавая тихое ворчание и настороженно подняв уши, вертелся под ногами.

— Эй, хлопцы, пополнение пришло! — шумели вокруг партизаны. — А худые — беда! Небось не евши по лесу бегали!

— Зараз треба их на продовольствие поставить!

— А чего ждать? Доложи командиру, — советовали Мите.

Степан Ильич шагнул в круг, широко раскрыл руки и захватил в свои объятия ребят:

— Эх вы, други мои! Соколята!

Ребята зашумели, заговорили все разом:

— Дядя Степан! Мы шли, шли...

— Мы все лесом да лесом... Мы грибы ели...

— А вот наши девочки, дядя Степан! Это Лида и Нюра!

Васек радостно прижался к колючей щеке дяди Степана.

— Золотой ты хлопчик, ридна моя кровь! — заглядывая ему в глаза, повторял Степан Ильич.

Партизаны, стоя вокруг, с волнением глядели на эту встречу. Приход пионеров в лагерь был для всех радостным событием, напоминавшим о мирной жизни.

— Галстуки сохранили! Вот это пионеры!

— Эй, Сенька, сходи за нашей маткою! Она тут все глаза проглядела поджидая.

Но Оксана, заслышав шум в лагере, уже торопливо шла от речки. Митя бросился ей навстречу.

— Привел, привел, Оксана Николаевна! — закричал он еще издали, показывая на ребят. — Вот они!

Степан Ильич подтолкнул Ваську:

— Беги, встречай! Ночи она не спала из-за вас...

Васек бросился вперед, но девочки опередили его:

— Тетечка! Тетечка!

Оксана тревожным, быстрым взглядом охватила ребят, большими теплыми руками прижала к себе их головы, ощупала острые плечи, торчащие лопатки, заглянула каждому в

глаза:

— Птенчики вы мои бескрылые!

Партизаны смотрели на нее, крякали, вздыхали:

— Да... встретились, значит...

Оксана вдруг выпрямилась.

— Сенька, топи баню! Ножницы неси! — скомандовала она свежим, молодым голосом.

Партизаны засмеялись:

— Сейчас вам, ребята, санобработка будет!

Степан Ильич вошел в палатку с сияющим лицом:

— Прибыл Бурцев с ребятами!

Николай Михайлович улыбнулся:

— Нашлись? Ну-ну! Позаботьтесь там, чтобы их накормили. Пускай хорошенько отдохнут, а завтра мы их переправим через фронт. Часть можно будет на самолете с Коноплянко. Как самочувствие Ильи Кондакова?

— Неважно... Изрешетили хлопца — смотреть страшно.

— Да, дорого ему обошлась Жуковка! Ну что ж, отправим в Москву на излечение. А Макитрючка что?

— Макитрючка ничего. "Скоро, говорит, встану". Просит считать здоровой.

— Ну, о ней мы тут позаботимся. А как насчет Ульяны Леонтьевны? Устроили?

— Точно. Сегодня ночью перевезли с детьми в Семеновку.

Николай Михайлович кивнул головой:

— Хорошо. Попросите ко мне Мирона Дмитрича и Коноплянко.

* * *

Ребята сидели за длинным столом и ели густую гречневую кашу. К столу подошла Костичка; улыбаясь, села рядом.

После казни деда Михайла Костичка вместе с детьми ушла в лагерь к мужу. Увидев ее, ребята обрадовались.

Генки не было: он ходил по лагерю — искал Гнедка. Митя подозвал мальчика к себе:

— Сейчас, сейчас, Генка, придет твой Гнедко, не бойся!

— Не бачу я его... Може, убитый? — хмуро спросил Генка.

— Да нет! Сейчас сам увидишь. Экий ты недоверчивый!

Из-за деревьев выглянул Сенька. Он тянул на поводу стройного, высокого жеребца.

— Гнедко!...

Генка заложил в рот два пальца и тихонько свистнул. Жеребец ответил тихим радостным ржанием и, высоко подкидывая спутанные передние ноги, поскакал навстречу хозяину. Генка обнял его голову, прижался к ней лицом и беззвучно заплакал. Конь мягкими черными губами трогал шею и руки Генки, глядел на него большими понимающими глазами и тихонько фыркал.

— Михайлов внук плачет, — хмуро говорили партизаны.

— Не мешайте ему, не подходите, — останавливал Митя.

Историю Генки и его коня хорошо знали в партизанском отряде.

Выплакавшись, Генка по-хозяйски осмотрел своего Гнедка.

— На що звязали? — сердито сказал он Сеньке. — Освободи его! Он теперь от меня никуда не уйдет.

Сенька послушно распутал веревку на ногах жеребца. Генка осмотрел копыта коня, провел рукой по мягкой спине и заметил след от седла.

— Плохо седлаешь... Так спину коню можно натереть! — строго сказал он, отпуская Гнедка и глядя ему вслед. — Овес даете?

— А як же! Все даем — и овес и хлебца даем, — торопливо уверил его Сенька.

Когда Генка вернулся к ребятам, глаза у него были красные, но блестели и хмурое выражение лица смягчилось.

* * *

— Ешьте, ешьте! — угощал ребят Митя. Он чувствовал себя хозяином здешних мест и, радуясь впечатлению, которое произвел на ребят лагерь, с мальчишеской гордостью говорил: — Вы что смотрите? Целый город у нас тут! Это еще что! Мы ведь только что перебрались сюда, а вот подождите — укрепимся хорошенько...

После соединения с макаровцами лагерь расширился и стал походить на большую стройку. Место было выбрано для зимовки. Партизаны устраивали себе теплое жилье. Слышался стук топоров, падали деревья, визжали пилы. Землянки строились прочные, с печами и маленькими окошками. Стол, за которым сидели ребята, издавал свежий смолистый запах. Для кухни было отведено особое место. Под навесом был сложен весь кухонный инвентарь, отбитый у фашистов. Были две просторные палатки для раненых. Ребята узнали, что за день до их прихода был совершен крупный налет на Жуковку, пущен под откос поезд с эсэсовцами, взяты большие трофеи: ручные пулеметы, винтовки, обмундирование.

— Неплохо Гитлер вооружил нас! — смеялся Митя.

Пока Митя рассказывал, Мазин рыскал глазами по лагерю, оглядывая постройки и что-то соображая про себя. Тревогу его разделял Петька Русаков.

Еще в дороге Митя сказал ребятам, что их отправят домой. Девочки, Саша и Сева Малютин искренне и шумно радовались. Одинцов тоже хотел домой, но он ждал, что скажет Васек Трубачев. Он всегда и во всем поддерживал товарища и расставаться с ним не хотел, несмотря на желание ехать домой. Васек задумался. Он, конечно, хотел бы воевать вместе с партизанами, но послушаться взрослых не мог.

— Приказ — это все! — подумав, сказал он Одинцову.

Генка вел себя так, как будто слова Мити вовсе не касались его. Мазин и Русаков решили "отчаянно" просить командира оставить их в отряде.

— Я прямо заплачу, Мазин! — серьезно говорил Петька.

— Я тебе "заплачу"! Что ты, у тетеньки в племянники просишься, что ли? Ты в партизаны просишься у командира!

— Верно. Я лучше буду так смело говорить...

Мазин сделал гримасу:

— Тощий ты и маленький... не имеешь внушительного вида.

Петька с огорчением разглядывал себя:

— А ты скажи, что мне пятнадцать лет.

— Не дурак я, чтобы перед умными людьми врать! — огрызнулся Мазин.

Пока ребята ели, партизаны, занятые своими делами, издали разглядывали их.

— Рыжий — это, видать, командир. Весь отряд привел!

— А тот, с краю сидит, глазастый, — говорят, вместе с дедом Михайлом работал!

— Эх, война! Всех зацепила!

— Вот глядишь — дети совсем! А у них уж свои герои есть, — качал головой бородатый старик, натачивая пилу. — А в чем дело? Дело в воспитании, тут ничего не скажешь.

— Воспитание советское... Строители будущего! В коммунизме будут жить! — откликнулся военный, пришивая пуговицу к своей гимнастерке.

— Крепкие ребята! Друг дружку в беде не бросали! — с уважением сказал молодой хлопец.

— А собачка-то откуда взялась? Для компании, что ли, привязалась к ним?

— Собака Ивана Матвеича. Бобиком зовут. Я на пасеке бывал, знаю.

У Бобика нашлись старые знакомые, но он держался около ребят и радостным визгом встречал Оксану. Он признавал в ней бывшую хозяйку.

* * *

После еды ребята долго плескались за дощатой перегородкой, где прямо на костре нагревался большой котел воды. Оксана стригла и мыла ребят сама. Она по очереди терла им спины мочалкой, густо намыливая трофейным мылом. Волосы быстро и искусно подравнивала большими садовыми ножницами. По просьбе Васька ему был оставлен небольшой чуб на лбу. Намылив одного, Оксана переходила к другому, потом ставила всех рядом и обливала из одного ведра. Ребята расшалились, бегали вокруг костра, боролись и хохотали до слез. Оксана с улыбкой глядела на их шалости, давая им повеселиться; потом, найдя, что достаточно, натягивала на каждого длинную мужскую рубашку:

— Переспите ночку в этих, а завтра свои наденете.

Ребята, хлопая рукавами, бежали из бани в Оксанину землянку. Бобик мчался за ними. Партизаны хохотали:

— Вот так обрядила ты их, мамаша!

Девочки, уже умытые и чистенькие, сидели на нарах. В лесу быстро темнело. Оксана закрыла мешком маленькое оконце и зажгла коптилку.

Когда ребята уже улеглись, пришел Степан Ильич. Мальчики подробно рассказали ему все, что пришлось им пережить в эти дни. Степан Ильич хмурился, вздыхал. Об одном только не говорили ребята — о Вале Степановой, с которой они долго прощались, уходя из Макаровки.

Генки не было. Он пропадал у Гнедка. Оксана мыла Генку последним и сама привела в землянку.

Степан Ильич ласково смотрел на мальчика — видимо, искал для него утешительных и ободряющих слов, но Генка был занят своими мыслями и только нетерпеливо спрашивал:

— Позовет нас командир к себе?

— Может, и позовет, — отвечал Степан Ильич, недоумевая, зачем Генке нужен командир. — Вот кончится война, прогоним гитлеровцев — и вернемся мы с тобой, Генка, в село, будем вместе хозяйнувать. Михайлов внук — дорогой человек для нас... А пока поедешь ты с ребятами в Москву, будешь учиться...

Генка молча смотрел в угол землянки и думал что-то свое.

Когда Степан Ильич ушел, в землянку вскочили Федька Гузь и Грицько. Их обветренные, загорелые лица сияли от радости:

— Здорово, товарищи! Мы ж вас еще не бачили! Нас на хутора посылали. Приходим, а дядя Степан говорит: "Нашлись наши пионеры".

Грицько долго жал всем по очереди руку. Ребята уселись в кружок на нарах; Федька рассказал, что эсэсовцы сожгли его село Ярыжки, что ему с матерью удалось бежать в лес, где он наткнулся на подводу, которая везла с Жуковки трофеи. Партизаны взяли их в лагерь. Игнат еще раньше ушел из села.

— Далеко ушел Игнат... Не скоро мы с ним побачимся теперь! — с грустью сказал Федька и шепотом поделился с ребятами своей тайной: — Мы с Игнатом под вязами свое знамя спрятали. Фашистам до него не добраться! Только я да Игнат место знаем!

— Это наши тогда в школе штаб взорвали. Генерала самого главного убили, — шепнул Грицько.

Ребята хотели расспросить его об этом подробнее, но, покосившись на Генку, промолчали.

— До побачення! — весело сказали Федька Гузь и Грицько, прощаясь.

* * *

Утром долговязый Сенька просунул в землянку голову:

— Мамаша, готовь ребят! Командир требует.

Ребята заволновались:

— К командиру нас требуют! К командиру!...

Побежали за Генкой. Генка с утра, вооружившись скребницей, чистил партизанских коней. Начищенный до блеска Гнедко ходил за ним по пятам.

— Генка, нас к командиру требуют!

Генка бросил скребницу, привязал Гнедка:

— Пойдем!

Оксана надела на ребят чистые рубашки. Прибежал Митя.

Маленький отряд торжественно выстроился перед ним: галстуки были повязаны, знамя развернуто.

Митя оглядел ребят вблизи, оглядел издали, взъерошил свои волосы, щелкнул пальцами:

— Пошли!... Ать-два! Ать-два!

— Эх, барабана нет!

— Левой! Левой!

Партизаны, отрываясь от работы, глядели вслед.

У штабной палатки ребята остановились.

— Нале-во! Ать-два! Стой!... Разрешите обратиться. Отряд Трубачева прибыл! — доложил сияющий Митя.

Николай Михайлович и Мирон Дмитриевич вышли из палатки:

— Здорово, пионеры!

Ребята ответили дружным приветствием. По лесу раскатилось эхо и смолкло. Николай Михайлович пытливо и ласково посмотрел на ребят. Под усами Мирона Дмитриевича

пробежала добрая усмешка, глаза заискрились.

Васек отдал рапорт. Худой от пережитых лишений, бронзовый от загара, с золотистым чубом, он стоял под красным знаменем во главе своего отряда и казался гораздо старше того мальчика, которого однажды Николай Михайлович встретил в селе.

— Трубачев!

— Есть Трубачев!

Васек сделал два шага вперед. Николай Михайлович кивнул ему головой:

— Я слышал о тебе. Ты стойкий и мужественный мальчик.

Васек вспыхнул, смешался:

— Я был не один... Со мной были товарищи!

— Сева Малютин!

Сева оглянулся на ребят, одернул курточку, робко шагнул вперед.

Николай Михайлович взял его руку, ощутил в своей ладони тонкие, слабые пальцы.

— Так вот ты какой — Сева Малютин... — Николай Михайлович пригладил седой ежик своих волос и тепло улыбнулся: — Спасибо тебе, Сева Малютин!

Мирон Дмитриевич откашлялся, потеревил свои усы, еще раз откашлялся. Николай Михайлович мельком взглянул на него и снова повернулся к ребятам:

— Кто из вас внук нашего погибшего товарища, деда Михайла?

Все глаза сразу обратились к Генке. Он стоял прямо и не мигая смотрел в лицо Николаю Михайловичу блестящими темными глазами.

— Выйди... выйди... — зашептали ребята.

Генка не спеша вышел из строя. Николай Михайлович положил руку на его плечо:

— Твой дед умер как герой. Мы позаботимся о тебе...

— Гена, — подсказали ребята.

— ...да, Гена. Мы воспитаем тебя славным коммунистом, достойным своего деда... Ты поедешь вместе с ребятами...

— Я не поеду! — прервал его Генка.

Николай Михайлович поднял брови. Мирон Дмитриевич строго посмотрел на мальчика. Ребята переглянулись.

— Я никуда не поеду, товарищ начальник! — твердо повторил Генка. И вдруг, заметив строгий взгляд Мирона Дмитриевича, залился темным румянцем, гневно закричал: — Горит моя земля! Деда мой тут лежит! Куда я поеду?

Николай Михайлович быстрым движением руки остановил его. Наступило молчание.

— Одна мне дорога — Гитлера бить... — тихо сказал Генка.

Николай Михайлович задумался, пристально глядя на мальчика. Потом по — вернулся к Мирону Дмитриевичу:

— Зачислите в отряд Михайлова внука.

Генка вытер рукавом мокрый лоб и стал на свое место. Мазин и Русаков завистливо глядели на товарища.

— Давай проситься! — шепнул Петька.

— Не время, — хмуро ответил Мазин.

Николай Михайлович обратился к ребятам:

— Пионеры! От имени партизанского отряда передайте благодарность своим родителям и учителям, школе, которая воспитала вас! А благодарность вашему водителю я имею удовольствие выразить сам.

Николай Михайлович крепко пожал руку смущенному Мите. Ребята переглянулись, заулыбались. Николай Михайлович, видимо, хотел еще что-то сказать и молча смотрел на них.

— У вас был еще один товарищ... вернее, подруга...

— Валя... Валя Степанова... — слышались тихие голоса.

Наступило торжественное молчание. Ребятам показалось, что где-то среди них тихо шелестит ветвями тоненькая белая березка...

Мирон Дмитриевич выступил вперед:

— От имени партизанского отряда даю клятву жестоко отомстить врагам за нашу пионерку Валю, за учительницу Марину Ивановну, за наших дорогих товарищей! Тяжко заплатят нам фашистские палачи за эти могилы!

ДОМОЙ!

Ночью ждали самолет из Москвы. Это был первый самолет, который принимали партизаны с Большой земли. За лагерем расчищалась поляна — спешно готовилась посадочная площадка. Работами руководили Степан Ильич и Костя. Партизаны ровняли землю, срывали все бугорки, валили ближайшие деревья. Все радостно готовились к встрече.

— Значит, прослышали про нас в Москве! — с гордостью говорили партизаны.

Николай Михайлович с волнением ждал указаний из Москвы, ждал нужных людей, которых обещали ему прислать в помощь разрастающемуся партизанскому движению. Ребята уже знали, что с этим самолетом будут отправлены девочки и Сева Малютин. Они полетят вместе с Коноплянко и ранеными бойцами.

Митя часто заглядывал к ребятам, радовался, глядя на них, просил передать письмо его старикам и при первой возможности написать о Сергее Николаевиче все, что будет известно им самим.

За дорогу от Макаровки до лагеря Митя успел подробно рассказать ребятам, как они с Яковом напали на их следы, как шли по реке до мельницы, как прочитали написанные мелом слова, как обрадовались, найдя первый дорожный знак. Ребята с интересом слушали этот рассказ. Яков дополнял его шутками.

Теперь новые события целиком захватили ребят. Снова предстояла им разлука! Сева и девочки улетали первыми. За ними на рассвете Митя и Яков должны были увести Трубачева и остальных — им предстоял переход через линию фронта. Генка оставался в отряде.

Ребята не отходили друг от друга. Без конца прощались, давали тысячи обещаний, улавливались о месте встречи.

— Мы сейчас же побежим к вашим родителям! Мы скажем, чтобы они не плакали, что вы скоро приедете! — говорили девочки.

Потом обнимали Митю, со слезами просили:

— Митя, возвратись к нам опять! Если ранят тебя, мы будем за тобой ухаживать, только живи, Митя!

Сева Малютин обнимал всех по очереди: он всех любил, разлука пугала его. Подолгу сидел он с Генкой, не зная, что сказать ему на прощанье. Генка осторожно брал Севину руку, перебирал его пальцы; лицо у него становилось нежным; глаза мягко блестели.

— Ты мне на всю жизнь товарищ, Севка! Только, может, и не доведется нам больше встретиться.

— Нет, нет! — горячо говорил Сева. — Одна у нас дорога. Ты увидишь: пройдет война, и мы опять будем вместе!

Мазин и Русаков не находили себе места. Кое-как, правдами и неправдами, им удалось пробраться к Николаю Михайловичу, но Николай Михайлович наотрез отказал им в просьбе остаться в партизанском отряде. Они пошли в "госпиталь" к Макитрючке, чтобы на всякий случай заручиться ее согласием. Макитрючка встретила их ласково.

— Ох, вы ж мои вояки дорогие! — сказала она.

Мазин и Русаков с уважением смотрели на перевязанную голову Макитрючки, на забинтованную, круглую, как мяч, кисть руки. Они знали, что Макитрючка в день казни деда Михайла первая бросила гранату в гитлеровский штаб на селе.

— Мы, тетя, с вами бы остались... — осторожно сказал Мазин.

— Як то — остались? Я ж вас брать без разрешения начальника никакого права не имею, — отвечала Макитрючка. — Да и сама в лагере не сию. Кругом фашисты, чтоб они сгорели! Мне сидеть нема колы — я ж их, чертей, на тот свет гоняю...

Мазин и Русаков ушли ни с чем. Обошли постройки, заглянули под навес конюшни. Там сидели Митя с Генкой. Они говорили о Гнедке. Конь стоял тут же.

— Ты спас мне жизнь, отдал мне своего коня! — растроганно говорил Митя.

— Я его воспитывал для бойца — бойцу и отдал. А теперь вместе воевать будем! — радостно отвечал Генка.

Мазин и Русаков на цыпочках прошли мимо.

За ужином Мазин подошел к Трубачеву, долго смотрел на него ласковыми и грустными глазами, словно что-то решая про себя, потом неожиданно и горячо обнял товарища:

— Мы с тобой везде вместе были, самое страшное переживали вместе... Я к тебе привык, Трубачев...

— И я к тебе, Мазин, — удивленный его лаской, ответил Васек. — Мы теперь никогда не расстанемся, что бы ни было, — правда, Мазин?

— Правда, — улыбнулся Мазин и, кликнув Петьку, строго сказал ему: — Собирайся!

— Куда? — взмахнул ресницами Петька.

— В тыл. К маме, — решительно ответил Мазин.

* * *

К вечеру на площадке зажгли костры — самолет должен был издали видеть место посадки. Выставили дозоры, боясь привлечь внимание врагов. Тихо беседуя между собой, стояли партизаны. Николай Михайлович с Мироном Дмитриевичем были тут же. На носилках принесли раненых. Товарищи подходили к ним, говорили ободряющие слова, прощались. Яков Пряник, присев на корточки, с чувством говорил Илье:

— Возвращайся, друг! Вместе мы к лесному костру пришли... Возвращайся, боец...

Илья глухо кашлял:

— Не сучай обо мне, Яша! Вернусь я — будем вместе врага бить. А если что... бей его за двоих!

Васек и Саша, разговаривая с Генкой, прошли мимо раненых. Около Ильи Саша вдруг остановился. Лицо партизана показалось ему знакомым. Какая-то давнишняя боль сжала сердце.

Илья тоже напряженно вглядывался в лицо мальчика, потом губы его раздвинулись медленной улыбкой. Он выпростал из-под одеяла руку и, поманив Сашу к себе, хрипло сказал:

— Вот где свиделись... Слышь, хлопчик, хлеб-то твой взял я тогда...

Саша нагнулся к раненому:

— А я все думал о вас, все думал... — Радостное волнение мешало ему говорить, да и слов не находилось. Важно было одно: хлеб он тогда взял! — Я всю жизнь бы думал о вас... — повторял Саша.

Илья ласково и удивленно смотрел на мальчика. Ребята, готовые к отъезду, стояли маленькой кучкой. К ним подходил Степан Ильич, брал в свои большие ладони их руки, шутил:

— Отвоевались, соколы?

Оксана повязывала ребят платками, совала им в руки байковое одеяло, тихо говорила:

— Если доведется где Сергея Николаевича повидать, скажите ему — отец умер, а сестра жива... помнит его...

Партизаны ждали. Шепотом переговаривались между собой. Прислушивались. Никто не ложился спать в эту ночь.

В тишине раздался гул моторов. Все встrepенулись, задвигались, подняли головы. Костры ярко вспыхнули.

— Летит! Летит!

Из-за облаков вынырнул самолет и, плавно кружась, пошел на посадку. Люди, толпясь, побежали, размахивая шапками. Посадка прошла благополучно. Шумно приветствовали партизаны приезжих. Засыпали их вопросами о фронте, о Красной Армии, о Москве. Партизаны разгружали ценный груз. Николай Михайлович знакомился с новыми товарищами. Через полчаса самолет снова поднялся в воздух. Проплыл над поляной и исчез... С ним улетели девочки и Сева Малютин.

— До свиданья, до свиданья, до свиданья! — махали им вслед ребята.

Генка, закинув голову, долго смотрел на облака, за которыми скрылся самолет, увозивший Севу. Потом порывисто сжал плечи Васька:

— Всех я вас полюбил!...

Площадка медленно пустела.

— Улетели! Теперь ваш черед, — улыбнулся ребятам Степан Ильич.

На рассвете Васек, Саша, Коля Одинцов и Мазин с Русаковым вышли из лагеря. Мальчиков сопровождали Митя и Яков Пряник.

Ночью шел дождь. Лес был мокрый, тяжелый, под ногами лежали осыпавшиеся листья.

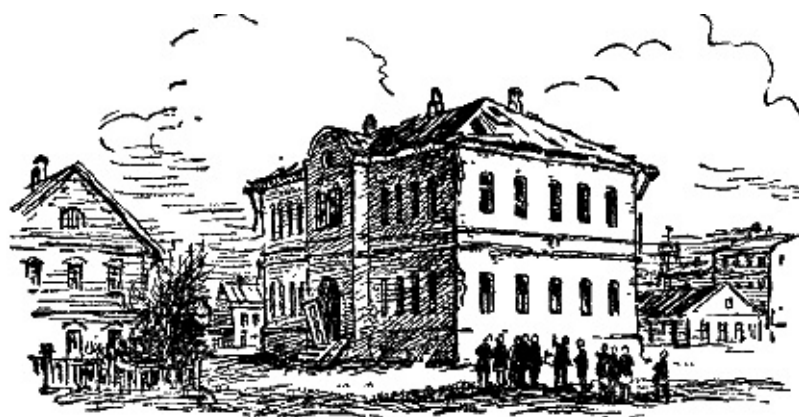
Васек оглянулся на лагерь. Там оставались близкие, родные ему люди. Сердце Васька еще не могло оторваться от них. А впереди уже занималась заря, и в ее мягком, теплом свете чудились высокие башни Кремля, маленький городок под Москвой, родной дом и школа...

Васек сорвал с головы тубетейку:

— Прощай, Украина!

КНИГА

т р е т ь я

КНИГА ТРЕТЬЯ

Глава 1

РОДНЫЕ МЕСТА

— Нюра! Нюра! Это улица Чехова! Вот здесь мы шли в поход!

— А вот магазин школьных принадлежностей! Моя мама мне тут тетрадки покупала...

— Бежим! Бежим!

— Сева, давай руку!

Нюра, Лида и Сева Малютин бегут по улице родного города.

Все оставшееся позади кажется им страшным сном.

— Мы дома, дома! — взволнованно повторяет Нюра. Каждый знакомый переулок вызывает в ней бурную радость, каждый камешек кажется родным. — Это же все наше, наше!

— Мамочка... мамулечка... мама моя! — прижимая к сердцу руки, повторяет Лида, спотыкаясь от волнения.

Сева бежит рядом с девочками. Он не может говорить, он счастлив, что снова видит свой родной город, и встревожен переменами в нем: опустевшие улицы, крест-накрест наклеенные на окнах белые полосы, большие черные надписи на подвалах домов — «Бомбоубежище». Значит, и здесь эта страшная война! Она пришла и сюда, в их маленький мирный городок, где все еще полно теплых воспоминаний, где весной на школьном дворе, весело толкаясь, мальчики и девочки собирались на экскурсии, где в зимние каникулы выезжала за город шумная ватага лыжников. В то счастливое время каждый раз под Новый год по заснеженным улицам медленно шествовал к школе румяный Дед Мороз с целым мешком подарков за спиной, а на улицах сновали веселые, торопливые люди, в окнах светились елочные огоньки, и за каждым окном был праздник.

Сева напряженно вглядывается в заколоченные дома, видит около магазина длинную очередь стариков и женщин. Зачем они там стоят? Разве магазин еще закрыт? Какие усталые лица у этих женщин! Сева думает о своей матери. Сердце его сильно бьется, и радостная улыбка снова появляется на губах. Может быть, сейчас мама что-то чертит за большим

столом. Сева видит склоненную голову матери, чуть-чуть растрепавшиеся мягкие волосы. «Мама, ты еще ничего не знаешь, а я уже здесь!»

Люди удивленно глядят вслед бегущим по улице ребятам. У всех троих толстые байковые кофты, похожие на медвежьи шкурки, и радостные, счастливые лица. Люди так соскучились по счастливым лицам ребят!

...Вот сквер! Вот переулок! Колонка! Здесь, за калиткой, уже виден дом Пети Русакова. И маленький флигель, где живет Мазин.

Девочки замедляют шаг, с трудом переводят дух:

— Зайти? Сказать, что они уже едут?

— Нет, нет! Это потом. Раньше домой! К нашим мамам!

Они пробегают еще одну улицу.

Школа! Вот она, красная крыша родной школы!

Школочка, миленькая! Что там сейчас? Идут ли уроки? Может быть, все учителя ушли на фронт, а учительницы с маленькими детьми уехали. Ведь все матери увозили своих детей! С кем же занимаются ребята? А может, ребята тоже уехали?... И где теперь Сергей Николаевич? Скорей бы узнать, пишет ли он!

Может, на одну минутку заглянуть в школу? Нет, нет! Это потом. Сейчас к родителям!

Еще и еще переулки, улицы... Здесь знаком каждый столбик, каждый двор... И вот уже...

Все трое останавливаются перед зеленой калиткой.

— Мой дом! — задыхаясь, говорит Сева.

Девочки распахивают калитку настежь:

— Беги же, беги, Сева!

— А вы... как же? — неуверенно спрашивает мальчик. — Одни?

Лида тянет его за рукав к калитке.

— Может, пойти с тобой, Сева? Может, нам с Нюрой пойти? — спрашивает она, оглядываясь то на Севино крыльцо, то на длинную улицу, где стоит ее дом и где ждет ее мама.

— Нет, нет! Идите... я один... Идите скорее!

— Мы здесь... мы недалеко, — бормочет Нюра.

Девочки оставляют его и, часто оглядываясь, бегут дальше.

Даже здесь, в родном городе, им страшно расставаться. Сева машет рукой, бежит к крыльцу.

Дверь открыта, но в квартире пусто. В общей кухне не слышно гудения примусов. У соседей висит замок. Сева медленно открывает дверь в свою комнату. Сквозь занавешенные окна чуть-чуть пробивается свет. Мамина кровать смята, на столе лежат луковица и кусок хлеба... Чьи-то грязные, запачканные глиной башмаки попадают под ноги. В углу, на письменном столе, сложены Севины учебники... Сева оглядывается, ищет записку. Уходя, мама часто оставляла ему записки...

На улице грохочет грузовик; какая-то женщина в грубой солдатской стеганке прыгает с машины и идет к крыльцу. Сева выглядывает из своей комнаты в коридор:

— Не знаете ли вы, где моя мама?

Женщина останавливается на пороге, сдергивает с головы платок:

— Сева!... Боже мой... Сева!...

Сева утыкается лицом в солдатскую стеганку:

— Мама! Я пришел...

Лидина мама на работе. Девочка бежит к ней в незнакомое учреждение, долго стоит под воротами и просит дежурного пустить ее к маме. Дежурный звонит по телефону.

Лида тянется к трубке, подпрыгивает.

— Это я, мамочка, золотая, родненькая!... — кричит она.

Разговор обрывается. Дежурный гладит Лиду по голове:

— Бежит твоя мама, бежит...

Одна, другая секунда кажутся девочке вечностью. Потом дощатая дверь в конце коридора широко распахивается, и Лидина мама, живая, настоящая мама, бросается к своей дочке. Она ощупывает ее голову, плечи, целует в глаза, в щеки, смеется и плачет, плачет и смеется...

— Когда же? Откуда?... Все вы приехали? С Митей?

Лида ловит мамины руки, обнимает ее, заглядывает ей в глаза.

— Нет, мы просто... мамочка, там такая война... мы одни... на самолете... — беспорядочно рассказывает она между поцелуями. — Нас три дня держали в Москве, хотели куда-то эвакуировать. Мы еле-еле упростили, просто плакали... Мамочка, родненькая!...

А на другой улице перед забитой наглухо дверью стоит Нюра Синицына.

— Уехали... уехали... — растерянно повторяет она.

Тихо обходит пустой дворик и, прислонившись головой к забору, смотрит на улицу:

— Уехали...

Сева Малютин вместе со своей мамой бежит по мостовой. Сева перебегает на тротуар, толкает плечом калитку, хватается Нюру за руку:

— Вот она, мама! Вот она!

Севина мама гладит девочку по голове, обнимает ее за плечи:

— Нюрочка, твой папа должен был уехать — его командировали в Уфу. Он очень боялся оставить твою маму одну, а мама плакала и не хотела уезжать, она все ждала тебя. Мы с Лидиной мамой заходили к ней перед ее отъездом и обещали, что ты поживешь пока у нас. Пойдем к нам, Нюрочка! Ведь вы с Севой товарищи.

Нюра соглашается, вытирая слезы. На улице она еще раз оглядывается на свой дом. А на углу их догоняет встревоженная Лида.

— Нет, Сева, нет! — говорит она, обнимая подругу. — Нюра пойдет к нам. мы с ней никогда не расстанемся, мы всю жизнь будем вместе!

Глава 2

ТЕТЯ ДУНЯ

Когда Павел Васильевич, не дождавшись сына, ушел на фронт, тетя Дуня осталась одна. Таня училась на краткосрочных курсах сестер и работала в госпитале, где проводила дни и ночи.

Иногда она забежала спросить, не слышно ли чего о Ваське, о Павле Васильевиче. Тетя Дуня делилась с ней своим горем, каждый раз читала и перечитывала письма Павла Васильевича, где он писал, что работает машинистом в санитарном поезде, вывозит с передовой раненых, что писем он давно не получает и не знает, вернулся ли его Рыжик. В каждой строчке чувствовалось острое отцовское горе: «...Увижу ли когда, обниму ли своего вихрастого?»

Таня прижималась к плечу тети Дуни, плакала вместе с ней. Потом вскакивала, наскоро вытирала слезы:

— Идти надо!...

— погоди, чайку вместе попьем... конфеты я по карточкам получила, — удерживала Евдокия Васильевна.

— Некогда. Побегу я, работы у нас много! — торопилась Таня.

В городе было тревожно. Бомбежки учащались. У магазинов и лавок, прислушиваясь к отдаленной стрельбе и гудению за облаками, молчаливо стояли очереди. У деревянных домов подростки наливали водой бочки, волочили по улице мешки с песком: девушки торопливо бежали с лопатами, на ходу завтракая только что полученным хлебом; по мостовой громыхали машины, шли красноармейцы; из депо слышались паровозные гудки. Воющий звук сирены разгонял народ. У ворот появлялись дежурные с противогазами, подростки хватали рукавицами и тряпками зажигательные бомбы, засыпали их песком, лезли на крыши и, задрав кверху головы, возбужденно следили за воздушным боем.

Иногда вечером на затемненный город враги сбрасывали ракету. В ее мертвенно-беловатом свете ярче выделялись дома и палисадники...

Военная обстановка постепенно втягивала и тетю Дуню. Наравне со всеми женщинами она дежурила во дворе, деловито распоряжалась подростками, загоняла в бомбоубежище зазевавшихся граждан... Мирный порядок ее жизни нарушился.

Стоя на дежурстве, тетя Дуня глядела на непрерывнодвигающиеся белые столбики прожекторов и думала о родном любимом Паше и о Ваське... От гудения «юнкерсов» и «мессершмиттов» сердце у нее начинало сильно биться, к горлу подступала тошнота. И когда, настигая врага, появлялся быстрый «ястребок», она дрожащей рукой крестила его.

— Господи, помоги ему! Господи, не допусти погибнуть!

Побывав один раз в госпитале у Тани, она пришла домой тихая, собрала в пакет сберегаемые для Васька конфеты и отнесла их раненым.

— Возьми... возьми... Там разделите меж собой... Чайку попьете... — совала она в руки бойца пакетик.

— Ну что ж, спасибо, мамаша... Без конфет обойтись можно — внимание дорого, — принимая подарок, говорил раненый.

— Одинокая я... — плакала тетя Дуня. — Племянник у меня был, брат...

— Мы все чьи-нибудь племянники, да братья, да сыновья, а Родина у всех одна, всех под

своим крылом держит! — вздыхал раненый.

— Видать, все в войну породнимся, — улыбалась сквозь слезы тетя Дуня.

И часто говорила Тане:

«Может, помочь в чем надо, так ты скажи, прибеги».

* * *

В этот день тетя Дуня не топила печь. Она сидела одна в пустой, холодной комнате, уронив на колени руки. На столе стоял недоеденный вчерашний суп. С угольника смотрели на тетю Дуню знакомые, дорогие лица Трубачевых. Павел Васильевич с ласковой укоризной улыбался сестре, словно выговаривая ей за беспокойство о нем. Мать Васька глядела из рамки глубокими ясными глазами; эти глаза как будто искали кого-то в комнате и, не находя тех, кого искали, останавливались на тете Дуне. Цветная фотография Васька заслоняла портреты его родителей. Синие глаза мальчика смеялись, золотой чуб торчал вверх, на рукаве матросской курточки блестел якорь.

Тетя Дуня медленно отводила взгляд, и по лицу ее текли слезы.

На дворе уже стояла глухая осень, в окна царапались голые ветки деревьев. Было сиротливо и неудобно и на дворе и в комнате.

Тетя Дуня встала, накинула шаль.

«Пойти в домоуправление узнать — может, что нужно помочь».

Внизу хлопнула дверь, по лестнице кто-то быстро поднимался, словно две пары ног перегоняли друг дружку.

— Евдокия Васильевна! Евдокия Васильевна!

Тетя Дуня, уронив шаль, бросилась в кухню, бессильно опустилась на табуретку.

Девочки говорили быстро, перебивая друг друга:

— ...Васек уже едет! Они все вместе — Одинцов, Мазин, Саша Булгаков, Русаков! Нас отправили на самолете, но мы целых три дня жили в Москве. Они скоро, скоро будут дома! Они уже, наверно, перешли через фронт и сели на поезд...

Тетя Дуня очнулась, подняла побелевшее лицо, тихо пошевелила сухими губами:

— Васек... через фронт?...

— Ну да... Вы не бойтесь! С ними Митя и дядя Яков. Дядя Яков знает все тропинки. Они уже, наверно, перешли. Не бойтесь за них! — успокаивали девочки.

Тетя Дуня вдруг улыбнулась, крепко обняла обеих и сдержанно сказала:

— Что ж, буду ждать. Спасибо вам, девочки...

Когда Лида и Нюра ушли, она вспомнила, что надо было хорошенько расспросить их, узнать, где остался Васек, через какой фронт он будет переходить.

Мысли тети Дуни мешались. Представление о фронте складывалось из чьих-то рассказов, обрывков прочитанных книг и, главное, из военных картин в кино.

Перед глазами встали тяжелые танки, ползущие по взрытой земле, черные столбы дыма, изломанная колючая проволока, падающие люди... и среди них маленькая фигурка Васька...

Тетя Дуня схватилась за голову, застонала...

Ночью ей снились страшные сны. Тяжело переваливаясь с боку на бок, на Васька двигался фашистский танк. Тетя Дуня металась на кровати:

«Посторонись, Васек, голубчик! Задавит!...»

А откуда-то с плаката спрыгивали длинноногие чудовища в железных касках и направляли на Васька пулеметы. Потом скручивали ему назад руки... Тетя Дуня строго глядела в синие бесстрашные глаза племянника:

«Помни, Васек: мы Трубачевы. Умирать один раз!»

Рассвет поднял тетю Дуню на ноги, рассеял мучительные кошмары. Сердце ее вдруг обожгла горячая радость, что Васек жив, что, может быть, он уже близко...

Вечером в городе завывала сирена. Тетя Дуня спокойно вышла на дежурство и, шагая по двору с противогоазом, громко командовала:

— Граждане! Спускайтесь в бомбоубежище! Спокойно, дорогие, спокойно!... — Но душа у нее самой была неспокойна.

Глава 3

ФРОНТОВЫЕ ТОВАРИЩИ

Васек Трубачев, Саша Булгаков, Коля Одинцов, Мазин и Русаков приехали поздно вечером. Родной город встретил их грозным, предостерегающим воем сирены. Перебегая от дома к дому, под грохот орудийной пальбы товарищи пробирались по улицам. На вокзале Саша встретил соседского паренька, который рассказал, что семья Саши Булгакова уехала вместе с заводом на Урал. Сначала Саша растерялся от этого известия, но, когда над городом проплыли немецкие «мессершмитты» и от орудийной пальбы задрожала земля, он крикнул на бегу Трубачеву, закрывая обеими руками уши:

— Мал мала далеко! Там спокойно! Молодцы они, что уехали!

— Ко мне бежим — я всех ближе! — не слыша его, отвечал Васек.

У двора Трубачевых стояла тетя Дуня в кожаной куртке, с противогазом на боку. Васек и его товарищи чуть не сбили ее с ног и, узнав, остановились как вкопанные.

— Тетя Дуня! — Васек повис на ее шее. — Тетечка, здравствуйте!

Тетя Дуня ахнула, обхватила его за плечи, потащила в дом.

Товарищи, смущенно улыбаясь, двинулись за ними.

В маленькой кухоньке тускло горела лампа. Ребята сбросили у порога вещевые мешки.

— Батюшки, живой пришел!... Паша-то, Паша узнает!... — поворачивая во все стороны Васька и прижимая его к себе, бормотала тетка.

— Где папа? Тетечка, где папа? — вырываясь из ее рук, кричал Васек. — Где он?

— Пишет, пишет нам отец. Вчера письмо прислал — раненых возит... Сейчас сменюсь с дежурства, найду письмо-то... Вот, ешь пока... да гостей угощай своих! — торопливо говорила тетя Дуня.

— Это не гости — это мои фронтовые товарищи! — горячо сказал Васек. — Ты ничего не жалеешь им, тетечка. Мы последний кусок вместе делили.

— Да разве мне чего жалко? Что ты! Что ты, господь с тобой!... Ешьте, пейте, были бы живы... — суетилась тетя Дуня, вытаскивая на стол всякие кулечки, баночки. — Ешьте, ешьте, а я побегу...

* * *

«Батюшки, Васек у меня дома! В бомбоубежище, что ли, их свести? Не случилось бы чего!» — с волнением думала она про себя, громко убеждая граждан не беспокоиться.

А в это время усталые и голодные ребята, наскоро уничтожив все запасы тети Дуни, стояли у занавешенного окна, прислушиваясь к тяжелым ударам зениток и гудению самолетов.

— Пойдем! — нетерпеливо дергал Мазина Петя Русаков. — Меня мать ждет.

— Нас тоже ждут... Мы пойдем, Трубачев! — торопились Мазин и Одинцов.

— Не надо, подождите! — удерживал их Саша. — Вдруг убьют? На самом пороге, подумайте только! У самого дома!

Васек колебался. Он понимал нетерпение товарищей. Но на улице была уже ночь, и от гула орудий по спине пробегал неприятный озноб. Ну что, если осколок или воздушная волна!...

— Не уходите, ребята! Только до утра останьтесь. А то мы с Сашкой не будем даже и знать, добежали вы или нет. Ну, хоть бомбежку переждите... Давайте заберемся на папкину кровать все вместе и переждем. Ладно? — просил Васек.

Ребята согласились.

Васек прыгнул на отцовскую постель, обеими руками обхватил подушку и, зарывшись в нее лицом, счастливо засмеялся.

— Все, все ползайте! Всем места хватит, — приглашал он товарищей, отодвигаясь к стене.

Широкая, уютная кровать Павла Васильевича приняла всех пятерых, и через полчаса ребята крепко спали, уткнувшись друг в друга.

Васек заснул последним. Мягкая подушка, словно теплая отцовская рука, лежала под его горячей щекой; перед сонными глазами тихо качались и кланялись знакомые с детства вещи: «Здравствуй, Васек, здравствуй, Рыжик...» Васек жмурился, как от солнца. Но сон его часто прерывался тяжелыми ударами зенитных орудий. Мальчик ближе придвигался к товарищам.

Мысли его убегали назад — к Мите. Он вспоминал тяжелый, мокрый лес, запутанные тропы, идущих впереди дядю Якова и Митю. Изредка они перебрасывались словами, о чем-то советовались. Несколько раз, поворачивая к ребятам строгое, серьезное лицо, Митя тихо командовал: «Ложись!» Они ложились и ползли, прижимаясь к мокрой земле.

Один раз, совсем близко от них, промчались на мотоциклах фашисты. Другой раз, под вечер, переходя вброд речку, они заметили немецкого солдата, стиравшего белье... В минуту опасности Митя быстро взглядывал на ребят; лицо у него становилось твердым, словно оно

было высечено из камня. Когда опасность оставалась позади, Митя улыбался им, кивал головой, а Яков Пряник тихонько подшучивал, одобряя веселой прибауткой. Так они шли день и ночь, и еще день и еще ночь и только к рассвету третьего дня перешли фронт. Васек понял это в тот момент, когда из чаши леса вышли с винтовками три красноармейца...

Васек вспомнил, как, прощаясь, Митя обнимал его и всех ребят по очереди, долго глядел в лицо каждому, торопливо повторяя:

«Ну, все... Езжайте домой... Поклонитесь школе от меня, ребята...»

А дядя Яков, подняв вверх густые выцветшие брови, задумчиво сказал на прощанье:

«Главное в человеке — честность. От нее все качества».

Хорошие слова у Якова Пряника! О них надо еще подумать, но сейчас думать не хочется. Васек мысленно еще раз обнимает Якова Пряника, Митю, передает привет Генке.

Он вспоминает, как, уходя, Митя несколько раз оглядывался и кивал головой.

Воспоминания Васька путаются, крепкий сон укладывает его голову на отцовскую подушку...

Прибежав с дежурства, тетя Дуня долго смотрела на смешные, сонные лица, оттопыренные по-детски губы, вихрастые головы. Осторожно поправила неловко согнутую ногу Мазина, положила на подушку голову Пети, покрыла всех пятерых одеялом и с уважением сказала:

— Ишь ты. фронтовые товарищи...

Глава 4

В ОПУСТЕВШЕЙ ШКОЛЕ

Школьный сторож Иван Васильевич сидит в своей каморке под лестницей. Целая пачка писем лежит перед ним на столе. Надев на нос очки, он медленно разворачивает написанные разными почерками листки, внимательно перечитывает их, сортирует, потом достает из ящика ученическую тетрадь в две линейки и, вздыхая, пишет ответ. Ручка вертится в его неумелых пальцах, большие, жирные кляксы расползаются по бумаге.

— Эхе-хе... — кряхтит школьный сторож. — Не просто и отвечать на письма...

Вот письмо из Магнитогорска от матери Саши Булгакова на имя директора школы:

«...изболелась душа за нашего мальчика. Если есть какие вести, сообщите, дорогой Леонид Тимофеевич! Измучились мы, места себе не находим...»

Иван Васильевич откидывается на спинку стула и, глядя на эти строчки, качает головой:

— Что ж сообщать?...

Не только семья Саши Булгакова не находила себе места.

Прибегали с работы мать Лиды Зориной и мачеха Пети Русакова. Долго медлили, прежде чем постучать в дверь. Тащилась через весь город бабушка Коли Одинцова. Плакала, сидя на крыльце. Перед отъездом на Урал приходили Митины старики и, молча посидев, ушли. Мать Коли Мазина лежала в больнице — она ни о чем не спрашивала.

Иван Васильевич отложил письмо Сашиной матери и взял другой конверт. Из конверта выпал еще конверт с марками и обратным адресом: «г. Уфа, детский дом». Писала воспитательница Вали Степановой:

«Простите, что часто беспокою вас, дорогой Иван Васильевич. Нет ли вестей о наших детях? Я писала в Свердловск Леониду Тимофеевичу, но он сам ждет вестей от вас, так как письма приходят на школу. Мне очень тяжело. Валя пришла в детский дом совсем ребенком и выросла на моих руках...»

Иван Васильевич устало трет лоб. Под глазами у него набухли мешки, лицо осунулось, глаза потускнели; по ночам стала болеть спина.

«Измучились мы с вами, Иван Васильевич, нет сердцу покоя», — не раз говорила тетка Трубачева, навещающая старика.

Грозный вынимает из пачки еще одно письмо — пишут родители Нюры Синицыной:

«...Примите срочные меры к розыску нашей дочери...»

— Эх, дети, дети! — вздыхает Иван Васильевич. — Много слез из-за вас пролито...

Когда Сергей Николаевич привез первую партию ребят, родители оставшихся встревожились, прибежали в школу, но, узнав, что со дня на день можно ждать Митю, разошлись по домам, обнадеженные. Прошло томительных три дня. Ни Мити, ни детей не было. Школа делала все возможное, чтобы разыскать их: в Жуковку летели телеграммы, по пути следования поезда запрашивались самые крупные станции, Сергей Николаевич несколько раз звонил в Киев. Ответы получались неутешительные: Жуковка была разбита, враги бомбили шоссе, повсюду шла эвакуация детей. Маленькая кучка ребят со своим вожатым затерялась в гуще событий. Родители собирались в школе, забрасывали

учителя вопросами, но Сергей Николаевич и сам не мог понять, почему Мити с ребятами до сих пор не было. Ведь легковая машина должна была в тот же вечер доставить их на станцию, и следующий поезд отходил на Киев в ту же ночь... Учитель в мельчайших подробностях рассказывал все как было. Бледный, измученный тревогой за ребят, Сергей Николаевич стал похож на человека, перенесшего тяжелую болезнь. Под глазами его легли черные тени, лицо осунулось. Леонид Тимофеевич не терял надежды и как мог успокаивал родителей.

А над городом уже появлялись вражеские бомбардировщики... Каждая семья провожала на фронт своих близких. Сергей Николаевич явился в военкомат, получил направление в часть и должен был спешно выехать.

Учитель покидал город с тяжелым беспокойством в душе. Серый от бессонных ночей, он шагал среди своих новых фронтовых товарищей, суровый и беспощадный к врагу.

Дорожная пыль клубилась под его ногами, и в глазах неотступно стояли лица ребят.

Вскоре после ухода Сергея Николаевича на фронт в городке началась эвакуация. Выезжали детские дома, школы, заводы, фабрики. Ушел на фронт отец Пети Русакова, уехал с ополченцами отец Лиды Зориной, эвакуировалась вместе с заводом семья Саши Булгакова, Синицыны, не дождавшись дочери, перебрались в Уфу. Туда же был вывезен детский дом Вали Степановой. Из роно Леониду Тимофеевичу пришло распоряжение вывезти ребят в Свердловск.

На вокзале толпились отъезжающие школьники. Их сопровождали вожатые и учителя. Многие учителя уходили ополченцами на фронт.

Грозный остался один в опустевшей школе. Каждое утро, потряхивая связкой ключей, он шел по коридору, открывал классы, стирал пыль со столов и парт. Потом присаживался на ступеньку маленькой школьной сцены и, подняв вверх голову, слушал, как гудят под потолком осенние мухи.

Под вечер он разбирал пачки писем, полученных на адрес школы. Вытирая со лба обильный пот, старик часами просиживал за своим столом. Иногда, опершись головой на руку, он незаметно для себя задремывал. Во сне слышался ему залихватый школьный звонок, задорные голоса школьников, дружный топот по коридору...

«Во двор, во двор пожалуйста! Вам где приказано гулять? Ишь вы!» — кричал Грозный и, просыпаясь от собственного голоса, с испугом оглядывал пустую каморку.

* * *

Сейчас Грозный не спит, и не во сне, а наяву он слышит топот ног на крыльце, слышит знакомые детские голоса. Он медленно выпрямляется, протягивает руку к своей мохнатой шапке.

На крыльце хлопает дверь, осторожно стучат по коридору чьи-то каблучки, со скрипом отворяются двери.

— Эй, кто там? — кричит школьный сторож. Глаза у него блестят, в голосе появляются знакомые грозные нотки. — Кто там ходит?

Шум мгновенно стихает. Осторожно открывается дверь, в нее просовываются головы девочек, за ними выглядывает еще несколько голов.

— Это мы...

Грозный делает два шага вперед и останавливается.

— Иван Васильевич, миленький! Не узнали нас? Это мы, четвертый «Б»... то есть пятый «Б»...

— Иван Васильевич, здравствуйте!

Лида и Нюра тормозят старика:

— Не узнали нас? Не узнали нас?

Мальчики со всех сторон обступают школьного сторожа:

— Здравствуйте, Иван Васильевич! Здравствуйте!...

Ключи со звоном падают из рук старика.

* * *

В каморку школьного сторожа заглядывает тусклое осеннее солнце. Ребята сидят на сундуке, на кровати, на табуретках, придвинутых к столу. Грозный не спеша надевает очки, осторожно вынимает из конверта листок почтовой бумаги, исписанный крупным почерком учителя.

— Не мне это письмо писано, да вот взял на душу грех — распечатал, — говорит Иван Васильевич.

— Читайте! Читайте! — нетерпеливо шепчут ребята.

— «Здравствуйте, дорогой Леонид Тимофеевич! Еще так недавно расстались мы с вами, а кажется — прошли годы...»

Ребята слушают затаив дыхание, боясь пропустить хоть одно слово. Грозный медленно переворачивает страницу:

— «...Среди эвакуированных, попадавшихся нам по пути, я видел много ребят. Все они казались мне похожими на наших. На привале товарищи вспоминали свои семьи. Я слушал их тихие, душевные разговоры и думал о кучке ребят, затерявшихся где-то на украинских дорогах: думал о Мите, мысленно представлял себе Трубачева, Севу Малютина, девочек, Мазина и Русакова, Колю Одинцова... Наутро мы шли в бой. Каждому из нас было что защищать. Я просто не узнавал вчерашних мирных людей, вспоминавших на привале своих детей и жен, — они дрались бешено и упорно, отстаивая каждую пядь своей земли...»

Грозный останавливается и поверх очков смотрит на ребят.

— Читайте! — шепчут за его плечом взволнованные голоса.

Грозный читает. В каморку медленно заползают сумерки, серые осенние тучи совсем закрывают слабый, желтеющий свет солнца. Старик придвигается ближе к окну:

— «...Прощайте пока, дорогой Леонид Тимофеевич! Обнимите нашего доброго Ивана Васильевича и, если вернутся мои ребята, передайте им, что наступит счастливый день победы и мы снова будем вместе».

Грозный складывает письмо.

— Подождите, Иван Васильевич! Дайте, дайте подпись посмотреть!

Ребята вскакивают и, наклоняясь над письмом, жадно вглядываются в подпись: «Сергей Николаевич».

Глава 5

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Серая, глухая, безрадостная осень окутала маленький городок. Как будто никогда не было яркого солнца, зеленых деревьев, свежей травы в палисадниках. По черным стволам бегут дождевые капли, прибилась к мокрой земле увядшая трава... Нет солнца! Но никто не вспоминает о солнце, о зеленых деревьях, о свежей траве. Люди не обращают внимания на дожди, на ветры, на грязь и слякоть.

Тревожно в городе, тревожно вокруг города, хмуро шагают по улицам граждане, не слышно громких голосов. Все знают — полчища врагов стягиваются к Москве. Люди лихорадочно и упорно работают на оборону. Редкий человек ночует дома — большую часть времени каждый проводит там, где он нужен в данный момент.

Дружной семьей сплотился советский народ. Каждый чувствовал себя частью той великой преграды, о которую должен был сокрушиться враг. Люди трудились не покладая рук.

Севина мама работала на заводе. Мачеха Пети Русакова, Екатерина Алексеевна, ночи напролет просиживала в редакции районной газеты, чтобы город мог рано утром получить свежие новости. Многие женщины шили и вязали теплые вещи для бойцов.

Выйдя из больницы, мать Коли Мазина тоже стала вязать носки и варежки для армии. Коля, скучая, смотрел, как быстро двигаются спицы в худых пальцах матери. Он томился без дела. При объявлении воздушной тревоги первый выскакивал на улицу и, охотясь за зажигательными бомбами, приводил всех в изумление своей ловкостью.

Дружба Коли с Петей Русаковым иногда нарушалась ссорами. Петя во всем старался помочь матери и много времени проводил дома. Мазин скучал без товарища. Однажды, когда Петя появился на пороге его дома, он отвернулся и грубо крикнул:

— Киш! Иди отсюда, сыночек!

Петя, вспыхнув, подскочил к товарищу:

— Ты что, драки хочешь?

Мазин удивился, засучил рукава, но потом раздумал и, скучно улыбаясь, сказал:

— Мне дело нужно, а не драка!

Не один Мазин тосковал о настоящем деле — отсутствие этого дела мучило и его товарищей. Ребята не находили себе места оттого, что они стали вдруг бесполезными в такое время, когда все люди кругом без устали работают. Еще так недавно на Украине они как могли помогали взрослым. Им хотелось бы и сейчас вместе со всеми людьми что-то делать для общей пользы. А день шел за днем, и непривычное безделье становилось все тяжелее.

Саша Булгаков жил у Васька. Оба они часто бывали у Севы. Туда же приходили девочки, Коля Одинцов, Мазин и Русаков. Собравшись все вместе, хмуро глядели друг на друга.

— Зачем мы приехали? — с укором спрашивал Мазин. — Какая от нас польза здесь?

— Я говорил вам: останемся, а вы все Трубачева слушались. вот и сидите теперь! — поддерживал его Петя Русаков.

Васек вспыхивал гневом:

— Я не распоряжался! Там старшие были!

— При чем тут Васек? Нам сказано было уезжать — и все. Как это мы могли остаться? — удивлялся Сева.

— Неблагодарные! Вот уж неблагодарные! — возмущенно кричала Лида.

— «Неблагодарная! — примолвил Дуб ей тут...» — пробовал шутить Петя.

Но Нюра Синицына резко обрывала его:

— Оставь!... Я удивляюсь вам, ребята! Скоро же вы все забыли! Да еще на Трубачева нападаете, а ему больше всех на Украине досталось. Думаете, легко ему было...

Ребята начинали смущенно оправдываться:

— Васек, ты не подумай чего-нибудь, это мы так!

— С горя! — усмехнулся Мазин и, подойдя к Трубачеву, ласково заглядывал ему в глаза.
— Ты не сердись. Нам дело нужно... понимаешь, дело!

Васек не сердился. Он чувствовал себя плохим командиром, распустившим свой отряд. Он сам обвинял себя в том, что его отряд бездействует.

— Остаться мы не могли, понятно? И об этом разговор надо кончить. И о геройстве мечтать нам нечего, а то пока мы думаем да раздумываем, все люди работают, а мы без дела шатаемся. И не учимся даже! — хмуро говорил он товарищам.

— Конечно! Лишний разговор это, ребята, — поддерживал его Коля Одинцов. — И вообще... нехорошо как-то получается... Люди везде работают, никакой работой не гнушаются, лишь бы па пользу. Ремесленники дороги чинят, дома ремонтируют, ребята по дворам бутылки собирают, а мы все ищем чего-то особенного.

— Давайте пока хоть бутылки или железный лом собирать, — это все нужно для фронта. Давайте, правда, ребята? — предложил Саша.

Ребята согласились, но неожиданно для них нашлось другое дело.

Глава 6

ГОСПИТАЛЬ

Моросит мелкий, осенним дождик. У ворот школы останавливается грузовик, доверху наполненный железными койками. Двое рабочих торопливо сбрасывают койки на землю, прыгают в кузов и отъезжают.

— Живо убирайте! Сейчас матрацы привезем! — кричат они двум девушкам-санитаркам, выбегающим со двора.

Койки, выкрашенные зеленой краской, штабелями лежат у забора.

— Сбросили у ворот и уехали! Хоть бы во двор внесли! — сердятся санитарки, хватаясь за липкие спинки кроватей.

С крыльца быстрыми шагами сходит Грозный, затягивая ремешком старое, порывшееся пальто. Опережая Грозного, прыгает со ступенек Васек Трубачев.

— Ребята, сюда! Койки привезли! Живо! — кричит он на бегу. — Коля! Саша!... Койки!...

Из глубины двора, где кучей свалены бревна, выбегают ребята. Около ворот закипает работа.

— Поднимай! Поднимай!

— Боком, боком поворачивай! За ножки придерживай!

— Куда нести?

— В зал?

— Иван Васильевич, в зале шестнадцать коек станет — мы высчитали!

— Ребята, по двое берись!... Куда тащите? — кричат санитарки.

Грозный, кряхтя, суетится вокруг коек, потом бежит к крыльцу.

— Ноги вытирайте! Весь коридор затопчете! Зачем половик положен? — ворчит он на санитарок.

— Ладно, дедушка! Сами затопчем — сами и вымоем. Не видишь — матрацы везут, а мы еще с койками возимся!

— Эх вы, санитары! У меня все ребята ноги вытирали, я их без этого ни одного в класс не пускал, — ворчит Грозный.

— Сашка, бегом, бегом!... Девочки, в зал идите! — командует Трубачев.

— Васек, матрацы везут!

Ребята тащат койки. Лила ч Нюра расставляют их в зале.

— Лида, здесь тумбочки нет. Возьми в классе, там лишняя. Ставь между кроватями!

Сева бежит с тряпкой, вытирает мокрые железные сетки.

У ворот буксует машина. На ней возвышается гора красных полосатых матрацев, покрытых сверху брезентом.

— Толку у вас нет! Куда в дождь матрацы везете? Где их сушить? — ругается Грозный.

— Приказано, отец... Бери, бери! Не ругайся зря! Спешка, ничего не поделаешь... А ну, а ну, ребята! На плечи кладите... Вот это молодцы!

Ребята, согнувшись под матрацами, один за другим бегут по двору. Сильные девушки-санитарки берут по два матраца и медленно шагают к крыльцу.

— Живо, красавицы! Гляди, дождь промочит! — подгоняют их рабочие.

Васек хлопает себя по лбу:

— Эх, не догадались сразу!... Сашка, за мной! Мазин!

Он бросается в раскрытый сарай, вместе с Сашей вытаскивает приготовленные для раненых носилки:

— Дядя, клади! Больше клади!

— Вот это голова! Вот это стахановец! — шумно одобряют рабочие. — Стой! Хватит с них — тяжело будет.

Санитарки тоже хватают носилки. Машина быстро пустеет и, пятясь задом, отъезжает от ворот.

В зале между койками ходит Грозный, ощупывает матрацы:

— Затопить надо... Беги, Малютин, за спичками — на столе у меня возьми, а я дров принесу.

Сева бежит за спичками. Иван Васильевич тащит дрова, гремит заслонками и, присаживаясь на корточки перед печкой, тихонько ворчит:

— Эх, на охоту ехать — собак кормить! Раньше бы затопить надо!

Лида подкладывает ему сухие щепки.

Васек Трубачев, Мазин, Саша и Одинцов в боевой готовности стоят у ворот.

— Везут! Везут! — громко кричат они, завидев на улице грузовую машину.

Машина подъезжает к воротам.

Ребята носят одеяла, подушки, сложенное столбиком белье. Во дворе появляется строгая высокая сестра в черном пальто, накинутом на халат. Она обходит классы, зал, на ходу бегло здоровается со школьным сторожем, спускается в раздевалку, делает замечания санитаркам.

— Это что ж за птица такая? — неодобрительно оглядывает ее Грозный.

— Это старшая сестра Нина Игнатьевна, — на ходу поясняет ему санитарка.

— Почему здесь ребята? Зачем они здесь? — доносится из коридора голос старшей сестры.

Ребята тихонько шмыгают на крыльцо.

— Пойдемте дрова колоть, — хмуро говорит товарищам Васек, — дров мало.

Старшая сестра смотрит в окно. По стеклу бьются мелкие капли дождя.

Около сарая возятся мальчишки. Одинцов и Саша пилят мокрое бревно, Васек колет дрова, Лида и Сева носят в сарай поленья, Нюра собирает щепки, Петя и Мазин тащат бревна.

— Это чьи ребята? — спрашивает Нина Игнатьевна.

— Это школьники, воспитанники этой школы, — вырастая за ее плечом, с достоинством говорит Грозный и, заложив руки назад, важно шествует в свою каморку.

Под вечер в теплой, уютной школе появляются первые раненые. Ребята со страхом и сочувствием смотрят, как из санитарной машины выносят на носилках закутанных в одеяла людей, видят на подушках изжелта-бледные лица, лихорадочно блестящие глаза, слышат стоны... Хромая и опираясь на санитарок, идут по двору молодые, безусые, и пожилые, бородатые, бойцы. Нина Игнатьевна стоит на крыльце, молоденькая сестричка осторожно ведет раненого красноармейца.

— Ничего, ничего, голубчик, сейчас мы вас уложим, перевязку сделаем, — мягко говорит старшая сестра.

Врачи в белых халатах, накинутых поверх военных гимнастеров, принимают раненых в бывшей учительской. Запах йода и еще каких-то лекарств распространяется по коридорам.

— Ребята, завтра чуть свет опять сюда. Работа найдется! — говорит товарищам Васек.

Время шло. Васек и его товарищи работали в госпитале. Старшая сестра уже не спрашивала, чьи это ребята: она знала их всех по именам и, смеясь, называла «скорой помощью».

— Сестричка, пошлите ребят, пускай газетку почитают, — просили раненые.

— Васек, отряди кого-нибудь в пятую палату письмо писать.

— Нюра, посиди около Петрова. Он очень по своей дочке тоскует, поговори с ним, — напоминала Нина Игнатьевна.

Вечерами ребята читали раненым книги из школьной библиотеки. Смешные фигурки в длинных белых халатах вызывали у красноармейцев добродушные улыбки.

— Сюда, сюда, профессор! Посерединке садись, чтобы никому не обидно было...

Ребята возвращались из госпиталя только поздно вечером.

Вместе с ними в госпитале работала и тетя Дуня. В раздевалке, оборудованной под кухню, на громадной плите сияли начищенные до блеска котлы. Ранним утром в котлах уже весело булькала вода, тетя Дуня сыпала в котлы крупу и, вооружившись длинной деревянной ложкой, помешивала кашу.

Санитарки, гремя подносами, уносили из кухни завтрак и в полдень прибегали за обедом. Тетя Дуня, в белом халате, раскрасневшаяся от горячей плиты, пробовала на вкус каждое кушанье и доверху наливала тарелки.

— Ты спроси, вкусно ли. Может, не нравится моя стряпня? — беспокоилась она.

Но «стряпня» нравилась. Нина Игнатьевна хвалила повариху, а раненые почтительно называли тетю Дуню «мамашей» и запросто обращались к ней с просьбой сделать хлебный квас или побаловать их солеными огурчиками. Тетя Дуня ставила квас, посылала судомойку в погреб за огурчиками и, натоптавшись за день, спешила домой, чтобы наутро снова стать у плиты.

* * *

Саша по-прежнему жил у Васька. Вечерами они забирались на широкую кровать Павла Васильевича, говорили о госпитале, о Сашиных родных, о Мите и обо всех, кто остался в партизанском лагере. Потом, уткнувшись в подушку, оба замолкали.

— Васек, о ком ты сейчас думаешь? — приподняв голову, спрашивал Саша.

— О папе, — шепотом отвечал Васек. — А ты?

— О маме.

— Спите, спите! — откликнулась из кухни тетя Дуня. — Завтра рано вставать! В котлах у меня вода не налита, дрова сырые... Ох ты, господи!

Но Ваську не спалось. Мысли его подолгу останавливались то на одном, то на другом близком человеке. Давно не было Тани...

Васек виделся с ней только один раз. Забежав на одну минутку, Таня крепко прижала к себе его голову, сбросила с ресниц быстрые слезинки, тихо шепнула на ухо:

— Золотой ты мой, сколько ж я поплакала из-за тебя!...

Васек начал рассказывать ей что-то, но она торопилась, не слушала:

— Потом, потом расскажешь! Некогда сейчас...

С тех пор она больше не появлялась.

— Тетя, а где наша Таня? — тоскливо спрашивал Васек. — Почему она не приходит?

— Мало ли дел-то у ней... Она ведь комсомолка. Может, послали куда, — отвечала тетя Дуня.

Глава 7

ПОДРУГИ

Быстро надвигаются сумерки. В комнате чуть белеет застланная белым одеялом кровать и смутно отсвечивает на стене зеркало.

Девочки зашторивают окна и зажигают свет. Лидина мама на работе, соседи — тоже. Квартира кажется пустой и тихой. Лида и Нюра сидят рядышком в большом папином кресле и перечитывают письмо тети Ани, воспитательницы детского дома, где жила Валя:

«...Спасибо вам, девочки, за хорошее письмо. Много в детском доме дорогих мне детей, но сколько бы ни было детей у матери, никогда один не заменит другого. Тяжело мне без Вали. Как только можно будет, поеду в Макаровку, посмотрю, где она жила, посижу на вашей полянке. Пишите мне чаще. Все, что вспомните о Вале... Говорила ли обо мне моя дорогая девочка, вспоминала ли свою тетю Аню?...»

— Говорила, всегда говорила... Помнишь, Нюра?

Перед девочками встает лесная поляна. Яркое солнце заливает широкий пенек. Золотыми тонкими ниточками разлетаются пушистые волосы Вали, на губах ее светлая улыбка.

«...Тетя Аня всегда знала, что кому хочется. И как это она всегда знала?» — удивленно сказала тогда Валя.

Воспоминания обрываются слезами.

Лида крепко обнимает за шею Нюру.

— Валя не хотела бы, чтобы мы столько плакали, — говорит она, сморкаясь в мокрый платок.

— Я никогда не забываю се, что бы ни делала, что бы ни говорила... — тихо отвечает Нюра.

Лида достает конверт и бумагу. Девочки пишут письмо в детский дом:

«Мы все плачем, тетя Анечка. Нам так тяжело. И вы нам как родная, потому что вы тоже любили Валью. Вы были для нее самой дорогой, она всегда вспоминала вас».

Лида задумывается.

— Почему мальчики никогда не напишут тете Ане? Они как будто совсем забыли Валью, — грустно говорит она. — Я даже обижаюсь на них за это.

— Мальчики — совсем другие люди, — мягко оправдывает товарищей Нюра. — Они хорошие, только скрытные. При них если вспомнишь что-нибудь и заплачешь, то сразу они надуются и замолчат, а нам поговорить хочется. Вот и тетю Ульяну они редко вспоминают, и Марусю, и Павлика. А ведь мы у них жили, как в своей семье. Тетя Ульяна была смелая и добрая, жалела нас. Маруся тоже как родная. А без Павлика как скучно! Помнишь, в лесу мы его закутали в одеяло и все по очереди на руки брали, чтобы он спал?... Ну, да что вспоминать! Пиши, Лида!

Девочки снова принимают за письмо:

«Милая тетя Анечка, мы так хорошо жили раньше, а война все у нас отняла. А нашу Валью... Мы так мечтали вместе о школе...»

Быстрая слезинка сбегает по Лидиной щеке и капает на листок. Лида поспешно стирает

кончиком платка мокрое пятнышко.

— Не пиши тут, а то чернила расплзутся, — серьезно предупреждает ее Нюра. — И вообще не надо больше про Валю. Давай про других детей что-нибудь напишем.

Девочки долго сидят над письмом.

— Нехорошо все-таки, что мальчики ей ни разу не написали. Все у них какие-то другие дела находятся... — говорит Лида. — Как ты думаешь, плачут они, когда вспоминают все, что было на Украине?

— Плачут, наверно, только так, чтобы никто не видел, — вздыхает Нюра. — Они ведь тоже всех любили, только они мужчины...

— Да, мужчины! — живо подхватывает Лида. — А помнишь, как они пришли на поляну в первый раз к нам? Черные, худые... И такие испуганные стояли, даже ничего не говорили сначала. Как маленькие... Мне их потом так жалко стало!

Нюра обхватила руками коленки и грустно задумалась. Потом лицо ее посветлело.

— А помнишь, как мы прощались с тетей Ульяной? И с Павликом? Павлик меня за шею так крепко-крепко обнял — испугался, что мы уходим... — Голос у Нюры задрожал.

— А Маруся не плакала, — вспомнила Лида. — Она крепкая... Она только сказала: «Побьем Гитлера — назад приходите, будем одной семьей жить».

— Вот если б кто-нибудь подарки наши им передал!

Нюра вытащила из-под кровати заветный ящичек. Там были сложены все сокровища девочек, приготовленные для посылки в Макаровку: теплая шапка с ушами и блестящий новенький паровозик для Павлика; лента и общая тетрадь для Маруси; леденцы и книжки с картинками для других ребят; теплый платок Лидиной мамы для Мирониhi. В ящичке было еще много места.

— Вот мне твоя мама разные тряпочки дала — может, носовых платочков Павлику нашить? Только ведь он их потеряет. Прямо не знаю, что с ним делать, такой рассеянный мальчик! — озабоченно сказала Нюра.

— Надо ему сумочку сшить через плечо. Вот из этого! — Лида вытащила из кучи тряпок кусок зеленого сукна.

Девочки разворошили по всей кровати разноцветные тряпочки.

— Это можно Марусе на воротничок, а это — Фене... Смотри, хорошо?

Примеряли, советовались, решали.

— Все пригодится. У них там сейчас ничего нет. Помнишь, как мы Павлику тюбетейку шили?...

Снова начались воспоминания.

Глава 8

ДОРОГИЕ ВЕСТИ

Саша получил письмо от матери. Когда из конверта выпала карточка и Саша увидел свою мать с Витюшкой на руках и всех своих мал мала меньше, слезы градом брызнули из его глаз.

Ребята испугались:

— Что там, Саша? Что случилось?

— Ничего... ничего не случилось... Вот они... все тут... с мамой... — всхлипывал Саша и, стесняясь своих слез, оправдывался: — Вы не думайте, что я кислый какой-нибудь или шляпа... я просто от радости...

— Ну что ты, Саша! Мы не думаем, мы знаем. — заверили его товарищи. — Это ведь твои родные.

— Ясно. Плачь себе сколько хочешь, кто тебе мешает, — добродушно разрешил Мазин и тут же, взглянув на карточку, серьезно добавил: — Я бы сам заплакал, если б у меня их столько было.

Сашина мама писала, что они надеются скоро вернуться домой, благодарила тетю Дуню и Васька за гостеприимство, оказанное ее сыну.

Тетя Дуня была тронута и велела Саше написать родителям, что она его за чужого не считает и во всем ставит наравне с Васьком.

Карточка переходила из рук в руки, товарищи подробно разбирали, кто на кого похож, какого характера и как трудно их воспитывать.

— А что трудного? Девчонок всегда уговорить можно, а мальчишкам и шлепка иногда надо дать!

— Я буду, буду!... Только не больно, а так себе, — радостно соглашался Саша.

После письма матери Булгакова на школу со случайной оказией пришло письмо от Мити. Ребята разволновались, по очереди держали его в руках, вглядываясь в Митин почерк, и глубоко вздыхали.

— Подумать только, откуда это письмо! Из самого лагеря, из лесу! Мне кажется, оно даже пахнет хвоей! — прикладывая письмо к щеке, сказала Лида.

— Не хвоей, а самым обыкновенным порохом, — потянув носом, заявил Мазин.

— Конечно! Вот так Митя сидел, а так на столе винтовка лежала. А может, и порох... Очень даже просто! — подхватил Петя.

— Замолчите вы! Давайте скорей читать... — торопил Васек. — Одинцов, читай!

Письмо читали в госпитальном сарае, примостившись на бревнах.

«Здравствуйте, дорогие мои ребята! — писал Митя. — Часто хочется мне поговорить с вами, пишу длинные письма, долго ношу их в кармане, жду случайной okazji, чтобы отправить. Что поделаешь, письмо не птица. По сегодня уж случай верный. письмо это вы получите. Так и вижу ваши вихрастые головы, склоненные над моими листочками... В горле першит даже... Иногда так потянет к родному огоньку, домой... Стыдно мне, взрослому дяденьке, а скажу вам по секрету, что многое дал бы я, чтобы хоть на одну минуточку забежать в свой домишко к матери. Небось морщинок-то новых сколько у нее прибавилось из-за меня! Ну ладно! Передайте ей — шибко бью я фашистов.

Недавно посланы мы были в село Макаровку с заданием. Кой-кого из своих нужно было выручить. Вот идем. Ночь, тишина... Под ногами скользкая земля. Дорогу плохо знаем. Я

один раз только с Яковом за вами приходил, и то тоже ночью. Ну, как-никак, задание выполнили, выручили товарищей, только «втихую» не удалось — пришлось в ход гранаты пустить. Одним словом, потревожили логово, поднялся шум. Уходить надо... А куда? Вышли за село, сбежали в овраг — вдруг смотрю: за дубами что-то светлеет в темноте. Огляделся — а это под березкой большой букет белых бессмертников лежит. Сразу узнал место — Валина полянка. Лес рядом — значит, дорога найдена. И на душе, ребята, так стало светло, словно еще разок довелось мне встретиться с вашей подружкой.

Ну, обо мне довольно, хочется поговорить о вас. Учитесь ли вы, помогаете ли взрослым? Генка учится. Он не хочет пропустить год. И теперь, когда выдается свободный вечерок, сидит в землянке за книгой и, стиснув зубы, старательно выписывает слова под диктовку тети Оксаны или занимается с Коноплянко.

Вам тоже надо обязательно учиться. Если в этом году в школе нет занятий, беритесь за книги сами. Разбалтывается человек без учебы, трудно будет потом себя в руки взять. Конечно, сейчас в тылу жизнь тоже тяжелая... Как вы живете, я плохо представляю, а учеба — это ваше главное дело. Учеба и труд. Плечи у вас крепкие, головы умные, совесть пионерская. Нельзя сам сидеть сложа руки. Вы не обижайтесь — я в вас, как в самом себе, уверен. На всякий случай пишу.

А вот если вам нужна помощь взрослых, ступайте в райком комсомола, посоветуйтесь. Помните всегда, что комсомольцы — ваши старшие братья, с ними нужно говорить попросту и с полной откровенностью. Не теряйте времени. Деритесь, ребята, за учебу, не бойтесь никакого труда, чтобы в это тяжелое время не было на вашей совести ни единого пятнышка.

Ну, а теперь давайте мне свои загорелые лапы. Когда-то еще доведется послать весточку! Обнимемся на всякий случай!

Ваш Митя».

Одинцов достал платок и громко высморкался.

— Все, — тихо сказал он, опуская на колени письмо.

— Митя пишет, что он плохо знает сейчас нашу жизнь, а совсем наоборот, — неясно сказала Лида.

Нюра, отойдя в сторонку с письмом, тихо перечитывала какие-то строчки. Васек о чем-то думал, хмуря лоб и покусывая большой палец.

— Генка в партизанской землянке за книгой сидит, а мы что? — неожиданно громко сказал Одинцов.

— А мы работаем... — неуверенно ответил Петя.

— «Работаем»! Можно и учиться и работать! — буркнул Мазин, искоса взглянув на Ваську. — Разболтаемся без учебы, тогда кто виноват будет?

— Надо вообще подумать. У нас год пропадает... Все ребята, которые уехали, учатся, а мы что же, второгодниками будем? — с грустью спросил Сева.

Ребята вскочили:

— Еще чего не хватало!

Васек быстро поднял голову:

— Второгодниками? Ни за что! Надо сейчас же браться за учебу!

— Чудак! В нашем городке всего-то две школы — наша да начальная. И вообще школы закрыты. Многие учителя в ополчение ушли, а другие с ребятами на Урал уехали. Когда еще школа откроется! — сказала Нюра.

Васек вскочил на бревно:

— Сами будем заниматься! Любыми способами! Говорите прямо, кто как решил, чтобы

потом не отступать. Будем драться за учебу или останемся на второй год?

— Будем драться!

— Ну, смотрите! Чтобы потом не говорили... Мы еще не знаем, что в пятом классе проходят, может, очень трудно будет. Тогда, чур, не жаловаться!... Одинцов, ты как?

— Я второгодником не буду!

— Ладно. Нюра Синицына?

— Я не буду! — испуганно замотала головой Нюра.

— Что не будешь?

— Второгодницей не буду!

— Хорошо. Петя Русаков, Саша, Малютин, Лида?

— Мы второгодниками не будем!

— Мазин?

— Я из кожи вылезу, а перейду в шестой класс!

— Мазин без кожи влезет в шестой класс! — хмыкнул Петя.

Но Васек сердито блеснул на него глазами:

— Значит, решили?

— Решили!

— Как на фронте: драться до победы, — улыбнулся Коля Одинцов. — Только с чего начнем?

— Пойдемте сейчас в райком комсомола, — расхрабрился Васек.

— Куда, куда?... Ты с ума сошел! У них там своего дела много! Да зачем мы пойдем?

— Как — зачем? Посоветоваться!

— Подожди! Нельзя так, сразу — надо сговориться, — забеспокоился Одинцов.

— Конечно, куда это мы так с бухты-барахты?

— Какие еще бухты-барахты? Нам учиться нужно!

— Мало ли что нам нужно! Сейчас война, все заняты, а мы придем как дурачки: здравствуйте, открывайте для нас школу! — Петя скорчил гримасу.

Товарищи засмеялись. Васек махнул рукой:

— У нас всегда так: ни одно дело решить нельзя — вечно какие-то дурацкие шутки начинаются...

— Да ведь ты сам засмеялся! — напали на него ребята.

— А я что, не такой же человек?

Ребята снова рассмеялись.

— Нет, правда, идемте лучше по домам и все обдумаем, а то мы сейчас такие расстроенные, — примирительно сказал Петя, с трудом сдерживая смех.

— Верно, пойдемте.

Ребята вышли из ворот госпиталя. На улице снова перечитали письмо Мити.

Подходя к дому, Васек остановил товарищей и серьезно сказал:

— Я сегодня подумаю, где и как нам учиться, а вы не разбалтывайтесь больше. Хватит!

Вечером он долго ходил по комнате. Что делать, с кем занижаться? Улегшись в постель, достал из-под подушки заветные письма отца. Павел Васильевич уже знал, что его Рыжик нашелся. Письма были полны радостных надежд на будущее.

«...Когда мы победим. Рыжик, счастливей нас никого на свете не будет. Вот только учебу, сынок, не забывай...»

На другой день Васек собрал ребят:

— Вот что: попросим Екатерину Алексеевну с нами заниматься. Утром будем учиться, после обеда работать в госпитале, а вечером делать уроки.

— А кому же собирать лом и бутылки? — усмехнулся Мазин.

Ребята задумались.

— Вот сразу сколько дела набралось! Даже времени на все не хватает, — с удовольствием сказал Одинцов. — А мы не знали, за что браться!

* * *

Заниматься с ребятами Екатерина Алексеевна согласилась охотно, но, узнав, что они хотят пройти всю программу за пятый класс, решительно запротестовала:

— Что вы, ребята! Ведь в пятом классе много предметов. Не стоит и браться за такое трудное дело. Давайте лучше повторим пройденное, попишем диктанты, изложения, порешаем задачки.

Ребята молчали.

— Мы не хотим потерять год, мама, — пояснил Петя.

— Надо достать программу пятого класса, — сказал Васек, обращаясь к товарищам.

Екатерина Алексеевна пожала плечами:

— Ну что ж, достаньте программу, посмотрим вместе.

НАЧАЛО ПОЛОЖЕНО

Ребята сбегали в школу, с помощью Грозного разыскали программу пятого класса, учебники. Притащили к Екатерине Алексеевне классную доску и целый пакет мела.

Екатерина Алексеевна разложила на столе учебники, наклонилась над программой.

— «География»... «Ботаника»... «История древнего мира»... «Русский язык и литературное чтение»... «Арифметика», — медленно читала она, слыша за своей спиной дружное посапывание. — Арифметика! — Она подняла голову. — Ну, вы сами видите, сколько предметов!

Лица у ребят вытянулись, посерели.

— Ничего такого особенного... — начал Петя.

— Мы будем стараться изо всех сил! — умоляюще складывая руки, прошептала Лида.

Мазин ткнулся носом в учебники, задумчиво взвесил их на ладони. Ребята расхохотались.

— Ну вот! — с облегчением сказала Екатерина Алексеевна. — Убедились?

— Нет, — быстро ответил Васек, — мы ничуть не убедились. Мы будем драться за учебу.

— У нас ведь еще много времени, правда, ребята? — сказала Лида.

— Конечно! Неужели не пройдем? Мы все пройдем! — зашумели вокруг ребята.

— Мамочка, ты только согласишься с нами заниматься! — попросил Петя.

Екатерина Алексеевна досадливо сдвинула брови:

— Да поймите вы наконец, что одному человеку невозможно с этим справиться! Ну, предположим, я пройду с вами курс пятого класса по русскому языку... я сама очень люблю этот предмет... Ну, скажем, я еще могу взять на себя историю, но ведь я же не специалист.

Ведь есть и другие предметы. Арифметика, например, мне очень трудна. И что за упрямство такое, не понимаю! Как только откроются школы, вы спокойно пройдете все это в пятом классе... Я, конечно, понимаю, что вам очень жаль терять год, но что же делать! — Она поглядела на притихших ребят и покачала головой. — Бросьте об этом думать! Давайте пока повторять пройденное. Только приходите каждый день аккуратно к десяти часам утра.

— Придем! Мы еще раньше будем приходить, — пообещали обрадованные ребята.

Выйдя на улицу, Васек весело потер руки:

— Ну, начало положено! Остальное обдумаем потом. Завтра собирайте книжечки, тетрадоочки, карандашики — начнем учиться! — Он похлопал по плечу сияющего Петьку; — Молодец твоя мама! Хорошая женщина!

— Очень хорошая! — дружно подтвердили ребята.

ДОМ ПЕТИ РУСАКОВА

После приезда с Украины Петя Русаков особенно ясно ощутил себя в своем собственном родительском доме. Он хорошо помнил, как еще в прошлом году осторожно подходил к дому, как из темного палисадника недружелюбно смотрели на него четыре окна их квартиры. Вспомнил хмурого отца, вспомнил холодный обед, который он наскоро съедал один в пустой комнате. Вспомнил вечный страх одиночества и единственную радость, которую ему давала дружба Мазина. Вспомнил, как перед зимними каникулами товарищи приглашали друг друга в гости, а он никогда никого не мог пригласить к себе, потому что у него не было дома. Дом принадлежал отцу, а у него, у Пети, были там только неудобная конка за ширмами и закапанный чернилами стол, за которым он учил уроки, тревожно прислушиваясь к тяжелым шагам отца.

Петя очень любил Мазина, он был благодарен ему за дружбу, никто не мог бы Пете заменить Мазина, но сейчас Петя Русаков уже не был одинок. С приходом новой матери в его жизни совершилось радостное чудо: у него появился настоящий родительский дом, где каждый уголок напоминал ему теперь, что он, Петя, здесь хозяин. Дом, в который он мог приглашать своих товарищей, и не только приглашать в гости — нет, в этот самый трудный момент их жизни Петин дом становился для ребят как бы школой, а его, Петина, мама — их учительницей. Ведь это впервые он мог что-то сделать для своих товарищей. Впервые! Пете казалось, что он как-то вырос, распрямился, стал человеком...

Петя долго не мог заснуть в эту ночь. Он думал о том, что вот сейчас его мама работает где-то в редакции, что она придет домой только ранним утром. И все-таки она согласилась каждый день заниматься с ними. Перед Петей вставало милое, утомленное лицо матери. В этом лице ему была дорога каждая черточка. Темные брови, чуть-чуть запавшие щеки, темные круги под глазами... Мать! Мама!...

Как она встретила его, когда, запыхавшись, он вбежал в эту комнату и, уткнувшись ей в колени, бессвязно бормотал: «Ты жива, жива, мама...» Она только молча обнимала его так крепко, будто кто-то хотел его отнять, и руки у нее дрожали, когда она вытирала его слезы, не замечая, что у нее у самой все лицо мокрое. И, плача, беспомощно повторяла: «Не плачь, не плачь же...»

Петя не спал...

Она сделала для него все, что могла бы сделать родная мать. Она захотела помочь его товарищам, она сделала его равноправным и независимым, и то уважение и благодарность, которые чувствовали к ней его товарищи — к ней, к его матери, — наполняли Петю гордостью и счастьем.

Он хотел бы сказать ей все это, но боялся, что не сумеет.

...Утром, когда мать пришла с работы, Петя бросился к ней навстречу, помог ей снять пальто и, заглянув в ее усталые глаза, с волнением сказал:

— Спасибо тебе за все, мама... за меня... за моих товарищей...

Она обняла его, прижалась прохладной щекой к его щеке.

— Спасибо и тебе, Петя. Когда я пришла, ты был маленьким мальчиком, а теперь ты — большой сын... — И, как бы удивляясь чему-то, радостно засмеялась и повторила: — Мой сын!...

А потом они вместе захлопотали, устраивая комнату для занятий. Поставили большой стол, пристроили доску. Петя принес из сарая скамейку. Свои кровати и швейную машину вытащили в маленькую комнату.

Чай пили наспех. И смеялись, откусывая от одного куска сахар.

— Вот удивятся ребята! Настоящая классная комната у нас стала!

Ребята действительно удивились и обрадовались. Они осторожно клали на стол свои учебники, смущенно улыбаясь, оглядывая комнату.

И Пете показалось — даже здоровались они как-то по-особенному:

— Здравствуйте, Екатерина Алексеевна! Здравствуй, Петя!...

А Мазин долго не садился на свое место, глядел на Екатерину Алексеевну ласковыми карими глазами. И лицо у него было такое размягченное и умильное, что Одинцов не выдержал и сострил:

— Мазин, ты совсем как жаворонок из теста!

Занятия начались с повторения курса четвертого класса. Ребята громко радовались каждому удачному ответу, быстро вспоминали пройденное и вес, что хранила их крепкая память, принимали как драгоценную находку. Они чувствовали себя как на большом празднике и, с радостью ощущая в руке кусок мела, писали слова и цифры на знакомой школьной доске. Пройденное знали хорошо.

— На повторение положим две недели, — сказала Екатерина Алексеевна. — А потом будем потихоньку двигаться вперед, просто чтобы вам было легче учиться в пятом классе и чтобы вы не отвыкли заниматься. Главные предметы, конечно, арифметика и русский язык.

— Ты хотела еще по истории с нами позаниматься, — осторожно напомнил Петя.

— Не хитри, пожалуйста, — улыбнулась Екатерина Алексеевна. — Если даже я возьму на себя арифметику, русский и историю, то останутся еще другие предметы. Кто сейчас может вам помочь?

Васек нащупал в кармане Митино письмо и решил завтра же идти в райком комсомола.

ЗА СОВЕТОМ И ПОМОЩЬЮ

Ночью шел мелкий сухой снег. Задубевшая от заморозков земля по выбоинкам покрылась серой крупкой. Ледяной ветер выметал эту крупку вместе с пылью и сердито бросал в лица прохожим.

Ребята провожали Трубачева и Мазина до самого здания, где на доске из темного стекла было написано золотыми буквами: «Райком ВЛКСМ».

На выборных было возложено важное, ответственное поручение. В разговоре с комсомольцами Васек должен был кратко и быстро изложить суть дела. Мазину поручалось выступить только в затруднительных случаях.

Проводив товарищей, ребята удалились.

Васек и Коля Мазин открыли дверь и вошли в большой, светлый коридор. По обеим сторонам его, около стен, стояли стулья и деревянные диваны. В коридор выходили двери многих комнат. На каждой была прибита дощечка с номером.

По коридору мимо мальчиков проходили какие-то люди, молодые военные, девушки в шинелях; они шли быстрой, деловой походкой, разговаривали вполголоса. Стоя у окна, двое рабочих о чем-то горячо спорили. В конце коридора за маленьким столиком сидела стриженная девушка и что-то записывала в большой журнал. Около нее тоже стояла группа молодежи. Двери комнат поминутно открывались и закрывались; из них выходили люди и, оглядевшись, разыскивали по номерам следующие комнаты, куда им тоже нужно было зачем-то зайти.

На стенах висели яркие плакаты и лозунги. Проходя мимо одного плаката, Мазин вдруг остановился как вкопанный и тихонько толкнул Трубачева.

С плаката, словно живой, глядел красноармеец и, указывая пальцем прямо на мальчиков, строго спрашивал: «А ты чем помог фронту?» Его прямой вопрос и деловая обстановка, царившая вокруг, смутили ребят.

Мазин указал глазами на диван:

— Сядем. Оглядимся сначала.

Товарищи сели. Васек сдержанно вздохнул и шепотом сказал:

— Здесь все так заняты...

Мазин наклонил к нему голову:

— Учеба тоже не маленькое дело.

Мальчики еще раз окинули взглядом прибитые над дверями комнат номера:

— Куда же нам идти?

Со двора в боковые двери вошла небольшая группа ребят в расстегнутых пальто, в красных галстуках. Они шли, тихо ступая по крашеному полу, держа в руках шапки.

Глаза Мазина остро блеснули.

— А эти куда?

Васек потянул его за руку:

— Идем и мы за ними.

Группа ребят направилась к пятой комнате. Девушка в гимнастерке преградила им путь:

— Вам кого, ребята?

— Нам товарища Мишу, — сказал передний, приглаживая рукой волосы и поддергивая

пояс с блестящей пряжкой.

— Нам к товарищу Мише надо, — повторил другой мальчишка. в полосатой тельняшке, с перевязанной серым бинтом ладонью. — Мы по вызову.

— Бутылки? Лом? — улыбаясь, спросила девушка и слегка посторонилась.

Ребята прошли в комнату.

Мазин вместе с Трубачевым последовали за незнакомыми ребятами.

За столом сидел комсомолец. Васек увидел светлую копну волос, темные очки на носу и легкий пушок над верхней губой.

Идущий впереди мальчуган выпрямился и бойко отрапортовал:

— Штаб пионерского отряда с улицы Фрунзе прибыл в ваше распоряжение!

Трубачев и Мазин с интересом взглянули на ребят

«Ого, штаб!» — подумал каждый из них.

— Прибыли? — спросил товарищ Миша. — Очень хорошо Я хочу вам дать одно поручение.

Он перелистал бумаги, лежавшие на столе, вырвал из блокнота листок и что-то на нем написал. Потом поднял глаза на мальчиков:

— На вашей улице проживает семья красноармейца Большакова. Сын на фронте, одни старики остались. В последнюю бомбежку дом их очень пострадал. Надо будет помочь им перебраться на другую квартиру. Возьмите толковых ребят, не устраивайте из этой перевозки никакого события, не поднимайте шума, делайте все спокойно, аккуратно, не торопясь. Вот адрес.

Мальчик с блестящей пряжкой деловито взял бумажку и коротко спросил:

— Больше ничего?

— Ну как — ничего? Посмотрите, что там надо. Может быть. дров заготовить, воды принести. Вообще у вас там есть уже несколько семей, которым вы помогаете, возьмите и эту под опеку. Забегайте туда почаще!

— Товарищ Миша! — вдруг выдвинулся вперед черноглазый мальчишка л полосатой тельняшке и с перевязанной ладонью. — Мы на нашей улице нашли старую палатку, под названием «Воды». Там два ящика с пустыми бутылками обнаружили. Что, можно их сдать? Или не трогать?

Миша нахмурился:

— Если палатка пустая, никто в ней не торгует — сдайте, конечно.

— Есть! — весело откликнулись мальчики и, круто повернувшись, пошли к двери.

Мазин и Трубачев хотели уже обратиться к товарищу Мише, как вдруг из соседней комнаты открылась дверь и два комсомольца, о чем-то споря, подошли к столу.

— Вот, Михаил: заварил Гончаренко кашу и не хочет расхлебывать! — хлопнув по плечу комсомольца в рабочей спецовке, сказал голубоглазый паренек, присаживаясь на край стола. — Я его вызвал сюда к нам побеседовать.

Миша покачал головой, полез в стол, вытащил оттуда листок бумаги и поглядел на товарища в рабочей спецовке:

— Неладно у тебя получилось, товарищ Гончаренко! Что же это ты так рубишь сплеча? Комсомолец, а подхода к людям не имеешь. Кузьмичев — старый мастер, работает с высокими показателями, мы его очень ценим, а ты взял да продернул старика в стенгазете. Неладно...

— Что — неладно? — Гончаренко придвинул стул. Над черными глазами его топорщились, словно присыпанные пылью, брови, широкий нос с подвижными ноздрями и насмешливое выражение рта делали его лицо живым и сердитым. — Что — неладно? —

повторил он с досадой. — У нас ни одно собрание не обходится без длинных речей. Нам время дорого! Рабочие каждую минуту учитывают, а Кузьмичев закрывает глаза и пост, как соловей!

— Ну, если говорит человек по делу... — начал Миша.

— Не по делу! Вот именно не по делу! Стоит и мямлит одно и то же. Вот он, мол, старый мастер, привык работать так-то и так-то, а вам, молодым, надо еще поучиться. Начнет всякие примеры приводить — и отнимет целый час. А потом обязательно скажет: «Вот, товарищи, надо учитывать каждую секунду!» А у нас есть ребята, которые по неделе дома не бывают. Петров так и заявил своей матери: «Пока война — мой дом на заводе!» Кузьмичев работает хорошо, но он болтун!

Васек быстро взглянул на Мазина и тихо шепнул:

— Смотри не болтай много!

— Ну, ты бы поговорил с ним где-нибудь наедине, что ли, — продолжал Миша, — а то взял и продернул в газете, а он ко мне с жалобой. Нехорошо все-таки получается. И когда это ты постом заделался? — усмехнулся он и, развернув листок, медленно прочел что-то про себя, потом сказал: — Во-первых, ты его здесь краснобаем обругал и вообще...

...Час сглотнет

и два проглотит.

Но поставит всем на вид.

Что в цеху одной минутой

Он, как часом, дорожит...

Все трое вдруг дружно расхохотались. Миша снял темные очки, взлохматил свою шевелюру.

— Честное слово, неплохо! — вдруг искренне сказал он к по-дружески обратился к Гончаренко: — Но ты все-таки с Кузьмичевым уладь. Старик дни и ночи работает, не считаясь со своими силами. Ну, любит поговорить, словоохотлив... Надо было попросту побеседовать с ним, указать. А ты — с такой насмешкой!

— Он больше всего за стихи обиделся. Зачем, говорит, рифмой, можно было попроще! — сказал комсомолец, который сидел на столе.

Миша улыбнулся.

— Ну что ж, — вздохнул Гончаренко, — постараюсь уладить. — Он взглянул на часы и заторопился: — Ого, уже поздно! Просижу тут, тогда придется самого себя продергивать. До свиданья!

Гончаренко вышел. Миша обернулся к мальчикам.

— А вы что тут? — удивленно спросил он, заметив скромно стоящих у дверей Мазина и Трубачева.

— Мы по собственному делу, — волнуясь, сказал Васек. Комсомолец, сидевший на столе, тоже обернулся и внимательно посмотрел на мальчика чуть выпуклыми голубыми глазами.

— Ну, выкладывайте, какое у вас дело?

Мальчики подошли к столу.

— Нам посоветоваться нужно, — серьезно сказал Васек. — Мы хотим учиться. В нашей школе госпиталь. Ребята все разъехались кто куда. Многие в Свердловске учатся...

— Мы не хотим терять год, — торопливо перебил Мазин.

— Подождите, ребята, — остановил их Миша. — А почему же вы не эвакуировались? Мы ведь школьников вывозили в Свердловск. Вы бы теперь там учились. — Он обернулся к

другому комсомольцу: — Вот, понимаешь, Костя, не уехали вовремя... А что вы вообще сейчас делаете? — обратился он к мальчикам.

Васек вспомнил красноармейца с плаката, строго указывающего на них пальцем.

— Мы работаем в госпитале. Нас восемь человек. Весь отряд.

— Это что, все пионеры из вашего класса? Ну и работайте пока. Молодцы! А откроется школа — будете учиться. Чем мы Сможем вам помочь сейчас?

— Митя сказал, чтобы мы шли в райком комсомола, — упрямо заявил Мазин.

— А кто это Митя? — поднимая брови, спросил Костя.

— Это наш вожатый.

Васек вытащил из кармана письмо. Оба комсомольца прочитали его внимательно, изредка переглядываясь.

— Подожди-ка! — вдруг сказал — Миша, опуская на стол письмо. — Ведь это пишет Митя Бурцев. — Он быстро взглянул на ребят: — Так это вас мы тут разыскивали по всем дорогам в первые дни войны?

— Нас, наверно, — сказал Васек.

Комсомольцы с большим интересом стали обо всем расспрашивать. Васек кратко рассказал о своем отряде и закончил тем, что ребята во что бы то ни стало решили не терять года.

— У нас есть учительница по русскому и по арифметике.

— И по истории, — поспешно добавил Мазин. — Нам надо только по географии и по ботанике.

— Ага! Так у них уже по главным предметам есть с кем заниматься, — улыбнулся Миша и вдруг тронул товарища за плечо: — Послушай, Костя. Ведь ты у нас в школе был первым по географии, мы тебя даже географом называли. Помоги-ка ребятам, а?

Мальчики с надеждой взглянули на Костю. Тот прищурил глаза, потер лоб:

— Времени у меня очень мало.

Лица ребят вытянулись. Миша похлопал Костю по плечу:

— Ну, часок в день выкроишь как-нибудь... А вы вот что, — обратился он к ребятам, — ступайте пока домой, а мы тут подумаем. Завтра зайдите.

Мальчики хотели еще что-то сказать, но в это время дверь широко открылась, и в комнату вошли несколько молодых красноармейцев.

Костя соскочил со стола и бросился к ним:

— Ну? Уже готовы?

Миша поднялся, снял очки. Лицо у него стало вдруг очень молодым и взволнованным. Он протянул руки вошедшим:

— Обнимемся, товарищи!

Васек и Мазин поспешно выскользнули за дверь.

— На фронт своих провожают... — прошептал Васек.

На другой день Трубачев и Мазин снова побывали в райкоме комсомола. Миша и Костя были очень заняты, мальчикам пришлось долго ждать. Но вечером они прибежали к ребятам с радостной вестью:

— По географии у нас уже есть учитель — Костя согласился!

— А как же по ботанике? — спросила Лида. — Ой, у нас же без ботаники все равно ничего не выйдет! Что ж вы не поговорили как следует?

Мазин рассердился:

— Шли бы сами тогда! Думаете, учителя сидят и только вас дожидаются?

— Костя обещал со своим старым учителем поговорить. Может быть, он согласится, — успокоил ребят Васек.

— А все-таки правильно Митя нам посоветовал в райком сходить, — сказал Одинцов.

Екатерина Алексеевна тоже одобрила поход мальчиков.

— Ну хорошо, ребята, заниматься так заниматься! — с неожиданным воодушевлением сказала она. — Неужели не одолеем арифметики! — Она на секунду задумалась, потом решительно махнула рукой: — Довольно разговаривать! Если так, то нельзя терять времени. Садитесь на свои места, посмотрим, что нам осталось повторить из пройденного.

* * *

У ребят началась новая жизнь — все их мысли занимала теперь учеба.

После уроков с Екатериной Алексеевной, надевая на ходу пальто, бежали к Косте. Костя жил в маленькой, тесной комнатке, где стояли только кровать, большой стол и несколько табуреток. Костя-географ, как звали его между собой ребята, почти не бывал дома. Он постоянно куда-то торопился, но, по его собственному выражению, любил делать дело «быстро, крепко, толково и прочно».

Не застав его дома, ребята часто ждали на крыльце.

Небольшого роста, в лыжной куртке, он входил во двор быстрыми шагами и, увидев поджидающих ребят, загребал их одной рукой, весело пропуская вперед:

— Ну, пошли-поехали!

На первый урок он принес с собой глобус, поставил его на стол, потер руки и сказал:

— Вот, ребята, мы с вами будем заниматься очень интересным предметом — географией. Что такое география? Гео — по-гречески земля, графия — описание. Описание земли. — Он поднял вверх учебник: — Эта книга полна необычайных и совершенно необходимых человеку сведений. Чтобы добыть для нас эти сведения, трудился не один человек — трудились ученые, великие путешественники... — Костя перелистал несколько страниц. — «Но вы, на — верно, даже и не представляете, сколько потребовалось труда, времени, сил и даже человеческих жизней, чтобы узнать о земле все то, что в этой книжке написано. Сколько походов и путешествий потребовалось, чтобы изучить всю землю. Сколько экспедиций

погибло во льдах, в жарких пустынях, в горах, в непроходимых лесных дебрях». — Костя закрыл книгу. — Я прочитал вам только несколько строк. Обо всем я еще буду подробно рассказывать, а пока я говорю вам это для того, чтобы вы приступили к изучению географии с глубоким уважением и благодарностью к тем, кто во имя науки пожертвовал своей жизнью.

Незнакомые страницы учебника вдруг ожили, потеплели и потянули к себе.

— Теперь начнем урок, — удовлетворенно сказал Костя и, заложив руки за спину, прошелся по комнате.

Костя рассказывал живо, интересно. Слушая его, ребята с уважением думали: он сам станет когда-нибудь великим путешественником...

Занятия с Костей шли ежедневно в обеденный перерыв, от двенадцати до часу. Екатерина Алексеевна занималась по утрам, от десяти до двенадцати. После ночной работы в газете она приходила домой в семь утра, и до прихода ребят Петя ревниво оберегал ее сон. Он научился сам готовить завтрак и, если товарищи приходили раньше, тихо шептался с ними, чтобы не разбудить мать.

Екатерина Алексеевна никогда не жаловалась на усталость. Услышав голоса ребят, она поспешно вскакивала и, весело здороваясь, упрекала Петю:

— Что же ты не разбудил меня раньше!

Петя теперь часто видел свою мать за письменным столом, склонившейся над учебниками. А она сама, восстанавливая в памяти школьные знания, видела себя взволнованной девочкой в темном форменном платье... И, глядя на знакомые страницы «Истории древнего мира», перелистывая хрестоматию «Родная литература» и просиживая над учебником Киселева по арифметике, она удивленно морщила брови и тихо говорила про себя:

«Учеба возвращает молодость».

* * *

Вопрос об учителе ботаники по-прежнему беспокоил ребят, но они уже не решались больше ходить в райком комсомола и отнимать время у Миши.

Костя, казалось, совсем забыл об их просьбе. Но однажды вместе с ним на урок пришел высокий седой старик и, поздоровавшись с ребятами, сказал:

— Ну, вы, кажется, очень ждали меня?

— Вот, ребята, — пояснил Костя, — я попросил Анатолия Александровича до весны позаниматься с вами ботаникой. Смотрите не ударьте лицом в грязь. Тем более, что Анатолий Александрович — старый учитель вашей школы. Вы должны его помнить: он преподавал ботанику в шестых классах.

Ребята не помнили, но радостно улыбались.

Новый учитель, Анатолий Александрович, пригласил ребят к себе. Он встретил их приветливо и начал свой урок с рассказа о том, как подросток — ком впервые попал в сад великого преобразователя природы Мичурина:

— Помню, в ту пору меня больше всего занимали крупные румяные яблоки в его саду. Желание попробовать такое яблоко долго не давало мне покоя, и однажды утром, расхрабрившись, я перелез через забор. И тут я увидел на дорожке сада человека, который нес два полных ведра воды. Думая, что он сейчас уйдет, я, притаившись под деревом, ждал. Но

человек этот не ушел из сада. Он вылил воду под одно из деревьев, быстро прошел мимо меня и через минуту вернулся опять с полными ведрами. Так ходил он много раз. Я не решался выйти из своего убежища и поневоле наблюдал, как постепенно сгибались его плечи от тяжести, как на лбу его выступал пот. Мне уже не хотелось яблока. И когда, опустив на колени усталые руки, хозяин сада присел отдохнуть, я воспользовался моментом и выбрался из сада. С этого дня я стал интересоваться этим человеком и полюбил то дело, которому он посвятил свою жизнь.

Ребята слушали рассказ Анатолия Александровича с большим интересом. Новый учитель стал им вдруг понятен и близок.

На следующий урок они шли к нему с особым удовольствием.

Комната у Анатолия Александровича была просторная, на подоконниках стояли горшки с цветами и с какими-то растениями. Большое место в комнате занимали шкафы с книгами. Между ними был один шкаф с какими-то таинственными приборами, баночками, склянками. Из этого шкафа учитель нередко доставал микроскоп, и ребята с интересом разглядывали внутреннее строение растений.

«К природе нужно относиться тепло и любовно, как к живому существу», — любил говорить Анатолий Александрович.

Деревья крепко спят, зарывшись в глубокие сугробы. Но когда мороз острыми иглами впивается в побелевшие ветки, в лесу раздастся тихий, жалобный треск. Он пугает красногрудых снегирей и маленьких синичек. Морозно и страшно молодым птицам, которые вывелись весной в теплых гнездах и никогда еще не видели зимы.

Но ребят не пугает мороз. В теплых костюмах, они деловито ходят на лыжах по глубоким сугробам, волочат за собой длинные санки и, размахивая острыми топорами, выбирают елку. По-хозяйски оглядывают они одно, другое дерево, переговариваясь между собой:

— Помните, какую елку прошлый год привезли в школу? Выше потолка! Отрубить верхушку пришлось!

— Да, хорошая елка была! Грозный говорит — все игрушки наши целы. Вот уберем! Пусть бойцы посмотрят.

— Теперь еще лучше надо — не для себя ведь, мы не маленькие... — закидывая вверх голову, говорит Мазни. — Отдать, что ли, ту, Петька, а?

— Нашу? — Петька вытягивает из шарфа подбородок и с сожалением вертит головой: — Нельзя... Она летом в пруду отражается и землянку закрывает. Красивая! Жалко рубить...

— А где землянка, Мазни? Покажи землянку! Где она была? — кричат ребята.

— Да она здесь, недалеко... Пошли, Петька, покажем!

Ловко объезжая деревья, ребята гуськом сходят на пруд, лесенкой поднимаются на противоположный берег и останавливаются под темной, развесистой елью, около глубокой заснеженной ямы.

— Вот она, наша землянка!

— Здорово сделана!

— Вроде окопов! Можно отстреливаться отсюда. Раз! Раз! — Саша неловко съезжает в яму и под громкий хохот ребят проваливается до самого пояса. Лыжи его беспомощно торчат вверх.

Ребята один за другим прыгают к нему и, толкаясь, начинают обстреливать снежками невидимого врага.

— Бей, ребята, но санкам!

Санки, брошенные посреди пруда, становятся мишенью.

— Слушай команду! Приготовься!... Пли! — разыгравшись, кричит Васек.

От снега хрустят варежки, мороз начинает больно пощипывать пальцы. Ребята выбирают наверх и, подпрыгивая от холода, вытряхивают из валенок снег.

— Нас морозом не возьмешь! А вот фашистам от нашего мороза плохо приходится. Верно, Трубачев?

— Верно. Они не привыкли... Эх, здорово их от Москвы гнали! Мне один раненый рассказывал...

— Это на Волоколамском шоссе, Васек?

— Везде гнали. Их прямо тысячами уложили.

— Теперь не сунутся больше!

— Куда там!...

— Наши бойцы грудью за Москву стояли!

— Еще бы! Мы свою землю никому не отдадим.

— От Сергея Николаевича давно писем нет, — вспомнив вдруг учителя, грустно говорит Одинцов.

— Ребята, а может, и он Москву защищал? И где-нибудь стоял и смотрел в полевой бинокль, а? Ведь мы от Москвы недалеко все-таки, а? — с радостной надеждой в сияющих черных глазах, говорит Саша.

Ребята не отвечают. Васек смотрит куда-то далеко за сугробы, за деревья, в глубь парка. Белая, закудрявившаяся от мороза меховая шапка, белые брови и ресницы и заиндевевший шарф под подбородком делают его похожим на елочного деда-мороза с синими-синими глазами и красными щеками. Ребята вспоминают о елке.

— Пойдем! А то поздно уже, — говорит Мазин.

— Пойдите! — просит Сева. — Давайте закроем глаза, помолчим и потом сразу скажем, кто как чувствует: увидим мы еще Сергея Николаевича или нет?

— Давайте, давайте!

Ребята крепко зажмуривают глаза и секунду напряженно молчат, потом сразу, как по команде, радостно выпаливают хором:

— Увидим! Увидим!

— Ну, тогда — ура!... За елкой! Пошли!

— Стойте! А насчет Мити, и Генки, и Степана Ильича, и тети Оксаны как же? — спрашивает Саша. Ребята снова зажмуриваются:

— Увидим! Тоже увидим!

— Эх, вот счастье было бы! Скорей бы только нам победить Гитлера! Тогда все у нас будет: и школа будет, и Сергей Николаевич, и Митя, — мечтает вслух Васек.

— И папа твой приедет, и мой папа, и Лидин...

— И мои мал мала приедут, — нежно улыбается Саша.

— Да они уже выросли, твои мал мала, они теперь уже большие, — убежденно говорит Одинцов. — Ты их и не узнаешь, пожалуй!

— Нет, что ты! — пугается Саша. — Я всех узнаю... Я бы их через много-много лет узнал, если б они даже старые были!

— И правда, ребята, кажется, будто годы прошли с тех пор, как нас родители на Украину провожали, а всего только несколько месяцев. Вот странно! — удивляется Сева.

— Какие несколько месяцев! Мне самому уже сто лет стало, — уверяет Мазин.

— Мне тоже! — подхватывает Петька. — Сто лет, а ума нет!

— Хватит! Замерзнем! Пошли за елкой! — торопит Васек.

Голубые сумерки уже окутывают дома и улицы, когда, запрягшись в санки, мальчики привозят в школу срубленную елку. Зеленые мохнатые ветки, распластавшись по обеим сторонам, с тихим шелестом заматают снег; сзади, придерживая густую верхушку, идут Нюра и Лида.

— Куда это махину такую приволокли? — удивляются санитары.

— У нас в школе всегда такая была! — с гордостью отвечают усталые ребята.

ПЕРЕД НОВОЙ РАЗЛУКОЙ

Новый год вошел в маленький городок без праздничного шума, как тихий гость, и, хотя в домах было сурово и невесело, в каждой семье встретили его с надеждой и за скромным ужином подняли бокалы за победу. За тех, кто на фронте.

Прошло несколько месяцев после нападения гитлеровцев. В города и села приходили извещения о героической гибели наших бойцов. Матери оплакивали сыновей, сестры — братьев, жены — мужей, а несметные полчища врагов все шли и шли, заливая кровью нашу землю...

Они рвались к сердцу нашей Родины — к Москве. Весь народ поднялся на борьбу с врагом.

В тылу люди работали с удвоенными усилиями и жадно ловили сообщения с фронта. После каждого урока географ Костя доставал из кармана свернутую в трубку газету и, показывая по карте места, где шли бои, читал утреннюю сводку.

Однажды Костя прочел ребятам про подвиг юной партизанки Тани в селе Петрищеве. Мужество и стойкость комсомолки Тани, ее гордое презрение к озверевшим врагам потрясли ребят.

Слушая Костю, каждый из них мысленно ставил себя на место этой девушки-героини, каждый хотел быть с ней рядом. защищать ее, бороться вместе с ней до конца.

Прочитав очерк, Костя спрятал газету в карман и долго холил по комнате, позабыв и об уроке и о ребятах.

С этого дня Костя как-то изменился. Голубые глаза его часто туманились внутренней тревогой. Иногда среди урока он подходил к окну и, щурясь от белизны снега, нетерпеливо говорил:

— Придет же весна когда-нибудь!...

И тут же, обрывая себя, поспешно возвращался к занятиям.

Время на Костиных уроках шло незаметно. Спрашивая заданное, Костя обязательно ставил отметку. Ребята учили добросовестно, и все отвечали на «отлично».

Тетрадь отметок Костя держал у себя.

Однажды, просматривая ее, он покачал головой и почти с огорчением сказал:

— Что это у вас все «отлично» да «отлично»?

— А разве это плохо? — засмеялась Лида Зорина.

— Пожалуй, что и плохо. По таким, отметкам я никак не могу определить, где ваше слабое место. Неужели уж так хорошо все знаете? Надо будет назначить проверку.

— А ты бы не предупреждал. Костя, что будет проверка, — советовал ему Одинцов.

— Нет, почему же? Подготовьтесь. Какой же смысл в том, чтобы вы ошибались!

Костя не раз, как бы мимоходом, говорил о том, что к весне их занятия должны быть окончены.

Как-то к Трубачевым забежала Таня. Она часто видела Костю в райкоме комсомола.

— Затосковал ваш Костя, на фронт просится. Весной, верно, уйдет.

Васек и Саша опечалились.

— Анатолий Александрович весной, наверно, тоже уедет. Он говорил, что его с комсомольцами в колхоз пошлют работать. Останется у нас одна учительница, — озабоченно

сказал Васек.

— Весной много воды утечет, — пошутила Таня и, вздохнув, стала прощаться.

— Опять надолго уходишь? Ты совсем забыла нас! — с обидой сказал ей Васек. Таня обняла его:

— Никогда не говори так. Я ведь учусь и работаю, боевую подготовку прохожу!

— Это зачем же тебе понадобилось? — строго спросила тетя Дуня.

— Мало ли зачем! Многие комсомолки проходят...

Васек с уважением посмотрел на Таню. Таня заметила его взгляд и за — смеялась.

Васек представил себе, как она марширует, и тоже засмеялся.

— Ну, не забыли еще свои смешки-пересмешки? — добродушно пошутила тетя Дуня.

— Нет, не забыли, — ответила Таня, но смех ее вдруг умолк.

Она быстро встала и пошла к двери. На пороге оглянулась и неожиданно шепотом сказала:

— А та партизанка в селе Петрищеве была наша, московская, комсомолка — Зоя Космодемьянская.

ПОДНОСЧИК СНАРЯДОВ С 4-й БАТАРЕИ

Несмотря на то что стоял уже март и изредка сквозь снежные тучи пробивалось солнце, погода была морозная, резкие ветры наметали по обеим сторонам улиц сугробы. В не защищенных заборами дворах люди, выгадывая более короткий путь, протаптывали новые дорожки, похожие на кривые улицы и переулки. Иногда откуда-то из парка на маленький городок налетала снежная метель и в двух шагах прятала от человека знакомое крыльцо. А то из белых туч начинал падать на землю тихий, кроткий, ласковый снежок; он ложился на шапки, воротники и волосы и тут же таял от близости человеческого тепла.

В один из таких дней в госпиталь привезли тяжелораненых.

Васек вместе с ребятами стоял во дворе и смотрел, как санитары осторожно выносят из машины носилки, как старшая сестра в халате и теплом платке, озабоченно хлопочет, распределяя раненых по палатам. Нина Игнатьевна не позволяет ребятам помогать, но они стоят наготове, украдкой поправляют сбившиеся одеяла, открывают пошире двери, провожают каждые носилки. Им хочется сказать раненым какие-то теплые слова, дотронуться до чьей-то бледной руки, выразить сочувствие, ласку.

— Вы не бойтесь, вы поправитесь. У нас хорошие доктора, — выскакивая во двор без пальто, шепчет Нюра бородавтому пожилому красноармейцу.

За пожилым красноармейцем санитары выносят из машины носилки с молоденьким бойцом, почти мальчиком. Ребята смотрят на бледное безусое лицо, на запекшиеся от жара пухлые губы, жадно хватающие морозный воздух, на втянутые щеки с лихорадочным румянцем. Голова раненого в расстегнутой шапке с ушами беспокойно съезжает с подушки, глаза в беспамятстве блуждают по сторонам. Ребята подходят ближе. Васек идет рядом, поддерживая носилки.

— Отойди, отойди — сестрица рассердится! — хмуро шепчет санитарка.

Васек нехотя отходит. Раненый поворачивает голову, его беспокойный взгляд провожает мальчика и упирается в высокие сугробы, наметенные около крыльца. Мягкие снежинки тают на его горячих щеках, оставляя мокрые следы.

— Товарищ комбат... Это я, Вася Кондаков... Товарищ комбат! — вдруг жалобно окликает раненый, приподнимаясь с подушки.

Старшая сестра быстро подходит к санитарам:

— Бредит... Несите скорей!

— Он тяжело ранен? В какую палату? Что с ним? — допытываются у взрослых ребята.

— Не мешайтесь тут! — сердится Грозный. — Где не можете помочь, там не мешайтесь.

Мальчики и девочки идут за школьным сторожем в его каморку, усаживаются на сундуке, покрытом цветным половиком.

— Комбат... Кто это комбат? — встревоженно спрашивает Лида.

— Комбат — это командир батареи, да, Иван Васильевич? — говорит Коля Одинцов, вопросительно взглядывая на Грозного.

— А он сам — Вася Кондаков, — шепчет Нюра.

— Хоть бы узнать, что у него! — вздыхает Сева.

— Нина Игнатьевна сама еще не знает. Потом можно будет спросить, — говорит Саша Булгаков. — Посидим тут немножко, а после обхода врачей спросим.

— Нечего тут сидеть, идите по домам!... — вмешивается Грозный. — Ты что в одном платье выскочила? — нападает он вдруг на Ньюру. — Где твоё пальто?... Одевайтесь сейчас же и идите по домам!

— Да мы только узнаем об этом Васе! — просит Лида.

Но Иван Васильевич выпроваживает их из госпиталя:

— Идите, идите! Не до вас тут.

Васек и его товарищи нехотя уходят.

Снег становится гуще, но ребята не замечают, что на воротниках и шапках у них нарастает белый мех.

— Почему он так крикнул: «Товарищ комбат... Это я, Вася Кондаков...»? — задумчиво вспоминают они.

* * *

А в палате для тяжелораненых лежит комсомолец Вася, подносчик снарядов с 4-й батареи. Ему чудится, что он стоит на коленях около большого ящика, похожего на портсигар, и старательно очищает ветошью снаряды от масла. Вокруг широко раскинулось снежное поле, от белизны его саднит в глазах, мороз цепко держит пальцы.

Батарея готовится к бою. Прикрытые белыми, накрахмаленными морозом полотнищами, невидимые для глаз врага, орудия сливаются с волнистыми холмиками сугробов.

Вторые сутки стоит в открытом поле 4-я батарея. Её задача — прикрывать фланг нашей обороны.

В накинутах на плечи поверх шинели маскировочном халате неподалеку от Васи стоит командир батареи, смотрит в бинокль на виднеющийся вдали заснеженный овраг, по которому фашисты скрытно и неожиданно могут перебросить танки. Но едва танки начнут выползать на открытую местность, батарея встретит их огнем. Комбат указывает на край оврага и, улыбаясь, говорит Васе:

«Вот тут-то мы их и встретим!»

...Вася сбрасывает одеяло и тревожно вглядывается в угол палаты. В его воспаленном мозгу проносятся картины недавнего боя. Он видит спокойное, строгое лицо комбата, неожиданную открытую улыбку на его губах и серьезные серые глаза под темными бровями. Он видит, как комбат обходит орудия, привычной шуткой подбадривая людей и проверяя готовность к бою.

«С таким командиром в самое пекло полезешь — и душа не дрогнет», — говорят о нем бойцы.

Не в первый раз встречается 4-я батарея с фашистскими танками.

«Ну как, ребята, устроим фашистам фейерверк?» — громко шутит комбат.

«Устроим, товарищ комбат!» — бодро откликаются бойцы.

Шутка перебрасывается от орудия к орудию, смягчает суровые лица. И вдруг все настораживаются.

Издали, сначала приглушенно, потом уже явственно, слышится железный скрежет. Окутанный снежной пылью, из оврага медленно выползает первый танк. Закрашенная белой краской броня его с фашистским крестом почти сливается со снегом. За железной спиной первого танка движутся другие.

Расчеты неподвижно застыли у орудий.

«По фашистским танкам, батарея, беглый огонь!» — громко командует комбат.

Бронебойные снаряды, с визгом ударяясь о броню, выбивают искры. Подбитый танк вспыхивает ярким пламенем.

И почти в то же время тяжелый удар фашистского снаряда обрушивается на одно из орудий батареи. Вася видит неподалеку бесформенную грудку железа, торчащие из снега колеса, залитые кровью шинели и маскировочные халаты.

Из оврага, разворачиваясь в сторону батареи и прикрываясь от снарядов толстой лобовой броней, один за другим ползут танки.

«Огонь!» — слышится голос комбата.

Бушующее пламя растекается по полю желтыми и синими языками...

— Горят, гады! — торжествуя кричит Вася.

Старшая сестра ласково укладывает его на подушку, смачивает мокрым полотенцем лоб:

— Успокойся, голубчик, успокойся, Кондаков.

Но Вася не слышит ее голоса. Он лихорадочно подает снаряды. Сколько времени идет бой? Из оврага ползут новые и новые танки. Жерла их орудий выбрасывают языки пламени, глухие удары потрясают батарею. Со свистом летят острые брызги осколков. Люди падают.

«Огонь!»

Лобовая броня не спасает железных чудовищ. Уже огромные костры пылают на изрытом поле. Дым застилает край оврага и покореженные груды железа.

Но на 4-й батарее остается только одно орудие.

Неподалеку от него с грохотом обрушивается черный столб земли. На Васю тяжело валится тело убитого бойца. Рядом надает другой.

«Наводчик и заряжающий выбыли!» — кричит Вася.

Комбат поспешно наводит орудие на танк.

Вася окидывает взглядом разбитые орудия батареи.

«Нас осталось только двое!» — снова кричит он.

«Достаточно! — резко бросает комбат. — Снаряды!... Огонь!...»

Орудие содрогается от выстрелов.

«Есть, готов!» — с азартом кричит Вася.

На поле боя остается только один уцелевший танк. Он упорно ползет к батарее. Из его орудия вырывается короткий огонь.

Комбат выхватывает из рук падающего Васи снаряд...

* * *

Ночь идет... Старшая сестра ни на минуту не оставляет тяжелораненого. Иногда Вася затихает, жадно пьет из кружки поданную ему воду, внимательно вглядывается в склонившееся над ним лицо Нины Игнатьевны. Потом в его затуманенном мозгу снова возникают какие-то воспоминания... Вот он лежит на снегу, прикрытый шинелью комбата. Но где же сам комбат?

— Остановил или не остановил он танк? — строго спрашивает Вася, обводя глазами притихшую палату.

РАДОСТНЫЕ ВСТРЕЧИ

Близилась весна. Дни шли за днями. Трудовые будни, заполненные тревожным ожиданием писем от родных, сообщениями с фронта, не давали людям возможности опомниться, подумать о себе. А весеннее солнце уже золотило палисадники, обрызгивало веснушками молодые лица и вызывало невольные улыбки у взрослых.

Маленький городок оживал. Каждый день дальние поезда привозили новые семьи. Люди, не дожидаясь конца войны, жадно тянулись к своим углам; с вокзала шли матери с детьми. Стучали молотки, отбивая доски у забитых, пустых домов, на заборах висели запыленные в поездах одеяла и зимняя одежда.

Ребята жили в радостном ожидании своих близких. Занятия их шли своим чередом, но каждый раз кто-нибудь приносил волнующую новость.

Вернулись родители Нюры Синицыной, приехала с детьми мать Саши Булгакова.

Особенно обрадовал всех приезд Сашиной семьи. В этот день даже обычные занятия были нарушены. Взволнованный Саша Булгаков заранее сообщил ребятам об этом событии, и в назначенный срок, за два часа до прибытия поезда, все, как один, товарищи уже прохаживались по перрону, окружая тесной кучкой сияющего, счастливого Сашу.

— Идет! — кричал вдруг кто-нибудь, завидев на дальних путях серый дымок. — Сашка, идет!

— Где, где? — бросался на голос Саша.

— Не идет — так придет! — хлопая его по плечу, успокаивал Мазин. — Приедут уж теперь, не бойся!

К приходу поезда на перроне собралось много народу, но ребята проталкивались к каждому вагону, и, когда в широкой двери мелькнула гладко причесанная голова женщины, тревожными глазами разыскивающей своего сына, громкие, торжествующие крики оглушили присутствующих:

— Сашка! Сюда!

— Здесь! Приехали! Вот они!

— Мама!...

Саша заторопился, неловкий, растерявшийся в толпе. Товарищи протолкнули его вперед. Лида и Нюра бросились за ним, удерживая кучку людей, давивших с боков:

— Пустите, пустите... Он к своей маме... Это его мама!...

Семья казалась огромной. И люди с сочувственными улыбками смотрели на молодую еще женщину с мокрым от слез лицом и на мал мала меньше, которые висли у Саши на шее и заполняли веселым щебетанием перрон.

— Ребята, принимайте вещи!

Товарищи шумно выгружали из вагона узелки и корзинки, по очереди подходили к Сашиной матери.

— Батюшки! Выросли-то как! — говорила она, обнимая каждого из них и поглаживая косички девочек. — Милые вы мои!

А Саша, почувствовав себя снова главой семьи и хозяином, звонким, окрепшим голосом отдавал распоряжения товарищам:

— Ребята, берите что потяжелее!... Васек, держи Витюшку! Валерка, иди с Мазиным...

Нюта! Эх, и большая же ты стала!... Русаков, тебе узел нести... Мама, давай руку!

Шествие занимало весь тротуар. Люди переходили на мостовую, чтобы уступить дорогу приезжим. Васек нес Витюшку. Малыш крепко обнимал его за шею и, не смолкая, что-то рассказывал, прерывая свой лепет длинными, пронзительными гудками. Заглядывая в черные Витюшкины глаза, круглые, как у Саши, Васек с нежностью прижимал к себе малыша. Мазин, нагрузившись узелками и корзинками, гордо шел впереди, громыхая огромным чайником. Девочки жались к Сашиной матери, наперебой рассказывали ей что-то, а Саша, возвышаясь над сестрами круглой бритой головой, шагал во главе своей семьи, ведя за руку Валерку.

Дома у Булгаковых Лида и Нюра уже навели уютный порядок. Комнаты стали такими же, как раньше, только детские кровати с полосатыми матрасиками были покрыты газетами.

Мать, остановившись на пороге, низко поклонилась родным стенам своего старого, обжитого угла. Витюшка заковылял к ящику с игрушками. Ребята молча поставили на пол вещи.

— Вот наш дом! — серьезно и торжественно сказал Саша. Потом сияющими глазами обвел всех своих мал мала меньше: — Выросли-то как!... Ребята, а мы еще думали, кому собирать лом и бутылки! Вот они, работнички!... Я Нютку своим бригадиром сделаю! — Саша, смеясь и тормоша озадаченных ребятшек, повторял: — Работнички! Работнички!

Нютка, в ситцевом платице с голубыми горошками, с ямочкой на подбородке и сметливыми глазами, с готовностью кивнула головой:

— Лом — это все железное... Да, Саша?

— Да, да... Я все тебе расскажу. Железное, медное — все нужно... В соседнем дворе много детей. Вот соберитесь все вместе и обойдите квартиры — у каждой хозяйки что-нибудь найдется. Может, и Валерку будешь с собой брать? — глядя на подростшего братишку, добавил Саша.

Ребята засмеялись:

— Да они еще малыши совсем!

— Ну, Валерка, пожалуй, еще мал, — согласился Саша, — а эти мал мала уже выросли. Каждый должен работать — правда, Нюта?

— Правда, — серьезно ответила брату Нюта.

Саша обхватил обеими руками своих сестер и братьев.

— Они пойдут! Они будут работать! — повторял он, глядя на мать влажными черными глазами.

— Конечно, Сашенька! Самое это дело для них! Что зря по двору бегать.

— Правильно, Саша! — поддержал и Одинцов.

* * *

Родители Нюры Синицыной приехали тихо.

— Почему ж ты нам ничего не сказала? Мы бы их встретили! — удивились ребята.

— Да так как-то... Папе с работы машину дали, — тихо ответила Нюра.

Забирая свои вещи от Лиды, она вдруг заплакала. Лида тоже заплакала.

— Как хорошо мы жили вместе! Как скучно теперь будет!

— Да вы что, с ума сошли обе? — засмеялась Лидина мать. — Ведь к Нюре папа и мама приехали! Я бы на ее месте бегом домой бежала... Разве ты им не рада, Нюра?

— Нет, что вы, я рада! Только мы с Лидой привыкли уже вместе быть.

Девочки еще раз обнялись. Нюра ушла. Но ребятам не понравился такой приезд родителей их подруги.

— Мы ведь Нюре как братья теперь, вместе на Украине были... Что ж, они даже видеть нас не хотят? То ли дело Сашина мама! Мы у нее как свои!

— Может, Нюра сама виновата в этом? Не сказала им ничего, скрытничает — вот они нас и не знают, — осторожно заметил Саша.

— Ну нет! Нюра не скрытничает, а просто родители у нас какие-то неправильные! — с жаром сказал Петя.

— Ну да! — усмехнулся Мазин. — Чудные какие-то. Я помню, они один раз на праздник в школу пришли. Он толстый, маленький, а она большая, в шелковом платье, шуршит идет!... Чудные!

— Перестань, — нахмурился Васек. — Вам лишь бы погоготать лишний раз! Ну как тебе не стыдно, Мазин!

— И вообще нечего нам тут разбирать за глаза! — рассердился Одинцов. — Правильные родители, неправильные — не наше дело!

— А если Нюра сама не захотела, чтобы мы к ней пришли? Надо бы прямо спросить у нее, — серьезно сказал Сева Малютин. — Или это тоже не наше дело?

Мальчики замолчали.

— А может, у нее что-нибудь дома неладно? — предположил Одинцов.

Мазин решительно махнул рукой:

— Все равно. Пока не жалуется — не наше дело! Я бы голову оторвал тому, кто без спросу влез в мои дела. Пожалуется, скажет — тогда и разбирать будем.

— Верно, Мазинчик! Вот умник! — расхохотались ребята.

— Умник! Умник! Молодец мальчик! — хлопая Мазина по плечам и поглаживая по голове, шутил Петя Русаков.

— Одним махом все решил! Сразу по всем вопросам высказался!

— Конечно! А что тут долго цацкаться! — отбиваясь от товарищей, кричал Мазин. — Малютину только попадись у него любой вопрос к небу, как тянучка, прилипает. Я его знаю!

Сева Малютин тоже смеялся, но, уходя, грустно сказал Трубачеву:

— А все-таки у Нюры нехорошо на душе. И, что бы вы ни говорили, я это чувствую.

ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ

— Какое же время года вы любите больше всего? — спрашивает у ребят Анатолий Александрович.

Он идет без шапки. Весенний ветер развеивает его серебряные волосы, румянит помолодевшие щеки. Ребята, подпрыгивая, забегают вперед, ноги их скользят по мокрой земле, глаза щурятся от солнца.

— Мы все любим! Когда приходит зима, кажется, что это самое лучшее время, а когда осенью пойдешь в лес, то кажется, что самое лучшее — это осень! — весело говорит Васек.

— А весной — весна. А летом — лето. Мы все любим! — шумно подхватывают ребята.

— А я люблю весну! — выпрямляя грудь и быстрым физкультурным движением откидывая в стороны сжатые кулаки, громко говорит Костя.

Весна! Влажная черная земля, залитая солнечным светом, изумрудная зелень озимых, освободившихся от последнего серого снега, мутные веселые ручьи в колеях дороги...

— Ребята! Поставьте веху на повороте. Ну, кто быстрее? Давайте снимем этот участок дороги!

Ребята с шумом несутся до поворота. Лида скользит и с хохотом падает на одну коленку. Петя острым ножиком подрезает голый куст. Мальчишки топчутся на повороте, втыкают в мокрую землю веху и, прижав к бокам локти, несутся обратно. Калоши и ботинки их заляпаны грязью, на засученных штанах сохнут серые лепешки глины. Ребята снимают калоши и обчищают их о мокрую прошлогоднюю траву.

«И вы тут! И мы тут!» — шарахаясь с дороги, кричит стая воробьев.

«Буль-буль-буль! Тра-ля-ля!» — сбегая с пригорка, захлебываясь, поет весенний ручей.

Как могло быть хорошо, если б не было войны, если б на сердце не давил тяжелый камень!...

И, радуясь весне, люди с болью вспоминают о тех, кому, может быть, никогда уже не придется слушать веселую песенку ручья и греться под весенним солнышком.

Проклятье тебе, война! Нет пощады врагу! Не уйдет отсюда живым тот, кто пришел убивать! Не будет он смотреть в наше синее-синее небо, могилой станет ему наша земля!

* * *

— Ребята, у кого планшет?

Саша Булгаков ориентирует планшет и обозначает булавкой точку. Ребята собираются кучкой за его плечами, нетерпеливо подсказывают:

— Наводи визирную линейку на веху!

— Да я сам знаю! — отбивается от непрошенных советчиков Саша.

— Славные ребята! Просто жалко мне расставаться с ними! — улыбаясь, говорит Анатолию Александровичу Костя.

— Когда уезжаете? — тихо спрашивает тот, глядя, как ребята старатель — но

отмеривают шагами расстояние до поворота.

— Скоро, — чуть слышно отвечает Костя.

Взрослые думают, что если дети не слышат их, то и не догадываются, о чем идет разговор. Но взрослые часто ошибаются.

Участок дороги занесен на план. Теперь можно еще нанести на план группу деревьев, но ребята стоят, сбившись в кучку, и не двигаются с места.

— Костя скоро уезжает! — шепчет товарищам Васек.

— Откуда ты знаешь? Разве он говорил? — встревоженно спрашивает Петя, оглядываясь на Костю.

— Нет, он не говорил, но я знаю.

— И я знаю. Он последнее время проверяет все, что мы учили. А сегодня нечаянно сказал: «Пройдемся хоть по солнышку вместе...» — грустно добавляет Сева.

— А я по лицу все вижу — мне и говорить не надо, — вздыхает Нюра.

— Молчите только, пусть сам скажет, — предостерегает товарищей Одинцов.

— Эй, эй! Где вы там застряли? — весело окликает ребят Костя.

— Идите-ка сюда, молодые люди! — зовет Анатолий Александрович. Он стоит около большой березы и, наклонившись, разглядывает что-то на ее стволе.

Ребята бросаются на зов.

— Посмотрите-ка, у березы уже началось сокодвижение. Вот тут какой-то любитель уже провертел дырочку в стволе и лакомился березовым соком. Жаль дерево. Это весенние слезы, так называемый плач растений. В этом соке, кроме воды и минеральных солей, есть еще сахар.

Ребята поочередно прикладывают губы к березовому стволу. Мазин, крикнув, пьет долго, не отрываясь.

— Я давно любитель этого сока, — говорит он, обтирая ладонью губы.

Маленькая экскурсия выходит на поле. Всходы озимых стелются по земле ярко-зеленым бархатом.

Анатолий Александрович, низко склоняясь над всходами, осторожно приподнимает с земли тонкие побеги...

К обеду ребята возвращаются в город. Прощаясь, Костя протягивает каждому по очереди руку.

— Скоро я скажу вам один секрет, — говорит он, сияя голубыми, чуть выпуклыми глазами.

Эх, Костя, какой секрет можно уберечь от ребят! А еще сам недавно был школьником!

КОСТЯ УХОДИТ

— На прошлом уроке мы писали «Историю Пети Ростова»... — Екатерина Алексеевна положила на стол пачку тетрадей.

Обычно каждое изложение читалось вслух и тут же сообща обсуждалось. Ребята приготовились слушать.

Екатерина Алексеевна с особенной любовью относилась к занятиям по родной литературе. Эти уроки были для нее отдыхом, а для ребят — большим удовольствием.

Когда дежурный, поглядев на часы, заявлял, что урок кончен, ребята начинали просить:

— Еще немножко... хоть десять минуточек...

А сама Екатерина Алексеевна удивлялась:

— Разве уже кончен? Что-то очень скоро!

Время для уроков распределялось так. Сначала шел трудный урок — арифметика. Ребята подолгу простаивали у доски, решая задачи и примеры.

Одолевая обыкновенные дроби, ребята честно трудились дома и в классе, но часто какая-нибудь задача ставила отвечающего в тупик. Екатерина Алексеевна нервничала, снова возвращалась к пройденному материалу. Об этих занятиях она сама с горечью говорила: «Арифметика у нас идет так: шаг вперед — два назад!»

Вторым уроком обыкновенно был русский язык. Разбор по частям речи давался ребятам легко, диктанты радовали учительницу. Но самым любимым уроком было литературное чтение. Екатерина Алексеевна читала ребятам отрывки из произведений великих русских писателей. Она пробуждала в них интерес к чтению, и ребята, с трудом доставая книги, зачитывались по ночам. Изложения писались не часто, и разбор их всегда проходил очень оживленно.

Екатерина Алексеевна только раскрыла первую тетрадь, как в дверь кто-то постучал, и в комнату вошел Костя.

— Простите, Екатерина Алексеевна! Не вовремя я к вам, но... — он развел руками и поглядел на ребят, — так уж нескладно вышло. Пришел со своими ребяташками проститься, сейчас уезжаю. Надо им напутственное слово сказать. Вы уж простите, пожалуйста!

Ребята вскочили с мест, растерянные, огорченные. Костя вытащил из-за пазухи смятый учебник географии и засмеялся:

— Ну вот, все утро эту книжку с собой таскаю. Хотел раньше забежать, да не удалось.

— Костя, когда ты уезжаешь? Костя, куда ты? — волновались ребята.

— Подождите, вопросы потом. Сначала деловая часть. — Он перелистал учебник. — Вот, Екатерина Алексеевна, прошу и вас принять участие. Программу пятого класса по географии мы не закончили. — Костя поднял указательный палец и посмотрел на ребят: — При большом желании ребята могут и сами докончить курс, в учебнике тут все есть и очень ясно изложено. А если вы еще немного им поможете, то они вполне справятся с оставшимся материалом.

— Понятно.

— Ну, а как остальные занятия? Как идет история, арифметика, русский?

— История и русский язык меня не тревожат, а с арифметикой придется, пожалуй, повозиться. Ну ничего, справимся! — бодро закончила Екатерина Алексеевна.

Костя взял обеими руками ее руки и крепко пожал. Потом повернулся к ребятам:
— До свиданья, ребята! Уезжаю на фронт!

* * *

Под вечер этого дня маленький городок провожал на фронт своих комсомольцев. В новом военном обмундировании, статные, ловкие, они шли по улицам, четко отбивая шаг.

Светлые молодые лица их были суровы и непреклонны.

Люди стояли на тротуарах, тихие, торжественные, как на большом параде. В толпе нельзя было узнать матерей и сестер комсомольцев, уходящих на фронт, — в этот час все женщины были матерями и сестрами. Отдавая Родине самое дорогое, они смотрели вслед уходящим сухими, строгими глазами.

Над городом росла и ширилась песня, слова ее запоминались навеки:

...Идет война народная, священная война...

Рядом с комсомольцами по обочине мостовой шагала подрастающая армия ребят. Шли сборщики лома, бутылок, друзья и помощники семей красноармейцев, юные санитары и санитарки, работающие в госпиталях, шли младшие братья комсомольцев — пионеры.

В старых костюмчиках, в заштопанных и пропыленных от работы курточках, они шли, поражая сбереженными в чистоте, отглаженными красными галстуками.

Среди этих ребят шагали Васек Трубачев и его товарищи, они старались протиснуться ближе к той шеренге, где шли Костя и Миша.

ДОБРЫЕ ВСХОДЫ

Васек сел на стул и, уронив на колени шапку, глубоко задумался.

Жизнь стала похожа на большого колючего ежа — с какой стороны ни коснешься, все колется. Когда приходило письмо от отца, Васек радовался ему и, глядя на знакомый почерк, думал: жив. Когда же начинал высчитывать, сколько времени шло письмо, радость снова сменялась беспокойством: тогда был жив, а что-то теперь?

Прошло несколько месяцев с тех пор, как он в последний раз на вокзале обнимал отца, а всего, что пережито за это время, хватило бы на годы... Сколько хороших людей было с ним рядом! Он слышал их голоса, видел дорогие лица, всей душой тянулся к ним и горько оплакивал тех, кого уже не было в живых.

Но человек не проходит бесследно — каждый из тех, кого он знал и любил, оставил в его душе глубокий след и живую память. Так ушли из его жизни далекие украинские друзья, ушел Сергей Николаевич, Митя. Ушел голубоглазый географ Костя... И еще не успокоилось сердце, как вслед за Костей ушла Таня. Куда она ушла?

Поздней ночью сонного подняла его с кровати тетя Дуня и тихо шепнула:

— Таня уходит... Простись, Васек!

Васек вскочил, протирая глаза. Таня стояла перед ним в шинели, крепко стянутой ремненным поясом, из-под новенькой пилотки блестели ее карие золотистые глаза.

— Таня! Куда ты? Таня!... — Васек обхватил руками ее жесткую шинель. — Куда ты? Куда? — бессвязно спрашивал он, уже угадывая сердцем ответ.

Таня знала и любила его мать, его отца. Она жила ними, она хранила вместе с Васьком память о счастливых днях его детства. А теперь она стояла рядом, в шинели и пилотке.

Ваську казалось, что он уже видит связку гранат за ее поясом. Ему представились непроходимые тропы в глухом, незнакомом лесу. Он вдруг понял, куда она идет, и душа его смирилась...

Они сидели долго без слов. Потом Таня, как бывало раньше, уложила его в кровать, крепко укутала одеялом:

— Поклонись отцу, Васек... Родные вы мне... Вот возьми от меня на память.

Она вынула из кармана мягкий, пушистый сверток. Развязала зубами узелок, положила на одеяло толстую девичью косу... И ушла...

В его сердце прибавилась новая тревога, новая боль — человек не уходит бесследно.

Недавно здесь жил Саша. Они вместе возвращались из госпиталя, вместе учили уроки и, засыпая, делились друг с другом всеми своими горестями. Чтобы не мешать им, тетя Дуня переселилась в маленькую комнатку, где раньше жила Таня. И мальчики допоздна засиживались вдвоем, в дружеской откровенности облегчая свою тревогу, утешая друг друга и мечтая вместе о возвращении родных. Теперь Саша ушел... Маленькая квартирка опустела... Милый, заботливый Саша как будто унес с собой теплый уют их дома. Он так умело и хлопотливо прибирал комнату, заставлял Васька мыть посуду; они вместе варили суп и к приходу тети Дуни подогревали чайник. Саша всегда знал, что кому нужно, и трогательно заботился обо всех. Когда они оба вечером возвращались домой, он не ложился спать, поджидая тетю Дуню.

— Ты знаешь, она за день так натопчется, что по ночам стонет, — озабоченно говорил

он. — У нее болят ноги. Надо ставить их в таз с горячей водой, это очень помогает.

И, убедив тетю Дуню опустить ноги в таз с водой, он радовался, когда она, вздыхая, говорила:

— А ведь и правда помогает, Сашенька. Спасибо тебе, деточка моя!

У Саши набралось здесь столько дел, что, торопясь к своим, он никак не мог уйти и все поучал Васька:

— Ты комнату утром прибирай. А посуду мой, как только поешь. А придешь вечером — и сразу ставь воду. Тете Дуне трудно, она уже старенькая... И вот еще что, Васек, — Саша понижал голос, — ты заглядывай в ее комнатку перед сном. Она все шьет что-то и засыпает сидя. Надо тихонько разбудить ее и свет погасить, а то, знаешь, мало ли что...

Васек удивлялся:

— Да откуда ты знаешь, что она засыпает?

— Да я ее будил не раз. Ты не забывай этого, Васек...

В последний вечер перед приездом Сашиных родных мальчики долго не ложились. Тетя Дуня тоже сидела с ними и часто вздыхала.

— Заскучает теперь мой-то, — сказала она, поглядывая на Васька, и тихо, не желая обидеть племянника, добавила: — И мне, старухе, без тебя, Сашенька, скучно будет.

— Я буду приходить к вам. Мы с Васьком никогда не разлучимся, — утешал ее Саша.

— Жизнь большая — ан и разлучитесь. Кончите школу, разбредетесь кто куда... А кем же ты будешь, Сашенька? Какую профессию себе мечтаешь, сердечный такой?

— Я? — Саша густо покраснел, смутился. — Я учителем буду. Если, конечно, смогу... если примут меня!

— Учителем?

— Конечно! Я бы хотел... А если не примут меня, тогда уж... — Черные глаза Саши сделались грустными, он легонько пожал плечами. — Тогда уж хоть на ученого какого-нибудь выйду...

— На ученого? — Васек громко расхохотался. — Чудак! «Хоть на ученого»... Так ведь ученым потруднее стать, чем учителем!

Тетя Дуня тоже улыбнулась:

— Что это ты, Сашенька, ученого к учителю приравнял?

— Я и не приравнял! Вовсе не приравнял! Ученым каждый может быть. Для этого только книги и голова нужна. Учись, учись — и будешь! А вот учителем — это не каждый. Учитель все понимать должен: и наказывать зря нельзя, и прощать нельзя зря... Ну, мало ли чего надо, чтобы быть учителем! Разве это легко из какого-нибудь плохого человека сделать хорошего? А у него сколько в классе людей сидит — не все ведь хорошие бывают. Нет, я знаю, что говорю. Я об этом часто думаю... — горячо сказал Саша. — Ну что ты смеешься, Васек?

— Ха-ха-ха! «Хоть на ученого»... Вот так Сашка! — хохотал Васек.

Но тетя Дуня уже не смеялась.

— Не знаю, кем будешь, — серьезно сказала она Саше, но где бы ты ни был, Сашенька, люди тебя оценят.

— А меня? — ревниво спросил Васек.

Тетя Дуня любовно оглядела племянника, потом, как бы сравнивая его с товарищем, перевела глаза на Сашу:

— На том свет стоит, чтобы люди были разные. Ты, Васек, свое возьмешь, но Сашей тебе не быть.

— Не быть, тетя, — согласился Васек. — Саша сам по себе, а я сам по себе.

Теперь Саша ушел к своим родным. Васек и тетя Дуня остались одни.

Васек взглянул на часы и вскочил: «Поздно уже! Что это мне нужно сделать? Чайник подогреть? Да тетя Дуня легла уже, наверно!»

Он на цыпочках вышел в кухню, заглянул в маленькую комнату. Тетя Дуня крепко спала, низко склонив голову над столом.

«Без чая заснула... устала, видно, очень». Он посмотрел на седую голову с ровным, как ниточка, пробором. Какое-то давнее, детское воспоминание сжало ему сердце. Неужели это он, Васек, назвал когда-то тетю Дуню ведьмой?

Васек поглядел на мозолистые, худые руки с темными пятнами на кистях; на ноги, обутые в старые башмаки с растоптанными подошвами.

«Не сняла даже...» — подумал он и, бросившись в кухню, схватил таз. Но таз вырвался из его рук и с грохотом упал на плиту.

Тетя Дуня вздрогнула, проснулась:

— Васек!

Васек бросился к ней, припал к ее плечу:

— Ничего-то я не умею... Тетя, не спи, я тебе воду согрею!

— Что ты, что ты! — смутилась тетя Дуня. — Я сама согрею воду. Ложись спать, голубчик.

Но Васек все-таки побежал на кухню, нагрел воду и заставил тетку опустить в таз ноги.

— Это ты вместо Саши, что ли, меня балуешь? — спросила тетя Дуня.

— Он велел, — сознался Васек.

— Ишь ты... — тихо сказала тетя Дуня и, глядя куда-то вдаль, задумалась.

Васек не знал, о чем она думает, но он видел, как постепенно светлели ее глаза, как на рыжих, словно выцветших от солнца ресницах оседала влага скупых, непролившихся слез.

Васек вдруг представил себе ее одну, в этой комнате, дни и ночи ожидавшую известий о любимом брате, о племяннике. Кроме них, у нее никого не было на свете.

— Ишь ты! — снова повторила тетя Дуня, и далекий, ушедший в себя взгляд ее остановился на племяннике. — Вот ведь как... Пожил с нами Саша и ушел. А от доброго сердца своего и нам с тобой что-то оставил, чем-то хорошим с нами поделился, Вроде как посеял добрые семена твой Саша, и мы глядим... Словно бы взошли они у нас, принялись...

Васек взволновался. Что-то в тетке вдруг напомнило ему отца в минуты их задушевных вечерних бесед. Бывало, Васек сердитым шепотом жаловался ему на эту самую тетку, а отец, мягко улыбаясь, говорил:

«Конечно, Рыжик, человек она старой закалки, привыкла в своей коробочке замыкаться, а вот поживет с нами, новых людей повидает — и помаленьку от старого начнет отходить. Не понимает еще новой жизни, что с ней сделаешь... — И, притянув к себе Васька, лукаво улыбаясь, шептал ему на ухо: — Она все нас с тобой переучивает вроде, а мы ее помаленьку в нашу сторону гнем... Душа-то у нее советская, ну и откликается. Только помаленьку надо, Рыжик... К старым людям молодые всегда должны быть снисходительны, ты это запомни...»

Васек старался быть снисходительным. Но теперь этого больше не требовалось. Все, что говорила и делала тетя Дуня, вызывало в Ваське чувство гордости и уважения. По-новому встретила она его товарищей, по-новому относилась к людям, и даже в их дворе Васек часто слышал, проходя мимо женщин:

«Надо Евдокию Васильевну спросить. Это человек безотказный — всегда найдет, чем помочь...»

— Тетя Дуня, — серьезно сказал Васек, — ты нам с отцом самая родная. Побереги себя... Я тебе все делать буду, только скажи, если не догадаюсь чего...

НА ДЕЖУРСТВЕ

В бывшем четвертом классе «Б» стояли рядами больничные койки. Раненые, прикрытые тонкими байковыми одеялами, полулежали, полусидели, облокотясь на подушки. На белых тумбочках, придвинутых к кроватям, стояли стаканы, покрытые марлей, лежали стопками газеты, журналы и письма от родных. Ветер, залетающий в открытое окно, наполнял комнату свежим запахом молодой зелени.

Был тихий послеобеденный час, но никто не спал. Сегодня комсомольцу Васе сделали тяжелую операцию. В палату время от времени входила старшая сестра и тихонько трогала Васину руку, быстрыми, умелыми пальцами нащупывая пульс.

Раненые поднимали головы с подушек и с сочувствием глядели на бледное лицо с большим пухлым ртом и темными кругами вокруг плотно прикрытых глаз.

Вася был самым юным в палате, и старшие бойцы питали к нему отцовскую нежность.

— Операция прошла благополучно, да крови много потерял, — шептал, перегнувшись к соседу, боец с забинтованной рукой.

— Ну ведь тут врачи, уж они знают... А если в палату принесли, значит, ничего, — тихо откликнулся кто-то со своей койки.

Нина Игнатьевна строго посмотрела на говоривших и покачала головой.

Нюра Синицына сидела около постели пожилого раненого сержанта и, положив на книгу листок бумаги, писала под его диктовку письмо.

— Ну вот! Это все мы с тобой описали, — говорил ее раненый. — А теперь ты от себя приписочку сделай. Ведь моя дочка тоже пионерка. Вот и напиши ей, как подружке. Есть ли у них там госпиталь? Напиши, пусть пойдет поухаживает за ранеными. Радуются, мол, нам бойцы, любят детей. У каждого своя семья далеко, скучают они, дорога им наша ласка. От себя напиши...

Нюра взяла чистый листок:

«Здравствуй, дорогая подружка...»

Раненый сержант взглянул на первые, нерешительные строчки и закивал головой:

— Вот-вот... А как же тебе се назвать? Ясно, подружка...

За окном тихо качнулась тоненькая березка и, положив на подоконник ветки с легкими весенними листиками, заглянула в комнату.

Вася глубоко вздохнул и зашевелился. На чистом лбу его выступили мелкие капельки пота. Старшая сестра нагнулась к больному, вытерла марлей его лоб и тихонько позвала:

— Вася...

Нюра быстро оглянулась; раненые, морщась от боли, приподнялись на койках. Вася открыл светлые глаза, жадно глотнул воздух запекшимися губами.

— Пить хочет, — тихо сказал кто-то с дальней койки.

Нюра схватила стакан, звякнула графином.

— Тсс... нельзя ему после наркоза... — зашумели на нее со всех сторон раненые.

Нина Игнатьевна сделала строгое лицо:

— Тише!

Вася снова открыл глаза. Большой рот его дрогнул слабой улыбкой:

— Я знаю... нельзя мне...

Все заулыбались.

— Ну вот, теперь все в порядке. Вечерком, пожалуй, в шахматы сразимся! — весело пошутил молодой красноармеец, поправляя съехавшую на лоб повязку.

Вася вытянул руку, провел по одеялу, поднял тревожный, вопросительный взгляд на сестру.

— Все хорошо, Вася! Теперь на поправку пойдешь, — заверила его Нина Игнатьевна. — Лежи спокойно.

Она встала, взяла со стола графин с водой и, прикрывая его полотенцем, вынесла в коридор. Вася увидел озабоченное лицо Нюры, подозвал ее глазами. Нюра поспешно бросилась к нему.

— Ног не чувствую... — прошептал Вася, с усилием приподнимая голову.

Молодой красноармеец с повязкой на лбу подошел к его кровати, откинул одеяло. Вася поглядел на свои забинтованные ноги и, облегченно вздохнув, опустил на подушку.

— Ну, убедился, что ноги целы, теперь лежи спокойно! — пробасил пожилой бородатый сержант Егор Иванович, под диктовку которого Нюра писала письмо. — Отойди, дочка, от него!... А куда вы собрались, хлопцы? Дайте ему покой. Успеете наговориться! — урезонивал он раненых, подошедших к постели товарища.

Но несколько молодых бойцов уже уселись около Васи и, запахивая длинные халаты, ласково заглядывали ему в лицо:

— Теперь здоров будешь, Вася! Еще и повоюешь!

— Уйдите, пожалуйста, не разговаривайте, — попросила Нюра. — Вот наши ребята обрадуются! — шепнула она Васе. — Они ведь еще не знают, что операция хорошо кончилась.

Прошло уже много времени с тех пор, как Вася прибыл в госпиталь. Первая операция не дала желаемых результатов. Вася долго был в тяжелом состоянии, а когда наконец пришел в себя, оказался разговорчивым и общительным. Однажды, увидев на дежурстве ребят, обрадовался:

— Здорово, пионеры! Я — комсомолец, до войны вожатым был.

И, выпростав из-под одеяла худую руку, протянул ее мальчикам. Мальчики по очереди подержали эту руку, потом присели на его койку и разговорились. Они рассказали ему, как жили на Украине, как приехали, как начали учиться.

Вася живо интересовался всем, расспрашивал, просил почаще навещать его.

С тех пор о Васе ребята не говорили иначе, как «наш Вася».

Нина Игнатьевна положила комсомольца в палате «4 Б». Эта наклейка на двери бывшего класса так и оставалась нетронутой, поэтому скоро и палату стали называть «палата 4 Б». Ребята больше всего любили дежурить в этой палате. Вася постепенно рассказал им, где и как он был ранен, вспомнил 4-ю батарею и долго, с любовью говорил о своем командире.

Этого командира теперь звали в палате просто «Васин герой». Комсомолец любил говорить о нем в вечерние часы, когда, перегнувшись друг к другу через спинку кровати, красноармейцы вели душевные беседы о доме, о родных, о далеких и близких. Родные были и у Васи, но ни о ком не вспоминал он с таким жаром, как о своем командире, который, по всем вероятностям, остался лежать далеко-далеко в снежном поле, где на 4-й батарее вместе с Васей, плечом к плечу, они уничтожали танки врага. Вася был ранен, и, когда пришел в себя, вокруг было тихо, стояла глубокая ночь. Он лежал на снегу, заботливо прикрытый шинелью командира. Но где был сам командир? Вася попробовал двинуться, но кровь, как кора, задубела на его раненых ногах — ноги были чужие, мертвые. Тогда он пополз, проваливаясь локтями в сугробы и окликая командира. Дальше Вася ничего не помнил. Очнулся он в

санитарном поезде и не поверил, что жив...

Командира среди раненых не было, и всю дорогу, пока шел поезд, Вася метался и говорил в бреду, что там, в снегу, на поле, лежит храбрый из храбрых, лучший из лучших — его, Васин, любимый командир.

История Васи и его рассказы окончательно завоевали сердца ребят.

— Кончится война — найду я своего командира, живого или мертвого найду. А может, еще и на войне где его повидать, — задумчиво говорил Вася и тут же с уверенностью добавлял: — Не может такой человек погибнуть. Нет, не погиб он... Двое нас оставалось, оба мы и живы... Кто ж бы меня шинелью прикрыл, как не он!

Найти командира было Васиной мечтой. И эта мечта передалась ребятам; они понимали ее и всей душой сочувствовали Васе. Но что, если Вася лишится ног?

Теперь, после второй операции, эта опасность уже миновала, и Вася, окруженный своими товарищами по палате, счастливо улыбался сухими, бескровными губами.

— Молодец, Вася! Наши комсомольцы духом не падают! — подбадривали его бойцы.

ПРИЕЗЖИЙ

От вокзала отходил поезд. Стоя на площадке, Анатолий Александрович ласково кивал головой провожающим его ребятам: «До скорого свиданья, друзья мои! Я надеюсь, что мы с вами встретимся уже в шестом классе».

Поезд ускорял ход, ребята долго бежали рядом. Из окон виднелись головы подростков, уезжающих на работу в колхоз.

— Э-эй! Пионеры, едем с нами трудодни для армии зарабатывать! — весело кричали они ребятам.

Когда поезд ушел, Васек остановился на краю платформы и с завистью поглядел вслед:

— Поехали! И мы могли бы в колхозе для армии поработать!

— Нас арифметика держит, — с досадой сказал Саша.

Ребята медленно пошли к выходу. А в это время к чисто выметенной деревянной платформе подошел другой поезд. Из вагона вышел пожилой человек и, оглядевшись, энергичными шагами направился в город. Приезжий был, очевидно, многим знаком. Он шел по улице, и то там, то сям люди приветливо здоровались с ним. Некоторые останавливались, как будто желая заговорить, другие с уважением глядели вслед.

На одном углу несколько подростков, завидев высокую фигуру приезжего, о чем-то оживленно заспорили; двое ребят, громко разговаривая, долго шли за ним, видимо не решаясь окликнуть и в то же время непременно желая в чем-то убедиться.

— Я тебе говорю — это директор второй школы! Это он! Я его сразу узнал! — говорил один.

— Директор, а школы нет! — хмуро отвечал ему товарищ.

— Ну, был бы директор...

Приезжий обернулся и с улыбкой досказал:

— ...а школа будет!

У ворот госпиталя приезжий немного помедлил, потом снял шляпу, вытер носовым платком высокий лоб и вошел в калитку. На зеленой траве и под деревьями стояли скамейки. На них сидели раненые. За длинным школьным столом, покрытым вылинявшим красным сукном, выздоравливающие играли в шахматы. Приезжий приветливо кивнул им головой и направился к крыльцу.

В это время из окна, где жил школьный сторож, выглянула и скрылась седая голова, потом окошко захлопнулось, слышались торопливые старческие шаги, и, широко распахнув дверь, Иван Васильевич предстал перед приезжим. Лицо у него было удивленное и радостное, густые усы топорщились, помолодевшие глаза блестели из-под нависших бровей.

— Леонид Тимофеевич! Когда же это вы?... Подали бы хоть весточку!

Директор крепко пожал руку старику:

— Здравствуйте, Иван Васильевич! Ну, как тут у вас?

Сторож кивнул головой на раненых:

— Да вот, писал я вам, госпиталь у нас... А школы-то нет! Нет школы, Леонид Тимофеевич! — сообщил он вдруг, как неожиданную, грустную новость.

— Ничего, старина, все будет! Ну-ка, зайдем в вашу каморку, поговорим, — сказал директор.

— Пожалуйста, пожалуйста... Растерялся я от радости, Леонид Тимофеевич... Ведь неожиданно-негаданно прикатили, — бормотал сторож, провожая в свою каморку дорогого гостя. — Позвольте, чайку согрею.

— Чайку — это потом. А сейчас садитесь, рассказывайте. Письма были?

— Как же, пишут, пишут... Выпускники все больше да учителя. Кто где... А от Сергея Николаевича одно письмо я вам переслал, а больше вестей не было. Может, на ваш адрес он писал?

Директор покачал головой:

— Нет... Я надеялся тут застать письмо.

Помолчали.

— Ну, а ребята как? — спросил директор.

— Ребята здесь, в госпитале, работают. Хорошо работают... Вот и сейчас девочки тут. Позвать? — заторопился Иван Васильевич.

— В городе много ребят... — не отвечая сторожу, задумчиво сказал директор. — К осени еще больше будет. Вернутся наши ученики из Свердловска. Я уже передал там дела новому директору. Потянуло домой, свою школу восстанавливать надо.

Иван Васильевич ожил, разговорился:

— Ясное дело, Леонид Тимофеевич! Без школы ребята — сироты... Сейчас лишь бы помещение найти, а оборудование у нас все цело. Уж это — не извольте беспокоиться... Парты в сарае малость поистерлись, ну это лаком можно подновить. Вот помещение бы только найти... — Грозный вопросительно смотрел на директора.

— Помещение найдем, — сказал Леонид Тимофеевич, заглядывая в свою записную книжку, и, заметив выжидающий взгляд старика, дружески похлопал его по плечу: — Все будет хорошо. А пока позовите-ка ребят, кто тут сейчас дежурит. Девочки? Это из отряда Трубачева?... А что слышно о Мите? Письмо было?... Ну, сейчас они мне сами расскажут... Позовите-ка их, кто там свободен.

— Сейчас, сейчас! — Школьный сторож торопливо надел белый халат. — Не пускают туда иначе, — шепотом пояснил он, встретив смеющийся взгляд директора. — И то только до сестры пройдешь... Строгость — беда!

Он прикрыл за собой дверь и быстро засеменил по коридору.

Директор поглядел на часы и, постукивая двумя пальцами по столу, глубоко задумался.

ВАЖНЫЕ НОВОСТИ

Нюра стояла перед школьным сторожем и растерянно глядела на него большими, удивленными глазами:

— Директор? Какой директор?

Грозный спрятал в усах довольную усмешку:

— Ну вот, все на свете перезабыла! Ступай, говорю, зови подругу, и чтобы в один момент обе были! Школьница, а спрашивает, какой директор!

Нюра всплеснула руками и бросилась разыскивать Лиду:

— Снимай халат, пойдем! Скорей, скорей!

— Да какой директор? — на ходу снимая халат, допытывалась Лида.

Перед дверью Ивана Васильевича обе остановились.

— Это наш директор! — прошептала вдруг Лида, хватая подругу за руку. — Я чувствую... Наш, наш! Это Леонид Тимофеевич!

Нюра решительно открыла дверь.

Леонид Тимофеевич встал навстречу, вглядываясь близорукими глазами в лица девочек.

— Здравствуйте, Леонид Тимофеевич! — дружно и радостно вырвалось у обеих, но голоса их дрогнули, и, не смея обнять своего директора, они уткнулись друг в дружку.

— Вот тебе раз! А я думал — увижу таких крепких, закаленных в боях пионеров, — пошутил Леонид Тимофеевич, глядя на них ласковыми, смеющимися глазами. — Думал, помощницы у меня будут, вместе школу будем строить...

— Школу? Строить?

— Что, испугались? А я вот не испугался! Что ж, думаю, есть у меня такие помощники, как отряд Трубачева. Вот Лида Зорина, например, — почему бы ей не построить заново четвертый класс «Б»? Ну, почему?

Леонид Тимофеевич шутил, девочки смущались.

— Вы, может быть, шутите, Леонид Тимофеевич?

— А может быть, и не шучу, — улыбался директор.

— Тогда...

Девочки переглядывались:

— Мы, конечно, будем строить... Только мы еще никогда не строили ничего...

— Не строили школ?

— Нет! — засмеялись девочки.

Директор стал серьезен.

— Строить заново мы, конечно, не будем. Я списался с местным начальством и предложил взяться за ремонт какого-нибудь подходящего дома, чтобы осенью открыть в нем школу. Один такой дом на примете есть, но завтра я еще кое-где побываю и договорюсь окончательно.

Директор задумчиво посмотрел на взволнованные лица девочек и открыл записную книжку.

— Денька через два я сообщу вам через Ивана Васильевича, когда и куда прийти.

В конце разговора Нюра робко спросила:

— А наши ребята из пятого «Б» скоро приедут?

— Все собираются. Конечно, те, кто эвакуировался с родителями, вероятно, останутся до конца войны — отцы и матери их уже работают там на заводах, на фабриках. Люди везде нужны, работу сейчас не бросишь. Но многие летом обязательно приедут. Сейчас экзамены у них уже кончились. И ваш класс пятый «Б» уже стал шестым.

В глазах у девочек мелькнуло беспокойство.

— Ну ничего, ничего. Один год вам придется пропустить, что поделаешь! Зато уж с осени начнутся регулярные занятия, — успокоил их директор и тут же спросил: — А вы хоть немного занимались эту зиму?

— Мы занимались, мы хороню занимались! — торопливо заверила Лида. — Мы и сейчас занимаемся.

— Это очень хорошо! Но сейчас уже июнь, начало лета, — надо будет отдохнуть, набраться сил. Вот посмотрим, что за ремонт предстоит. Может, и вам найдется там какая-нибудь работа. Физический труд на свежем воздухе всем на пользу... А что Митя, писал он? — неожиданно спросил директор.

— Писал. Только давно уже письмо было, — грустно сказала Лида.

— Еще осенью, — добавила Нюра. — Ведь оттуда редко кто приезжает.

В разговор директора со школьницами Грозный не вмешивался. И только на прощанье, когда, обратившись к нему, директор сказал: «Вот и Иван Васильевич в стройке нам поможет», — школьный сторож скромно ответил:

— Стройка — это прямое наше дело, Леонид Тимофеевич.

* * *

Попрощавшись с директором, девочки бросились к Трубачеву. Васек занимался. Держа перед собой книжку, он расхаживал по комнате, повторяя заданный урок по грамматике.

— Васек! — крикнула еще на лестнице Лида. — У нас хорошая новость!

Васек выскочил навстречу девочкам.

— Директор наш приехал! — выпалили обе сразу. — Леонид Тимофеевич!

Васек бросил учебник, позвал девочек в комнату:

— Рассказывайте все!

— Да что — все? Ну, приехал! Будет дом ремонтировать для школы. А денька через два он скажет Ивану Васильевичу, куда нам прийти. Вот! Одним словом, надо ребятам сказать!... — залпом рассказывала Лида.

— И еще хорошая новость: Васина операция прошла благополучно! Он уже пришел в себя. Привет вам передавал, — перебивая подругу, говорила Нюра.

Васек слушал девочек, радостно повторяя:

— Какие новости!... Вася... Директор...

Приезд директора сильно взволновал его. Школа теперь уж обязательно будет.

Вторая новость тоже обрадовала мальчика. Еще вчера, разговаривая с Васей, ребята очень тревожились за него, теперь все тревоги были позади.

Васек схватил тубетейку:

— Так что же мы сидим? Пойдем, ребятам все расскажем! И нам еще Васю навестить нужно...

— К Васе сейчас нельзя, — предупредила Нюра. — Нина Игнатьевна и так сердится, что все к нему приходят.

— Да мы бы на минуточку... Ну ладно, потом пойдем, лишь бы все хорошо было... А что Леонид Тимофеевич сказал? Денька через два-три? Это, значит, в среду — четверг. Кто будет дежурить во вторник вечером, не забудьте спросить у Грозного, куда нам прийти. Надо сейчас же всем ребятам рассказать. Пойдемте к Булгакову.

— Вы идите, а мне нужно домой, — сказала Нюра.

— Да пойдем! Такие новости! Пойдем, мы ненадолго... — уговаривала се Лида.

— Нет, меня и так всегда ругают... Мне нужно домой!

Когда Лида и Васек, перепрыгивая через весенние лужи и обгоняя друг друга, завернули за угол, Нюра остановилась и с грустной завистью поглядела им вслед.

«Другая мама сказала бы: «Беги, конечно, Расскажи, порадуйся вместе», а моя только все сердится! — подумала она, отвечая на свои мысли. — Может, я сама неправильно делаю — все молчу, ничего не рассказываю, — попробовала она оправдать свою маму. И тут же снова ответила себе сама с горькой уверенностью: — Да разве можно что-нибудь рассказать! У нее ведь все плохо: и ребята наши плохие, бегаю-то я зря, и об учебе ничего не думаю... И про Екатерину Алексеевну сказала, что она ненастоящая учительница. Лучше бы спасибо ей сказала! А то еще обзывает «ненастоящая учительница»! Как будто Екатерина Алексеевна обязана с нами заниматься...»

Расстроившись своими мыслями, Нюра шумно вошла на крыльцо, потопала ногами и открыла дверь.

— Наконец-то! — сказала мать. — Я думала, что ты уж снова к какой-нибудь своей приятельнице переселилась.

— Никуда я не переселилась! — резко ответила Нюра. — И в госпитале была. У нас новость — директор наш приехал, вот что!

Она сказала о приезде директора сердитым голосом, потому что была уверена, что в родительском доме никто не интересуется ее делами и даже хорошее известие никого здесь не может обрадовать.

Но лицо матери вдруг оживилось:

— Директор? Леонид Тимофеевич? Что ж ты сразу не сказала? — Она пошла за дочерью, запахивая на ходу фланелевый халат и поправляя гладкие седеющие волосы. — Это новость!

Что ж ты сразу не сказала? Может, учиться будете?

— Мы сами еще ничего толком не знаем, мама. Приехал — и все, — кратко ответила Нюра.

Мать вздохнула и пошла в кухню.

— Никогда ничего не хочет рассказать матери, хоть клещами из нее каждое слово тащи! — пожаловалась она соседке.

А Нюра остановилась посреди комнаты и снова с грустной завистью подумала: «А ребята-то сейчас! Радуются, шумят... Наверно, уже всех обежали. Ведь директор приехал! Дом будут ремонтировать... И еще новость — Вася... Эх, порадоваться бы вместе! Ведь такие важные новости!»

ЗЕЛЕНый ПУСТЫРЬ

В среду вечером Грозный передал ребятам адрес будущей школы и велел на другой день к десяти часам утра быть на месте.

Взволнованные этим сообщением, ребята все, как один, минута в минуту в половине десятого собрались в палисаднике у Севы. Не хватало только Саши. Его ждали, волновались, смотрели на часы.

— Подождем еще. Никогда он не опаздывал, сейчас прибежит! — говорил Васек.

Несмотря на то что шел крупный летний дождь и платья ребят промокли, настроение было праздничное, радостно-возбужденное.

— Не то на демонстрацию идем, не то в поход собираемся — просто ноги на месте не стоят! И где это Сашка запропастился? — нетерпеливо говорил Одинцов.

— И бывают же такие люди, честное слово! Тут спешишь, а тут стой как дурак! Эх, жизнь! — ворчал Мазин.

— А зачем нам стоять? Пойдемте к нему сами, — предложила Нюра.

Шлепая по темным лужам, ребята помчались по улицам.

Во дворе Саша, нагнувшись над кучей лома, перебирал куски железа и что-то объяснял собравшимся вокруг малышам.

Нютка, обвязанная материнским платком, стояла перед братом и, стирая с румяных щек капли дождя, возбужденно жаловалась ему на соседского мальчишку:

— Я говорю: «Светляк, Саша не велел собирать жестянки, надо собирать другие вещи», а он не слушается.

— Нужно ему объяснить — ты старшая, — строго говорил Саша сестре.

Ребята остановились в воротах.

— Подождем, — сказал Одинцов, — у нас еще есть время. Пусть Саша кончит разговор.

В калитку вдруг с громким ревом вбежал толстый, неуклюжий малыш. Обеими руками он прижимал к себе старую чугунную сковородку и, добежав до Саши, уткнулся в него головой.

— Мамка... отнимает...

За малышом показалась женщина в темной косынке, с молодым веселым лицом.

— Светляк! — смеясь, кричала она. — Ой, не могу! Что ж это за парень такой! Последнюю сковородку у меня утащил. Я говорю — положи, а он — в рев, — сказала она, подойдя к Саше. — Не на чем картошку поджарить, честное слово! Уж я ему все с чердака выгребла, старую медную кастрюлю давала. — Нет! Ухватил сковородку — и бежать!

Ребята расхохотались:

— Вот умора!

Но Саша даже не оглянулся. Обняв Светляка, он что-то тихо и убедительно сказал ему, осторожно взял из рук мальчика сковородку, отдал стоявшей рядом женщине и тут же распорядился:

— Ступайте за кастрюлей. Медь нам очень нужна. Ступай с Нютой, Светляк! Ты у нас хороший работник, только без спросу ничего брать нельзя.

Светляк успокоился, и целая куча ребят во главе с Нюткой прошествовала по двору мимо мальчиков.

Саша подбежал к товарищам.

— Ну, теперь идем! — весело сказал он.

— А куда же ты их в дождь отправил? — усмехнулся Васек, глядя вслед ребяташкам.

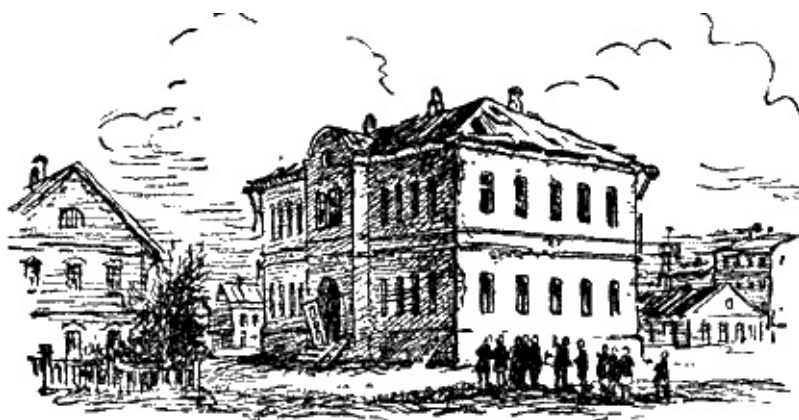
— Ну какой это дождь! Пусть ко всему привыкают, — махнул рукой Саша.

— Правильно, Сашка! Ну что за Сашка! — обнимая товарища за плечи, растроганно сказал Одинцов.

Без десяти десять ребята подходили к назначенному месту.

Дождь кончился.

На пустыре влажно блестела зеленая трава. В глубине двора стоял серый двухэтажный дом. Стены его были крепкие, но в темные провалы окон виднелись потрескавшиеся потолки, на полу валялась отбитая пластами штукатурка, парадный вход со двора прикрывался одной половиной тяжелой дубовой двери, другая половина ее лежала на широких каменных ступенях крыльца. На дворе валялся щебень, под ногами хрустело битое стекло, под окном торчали поломанные оконные рамы.

Большой пустынный двор ничем не был отгорожен от улицы. Чуть приметные дорожки заросли травой и желтыми одуванчиками. Внимательно оглядываясь вокруг, ребята с трепетом вошли на пустырь. Нигде не слышалось ни одного голоса.

— Рано еще, — сказала Лида.

Остановились у кучи щебня. Разбитый угол дома был завален досками и кирпичом. Сплюснутая водосточная труба болталась под крышей и, ударяясь о стенку, издавала жалобный, дребезжащий звук. За домом чернела глубокая яма, наполненная водой.

— Воронка! — сказал Петя. — Сюда, видно, бомба попала.

— А какой был красивый дом!... — со вздохом протянула Нюра.

— Он совсем новый. Его до войны строили. Мы для землянки здесь дощечки брали. Помнишь, Мазин?

— Помнить-то помню... — неопределенно сказал Мазин.

Все хмуро и печально глядели на пустынное крыльцо и безглазые стены будущей школы.

Васек пробрался через щебень к дому, приложил ухо к стене, по-хозяйски постучал по ней палкой:

— Стены крепкие...

Мазин заглянул в окно и тихонько свистнул:

— Все печи развалены. Двери на полу валяются...

— Ну и что? Испугались? Подумаешь, окон и дверей нет! А руки есть? — задорно сказала Лида и, увидев, что Мазин усмехается, обрушилась на него: — А тебе-то, Коля, уж совсем стыдно! Здоровый, как этот самый... ну...

— Буйвол! — поспешно подсказал Одинцов.

Ребята расхохотались. Лида тоже не выдержала и засмеялась:

— Я, конечно, не то хотела сказать. Сила у нас у всех есть! Ну что нам страшно?

— Да кто тебе сказал, что страшно? Мы ведь осматриваем еще только, — пожал плечами Одинцов, — а что скажут, то и будем делать. Ты всегда наперед выскакиваешь!

— Да потому, что вы сразу скисли. Увидели, что трудно будет, и скисли, — заступилась за Лиду Нюра.

— Да подождите вы спорить! Вот у нас привычка, я заметил: как что серьезное — так мы сейчас же начинаем спорить. Пойдемте лучше посмотрим! — предложил Сева Малютин.

— Верно! Пошли комнаты осматривать! — крикнул Петя Русаков, вбегая по широким ступеням на крыльцо.

— Пошли!

Ребята бросились за Петей.

— Подумаешь, комиссия какая! Инженеры! — смеялась над ними Нюра.

— А вы — инженерши!... Ну, полезайте, не бойтесь... Лида, не хватайся за дверь, а то еще сорвется. Болтается она, как довесок!

Перебравшись через сорванные, с петель входные двери, ребята очутились в просторном коридоре. Оттуда навстречу вела широкая лестница.

— Лестница! Лестница! Совсем как у нас в той школе, только еще больше! — радовалась Лида.

Ребята обошли все комнаты, поднялись на второй этаж и, удовлетворенные осмотром, единогласно решили, что дом вполне подходящий для школы.

— Это как раз то, что нужно, — заявил Васек.

— Конечно! И дом хороший, и двор большой. Можно сад развести. Смотрите! — Сева подошел к окну.

Но Лида вдруг схватила его за руку и знаками подозвала остальных ребят:

— Тише! Директор! И еще кто-то...

Ребята сгрудились у окна. На высокой горке битого кирпича стояла группа людей. Леонид Тимофеевич, вытянув вверх руку, громко говорил:

— Второй этаж я думаю употребить под классы, маленькая комната над лестницей пойдет под учительскую. Несколько классов удастся сделать внизу. Там же — большой школьный зал, пионерская комната...

Ребята, схватившись за руки, едва сдерживали волнение.

— Тише, тише... Вот этот справа — товарищ Круглов из райкома партии, я его знаю, он живет за три дома от нас. А другой, с бородкой, это товарищ из роно... Помните, он к нам в школу приходил.

— А там еще кто-то, вон отдельно стоит.

— Тсс... Это Грозный... Чудачка! Грозного не узнала!

— Не шепчитесь! Дайте послушать!

Снизу донесся голос товарища из роно:

— Все это хорошо, но вот как насчет рабочей силы? — Он погладил узкую бородку и обернулся к товарищу Круглову. Секретарь райкома молча посмотрел на дом, потом перевел взгляд на Леонида Тимофеевича.

В живых, блестящих глазах его мелькнул лукавый огонек.

— А вы как предполагали? — спросил он у директора.

Леонид Тимофеевич ответил ему таким же лукавым, смеющимся взглядом:

— Я, конечно, рассчитывал на вашу помощь.

— Может, из ремесленного можно отрядить бригаду? — спросил товарищ из роно.

— Вряд ли. Ремесленники у нас очень заняты — они делают огромную работу. На их плечи легла большая нагрузка. Это в наше время незаменимые кадры.

Секретарь райкома с живостью повернулся к Леониду Тимофеевичу:

— И вы не смотрите, что им по четырнадцать лет. Они такие дела делают, что впору взрослым.

— Ой, слышите! А мы-то? А мы-то? — округляя глаза, зашептала Лида.

— Пошли! — вдруг сорвался Васек. — Мы тоже можем работать! Мы не боимся работы!

Ребята, перепрыгивая через кирпичи и щебень, бросились во двор. Чумазые, перепачканные известкой и пылью, они неожиданно, один за другим, спрыгнули с крыльца и предстали перед директором.

— Здравствуйте, Леонид Тимофеевич! Мы прибыли в ваше полное распоряжение! — твердо сказал Васек и, не в силах скрыть охватившей его радости от встречи со своим директором, добавил взволнованной скороговоркой: — Здравствуйте! Мы вас ждали, ждали...

— Мы ждали, так ждали!... — перебивая друг дружку, закричали ребята.

Взрослые с веселой усмешкой и удивлением глядели то на ребят, то на директора.

Леонид Тимофеевич сбросил пенсне, улыбнулся, сбежал с горки:

— Здравствуйте, здравствуйте! Пришли?... Ну, молодцы! Ведь я еще не видел вас, вот девочек только...

Он обеими руками пожимал ребятам руки, глядел на них помолодевшими, веселыми глазами.

— Леонид Тимофеевич, мы будем работать! Мы изо всех сил будем работать! — кричали ребята.

Круглов звучно расхохотался, откидывая назад голову и разводя руками:

— А мы тут толкуем, где рабочую силу взять!

— Вот вам и наши школьники! — шепнул ему товарищ из роно.

— Подождите... в этом еще нет ничего реального. Это помощники, а здесь нужна основная рабочая сила.

Круглов подошел к ребятам и, притаив усмешку в черных глазах, серьезно спросил:

— Ну как, пионеры: если мы поручим вам отремонтировать этот дом под школу — возьметесь?

— Возьмемся! — хором ответили ребята.

— Хорошо! — Круглов вынул из портсигара папиросу, не спеша зажег спичку, затянулся дымом. Указал глазами на дом: — А ведь порядочно тут работы, верно? И работа нелегкая. Надо уметь связать рамы, надо наново сложить печи, подправить двери, оштукатурить стены. А? Ну как, беретесь?

Ребята переглянулись.

— Пообещать легко, но обещанное надо выполнить. Подумайте хорошенько!

Леонид Тимофеевич мельком взглянул на товарища из роно, и оба они украдкой улыбнулись.

— Мы уже все обдумали, — смело сказал Васек. — Как бы там ни было, а нам нужна школа. Летом еще наши ребята приедут, тоже будут помогать. А если мы что не сумеем, тогда Леонид Тимофеевич...

— Леонид Тимофеевич не столяр и не плотник — он директор. Он будет только распоряжаться, — поддразнивая ребят, улыбнулся Круглов.

— Ничего! — вдруг выступил Мазин. — Мы, если надо, всех достанем. В райком комсомола пойдем! — Мазин выпятил нижнюю губу и важно добавил слышанную где-то

фразу: — Мы общественность привлечем!

Секретарь райкома сузил черные глаза, усмехнулся:

— Ого, да вы все дороги знаете! Ну, тогда и говорить не о чем!

Он обернулся к Леониду Тимофеевичу и что-то сказал ему. Взрослые долго смеялись. Ребята стояли в стороне и ждали.

Уходя, товарищ Круглов ласково и серьезно сказал им:

— Школа, конечно, нужна, и все, что можно, мы сделаем. Только уж помогать придется на совесть, на пионерскую совесть, понятно?

— Понятно!

— Ну, я к вам еще загляну как-нибудь. До свиданья, пионеры!

Ребята ликовали.

— Нам хоть бы одного плотника, и столяра, и печника — лишь бы посмотреть, как и что. А то мы и сами научимся! — захлебываясь, говорил Петя Русаков.

Проводив своих гостей, Леонид Тимофеевич вернулся к ребятам. Грозный тоже подсел к ним.

— Ну, теперь рассказывайте! — сказал директор.

Ребята замялись, не зная, с чего начать.

— Столько всего было, Леонид Тимофеевич!... — покачала головой Лида.

Мальчики начали рассказывать. Вспомнили тяжелые дни, проведенные на Украине, своих далеких друзей, вспомнили Макаровку... И, опустив головы, замолчали.

— А березку Валину мы из той школы перенесем и посадим тут, под окошечко, — тихо сказала Нюра.

— Это хорошо. Как раз внизу у нас будут старшие классы, — заметил Леонид Тимофеевич.

Разговор снова вернулся к ремонту дома. С чего начинать?

— Начинать надо с уборки мусора, — сказал директор. — Причем это нужно делать с толком, так как среди битого кирпича попадают целые кирпичи и половинки — они могут пригодиться. Большие куски стекла тоже пойдут в дело. Вот и начинайте с разборки. Щебень в яму закопаем где-нибудь подальше... По уборке двора и дома назначим руководителем Ивана Васильевича.

Грозный весело подмигнул ребятам:

— Это мы сделаем, сделаем!

Уходя с зеленого пустыря, ребята уже чувствовали себя хозяевами будущей школы.

— Вот кусок стекла... осторожно! Откладывайте сразу в сторону! Не наступите! — кричали они друг другу. — Эх, запереть бы ворота, да ворот нет...

* * *

Через несколько дней к Трубачевым зашел Иван Васильевич. Тетя Дуня не знала, куда усадить старика. Но у Грозного был деловой вид, он решительно отказался от чая и с важностью заявил Ваську:

— Завтра свою бригаду посылай на пустырь, а сам пойдешь с Леонидом Тимофеевичем по делам хлопотать.

— Куда? — не понял Васек.

— Куда — это мне не доложено, это сам директор знает. А только не опаздывай, к девяти часам будь в старой школе обязательно. Леонид Тимофеевич туда зайдет... До свиданья, Евдокия Васильевна, привет и почтение!

— Ишь, форсу набрался старик, — добродушно сказала тетя Дуня, глядя, как Грозный, опираясь на суковатую палку, шел по двору.

— Да как же! Ведь ремонт дома начинается. А еще он у нас главный по уборке мусора, — рассеянно сказал Васек, думая о приглашении директора.

— Оденься получше: рубашечка белая у меня на случай заготовлена, галстук шелковый возьми — с ответственными людьми разговаривать будешь, — забеспокоилась тетя Дуня.

СЫН ГЕНЕРАЛА КУДРЯВЦЕВА

Васек ходил за директором, не понимая, зачем Леонид Тимофеевич взял его с собой. Они деловито шагали по улицам, заходили в разные учреждения, знакомые Ваську только по названиям: «Райисполком», «Райсовет», «Роно». Леонид Тимофеевич вел длинные разговоры с разными людьми, потом бегло кивал головой Ваську:

— Посиди здесь! — и исчезал за дверью какого-нибудь кабинета.

Там он снова с кем-то разговаривал, а Васек от нечего делать разглядывал сидевших тут людей; все они чего-то ждали, рылись в своих портфелях, перебирая какие-то бумажки.

Леонид Тимофеевич выходил озабоченный, вытирал платком лысину и снова кивнув Ваську, шел дальше по длинному коридору, в следующий кабинет.

Один раз через неплотно прикрытую дверь Васек услышал его раздраженный голос:

— Товарищ, я ничего не прошу лично для себя — я прошу для школы! Отремонтировать дом голыми руками нельзя...

Кто-то закрыл изнутри дверь, и Васек не слышал продолжения разговора. Он сидел и беспокоился за Леонида Тимофеевича, чувствуя обиду за него и недовольство человеком, который чего-то не хотел сделать для ремонта их школы. Но когда дверь снова открылась, из нее выглянул военный с серым усталым лицом и, пропуская вперед директора, крепко пожал ему руку со словами:

— Ну, хлопчите, хлопчите! Что могу, то сделаю!

Леонид Тимофеевич весело улыбнулся Ваську:

— Ну, кажется, мы с тобой кое-чего добились. Пойдем закусим и обдумаем, как дальше действовать.

Они зашли в столовую. Девушка-подавальщица брала обеденные талончики и быстро говорила:

— На первое — борщ, на второе — пшенная запеканка.

Васек проголодался и ел за двоих. Леонид Тимофеевич вынул какое-то письмо:

— Ну, вот тебе поручение. Это надо передать директору лесопильного завода. Здесь есть адрес и фамилия. Смотри не потеряй и добейся во что бы то ни стало, чтобы письмо было передано. Там, кажется, не пускают без пропуска. Ну, спроси дежурного. В общем, сообразишь на месте. А мне надо сходить относительно рабочих. С большим трудом уговорил дать мне кровельщика и плотников, а вот печника не достал...

Ваську нравилось, что директор говорит с ним как со взрослым. Он взял письмо и, прощаясь, сказал по-военному:

— Есть доставить директору завода!

— Смотри не запутайся, это на краю города, — предупредил его Леонид Тимофеевич.

— Ничего, язык до Киева доведет!

Но спрашивать Васек стеснялся и потому, расставшись с директором, сразу сделал лишний крюк в сторону. Потом вернулся, прошел еще несколько улиц, читая на углах названия. Васек знал, что лесопильный завод находится на окраине города, далеко за парком, но он никак не мог вспомнить, где начинается Заводская улица. Пришлось спросить. Разузнав хорошенько, Васек прибавил шаг.

«Как бы не опоздать!» — думал он, минуя парк. Наконец показался серый дощатый забор

с будкой около ворот.

В глубине двора под навесом были видны сваленные в кучу доски, бревна. Через проходную будку входили и выходили рабочие. Сбоку высилось красивое здание, и над входом было написано: «Клуб», «Столовая».

На одной двери висела дощечка с надписью: «Кантора».

Васек остановился у проходной будки:

— Мне нужно передать письмо директору.

— Пропуск? — равнодушно оглядывая его со всех сторон, спросил вахтер.

— Мне только письмо передать, — сказал Васек. Сзади мягко зашумела машина и, расплескав застоявшиеся в колеях лужи, остановилась.

— Отойдите в сторонку! — поспешно сказал вахтер. Из машины вышел генерал и, прихрамывая, направился к будке.

Васек увидел нашивки на рукаве и густо украшенную цветными ленточками грудь. Он выпрямился, опустил руки. Генерал ласково кивнул ему головой и пошел в будку

— Вольно! — раздался над самым ухом Васька насмешливый голос.

Васек оглянулся. Около машины стоял мальчик в синей суконной курточке. На груди у него узенькой змейкой поблескивала застёжка-«молния».

— Ты что командуешь? — недовольно усмехнулся Васек.

Мальчик, не обращая внимания на его слова, подошел ближе, кивнул головой на проходную будку:

— Видал генерала?

Васек вспомнил прихрамывающую походку военного.

— Да. Видно, ранений много было. Боевой генерал! — с уважением сказал он.

Мальчик подмигнул:

— Еще бы не боевой! Это генерал Кудрявцев! — Он заложил назад руки и небрежно добавил: — Мой отец!

Васек молча разглядывал нового знакомого. Лицо у мальчишки было свежее, черноебровое, с веселыми, насмешливыми глазами и круглой ямочкой на подбородке.

«Гордится!» — подумал Васек и, вспомнив о письме, снова подошел к вахтеру:

— Мне нужно передать спешное письмо директору. Вот оно.

— Пройдите в кантору, там есть дежурный. Я писем не передаю, — ответил вахтер и, высунувшись на улицу, указал на следующую дверь.

Васек повернулся, чтобы идти, но мальчик в синей куртке тронул его за плечо и тихо шепнул:

— погоди, я тебя проведу без пропуска. По знакомству.

— Не надо, я и так пройду, — с досадой сказал Васек и зашагал к канторе.

— Как хочешь. Насидишься без меня! — крикнул ему вслед новый знакомец.

— Подумаешь!

Васек быстрым шагом прошел в кантору.

За столом сидел пожилой человек и, держа около уха телефонную трубку, что-то записывал на листе бумаги. Васек с письмом в руке остановился около стола. Разговаривающий по телефону протянул руку к письму, вытащил двумя пальцами из конверта бумагу и между разговором быстро пробежал ее глазами. Потом, положив трубку, еще раз прочитал письмо и, взглянув на Ваську, тепло улыбнулся:

— Школу ремонтируете? Ну-ну! Материал кое-какой найдется. Сейчас передам директору. У директора кто-нибудь есть? — спросил он, приподнимаясь и заглядывая в маленькое окошечко в перегородке.

— У директора мой отец, генерал Кудрявцев, — ответил за спиной Васька знакомый голос.

— Придется подождать, — бегло взглянув на мальчика в синей куртке и откладывая письмо в сторону, сказал дежурный.

Васек сел. Сын генерала примостился на ручке его кресла.

— Я говорил — насидишься! — насмешливо улыбаясь, сказал он.

Васек молча отодвинулся.

Мальчик помотал ногой, несколько раз нетерпеливо взглянул на занятого своим делом дежурного, потом вскочил и подошел к телефону:

— Разрешите позвонить папе?

Дежурный молча взял у него из рук трубку:

— Дома с папой наговоришься. Генерал занят.

«Вот тебе и по знакомству!» — усмехнулся про себя Васек.

Мальчик заметил его усмешку и, прищурившись, сказал:

— Тебе же хотел помочь...

Ваську стало неловко, захотелось поговорить с ним по-дружески.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Алеша.

— Ты пионер?

— Пионер, конечно. — Алеша потянул вниз молнию — на шее под курткой заалел пионерский галстук.

— В каком классе учишься?

— В шестой перешел. Отличник. Мы из Молотова с мамой приехали. Папа после госпиталя сюда назначение получил. Вот мы к нему и приехали. А какие у вас школы есть? Я еще не знаю, где буду учиться.

Васек стал рассказывать о будущей школе, о пропущенном годе учебы, о предстоящем ремонте и о том, что он и его товарищи тоже будут работать вместе со взрослыми.

— Сами ремонтировать будете? Вот это здорово! Я, пожалуй, тоже к вам приду. Я там быстро всю работу налажу. Организую ребят — я это умею. Обязательно приду.

— Приходи, — сухо сказал Васек и вдруг, не удержавшись, добавил: — Только ты хвастун. У нас таких не любят.

— Я — хвастун? — Алеша вскочил, подошел вплотную к Ваську, смерил его презрительным взглядом. — Да ты просто мне завидуешь! — покраснев, сказал он.

Васек возмутился:

— А чему мне завидовать? Ты такой же, как и я, только много воображаешь о себе.

Дежурный неожиданно поднял голову:

— Это верно. И лучше тебе не болтаться тут зря. Пионер по делу пришел, а ты чего?

— Я тоже по делу. Я с отцом приехал! — дерзко ответил Алеша и, посвистывая, вышел за дверь.

Ваську стало не по себе. «Зря я его так сразу хвастуном обозвал, все-таки он хотел помочь мне», — подумал он.

Дежурный прибрал свои бумаги и, взяв письмо, сказал:

— Посиди тут. Я сейчас сам зайду к директору.

Васек ждал долго. В конторе набрались какие-то люди. Тоже ждали. На улице загудела машина. Васек выглянул в окно — Алеша стоял у машины.

Генерал, нагнув голову, не спеша усаживался на мягкое сиденье. Алеша захлопнул за ним дверцу, вскочил в шоферскую кабину. Шофер тронул руль — машина умчалась.

В контору то и дело входили люди, но дежурного не было. За его столом уже сидел другой и принимал посетителей.

Васек начал сильно беспокоиться. Он боялся за письмо, которое дал ему Леонид Тимофеевич. Но дежурный наконец появился с целой папкой каких-то дел.

— Сейчас, сейчас! — кивнул он Ваську. — Заждался? Ну, зато все уже сделано. Материал вам отпустят. Приезжайте завтра до трех. Вот разрешение. Не потеряй!

— Спасибо, товарищ дежурный! — Васек схватил разрешение и побежал к двери. Он был счастлив и горд, что ему удалось исполнить поручение директора. — До свиданья! Спасибо! — крикнул он еще раз у порога.

«Сейчас прямо на пустырь! Леонид Тимофеевич, верно, уже там. И ребята там... Вот обрадуются!» — думал он, на бегу читая напечатанную на машинке бумагу: «Отпустить для школы N 2...»

Буквы прыгали, из них складывались непонятные слова: обаполки, шляховки, штакеты... Эх, здорово вышло!

РЕМОНТ НАЧАЛСЯ

Когда Васек, сжимая в руках драгоценную бумагу, подбежал к пустырю, он увидел свежеврытый в землю столб и на нем прибитую доску с надписью:

ШКОЛА N 2

Школа! Какая же это школа! Еще нет даже забора, отделяющего пустырь от улицы, еще каждому прохожему видны кучи мусора! Васек вспыхнул от обиды. Насмешка, что ли? Он хотел снять доску, но не решился, опасаясь, что прибить ее приказал Леонид Тимофеевич.

На пустыре сустились ребята. Грозный собирал сломанные рамы, складывал их в одну кучку около дома. Какой-то седой бородатый старик сооружал козлы для верстака.

«Рабочий!» — с волнением подумал Васек и, проходя мимо, вежливо поздоровался:

— Здравствуйте, дедушка!

У дома стояла длинная железная лестница.

Откуда-то с крыши доносился голос Леонида Тимофеевича. Васек поднял голову и увидел около водосточной трубы человека. Он что-то объяснял директору, постукивая молотком по задранному вверх куску железа.

«Кровельщик пришел!» — догадался Васек и, приподнявшись на цыпочки, замахал бумагой:

— Леонид Тимофеевич!...

Директор увидел, кивнул головой.

В углу пустыря Мазин и Русаков старательно рыли большую яму. Саша, Сева и Коля Одинцов сносили туда мусор. Девочки отбирали годные куски стекла и складывали столбиками половинки кирпичей.

— Васек пришел! Эй, Трубачев! — К Ваську подбежали Саша и Мазин. — Ну как, дали материал?

— Дали! Дали!

— Эй, ребята! Материал дали! — весело разнеслось по пустырю.

К Ваську подошел Леонид Тимофеевич:

— Ну, как наши дела?

Васек протянул ему разрешение.

— Говорят, завтра брать можно, с утра лучше. Надо машину раздобыть, — объяснял он скороговоркой. — А доски есть, много. И штакеты и обаполки.

— Хорошо, хорошо, завтра поедem, — читая бумажку, кивал головой Леонид Тимофеевич. Потом, бегло похвалив Ваську, пошел к плотнику.

Из дома вышел еще один рабочий и остановился около директора, деловито разглядывая бумагу.

— Ух, работников сколько нагнали! — с восторгом сказал Васек и, вспомнив прибитую на столбе доску, сердито напал на ребят: — Кто это велел вам? Чтобы люди смеялись? Хоть

бы немного отремонтировали, а тогда бы и называли школой!

— Да это Мазин прибил, — пожал плечами Одинцов.

— Ты что же, Мазин, не сообразил? — удивленно спросил Васек.

— Очень хорошо сообразил, — вытирая о штаны пыльные руки, заявил Мазин.

— Как это?

— А так. Кому работать? Нас мало. А ребят в городе порядочно. Как их собирать? На готовое-то всякий потом придет! А здесь каждый человек нужен. Понятно?

Он обтер ладонью побелевшие от извести щеки и махнул рукой на столб:

— Школа номер два. Далеко видно! Завтра от работников тесно будет. И сегодня один уже пришел, вон стоит. Пятиклассник. Брат черноморского моряка. Помнишь, в райкоме мы его видели... Э-эй! Витя Матрос! Иди-ка сюда.

Крепкий, загорелый мальчуган в вылинявшей тельняшке подошел к мальчикам. Черные глаза его с лукавыми искорками быстро пробежали по лицам ребят.

— Кто у вас тут главный? — бойко спросил он.

— Среди ребят Трубачев у нас главный, — сказал Саша, указывая на Ваську.

Мальчуган подтянулся, опустил руки по швам.

— Виктор Бобров, по прозвищу Матрос! — лихо отрапортовал он, поворачиваясь лицом к Трубачеву.

— Здорово! — с большой симпатией глядя на него, ответил Васек. — Работать будешь?

— А как же! — усмехнулся Витя. — Затем и пришел! Говори, что делать?

— Вот мы сейчас мусор убираем. Яму ребята копают — становись помогай!

— Ладно! — кивнул головой Витя. — Я без дела не буду!

— Давай, давай, работай! — слышался издали оклик Ивана Васильевича.

Витя подхватил с земли чью-то лопату и помчался на зов.

— Быстрый парень, живо определился, — с удовольствием сказал Одинцов.

— Ну и хитрец ты. Мазни! Не зря объявление повесил! — засмеялись ребята.

— Пошли и мы работать! — сказал Васек, сбрасывая рубашку. На его загорелых руках проступали крепкими бугорками мускулы.

Издали донеслась песня девочек: «Смелого пуля боится, смелого штык не берет...»

В первый день работали без перерыва. Сгоряча пропустили обед, домой возвращались голодные, усталые, но довольные собой. Делились способами быстрой уборки:

— Кирпичи можно конвейером подавать и ближе к дому складывать!

— А мусор я просто мешком таскал, — заявил Мазни. — Носилок мало. Пока-то их дожدهшься, а тут: раз-раз!...

— Стекол крупных на все форточки хватит, — деловито рассуждала Лида Зорина. — И одну раму из нижнего этажа мы нашли почти целую. Плотник Федор Мироныч как увидел, что мы ее тащим, так обрадовался даже!

— А вот этот, с бородой дедушка, — столяр. Веселый такой! Он нам все объяснял, как рамы связывают, — улыбнулась Нюра.

Всю дорогу домой говорили о работе. Потом Петя Русаков озабоченно сказал:

— Ремонт ремонтом, а вот как с учебой, ребята? Ведь мы уж два дня пропустили! — Он поглядел на товарищей усталыми серыми глазами. — Как завтра будет? Опять с утра работать? А учиться когда?

Ребята сразу встревожились.

— И верно, два дня пропустили! Да раньше еще... — сказал Одинцов.

— И вообще надо как-то распределить время. У нас и в госпитале дежурства, и учебу пропускать нельзя, и ремонт теперь. Как же это все будет? Дома тоже надо помогать. Давайте

посоветуемся, Васек, — предложила Лида.

Васек мысленно подсчитал время. Если с утра на учебу, то кому же работать?

— Если ходить на работу по очереди, то пас мало, — вслух сказал он и, вспомнив прибитую Мазиным лоску, ободрился: может, и правда объявление соберет всех вернувшихся из эвакуации школьников? А посоветоваться все же надо. — Ты, Петя, скажи матери, что мы еще только эти дни пропустим. Завтра Леонид Тимофеевич за материалами поедет, может, мы понадобится, да и при разгрузке придется помочь. А потом мы все нагоним.

— У нас в госпитале сейчас дела неважно идут, — покачал головой Одинцов. — Васю мы совсем бросили, одни девочки дежурят.

— Так надо что-то придумать. Ты бы распределил всех, Васек, — предложил Саша. Васек задумался.

— Ну ладно. Завтра в восемь часов Мазин и Булгаков пойдут со мной на пустырь. Лида — с утра в госпиталь одна, а после обеда до восьми — Нюра одна. Остальные с утра пойдут заниматься, а после обеда все, кроме Нюры, на работу, — распорядился Васек, не совсем точно понимая, что даст это наспех сделанное распоряжение.

Дома Васек долго не мог заснуть — дела, большие и малые, нагромождались друг на друга и вырастали перед ним, как огромная гора.

«Учеба — это главное, ее никак нельзя пропускать, — думал Васек. — Работа — тоже главное, иначе ремонт задержится. А госпиталь бросать тоже нельзя, это наше пионерское дело... И Петька Русаков расстроен. Конечно, ему перед матерью неприятно за нас. Учеба — это все-таки главное...»

Думая так, Васек вспомнил, что сегодня вечером не заглянул к тете Дуне, и, тихо ступая босыми ногами по полу, пошел через кухню к ее комнате. Но лампочка у тети Дуни была погашена, а в кухонное окно глядел серый рассвет. Васек вернулся к себе. Было два часа ночи.

«Ну и время! Не успеешь оглянуться, как оно убежит вперед!» — с досадой подумал Васек, укладываясь на свою постель и подминая пол голову подушку. Но сон не шел...

«Ведь мы ни одного дела толком не делаем! Все беготня какая-то. Даже Васю после операции не смогли навестить. Что ж это такое? Надо все сначала передумать, все сначала распределить... Если б папка был со мной!... Эх!...»

ВАСИН ГЕРОЙ

С тех пор как Вася пошел на поправку и ощутил под солдатским одеялом обе ноги, в палате как будто наступил праздник. — Да... задал я тут работы докторам, это верно, — говорил товарищам Вася. Благодарная и смущенная улыбка растягивала его большой рот, на худых щеках появлялись ямочки. — Только не напрасно они хлопотали. Я — боец, все мои мысли на фронте. — Вася вытягивал худые, длинные руки и пробовал мускулы — Теперь бы только встать скорее! А что, не говорили врачи, когда встану? Про меня то есть, когда, значит, на выписку? — жадно вглядываясь в лица товарищей, спрашивал Вася.

— Лежи уж, какая тебе выписка... Чуть живого из операционной принесли, а он — выписка... — добродушно ворчал Егор Иванович. — На все, брат, и терпение и время требуются.

— Нет у меня терпения, это верно, — соглашался Вася. — Еще мой командир, бывало, перед боем положит этак мне руку на плечо и скажет: «Терпение, Вася!» А я еле на месте стою, все поджилки у меня ходуном ходят... Эх, вот командир был, насквозь каждого человека видел!

— Да что за командир-то? Весь твой разговор к нему сводится. Герой, что ли? — откликается молодой, безусый боец, только недавно прибывший в госпиталь.

— Герой! — убежденно говорит Вася. — Я с ним недолго находился, но на всю жизнь его запомнил. Особенный человек. Людей жалел, а о себе не думал. Один раз в бою ранило его осколком в плечо — так он до конца боя никому ни слова не сказал. Терпеливый! Кто его знает, как он терпел. Рождаются же такие люди! — Вася глубоко вобрал воздух и замолчал.

— Бывалый, видно, командир, с выдержкой, — сказал кто-то в палате.

— Да не так-то бывалый — молодой еще, только виски седые. На глазах у нас поседел командир наш... Было это в одном селе, — снова начал рассказ Вася. — Только что выбили наши оттуда фашистов. И мы, значит, подошли как раз. Видим — там изба горит, там другая, сараи пылают... Идешь — в лицо тебе жар, и люди тут же убитые валяются... А зима, мороз! Кровь на снегу так и дымится. Живых не видно, только женщина одна бежит к нам навстречу. «Миленькие, — кричит, — голубчики! — и на пожарище рукой машет. — Дети наши в школе горят, весь народ туда палачи согнали и подожгли!» Мы — к школе. Л от школы уже одни стропила остались да головни валяются. Ну, всех за сердце взяло. Постояли мы, сняли шапки. Потом разошлись. А командир до утра не приходил. Бойцы говорили — всю ночь он просидел один на этом пожарище. А вышли мы утром из села — глядим, виски у него седые, словно иней на волосах осел.

Молодой боец, сосед Васи, беспокойно заворочался на койке.

— Э, встать бы скорее! Душа у меня горит, когда я такое слышу, — сказал он, отворачиваясь к стене.

Раненые с сочувствием оглянулись на него, и Егор Иванович, понижая голос, спросил:

— А ты, Вася, говорил, у него своя семья погибла? На родине, что ли?

— Да, говорили хлопцы, семья у него была, дети... Только он про своих молчит. Сядет, бывало, с нами к огоньку, про всех расспросит — у кого жена, у кого мать. Фотографии поглядит, а про своих — ни слова. И мы молчим — страшно человеку душу разбередить. Так пошутит он с нами, попьет чайку и начнет рассказывать, как после войны жить будем, как

коммунизма достигнем. Встанет перед нами мирная, счастливая жизнь, и такая ненависть к фашистам за сердце возьмет, что в бою каждый за десятерых бьется... Какой человек был! Кто его знал, тот не забудет. Вечный человек!

Глаза у Васи делались большие и ярко блестели. Постепенно любовь Васи к своему командиру передавалась и его слушателям; судьба Васиного героя волновала всех раненых. Но судьба эта терялась в снежном поле, где выдержала тяжелый бой 4-я батарея.

— Подобрали меня наши люди. Может, и его нашли Толь ко вот фамилии его я никогда не спрашивал, ни к чему как-то было. «Товарищ комбат» да «товарищ комбат»! Если б из нашей части кого найти, может, знают, — говорил Вася.

— Трудно искать, если из части своей выбыл. Война — это бурное море, — вздыхал сосед по койке.

— Живого или мертвого — найду! — упрямо и тоскливо говорил Вася. — Мне бы встать только. — Он тихо шевелил под простыней ногами. — А на фронте буду — рассчитаюсь с фашистами! Все им припомню!

Красноармейцы сочувственно глядели на бледное безусое лицо, на тонкие мальчишеские руки, перебирающие край простыни...

Вася ждал ребят. Их давно не было, а ему хотелось поделиться с ними своей радостью, рассказать о своих надеждах, о том, что он, Вася, скоро встанет и попросится в самый горячий бой.

Никто не умел так сочувствовать Васе, слушать с таким восторгом, никто не умел так понимать и разделять мечты комсомольца, как ребята.

Неведомый Васин герой — бесстрашный командир вставал перед ними во весь рост, напоминая то Митю, то учителя, то Степана Ильича.

И, присев на табуретках около Васиной кровати, они, в свою очередь, в сотый раз пересказывали молодому бойцу все, что видели и пережили на Украине.

— Не один у нас герой — весь наш народ герой, — вмешиваясь в их жаркую беседу, басыл из своего угла Егор Иванович.

Поджидая своих друзей, Вася поминутно взглядывал на дверь.

— Придут! — утешала его Нина Игнатьевна. — Об операции они уже знают, а провести прибегут. А впрочем, с дежурством у них что-то неладно последнее время. Все больше девочки приходят. Ведь к ним директор бывший приехал, дом под школу будут ремонтировать. Вот и хлопочут. Ты не скучай, прибегут!

Но перед обедом забежала одна Лида. Узнав от нее, что все заняты на работе, Вася сначала опечалился, потом расспросил обо всем и, загоровшись общим настроением ребят, сказал:

— Эх, и я бы сейчас вам помог по-комсомольски!

НЕНАСТОЯЩАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА

Пока ребята, увлеченные новыми делами, пропадали на пустыре, Екатерина Алексеевна нервничала и сердилась на себя за то, что взялась за такое трудное дело, как подготовка ребят к шестому классу.

«Нет, подумать только! И как это я взялась, сама не понимаю. Просто стало жалко ребят. Но какой же толк из всего этого? Почему они не ходят? Это просто возмутительно!»

Нервничая сама, она нападала на Петю:

— Что вы думаете, на самом деле, Петя? Уже июнь кончается, а мы и так ощупью движемся вперед. Ведь я все-таки не учительница, мне самой приходится все повторять заново. Теперь еще географию надо закончить, а вы стали небрежно относиться к занятиям. Где твой Трубачев? Что это, на самом деле? Чем вы целые дни заняты?

Петя, сильно вытянувшийся и похудевший за это время, хлопал ресницами, глядя на мать умоляющими глазами:

— Мамочка, мы тоже беспокоимся, но у нас теперь самое горячее время. Ты знаешь, вчера мы с рабочими за материалом ездили на лесопильный. Там столбов нет, одни облопки... Леонид Тимофеевич делянку выхлопотал. Сами будем деревья пилить. Нам лесовоз нужен... — расстроено бормотал Петя. — Ты подожди, вот уже нам рабочих дали. Мазин объявление повесил, и бывшие ученики собираются. Сейчас уже из седьмого класса трое ребят пришло...

— Значит, Леонид Тимофеевич надеется закончить ремонт к осени?

— Да, конечно! Первого сентября начнутся занятия. Это точно, мама!

Екатерина Алексеевна опять заволновалась:

— Так вот, предупреждаю: если все будет так продолжаться, вы сядете в пятый класс. И вообще, Петя, надо посоветоваться с директором, может, он найдет вам настоящую учительницу — здесь нужен опытный человек. Надо пойти к Леониду Тимофеевичу, вот что!

— Зачем, мама? Мы, наоборот, ничего не хотим ему говорить, пока не подготовимся по арифметике. Ведь если он сейчас проверит, что мы прошли, то и разговаривать не станет — просто посадит в пятый класс! — не на шутку испугался Петя.

— Постой, постой... Значит, вы Леониду Тимофеевичу даже не сказали, что готовитесь в шестой класс?

— Нет, мы сказали. Ну просто так, что занимались всю зиму, вообще...

— Ну, а он что?

— А он говорит, что летом надо отдохнуть, поработать на свежем воздухе, вообще...

Екатерина Алексеевна пристально взглянула на Петю и решительно сказала:

— Я пойду сама к Леониду Тимофеевичу, — мне необходимо посоветоваться с ним. Может, действительно незачем тянуться через силу. Идет лето, надо отдохнуть, а уж с осени — за учебу.

— Как, сесть в пятый класс? Что ты говоришь, мама! Зачем же мы так старались? Мы же почти всю программу прошли. Анатолий Александрович нас хвалил, и Костя тоже. Там совсем немного по географии осталось. А по русскому ты сама говорила, что мы хорошо идем. А теперь хочешь, чтобы мы в пятый класс сели! — Петя чуть не плакал. — Никто из ребят на это не согласится, мы слово друг другу дали, что будем драться за учебу!

— Знаешь, Петя, я всегда говорю с тобой как со взрослым человеком, но иногда, к моему глубокому сожалению, я убеждаюсь, что это еще рановато. Так и сейчас. Если ваше главное дело — учеба, то почему же вы не распределите так свое время, чтобы, по крайней мере, не пропускать занятий! Вот у нас арифметика плохо идет. Твой Трубачев первый отстаёт по арифметике. А Мазина я просто не узнаю! Вчера спрашиваю его, почему вы не ходите, а он стоит как дурачок и мямлит: не можем, не успеваем... Никогда не ожидала этого от Мазина! И вообще не люблю я таких жалких слов!

— Но ведь мы и правда многое не успеваем, мамочка...

— Вот-вот! Повтори еще и ты! Не успеваем, не можем, робеем, боимся — ведь этот набор жалких слов показывает, что вы не умеете правильно распределить свое время. Мне это просто слышать неприятно... Вот я тебе выпишу на бумажку все эти слова, выучи их наизусть и раз навсегда выбрось из своей памяти! — разбушевалась Екатерина Алексеевна.

— Так зачем же мне их учить наизусть, если ты хочешь, чтобы я их совсем забыл? — засмеялся Петя.

— Зачем? — Екатерина Алексеевна тоже засмеялась и махнула рукой. — Я уж прямо не знаю, как тебя воспитывать, Петя! И вообще, я устала от вас. Вы какую-то такую сложную жизнь устраиваете себе и другим. Все у вас сильно преувеличено и многое без толку... наполовину дело, наполовину фантазия. А учеба страдает от всего этого. Арифметика — такой серьезный предмет, а вы...

Петя бросался к своему столу и, раскрыв задачник, начинал заниматься. У него было еще одно тайное дело, которое стоило ему многих бессонных ночей. Из любви к матери он вместе с ней добровольно принял на себя ответственность за подготовку к шестому классу. Для этого он изо всех сил тянулся сам, ночью засиживался над задачами, чтобы быть готовым к уроку и этим облегчить матери занятия с товарищами.

— И как это ты сразу разбираешься во всем, Петя? Просто удивительно! — радовалась, глядя на сына, Екатерина Алексеевна. — Тебе очень легко даются задачи!

Петя счастливо улыбался, моргая сонными глазами. Серьезное, озабоченное выражение никогда не сходило теперь с его лица. Мазин, внимательно приглядываясь к старому другу, подмечал в нем новые, незнакомые ему черты и, неопределенно хмыкнув, говорил:

— Что это тебя, Петька, как будто в зеленую краску окунули?

— А что? — грустно спрашивал Петя.

— Да ничего. Только ты совсем стал на себя не похож. Очки тебе надо купить по дешевке.

Петя не сердился. Он знал, что и у Мазина нелегкая жизнь. Но Мазин молчал. Он никогда и ни на что не жаловался. Только один раз Петя застал его расстроенным и огорченным. Это случилось, когда одна из соседок заболела и Мазину поневоле пришлось нянчить ее троих детей. Но и об этом случае сам Мазин всегда рассказывал с доброй усмешкой:

— Ну, оставили на меня. И все на работу ушли. Кисель из морса сварили. Я дал детям ложки честь честью, поставил этот самый кисель на стол. Прихожу — все трое буромалиновые и ревут. Кто кого ложкой по лбу трескает, кто прямо пятерней. Ну, чего тут с ними делать? Слов они не понимают, малые еще. Я рассадил их на стулья подальше друг от друга и вооружился веником. Так и сторожил, пока Петька не появился, — усмехаясь, заканчивал свой рассказ Мазин.

Да, ему тоже жилось не сладко, и Петя не сердился на товарища. Другая стала жизнь, и в этой жизни некогда было теперь обращать внимание на всякие мелочи.

Петю беспокоила учеба. В прошлый раз Васек обещал, что снова наладит аккуратное посещение уроков. Петя волновался, ждал и начинал приходить в отчаяние.

Разговоры с Петей не успокаивали Екатерину Алексеевну. И, как всякий человек, которого мучат какие-нибудь заботы, она вела сама с собой длинные разговоры — то упрекала себя в том, что поддержала решение ребят одолеть пятый класс, то горячо возражала себе: как можно было не поддержать!

Такое желание учиться... Самолюбивые ребята! Кто знает, как бы повлияло на них вынужденное второгодничество? Петя только-только выпрямился, его друг Коля Мазин — тоже. А сколько было положено труда, чтобы приучить этих мальчиков к учебе!...

Екатерина Алексеевна вспоминала те дни, когда она вошла в дом Русаковых и увидела одинокого, заброшенного Петю, привыкшего изощряться в разных хитростях перед отцом. Мальчик смотрел на нее тогда испуганно и недоверчиво — ведь она была для него только «мачехой».

Вспоминая об этом, Екатерина Алексеевна горько улыбалась. Никто не знает, как ей трудно было примирить отца с сыном! Она взяла на себя ответственность за воспитание мальчика, она не позволила отцу запугивать сына наказаниями. И с каждым днем Петя становился лучше. С каким торжеством принес он в прошлом году отличные переводные отметки! С какой радостью называл он ее «мамой», а для нее это слово было самой высокой наградой. Она так хотела быть для него хорошей матерью! Именно поэтому, ради него и ради его товарищей, она согласилась с ними заниматься, готовилась к урокам, нервничала, недосыпала.

Она мечтала о том времени, когда кончится война, вернется Петин отец. У них будет дружная трудовая семья. Екатерину Алексеевну беспокоило равнодушное отношение мальчика к отцу. Петя редко вспоминал о нем; гораздо чаще, с искренним беспокойством он говорил о своем учителе, о Мите.

Екатерина Алексеевна часто беседовала с Петей об отце, постепенно прививая мальчику мысль, что отец — ему близкий, дорогой человек. Она не оправдывала сурового обращения отца с Петей, но находила глубокие, извиняющие причины. Петино сердце теплело медленно, постепенно...

Думая обо всем этом, Екатерина Алексеевна снова возвращалась мыслью к занятиям. Что же делать? Бросить сейчас — поздно. Ребята изо всех сил тянулись всю зиму! В конце концов она решила, проверив еще раз хорошенько знания ребят по всем предметам, пойти к Леониду Тимофеевичу, рассказать все откровенно и просить совета.

«Июль, август...» — мысленно считала Екатерина Алексеевна. Впереди оставалось только два месяца.

Нюра стояла у окна в палате и слушала, как шумит ветер, как, положив на подоконник ветки, с тихим шорохом касаясь ее рук, качается Валина березка. Нюра видела в темноте тонкий белый ствол молодого деревца, и сердце ее сжималось неостывающей тоской по Вале.

В палате не зажигали огня. Раненые, лежа на койках, глядели в раскрытое окно на выступающие в темноте кусты, на белые колышки забора, на развешанные между деревьями стираные халаты, на все, что было видно из окна и вносило с собой в палату какое-то разнообразие.

В палате «4 Б» кое-где уже слышалось сонное дыхание, разговор затихал. В сумерках смутно белели лица, шевелились закинутае за голову руки. Кто-то, осторожно шаркая туфлями, выходил в коридор...

До Нюры долетел приглушенный шепот. Облокотясь на подушку, Вася рассказывал соседу по койке:

— ...Идем мы, леса густые... Мороз словно стекло под лигами рассыпал. Сучья трещат... Видим — ночевать надо. Разгребли мы снег под елью, застелили ветками, поверх палатку положили, легли вчетвером, друг о друга греемся...

Нюра низко склоняется к зеленой ветке березы. Ей вспоминаются длинные светлые косы, заткнутые за ременный пояс, синяя трубка тетрадок, зажатая в руке, и на длинной Миронихиной кофте рассыпавшийся букетик ромашек.

— ...Ну, накрылись палаткой, согрелись кое-как... Выглянул я. Светит луна, сквозь ветви продирается. И стоит он по колено в снегу... с биноклем. Шапка снегом запорошена, вся блестками переливается, брови и ресницы тоже от мороза побелели. Все спят, а он стоит...

Что-то тревожит Нюру в рассказе Васи. Про кого это он опять? Про командира, верно... Почему же командир не спит?...

Она тихо отходит от окна, слушает, и рисуется ей белое-белое поле, тяжелые, засыпанные снегом ветви ели, взбитые метелью сугробы и утонувший в них до пояса командир в шинели бойца, в заснеженной шапке с красным огоньком звезды...

В углу палаты раздается голос Егора Ивановича:

— Попить бы, дочка...

Нюра осторожно проходит между койками, наливает в чашку воды и подносит ее раненому. Егор Иванович, покачиваясь, сидит на койке. В полумраке белеют туго забинтованная рука и на смуглой, заросшей шее широкий бинт.

— Мозжат кости, терпенья нет... Вот через недельку на электризацию назначат. Я уже просил Нину Игнатьевну, чтобы ты меня тогда водила, дочка. Тут через дорогу, недалеко... Только бы скорее назначили, — тихо говорит он, морща высокий лоб и глядя на Нюру изнуренными бессонницей глазами. — От тепла боль приутихает, дышать легче.

— Как только доктор скажет, так и пойдем, — ласково говорит Нюра. — Тут недалеко, мы потихоньку...

Напоив Егора Ивановича, она снова отходит к окну и, присев на подоконник, смотрит, как постепенно темнеет и темнеет во дворе. Сегодня Нюра сильно поссорилась с матерью. Закрывая за девочкой дверь, мать с сердцем сказала:

— В последний раз тебя пускаю! Что это за безобразие, что ты ни одного дня не посидишь дома! Вот сейчас вечер. Все порядочные девочки уже давно дома! Ну куда ты идешь?

Нюра молчала. Она часто упрямо молчит, избегая взгляда матери. А мать ждет, требует ответа; молчание Нюры возмущает ее до глубины души.

«Но разве ей можно что-нибудь рассказать! — с тоской думает Нюра. — Ведь она потом этим же попрекать станет!»

— Нюра, ты живешь с нами, как чужая... — сказала сегодня мать. Полный подбородок ее задрожал, в глазах появились слезы.

Нюра с тревогой смотрела, как мать прижимала к глазам платок, нервно комкала его в руках.

— Почему ты всегда молчишь, Нюра?

Мать вдруг, словно потеряв терпение, разразилась гневными упреками:

— Тебе твои товарищи дороже родителей! Ты целые дни без толку гоняешь с ними по всему городу... Но я этого не оставлю так! Я не для того свою дочь воспитывала, чтобы она лодыря гоняла с какими-то приятелями.

— Это не какие-то... Ты не должна так говорить, мама!

Мать и дочь смотрели друг на друга холодными, враждебными глазами. Потом Нюра отвела взгляд и пошла к двери.

Дел так много! Их накапливается все больше и больше. Теперь они уже начинаются с самого раннего утра. Ведь все ребята на работе! Что понимает в этом мать!...

Возвращаясь поздно вечером, Нюра с замиранием сердца слышит всегда одно и то же восклицание:

— Наконец-то!...

И пока Нюра, снимая на ходу пальтишко, проскальзывает в комнату, мать, шумно дыша, идет за ней, как грозный судья, имеющий право на угрозы, наказания и жалобы.

— В последний раз чтобы это было! И помни: если ты меня обманываешь... если все эти твои рассказы, что ты ходишь в госпиталь, окажутся ложью... — Мать дробно стучит пальцем по столу, голос ее повышается до крика: — Я к главврачу пойду! Я тебя не пожалею... Я целый день как безумная мечусь по дому и не знаю, где моя дочь... Да мало мы с отцом из-за тебя пережили, когда ты на этой самой Украине застряла! Мало я ночей не спала! Неблагодарная!

Мать бессильно опускается на стул, закрывая лицо руками; крупные слезы просачиваются сквозь ее пальцы.

— Неблагодарная ты! Вот останешься без матери, вспомнишь тогда все.

Испуг и жалость охватывают Нюру. Она бросается к матери, пробует разнять ее руки, прижимается к ним лицом:

— Мамочка, ведь я не одна, ведь все ребята так! И я ничего тебе не солгала — мы все работаем.

— Кто — все? — грозно спрашивает мать. — Кто? Твои Трубачев? Вот эта самая компания, которая и испортила тебя вконец! Где моя дочь? Я ее не узнаю... То-то сюда и глаз не кажут! Стыдно им... Я на тебя все силы положила. Но ты готова на первых встречных променять родителей. Бессовестная! Тебе никого не жалко!

Нюра уже не слушает, как со слезами и возмущением упрекает ее мать, — она все равно не в состоянии доказать свою правоту.

Поздно ночью, когда приходит с завода отец, в комнате родителей затевается тяжелый спор. Нюра лежит на кровати, смотрит в темноту открытыми глазами и жадно ловит каждое

слово отца.

Что делать? Как быть? Может быть, папа поймет ее?

Папа все время на заводе с людьми, он понимает, что каждый должен сейчас работать изо всех сил...

Отец встает очень рано; мать, измученная ссорами с дочерью, еще спит. Нюра в одной рубашонке выбегает в переднюю, бросается к отцу:

— Папа, подожди! Поговори со мной!

— Нюрочка, дружок, что же тут говорить? Пожалей маму, доченька... Всем трудно, и ей трудно. Война... Пойми это, Нюрочка. Ты ведь уже не маленькая... Мы все с головой ушли в работу. Иначе нельзя. А маму надо жалеть. Мама у нас больная, она за тебя все глаза выплакала. Это надо понимать, доченька. — Отец гладит Нюру по голове, смотрит на нее расстроенными, умоляющими глазами. — До войны я жил для семьи — для тебя, для мамы, а теперь у меня так много дела, я прихожу только на несколько часов домой. Ты ведь большая девочка, Нюра, ты пионерка. Ты должна понять, что у каждого из нас есть долг перед страной... высокий долг... — Отец бессильно оглядывается, ищет убедительных слов. — Вот если бы был твой вожатый — он с вами умеет разговаривать, — он тебе объяснил бы. А я вот спешу сейчас... — Отец набрасывает пальто, бегом целует дочь. — Пожалей же папу, доченька... Будь хорошей девочкой, не волнуй маму, не затрудняй собой жизнь взрослых. Я не могу сейчас разбирать ваши ссоры, я должен работать, я не могу иначе... — бормочет отец на ходу.

— Папа, папа... я тоже не могу иначе! — беспомощно рыдает Нюра и ловит руки отца, чтобы удержать его, чтобы рассказать ему, что и в ее маленькой жизни есть свои обязанности перед Родиной.

На плач Нюры выходит из спальни мать. Девочка выпускает руки отца и убегает к себе. Некому, некому рассказать, не с кем поделиться своим горем... Если бы поговорить об этом с Лидой, с товарищами! Но Нюра скрытная. Ей стыдно за родителей, ей не хочется, чтобы кто-нибудь обвинял ее мать. Она даже никогда не зовет никого к себе в дом — стесняется матери. Мать может начать упрекать, сердиться, выговаривать. Разве в такой дом можно прийти товарищам? И Нюра молчит, затаив свое горе.

Дома она старается помогать матери. По утрам молча берет карточки и идет в булочную за хлебом. Она всегда ходит за хлебом в эту булочную, что на углу. Коля Одинцов тоже прикрепил там свои карточки, хотя эта булочная далеко от его дома.

Коля видит Нюру еще издали. Он занимает для нее очередь и берет сто граммов румяных, поджаристых сухарей. Коля старается не смотреть на распухшие от слез глаза подруги и, когда она выходит из булочной, неловко сует ей в руки свои сухари:

— Бери!... Ну что ты еще... бери!

— Да нет, я не хочу! Лучше бабушке отнеси, — слабо возражает Нюра.

— Да бери, откусывай! Я для бабушки белого хлеба взял, — уговаривает Одинцов.

Они идут по улице, похрустывая сухарями. Заплаканные глаза Нюры тревожат ее товарища, но он не смеет спросить, почему она плакала. Ведь Нюра все скрывает. А зачем скрывать? Ведь и Коля и все товарищи давно видят, что у нее дома как-то неладно. Недавно они все напали на Лиду: «Почему ты не спросишь? Ведь ты же ее подруга!» — «Я спрашивала... я двадцать раз спрашивала, но она не хочет, чтобы я знала. И вы меня не упрекайте! Я сама не знаю, что делать!» Лида сильно рассердилась на них за упреки.

— Мне скоро придется после обеда дядю Егора Ивановича на электризацию водить, — думая о своем, устало говорит Нюра.

— Давай вместо тебя я буду! — быстро предлагает Одинцов.

— Нельзя. Он со мной хочет. У него дома дочка такая же, вот он все со мной дружит.

— Нюра, — осторожно говорит Одинцов, — может, на тебя мама сердится за что-нибудь? Ты скажи нам... Может, тебе нельзя так часто из дому уходить?

Нюра молчит, и Одинцов сам пугается своего вопроса. Но уже все равно — начал так начал.

— Нюра, мы ведь все товарищи, ничего друг от друга не скрываем... Ты только скажи нам, может, мы к твоей маме пойдем, поговорим с ней... Может, Севе пойти или Трубачеву?

Нюра сразу настораживается:

— Нет, что ты! У меня... ничего особенного. Просто мама нервная — она не любит, когда я ухожу.

— Взрослые, конечно, все нервные. — бормочет Коля.

Но Нюра неожиданно твердо говорит:

— Но ты не беспокойся, я все равно буду ходить. Надо так надо. Помнишь, как в походе мы подошли к холодной, глубокой речке и все испугались, что придется ее вброд переходить, а Валя сияла тапочки и так просто сказала: «Надо так надо»? Помнишь?

Одинцов не помнит, но из уважения к памяти подруги грустно кивает головой.

— Вот и я так теперь буду. Надо так надо! — говорит Нюра.

— Трудно тебе все-таки с родителями... — опять начинает Одинцов.

Но Нюра, готовая защищать свою семью, смотрит на него настороженно и сухо. Коля в смущении надкусывает последний сухарь и протягивает его Нюре:

— Ты не думай, я ничего не говорю... Вот возьми еще сухарь, я нечаянно надкусил... Может, брезгаешь?

— Ой, как не стыдно! — вспыхивает Нюра и в доказательство поспешно засовывает в рот сухарь. Сухарь с хрустом разламывается пополам под ее крепкими зубами. — Вот как раз! На тебе половину! — радуется Нюра.

— Здорово сломался — точка в точку пополам! — с особым удовольствием похрустывая своей половинкой, замечает Коля.

Обоим становится беспричинно смешно и весело. И до самого дома, пока рядом с Нюрой идет ее друг и товарищ, она не вспоминает больше о тяжелой размолвке с матерью.

Бывший пустырь привлекал внимание всех жителей маленького городка. «Школа N 2» — читали они объявление на приземистом столбике, вбитом в землю на том месте, где предполагался въезд в будущую аллею. Люди останавливались и с любопытством глядели на широкий двор, на большой дом, опоясанный вокруг лесами.

На крыше звонко отстукивал молоток кровельщика, плотники вставляли рамы, а по двору с тачками, носилками и лопатами пробегали школьники. Мокрые загорелые спины мальчишек жарко блестели на солнце, повязанные платочками головы девочек, как разноцветные маки, мелькали на пустыре. Двор был уже убран, яма с мусором аккуратно засыпана и сровнена с землей, освобожденная от щебня трава поднялась, и в ней зацвели желтые и синие цветики иван-да-марьи, зеленые калачики и мелкая ромашка.

— Давай, давай! Принимай! — слышался крик рабочих.

Доски и рамы поднимали на второй этаж на веревках. Упираясь крепкими ногами в землю, ребята держали железную лестницу, подавали инструменты.

— Эй, ребята, кто там из вас половчее, подай сюда плоскогубцы! — доносился с крыши голос кровельщика.

— Есть подать плоскогубцы!

Опережая товарищей, мальчуган в полосатой тельняшке бросался к лестнице и, поплевав на ладони, быстро, как обезьяна, карабкался наверх. Черные ленточки его бескозырки развевались в воздухе, и через мгновение задорный голос слышался уже на крыше:

— Приказ выполнен! Есть спускаться обратно!

Ленты бескозырки снова развевались в воздухе, и мальчуган прыгал на землю.

Заслышав гудок машины, ребята с торжествующими криками выбегали на улицу, прибирая по пути брошенные доски и обрезки железа:

— Везут! Везут!

— Отойдите, граждане! Посторонитесь!

На пустырь въезжала белая от извести машина. Зычные гудки ее наполняли двор. Тяжелый борт с грохотом откидывался, и белая пыль густо покрывала волосы и плечи школьников.

Известь сваливали в приготовленную яму, лопаты звонко скребли дно грузовика. Шофер, выглядывая из кабинки, давал задний ход:

— Эй, работнички! Отойди подальше!

— Разворачивай, дядя, разворачивай!

— Стой, стой! На доски наедешь!

Одна из машин сбросила прямо около столбика ящики с гвоздями и тяжелые листы железа.

Грозный с двумя рабочими принялся разбирать кучу железа.

Васек, откинув со лба мокрый от жары чуб, взмахнул рукой:

— Эй, ребята, носилки сюда!

Лида и Нюра оглянулись, схватили носилки и побежали на его зов. Васек обхватил обеими руками ящик с гвоздями, силясь поднять его с земли. На помощь ему со всех сторон бросились товарищи. Ящики потяжелее тащили волоком, оставляя примятый след на траве.

Любопытствующие граждане не выдерживали — крупно шагали за черту, где стоял врытый в землю столб, сбрасывали на сложенные бревна пиджаки и включались в работу:

— Стой, ребята! Веревки надо! Веревки давайте!

— Эй, ве-рев-ку! Ве-рев-ку давай! — несло по двору.

Ящики с гвоздями обвязывали веревкой и втаскивали на второй этаж. Блестящие белые листы железа, поблескивая на солнце, плыли на головах людей к дому.

Прежний пустырь стал похож на жизнерадостный, трудолюбивый муравейник. Объявление Мазина скликало со всего города бывших учеников школы. Ребята входили во двор, как бы не веря своим глазам, со счастливыми, удивленными улыбками оглядывали работающих школьников, узнавали друг друга, радостно здоровались.

— Где директор? Ребята, где Леонид Тимофеевич?

— Он лесовоз хлопочет! На делянку поехал!

— Эй, чего спрашиваешь! Твоя школа?

— Ну как же! Вторая?... Моя! Я в пятом классе учился, не узнаешь?

Как не узнать! Узнавали. Жарко хлопали пыльными от работы ладонями по чистой ладони пришедшего.

— Сбрасывай майку! Становись на работу!

Новый школьник сбрасывал майку, принимался за работу. По улице гроыхала трехтонка. Ребята, оглушая криками шофера, заглядывали в кабину. Из нес неторопливо выходил директор, с доброй усмешкой в карих глазах встречал вновь пришедших, вспоминал фамилии, пожимал протянутые руки.

— Здравствуйте, здравствуйте! Нашла вас школа? Очень рад... Какой класс? Шестой? Великолепно! Определяйтесь на работу. Вон Иван Васильевич покажет куда.

— Да что-то уж больно много помощников стало! Идут и идут! — ворчал Грозный. — Эдак вместо работы одна забота получится с ними.

Хитрость Мазина привлекала на пустырь не только школьников, но и родителей. Прочитав объявление, они торопились записать своих детей в школу.

Директор принимал посетителей прямо во дворе. На крыше гремело железо, вокруг дома по лесам ходили рабочие, со стен сыпалась отбитая штукатурка, на земле лежали горы стружек.

— Школы еще нет. Вот закончим ремонт, тогда начнем записывать детей, — устало пояснял директор.

Ремонт шел полным ходом. Директору приходилось ездить в Москву, ходить по разным учреждениям, хлопотать материал.

Возвращаясь на пустырь, он всегда спрашивал:

— Как у нас дела?

— Тес привезли! Мазин с дедушкой Миронычем ездили! — бойко докладывал ему Васек Трубачев.

— А другой Мироныч как? Закончил обвязку рам?

— Вставляет уже!

Двух плотников, по странной случайности, звали одинаковым отчеством — Миронычи. Старший — дедушка Мироныч, бородатый, с кудрявой сединой, — был всегда весел и говорлив; младший — дядя Мироныч, — наоборот, глубоко прятал под насупленными бровями глаза и, не тратя попусту слов, выразительно стучал корявым пальцем по спине приставленного к нему помощника, указывая бровями на нужную ему вещь. Работали оба плотника добросовестно, с охотой.

— Мы, товарищ директор, работаем на совесть. Мы, по общей человечности, труда не

жалеем, потому как детям нужна школа... Денег с вас мы не требуем, потому как нас выделил завод. Мы пришли от коллектива рабочих. Дело это почетное, и Родина нам зачет, — перебрасывая доски, рассуждал дедушка Мироныч. — Вот, конечно, ежели после работы кружечку пивца поднесете — это мы не откажемся, это, так сказать, мы в своем праве. Как ты думаешь, Мироныч, а?

— Я к этому делу равнодушный, — искоса поглядывая на директора, отвечал младший Мироныч, — разве от жары, конечно.

Леонид Тимофеевич посылал Грозного за пивом. Грозный, неодобрительно поглядывая на старика Мироныча, качал головой, советовал:

— Вечером угощайте, после работы. А то уж очень разговорчивый дед попался!

Внешний вид дома постепенно восстанавливался. Можно было приниматься за отделку комнат нижнего этажа. Работа задерживалась из-за отсутствия печника.

— Что ты будешь делать! — горевал школьный сторож. Нет как нет! Леонид Тимофеевич весь исхлопотался! И куда они все подевались в городе?

— Дефицитный товар. Большой спрос на печника идет, — авторитетно заявлял Мироныч-старший.

— Как хотите, а доставайте. Школа без печей не может быть, — хмуро цедил младший.

В комнате стояли аккуратными столбиками сложенные кирпичи. Ребята наносили песку, глины, но печника не было.

Каждое утро, почистив с помощью Грозного свой выходной костюм, Леонид Тимофеевич отправлялся на поиски.

Однажды, вернувшись, он весело похлопал сторожа по плечу:

— На днях печник будет!

— Откуда? — всполошился Грозный.

— Из райкома комсомола, — с лукавой усмешкой ответил Леонид Тимофеевич.

Сторож значительно поднял брови.

— Уж это без ошибки! — с уважением сказал он.

КАК ЗАРОЖДАЕТСЯ МЕЧТА...

От жаркого солнца кое-где на тротуарах образовались кривые трещины, пыль густо оседала на кустах, на заборах.

В разгар работы с улицы на зеленый пустырь вдруг доносился громкий знакомый голос диктора, передающего последнюю сводку. Работа останавливалась, взрослые и дети выбегали на улицу и, повернув головы к громкоговорителю, слушали сообщение с фронта. Те, которые не могли бросить работу, нетерпеливо спрашивали вернувшихся:

«Ну что там слышно? Как дела на фронте?»

Сегодня, заслышав сводку, Васек выбежал на улицу вместе с Витей Матросом. Перегоняя друг друга, они помчались на голос диктора и, пристроившись позади собравшейся кучки прохожих, слушали утреннее сообщение. Витя Матрос стоял рядом с Васьком и не мигая смотрел горячими, черными, как угли, глазами на громкоговоритель.

Военные события владели всеми помыслами Вити — он не пропускал ни одной сводки, жадно слушал рассказы о героях и сам мечтал о подвигах.

В доме у Вити, на чердаке, под слуховым окном, долго лежал на боку старый ящик, когда-то заменявший ему корабль. Еще не так давно Витя являлся на чердак и, воображая себя капитаном, командовал невидимыми матросами: «Команда, наверх! Убрать снасти! Надвигается шторм! Попросить ко мне Виктора Боброва!» — «Есть Виктора Боброва!» — отвечал сам себе Витя. «Виктор Бобров! Вам предстоит выяснить расположение противника. Возьмите запасную шлюпку и отправляйтесь немедленно!» — «Есть, капитан!»

Старый ящик превращался в шлюпку, он скрипел и бешено раскачивался.

Мать стучала щеткой в потолок.

«Витя, Витя! — кричала она. — Что ты там делаешь, противный мальчишка. Штукатурка сыплется с потолка».

Витя затихал, но ненадолго.

«Человек за бортом!» — вдруг отчаянно орал он, прыгая с размаху из «шлюпки» на старый ободранный диван с торчащими из ваты пружинами. Игра разгоралась снова.

Но с тех пор как началась война и любимый брат Вити ушел на фронт, мальчик забыл свои детские забавы. Слуховое окно на чердаке затянулось паутиной, и в морозную зиму Витя сам порубил свой старый ящик матери на дрова.

Сейчас мысли Вити Матроса уносились к каменистым берегам под Севастополем, где сражался его старший брат — моряк Черноморского флота Николай Бобров.

С побелевшим от волнения лицом мальчик жадно вслушивался в каждое слово диктора:

«Неувядаемой славой покрыли себя защитники Севастополя. Они стойко и мужественно обороняют от немецко-фашистских захватчиков каждую пядь Советской земли ^[1]...»

Васек мельком поглядывал на Витю, тихонько жал его тонкие загорелые пальцы.

«Брата вспоминает...» — с теплой жалостью думал он.

Сводка кончилась. Прохожие постепенно разошлись, а Витя все еще стоял и, забывшись, смотрел вверх, на громкоговоритель. Васек тронул его за плечо:

— Пойдем!

Витя медленно повернул к нему голову. В его глазах блестели слезы. Васек заволновался.

— Витя, он вернется, твой брат, ты не бойся! — поспешно сказал он, чтобы утешить мальчика.

Ресницы у Вити дрогнули, сбрасывая светлые капли слез, губы зашевелились, но он ничего не сказал, только покачал головой и вытащил из-за пазухи пачку писем, завернутых в газетную бумагу. Письма были смятые, зачитанные, с истертыми, расплывшимися буквами. Витя развернул одну бумажку и прочитал дорогие слова, написанные ему братом перед боем.

Письмо было суровое, но между строк сквозила нежная. большая любовь к младшему братишке. Кончалось оно так:

«...Моряки стоят насмерть. Пусть советские люди крепки надеются на нас — будем бороться до последней капли крови.

И ты, Витька, помни: коли не вернется твой брат, значит, смертью храбрых погиб он на своем посту. И плакать о нем, братишка, не надо. Утешай мать, береги ее за себя и за меня. Вырастешь — станешь моряком. Выйди в море, погляди на город-герой Севастополь, на прибрежные камни, политые нашей кровью, и сними, Витька, шапку перед славными защитниками-черноморцами. Был между ними и брат твой Николай...»

Мальчик опустил письмо. Глаза его сверкнули гордой решимостью:

— Кончу школу — стану моряком. И, если Родина даст мне какой-нибудь приказ, я не посрамлю брата!

Васек с большим уважением смотрел на мальчугана, который с недетской суровостью преодолевал свое горе и твердо знал свой будущий путь.

Васек с беспокойством подумал о себе. А кем будет он, Васек Трубачев? Какие-то неясные мысли тревожили его душу.

Он видел себя и командиром отряда, и строителем, и геологом, но во всем этом не было того главного, прямого, раз навсегда намеченного пути, который был у Вити.

Глубоко задумавшись, Васек не слышал, как Витя тихонько потянул его за рукав и что-то сказал.

Он понял только, что товарищ говорит о море, где, рассекая гребни беспокойных волн, идут на врага боевые советские корабли, где на берегу бьются насмерть севастопольские моряки, где из рукопашной схватки не уйти живыми врагам...

Витя говорил громко, возбужденно, и сила его слов захватывала Васька. Потом он умолк. Лицо его засветилось неизъяснимой прелестью затаенной мечты.

— Уйдем в море, Трубачев! — с восторгом сказал он вдруг. — Ты не знаешь, какое море! Я вырос на берегу. Я видел высокие, как дома, волны — они выбрасывали громадные камни и разбивали их вдребезги. Но моряки ничего не боятся... Уйдем на корабль, Трубачев! Ты не знаешь, какой народ моряки!

Голос Вити проникает в сердце Васька. Стать отважным советским моряком, служить своей Родине, защищать ее от врагов, стоять насмерть, как стоят под Севастополем черноморские моряки...

Васек вскидывает голову. По широкому синему небу уплывают куда-то вдаль тяжелые белые облака. Чудится: в далеком, невиданном море идут на врага боевые корабли, на палубе в черных бушлатах стоят моряки, и, залитый солнечным светом, на высокой мачте реет советский флаг.

— Уйдем в море, Трубачев! — настойчиво шепчет Витя.

Бывает в жизни тревожный и радостный миг, когда в сердце человека зарождается мечта. Васек уже чувствует ее крылатое прикосновение.

— Но ведь это еще не скоро, Витя. Нам еще надо кончить школу, — с трудом возвращая

себя к своим делам, к своей теперешней жизни, рассеянно говорит Васек.

— Конечно, конечно! Мы кончим школу и морское училище... Нам еще много надо учиться! — радостно подхватывает Витя. — Ты только скажи мне — пойдешь?

Васек крепко обнимает его за плечи:

— Пойду... Спасибо тебе, Витя! Спасибо тебе...

Васек не знает, за что он благодарит этого черноглазого мальчишку, но чувствует, что Витя Матрос как будто подарил ему синее море с боевым кораблем, и бушлат моряка, и будущие подвиги.

Так зарождается мечта...

Глава 31

НА ПРУДУ

К вечеру работа на пустыре утихла. Рабочие расходились по домам. Свернув трубочкой фартуки и засунув их под верстак, ушли и два Мироныча. Закончил работу кровельщик и, постукивая молоточком по новенькой водосточной трубе, поджидал директора. Две женщины спешно домывали лестницу и комнату на втором этаже, предназначенную для учительской. Ребята собирали разбросанные по двору инструменты и вносили их в дом.

В передней, возле сваленных в кучу дранок и обрезков, Грозный, присев перед табуреткой, кипятил на керосинке чан.

Леонид Тимофеевич, выглянув из окна второго этажа, махнул ребятам рукой:

— Кончайте! Кончайте! Домой пора!

Васек сгреб лопаты, покрыл их брезентом и выпрямился. Исцарапанные плечи его, черные от солнца и грязи, ныли от усталости.

Но сквозь эту усталость он чувствовал, что горячий призыв Вити Матроса влил в него какие-то новые силы.

Казалось, все можно преодолеть в жизни.

Девочки принесли в кружке воды и поливали друг другу на руки. Мазин молча взял у них из рук кружку, жадно выпил тепловатую водичку и, сплюнув, сказал себе в оправдание:

— Все равно не отмоешься здесь. Незачем и грязь разводить.

Спорить никому не хотелось. Все молча отряхивали платье от въедливой известковой пыли, чистили о траву побелевшие тапки.

— Вот и еще день прошел... — как-то значительно и печально сказал Одинцов.

Васек поднял глаза и встретил тоскующий взгляд Петьки.

— Пойдем на пруд! — бодро сказал Васек. — Там и вымоемся и поговорим.

Он знал, что у всех на душе лежит тяжелый камень — беспокойство за учебу. Аккуратное посещение уроков все еще не налаживалось, каждый день кто-нибудь отсутствовал.

— Надо посоветоваться, — как всегда в трудных случаях, говорил Одинцов.

День уже кончался, но впереди был еще длинный вечер.

— На пруд! На пруд! — оживились ребята. — Девочки, не расходитесь!

— Мне домой надо, — покачала головой Нюра.

— Васек, я сегодня обещала маме прийти пораньше. Она очень много занимается сейчас политечкой. Мне надо еще ужин сварить и посуду убрать, — тихо сказала Лида. — А завтра мама работает, так, может быть...

— Нет, у нас нет больше завтрашних дней. Мы можем потерять шестой класс, понятно?

— Давно понятно! — буркнул Мазин.

— Объявляю сегодняшней сбор на пруду обязательным! — решительно закончил Васек.

Сбор! Знакомое слово всколыхнуло и сразу мобилизовало ребят, все повеселели. Петя Русаков с благодарностью взглянул на Трубачева.

— Молодец! — одобрительно сказал Одинцов.

К Лиде и Нюре подошел Сева Малютин.

— Вы куда?

— Пойдем, пойдем — у нас сбор! Сейчас Трубачев объявил!

— Как? А я ничего не знаю! Мне даже не сказали! — обиделся Сева.

— Да это только сейчас. Мы тоже еще ничего не знали — вдруг он говорит: сбор! — взволнованно зашептали девочки.

— Давно не слышали! — усмехнулся Мазин и, так же как Одинцов, одобрительно сказал: — Молодец Трубачев!

Васек шел впереди, не оглядываясь, но слышал все, что говорили товарищи. Слово «сбор» вырвалось у него неожиданно. И теперь он сам был взволнован этим коротким и торжественным напоминанием о том, что они пионеры, что им необходима пионерская работа, что в ней есть все, чего им не хватает в их жизни и труде. В ней есть четкость, мужество, дисциплина и многое другое, что делает жизнь увереннее и проще и не дает возможности растрачивать бесполезно свое время. Еще минуту назад Васек не знал, о чем будет говорить с товарищами и как выйдут они из своего трудного положения. Но теперь он знал. Да, сбор! На нем всегда решались самые серьезные вопросы.

Васек шел твердым, уверенным шагом и чувствовал, что в его товарищах тоже появились спокойствие и бодрость.

В редкие часы отдыха любимым местом ребят был старый пруд. Заросший и заброшенный, он напоминал им Слепой овражек. Так же на закате в зеленой воде отражались светлые лучи солнца, так же качались над головой шумливые ветки и кричали, пролетая, птицы. Только не было затонувшей в воде коряги. Здесь, среди елок, на темном берегу, как случайная гостья, гляделась в пруд нарядная белая береза. На ее нежном стволе чернели вырезанные Мазиным буквы: «Р.М.З.С.». Л около бывшей землянки, широко раскинув разлапистые ветки, крепко сидела в земле старая ель.

Нет, это не был Слепой овражек! По краю пруда не рос густой орешник, здесь не могли спугнуть ребят чужие, страшные шаги... Но в густой тени, у заросшего пруда, вставали в памяти дорогие, знакомые лица, и чудилось, что протянешь руку — и опустишь ее на теплое загорелое колено сидящего рядом Генки, а закроешь глаза — и стоит перед тобой в шапке-кубанке Игнат, крепко сведены у переносья черные брови... А из-за спины Игната выглянут серые выпуклые глаза Федьки...

И Грицько протянет через головы товарищей крепкую ладонь:

«Здорово, хлопче, давай твою руку...»

А то вдруг покраснеет вода на пруду, и почудится оттуда детское удивленное лицо мертвого Ничипора, покажется серебряная голова Николая Григорьевича, а рядом с ней другая — с густыми, нависшими бровями и пересеченной шрамом щекой... Острой болью рванется сердце, тихо застонет над головой береза, и страшно припомнится худенькое вытянувшееся тело деда Михаила.

Ой, не забудьте ж того, пионеры, что видели, что слышали, не забудьте нашего лютого врага!...

Нет, не похож родной пруд на Слепой овражек, только память здесь острее и жалостней да как будто ближе далекие друзья. Поэтому и полюбилось так ребятам тихое местечко...

— Мойтесь! — говорит Васек и с удовольствием погружает в воду горячие пыльные руки.

Ребята следуют его примеру и настороженно следят, как он приглаживает водой свой непокорный чуб, неторопливо повязывает галстук. Вот он уже приготовился — чистый, свежий, приглаженный. На мокром лице синие глаза с знакомым блеском глядят на товарищей. Руки у всех невольно поднимаются к галстукам, старательно разглаживают их концы.

— Мы пионеры, — говорит Васек, — и сейчас, на этом сборе. Нам нужно разобрать все свои дела. Что у нас получается? Уроки мы пропускаем, в госпиталь никак не попадем, даже навестить Васю не можем. На работе толчемся целый день все вместе. А потом ходим друг за

другом и спрашиваем: что делать с учебой? Верно я говорю?

Ребята молча наклонили головы.

— Так ты сам знаешь — времени не хватает, — пожал плечами Мазин.

— Времени? — переспросил Васек. — А где наше расписание? Вспомните, сколько уроков было в школе, сколько кружков... да сколько мы на коньках да на лыжах бегали, да в кино ходили... На все это было у нас время?

Лида Зорина подняла руку:

— По-моему, с теперешним это нельзя сравнивать. Ведь тогда с нами и Сергей Николаевич был и Митя. Они сами за всем следили. И дисциплину подтягивали.

Васек быстро повернулся к Лиде:

— А ты что хочешь, чтобы сейчас, когда идет ремонт школы, к тебе взяли и прикрепили бы учителя и вожатого специально подтягивать твою дисциплину? Потому что ты сама ничего не можешь? Маленькая?

— Почему это я? — возмутилась Лида. — Разве я про себя говорю?

Ребята зашумели.

— Васек правильно говорит! — выкрикнул Одинцов. — Мы пионеры, мы должны сами на себя надеяться, да еще и взрослым помогать в такое трудное время!

— Нам нечего барчуков из себя корчить и нянек себе искать! — сердито сказал Мазин.

— Подождите! — остановил товарищей Васек. — Будет у нас школа — будут и учителя и вожатые. А сейчас мы, конечно, должны надеяться только на себя. Значит, давайте решим: что для нас главное всего? Учеба! А для учебы нужно время. А время у нас как вода в решете. Вот это, по-моему, хуже всего.

Нюра откинула с плеч выросшие за лето косы:

— Васек правду сказал, что время у нас как вода в решете! Работаем мы хорошо, я ничего не скажу, никто не ленится, но во всем другом мы просто какие-то не успевающие! А против как дети были... у нас того, что раньше, когда мы... вообще совсем другая жизнь стала...

— То, что было раньше, — вставая, сказал Одинцов, — мы вспоминать не будем. Сейчас война, и каждому человеку труднее стало...

— А я, например, ни на что и не жалуясь, — перебил его Мазин. — Я не белоручка! — Он вытянул руки, оглядел свои шершавые, загрубевшие ладони и с удовлетворением сказал: — Вот они, ручки-то! Красота!

Ребята засмеялись.

— Да хватит вам, ребята! — крикнула Нюра. — Какой тут смех! На самом деле! Разобраться надо, почему мы ничего не успеваем!

Васек покачал головой:

— Нам нужно точное расписание, чтобы мы знали, куда нас время уходит.

Петя Русаков поднял руку:

— Трубачев, дай мне слово!

Васек кивнул головой.

— Моя мама говорит... — начал Петя.

Но Мазин, сморщившись, как от зубной боли, махнул рукой:

— Ничья мама нам тут не поможет!

— Мазин! — сердито прикрикнул Васек.

Петя вспыхнул, закусил губы.

— Ну, рассказывай, что говорит твоя мама, — немного смутившись, согласился Мазин.

Но Петя уже рассердился.

— Она говорит, — закричал он в лицо товарищу, — что ты понабирал себе жалких слов и

носишься с ними, как дурак с писаной торбой!

— Что? Что? — Мазин остолбенело уставился на товарища.

— Что твоя мама говорит? — заинтересовались ребята.

— Повтори, Петя, — сказал и Васек.

— Она говорит, что Мазин понабирал себе где-то жалких слов: не можем, не успеваем, не справляемся — и что такие слова надо совсем забыть и выбросить! — залпом выпалил Петя.

Ребята переглянулись.

— Вот это здорово! — с восторгом сказал Одинцов.

Мазин вдруг склонил набок голову и, закрыв глаза, повалился навзничь.

— Убил! Прикончил! — заорал он, дрыгая ногами.

Ребята расхохотались. Даже Петя не выдержал и улыбнулся. Но Васек прыгнул к Мазину и сердито дернул его за руку.

— Не кривляйся! Поделом тебе! И нам всем поделом! О чем мы тут говорим? На что жалуемся? Не можем, не успеваем, не справляемся... Екатерина Алексеевна нас всех насквозь видит! И с этого дня... — Васек тряхнул головой и смял ладонью упавшие на лоб волосы, — чтоб с этого дня у нас было все иначе... Сева Малютин, пиши!

Сева поспешно вытащил из кармана карандаш и записную книжку.

— Пиши так: «Постановили...» Пстой! — Трубачев вопросительно взглянул на Петю.

— «Не говорить жалких слов», — торопливо подсказал Петя.

Васек кивнул Севе головой:

— Пиши!

Сева записал.

— Дальше?

— «Сделать точное расписание...» — диктовал Васек. — Пиши: «Постановили единогласно: учитывать каждый час...»

— Подожди, Васек, а если что-нибудь... ну, случайное случится? — спросила Лида.

— Да, правда, если какой случай случится? Давайте уж сразу на это время класть! — предложила Нюра.

— Конечно! Ведь у нас все случаи да случаи какие-то. Вдруг опять что-нибудь произойдет, а времени на это не положено, — пожал плечами Саша.

Ребята задумались.

— А ведь и правда, Васек! Как ты думаешь? Васек нетерпеливо кивнул Малютину:

— Пиши: «На случайные случаи выделить полчаса в день».

— Маловато... — пробормотал Мазин, но, взглянув на Ваську, спорить не решился.

— Кому поручим составить расписание? — спросил Малютин.

— Я возьмусь, — протянул руку Васек и, спрятав на груди листок из Севиной книжки, торжественно объявил: — Пионеры. сбор считаю законченным!

ЗАБЫТЫЙ ДНЕВНИК

На другой день Васек позвал к себе ребят, чтобы отдать им составленное расписание.

Большая часть времени уходила на занятия с Екатериной Алексеевной. Нашлись часы и для дежурства в госпитале, и даже на непредвиденные случаи отводилось полчаса в тот день, когда этот «случай случится».

Казалось, все было просто. Беспокоило только то, что по утрам не придется работать на пустыре.

— Как-то неудобно перед Леонидом Тимофеевичем так поздно приходить. Подумает еще, что ленимся, — говорил Васек.

— Конечно, может подумать, но что делать! Хорошо, что народу теперь прибавилось, есть кому помогать, — успокоил товарища Одинцов.

— Мне Иван Васильевич говорил — еще двое каких-то новеньких приходили, шестиклассники, — вспомнил Петя.

Васек снова взглянул на расписание. Нет, до чего все просто получилось! Можно и работать и учиться.

Конечно, трудно все-таки, но зато какая школа будет! Просторные окна, внутри широкий коридор, внизу большой зал. Все как полагается! Одна комната, в конце коридора, уже заранее намечена для шестого класса. Эта комната внизу... Вчера они убрали под се окнами мусор и немного вскопали землю.

Ребята размечтались...

Скоро они все вместе возьмутся за внутреннюю отделку и за ограду. Ограду они сделают очень нарядную, выкрасят в зеленый цвет и осенью на школьном дворе посадят деревья.

Было уже поздно. Васек заторопился:

— Ну, ребята, сейчас я каждому дам листок бумаги, перепишите себе начисто расписание, и чтобы уж никаких отговорок у нас не было!

Васек подошел к шкафу:

— Тут у папы бумага есть. И дневник наш тут лежит. Давно я его не смотрел!

— Какой дневник? Покажи, Васек!

Маленький круглый шкафчик замысловатой работы Павла Васильевича повернулся вокруг своей оси. Васек распахнул дверцы и взял с полочки знакомую всем толстую клеенчатую тетрадь. На первой странице ее было написано большими печатными буквами:

ЖИЗНЬ НАШЕГО ОТРЯДА. 1941 ГОД.

Ребята вскочили, налегли на стол. Одинцов с волнением дотронулся до гладкой черной обложки:

— Наш дневник!

— Как это мы могли о нем забыть! — удивились ребята. — Ведь здесь все написано! И про Митю, и про Матвеича, и про Степана Ильича.

Одинцов раскрыл последнюю страницу.

— «Хвеко-хвеля Хвео-хведин-хвецов...» — медленно прочитал он в конце.

— Мы должны закончить этот дневник и подарить его школе, чтобы все ребята узнали, какими героями были дед Михайло, Матвеич, Николай Григорьевич! — горячо сказал Васек.

— Мы положим этот дневник в пионерской комнате, чтобы все пионеры могли прочитать про Марину Ивановну, про нашу Вальку, про всех... — заглядывая в тетрадь, предложила Лида.

— Конечно... Одинцов, поручаем тебе дописать этот дневник до конца! — торжественно обратился к товарищу Васек. — Сможешь?

— Смогу, конечно! Я все помню. А в случае чего, и вы поможете. Я сейчас же начну писать! — охотно согласился Коля Одинцов.

Польщенный доверием товарищей, он осторожно свернул в трубку тетрадь и спрятал ее за пазуху.

— Подожди прятать. Может, почитаем сейчас? Интересно ведь, как все было! — вопросительно глядя на ребят, сказал Петя Русаков.

Но Васек покачал головой:

— Не время сейчас. Давайте переписывать расписание... Кстати, Коля, пока ты будешь писать дневник, не ходи в госпиталь.

Одинцов запечалился:

— Мне очень Васю повидать хочется. Я только один раз схожу, ладно?

В ТОТ ЖЕ ВЕЧЕР

Когда ребята ушли, в комнату тихонько вошла тетя Дуня, поставила перед Васьком чай. Васек заметил, что чашка с блюдцем дребезжала в ее руке. «Устала...» — подумал он.

— Ну что ты все ходишь, тетя? Как будто я сам себе чая не налью!... — с беспокойством сказал он. — Садись вот тут лучше. Посиди немножко.

— А что это ты пишешь? — присаживаясь к столу, поинтересовалась тетя Дуня.

Васек кратенько рассказал ей про свои дела: про учебу, про ремонт. Все это тетя Дуня слышала не раз, но всегда принимала близко к сердцу.

— Директор сегодня уже в учительской стол себе поставил, а Иван Васильевич скоро из госпиталя в новую школу переедет. У него здесь точь-в-точь такая же комнатка около раздевалки. Он в ней и ночует сейчас — боится, как бы кто материал по унес.

— Ну, это уж напрасно! — возмутилась тетя Дуня. — Кто ж это из школы материал унесет! Да таких злодеев-то во всем городе не найдется. Экий подозрительный старик стал!

— Да нет, может, и не оттого он ночует, а просто хочется ему сторожить... ну, по своей специальности работать, что ли.

— Но специальности — это другое дело. А на людей клеветать нечего. Школой все дорожат. Постоянно народ около нее толчется... Я тоже вчера проходила мимо. Заглянула во двор. Дом-то какой красавец будет! А уж школьников, мальчишек да девчонок во дворе — не сосчитать! И тебя видела, только уж окликать не стала.

Она отхлебнула из своей чашки чай, осторожно прикусила кусочек сахара, потом закашлялась, вынула носовой платок и вытерла кончиком глаза:

— Помню, когда уезжал твой отец... Пришел в шинели, сел вот тут рядом, обнял меня. А я плачу. «Что ж, говорю, Паша, голубчик, Ваську от тебя передать? Может, хочешь что-нибудь на прощанье сказать?» А он так покачал головой и говорит: «Не надо, сестреночка. Он все знает, что я могу сказать». — «Да откуда же, Паша, ему знать?» Улыбнулся он мне и опять свое:

«Знает, сестреночка! Хороший сын всегда знает, что скажет в том или ином случае отец». — Тетя Дуня облокотилась на ладонь и тихонько спросила: — А ты и вправду знаешь ли?

— Знаю, я всегда знаю! — радостно улыбнулся Васек. — Вот и сейчас знаю... Он подмигнул бы мне одним глазом на тебя и сказал: «Что-то у нашей тети Дуни глаза нынче на мокром месте... А ну-ка, Рыжик, подойди к ней поласковее...» — Васек встал и, обняв тетку, прижался щекой к ее щеке. — Ничего, — сказал он, — проживем как-нибудь...

— Не хватает моих сил... — прижимая к себе его голову, прошептала тетя Дуня. — Писем-то нет у нас... Письма-то куда же подевались?

— Ничего, ничего, придут письма. Ведь бывает — задерживаются в пути. Ты не плачь только, все будет хорошо! — с горьким спокойствием уговаривал тетку Васек.

В эту минуту ему казалось, что отец слышит его и одобрительно кивает ему головой: «Не давай, не давай ей плакать, Рыжик... Старая она, больная. Кто ее, кроме тебя, пожалеет...»

— Давай, тетя, поглядим по карте, где бои идут. Васек принес карту, разложил на столе, вынул из коробочки красные флажки:

— Вот, гляди, где наши теперь находятся!

Тетя Дуня полезла в карман за очками. Слезы ее высохли, и, расставляя вместе с Васьком красные флажки, она сурово сказала:

— Ничего, придет наше время! Мы их до самого Берлина гнать будем!

— Тебе бы на фронт, тетя Дуня! — пошутил Васек. Спать легли поздно. Ночью Ваську снился отец. Снилось, что где-то в открытом поле сквозь дым и огонь мчится санитарный поезд. Мимо Васька в паровозной будке промелькнуло бледное, напряженное лицо отца, голубые серьезные глаза, знакомые, опущенные книзу усы. Васек бросился вслед поезду, но из дымной тучи налетел вражеский бомбардировщик, и тяжелый снаряд ударил в бок паровоза. Васек закричал, забился и, сонный, еще долго рвался из чьих-то теплых рук... Потом открыл глаза и увидел встревоженную тетю Дуню.

— Проснись, проснись, Васек, голубчик... — удерживая его, ласково шептала она.

Васек зарылся головой в подушку.

— Писем, писем нет, тетя Дуня... — простонал он.

— Ничего, ничего, придут письма. Ведь бывает — задерживаются в пути... — уговаривала его тетя Дуня.

Утром Васек долго думал о своем сне. Тоска, как огромный камень, навалилась на его сердце. Близкий, родной человек — тетя Дуня, но без отца родительский дом кажется пустым и неприятным.

«Сегодня пойду в депо», — думает Васек.

В депо все напоминает мальчику отца. Там идет своя жизнь, ч рабочие ходят в таких же пропитанных маслом и паровозной гарью куртках, в какой ходил отец; там в светлой мастерской и сейчас висит среди стахановцев портрет, а под ним большими печатными буквами стоит подпись: «Павел Васильевич Трубачев».

Васек выйдет из дома и жадно смотрит в ту сторону, где за улицами и переулками чуть виднеется высокая крыша вокзала, а за ней вдоль железнодорожной линии — длинное серое здание депо. Васек в нерешительности стоит у ворот.

В девять часов он должен быть на пустыре, где уже соберутся его товарищи. Они сговорились пойти к Екатерине Алексеевне все вместе. После пропущенных уроков никому не хочется прийти первым. Но сейчас еще рано. Если сбегать в депо... хоть на полчаса!

Васек срывается с места и, прижав к бокам локти, бежит по улице. Дома, палисадники, ворота, калитки и магазины мелькают у него в глазах. Вот и вокзал... Железнодорожные пути скрещиваются, длинными черными змеями лежат на шпалах рельсы. Васек пошел медленно, жадно вдыхая знакомый запах, влажный от пара и душный от угольной пыли. Какая-то женщина торопливо перебегает ему дорогу. В ведре у нее полыхает горящий уголь, выброшенный из паровоза.

Васек усаживается на пригорке. Отсюда видны ворота депо. На запасном пути стоит паровоз. Рабочие в брезентовых комбинезонах тащат брандспойты. Васек знает — сейчас паровоз будет принимать душ. Потом, блестящий, черный, красивый, он отправится куда-то в новый путь.

За ворота депо не пускают посторонних. Васек не считает себя посторонним, но он не хочет, чтобы его остановили в дверях. Ему было бы это обидно. Лучше посидеть на пригорке и подождать своего знакомого парнишку Андрейку.

Андрейка — белобрысый, маленький, озабоченный. В депо его взяли уже во время войны. Андрейка еще и сам хорошенько не знает, какая его должность, — он старается помогать всем и каждому.

Васек познакомился с ним случайно. Однажды в обеденный перерыв, завидев на горке одинокую фигуру Васька, белобрысый Андрейка, важничая своей брезентовой непромокашкой, не спеша поднялся к нему и сел рядом, на прогретую солнцем глинистую насыпь. Прищулив светлые глаза и морща пестрое от веснушек лицо, он долго и беззастенчиво разглядывал своего соседа. Потом вытащил из-за пазухи сушеную воблу и кусок хлеба. Оба мальчика молчали. Васек искоса смотрел, как «деповщик» сдирает с воблы присохшую шкуру и ест, с удовольствием разжевывая жесткую рыбу крепкими, белыми зубами, как на лбу его под желтыми, пшеничными волосами собираются мелкие капельки пота.

Молчать становилось неинтересно.

— Работаешь здесь? — с уважением спросил Васек, мотнув головой в сторону депо.

— Работаю. — Андрейка шмыгнул вздернутым носом. — Помощником.

— Чьим помощником? — заинтересовался Васек.

— А кто его знает... Чьим придется! Около паровозов хожу. А то на сортировочную посылают.

Андрейка повертел в руках объединенную воблу, внимательно обследовал, не осталось ли где-нибудь мякоти на рыбьих костях, и вдруг подозрительно спросил:

— А ты чего тут торчишь? Я тебя уже не один раз здесь вижу. И сейчас из-за тебя без кипятка обедаю. — Он прихмурил белесые брови. — Может, ты шпион? Или подосланный кем? Гляди, я разоблачу живо!

— Дурак ты, а не помощник! — рассердился Васек. — Мой отец тут работал в депо. Павел Трубачев, коммунист, стахановец.

— Ишь ты! — удивленно сказал Андрейка. — Павла Трубачева я видел... Он у нас на портрете изображен. Машинист? Верно! Нам и на собрании Трубачева в пример ставили!

— А я — его сын! — гордо сказал Васек.

Андрейка окинул нового знакомого одобрительным взглядом и, обтерев полую комбинезона руку, протянул ее Ваську:

— Будем знакомы. Андрей Иванович!

Васек крепко тряхнул его черную от угольной пыли руку и с волнением спросил:

— А что о моем отце говорят?

Андрейка разломил пополам оставшийся хлеб и протянул Ваську румяную горбушку:

— Угощайся! Про машиниста Трубачева я на сортировочной слышал. Герой он. Поезда с ранеными водит, под самым носом фашистов проскакивает.

— А куда возит он их, раненых-то, не слыхал?

— Нет, не слыхал. Ясное дело, куда ближе. Один раз по нашей дороге проезжал, только без остановки, в Москву.

У Васька помутились в глазах.

— По нашей дороге... здесь? — тихо спросил он.

— Ну да. Ответственный поезд вел... Да что ты побелел весь? Ведь это давно было, еще когда фашисты к Москве подходили, когда их гнали отсюда почем зря.

— Я отца с начала войны не видел... Я его ждал, ждал... А он проехал... мимо проехал... — в отчаянии пробормотал Васек.

Андрейка нахмурился:

— По делу проехал, не на гулянку... А ты что ж больно за отца цепляешься? Ты и сам не маленький, сам себя обосновать можешь — работа везде есть. Я вот тоже за родителей цеплялся, а как пришли в наше село фашисты, тут уж все перемешалось:

и отец партизан, и сын партизан... старые деды и те в партизанах. На годы свои никто не глядел. Разве что грудной при матери находился.

Васек все еще думал об отце:

— Не написал, проехал мимо, а я не знал ничего...

— Война — что тут сделаешь! Вот убили моих родителей, и остался я один. Только до двенадцати лет и походил в детях. Теперь сам за себя соображаю.

Васек очнулся и с горячим сочувствием поглядел на «деповщика»:

— И никого-никого у тебя тут нет?

— Как — нет! Я в город часто хожу — там у меня земляки.

— Земляки? Из вашей деревни?

— Необязательно из моей. Все деревни наши, — сбрасывая с комбинезона крошки, спокойно ответил Андрейка и тут же спросил: — А ты, помимо отца, кто такой есть? Школьник?

— Конечно. Пионер-школьник.

Васек стал рассказывать про себя, про своих товарищей. Потом встал, заторопился:

— Ну, прощай, Андрей Иванович!

— На работе я «Андрей Иванович», а так, запросто, конечно, Андрейкой меня зовут.

— А я — Васек. Васек Трубачев. Будешь в городе — приходи ко мне.

Васек сказал свой адрес, вынул из кармана карандаш:

— Запиши, а то забудешь.

— Не забуду, у меня память крепкая. Я на комсомольских собраниях сижу и все до слова запоминаю, — похвастал Андрейка.

Васек усмехнулся:

— Да разве ты комсомолец? — Он окинул взглядом тщедушную фигурку Андрейки и строго сказал: — Не хвастай зря! Андрейка обиделся:

— Я и не хвастал! В комсомольцы меня через год примут. Года не вышли. А на открытые комсомольские собрания я хожу из интереса. У нас скоро вечерняя школа откроется, и туда буду ходить. Как-никак, а образование свое получу полностью, — уверенно сказал он.

Васек протянул руку:

— Ну, до свиданья, Андрейка! Ты хороший парень. Андрейка с готовностью пожал протянутую руку:

— Как услышу что про твоего отца — прибегу. А ты как заскучаешь, так и приходи.

С тех пор мальчики подружились. Сидя вдвоем на пригорке, рассказывали друг другу

свои дела. Один раз Андрейка пожаловался на младшего мастера:

— Молодой, а замашки старорежимные имеет. Нехорошими словами ругается, сегодня ведерком с мазутом на меня замахнулся.

Васек возмущался:

— А ты что ж молчишь? Взял бы да сказал про него старшим.

Андрейка, подперев худенькой рукой голову, тяжело вздыхал:

— Нельзя. Он говорит: «Я больной, нервный». Как я на больного жаловаться буду? Тут один раз секретарь партийного комитета, хороший старик, вызвал меня и спрашивает: «Ты что, Андрей Иванович, невеселый? Может, обижает кто?» — Андрейка прищурил серые узкие глаза. — Смолчал я. Зачем кашу заваривать! С больного человека какой спрос! «Ничуть, — говорю, — меня никто не обижает, а вот вы бы для младшего мастера санаторий схлопотали, это, конечно, и меня бы выручило».

Молодого мастера действительно отправили на излечение. И Васек долго смеялся, когда Андрейка сообщил ему, что исхлопотал своему обидчику санаторий.

Недавно, встретив Андрейку на улице, Васек пожаловался ему, что не хватает времени на учебу, много дела на ремонте, а рабочих достать сейчас трудно.

— Так ты что ж молчишь? У меня земляки — народ боевой. Только кликну — все придут... весь рабочий класс, разных специальностей. Ты только скажи!

Васек почему-то представил себе целую армию железнодорожников и засмеялся.

— Скажу, если надо будет, — пообещал он, чтобы не обидеть нового друга.

Теперь, стоя на пригорке, Васек вспомнил, что Андрейка обещал зайти к нему, да так и не зашел. И сейчас не идет повидать своего друга. Васек долго стоит и, прикрыв глаза рукой, смотрит на раскрытые ворота депо, на скрещенные железнодорожные пути, на рабочих в замасленных комбинезонах. Нигде не видно светлой, белобрысой головы Андрейки.

«Работает, верно. Утром его не повидать — надо в обеденный перерыв приходить», — грустно думает Васек и, посидев в одиночестве, торопливо идет в город. Ребята ждут его, в десять часов они все вместе пойдут к Екатерине Алексеевне. Часы на площади показывают девять.

СТАРЫЕ И НОВЫЕ ТОВАРИЩИ

Ребята уже были на пустыре. Васек окинул взглядом двор. Ему показалось, что школьников стало еще больше. Какие-то девочки обнимали Лиду и Ньюру. Увидев его, они всей гурьбой бросились навстречу:

— Васек! Здравствуй, Васек!

— Трубачев, здорово!

Перед глазами Васька замелькали знакомые лица, со всех сторон потянулись к нему дружеские руки.

— Васек, нас шестеро приехало! Нам все уже рассказали об Украине. Ой, мы так вас ждали тогда!... — быстро-быстро заговорили две девочки.

— Мы приехали, а тут новая школа ремонтируется! Вот счастье! И мы все тут! — радостно улыбаясь, говорила Надя Глушкова.

— Молодец ты, Трубачев! — хлопнул Васька по плечу одноклассник Коля Чернышев. — Нам ребята все рассказали. Я тебя даже не думал уже увидеть после Украины! А потом вдруг приходим в старую школу, а нам говорят, что вы живы и что школа в другом месте теперь будет... А ты кто здесь? Бригадир, наверно? Мы тоже работать будем.

Чья-то белобрысая голова с колючим ежиком стриженных волос выросла вдруг перед Васьком.

— Белкин! Леня Белкин!

Мальчики крепко обнялись.

— Ну, жив? Я так и знал, что ты жив! Даже не думал никогда... — бормотал Леня Белкин, моргая белыми ресницами и не выпуская Васька из своих объятий. — Гляди, Васек, вон Медведев стоит!

Небольшой, аккуратненький мальчик с растроганной улыбкой подошел к Трубачеву.

— Я тоже приехал... — смущаясь, сказал он.

— Мы уже с Леонидом Тимофеевичем виделись. Он про тебя сегодня спрашивал. Там печник пришел, — щебетала толстенькая, румяная девочка, дергая Васька за рукав. — А мы на Урале были, учились. В шестой класс перешли...

Васек едва успевал отвечать на вопросы, крепко пожимая руки бывшим товарищам.

— Понимаешь, Васек, печник-то — женщина, — таинственно, подняв брови, сообщил ему Саша.

— Ну и что же, что женщина? — вмешалась Лида Зорина, окруженная своими прежними подругами. — Слышите, девочки, печник — женщина! Вот как интересно, правда?

— А где она? Где она?

— Подождите, не смотрите все вместе, — сказала, подходя, Ньюра. — Некрасиво получается. Как будто никогда не видели печника-женщину.

— Одинцов, — крикнул Васек, — что это они говорят? Печник — женщина?

— Ну да! Сейчас увидишь. Она разговаривает с Леонидом Тимофеевичем... А вот новенькие ребята! — Одинцов помахал рукой стоящим в отдалении мальчикам: — Идите сюда, ребята!... Это Васек Трубачев! Познакомьтесь!

— Меня зовут Боря Тишин, а это мой товарищ, Гриша Петрусин.

Васек поздоровался.

— Вы из какого класса?

— Мы перешли в шестой класс с круглыми пятерками, отличники, — сказал Тишин, растопыривая широкую, как лопатка, ладонь с короткими, толстыми пальцами. — Нам интересно вообще, по-товарищески, узнать, как будет со школой. Что-то не видно, чтобы она развернулась к первому сентября.

— Иначе, вы сами понимаете, нам нет смысла включаться в работу и, короче говоря, месить тут грязь, — тонким фальцетом вставил Петрусин.

Васек внимательно оглядел новых товарищей. На обоих были чистенькие курточки, отглаженные брюки. Тишин был меньше ростом, серые глаза его глядели исподлобья, короткий, широкий нос над вздернутой верхней губой был покрыт желтыми веснушками. У Петрусина, наоборот, лицо было смазливое, с мелкими чертами, аккуратный носик сидел прямо, глаза смотрели на собеседника мягко, и во всех движениях его складной фигуры чувствовалась прирожденная ловкость.

— Нам не имеет смысла... — опять начал он.

Но Васек перебил его:

— Школа ремонтируется. Для того чтобы с первого сентября мы начали заниматься, надо всем работать. Можете сложить где-нибудь в сторонке свои куртки, раздевалка еще не готова. Будете работать со всеми вместе. Я сейчас узнаю, что сегодня надо делать.

Он быстрыми шагами направился к директору. Мазин, слышавший этот разговор, медленно подошел к мальчикам.

— Прошу раздеваться! — насмешливо сказал он.

Но мальчики нерешительно отошли в сторону, о чем-то советуясь друг с другом. Саша сделал Мазину строгие глаза и, обняв его за плечи, потащил за Васьком:

— Пойдем на печника посмотрим. И чего ты так сразу связываешься?

— Подумаешь, им нет смысла! Ферты! — шипел Мазин.

— Мой брат, черноморский моряк, погнал бы их в шею отсюда, — сплюнув сквозь зубы, сказал Витя Матрос. — Очень они нам нужны тут!

— Потихе, Матрос, что ты грубишь? — проходя мимо, хлопнул его по плечу Одинцов. — Нехорошо так.

Витька блеснул глазами и замолчал.

Леонид Тимофеевич показывал новому печнику дом. Когда мальчики подошли к крыльцу, директор, спускаясь с лестницы, говорил:

— Печи, конечно, надо делать в первую очередь, без этого мы не можем начать побелку комнат.

Девушка, шедшая рядом с ним, увидела стоящих у крыльца ребят и что-то тихо сказала, морща пушистые темные брови. На ней была голубая тенниска с молнией у ворота, темная юбка и на ногах спортивные белые туфли. Волосы светлые, коротко остриженные, с загибающимися внутрь концами; под большим спокойным лбом темно-синие глаза смотрели внимательно и строго. Под мышкой она держала какой-то сверток, а в руках — короткую деревянную лопатку.

Мазин скосил глаза на Одинцова и тихонько толкнул локтем Ваську:

— Вот так печник!

— Здравствуйте, Леонид Тимофеевич! — смущенно сказал Васек, стараясь не глядеть на гостью. — Мы пришли узнать...

— Здравствуйте, здравствуйте! — перебил его директор и, обратив на печника смеющийся взгляд, представил: — Вот, Елена Александровна, это как раз Васек Трубачев и его товарищи! Я вам о них говорил. Это, так сказать, основатели, первые пионеры, которые

вместе со мной осваивали этот зеленый пустырь. Тут они еще не в полном составе, среди них есть и девочки. И еще ребята приехали из бывшего четвертого «Б». Вообще уже все классы постепенно укомплектовываются, пока что на школьном дворе, — пошутил директор, — но эти ребята пришли первыми... Вот, Трубачев, познакомьтесь. Елена Александровна очень любезно согласилась нам помочь, она как раз и есть тот волшебник-печник, без которого мы с вами как без рук!

— Здравствуйте... — смущенно переминаясь с ноги на ногу, приветствовали нового печника ребята.

— Здравствуйте! — весело кивнула головой девушка.

На груди у нее блеснул комсомольский значок, и ребята невольно пере — глянулись. Елена Александровна обвела взглядом двор:

— Я уже осмотрела все ваше хозяйство, и мне кажется, что начинать мы будем не с печей. Я думаю, начинать надо с четкой организации работы. Вас тут очень много, есть школьники старших классов и младших. Давайте устроим небольшое производственное собрание и определим каждому классу его участок работы. А может, разобьем вас всех на бригады, а то никто точно не знает, что ему делать.

— А мы все делаем! Что видим, то и делаем, — сказал Мазин.

— А какую работу вы собирались делать сегодня? — спросила Елена Александровна.

— Сегодня, наверно, будем помогать рабочим дранку прибивать. Да еще Леонид Тимофеевич говорил, на делянку надо ехать, — вступил в разговор Васек.

— Ну, ехать нам, к сожалению, еще не на чем! — озабоченно сказал Леонид Тимофеевич и, взглянув на часы, заторопился: — Елена Александровна, вы, пожалуйста, тут побудьте за хозяйку, договоритесь с ребятами относительно собрания, а я пойду по делам.

Леонид Тимофеевич ушел. Елена Александровна протянула Мазину свой сверток и лопатку.

— Мазин, — просто сказала она, — убери куда-нибудь эти вещи — они мне сегодня не понадобятся. — И, видя, что Мазин медлит, спросила: — Ты ведь Мазин?

— Я Мазин.

Коля, неуклюже топчась на месте, взял у Елены Александровны сверток и лопатку.

— Отнеси Грозному, — поспешно сказали ребята.

Елена Александровна села на ступеньку.

— Садитесь, поговорим. Директор просил сегодня же составить список всех ребят, каждый класс отдельно. Я хочу поручить это вам. А когда список будет готов, соберем производственное собрание.

— Кто-то приехал, — сказал вдруг Саша.

Во двор лихо вкатила легковая машина и, разворачиваясь, задела столб с объявлением «Школа N 2». Из кабины выскочил высокий мальчик в синей куртке.

— Это здесь школа номер два? — звонко крикнул он. Несколько ребят бросили работу и окружили машину.

— Кто это? — спросила Елена Александровна.

— Это Алеша Кудрявцев, — со смешанным чувством досады и удовольствия сказал Васек.

Он сразу узнал в приезжем своего недавнего знакомого и, вспомнив ссору с ним, нахмурился.

Одинцов и Саша с удивлением глядели на Трубачева.

— А что же, этот Кудрявцев вместе с вами работает? Почему он на машине? — спросила Елена Александровна.

— Мы его в первый раз видим, — глядя на Ваську, сказал Одинцов.

— Он хотел учиться в нашей школе, — не отвечая на удивленные взгляды товарищей, пояснил Васек. — А машина эта его отца, генерала Кудрявцева.

У машины уже собралась толпа ребят. Алеша, размахивая руками, что-то рассказывал. Тишин и Петрусин стояли с ним рядом. Тишин гладил блестящий кузов машины, а Петрусин, полураскрыв рот с белыми острыми зубами, смотрел на Алешу и после каждого его слова громко хохотал.

— Ого, да тут целый дворец! И ребят много! Я тоже буду здесь работать. Примете меня, ребята? — спросил Алеша.

— Примем, примем! — шумно и весело донеслось до крыльца.

— Может быть, тебе нужно пойти узнать, Трубачев, что там такое? — сказала Елена Александровна.

Васек поднялся и нерешительно пошел к машине. Он не знал, как встретится с ним после ссоры Кудрявцев, но, чувствуя себя на пустыре своим человеком, считал нужным поздороваться с вновь прибывшим.

— Здравствуй, Кудрявцев, — сказал он, подходя к Алеше.

Но Алеша не ответил. Отвернувшись в сторону, он небрежно облокотился на машину и как ни в чем не бывало заговорил о чем-то со своим соседом.

— Эй, новенький... как тебя... Кудрявцев! С тобой здороваются! С тобой Трубачев здоровается! — закричали вокруг ребята.

— Трубачев? — прищурился Алеша. — Не знаю такого.

Васек вспыхнул.

— А я тебя знаю! — громко сказал он и поглядел прямо в светлые дерзкие глаза своего противника. В этих глазах была открытая вражда и насмешка. Васек смутился.

— Мало знаешь! — наслаждаясь его смущением и поигрывая замочком от молнии, усмехнулся Кудрявцев.

Ребята, сгрудившись вокруг, напряженно вглядывались в лица обоих, предчувствуя ссору. У Трубачева потемнели глаза, на руках налились мускулы, но он медлил. А Кудрявцев, раззадоренный вниманием школьников, уже открыто смеялся ему в лицо, показывая тесно сжатые белые зубы. Рядом с Кудрявцевым, нагнув, как бычок, голову и как бы измеряя силы противника, стоял Тишин. Сбоку, выжидательно улыбаясь, выглядывал Петрусин.

— Ты откуда? — вдруг гневно вырвался из толпы Мазин. — Трубачев, что ты смотришь! Выбрось отсюда этого ферта вместе с его машиной!

Витя Матрос держался рядом с Трубачевым, готовый немедленно стать на его сторону в случае драки. Но драки не получилось.

Трубачев поднял голову и, разжимая кулаки, громко сказал:

— Мы здесь хозяева, а он — наш гость! — и, пожав плечами, прошел мимо Кудрявцева под шумные и одобрительные крики ребят.

— Молодец, Трубачев! Честное слово, ты настоящий пионер! Я все видел, — подошел к Ваську долговязый семиклассник Толя Соколов. — И не я один видел, а вот кто... — Он указал глазами на стоявшую в стороне Елену Александровну.

Про нее все как будто забыли. Она стояла одна, и темные брови ее под светлыми волосами гневно хмурились, а глаза глядели в упор на Кудрявцева. Васек оглянулся, но она его не заметила.

— Мазин, позови ребят — нам пора на урок, — сказал Васек и вышел на улицу.

После его ухода Елена Александровна быстрыми, легкими шагами подошла к Кудрявцеву и громко спросила:

— Чья машина?

— Моя, — вежливо ответил Алеша.

— Не понимаю, откуда у тебя машина? Что ты — ответственный работник? Кто ты такой? — резко спросила Елена Александровна.

— Мой отец генерал. Это его машина, — не смущаясь, ответил Алеша.

— Так и говори, что это машина твоего отца. Поставь ее куда-нибудь в сторонку и принимайся за работу. Нечего здесь собирать толпу и болтаться без дела... А вам, ребята, — обратилась она к кучке ребят, — я прямо удивляюсь. Как будто вы никогда в жизни не видели машины! Ну, чего вы собрались тут? Я на твоём месте, Кудрявцев, прямо обиделась бы: смотрят на тебя, как на обезьяну в зоопарке! — Она пожала плечами и засмеялась.

Петрусин громко, не к месту, фыркнул. Тишин смерил его удивленным, презрительным взглядом. Кудрявцев побледнел и, насвистывая, полез в машину.

— Эй, как тебя... Тишин, садись, подождём директора! — словно не замечая стоявшей рядом Елены Александровны, сказал он.

— Директора сегодня не будет! — крикнул ему Толя Соколов. — Отъезжай-ка подбру-поздорову!

Алеша с недовольным лицом тронул руль. Машина двинулась.

Петрусин сорвался с места и, размахивая руками, побежал за ней.

— Эй, ты! Догоняй, догоняй, держи за хвост, а то уйдет! — захохотали ему вслед ребята.

Глава 36

НА УРОКЕ

— Идут! Мама, все идут! — с торжеством кричал Петя Русаков, врываясь к себе домой.

Екатерина Алексеевна сделала строгое лицо:

— Вот я их сейчас! Столько пропустить! Безобразие! Ребята вошли робко, один за другим. Девочки первые подошли к Екатерине Алексеевне, с обеих сторон заглядывая ей в глаза:

— Сердитесь на нас?... Ой, сердитесь! Мы просто боялись идти...

— Конечно, сержусь, — отстраняя их, сухо сказала Екатерина Алексеевна и повернулась к мальчикам.

Мальчики с виноватым видом стояли у дверей. Никто из них не садился. Екатерина Алексеевна приготовила для встречи много суровых и горьких слов, но, взглянув на вытянутые лица своих учеников, только коротко вздохнула и показала рукой на стулья:

— Садитесь!... В последнее время занятия наши разладились. Это очень плохо, особенно для тех, кто слаб по арифметике. — Она бросила взгляд на Трубачева.

Васек пошевелил бровями, потер лоб.

Екатерина Алексеевна положила на стол программу:

— Так вот, ребята, я просмотрела все, что нам осталось, и точно распределила наши занятия на лето. Времени у нас не так уж много. Поэтому в последний раз вам говорю: заниматься надо аккуратно, каждый день.

Ребята молча уселись за стол. Екатерина Алексеевна раскрыла учебники.

— Мы с вами застряли на делении дробей. Это по арифметике. По русскому языку у нас дела обстоят лучше: мы закончили почти всю программу, будем только повторять. По истории мы проходим сейчас мифы. Кроме того, мы довольно бегло прошли то, что оставил нам Костя. Значит, придется еще повторять и географию.

Ребята молчали.

— Сегодня начнем с главного — с арифметики. Саша Булгаков, иди к доске!

Саша неуверенными шагами подошел к доске, одергивая курточку.

— Запиши пример: раздели, пожалуйста, $8\frac{5}{6}$ на $2\frac{1}{3}$.

Саша аккуратно записал пример и начал превращать смешанные числа в неправильные дроби. Справившись с этим, он вдруг замер у доски и долго стоял без движения.

Екатерина Алексеевна вызвала на помощь ему Лиду. Сообща они решили пример и, запинаясь, сказали правило.

Урок прошел в большом напряжении. Никто, кроме Пети Русакова, не мог решить ни одного примера на деление самостоятельно.

Под конец Екатерина Алексеевна сказала:

— Вот видите, вы опять все перезабыли. А на прошлом уроке у нас дело шло гораздо лучше. Придется еще посидеть на делении дробей.

Следующим уроком была история.

На уроках истории, так же как и на других уроках, Екатерина Алексеевна строго следила не только за тем, чтобы ребята точно излагали заданное, а еще и за тем, чтобы речь их была правильной. Ребята знали это и, готовя дома урок, всегда рассказывали его себе вслух.

На этот раз, отвечая миф об аргонавтах. Мазин никак не мог толково построить свой

рассказ:

— Греки... любили плавать... ну вообще... в далекие страны. И вот один царь... как его... Пелей... поручил... одному там... этому, ну... Ясону, достать это... золотое руно... Ну, и он, значит, поехал в далекий путь... Ну, вообще... очень опасный путь...

— Остановись, Коля, — прервала Мазина Екатерина Алексеевна. — Как это ты рассказываешь? «Вообще, этот, этого, ну, ну...» Что это за понукание? Русский язык очень красочный и богатый, в нем есть решительно все слова, которые тебе нужны. Надо же наконец научиться правильно ими пользоваться. Ты засорил свой рассказ лишними, ненужными словами, твоя речь заросла сорняком. Мы с вами столько читаем, подробно разбираем каждое произведение. Для чего мы это делаем? — Она обернулась к ребятам. — Научитесь же наконец правильно говорить! Следите за собой, поправляйте друг друга. Нельзя же так!

На уроке истории ребятам окончательно не повезло. Отличный ученик Сева, испугавшись выговора Мазину, рассказывал миф о Геракле чуть ли не наизусть, изо всех сил напрягая свою зрительную память. Закончил он точно так, как было написано в учебнике:

— «После многочисленных подвигов Геракл был наконец взят Зевсом на небо и сделался богом».

Екатерина Алексеевна недовольно пожала плечами:

— Я не помню, чтобы я когда-нибудь просила учить мифы наизусть. Удивляюсь даже, зачем ты взял на себя такой труд.

Сева растерялся и, не поняв, в чем она его обвиняет, поспешно сказал:

— Но ведь он же и правда был взят живым на небо.

Ребята расхохотались.

— Меня тоже, кажется, возьмут живой на небо после этих уроков, — пошутила Екатерина Алексеевна. — Ну вот, ребята, в следующий раз старайтесь рассказывать своими словами, только не так, как сегодня Мазин. Меня это просто огорчило.

Уходя, ребята торжественно заверили свою учительницу, что у них теперь твердое расписание и, «хоть умри», никаких пропусков больше не будет.

— «Хоть умри» — тоже лишние слова, — поправила их уже в дверях Екатерина Алексеевна.

В обеденное время ребята решили навестить Васю.

По дороге Трубачев рассказывал товарищам о своем первом знакомстве и ссоре с Кудрявцевым.

— Что же ты молчал? — удивились ребята. — Можно было сразу по-товарищески предупредить его, чтобы не задира л нос!

— Я нарочно промолчал. Не хотел, чтобы заранее все знали, что он хвастун, думал — может, он иначе себя поведет. Поэтому и поздоровался первый. Ведь все-таки он хотел помочь мне на лесопильном... И вообще он мне понравился, сам правит машиной...

— М-да... Я сразу тоже ничего плохого в нем не заметил, — сказал Саша.

— Подумаешь, барчонок какой! — нахмурился Одинцов.

— Ну нет, на барчонок он не похож! — запротестовал Васек. — Он сам мне говорил, что любит работать. Просто хвастун!

— Ну ничего! Наши ребята его переделают на свой лад.

— Вот только эти двое чего к нему прилипли? — спросил Саша.

— А, Тишин и Петрусин? Они ведь тоже новенькие. Может, из-за машины, — предположил Петя.

— Мне что-то эти двое сразу опротивели, — поморщился Сева. — Прямо сразу!

Ребята засмеялись:

— Ого! Если уж Севке нашему кто-нибудь опротивел, так, значит, есть за что!

— Ну, что вы думаете, я так уж всех люблю? Я только вслух не говорю и драться не умею, а то бы...

Ребята еще громче расхохотались. Сева обиделся:

— Так что же я, по-вашему, своего мнения не имею?

— Нет, мнение ты имеешь и по косточкам разобрать человека можешь, а потом начнешь его оправдывать: это потому, а это поэтому... Ты добрый, добрый, Севка!

— Напрасно вы обо мне так думаете, — сказал с огорчением Сева. — Я, может быть, и добрый и в мелочах к людям не цепляюсь, но подлость ни одна от меня не уйдет. Я се никому не прошу! И в глаза правду скажу!

— Севка слабый, но сильного не побоится, — подумав, сказал Васек.

— Это верно. Севка бесстрашный, — серьезно заключили ребята.

Мазин вдруг вспомнил Елену Александровну.

— Что-то она на печника не похожа. Явилась как к себе домой. Вещички какие-то мне сунула и лопатку! — засмеялся он.

— Почему не похожа? Она печник с образованием. Теперь много таких. Видали у нее комсомольский значок? — оживился Трубачев.

— Она настоящий печник. Ведь сам Леонид Тимофеевич ее пригласил печи класть. Но дело в том, что она комсомолка и, конечно, раз видит беспорядок, то сейчас же и вмешается, — объяснил Одинцов.

— Нехорошо, мальчики, с вашей стороны. Только пришел человек, а вы сразу критикуете его, — недовольно сказала Нюра. — И вообще, нечего рассуждать, кто она. Печник так печник. Мало ли на какие посты наши женщины выдвигаются! Сейчас на войне и майоры

женщины и полковники. Что это им, задаром далось?

— Да мы ничего не говорим, — смутился Одинцов.

— Нет, говорите, — поддержала подругу Лида. — Мазин над всеми любит посмеяться. А женщины на войне себя героями показывают! И в тылу как работают! Моя мама поздно ночью приходит с работы. Да еще сейчас в партию готовится, так иногда до утра сидит. Я сейчас все сама дома делаю, лишь бы она занималась.

— В партию вступает? — с живостью спросил Одинцов. — Вот это здорово! Ты и правда должна хорошенько помогать лома. Ведь когда принимают, разные вопросы задают, — вдруг она не будет знать чего-нибудь!

— Ну нет, она знает хорошо, моя мама не осрамится! — взволновалась Лида.

Ребята с одобрением и гордостью глядели на подругу:

— Ты шепни, в какой день, — мы поздравлять будем! Нюра молчала. Ей вспомнился свой дом, мать вечно в халате, расстроенная домашними делами. Никогда в жизни у ее матери не будет такого торжественного дня... Кто скажет о ней хорошие слова, если она ни в чем не помогает людям, нигде не работает! Нюре вдруг стало до боли жалко свою мать. Она опустила голову и замедлила шаг.

Одинцов тревожно оглянулся на нее.

— Ты что, Нюрочка? — тихо спросил Сева.

— Ничего. — Нюра благодарно улыбнулась товарищу.

Сева всегда умел вовремя подойти спросить, что у человека на душе. Он не боялся назвать подругу ласковым, уменьшительным именем, он не стеснялся при всех приласкаться к своей матери. Сева — бесстрашный, он не боится насмешек.

«Я не боюсь глупых людей, я сам боюсь быть глупым», — сказал он однажды про себя.

Нюра еще раз благодарно взглянула на товарища. Если бы он знал, как ей тяжело! Но разве хочется выносить сор из избы! Пусть будет как будет!

Вот и знакомая калитка. Бывшая школа кажется маленькой по сравнению с просторным домом на пустыре.

— Мы выросли, и школа выросла, — шутит Васек.

Но всем почему-то становится очень жаль свою прежнюю, старую школу. Сколько здесь было хорошего! Васек вдруг вспоминает, как мама в первый раз вела его в школу. Как она радовалась! И вот здесь, около калитки, они на минуту остановились. Мама быстро поцеловала его, одернула на нем курточку, поправила свой шарфик.

Васек низко наклоняет голову и проходит мимо крыльца. мимо окон, по заросшей травой дорожке.

— Васек!... Ребята, куда он идет?

— Не кричите... — шепчет Сева. — Он пошел к Васе под окно.

Ребята медленно идут за Васьком... В госпитале время обеда. Во дворе никого нет. Под деревьями на столах брошены шашки, шахматы, домино. Санитары выносят лежаки, кладут на них одеяла, подушки. После обеда выздоравливающие спят на воздухе.

— Не вовремя мы — Нина Игнатьевна рассердится! — опасно поглядывают по сторонам ребята.

— Мы на минутку...

Они на цыпочках подходят к окну. Густая зеленая березка с тихим шелестом раздвигает ветки.

— Вася!...

Палата кажется пустой. Выздоровливающие обедают в столовой. Вася один сидит на койке, держа на коленях тарелку с супом. Он с аппетитом откусывает хлеб, щеки у него

двигаются;

на зубах хрустит поджаренная корочка.

— М-м... — мычит он полным ртом и, оставив на тумбочку тарелку, машет рукой: — Идите сюда! Никого нет! Лезьте в окно!

Мальчики, подтянувшись на руках, влезают на подоконник, прыгают в палату; девочки тоже не отстают от ребят. Все по очереди подходят к Васе, крепко жмут ему руку.

— Ну, как ты, Вася? — теснясь около койки, торопливо спрашивают они.

— Я — хорошо! Теперь на поправку пойду. Главное, что на фронт безусловно годен! — весело говорит Вася.

— Мне ребята передавали, что тебе лучше, только я сам никак не мог навестить. Эх, Вася! Встанешь — приходи к нам в школу. У нас скоро ремонт кончится, хорошо будет! Придешь? — спрашивает Васек.

— Как же не прийти! Отпрошусь и приду. Я долго не залежусь. Мне здешние врачи говорят: организм у тебя выносливый и выдержка есть, а вот терпения бог не дал!

Вася смеется, на щеках его вспрыгивают ямочки. Потом вдруг, хлопнув себя по лбу, он торопливо лезет под подушку. Стойте! Что же это я? Ведь вам письмо с Украины.

Парнишка один принес. — Вася достает длинный серый конверт, зашитый по краям суровой ниткой и скрепленный по углам сургучом. — Вот... По всему видно — серьезное письмо!

Ребята смотрят на письмо, не решаясь взять его. Кто знает, что в нем! И сургуч по углам и суровая нитка, неровными стежками окаймляющая серый конверт, выглядят так необычно и страшно.

Отряду пионеров

Командиру отряда

Ваську Трубочеву и его товарищам -

написано на конверте аккуратным, крупным почерком.

— От Генки... От Генки... Ребята, это от Генки!

Трубочев берет из рук Васи конверт и торопливо рвет зубами нитку. Осторожно вынимает туго сложенные листочки.

— Читай скорей! — сгрудившись вокруг, шепчут ребята.

ПИСЬМО С УКРАИНЫ

— «Дорогие товарищи! С далекой Украины летит до вас мой партизанский привет и моя думка. Сообщаю вам, что во всю силу бьем мы фашиста, много их, гадов, уже выбили, но и своими дорогими людьми пострадали. Вынес мой верный конь Гнедко с поля боя раненого бойца, вашего вожатого Митю. Истекающего кровью домчал его конь до лагеря и сам, раненный в ноги, упал на землю перед нашей землянкой. Тяжкие раны получил в бою ваш Митя. А было это так. На рассвете выехал он в разведку с Яковом Пряником, было с ним еще пять бойцов. И попали они навстречу большому отряду фашистов и полицаев. Пробивались с боем, уложили гранатами сорок человек... Крепко бились партизаны, да не можно было одолеть врага. Приказал ваш Митя товарищам пробиваться к лагерю, а сам остался один, коло убитого Якова Пряника. Бил гранатами по врагу, а как кончились гранаты, вскочил он на Гнедка, вынул острую саблю и пошел в бой — один против всех, врукопашную. Уже трижды раненный был ваш герой Митя; только почуял мой верный конь — течет между его ушами горячая кровь, заливает глаза. Упал боец на крутую шею, ослабла в руке уздечка... И вскинул мой боевой конь передними копытами, разметал вокруг себя врагов и помчался вихрем к партизанскому лагерю... Дважды догоняла его вражеская пуля, тяжело ранило Гнедка в ноги и в бок, смешалась кровь бойца и коня... Далеко в лесу услышал я топот и ржание. Выбежал сам не свой из землянки...

Сняли мы с седла Митю, перевязали ему раны. Перевязали и Гнедка.

Сообщаю вам, дорогие товарищи мои: тяжело ранен ваш Митя. Командир хлопотал перевезти в госпиталь, да не можно его с места тронуть. Бессменно сижу я с ним, помогаю чем могу сестрицам; только в первый раз сегодня ночью открыл он глаза, вспомнил про убитого Якова Пряника, тяжело вздохнул. «Перешли. — говорит, — моим ребятам комсомольский мой привет. Может, не суждено нам свидеться больше. Да скажи, пусть напишут ребята письмо моим родителям... Пока жив я, повоюю со смертью, а подготовить стариков все ж надобно».

Пересылаю вам, товарищи мои, это письмо с верным человеком.

Был и я в бою, награжден медалью «За отвагу», бил врага и не боялся смерти! А теперь сижу коло Мити и плачу. Словно брата родного лишаюсь. И партизаны наши целый день коло землянки сидят, не отгонишь, не упросишь уйти. Так что, други мои, товарищи, не допустим мы к вашему Мите смерть, пока сила наша будет... А Гнедко мой навек хромой остался. Отвоевался мой добрый конь! Почет и уважение ему от всех партизан, а кончится война, заберу я его к себе, будем вместе в колхозе жить.

Остальные наши пока что все живы, шлют вам свой партизанский привет. Сообщите, что знаете о своем учителе, тетя Оксана дуже по нем скучает.

А Степан Ильич из соседнего села тайком знаменитого доктора привез. У того доктора в чемодане инструменты всякие. Може, и выдужает наш Митя... А известного вам доблестного бойца Якова Пряника схоронили в почетном месте, рядом с Иваном Матвейчем да Николаем Григорьевичем. Там и дед мой лежит с ними рядом.

Кланяются вам еще с пионерским приветом Грицько да Федька Гузь. И про Игната стало известно, что состоит он связным в другом отряде, виделся с ним Коноплянко. Гора с горой не встречаются, а человек своего человека всегда найдет.

Учимся мы и учебу не забываем. Этой весной держали экзамен перед Степаном Ильичом и Мироном Дмитриевичем в шестой класс. А готовил нас Коноплянко. Кончится война — он к нам в школу пойдет вместо Марины Ивановны.

Прощайте, дорогие товарищи! Еще сказал бы я отдельные слова Севе вашему, да, може, наступит час, сядем рядом, возьмемся крепко за руки, тогда и скажу... Только б ожил ваш вожатый Митя, доблестный боец и партизан, верный своему комсомольскому слову. А победа наша не за горами. Остаюсь верный сын своей Родины.

боец-партизан Гена Наливайко».

Ребята молча плакали. Вася, выслушав письмо, сказал:

— Не любил слез мой командир. Он говорил так: «Не плакать нужно о погибшем товарище, а почтить его память большими и славными делами!» Вот как говорил мой командир! — повторил Вася, глядя прямо перед собой потемневшими глазами.

В госпитале окончился обед. В палату сходились раненые. В коридоре слышался голос старшей сестры. Трубачев поднялся:

— Мы пойдем, Вася!

— Мы пойдем! — повторили за ним ребята.

Один за другим они осторожно перелезли через окно и скрылись из глаз.

— Вот это гости! Гляди, какой способ придумали! Сестры испугались, что ли? — смеялись бойцы.

А ребята шли по улице, не зная, куда и зачем они идут.

Далеко-далеко, на Украине, в партизанском лагере, тяжело страдая от ран, лежал их друг и старший товарищ Митя.

Внезапно Васек остановился.

— Ребята!... — В голосе его еще звенели слезы, но глаза были ясные и чистые, словно промытые весенним дождем. — Вы слышали, что сказал Васин командир? — Васек сдвинул брови, стараясь точно припомнить слова командира. — «Не плакать нужно о погибшем товарище, а почтить его память большими и славными делами». Такие слова, ребята, на всю жизнь запоминаются. И мы тоже запомним их для себя. — Васек поглядел на товарищев и твердо сказал: — Пойдемте работать. По расписанию в четыре часа мы должны быть на работе!

ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ СОБРАНИЕ

Собрание было назначено на шесть часов. Васек поручил Белкину сделать список учеников шестого класса. По остальным классам перепись школьников взял на себя семиклассник Толя Соколов.

— Трубачев, а эти двое — Тишин и Петрусин — тоже к нам в шестой попали! И Кудрявцев тоже. — хмуря светлые брови, зашептал Белкин. — И вообще я не знал, куда писать тебя, Мазина, Одинцова, Синицыну... ну, тех, кто с тобой... в пятый или в шестой?

— Конечно, в шестой! — пожал плечами Васек.

— Вот чудак ты, Ленька! — засмеялся Мазин. — Не знал, куда писать! Что же мы, второгодники, что ли?

— Ну, я так и написал! А то, думаю, как же это получается: все наши ребята будут в шестом, а председатель совета отряда в пятом! Ерунда какая-то!

— Тем более, что Елена Александровна предложила, чтобы каждый класс был отдельной бригадой. А у нас бригадир уже есть! — сказал Одинцов.

Собрание проходило на свежем воздухе. Ребята притащили ящики, перекинули через них доски, вытащили старый, залитый чернилами школьный стол, соорудили для взрослых скамью. За стол сели Елена Александровна, два Мироныча, Грозный, кровельщик, он же маляр, и новая, только что появившаяся пожилая учительница младших классов Федосья Григорьевна. Место председателя занял Леонид Тимофеевич. Немного поодаль от стола сидели и стояли, сгруппировавшись по классам, ученики будущей школы. В седьмом их было всего трое, и, чувствуя себя старшими, они держались ближе к столу, а Толя Соколов, поднимаясь на цыпочки, то и дело покрикивал ломающимся баском:

— Потихе, потихе! Соблюдайте дисциплину, ребята! Шестой класс был почти весь в сборе. В центре его стояли Трубачев и прежние ученики четвертого класса «Б». Из новых было всего несколько мальчиков; среди них выделялся высокий, стройный Алеша Кудрявцев, около него — складный краснощекий Петрусин с бегающими по сторонам глазами и хмурый, глядевший бычком Тишин.

— Школы еще нет, но штат учащихся уже почти заполнен, — пошутил Леонид Тимофеевич. — Ну, стягивайтесь все сюда поближе, и начнем наше производственное собрание. Я очень рад, что все вы так любовно и дружно работаете вместе по ремонту своей школы. И скажу вам откровенно, что, взявшись за такое трудное дело, как восстановление этого дома, я совершенно точно рассчитал, что помощники у меня будут. Один, как говорится, в поле не воин...

— Ура Леониду Тимофеевичу! Ура! — весело выкрикнул Толя Соколов.

— Ура! Ура! — дружно подхватили ребята.

— Ребята! Скажем спасибо нашему директору! Три, четыре!

— Спа-си-бо Ле-о-ни-ду Ти-мо-фе-е-ви-чу! — хором выкрикивали по складам школьники.

— Стойте! Стойте! — замахал руками директор.

Но шум не унимался. Елена Александровна неторопливо постучала молотком по столу.

— Установите тишину, Леонид Тимофеевич говорит. — Голос у печника был звучный, ребята уловили в нем резкие, повелительные нотки и переглянулись.

Леонид Тимофеевич вытер платком лысину, снял очки:

— Я хочу вам сказать, ребята, что еще рано кричать «ура». Кричать «ура» мы еще успеем. А пока я просил Елену Александровну собрать вас всех для того, чтобы уточнить нашу работу. Когда вас было мало, каждый делал то, что мог делать в меру своих сил, то есть оказывал свою помощь везде, где она требовалась, без определенного плана. Но работать без плана сейчас нам трудно. Каждый класс уже может представлять собой отдельную бригаду и отвечать за порученный ему участок. Понятно?

— Понятно!

— Так вот, до открытия школы, то есть до первого сентября, осталось немногим больше чем полтора месяца. Основной ремонт дома еще не закончен, а внутренняя отделка комнат, ограда нашего участка и окончательное устройство займут тоже немало времени. Вот как раз здесь присутствуют наши специалисты — плотники Иван Миронович и Федор Миронович. — Леонид Тимофеевич мягким жестом указал на чинно сидящих рядом Миронычей. — Попросим их рассказать, что нам еще предстоит сделать.

Ребята захлопали.

Старик Мироныч закивал головой и, привстав, попросил слова. Младший тоже привстал, но слова не попросил и, ощупав ящик, уселся на нем поудобнее.

— Я, ребята, так вам скажу: работа, конечно, еще есть. Нам от работы не бегать, и ей за нами не гоняться! Без отделки комната не будет комнатой, а без парт и класс не будет классом. Верно я говорю? — Дедушка Мироныч подмигнул ребятам, сгреб в правую руку седую бороду и лукавым, смеющимся глазом указал на Елену Александровну: — Печник у нас есть. Да... Ну, вот как бы ни было, а печи будут. Как вы скажете, печи будут, ась? — хитро спросил старик.

Ребята с веселым любопытством смотрели на Елену Александровну.

— Печи будут, — спокойно сказала она, закидывая за спину тонкие руки и без улыбки глядя на Мироныча.

— Ну вот! Заявка, значит, сделана! — заторопился старик. — Теперь еще вопрос, чтобы уточнить, значит, официально. Вот наш товарищ кровельщик имеет также квалификацию маляра. Верно я говорю? — обратился он к кровельщику. — Он, конечно, свою заявку вам тоже сделает официально.

Кровельщик, широкоплечий, черноглазый, с небольшой лысинкой, прикрытой зачесом, деловито сказал:

— За мной дело не станет. Как Леонид Тимофеевич скажет, так и сделаю. Где под шелк, где под мрамор. Можно с отделкой под бронзу. Одним словом, классы и зал, например, имеют между собой разницу в отделке. Это факт. Давайте точный план, а я свое дело знаю.

— Ну вот, опять же квалификация. Значит, дело наше верное, — закивал головой Мироныч.

— Ну и садись, коли верное, — мрачно сказал Мироныч-младший, со скрипом ворочаясь на своем ящике. — Время лишней болтовни не любит. Садись, говорю.

Мироныч-старший с неохотой полез за стол.

— Ну вот, все силы руководящие у нас, так сказать, выяснены. Остается прикрепить к каждому участку работы помощников, — сказал Леонид Тимофеевич. — Некоторые работы, как, например, ограда, могут быть сделаны вами почти самостоятельно. Распределение вашего рабочего времени и организацию бригад мы попросим Елену Александровну взять на себя.

Елена Александровна встала, придвинула к себе списки.

— Ребята, я просмотрела списки. Хотя в каждом классе пока очень мало учеников —

многие еще не приехали, а многие, особенно старшие классы, работают сейчас в колхозах, но к началу учебного года школа пополнится. Сейчас же в основном некоторые классы уже сформированы. Значит, ребята, в этих классах должны быть организованы пионерские отряды.

Радостный шум вырвался из рядов школьников. Елена Александровна подняла руку и спокойно продолжала:

— Если есть отряд, значит, должен быть в нем и председатель совета отряда. Может быть, пока мы укомплектуемся окончательно, то есть до начала учебного года, председателями советов отрядов останутся прежние ребята, которые были выбраны раньше, в старой школе. А там, где их нет, вам придется временно избрать себе председателя. А так как у нас сейчас идет горячая работа, то каждый отряд будет представлять собой рабочую бригаду, а председатель совета отряда — бригадир. Согласны?

— Согласны! Согласны!

Ребята оживились. Они сразу почувствовали, что снова возрождается их школьная пионерская организация, что они спаяны в отряд, что они уже настоящие школьники. И, кроме того, они, как взрослые, представляют собой рабочие бригады.

— Начнем со старших классов. Всем понятно, что наиболее ответственные участки работы будут поручаться старшим... — начала опять Елена Александровна.

— Понятно! Понятно! — зашумели школьники.

Но чья-то рука вдруг поднялась вверх и неподвижно застыла в воздухе.

Елена Александровна наклонилась вперед:

— Кому непонятно?

Из толпы выдвинулся Тишин.

— Некоторым непонятно, почему смешали вместе два класса, — сказал он, глядя исподлобья на Елену Александровну прищуренными дерзкими глазами.

— Как это — смешали два класса? Какие классы? — перебирая в руках списки, спросила Елена Александровна. Школьники притихли и с любопытством слушали.

— А так, смешали! — наклонив набок голову, насмешливо сказал Тишин. — Пятый и шестой смешали.

Мазин быстро толкнул Трубачева. Васек насторожился. Леня Белкин взволнованно зашептал что-то ребятам. Девочки переглянулись.

— Здешний ученик Леня Белкин, составляя список, забыл, что, например, Трубачев и еще несколько ребят, а с ними и две девочки — второгодники.

— Что — второгодники? Трубачев — второгодник? Он врет.

— Тишин врет!

— Ишь ты, новенький, а смотри как себя проявляет!

— Не слушайте его!

Ребята задвигались, возмущенно зашумели, зашикали.

Леонид Тимофеевич поднялся с места:

— Это что такое? Здесь идет собрание, напоминаю вам. Кто не умеет себя вести и не уважает свой рабочий коллектив, пусть выйдет отсюда и поищет себе другое место!

Наступила полная тишина. Леонид Тимофеевич сел.

— Продолжайте, Елена Александровна!

— Трубачев, подойди, пожалуйста, сюда! — вызвала Елена Александровна.

Ребята расступились, давая дорогу. Васек держался спокойно, но сердце у него сильно билось.

— Первого сентября мы придем в шестой класс. Мы проходим программу пятого класса

дома. Вот почему Белкин включил нас в список шестого класса, — громко сказал он.

В толпе раздался злорадный хохоток Петрусина и насмешливый голос Кудрявцева:

— Почему бы не в седьмой, скажите пожалуйста?

Елена Александровна нетерпеливо пожала плечами и снова обратилась к Трубачеву:

— Так как же, по-твоему, будет справедливо — оставить вас на время стройки в списках шестого класса или перевести в пятый?

— Нам все равно где работать, и спорить из-за этого я не буду, — скрепя сердце сказал Васек.

— А мы будем!

— Мы все будем спорить! — раздался из толпы школьников взволнованные голоса.

— Трубачев наш! — кричал Леня Белкин. — И мы его в пятый класс не отдадим!

— Трубачев всегда был у нас председателем совета отряда, а сейчас он будет бригадиром нашей бригады. Поднимите руки, ребята, кто за? — вскакивая на ящик, громко заявил Коля Чернышев.

Ребята бывшего четвертого класса «Б», толкаясь, протиснулись вперед, подняли руки.

— Мы все за Трубачева! — выкрикнула Надя Глушкова. — И мы за всех наших ребят — за Нюру Синицыну, за Лиду Зорину, за Петю Русакова...

Елена Александровна резким движением руки остановила шум:

— Довольно! Мы собрались сюда, чтобы поговорить о том, как лучше наладить работу. Работа будет распределена по отрядам. Трубачев и его товарищи остаются с пятым классом. Тише! Я не разрешаю больше продолжать этот спор. Предлагаю шестому классу выбрать себе другого председателя совета отряда.

В толпе пробежал недовольный шепот. Послышались тихие голоса:

— А почему она вмешивается? Пусть Леонид Тимофеевич скажет!

Щеки Елены Александровны чуть-чуть порозовели, на лбу появилась резкая морщинка. Леонид Тимофеевич покачал головой:

— Мне стыдно за вас перед Еленой Александровной и перед всеми товарищами, которых мы пригласили на наше собрание. Я не могу себе представить, что мои бывшие ученики за какой-нибудь год настолько забыли дисциплину и потеряли совесть, что вместо того, чтобы решать какие-то дельные вопросы, они вынуждают нас здесь слушать бурные выяснения — куда приписать Трубачева: к пятому или шестому классу! — Директор развел руками. — Может быть, вам еще рано присутствовать на собраниях, где решаются серьезные вопросы?

— Нет... нет... — слабо защищались школьники.

— У нас еще нет вожатого. И я просил Елену Александровну помочь вам в ваших пионерских делах. Но вы себя ведете так, что я боюсь, как бы Елена Александровна не отказалась. — Леонид Тимофеевич замолчал и обвел глазами ребят. — Я предлагаю, — снова начал он при полной тишине, — чтобы завтра же каждый класс представил мне список своей бригады во главе с бригадиром. Это значит, что каждый отряд должен выбрать себе председателя совета отряда. Елена Александровна вам в этом поможет. А работу между бригадами распределяю я сам. На этом мы сейчас наше собрание кончим. И запомните хорошенько, что всякие мелкие счеты и недружелюбное отношение друг к другу будут только тормозить нашу общую работу.

Ребята поняли, что директор недоволен. Недовольна была и Елена Александровна. Брови ее хмурились, а глаза глядели сурово и холодно.

Васек чувствовал себя униженным, как бы пойманным на обмане, его корбило от сознания, что все они оказались в пятом классе, как второгодники. Все это было противно, хотелось вытащить за шиворот из толпы Тишина и, развернувшись, дать ему по шее...

А в толпе ребят Тишин, торжествуя свою победу, кричал, что он выведет на чистую воду всех хвастунов и зазнаек. Васек хорошо знал, откуда идет эта угроза. Но главный виновник, Алеша Кудрявцев, только издали бросал на него насмешливые взгляды и, стоя рядом с Петрусиным, рассказывал ему что-то веселое, невольно привлекая внимание ребят открытым, смелым лицом и непринужденным, заразительным смехом.

Васек вспомнил о своих товарищах. Хорошо, что во время выступления Тишина никто из них не сказал ни слова. Даже Мазин нашел в себе силы промолчать. Но где же они сейчас?

Школьники, разбившись по классам, уже выбирали себе председателей советов отрядов. То здесь, то там слышался голос Елены Александровны.

Проходя мимо учительницы, Леонид Тимофеевич громко сказал:

— Об этом случае мы еще должны с вами поговорить.

Васек понял, что речь идет о нем и его товарищах, но даже не оглянулся.

В кучке шестиклассников выступал Петрусин:

— Я, ребята, стою за Кудрявцева! Мы с ним не пропадем!

— Кудрявцева! Кудрявцева! — кричали новенькие.

— Выбирайте кого хотите, мне все равно! — слышался обиженный голос Нади Глушковой.

Прежние товарищи Васька по четвертому классу «Б» хранили презрительное молчание. Васек заметил в сторонке пятиклассников. Рядом с ними стояли его товарищи.

«Как наказанные», — горько подумал Васек, и вдруг до его ушей донеслись громкие крики:

— Тру-ба-чев! Тру-ба-чев!

И чем ближе он подходил, тем громче становились приветственные крики пятиклассников:

— Тру-ба-чев! Тру-ба-чев!

— Васек Трубачев! Ура! — подкинув вверх свою бескозырку, в восторге заорал Витька Матрос.

— Пятиклассники радуются! Все, как один, тебя выбрали председателем отряда и командиром! — сказал ему Одинцов.

— Ну что ж, будем работать, — просто сказал Васек. В нем проснулся командир. — Завтра я узнаю, какой участок работы будет поручен моей бригаде, и всех вас расставляю по местам. А сейчас можно расходиться!

Он улыбнулся, но глаза у него были грустные, и только товарищи понимали, чего стоила ему эта улыбка.

Когда пятиклассники шумно и весело разошлись, Васек тихо сказал:

— Пойдемте вместе. Лида взяла его за руку.

— Помнишь, в детстве, когда была гололедица, мы часто ходили, держась за руки? — ласково сказала она. Васек кивнул головой.

— Я никак не пойму, куда оно делось, это детство? Ведь нам не так уж много лет! — грустно сказал он.

ПРИНЦИПИАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Дома Васька ждал редкий гость — Андрейка. Он чинно сидел за столом против тети Дуни и, прикусывая острыми зубами сахар, тянул с блюдечка чай.

— Выпейте еще одну чашечку, Андрей Иванович! — радушно угощала его тетя Дуня.

— Спасибо вам... Разве посидевши, еще попью... — вытирая со лба капельки пота, солидно говорил Андрейка.

Тетя Дуня пододвигала ему полную чашку, и Андрейка, слегка подумав над ней, снова принимался пить.

Увидев Васька, он привстал и церемонно протянул ему руку.

— Ну вот, и наш хозяин пришел! — сказала тетя Дуня совсем так, как говорила когда-то про Павла Васильевича.

От этих слов и от церемонного обращения Андрейки Васек сразу повзрослел.

— Ну, как дела? — спросил он, присаживаясь к столу.

— Ничего, у нас все в исправности. — Андрейка быстро взглянул на приятеля и деликатно осведомился: — А ты вроде невеселый?

— Да так... неприятности по работе, — усмехнулся Васек.

— По работе? Это что же — в школе или в госпитале? — забеспокоилась тетка.

— В школе, — со вздохом сказал Васек и стал рассказывать про собрание.

Когда дело дошло до выступления Тишина, тетя Дуня возмущенно всплеснула руками:

— Ах он, пролаза! За генеральского сынка руку тянет! И откуда же они, такие пролазы, берутся? И все-то они знают, когда и перед кем хвостом мотнуть...

— Пережиток... — важно сказал Андрейка, принимаясь за новую чашку чаю. — Таких разоблачать надо. Я одному такому пережитку санаторий у начальства исхлопотал — думал, больной, Ну, а он и там давай свое «я» показывать. Только с врачами не забалуешься.

— Это тот мастер, что над тобой издевался? — живо спросил Васек.

— Издевался не издевался чтобы по-настоящему, а за волосы хватал и выражался некультурно.

— Ну, и что с ним сейчас?

— А что! Разоблачили вчистую. «Никакой, говорят, болезни нервов у вас нет, одно хулиганство». — Андрейка удовлетворенно откинулся на спинку стула и рассудительно сказал: — Самому себя распускать не надо. Железная дорога — это пост ответственный. У нас лучшие люди работают. Равняться есть по ком. В мастерской, для примера, и ваш Павел Васильевич Трубачев есть на портрете.

— Спасибо на доброй памяти, Андрей Иванович! Ведь вот люди помнят... и молодые по его примеру идут... Да вы что же чашечку-то оставили, Андрей Иванович? Выпейте горяченького! — засуетилась тетя Дуня.

— Не требуется больше, мамаша, спасибо вам, — решительно отставляя от себя подальше чашку, сказал Андрейка.

Он чувствовал себя приятным гостем в гостеприимном и уважаемом доме Трубачевых. Курносое лицо его лоснилось, белые волосы липли ко лбу, глаза выражали полное удовольствие, и сам он, щупленький, в поношенном пиджачке, держался с большим достоинством.

«Кто я ни есть, а цену себе знаю», — как бы сообщал всем с первого же взгляда Андрейка.

Топкие, заскорузлые от работы пальцы Андрейки, угольная пыль, вьедшаяся в мальчишескую шею, старый пиджачок невольно вызывали чувство уважения к Андрейке. Васек гордился своей дружбой с ним.

Когда Андрейка собрался уходить, тетя Дуня позвала Васька в кухню и расстроено зашептала:

— Васек, брюки бы ему отцовы отдать. Ведь у него брючки-то насквозь прохудились. А позади себя он заплату рукой прикрывает... Отдай ему брюки-то!

— Да что ты! Он ни за что не возьмет. Обидится еще! — замахал руками Васек.

— Как это так — обидится! Ведь вы товарищи! И родителей у него нет, некому порядочную заплату положить.

Она вынула из сундука пахнущие нафталином рабочие брюки Павла Васильевича и, пряча под улыбкой крайнее смущение, подступила к Андрейке:

— Андрей Иванович, голубчик, перемените брючки-то...

— На что переменить? — не понял Андрейка.

— Да вот эти-то лучше будут. Я живенько их на ваш рост укорочу. А свои оставьте пока. Я все равно Ваську штопаю, так заодно и ваши починю, — заторопилась тетя Дуня, испугавшись вопросительных светлых глаз Андрейки.

— Очень благодарный вам, мамаша... Только как же это я ваши брюки надену? И с какой такой стати вы для меня трудиться будете... И опять же, выходной у меня не скоро — я ваши брюки на работе заносить могу, — объяснял Андрейка.

Васек стоял в кухне и боялся войти.

— Да я вам их в подарок даю, Андрей Иванович! От Павла Васильевича в подарок, — широко улыбаясь, сказала тетя Дуня.

Андрейка смутился:

— Я подарков, мамаша, не беру. Я сам себя содержу. Это для меня принципиальный вопрос. Я — рабочий человек. И к тому же за мои успехи мне все обмундирование скоро полностью выдадут. Очень благодарю вас, мамаша, только брюки я не возьму. — Он встал и, прикрывая левой рукой латку, выделявшуюся светлым треугольником на его брюках, решительно взялся за кепку.

Тетя Дуня, сильно покраснев, сунула брюки на кровать и растерянно остановилась посреди комнаты.

— Ты что же, Андрейка, брюки не хочешь взять? Ведь по дружбе тебе тетя даст! — входя в комнату, сказал Васек.

— Дружбу я и так ценю. Только задаром мне ничего не надо — я получаю за свой труд... Ну, приходи в депо, Васек. Может, что будет известно про Павла Васильевича. У нас на собраниях часто про героев-железнодорожников рассказывают.

— Вот-вот... Уж вы сообщите в случае чего, Андрей Иванович. Исстра — дались мы с Васьком — нет писем ему от отца, — заморгала глазами тетя Дуня.

Когда Андрейка ушел, она взяла заброшенные в угол по стели брюки и, пряча их в сундук, сказала:

— Нашего понятия человек, строгий, принципиальный! Держись за него, Васек!

Нюра с тревогой глядела на часы. Вчера в госпитале дежурил Сева Малютин и на занятиях сообщил ей, что после обеда Егору Ивановичу назначено идти на электризацию.

— Радуется он, как именинник. Просил тебя не опоздать. Я уже с Васьком говорил. Он тебя отпускает с работы. Только смотри не опоздай!

— Ну как я могу опоздать! — рассеянно ответила Нюра, думая о матери.

В последнее время они почти не разговаривали. Нюра прибегала домой только пообедать, вечерами тоже часто задерживалась в госпитале. Беспокойство и раздражение матери росли.

Сейчас, видя, что девочка куда-то торопится, мать чувствовала закипавшую в сердце обиду.

Пообедали молча.

— Выпей чаю, — сказала мать.

Нюра бегло взглянула на часы и покорилась. Мать поставила перед ней чашку с кипятком, положила туда две ложки молочного порошка, размешала сахар и села напротив дочери, сложив под подбородком пухлые руки. Нюра не глядела на нее, но знала, что глаза матери неотступно следят за каждым ее движением. Часы медленно пробили три часа. В половине четвертого начинался прием у врача. Нюра мысленно представила себе, как в четвертой палате санитарки помогают Егору Ивановичу натянуть рукав на больную руку, как он беспокойно поглядывает на дверь. Она придвинула к себе чашку и, обжигаясь, глотнула забеленный кипяток.

— Спешешь? — гневно и холодно спросила мать. Нюра испуганно вскинула на нее глаза, упрямо сжала губы.

— Ну, помни, Нюра, я тебе не раз обещала, но сегодня свое обещание сдержу... Я пойду в школу к твоему директору, я пойду в госпиталь... — Мать постучала по столу пальцем. Она не знала, что ей делать с дочерью, но ей казалось, что пришло время немедленно принять все меры к ее исправлению. — Слышишь, Нюра, я не допущу, чтобы моя дочь с утра до вечера лодыря гоняла. Я все узнаю! — Голос матери то понижался до угрожающего шепота, то срывался на крик. — Я заставлю директора вмешаться в это безобразие! До сих пор мы с отцом делали для тебя что могли! Мы вложили в тебя все силы, всю жизнь, и до этой несчастной поездки на Украину ты была хорошей, послушной девочкой. Но, оставшись в компании своих приятелей, ты распустилась. И за то, что родители заботились о тебе, ты ответила черной неблагодарностью...

Мать на минутку останавливается и выжидательно смотрит на дочь. Но Нюра молчит. Сердце се заглохло от тоски, в нем нет сейчас ни любви, ни жалости к матери. Нюра даже не вслушивается в то, что ей говорят, слова сливаются вместе и захлестывают уши нервными выкриками. Нюре стыдно, что ее мать слышат соседи. Они всегда слышат и во всем обвиняют ее, Нюру.

Минутная стрелка на часах подвигается к половине четвертого. Теперь уже придется бежать, чтобы поспеть вовремя.

«Надо так надо», — мысленно говорит Нюра и, отодвинув стул, быстро идет к двери.

— Нюра, помни! Лучше вернись! — кричит ей вслед мать. Но девочка уже хлопает

калиткой и, перегоняя прохожих, мчится по улице. Она опоздала, опоздала!

Тяжелый грузовик на мостовой шарахается в сторону перед тоненькой девочкой, перебегающей ему дорогу. Шофер высовывается из кабинки и сердито кричит:

— Ты что, голову потеряла?! Лезут под самые колеса, а потом отвечай за них!

Но Нюра не слышит — у нее в ушах все еще звучит голос матери.

Во дворе госпиталя сидят и стоят раненые. Залежавшись в палатах, они радуются возможности пройти по улице до другого здания на электризацию. Солнышко крепко припекает, и под его лучами трава никнет к земле и вянет. Егор Иванович стоит на крыльце, крепко ухватившись рукой за перила. На его землисто-бледном лице видна каждая морщинка.

— Вон, вон дочка бежит... Она меня и доведет. Не извольте беспокоиться, — говорит он сестре. Нюра, запыхавшись, вбегает во двор:

— Пойдемте, дядя Егор, пойдемте!

Она подставляет раненому свое худенькое плечо, смахивает прилипшие ко лбу волосы:

— Опирайтесь, дядечка, крепче опирайтесь: я сильная!

Егор Иванович прижимает к себе больную руку на перевязи и медленно идет рядом с Нюрой.

— Мы с тобой, дочка, как дуб с березкой, — шутит он, любовно оглядывая девочку.

В БУДУЩЕЙ ШКОЛЕ

С помощью Елены Александровны Леонид Тимофеевич точно распределил рабочие участки каждой бригады. Трое ребят из седьмого класса попали на отделку комнат в распоряжение маляра и старика Мироныча. Шестому и пятому классам было поручено поставить забор. Для руководства и помощи к ним прикрепили Мироныча-младшего.

Кудрявцев не пожелал работать с бригадой Трубачева.

— Дайте мне отдельный участок: я не хочу отвечать за чужую работу, — заявил он Елене Александровне.

С общего согласия место для будущего забора разделили пополам. После раздела обе бригады договорились о сроке выполнения задания, и Кудрявцев вызвал Трубачева на соревнование.

Для кладки печей Елена Александровна взяла себе в помощь ребят из третьего и четвертого классов. Только малышам ничего не было поручено, но и они не оставались без дела. Их учительница Федосья Григорьевна, хлопотливая и деятельная, быстро собрала вокруг себя всех младших ребят и с утра, повязав голову косынкой, носилась по всему двору, пристраиваясь вместе с ними то к одной, то к другой бригаде, причем всех школьников, без различия возраста, она называла «деточками» и «ребятками».

— Мазин, деточка, пусть мои ребятки на вашем участке щепки подберут!... Идите, идите сюда, ребятки! Собирайте! Вот так... Вот и чистенько будет... Собирайте, собирайте!

Второклассники, как стая воробьев, слетались на ее голос, беспорядочно толкались под ногами и мешали работать. Ребята злились. Мазин делал страшные глаза, но спорить с Федосьей Григорьевной было бесполезно.

— Ничего, ничего! Они вам не помешают! Ну, каждому же трудиться надо! — поднимая вверх плечи и укоризненно глядя на ребят, говорила Федосья Григорьевна.

— А вы идите к печнику. Там надо песочек носить, — хитрил кто-нибудь из школьников.

— Ничего, ничего, мы везде успеем, без работы сидеть не будем!... Верно, ребятки?

— Верно, верно! — кричали второклассники. Подобрав щепки, Федосья Григорьевна шумно удалялась. И голос ее уже слышался в другом конце двора.

— Ребятки! Ребятки!

— Цыплатки! Цыплатки! — добродушно передразнивал Мазин.

К печнику Федосья Григорьевна своих малышей не водила — там было пыльно и душно, кирпичи тяжелые, глина липкая. Кроме помощи отдельным бригадам, Федосья Григорьевна все время о чем-то хлопотала для своих ребят — то ей требовалась очищенная площадка для их игр, то скамейка в тени. Леонид Тимофеевич неохотно отрывал от работы плотников, чаще посылая старших учеников. Ученики досадовали, но все требования учительницы второго класса исполняли беспрекословно. Познакомился таким образом с Федосьей Григорьевной и Саша Булгаков.

— Хорошая учительница, — задумчиво сообщил он ребятам. — Надо Нютку к ней пристроить — балуется она дома.

Пристроив Нютку к Федосье Григорьевне, Саша во время работы издали следил за сестренкой. Он видел, как Нютка всюду следовала за своей учительницей и изо всех сил старалась выполнять все ее задания.

И когда Нютка начала дома беспрерывно повторять: «Нам велели! Нам сказали!», и когда однажды она долго редела оттого, что простудилась и не могла пойти на стройку, Саша почувствовал, что учительница как бы разделила с ним ответственность за воспитание одной из его сестер.

— А потом и других в школу отдам! — весело говорил он товарищам. — Так понемножку все в люди и выйдут.

* * *

Бригада Трубачева работала в две смены — В первую, пока шли занятия с Екатериной Алексеевной, выходили на работу все пятиклассники. Среди них правой рукой Васька стал Витька Матрос. Живой и понятливый, Витька был неутомимым работником. Получая задание от Васька, он глядел на него в упор черными, как угольки, глазами и быстро кивал головой в знак того, что он исполнит все, что от него требуется.

Работу «младшей» бригаде Васек давал легкую, условившись об этом с самого начала с хмурым дядей Миронычем.

Дядя Мироныч собирал вокруг себя всех ребят и показывал им, как надо отмеривать штакеты, чтобы забор был красивый и ровный, под шнурочек.

Поставив двух ребят на некотором расстоянии друг от друга, Мироныч велел им присесть на корточки и, протянув меж собой шест, держать его низко над землей.

— Вот, к примеру, вы у нас вроде столбов, а шест вроде слег, которая прибивается к столбам внизу и сверху. Так... Скажем, слег прибиты, расстояние между ними вымерено, можно прибивать штакеты. — Он брал тонкие дощечки, срезанные сверху треугольниками. — Вот это штакеты и есть. Но как же их прибивать, если одна длиннее, а другая короче?

— Срезать! — быстро догадывались ребята.

— Правильно. Надо срезать. Значит, измеряем, какой высоты собираемся делать забор. — Мироныч приставлял к слегам дощечку и вопросительно смотрел на ребят. — Можно повыше, а можно и пониже, смотря что нас интересует.

— Повыше, а то вес ребята лазить будут, — не ручаясь за себя, советовали школьники.

— Значит, судя по характеру учреждения, будем делать повыше. Сейчас отмерим точно сантиметром высоту и проведем карандашом черту на доске. Ну вот. Это, значит, у нас мерка. Прикладываем к ней другую дощечку, на нее для скорости можно еще одну положить, и по намеченной карандашом черте начинаем срезать пилой концы. — Мироныч закладывал за ухо карандаш. — Понятно? Ну, а если понятно, приступайте к работе!

Ребята хватали ручные пилы, раздавали друг другу «мерки». Мироныч не спеша закуривал папироску.

— Только, чур, работа аккуратность любит. Чтобы ни на один сантиметр не ошибаться. На глазок не полагайтесь! И торопиться нам некуда — пока что столбов у нас нет.

Столбы для забора, по словам Леонида Тимофеевича, еще «росли» на делянке. Чтобы привезти их, требовались машины, но машин не было. Посоветовавшись с плотниками, Леонид Тимофеевич решил устроить поход на делянку, выбрать там подходящие деревья, на месте обтесать их и подготовить к перевозке.

А пока что Трубачев и Кудрявцев, чтобы не терять времени, каждый на своем участке разметили места для столбов, вбили колышки и принялись рыть ямы. Грунт был каменистый,

и работа оказалась трудной.

— Ты смотри, Матрос, — предупреждал Васек, — ройте с передышкой, по очереди, а кто устал, пусть сидит — гвозди выпрямляет или штакеты отмеривает.

— Ладно, — кивал головой Матрос, но, оставшись наедине со своими пятиклассниками, хватал лопату и, поплеывая на ладони, то и дело покрикивал на товарищей: — Эй, подтянись! Ну-ка, трубачевцы! Выбрасывай землю! Тащи носилки! Кто слабосильный — иди гвозди выпрямлять!

При этом живые глаза его то и дело косились в сторону соревнующейся с ними бригады Кудрявцева. Матрос знал досконально, что там делается. Каждое утро, раньше всех, когда на траве еще лежала роса, он являлся на школьный двор, быстро и точно определял, насколько за день продвинулся Кудрявцев, сколько у него вырыто ямок, как подобраны штакеты и в каком порядке хранятся инструменты.

После обеда, докладывая Ваську о положении дел. Матрос, сверкая глазами, говорил:

— У них народу больше. Утром они нас перегоняют, а вечером мы равняемся. А нам надо впереди быть.

— Ничего. Все равно скоро нечего будет делать ни им, ни нам — столбов нет, — хмуро отвечал Васек и шел к директору.

В доме пахло краской, в коридоре стояли мутные лужицы. В тех комнатах, где уже были сложены печи, рабочие белили потолки, красили стены. В пустом доме гулко раздавался голос дедушки Мироныча. Чаще всего старик спорил с Грозным, употребляя при этом громкие фразы, вычитанные им в заводской газете или услышанные где-нибудь на собрании.

— Вот ты говоришь, Иван Васильевич, что классы нужно покрывать масляной краской. А ты того не учиываешь, что масляная краска забирает весь воздух и детям в таком классе будет душно. А от нас Родина требует, чтобы мы трудились добросовестно, учитывая требования здравоохранения...

В нижнем этаже работал печник. Туго обвязав косынкой короткие светлые волосы и натянув на себя запачканный глиной и песком комбинезон, Елена Александровна брала из рук помощника кирпич, ловко и быстро шлепала на него лопаткой размешанную в ведре глину, не глядя протягивала руку за вторым кирпичом, ставила его ребром на первый и, обмакнув руку в ведро с водой, сглаживала вырастающую стенку мокрой ладонью. При этом, морща покрытое желтой пылью лицо и поправляя тыльной стороной руки косынку, она изредка бросала короткое приказание:

— Воды! Приготовьте глину! Подавайте целый кирпич!... На работу печника приходили смотреть все. Грозный, качая головой, недоверчиво заглядывал внутрь сложенной печи и подносил к дверке зажженную бумажку. Бумажка вырывалась у него из рук и пылающим комочком улетала в дымоход Старик успокаивался.

Леонид Тимофеевич с любопытством смотрел на работу Елены Александровны и, подмигивая ребятам, шутил:

— Ну уж если зимой в школе будет холодно, мы с Елены Александровны штраф возьмем!

— А если будет жарко? — спрашивали ребята.

— Тогда тоже штраф!

— Несправедливо, несправедливо! — протестовали ребята. Леонид Тимофеевич делал удивленные глаза:

— Как же несправедливо? Ведь Елена Александровна — печник! Должна заранее учитывать температуру.

— Боюсь, что раньше директору надо учесть, что лето кончается, а дров у него еще нет! — лукаво говорил печник.

— Ага! Ага! — прыгали девочки. — Дров еще нет! Дров-то еще нет!

Леонид Тимофеевич жил наверху в маленькой комнатке, предназначенной для учительской. Грозный тоже часто ночевал в небольшой каморке около раздевалки.

— Скорей бы нам, Леонид Тимофеевич, все свое имущество из госпиталя перевезти. Может, парты за зиму отсырели, подправить придется, — говорил школьный сторож, — да и мою комнату под кладовую сестрица просит освободить.

— Все сделаем, старина! Вот закончим ремонт и начнем обживать, — весело отвечал Леонид Тимофеевич.

Он всегда казался бодрым и веселым, хотя после дневных хлопот и беганья по разным делам, снимая ботинки и ощупывая внутри подошвы, громко удивлялся, что стелька гладкая и нигде не торчат гвозди.

— Странно, мне казалось, что я прямо на гвоздях хожу, — пожимая плечами, говорил он Грозному.

— Отдохнуть бы вам, Леонид Тимофеевич, — вздыхал старик.

— А я не устал. Мой отдых — работа, — улыбался директор.

МАТЬ НЮРЫ СИНИЦЫНОЙ

Елена Александровна сняла комбинезон, вымыла лицо и руки, расчесала мокрым гребнем растрепавшиеся волосы и присела отдохнуть.

Учительская казалась пустой, в пей было прохладно и чисто. Около стола стояли два кресла, и у выбеленной стены — мягкий кожаный диван. Леонид Тимофеевич ушел по делам, попросив Елену Александровну заменить его, если будет спрашивать кто-нибудь из рабочих.

Оставшись одна, Елена Александровна придвинула ближе к столу кресло и, подперев рукой голову, задумалась. Она думала о директоре, который не побоялся взять на себя такой большой труд, как ремонт разбитого дома. Вспомнила собрание. Пушистые брови ее нахмурились, синие глаза стали глубже и печальнее.

«Нет дисциплины... И этот мальчишка Тишин, выступающий против своего будущего товарища, и Кудрявцев... И странная история с Трубачевым. Надо будет хорошенько в этом разобраться... — Елена Александровна тяжело вздохнула. — И вообще, время идет, школа не готова... Ах, да, — вспомнила она, — надо же объявить ребятам, что послезавтра Леонид Тимофеевич поведет их на делянку. Как раз это будет выходной день. В лесу сейчас хорошо. Пахнет смолой, ягодами. В тени свежо и прохладно... Я сама, как девчонка, радуюсь, что пойдем. А ребятам хорошо бы дать побегать, отдохнуть. Трудно им сейчас приходится...»

Внизу раздается громкий женский голос:

— Мне нужно видеть директора!

— Леонида Тимофеевича? — любезно переспрашивает школьный сторож. — Его нет, он отлучился по делам.

— Как — нет? По каким делам? У него, кроме школы, не может быть никаких дел. За детьми надо смотреть, а не отлучаться по делам! — резко заявляет пришедшая.

— Ему, гражданка Синицына, виднее, за чем нужно смотреть: он директор, — обиженно отвечает Грозный.

Елена Александровна медленно спускается вниз, прислушиваясь к шуму голосов. Пожилая женщина в темном приплюснутом берете на седеющих волосах встречает ее недружелюбным взглядом зеленых глаз.

— В чем дело? — спрашивает Елена Александровна. — Может, я могу заменить директора? Пройдите, пожалуйста, в учительскую.

Женщина молчит, но Елена Александровна, не ожидая ее ответа, круто поворачивается и быстрой, легкой походкой снова поднимается по лестнице, открывая свежевыкрашенную дверь. Незнакомая женщина нехотя следует за ней.

— А вы, собственно, кто здесь? — с раздражением спрашивает она, опускаясь в кресло.

— Сейчас я замещаю директора, — спокойно отвечает Елена Александровна и быстро оглядывает незнакомую женщину. Где-то она видела такие же зеленые глаза.

Женщина беспокойно ворочается в кресле:

— Хорошо. Я попробую поговорить с вами, хотя вы еще очень молоды и, наверно, не были матерью. Моя фамилия — Синицына.

— Вы мать Нюры Синицыной? — живо спрашивает Елена Александровна. Ей нравится Нюра, и голос ее звучит приветливо.

— Да, я мать. И именно поэтому я пришла вас спросить, что с моей дочерью... Я ее не

вижу. Она целые дни занята. Где — не знаю. В каком-то госпитале, вместе с какими-то ребятами... Причем я этих ребят не знаю. Часть из них, как видно, из ее бывшего класса. Они были на Украине и с трудом вырвались из оккупации.

— Я знаю их историю от директора, — кивнув головой, вставляет Елена Александровна. — Это очень хорошие ребята, лучшие в школе, — Трубачев и его товарищи.

— Не знаю, лучшие или худшие, — горько улыбается Синицына, — но если товарищи становятся дороже матери, если авторитет любого из них выше авторитета родителей, то это ненормально... Я целыми днями не вижу своей дочери, она не считает нужным посвящать меня в свои дела, мать для нее — ничто. Нюра заявляет нам с отцом, что у нее есть свои обязанности. Я хочу знать совершенно точно, какие это обязанности. Я — мать! Я ее воспитываю и никому не позволю ломать мое воспитание!

Синицына с трудом сдерживала гнев; перегнувшись через стол к своей безмолвной собеседнице, она говорит быстро и нервно, словно отстукивая слова на пишущей машинке:

— В такое тяжелое время, когда мой муж работает день и ночь, а я, с больным сердцем, бегая по очередям, чтобы накормить семью, у меня отнят покой. Но с этим никто не считается! Моя дочь растет эгоисткой, которой нет дела до матери. А я... — веки у Синицыной краснеют, в голосе слышатся слезы, — я должна положить этому конец, — шепотом доканчивает она, вытирая платком глаза.

Елена Александровна грустно и удивленно качает головой:

— Успокойтесь, гражданка Синицына... Ну, до чего вы себя довели? Ведь это совсем не так, как вы себе представляете. Я знаю вашу дочь и знаю ее товарищей. Я слышала о них много хорошего, — мягко успокаивает она расходившуюся женщину.

— Что ж тут хорошего? Я вижу их влияние на мою дочь, — плачет Синицына.

Она не слушает, что говорит ей эта чужая девушка. Ей легко говорить — она посторонняя. И хвалить легко. Вот эти похвалы и портят детей. А что же хорошего в этих товарищах, если они учат свою подругу дерзить матери и все от нее скрывать! Нюры никогда нет дома...

Елена Александровна снова и снова пытается успокоить Синицыну. Что ж плохого в том, что девочка работает в госпитале? Сейчас все люди — взрослые и дети — помогают своей Родине. Кто эти люди? Честные граждане, коммунисты, комсомольцы, пионеры. Все товарищи Нюры работают; она не может и не должна отрываться от коллектива.

В словах Елены Александровны есть то же, что с плачем бессвязно выкрикивает своим родителям Нюра. И это приводит Синицыну в бешенство. Она встает и дрожащими руками поправляет берет:

— Мы говорим на разных языках! Мне незачем сидеть тут и слушать ваши поучения. Я тоже советская женщина — меня агитировать не нужно. Но я еще и мать! Мать! Этого вы не понимаете!...

Синицына, не прощаясь, захлопывает за собой дверь. Не отвечая на поклон Грозного и не глядя на работающих школьников, она идет по двору, высоко подняв голову. Ничего! Она сама справится с дочерью, если школа не желает ей помочь. Она пойдет в госпиталь, вызовет главврача. Она узнает, где пропадает ее дочь...

Этой девушке кажется все так легко и просто. Кстати, кто она такая? Неважно, впрочем. Жаль только, что она, Синицына, не успела ей даже сказать, что у Нюры нет настоящей учебы, что Нюра останется на второй год, потому что не слушается матери и тянется за товарищами. С кем они занимаются? С мачехой одного из этих ребят. Конечно, это очень хорошо с ее стороны. Пусть она даже очень приличная женщина, но ведь она не учительница! Чем же это может кончиться? И мать должна стоять в стороне и молча смотреть, как гибнет

ее дочь!...

Синицына останавливается. Она так измучена... Тут недалеко ее дом. Дома она бросила все в беспорядке, даже не сняла с плиты кастрюльку с супом. Ну что ж, пускай все пропадает! Лучше бы отдала соседке — у той маленькие дети и муж на войне... Соседка так благодарна, когда с ней чем-нибудь поделиться. А делиться надо, теперь нельзя думать только о себе. Разве она, Синицына, этого не понимает? А какая-то чужая девушка читает ей нотации, как будто мать не хочет, чтобы ее дочь выросла порядочным человеком! А кто же, как не мать, радовался успехам дочери и каждое утро, провожая в школу, гладил ей пионерский галстук? ... Но куда же идти? Домой? В госпиталь?

Синицына решительно поворачивает к госпиталю. За углом она видит, как в раскрытые ворота прежней школы, медленно передвигаясь на костылях, опираясь на санитарок, идут раненые.

Синицына замедляет шаг. Боже мой, боже мой, сколько горя! И ведь у каждого есть мать, жена, дети... У нее свое горе, а у тех матерей — свое...

«Вот сидишь дома и все только около плиты толчешься. И никому от тебя никакого толку нет... Надо хоть папирос передать им через Нюру. — провожая глазами раненых, думает Синицына. — Ах, боже мой, боже мой, лучше бы не видеть всего этого!...»

На мостовой мелькает знакомый сарафанчик и светлые косички с синими ленточками. Нюра, стараясь попасть в ногу с раненым, осторожно ведет его через улицу. Худенькое плечо ее чуть-чуть гнется под темной тяжелой рукой.

Вот они переходят на тротуар...

Синицына, прячась за людьми, тихонько идет за дочерью. Может быть, Нюре тяжело вести раненого, — она могла бы ей помочь. Но о чем этот раненый боец говорит ее девочке?

— Вот, дочка, спасибо тебе, родная. И матери твоей спасибо, так и передай. Хорошо воспитала она тебя. Немало, верно, сил положила. Уж без этого не бывает. Мать — она мать... И об том сердце у нее болит и об этом. А главное, человека из своего дитяти сделать. Вот это ее материнская заслуга и есть... Сердце у нее доброе небось?

— Доброе, — тихо отвечает Нюра, внимательно глядя себе под ноги. Но, как ни тихо

говорит Нюра, мать слышит каждое ее слово, каждый вздох.

— Вот и спасибо ей за дочку. Вечное спасибо матери за хорошего человека!... Небось любишь ты ее? — ласково заглядывает в лицо девочки Егор Иваныч.

— Люблю.

В голосе Нюры звенят слезы. Чужому человеку они не слышны, но мать их слышит.

Она тихо поворачивается и, словно боясь что-то спугнуть в своем сердце, быстро идет домой.

«Только бы Нюра не видела меня, только бы не видела?» — думает она, торопясь скрыться за углом.

Узнав о визите Синицыной, Леонид Тимофеевич долго беседовал с Еленой Александровной.

Елена Александровна возмущенно и горячо обвиняла мать Нюры.

— Вы не можете себе представить, Леонид Тимофеевич, что это за женщина! Плачет, кричит, не слушает даже, что ей отвечают. Нет, это ужасно! Я просто не знала, как ее успокоить.

Леонид Тимофеевич тяжело ворочался в кресле, щурил серьезные карие глаза.

— Она вас не слушала, а вы ее хорошо выслушали? — неожиданно спросил он.

Елена Александровна вопросительно посмотрела на директора.

— Конечно. Я изо всех сил пыталась ей доказать...

— Ну, доказать что-либо такой женщине трудно, а выслушать ее внимательно совершенно необходимо. Потому что она все же мать. Она пришла в школу. Она взволнована, плачет. Значит, совершенно потеряла руль управления собой. Допустим, что мы с ней не согласны, возмущены ею, но во всем этом словокипании, во всех этих обвинениях, которые она обрушила на школу, на меня, на вас, во всей этой каше надо хорошенько разобраться. Видите ли, такая Синицына — новинка для вас, но не для меня. Вы — человек молодой, горячий... — Леонид Тимофеевич мягко улыбнулся. — Обвинять-то ведь всегда легче, чем оправдывать. А причина есть всегда и во всем. Ничего не бывает без причины. Может, тут где-то кроется и наша вина...

Елена Александровна слушала без улыбки, не сводя с директора строгих синих глаз.

— Я не понимаю, какое оправдание вы хотите найти Синицыной? И, если вы найдете его, я обвиню вас... — Елена Александровна вспыхнула, пушистые брови ее колючими иголочками сошлись на переносье. — Я обвиню вас, Леонид Тимофеевич, в излишней сентиментальности, жалостливости... Я не имею права так говорить с вами, но я все-таки обвиню вас! — запальчиво говорит она.

Леонид Тимофеевич встает:

— Она мать. Это большое слово. И боюсь, что я все-таки найду ей некоторое оправдание. И знаете в чем? В наших ошибках!

— Что ж, гражданка Синицына с удовольствием перечислит вам наши ошибки, — с усмешкой сказала Елена Александровна.

— Ну да, конечно! Я дам ей полную возможность это сделать. Видите ли, когда человек приходит к нам за разрешением какого-нибудь вопроса, то мы должны, несмотря ни на что, найти способ поговорить с ним по душе... А кстати, во время вашего разговора как вы ее величали: гражданка Синицына или по имени и отчеству?

— Я не знала ее имени-отчества, — пожала плечами Елена Александровна.

Леонид Тимофеевич с улыбкой взглянул на нее:

— А надо было спросить. Если человека называют по имени-отчеству, то в этом чувствуется какое-то внимание к нему, официальный тон смягчается, и разговор между двумя людьми делается проще, откровеннее... В общем, я сейчас сам пойду к ней и узнаю, что ее растревожило.

Леонид Тимофеевич, сутулясь, взял со стола шляпу. На пороге он обернулся, с лукавой

улыбкой взглянул на детски упрямый подбородок Елены Александровны, на ее прихмуренные брови и по-отечески сказал:

— А вас тоже учить надо. Вы еще молодой, нестреляный воробушек. Школа — это школа для всех: для родителей, для учителей, для вожатых! — Он весело усмехнулся. — А вы небось думали — только для ребят?

Шел мелкий дождь. Нюра стряхнула с панамки светлые, как бисер, капли и осторожно вошла в дом.

— У вас директор, — шепнула ей в передней соседка.

Нюре хотелось убежать, спрятаться. Она встала под вешалкой, между пальто, дрожащими пальцами расстегнула и снова застегнула пуговицы на своем жакетике. Прислушалась. Из комнаты доносились два голоса: один — частый, приглушенный, захлебывающийся словами; другой — ровный, спокойный. И каждый раз, когда первый голос резко повышался, второй ласково смягчал его тихим встречным вопросом. Нюра стояла долго-долго. Она и не подслушивала и не смела уйти. Постепенно голос Леонида Тимофеевича вернул ей мужество.

«Войду!» — подумала она. Но дверь приоткрылась, и директор, продолжая разговор, сказал:

— Ну так вот, Мария Ивановна: ничего нет неразрешимого. Значит, мы с вами договорились. А войдете в наш родительский актив — будем чаще встречаться и решать все вопросы сообща. Так что, милости просим! Приходите до начала занятий, мы всегда будем рады вашей помощи.

— Не знаю... просто не знаю как... — растерянно бормотала мать. — Чем я смогу помочь вам? Я ведь ничего не умею... — И совсем тихо, словно извиняясь, она добавила: — Побеспокоила я вас, Леонид Тимофеевич...

Нюра, боясь, что ее заметят, краснея от стыда, зарылась лицом в чей-то меховой воротник. Леонид Тимофеевич прошел мимо нее, держа в руках шляпу. Мать шла за ним. Нюра вдруг вспомнила, что на дворе дождь. Схватив отцовский зонтик, она поспешно выбежала на крыльцо.

— Леонид Тимофеевич, возьмите зонтик! Вот зонтик! — смущенно повторила она, заметив, что мать смотрит на нее с удивленной улыбкой.

Но Леонид Тимофеевич не удивился.

— Ничего, ничего, девочка! Все будет хорошо, все будет хорошо, — приговаривал он, раскрывая над головой зонт.

Низко склонив под зонтом свою лысеющую голову и держа в руке шляпу, он пошел к калитке. Мать и дочь стояли на крыльце и глядели ему вслед. Обоим казалось, что в их доме побывал чудесный доктор, принесший им избавление от неведомой и тяжелой болезни.

«ВО ЧТО БЫ ТО НИ СТАЛО...»

После того как ребят на собрании включили в списки пятого класса, они из всех сил налегли на учебу. Несмотря на то что пятиклассники беспрекословно исполняли распоряжения своего бригадира и председателя совета отряда, Васек не мог и не хотел примириться с тем, что он и его товарищи причислены к пятому классу как второгодники. Васек похудел, его самолюбие жестоко страдало. Вечерами он долго занимался, ходил по комнате и, держа в руках книжку, забывая про урок, неожиданно говорил: «Во что бы то ни стало...»

С согласия Екатерины Алексеевны теперь на уроках всегда присутствовал кто-нибудь из бывших учеников четвертого класса «Б», которые зимой учились в Свердловске в пятом классе. Чаще всего это был отличник Медведев. Он сидел около доски, маленький, нахохленный, с внимательными темными глазами, и, вслушиваясь в ответы товарищей, напряженно моргал ресницами, а иногда аккуратно поднимал ребрышком руку и испуганно говорил:

— Ответ неверен. Позвольте мне...

Екатерина Алексеевна позволяла. И Медведев, старательно выводя мелком буквы и цифры, объяснял задачу.

Как-то Васек не смог решить дома пример и попросил Екатерину Алексеевну вызвать его к доске. Пример решали сообща. Как всегда, отличался быстротой сообразительности Петя Русаков. И Медведев после урока серьезно сказал:

— Русаков по арифметике идет у вас первым. Он бы у нас в свердловской школе отличником был.

Мазин широко раскрыл глаза и, уставившись на своего приятеля, тихо запел:

Учились вместе в школе

Друзья Р.М.З.С.,

Покинул Петя Колю -

В отличники залез... Ха-ха!

Ребята засмеялись. Екатерина Алексеевна тоже улыбнулась. Мазин подо — шел к Пете и неожиданно крепко обнял его:

— Хороший ты парень стал, Петька, хоть я на тебя и ворчу иногда...

— Ну, теперь по всем предметам, кроме арифметики, я вами довольна, — сказала как-то ребятам Екатерина Алексеевна.

— Арифметику подтянем! — радостно пообещал Петя.

— Не арифметику, а отстающих по арифметике, — серьезно уточнил Медведев и тут же, вытянув вперед пальцы, громко и безжалостно назвал отстающих: — По моему мнению, это Трубачев — раз, Мазин — два, Нюра Синицына — три...

— Как — я? — растерянно глядя на Екатерину Алексеевну, спросила Нюра.

— Конечно. Ты очень слабо решаешь примеры, — подтвердила Екатерина Алексеевна.

Нюра глубоко задумалась: «Может, иногда мама и правду говорит, что я все бегаю. Ведь самое главное — учеба...»

На деревянном щите у входа в школу висела свежая стенгазета. На большом листе бумаги четко вырисовывался заголовок: «Рабочий листок». Под заголовком художник Сева Малютин изобразил пионера с ведром и кистью; пионер стоял перед стеной дома и, подняв вверх кисть, с которой капала краска, широко улыбался, призывая к труду. Лицо у него было румяное, а глаза ярко-синие.

Это была первая газета, выпущенная совместно, всем коллективом.

Редактором, с общего согласия, был выбран семиклассник Толя Соколов, а помощником редактора — Одинцов.

В заметках не было недостатка. Были серьезные статьи о приближающейся учебе, о том, как подвигается работа на стройке, а в отделе «Разное» кое-кто оказался и продернутым.

Под рисунком, изображающим легковую машину с развалившимися в ней тремя мальчиками, стояла подпись:

Если дружба за машину — Этой дружбе грош цена!

Была и другая загадочная картинка, изображающая плывущий в облаках лесовоз с длинными бревнами. Под этой картинкой подписи не было. Дальше была помещена острая заметка, уже без рисунка:

«Сегодня наш уважаемый кровельщик дядя Сема попросил уважаемого дедушку Мироныча помочь ему поднять на крышу железный лист. Но дедушка Мироныч ответил: «У тебя свое дело, а у меня — свое». Редакция считает, что всякое дело на стройке — общее».

Внизу стояла подпись: **«Помред Одинцов».**

Около газеты с утра толпились ребята.

Дедушка Мироныч прочитал заметку и подозвал Колю Одинцова.

— Ты, товарищ Одинцов, мал еще старшим указывать. — обидчиво сказал он и полез на крышу помогать кровельщику.

Алеша Кудрявцев не захотел подойти к газете, он уже знал через Тишина, что его с приятелями продернули, и, возмущенный, принес Одинцову свою заметку.

— Вот, помести, пожалуйста, — насмешливо сказал он, протягивая Коле аккуратный листок бумаги. — У тебя тут есть еще место, можно сейчас же наклеить.

Одинцов быстро пробежал глазами листок.

«Очень жаль, — говорилось в заметке, — что одним из ответственных редакторов газеты выбран Одинцов, который вместе со своими товарищами хотел пролезть в шестой класс, а по заслугам очутился в пятом».

Пока Одинцов читал, Алеша стоял рядом и острыми, прищуренными глазами смотрел на него в упор, пытаясь уловить на лице Коли признаки смущения или гнева. Он ожидал категорического отказа напечатать такую заметку и был очень Удивлен, когда Одинцов просто сказал:

— Сейчас приклеим.

Алеша покраснел и взял у него из рук заметку.

— Я еще не решил, — быстро сказал он и, скомкав заметку, сунул ее в карман.

Ему вдруг стало скучно, и собственный поступок показался мстительным и мелким. Он

отвернулся от Одинцова и пошел к своему участку.

Там все было в полном порядке. Ямки, приготовленные для столбов, были точно вымерены, одинаковой глубины; подобранные по одному размеру штакеты сложены около каждой ямки, чтобы потом ребятам не пришлось таскать их из общей кучи, затрачивая на это лишнее время. Все было готово. Не хватало только столбов и слег, чтобы начать ставить забор У Алеши чесались руки, да и срок выполнения задания был уже близок. Кончался июль, все работы по ремонту надо было завершить к седьмому августа.

К Кудрявцеву подошли Петрусин и Тишин. Алеша ничего не сказал приятелям про заметку, но, не в силах побороть кипевшее в нем раздражение, едко бросил:

— Бездельничаем по вине директора!

— И правда, чего это Леонид Тимофеевич тянет? Обещал пойти с нами на делянку и тянет чего-то, а мы без дела сидим. Давно бы уже могли столбы привезти и начать работу, — высовываясь из-за плеча Кудрявцева, сказал Петрусин.

— Трубачевцам тоже нечего делать, — усмехнулся Тишин, — вон сидят в кучке.

Алеша остановился на краю своего участка, вытащил отцовский полевой бинокль и стал разглядывать участок своего соперника. У Тишина завистливо блеснули глаза. Он осторожно протянул руку и в нетерпении пошевелил пальцами:

— Чур, я после Кудрявцева смотрю!

Петрусин сморщил нос и, прищурив глаз, старался заглянуть хоть в одно окошечко. Но Кудрявцев отодвинул его локтем и, продолжая глядеть в бинокль, нетерпеливо бросил обоим:

— А ну-ка, не мешайте!...

В бригаде Трубачева тоже было все готово: так же чернели через определенное расстояние выкопанные ямки, лежали сложенные штабелями штакеты. Алеша направил бинокль на Трубачева. Бригадир пятиклассников, развернув на травке какой-то лист, положил по краям четыре камешка и что-то сказал не сводившему с него глаз Матросу. Тот блеснул в воздухе черными от загара ногами и, подпрыгивая, помчался к дому. Алеша повертел колесико и быстро сказал:

— Петрусин, узнай, что у них там такое!

В бинокль было хорошо видно склоненную над большим листом голову Трубачева. Несколько ребят тесно окружили своего бригадира. Запыхавшийся Матрос примчался назад, держа в руках длинный, похожий на пенал ящичек.

— Флажки принесли. Карту будут смотреть... — лениво сказал Тишин. — Хотят показать себя культурными.

— Но откуда они взяли карту? — с интересом спросил Алеша.

— Карту принесла Елена Александровна. Она хочет повесить ее в пионерской комнате. А флажки девочки из ленты сделали, — спешно сообщил вернувшийся Петрусин.

— Несправедливо! Зачем она им дала? — нахмурился Алеша.

— Миرونчик говорил, что завтра пионерская комната будет уже готова. Елена Александровна сама там работала вчера. И плакаты уже купили, — быстро рассказывал Петрусин. — А сейчас Трубачев пошел и выпросил карту.

— Трубачев — любимчик! — процедил сквозь зубы Тишин. — Елена Александровна ему ничего не жалеет!

— Подумаешь! А чего она распоряжается тут! Сложила печи и воображает! — фыркнул Петрусин.

Алеша молча сунул ему бинокль и решительно зашагал к дому.

Елена Александровна была в пионерской комнате. Открыв окна и двери и осторожно

ступая по дощечкам, положенным на свежеевыкрашенный пол, она складывала на столе какие-то игры, плакаты и завернутые в красный кумач портреты.

— Осторожно, Кудрявцев, пол еще не высох. Что тебе надо?

— Дайте мне карту! — сказал Алеша.

Карта у Трубачева. Он ее подклеивает на полотно. Сего 195

дня вечером мы се повесим здесь и каждый день будем отмечать флажками линию фронта, — пояснила Елена Александровна. — А если ты хочешь посмотреть карту, ступай к Трубачеву.

— Я не пойду к Трубачеву! Пусть Трубачев холит ко мне, — вспыхнул Алеша, — а мне незачем перед ним унижаться! Я не первоклашка. Я могу взять карту у моего отца. Мой отец — генерал, и у него таких карт...

Елена Александровна с шумом отодвинула ящик с шахматами и повернулась к Кудрявцеву:

— Мы все уже слышали, что твой отец генерал! Ты можешь гордиться своим отцом, ты можешь стремиться к тому, чтобы стать таким же, как твой отец, но пока ты еще ничего не сделал, и хвастать направо и налево, что ты сын генерала, — это стыдно, противно и глупо! — Елена Александровна вспыхнула темным румянцем. — Запомни, Кудрявцев: стыдно, противно и глупо! — с силой повторила она.

— Как вы смеете! Вы — какой-то печник!... — пробормотал озадаченный Алеша.

— Выйди отсюда! И, когда успокоишься, приходи поговорить со мной! — сказала Елена Александровна.

— Я никогда не приду поговорить с вами! Не ждите! — грубо крикнул за дверью Алеша.

Он сбежал с лестницы, постоял на крыльце и через минуту вернулся. На волосах у него блестели капли дождя, глаза смотрели вызывающе.

— Я — отличник! И я работаю не хуже других...

— Ты работаешь хорошо. Но, кажется, пошел дождь... — Елена Александровна озабоченно взглянула в окно. — Скажи, чтобы принесли карту.

Алеша снова исчез за дверью.

— Эй, Петрусин! Пойди скажи пятым, чтобы принесли карту! — слышался на крыльце его громкий, сердитый голос.

Елена Александровна глубоко вздохнула и снова принялась разбирать игры.

— Подклеили? — не поднимая головы, спросила она Трубачева, когда он принес карту.

— Подклеили, только еще не подсохла.

— Положи на стол и скажи ребятам, чтобы расходились. Да, чуть-чуть не забыла! В воскресенье поход на делянку. Сбор здесь в семь часов. Объяви бригадирам. — Сейчас!

Васек разложил на столе карту и вышел во двор.

— В воскресенье поход на делянку. Пойдут все старшие ребята! — радостно объявил он и, заметив издали Кудрявцева, помахал рукой: — Кудрявцев, в воскресенье поход на делянку! Собирай своих! Сбор в семь часов.

Кудрявцев удивленно вскинул брови и хотел ответить, но Тишин тихонько свистнул и насмешливо сказал:

— Гордится перед тобой, хозяина из себя корчит... Помнишь, он сказал: «Мы здесь хозяева, а он... наш гость!» Петрусин закивал головой:

— Верно-, верно!

Глаза у Алеши снова вспыхнули, потемнели. Мелькнувшее желание запросто ответить Трубачеву мгновенно прошло.

— Мы еще поглядим, кто тут хозяин! — засовывая руки в карманы, сказал он.

НЕСТРЕЛЯНЫЙ ВОРОБУШЕК

Елена Александровна отпустила ребят, поднялась в учительскую и, забравшись с ногами в кресло, глядела сквозь мелкую сетку дождя на улицу.

«Пора бы Леониду Тимофеевичу прийти. И о чем можно так долго говорить?»

Ей было жаль старого директора, но к этому чувству примешивались раздражение и беспокойство.

«И зачем он пошел сам? Можно было вызвать эту Сеницыну сюда. Она, пожалуй, подумает, что директор испугался ее обвинений. И вообще вся его чрезмерная доброта может только повредить школе. Как бы он там не размяк окончательно и не взял на себя вину за то, что Нюра не слушается матери и делает свое общественное дело... Нет, что за нелепость на самом деле!»

Елена Александровна невесело засмеялась. «Если так будет дальше, то я не смогу здесь работать», — подумала она и вспомнила тот день, когда ее, молоденькую учительницу, райком комсомола направил сюда на работу. Она пришла на зеленый пустырь, где ребята во главе с директором ремонтировали себе школу. Ее отец был печник, и в детстве она часто помогала ему. Сейчас это умение ей очень пригодилось. Она приняла горячее участие в работе — складывала печи, старалась организовать ребят. Но разве о такой школе она мечтала? Ведь ей нужны опытные товарищи учителя — она еще нигде не работала. Правда, директор встретил ее с отеческой лаской и вначале даже показался ей настоящим, твердым человеком. Его все слушались, а для школьников каждое его слово — незыблемый закон. Но вот история с Сеницыной так ясно показала его излишнюю мягкость. Ведь он просто добряк, бесхарактерный добряк! Как же она будет с ним работать? Но почему же ей все-таки не хочется уйти отсюда?

«Труд заманивает человека», — говорил ее отец. Ремонт школы и для нее стал кровным делом. Она не может уйти, пока не готова школа. Она только-только начала узнавать ребят. Спешила оборудовать пионерскую комнату, чтобы была возможность где-то проводить сборы, интересные занятия, поближе познакомиться с детьми.

Елена Александровна вскочила и взволнованно заходила по комнате.

Скорей бы окончился ремонт и пришли другие учителя. Учитель и вожатый — это большая сила. В общем, конечно, здесь хорошие ребята... Но есть разные...

Тишин — очень неприятный мальчик, на собрании она никак не могла разглядеть его прищуренные глаза.

А сегодня еще этот Кудрявцев! И что они имеют против Трубачева? Конечно, разве она могла ждать, что все дети будут хорошие! И все-таки обидно, когда идешь к ним с добрым сердцем, а они не стесняются сказать тебе грубость...

Елена Александровна снова залезла с ногами в кресло и, опустив на ладонь голову, прислушалась к шуму дождя на крыше: «Но где же этот добряк директор? Воображаю, что ему там наговорит эта мамаша!...»

Дверь скрипнула. Иван Васильевич осторожно просунул руку с горячим чайником и на цыпочках подошел к столу.

— Чайку согрел. Мокро на дворе. Придет Леонид Тимофеевич — выпьет чашечку...

Он поставил чайник на стол, закутал его мохнатым полотенцем; оглянулся на Елену

Александровну:

— А вы что же сиротинкой такой сидите?

— Леонида Тимофеевича жду, — вздохнула Елена Александровна.

— Да уж пора бы ему! Но только дело у него такое деликатное — пока уговоришь да разговоришь...

— Добряк он у вас! — сердито бросила Елена Александровна.

— Да, знаменитый человек. Он с ними умеет, это что и говорить, — приняв ее слова за похвалу, охотно сказал Грозный. — Это уж он специалист. И к каждому ребенку подход найдет, и к каждой мамаше, и к вам вот, учителям, тоже умеет приноровиться. Настойчивый и, где надо, не обидевши, на своем поставит. Сурьезный, что и говорить, одно слово — директор!

Елена Александровна спустила на пол ноги, пригладила волосы.

Поговорив о своем директоре, Иван Васильевич ушел. Дождь все еще брызгал в окна, мелкий, докучный, унылый.

Наконец на улице показалась знакомая фигура. Леонид Тимофеевич быстрыми шагами прошел по двору, раскрытый зонтик над его головой кренился то вправо, то влево, по спицам за воротник пальто стекали струйки воды.

Елена Александровна вскочила и, по недавней школьной привычке прыгая через две ступеньки, побежала вниз по лестнице. Вместе с Иваном Васильевичем они сняли с директора мокрое пальто.

— А я и не промок вовсе! — весело заявил он, вытирая платком шею.

В учительской Леонид Тимофеевич не спеша достал из ящика стола блокнот, что-то записал в нем для памяти и, встретив нетерпеливый взгляд Елены Александровны, сказал:

— Ну вот... С матерью Нюры Синицыной, я думаю, все понемногу уладится, мы ее включим в наш будущий родительский комитет и будем, так сказать, держать ее под своим наблюдением. В этом нам помогут другие матери.

— Она согласилась? — недоверчиво спросила Елена Александровна.

Леонид Тимофеевич кивнул головой.

— Она не уверена в своих силах. Ну, знаете, всегда сидела дома, за спиной мужа, непривычка. Но постепенно она войдет в работу коллектива, в интересы школы... Это часто бывает так... — Он задумчиво постучал по столу пальцами. — Меня сейчас беспокоит другое. Видите ли, Синицына — человек неуравновешенный, а с такими людьми часто случается, что, будучи раздражены одним поводом, они кричат совершенно о другом. Но вот во время разговора я и выяснил, что мы все же виноваты.

Елена Александровна сухо улыбнулась.

«Так и я думала», — говорил ее взгляд. Но директор не обратил на это внимания.

— Да, мы все же виноваты, а в какой мере — это скоро выяснится. Дело в том, что, пока мы тут строились и хлопотали, радуясь, что ребята принимают во всем этом деятельное участие, Трубачев и его товарищи старались догнать свой класс. Когда я приехал, девочки мне сказали, что зимой они хорошо занимались, и я подумал, что они просто повторяли пройденное, тем более что никто из них не пришел ко мне поговорить, посоветоваться. И знаете, Елена Александровна, только несколько дней назад, на собрании, мы с вами призадумались над странным заявлением Трубачева и собирались выяснить, насколько оно серьезно. А вот мать Нюры Синицыной уже давно тревожится за свою дочь: где она пропадает, как и когда она занимается, почему ее нет дома ни утром, ни вечером и каким образом при всей этой нагрузке она попадет в шестой класс, с кем проходит она курс пятого класса. Все это естественные вопросы для матери, и я вполне уяснил себе, в чем дело.

Елена Александровна слушала директора с большим вниманием.

— Да, но если они действительно занимаются... — неуверенно начала она.

Но Леонид Тимофеевич перебил ее:

— Занимаются ли? И сколько времени у них остается на занятия? Ведь знай мы об этом раньше, ни о какой их работе на стройке не было бы и речи. А теперь будет большим огорчением для этих ребят, если оттого, что взрослые вовремя не помогли в учебе, они сядут в пятый класс!

Елена Александровна вспомнила собрание, побледневшее лицо Трубачева и его уверенный голос... Она заволновалась.

— Они не сядут, они уже чувствуют себя шестиклассниками! Я думаю, что они усердно готовятся сейчас. И хотя я поставила их в списки пятого класса, но ведь это только до осени. Совершенно невозможно считать их второгодниками!

— А кем их считать — шестиклассниками или пятиклассниками, — нам станет ясно после проверки их знаний. И поправить что-нибудь будет поздно, потому что скоро уже конец июля.

Леонид Тимофеевич остановился и внимательно посмотрел на Елену Александровну. Она сидела, опустив голову на руку, и глядела на директора потемневшими, встревоженными глазами.

— Так вот, вы понимаете теперь, почему к голосу каждой матери необходимо прислушиваться и в чем мы можем оказаться виноватыми?

Елена Александровна молча кивнула головой. Леониду Тимофеевичу стало жаль ее.

— Синицына сказала мне, что они занимаются с матерью Пети Русакова. Это очень толковая женщина. Может быть, они прекрасно занимались — времени у них было вполне достаточно, — сказал он, ласково улыбнувшись. — Ну, в общем, мы это скоро узнаем. В воскресенье у нас поход на делянку, а после похода мы повидаемся с матерью Русакова и все выясним... А сейчас идите-ка домой, воробушек!

ДВА ПИСЬМА

Ребята собрались у Васька, чтобы написать письмо родителям Мити. Нелегко было сообщить старикам о постигшем их несчастье. Ребята сидели глубоко задумавшись, не зная, с чего начать. В комнате было тихо. Тетя Дуня задержалась в госпитале. Электричество не горело, и Васек поставил на стол круглую лампу с отбитым краешком стекла. Вспыхивая, лампа освещала серьезные лица ребят. Сева держал наготове ручку и, поминутно обмакивая в чернильницу перо, отводил его в сторону от бумаги, чтобы не уронить кляксу. Ребята молчали, думали...

— Никто не знает, какой человек Митя, как он шел по нашим следам с дядей Яковым, как привел нас в лагерь... — грустно сказал Саша.

— А дядю Якова как жалко! — прошептал Петя Русаков.

— Неужели мы и Митю больше не увидим? — горько спросила Нюра.

Васек глубоко вздохнул:

— Как такое письмо напишешь? Мы ведь уже не раз думали. И все ничего не получалось. А ведь надо же наконец известить родителей.

Малютин снова макнул в чернильницу перо и придвинул к себе бумагу.

— Самое главное — начать, — озабоченно сказал Саша.

— «Дорогие Митины родители!» — с чувством продиктовала Лида.

Сева написал.

— Теперь надо очень осторожно, — испуганно предупредил он.

Ребята молчали, подыскивая подходящие слова.

— Лучше всего — писать прямо, — решил Мазин. — «Нам сообщили, что Митя опасно ранен...»

— С ума сошел! — возмутились девочки. — Разве так можно? У Мити мама старенькая, она испугается сразу.

— Конечно. Сначала о жизни что-нибудь... вообще... как они живут... Что ты думаешь, Васек? — спросил Одинцов.

— Я бы тоже сразу правду сказал, — нерешительно высказался Васек.

— Нет, лучше подготовить, что вот у многих теперь горе, потому что война, — глядя на огонь лампы, начала Нюра. — «Дорогие Митины родители! Как вы живете? У всех сейчас много горя...»

— Может, и правда... — вздохнули ребята.

— Давайте напишем начерно, а потом перепишем, — сказал Сева, записывая слова Нюры.

Но дальше дело не шло. Ребята предлагали то одно, то другое, но всем казалось, что это не те слова, что в них нет утешения и теплоты.

— У самих сердце болит, да еще писать об этом надо, — расстроенно бормотал Мазин.

— И как это мы не можем написать! — с горечью сказал Одинцов.

— Так ведь это не простое письмо, — серьезно возразил ему Малютин.

Васек поглядел на часы — было очень поздно.

— Вот что, ребята: давайте расходиться по домам! Завтра нам на делянку идти. Придется сегодня письмо отложить, но пусть каждый подумает хорошенько. Завтра соберемся опять.

Хмурые и недовольные собой, ребята молча смотрели, как Васек прятал в ящик стола

начатый лист бумаги.

Когда все собрались уходить, дверь вдруг открылась и вошла запыхавшаяся от ходьбы тетя Дуня.

— Васек, — крикнула она еще с порога, поднимая вверх маленькое серое письмецо, сложенное треугольником, — тебе на госпиталь пришло! Читай скорей! Я всю дорогу бегом бежала. От кого бы это?... Батюшки мои!...

Васек схватил письмо и бросился к лампе:

— Ребята, от Генки! — Руки его дрожали.

Ребята онемели от испуга и ожидания.

В письме было наспех написано несколько строк:

«Дорогие товарищи, други мои! Один человек обещал мне доставить вам эту весточку, и потому спешу сообщить, что Митю вашего мы от смерти отратували, жив-здоров теперь будет боец Митя, не плачьте за него, други мои. Митя ваш на ноги еще не встает и писать сам не может, но, чтоб вы не сомневались, что он выдужал от своих ран, шлет собственноручную подпись и горячий комсомольский привет.

Ваш Гена Наливайко».

Внизу стояли две неровные буквы: «М. Б.».

— Митя Бурцев! — задыхаясь от счастья, прошептал Васек.

— Митя!... Митенька!... — Девочки крепко обнялись. — Какое счастье!...

Ребята, не веря своим глазам, смотрели на Генкины каракули и на волшебные буквы внизу: «М. Б.».

— Садись за стол, Севка! — заорал вдруг Мазин, ударив об пол кепкой. — Где письмо родителям? Сначала будем писать. Начисто, без помарок! Садись, Севка!

— Садись, садись! — усаживали Севу товарищи и, захлебываясь от радости, со всех сторон диктовали ему новое письмо.

— Ах ты батюшки! Да вы хоть не все сразу! В ухо-то ему не кричите! — глядя на них, улыбалась тетя Дуня.

— Ничего, ничего... — бормотал Сева, торопясь записать все, что ему диктовали ребята.

По новому письму выходило, что Митя Бурцев, верный сын своей Родины, геройски сражался с фашистами и, получив смертельные раны, совершенно выздоровел и скоро снова пойдет в бой.

«Слава родителям, у которых такой сын! Счастье нам, что у нас такой вожатый! Пионерский отряд школы N 2», — торжественно подписал в конце письма Сева Малютин. Потом каждый из ребят поставил под посланием начальные буквы своего имени и фамилии. Васек тоже подписал совсем как Митя: «В. Т.».

НА ДЕЛЯНКЕ

К семи часам утра ребята собрались около школы. Леонид Тимофеевич уже был там и о чем-то оживленно беседовал с двумя Миронычами. Ребята быстро разобрали топоры, пилы. Елена Александровна еще с вечера заготовила хлеб и огурцы и теперь выдавала их на руки. Вышли на улицу.

— Не рассыпайтесь по всей мостовой, — сказала Елена Александровна, — в городе нужно идти организованно.

Несмотря на ранний час, люди уже куда-то торопились. Проехали мимо на грузовиках красноармейцы, прошли ремесленники в рабочих спецовках. Встретились девушки в военной форме.

— На работу идете? — весело окликнули они пионеров.

— На работу! В лес! Деревья валить! — бодро, вразнобой ответили им ребята.

На окраине стали встречаться огородники с мешками, лопатами.

Ребята вышли за город, миновали шлагбаум. Перед глазами открылось широкое ровное шоссе.

Васек оглядел товарищей. Их было много — старых и новых, испытанных друзей и просто одноклассников. Были тут славные ребята из других классов, с ними он познакомился только недавно на стройке. Все они относились к нему тепло, по-дружески.

Но были среди школьников и такие, как Тишин, Петрусин. Алешу Кудрявцева, несмотря ни на что, Ваську не хотелось даже мысленно ставить с ними рядом.

Старые друзья Трубачева всю дорогу шли с ним вместе, говорили о военных событиях, о Мите, о том, что скоро кончится война и Митя вместе с учителем снова вернутся в школу. В новую школу, отстроенную с их помощью.

Вдоль шоссе потянулся густой лес. Леонид Тимофеевич, Елена Александровна и два Мироныча шли прямо по дороге, окруженные школьниками. В толпе слышались шутки, смех, громкие голоса.

Внезапно на Трубачева нахлынули воспоминания. Казалось, стоит только закрыть глаза — и увидишь свежее украинское утро, Митю, Сергея Николаевича, подводу, на которой ехал отец учителя... Все это было совсем недавно... Вот так шел Сергей Николаевич, а вот так, по краю шоссе, Митя... И Валя шла, срывая крупные белые ромашки.

А потом по шоссе шагали на фронт бойцы с запыленными суровыми лицами. И вдоль этого потока учитель двигался навстречу ребятам и горнил еще и еще, чтобы показать им, что он здесь...

Никогда не забудет Васек, как, прощаясь, Сергей Николаевич соединил их руки в своих ладонях...

Васек оглянулся. Саша поднял на него большие грустные глаза и глубоко вздохнул. Девочки шли по тропинке около леса. Нюра отстала от подруг, и светлый сарафанчик ее одиноко мелькал за деревьями. Петя, по старой привычке, жался к Мазину, а Мазин шел, мрачно опустив глаза в землю.

И, словно продолжая начатый разговор, Одинцов вдруг сказал, ни к кому не обращаясь:

— Вот мы среди своих теперь, а там все еще враги кругом. И может, сейчас, в эту минуту, идет бой. — Он тронул за плечо Трубачева: — Помнишь, как тогда, ночью, на дороге?

Ваську сразу вспомнился ночной шорох деревьев, дальний топот копыт, боец, скачущий на гнедой лошади...

Васек встряхивает головой и поворачивается к товарищам:

— Что это мы так отстали, ребята? — Он машет рукой и звонко кричит: — Эй, Белкин! Подождите нас!... Девочки, выходите на шоссе! Куда ушли?

— Спешат все, как на пожар! — ворчит Мазин. Девочки поспешно сбегают с тропинки.

Трубачев прибавляет шаг. Елена Александровна останавливается на дороге и ждет. Ветер треплет ее светлые волосы, выбившиеся из-под берета; девочки со всех сторон суют ей в руки букетики цветов.

Леонид Тимофеевич и два Мироныча тоже замедляют шаг, оглядываются. Ребята догоняют их и идут рядом.

Дедушка Мироныч рассказывает о лесных пожарах:

— Ну вот. Дед мой был лесником и всю жизнь лесом кормился... Вот один раз заночевал он в лесу, подложил под голову армяк да топор и задремал. Вдруг слышит — словно кто стонет, да так тяжело, многоголосо стонет и дышит жарко в лицо... Проснулся он, сел. А над головой птицы летят, с ветки на ветку белки шарахаются, и зайцы прямо по ногам скачут, и всякая тварь лесная бежит мимо... Вскочил он. Ночь на дворе, а промеж деревьев зарево видно, огонь змейками по траве ползет. И в ушах гул стоит. Выбежал он на опушку... Лес горит... Батюшки мои! Упал дед на колени, заплакал: «Кормилец ты мой родимый!» А лес стоном стонет, как человек... Перекрестился дед — и в село. Ну, набежали люди с баграми, с лопатами, давай канавы рыть, водой заливать. Ведерками воду из речки носили — о пожарных тогда и не слыхивали в селах. Ну и выгорел лес — одни пни торчали... А теперь я вот на свою родину ездил — на этом месте высокая рожь колосится. Зайдешь — не головой окунешься в хлеба. Не узнать того места, где пожар был и где мой дед плакал. Теперь новые леса посадили, хорошие леса, строевые...

— А отчего же пожар был? — спросил кто-то из ребят.

— Известно отчего: пастухи сожгли. Народ тогда несознательный был. Разложили костер да заснули — вот тебе и пожар!... — Дедушка Мироныч поглядел на высокие, стройные сосны у дороги. — Вот, Леонид Тимофеевич, эти сосны мачтовые. Вишь, они, как стрела, ровные! — Он подошел к дереву, постучал по стволу топором. — Хороши сосны!... А вот до войны я отдыхал в одной санатории на Черном море, так там я видел сосновую рощу. Особые деревья! Иглы длинные, хоть косы плети, а шишки с кулак у той сосны...

Кто-то из ребят вспомнил, что видел в Артеке пробковые деревья. Мироныч снова стал что-то рассказывать.

Елена Александровна подошла к Ваську:

— Расскажи мне о своих делах, Трубачев. Как у вас там с учебой?

Васек опешил.

— Мы занимаемся с матерью Пети Русакова. Мы будем учиться в шестом классе! — удивленно ответил он.

— Чтобы учиться в шестом, надо пройти всю программу пятого класса, — серьезно сказала Елена Александровна. — Леонид Тимофеевич просил меня проверить ваши знания. Предупреди, пожалуйста, Екатерину Алексеевну, что завтра я приду к ней на урок.

— Хорошо, — ответил Васек, чувствуя тревогу и растерянность.

Ребята сразу заметили по его лицу, что случилось что-то важное.

— О чем она с тобой говорила? — спросил Одинцов.

— Потом скажу, — отмахнулся Васек. Ему не хотелось в этот день портить настроение ребятам. — Потом, потом!... — пообещал он подошедшим товарищам.

Алеша Кудрявцев тоже несколько раз оглянулся.

— Трубачев с печником разговаривал, а сам все смотрел в нашу сторону — наверно, жаловался на тебя, — успел шепнуть ему Тишин.

— Пусть жалуется! Ему же будет хуже, — озлился Алеша.

Делянка была в шести километрах от города. Когда вошли в лес, Леонид Тимофеевич предложил всем отдохнуть и позавтракать. Ребята вытащили из вещевых мешков хлеб и, закусывая на ходу, разбрелись кто куда.

Лес был густой, разросшийся, тенистый. Сквозь зелень осин и берез виднелись коричневые стволы сосен.

Елена Александровна, крикнув ребятам, чтобы далеко не уходили, побежала с девочками к орешнику.

— Идите сюда! — кричала она, ловко нагибая ветки. — Посмотрите, как орехов много! По пять штук в одной кучке. На голос ее прибежали ребята. Веткигнулись, трещали. Орехи были еще зеленые, внутри них, словно в вате, лежали маленькие ядрышки. Ребята попробовали орехи и побежали искать ягоды.

Леонид Тимофеевич с двумя Миронычами пошел к леснику. Пока он ходил, мальчики вырезали себе палки, лазили на деревья, гонялись за белками. Витя Матрос притащил Елене Александровне птичье гнездо, в нем лежала скорлупа от хорошеньких голубых яиц.

— А где птички? — спросила стриженная черненькая девочка из пятого класса.

— Птички уже летают, — засмеялась Елена Александровна и серьезно добавила: — Но трогать гнезда все равно никогда не надо.

Мазин залез в орешник, вырезал дудку и пронзительно свистел, собирая около себя целую очередь желающих свистнуть.,

— Ну, ну, работнички! Угломонитесь-ка! — раздался веселый голос Леонида Тимофеевича.

Он привел лесника.

Лесник показал делянку и ушел. Оба Мироныча сбросили пиджаки и начали осматривать деревья. Некоторые из них они пометили мелом.

— Вот эти, ровные, пойдут на столбы, — говорили они ребятам, — а кривые только на дрова можно использовать.

Леонид Тимофеевич и Толя Соколов облюбовали себе одно дерево и, присев на корточки, начали пилить. Поблескивая на солнце отточенными зубцами, в лесу зажужжали пилы. У Мазина от охоты попилить загорелись глаза. Он подбежал к дедушке Миронычу:

— Дедушка, давайте я с вами попилю! Я на этом деле собаку съел!

— Собаку съел? — усмехнулся плотник и кивнул головой на младшего Мироныча: — Вот сейчас мы с Федором Миронычем это дерево повалим, потом он будет его очищать, а мы с тобой попилим.

Когда дерево повалили, дедушка Мироныч шагнул к старой сосне.

— Становись, коль собаку съел, — поплеывая на ладони и опускаясь на одно колено, пригласил он Мазина.

Мазин тоже поплевал на ладони, опустился на колено и, не рассчитав силы, рывком подал от себя пилу. Пила вильнула, издала жалобный звук и острыми зубцами проехала по стволу.

Плотник с ухмылкой посмотрел на Мазина:

— Кошку ты съел, а не собаку! Не толкай пилу, а тащи к себе. Тоже мастер!

Вокруг все засмеялись.

— А вы разойдитесь, ребятки, — сказал Мироныч. — Упадет дерево на вас — беда будет!

Вот как повалим, тогда ветки обрубить станете.

Подпиленные стволы кренились набок и падали с шумом, цепляясь ветками за соседние деревья.

— Отойди! Отойди! Падает! — кричали ребята.

Васек вместе со своей бригадой пятиклассников обрубал сучья и ветки.

— Вот они где, столбы-то! — жарко блестя черными глазами, восхищался Витька Матрос и, размахивая топором, первый мчался к упавшему дереву. — Почище обрубайте, ребята! Ведь это нам столбы для забора! — кричал он пятиклассникам.

Тишин поворачивал в его сторону голову и насмешливо глядел исподлобья. Заметив этот взгляд, Витька встряхивал головой и еще с большим жаром командовал:

— Поднимай! Поднимай! Тащи к Федору Миронычу!

Федор Мироныч, пристроившись около большого пня, аккуратно обтесывал каждое бревно и с помощью ребят откладывал в сторону сыроватые желтые гладкие столбы. Он чувствовал себя в лесу хозяином и, вдыхая смолистый запах срезанных сосен, вдруг становился разговорчивым:

— Вот, например, береза: красивое дерево и полезное. А некоторые озорники этого не признают: обдерут с нее кору вокруг ствола, словно кожу с живого существа снимут! И наплевать им! А дерево гибнет...

Алеша Кудрявцев помогал Миронычу. Складывая готовые столбы, он хмурил темные брови и озабоченно спрашивал:

— А что, Федор Мироныч, которые из них для забора хороши? Если один больше, другой меньше — это ничего? Можно зарыть поглубже или отпилить, а?

— Можно и зарыть, можно и отпилить, это все в наших руках, — благодушно отвечал Мироныч. — Только и зарыть не просто. Конец нужно обсмолить либо обжечь, не то он будет в земле гнить, а это никому не интересно тоже. Забор ставят не на один год и не на два...

Алеша внимательно слушал и сильными, ловкими руками откатывал в сторону наиболее гладкие и прямые стволы. Тишин помогал ему и украдкой метил эти столбы красным карандашом. Неподалеку от них Елена Александровна вместе с девочками складывала в кучу обрубленные ветки и сучья.

— Это на топку печей пойдет. Ничего не надо бросать, — по-хозяйски распоряжалась она.

Работали бойко до обеда. В обед жена лесника принесла чугуны горячей картошки и соленых огурцов.

Оба Мироныча уселись на бревна, вытащили из мешков хлеб и соль. Леонид Тимофеевич, прикрыв носовым платком голову, присел вместе с ними. Ребята тоже расположились вокруг с горячими картофелинами в руках.

Разговор шел о стройке.

— Своими-то руками все быстрее делается. Вот мы сейчас заготовки сделаем на месте, сколько успеем, а потом еще разок-другой приедем сюда с Миронычем и закончим. А тогда готовенькое и перевезем. Досок, конечно, мы тут не напилем — с этим уж придется лесопилке поклониться, а все прочее пожалуйста... Тут и сосна, тут и береза, и кое-где дуб есть... С делянкой нас не обидели, — рассуждал дедушка Мироныч.

Младший Мироныч при своем словоохотливом товарище, как всегда, помалкивал, перебивая его лишь изредка короткими фразами:

— Что есть, об том и говорить нечего, а чего нет, то доставать нужно.

— А чего тебе не хватает? — подмигивая веселым глазом, спрашивал дед.

— Известно чего — машины. Машины для перевозки. А то дождь пойдет и дорогу нарушит, — бросив взгляд на директора, объяснил Мироныч-младший.

— Машину я достану на днях, — кивал головой директор.

— Машину, товарищ директор, надобно, — это верно. Машину для перевозки требуйте. Докладывайте начальству, что деревья повалены, лежат в лесу... А время не ждет, пора школу к занятиям готовить, — поучал Леонида Тимофеевича старший Мироныч.

Перекусив, снова принялись за работу. К вечеру на вырубленной просеке зажелтели чистые, свежие столбы, выросли горы сваленных в кучу веток. Длинные, прямые сосны, годные для распилки, были приготовлены к перевозке. У ребят ныли плечи и руки, но они старались не показать и виду, что устали.

— Много мы сделали, Леонид Тимофеевич? Сколько из одной сосны выйдет досок? Хватит на починку полов?... — одолевали они вопросами директора.

— У кого есть веревка? Берите все по охапке нарубленных сучьев! — скомандовала Елена Александровна.

— Да не стоит, пожалуй. Они устали, пусть пробегутся, — остановил ее Леонид Тимофеевич.

— Да зачем же с пустыми руками идти! Ведь нас много, сразу сколько дров принесем! — возражала Елена Александровна, связывая для себя охапку дров.

— Конечно! Конечно! Мы не устали! Мы все понемножку возьмем!

Нагрузившись, двинулись в обратный путь. Васек шел со своей бригадой и весело говорил:

— Вот теперь мы опять примемся за свой участок. Столбы уже есть. Как только их привезут, так и возьмемся за работу!

— Нам нужно догнать и перегнать Кудрявцева! Мы — трубачевцы! — с гордостью говорил Витя Матрос и, поглядывая в сторону Алеши, шептал: — А то они хитрые...

— Не шепчи! — строго остановил его Васек. — Что знаешь, говори громко, только старухи шепчутся. Витя не смутился.

— А они все время шепчутся, — сказал он. — Сейчас пойду узнаю о чем.

И, отделившись от Трубачева, незаметно пошел за Кудрявцевым.

— Шесть человек нам надо, понятно? Остальные пусть после обеда выходят, — говорил вполголоса Алеша. Тишин понятливо кивал головой.

— Завтра в семь часов утра будьте на месте! — расслышал еще Витя.

Потом приятели заговорили шепотом. К ним присоединился Петрусин.

Витя бросился к Трубачеву.

— Они что-то затевают! — сказал он, тараща черные глаза. Трубачев засмеялся, любовно обхватил его стриженую голову и потрепал жесткие, торчащие волосы:

— Вот горячий парень! Следопыт!

— Весь в меня! — подмигнул Мазин. Витя зарделся от удовольствия и, щелкнув пальцами, сказал:

— Я их выведу на чистую воду, Трубачев! Все завтра разведу. — И тут же решил про себя: «Сам в семь часов приду на стройку».

А Васек вовсе не думал о кознях Кудрявцева. Он шел среди своих товарищей и передавал им разговор с Еленой Александровной.

— Завтра она к нам на урок придет. Сказала, что Леонид Тимофеевич поручил ей проверить наши знания. Завтра держись крепче, ребята!

— Эх, жизнь! — вспомнил свою любимую поговорку Мазин и, почесав затылок, сказал: — Я так и знал, что от этого печника можно всего ожидать.

АЛЕША КУДРЯВЦЕВ

Тишин провожал Алешу до самого дома. Попрощавшись с приятелем, Кудрявцев прошел через двор к маленькому флигелю. Около дощатого гаража, крытого толем, возился с машиной шофер Егор Иванович. Алеша для чего-то обошел кругом машину, потрогал запасное колесо и задний буфер, заглянул внутрь, измерил на глазок ширину дверцы и спросил:

— Папа дома?

Шофер повернул к нему добродушное лицо с черными точками около носа и кивнул головой на флигель:

— Генерал у себя.

Алеша прошел в дом и через минуту вернулся с двумя щетками, снял куртку и начал старательно чистить.

— Где ж это ты столько пыли набрал? — спросил шофер, глядя, как вокруг Алешиной куртки разлетается облако пыли.

— На работе, — ответил Алеша и принялся смахивать пыль с башмаков.

Почистившись и пригладив волосы, он вошел в большую переднюю и, потянув носом воздух, заглянул в кухню.

Матери дома не было. У плиты возилась старушка — родственница Анна Петровна.

— Где же ты пропадал столько времени? Уже давно отобедали и убрали все, — сказала она.

— Я в кухне поем, не беспокойтесь, — вежливо ответил Алеша, доставая из шкафа тарелку и придвигая табуретку к кухонному столу.

Анна Петровна поставила перед ним обед.

— Папа спрашивал... — тихо шепнула она.

— Я же сказал маме, что пойду на делянку. Мы всей школой ходили в лес валить деревья.

Анна Петровна сразу разволновалась:

— То-то я вижу, что ты за один день на себя не похож стал. Осунулся, и нос на лице, как пуговка, торчит.

Алеша скорчил смешливую гримасу, надул щеки и весело сказал:

— А вот сейчас съем обед и потолстею!

Наскоро проглотив все, что дала ему Анна Петровна, он встал, чмокнул старушку в щеку и направился к отцу. Подойдя к кабинету, одернул курточку, поправил галстук и постучал. Из-за двери послышался тихий голос:

— Прошу.

Алеша остановился на пороге:

— Это я, папа. Можно к тебе?

— А, Алексей!

Генерал повернул к сыну голову. Седые волосы, бронзовый цвет лица и ярко-голубые глаза делали лицо генерала красивым и, несмотря на седину, молодым. При ходьбе он опирался на палку, но высокие, прямые плечи и осанка почти скрадывали его хромоту. Между отцом и сыном было какое-то неуловимое сходство.

Генерал широким жестом указал сыну на диван:

— Извини, пожалуйста! Я сейчас закончу свои дела. Садись!

Алеша присел на кончик дивана. Генерал проверял какие-то счета, подписывал бумаги и неторопливо складывал их в портфель. Потом, убрав портфель со стола в ящик, он повернулся к сыну:

— Ну, как твои дела? Я беспокоился, что тебя долго нет. Что вы там делали на делянке? Директор тоже с вами ходил?

— Все ходили: и директор, и еще одна комсомолка-печник... — начал Алеша.

— А, это молоденькая учительница! Елена Александровна, кажется?

— Учительница? — удивился Алеша. — Да она просто печник! И откуда ты знаешь, что ее зовут Елена Александровна?

— А я познакомился с вашим директором, — улыбнулся отец и как бы вскользь добавил: — Елена Александровна будет у вас руководителем класса.

Алеша вскочил:

— Папа, ты ошибаешься, она же просто печник! Я сам видел, как она клала печи! — Он даже засмеялся: — Ты все перепутал, папа!

— Это ты, я вижу, в чем-то запутался. Тебя смущает, что учительница клала печи. Но одна профессия никогда не мешает другой. Наоборот, каждая профессия обогащает человека новыми знаниями.

— Но с какой стати она будет у нас руководителем класса? — пробормотал Алеша.

Генерал повернулся к сыну и внимательно поглядел ему в глаза.

— Мне кажется, что ты как-то неуважительно говоришь о Елене Александровне! — резко сказал он. — Если бы даже она была только печником, это не дает тебе права говорить о ней в таком пренебрежительном тоне.

Алеша молчал. Перед его глазами встало обиженное и гневное лицо Елены Александровны. «Вы — какой-то печник!» — крикнул он ей тогда...

— Между прочим, — сказал отец, — директор очень хвалил вас. Говорил, что вы все там много работаете. Молодцы! Школу свою восстанавливаете. Приглашал меня заехать, посмотреть. — Генерал осторожно переложил больную ногу и продолжал: — Я очень рад, что ты попал в такой крепкий коллектив... Кстати, там есть пионерский отряд, который в первые дни войны застрял на Украине. Эти пионеры, кажется, вели себя там очень стойко и мужественно, помогали взрослым в борьбе против оккупантов. Позволь, позволь... Директор даже называл мне фамилию пионера, который был командиром в этом отряде... — Генерал потер лоб. — Ах да, вспомнил: Трубачев! Есть у тебя такой товарищ? Он, кажется, из твоего же класса?

— Трубачев у нас есть, но он не в моем классе. Он второгодник, и я с ним не дружу! — резко ответил Алеша вставая и, боясь дальнейших расспросов, поспешно переменял разговор: — Папа, я хотел просить у тебя завтра утром машину. Если, конечно, ты никуда не поедешь.

Генерал задумчиво глядел на сына.

— Я обязательно заеду к вам в школу, — медленно сказал он, как бы отвечая на свои мысли. Потом, заметив, что сын стоит, быстро переспросил: — Машину? А зачем тебе понадобилась машина?

— Мы с ребятами хотим кое-что перевезти. Ты же сам говорил, что я хорошо умею управлять, — заторопился Алеша.

— Управлять машиной ты умеешь, но, для того чтобы ездить по улицам, надо иметь права. И вообще, Алексей... — Генерал снова указал на диван: — Да ты сядь! Мы еще не кончили нашего разговора.

Алеша сел.

— Мне кажется, Алексей, что ты любишь, говоря на вашем языке, хвалиться перед ребятами... И своей, вернее — отцовской, машиной и, может быть, тем, что ты — сын генерала...

Алеша сильно покраснел:

— Папа...

— Подожди. Ты не отрицай сразу. Если мне это только кажется, я охотно возьму свои слова обратно. Во-первых, я вижу, что ты неуважительно относишься к Елене Александровне только потому, что она печник. Во-вторых, все ребята в школе уже знают, что ты — сын генерала. А теперь ты для чего-то просишь машину... Кстати, ты уже брал ее однажды без моего разрешения.

Алеша обиженно молчал.

— Мне кажется твое поведение нескромным, Алексей. Подумай об этом. Если это не так, то я буду очень рад. И если машина нужна для дела, то я попрошу Егора Ивановича уделить тебе время завтра до обеда.

— Машина нужна мне для дела, — не глядя на отца, сказал Алеша.

— Хорошо. Попроси ко мне шофера.

Алеша торопливо вскочил и вышел. Отец постучал пальцами по столу и задумчиво посмотрел в окно.

— Там сын просит что-то такое перевезти для школы, — сказал он вошедшему шоферу. — Вы уж, пожалуйста, помогите ему.

— Есть, товарищ генерал! — недоумевая, ответил Егор Иванович.

«Что можно перевозить на легковой машине? — подумал он про себя. — Книжки, что ли, какие-нибудь?»

Вечером Алеше долго не спалось. Чтобы не беспокоить мать и Анну Петровну, он вышел в кухню, присел на подоконник и глубоко задумался. Разговор с отцом вызвал в нем протест и обиду. Но что-то в этом разговоре вынуждало его подумать наедине с самим собой обо всем, что происходило в его жизни в последнее время,

Конечно, относительно пренебрежительного отношения к Елене Александровне отец был прав. И, хотя Алеша был уверен, что отец ошибся, считая Елену Александровну учительницей, он все-таки чувствовал свою вину.

«Наверно, директор ему про кого-нибудь другого сказал...»

Самым неприятным для Алеши было то, что отец упрекнул его в хвастовстве. Кто мог пожаловаться отцу? Директор? А директору кто? Трубачев? Или Елена Александровна?

Алеша вдруг вспомнил Трубачева и вскипел от злости. Конечно, это он! Тишин давно предупреждал, что Трубачев при каждом удобном случае называет его, Алешу, хвастуном. Правда, Тишину не во всем можно верить, он и Петрусин никогда не будут его настоящими товарищами: они привыкли действовать исподтишка, а Алеша любит прямых и смелых людей.

Перед мальчиком, помимо воли, встало лицо Трубачева с откинутым назад чубом и открытым, смелым взглядом. Сколько раз Алеша украдкой глядел на Трубачева и, забывая об их вражде, чувствовал к нему непобедимую симпатию! Еще тогда, в первую встречу у лесопильного завода, он почувствовал эту симпатию к незнакомому пионеру и даже сразу решил, что пойдет учиться в ту школу, где будет Трубачев. И чем сильнее было это необъяснимое чувство, тем глубже становилась обида. Алеша вспомнил, как в школе Трубачев прошел мимо, заложив руки в карманы, и, снисходительно улыбаясь, сказал:

«Мы здесь хозяева, а Кудрявцев — наш гость!»

Алеша вскочил и сердито зашагал по кухне. В тишине шаги его гулко разнеслись по дому.

Генерал прислушался, отворил дверь в коридор и заглянул в кухню. Потом вернулся к себе и не тушил свет, пока не затихли шаги сына.

Витя Матрос плохо спал эту ночь: сговор Кудрявцева с Тишиным не давал ему покоя. Слова «шесть человек», брошенные вскользь Кудрявцевым, не выходили из головы мальчика.

«Зачем ему нужны были шесть человек? И почему только шесть, а не вся бригада?»

Это казалось Вите подозрительным, а ранний час, назначенный для свидания, окончательно убеждал его в том, что тут дело нечисто.

Витя любил все необычное и даже дома самые простые вещи облачал таинственностью. Если мать просила его выбросить в мусорный ящик битую посуду, то Витя выходил в палисадник вечером, рыл в кустах яму и, складывая туда черепки, представлял себя морским пиратом, зарывающим на пустынном острове драгоценный клад. Иногда его выдумки кончались плохо. В прошлую весну Витя едва не утонул, прыгая по льдинам на Москве-реке.

Сейчас Вите предстояло настоящее дело — разоблачить вероломный заговор Тишина и Кудрявцева.

Без четверти шесть, когда в доме еще все слали, Витя Матрос вышел на улицу. Бескозырка, сильно сдвинутая набок, лихо торчала у него на голове, обнаруживая кончик красного приплюснутого уха. Полосатая тельняшка брата, перешитая заботливыми руками матери, ловко обтягивала мальчишескую грудь, а пояс с надраенной до блеска пряжкой снял на животе золотым якорем.

Пройдя несколько улиц, мальчик приблизился к школе и осторожно заглянул во двор. Там было пусто. Дом с закрытыми дверями и окнами казался безлюдным, ко второму этажу была приставлена лестница, на одной из ступенек болталось привязанное ведро с краской, которое, очевидно, забыли убрать на ночь. Вдоль участка чернели ямы, выкопанные для столбов, возле них белели сложенные штабелями штакеты. Нигде не было ни одного человека.

Витя пригнулся к земле и побежал на участок Кудрявцева.

Он обошел все ямки, приподнял брезент, под которым прятали на ночь лопаты и ящики с инструментами. Взгляд его остановился на старой, разохшейся бочке, перевернутой вверх дном. На этой бочке обычно лежали гвозди и молоток, а во время работы складывалась в кучу лишняя одежда. Витя потрогал ржавые обручи, раздвинул пошире щели между досками. Потом оглянулся, прислушался и полез под бочку.

«Разведка так разведка!» — сказал он себе, устраиваясь в своем тесном помещении и подбирая повыше острые коленки.

Вокруг стояла тишина. Витя прищурил один глаз и, выбрав щель пошире, вместе с бочкой повернулся к улице. По мостовой и тротуару торопливо шагали люди. Изредка с грохотом проезжал грузовик. Время шло... У Вити затекли ноги. Приподняв бочку, он высовывал ноги наружу и, пошевелив ими в траве, втягивал обратно.

Наконец на улице послышались знакомые голоса.

Витя насторожил уши и прильнул к щели. Во двор вошли несколько ребят. О чем-то советуясь, они остановились неподалеку от бочки. В то же время дверь дома хлопнула, и оттуда послышался голос Грозного:

— Что это вы, работнички, раненько поднялись нынче?

— Дело есть, — негромко ответил один из ребят.

Витя узнал голос Тишина и напряг внимание. Во двор вошли еще ребята.

— Сколько всех? — спросил Тишин.

Петрусин пересчитал:

— С нами пять. Кудрявцев будет шестой. Витя от удовольствия щелкнул языком.

— А что будем делать? — спросил один из ребят, облачиваясь на бочку.

— Сейчас узнаешь, — таинственно ответил Тишин. На улице зашумела машина и, круто осадив у двора, остановилась. Из нее выскочил Алеша:

— Все здесь?... Ну, поехали!

У Вити заныло сердце. Теперь уж было ясно, что в этот ранний утренний час задумано какое-то злодейское дело. «Куда они едут? Вернутся ли сюда?»

И, словно отвечая на его мысли, Алеша громко сказал:

— К началу работы мы должны вернуться.

Ребята полезли в машину. Витя Матрос видел в щель озабоченное рябое лицо шофера, выглядывавшего из кабинки, и слышал голос Кудрявцева:

— Да ничего, поместимся как-нибудь. Три человека после шлагбаума слезут. Не беспокойтесь, Егор Иванович!

Едва машина тронулась, как Витя, опрокинув бочку, стрелой вылетел на улицу.

— Влево взяла... — пробормотал он, стоя на мостовой. — Сказали — вернутся. Ладно, подожду.

Витя походил по улице, разминая ноги, потом снова залез в бочку. Он сидел долго, прижавшись лбом к щели и сладко зевая. Двор понемногу оживлялся. Прошли на работу два Мироныча, глубокомысленно о чем-то беседуя. Торопливо пробежали старшие школьники. Поздоровавшись с ними на ходу, ушел по делам директор Леонид Тимофеевич.хлопотливо прибирая что-то с дорожки, заспешила к дому Федосья Григорьевна.

Двор наполнился школьниками. В доме началась работа — застучали молотки, загремели ведра.

В бочке становилось душно. Витя свесил голову в колени и заснул.

ТАИНСТВЕННАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Алеша сел рядом с шофером, остальные как попало набились в машину. Егор Иванович недовольно покачал головой и на каждом углу, косо поглядывая на ребят, хмуро спрашивал:

— Сворачивать или прямо?

— Нам за город нужно, Егор Иванович! По шоссе!

Алеша делал знаки ребятам, чтобы молчали и ни о чем не спрашивали.

— Не знаю, куда вам нужно, а только если бы генерал видел, что вас тут набилося как сельдей в бочке, он бы никак не разрешил такое катанье, — ворчал шофер.

— Так ребята слезут! Как только мы выедем за город, так и слезут! — уверял его Алеша.

— Допустим, слезут, а потом обратно влезут — куда им на шоссе деваться! — соображал вслух шофер.

Таинственность поездки увлекла ребят — они сидели тихо, изредка перешептываясь между собой. Молчание за спиной и вовсе удручало шофера.

— Хоть бы песни пели! Не в крематорий едете, а за город. Где это ты таких молчаливиков набрал? — спрашивал он Алешу.

— Почему — молчаливиков? Они развеселятся скоро. Ребята, давайте споем что-нибудь! — подмигивал товарищам Алеша.

Ребята запели «Катюшу». Шофер оживился, начал подтягивать.

У переезда шлагбаум гостеприимно поднялся, машина перескочила через железнодорожные пути.

— А что, Егор Иванович, здесь, на шоссе, я думаю, милиции нет? — выглянув в окошко, спросил Алеша.

— Новое дело... — подозрительно протянул шофер. — Что это ты милиции испугался?

— Да нет. я не испугался... Я только спрашиваю, что милиция — дежурит на шоссе или нет?

Ребята перестали петь и прислушались.

— Милиция озорников везде видит! — многозначительно сказал шофер и, довольный своим ответом, закурил папироску.

Но Алеша неожиданно подскочил и крикнул над самым его ухом:

— Стоп!

Егор Иванович от неожиданности круто затормозил и окончательно рассердился:

— Ну чего ты кричишь! Я ж думал, по крайней мере, человека переехали!

— Да нет, просто ребятам тут слезть надо, — выскакивая из кабинки, оправдывался Алеша. — И чего вы такой нервный, Егор Иванович? А еще на фронте были!

— Фронт — одно, а тыл — другое! — бросил Егор Иванович, поглядывая, как ребята вываливаются один за другим из машины.

— Выходи два человека. Петрусин, третий, тоже выходи, и ждите нас здесь! — командовал Алеша и, вдруг обратясь к шоферу, вежливо сказал: — И вы выходите, Егор Иванович!

— А я куда? — уставился на него шофер.

— Ну, вот здесь посидите на травке, перекурите немножко, — хитрил Алеша.

— Ишь ты, какой заботливый! — ухмыльнулся Егор Иванович, вылезая из машины и

усаживаясь на траве. — Перекурить это, конечно, можно. А что дальше будем делать?

Алеша, не отвечая, вскочил на его место и тронул машину.

— Мы сейчас вернемся, не беспокойтесь! — крикнул он, давая полный ход.

— Ну, достанется тебе дома! — засмеялся Тишин, глядя из машины на остолебеневшего шофера.

Машина мчалась напрямик к лесу. Рядом с Тишиным сидел мальчик из бригады Кудрявцева, бывший одноклассник Трубачева.

— Что это вы задумали? — спрашивал он, не понимая, куда и зачем они едут.

Тишин стал ему объяснять.

— Столбы перевозить на легковой машине? Да вы с ума сошли!

— Не только столбы — и слегу перевезем! — кричал Алеша.

— Да в городе нас милиция остановит!

— Чудак! Что ж, мы зря около шлагбаума ребят оставили? Мы в городе без машины обойдемся — сами на веревках понесем.

Тишин вытащил спрятанные под сиденьем веревки.

— Да зачем нам на себе столбы тащить? — удивлялся шестиклассник.

— «Зачем, зачем»! — передразнил его Тишин. — Чтобы соревнование выиграть, вот зачем! Пока-то еще Леонид Тимофеевич все столбы перевезет, а у нас уже часть забора будет сделана. Понял?

— Поймай! Это нечестно. Я против Трубачева не пойду! — возмутился бывший одноклассник Васька.

— Как это — не пойду? Ты же в нашей бригаде и соревнуешься с бригадой Трубачева. Значит, все равно идешь против. Мальчик рассердился:

— Соревноваться надо честно. У Кудрявцева есть машина, а у Трубачева нет. На чем он себе привезет?

Тишин прищурился и, похлопав товарища по плечу, сказал:

— Да ладно, поделимся как-нибудь. В крайнем случае, можно будет уступить им на денек машину. В чем дело!

— Если поделимся, то я согласен.

Подъехать к самой деланке не удалось. Оставив Тишина сторожить машину, Кудрявцев с товарищами пошел в лес. Отложенные столбы с красными пометками за ночь отсырели и казались очень тяжелыми. Ребята отобрали четыре столба и четыре слегу. Ловкие и сильные, они обвязали столбы веревками и волоком потащили их к шоссе. Раскрыв обе дверцы, с помощью Тишина втащили столбы в машину. Длинные концы бревен торчали в обе стороны.

— Придется держать дверцы, — сказал Алеша, — чтобы они на ходу не ободрались об эти бревна.

Слегу привязали к заднему буферу так, что они волочились по земле.

Когда ребята усьелись, Алеша вскочил в кабину и тронул машину.

— Эх, ты, разлюли-люли ягода-малина! — лихо крикнул он, давая полный ход.

Слегу, привязанные сзади, заскакали по мостовой.

Егор Иванович в полном расстройстве чувств бежал по дороге навстречу скачущему чудовищу. Он не узнавал своей машины. Она как будто разбухла, лопнула, и во все стороны из нее торчали какие-то бревна; даже сзади, поднимая невероятный шум, волочились за ней толстые палки.

— Да вы что, чудаки или сумасшедшие! — заикаясь, сказал он, когда машина остановилась.

«ЧЕЛОВЕК В БОЧКЕ!»

— Федосья Григорьевна! Мальчики бревна привезли! — взвизгнула Нютка.

Около бочки что-то с грохотом упало на землю. Витя Матрос подскочил и, больно ударившись головой о крепкое дно, проснулся.

На Алешином участке собралась уже вся бригада. Ребята шумно удивлялись, ощупывали столбы и слегу, о чем-то спорили. Из дому вышел младший Мироныч, оглядел материал и, одобрительно крикнув, послал за смолой. Вслед за ним появилась Федосья Григорьевна с младшими школьниками:

— Дети, сейчас у нас будет работа... Мальчики, что вы будете делать? Мы вам поможем.

— Да никакой тут работы для них нет, — нелюбезно откликнулся Петрусин.

— Ну, так мы будем смотреть, как смолят столбы, — заявила Нютка. — Федосья Григорьевна, посмотрим, как смолят столбы.

При виде столбов у Вити зашло сердце: «Опередить нашу бригаду хотят! Так вот куда они ездили! А у нас ни одного столбика нет. Надо бежать к Трубачеву!»

Он уже хотел потихоньку выбраться на волю, как вдруг Тишин уселся на бочку и, постукивая по ней ногами, громко сказал:

— Вот выиграем соревнование и посмотрим тогда, кто хвастун, а кто работник!

Алеша вплотную подошел к бочке.

— А разве Трубачев что-нибудь говорил? — настороженно спросил он.

— Конечно! Он вообще считает тебя лодырем.

— Врешь! — подпрыгнул Витя, опрокидывая бочку и вскакивая на ноги. — Трубачев никогда этого не говорил!

Тишин, свалившись в траву, с испугом смотрел на Матроса. Алеша окинул взглядом обоих и залился звонким смехом.

— Человек в бочке! — не своим голосом заорала Нютка. — Федосья Григорьевна,

человек в бочке!

Витя, перепрыгивая через штакеты, выскочил на улицу и, не разбирая дороги, помчался к Трубачеву.

Но квартира Трубачева оказалась запертой. Около двери стоял белобрысый паренек. Он держал в руках записку и озабоченно оглядывался по сторонам.

— Трубачева Васька знаешь? — спросил он Витю.

— Знаю.

— Окажи услугу, передай ему вот это. Скажи — Андрей Иванович приходил. Только обязательно передай.

Он сунул Вите сложенную вдвое бумажку и ушел. Витя, на всякий случай, крепко постучал пятками в дверь и подождал на крыльце. Потом, что-то сообразив, снова бросился бежать.

ПЕРВАЯ ПРОВЕРКА

Неожиданный приход Елены Александровны взволновал и обрадовал Русакову. Это была помощь, которую она давно ждала. Елена Александровна пришла до урока и, пока собрались ребята, успела уже расспросить Екатерину Алексеевну о том, как шли занятия, сколько осталось пройти по программе и какой предмет наиболее труден ребятам. До прихода своих учеников обе учительницы успели познакомиться и сблизиться.

— Я давно собиралась к Леониду Тимофеевичу, — сказала Екатерина Алексеевна, — да все хотелось побольше пройти с ними.

Проверку начали с арифметики. Петя, как всегда, отвечал хорошо. Мазин, стоя у доски и путаясь в ответах, в конце концов все же решил задачу с простыми дробями. Остальные помогали ему с места. Знания у всех были неровные. Васек, решивший пример с десятичными дробями, не знал признаков делимости на двадцать пять.

Елена Александровна была смущена и встревожена.

— Если Екатерина Алексеевна ничего не имеет против, я возьму на себя арифметику, — сказала она, — но мы будем заниматься ежедневно по два часа.

Екатерина Алексеевна обрадовалась, но, когда стали выяснять часы для занятий, оказалось, что у ребят мало остается времени на приготовление заданных уроков. Васек показал расписание.

Елена Александровна внимательно прочитала его, потом, хмурясь, решительно подчеркнула красным карандашом дежурства в госпитале и работу на стройке.

— В госпиталь мы пошлем сейчас других ребят — пусть они вас сменяют, и с работы по ремонту тоже снимем.

Ребята заволновались.

— В госпиталь послать можно других, но ремонт — это наше кровное дело! — заявил Одинцов.

— У нас соревнование с бригадой шестых! — сказал Васек. — Скоро привезут материал, и мы должны довести дело до конца. Мы взяли на себя обязательство поставить забор, мы не можем отказаться!

— Но когда же вы будете успевать и учиться и работать? У вас мало времени, — убеждала их Елена Александровна.

— Мы все должны успевать. Мы вообще решили, что в нашей жизни не должно быть этих слов: не можем, не успеваем! — твердо сказал Васек, глядя на Екатерину Алексеевну. — Мы лучше меньше будем спать, а успеть должны все, что наметили себе.

— У вас сейчас должна быть одна цель — выдержать экзамен в шестой класс. И это — главная цель. У вас остается один месяц — август. Как быть с вашей работой, я подумаю, — сказала, прощаясь, Елена Александровна.

Ребята были озадачены ее решительным тоном и спорить больше не стали.

— Ого, как она берется! — покрутил головой Мазин.

— Вот тебе и печник! — восхищенно сказал Саша.

— Интересно вышло. — засмеялся Петя, — она пришла как печник, потом вдруг вожатой стала, а теперь учительницей обернулась!

— Нечего ей обертываться! — торжествующе заявила Лида. — Она арифметику как свои

пять пальцев знает. Чуть кто ошибется — сразу видит. Настоящая учительница!

— А что это она насчет экзаменов сказала? Разве мы будем держать экзамены? По-моему, нас просто переведут в шестой класс, если мы пройдем программу, — предположил Петя.

— Я знаю одно: раз Леонид Тимофеевич просил Елену Александровну нам помочь, надо ее во всем слушаться, — сказал Саша.

— А если она не разрешит нам работать на стройке? — забеспокоились ребята.

— Не разрешит так не разрешит, — вмешалась Екатерина Алексеевна. — О чем тут разговаривать! Спасибо Леониду Тимофеевичу, что он направил ее к нам!

Когда ребята вышли на улицу, Мазин заметил на другой стороне Витю и толкнул Трубачева:

— Смотри, Матрос на всех парусах летит!

— Может, что-нибудь случилось? — встревожился Саша.

— Да у Витьки всегда такой взъерошенный вид, будто что-нибудь случилось! — засмеялась Нюра Синицына.

— Эй, Витя! — окликнул Васек.

Матрос оглянулся и, перепрыгнув через канаву, бросился на его голос.

— Трубачев... — сказал он, тяжело дыша, — они привезли столбы!

— Кто — они?

— Кудрявцев с ребятами. По шоссе на генеральской машине везли, а по городу на себе тащили. Они хотят перегнать нас! — Глаза Вити нестерпимо блестели, как будто из них сыпались искры. — Трубачев, пошли нас в лес! — умоляюще добавил он.

Ребята молчали, сраженные неожиданной новостью.

— Если бы мы пошли в лес, — медленно сказал Трубачев, — то принесли бы материал для всех, а не только для своей бригады, потому что стройка — дело общее. Кудрявцев мне не указ! — Он с раздражением закончил: — Я не намерен с него брать пример!

Витя тяжело вздохнул и опустил голову. Никто из ребят не говорил ни слова. Молча дошли до школы.

Во дворе, на Алешином участке, лежали приготовленные столбы. Концы их были густо обмазаны смолой. Неподалеку валялись новенькие слегги. Алеша, окруженный кучкой ребят, о чем-то горячо спорил.

— Нечестные люди! — мрачно сказал Мазин.

— Да-а-а... — тихо откликнулись ребята, отводя глаза от злополучных столбов.

— Генерал не пожалел легкову, — язвительно сказал Саша.

— Интересно, как они везли? На кузове, что ли? — любопытствовал Петя.

Но ему никто не ответил.

От бригады шестого класса неожиданно отделился Тишин и, подойдя к Трубачеву, вежливо сказал:

— Кудрявцев привез столбы и слегги. Он предлагает поделиться с тобой, Трубачев! Можете взять один столб и две слегги!

Тишин нагнул голову набок, стараясь скрыть торжествующую улыбку.

Трубачев смерил его с головы до ног презрительным взглядом.

— Убирайся вон!... — тихо и гневно сказал он, проходя мимо. — Они дают нам то, с чем нельзя начать работу, — один столб! — пояснил он, обернувшись к товарищам.

Когда Тишин вернулся к Кудрявцеву, его окружили ребята, бывшие одноклассники Трубачева.

— Ну как? Что он сказал? Возьмет? — посыпались оживленные вопросы.

Алеша нетерпеливо ждал ответа.

— Отказался, — вытирая ладонью вспотевший лоб, ответил Тишин.

Ребята поглядели на Кудрявцева:

— Что? Мы говорили тебе? На то он и Трубачев, чтобы отказаться!

Леня Белкин, Медведев и Надя Глушкова подошли к Алеше:

— Мы не будем работать!

— Мы тоже! — подхватили другие ребята.

— Мы отказываемся работать, пока не привезут материал для всех! — закричали вокруг.

— Мы не пойдем против Трубачева!

Алеша вскипел:

— Мы честно привезли! Мы через весь город тащили на себе. Они тоже могут себе принести!

— Неправда! Вы везли на машине, вы только по городу несли.

— Ребята, пойдем к Трубачеву! Пусть он сам скажет, работать нам или нет! — кричала Надя Глушкова.

Ребята бросились за Трубачевым. Васек и его товарищи разводили в жестянках краску. Взволнованные шестиклассники подошли к Ваську.

— Вот Белкин и Медведев отказываются работать, девочки — тоже, мы — тоже, — перебивая друг друга, объясняли они.

— Здорово! — не утерпел Мазин.

Но Васек взглянул на товарища и нахмурил брови:

— Черт с ним! Поднимать из-за этого тарарам мы не будем. Все-таки он ваш бригадир, и вы обязаны его слушаться!

— Да, но мы считаем, что он сделал неправильно, — смутилась Надя Глушкова.

— Он предлагал тебе один столб и две слег. Без двух столбов ничего нельзя сделать! — сердито крикнул Леня Белкин.

— Конечно, нельзя! Он себе три столба оставил! Он хитрый!... Это все Тишин вертит! — зашумели вокруг.

— Я все понимаю, — мягко сказал Васек, — но нарушать дисциплину мы не должны. Идите работать! Белкин, восстанови дисциплину!

Ребята медленно отошли. Васек повернулся к своим товарищам.

— Если теперь Елена Александровна скажет нам — бросить работу, то Кудрявцев подумает, что мы трусили, — по-мальчишески обидчиво сказал он.

— Ну, на это никто из нас не согласится. Ни за что! Из кожи вылезем, а не уступим! — прорычал Мазин.

— Теперь во что бы то ни стало нам нужно выиграть соревнование, — упрямо сказал Саша.

— А если Елена Александровна скажет? Ей что, разве она наши дела понимает! — с горечью бросил Одинцов. — Она со своей стороны судит!

— Тогда надо честно объяснить ей, и она все поймет. Давайте скажем! — предложил Сева.

— Трубачев! — снова неожиданно выскочил откуда-то Матрос. — Я к тебе домой заходил. Там какой-то паренек записку тебе передал. Вот она. Я чуть не забыл о ней.

Васек развернул вырванный из блокнота листочек. Писал Андрейка:

«Уважаемый товарищ Васек! Приходи завтра в депо. У нас в обеденный перерыв будет митинг. Приезжий железнодорожник, Герой Советского Союза, расскажет, как идет их работа на фронте. Приходи!

Андрейка».

Васек показал записку товарищам.

— Пойдем завтра все! Давно вам пора с Андрейкой познакомиться. Хороший он парень!

— Пойдем хоть на полчасика. Твой Андрейка молодец! Смотри, на митинг приглашает...

Сознательный парень, обязательно пойдем! — охотно согласились ребята.

— А пока что надо разыскать Елену Александровну. Она говорила — сегодня будем пионерскую комнату устраивать... Витя, — попросил Одинцов, — сбегай наверх, посмотри, где Елена Александровна.

Ребята прошли по коридору. Ремонт нижнего этажа был уже закончен. Чисто вымытый пол застлан газетами, белые двери плотно прикрыты. Дверь в пионерскую комнату была распахнута настежь.

Ребята вошли. На столах лежали сваленные в кучу игры, книги, плакаты. Свежевыбеленные стены были еще пусты.

— Тут тоже еще много работы, — по-хозяйски оглядывая комнату, сказал Трубачев.

— Ничего, как-нибудь разберемся! — успокоил его Мазин.

В УЧИТЕЛЬСКОЙ

Елена Александровна сидела за письменным столом напротив Леонида Тимофеевича и подробно докладывала о своем посещении Русаковой и о проверке знаний ребят. Екатерина Алексеевна произвела на нее очень хорошее впечатление. Волнение, с каким говорила случайная учительница о своих учениках, глубоко трогало Елену Александровну. Но беда Екатерины Алексеевны заключалась в том, что она неумело распределяла учебный материал, и потому знания ребят по арифметике были неровные. Елена Александровна была озабочена и не скрыла своей тревоги от директора.

— Я, конечно, сейчас же начну с ними усиленно заниматься, но остался всего один месяц. Как жаль, что мы раньше не вмешались в это дело!

— Д-да... — задумчиво сказал Леонид Тимофеевич. — Времени мало. За месяц можно только укрепить имеющиеся знания по всем предметам, но вряд ли удастся уже усвоить что-нибудь новое. — Он покачал головой. — Я вообще думаю, что все-таки этим ребятам лучше остаться на второй год.

— На второй год? Это невозможно! — горячо запротестовала Елена Александровна.

— Это в их интересах, — серьезно сказал директор. — Они потеряют год, но приобретут основательные знания. Правда, в нашей школе почти не было второгодников, но это случай исключительный, и мне самому прискорбно оставлять их на второй год, тем более что все эти ребята — отличники. Такие пики-козыри, как Мазин и Русаков, были очень неустойчивы в четвертом классе, но при новом учителе, Сергее Николаевиче, они выровнялись и хорошо закончили учебный год. Этим ребятам помешала учиться война. Что ж поделаешь? — развел руками Леонид Тимофеевич. — Я советую вам денька два еще походить к ним, хорошенько проверить их знания по всем предметам, и, если окажется возможным, пусть держат экзамены, а если нет, подготовьте их к тому, что они останутся в пятом классе.

— А если перевести их в шестой класс условно? Ведь в первую четверть мы всегда проверяем пройденное! — попробовала возразить Елена Александровна.

Но Леонид Тимофеевич сделал отрицательное движение:

— Я не сторонник этого. Либо они должны держать экзамен, либо они просто остаются на второй год. В общем, постарайтесь точнее выяснить степень их подготовки, и все станет ясно. — Леонид Тимофеевич посмотрел на встревоженное лицо Елены Александровны и мягко улыбнулся.

«Камень, а не человек! — с горечью подумала Елена Александровна. — Но я сделаю все, что могу, я не допущу, чтобы они остались. Он не понимает, какой это удар для ребят, особенно для таких, как Трубачев!»

Директор как бы прочел ее мысли:

— Конечно, будет очень жаль, если так случится, но еще больше будет жаль, если из отличников эти ребята станут последними учениками в классе.

— Они нигде не будут последними! — решительно сказала Елена Александровна. — Я ручаюсь за это.

Директор не успел возразить. Кто-то осторожно постучал в дверь, и в щель просунулась голова Вити Матроса. Леонид Тимофеевич вдруг громко расхохотался:

— А, человек в бочке! Входи, входи! Расскажи-ка нам, зачем ты туда залез?

Происшествие с бочкой знали уже все. Елена Александровна тоже улыбнулась.

— Кстати, что там такое получилось у вас с Кудрявцевым? — живо спросила она.

Витя начал рассказывать. Глаза его сверкали от негодования, когда он дошел до того места, где Тишин предложил Трубачеву один столб и две слег.

— Один столб и две слег! Это в насмешку! К чему эти слег прибавать? Это все со зла на Трубачева!

Директор и Елена Александровна переглянулись, а Витя с торжеством рассказал дальше, как все шестиклассники отказались работать и прибежали к Трубачеву, а Трубачев...

Здесь Витя неодобрительно шмыгнул носом и махнул рукой.

— Ну и что же Трубачев? — спросили одновременно Елена Александровна и директор.

Витя глубоко вздохнул:

— Послал их работать. «Черт с ним, говорит, нельзя нарушать дисциплину и надо, слушаться своего бригадира».

Директор весело потер руки:

— Хорошо, очень хорошо!... Ну, ступай, Витя, и скажи ребятам, что завтра весь материал будет здесь. Понял?

Витя радостно кивнул головой и исчез за дверью.

Елену Александровну вдруг охватил азарт.

— Леонид Тимофеевич, обязательно пошлите завтра за материалом. Нельзя терять ни одного дня! Пожалуйста, завтра же! — горячо сказала она.

Директор засмеялся:

— Вы тоже хотите выиграть соревнование?

— Хочу! Я — за Трубачева, — совсем как школьница, сказала Елена Александровна.

Директор кивнул головой:

— Завтра материал будет здесь. Я уже договорился с двумя Миронычами. Они поедут с утра. А кстати, знаете, кто достает лесовоз? — вдруг оживленно спросил он. — Генерал Кудрявцев. Пресимпатичнейший человек! Отец вот этого самого Алеши. Я с ним познакомился у секретаря райкома.

— Такой хороший человек отец — и такой сын! — покачала головой Елена Александровна.

Леонид Тимофеевич взял ее за руку:

— Голубчик, у вас неверное представление о ребятах. К нам не приходят ангелы — к нам приходят настоящие, живые дети со всеми их недостатками. Научитесь их любить такими, какие они есть. Что собой представляет Алеша? Хвастунишка, задористый паренек, честолюбивый, при этом круглый отличник, хороший работник и даже, я так думаю, неплохой товарищ. Тишин — это другое дело... — Леонид Тимофеевич стал очень серьезен. — Вот на Тишина нам придется обратить особое внимание — это мальчик очень трудный, воспитание его запущено. Нам предстоит большая борьба, прежде чем мы сделаем из него человека.

— А Петрусин? — напомнила Елена Александровна.

— Ну, Петрусин — это просто подпевала. С ним справиться будет легче. — Директор снова оживился: — Вы думаете, что Кудрявцев дорожит этими двумя приятелями? Нисколько! Они нужны ему сейчас для поддержки в борьбе против Трубачева, и я уверен, что это дружба случайная. Алеша стыдится этих товарищей, не верит им, в душе презирает их.

Елена Александровна недоверчиво улыбнулась:

— А кого он не презирает? Кого он ставит выше себя или хотя бы наравне с собой?

— Трубачева! — неожиданно ответил Леонид Тимофеевич и, круто повернувшись к

Елене Александровне, повторил: — Трубачева! Выше себя, выше всех ребят! Выступая противником Трубачева, Алеша искренне уважает его и даже, может быть, не отдавая себе самому отчета, мечтает о дружбе с ним. Кудрявцев восхищен Трубачевым!

Елена Александровна широко открыла глаза и не нашлась что ответить.

ПИОНЕРСКАЯ КОМНАТА

Едва успел Витя сообщить ребятам, что сказал директор, как в комнату вошла Елена Александровна.

— Завтра поедут за материалом, — сказала она, присаживаясь на диван. — Я хотела просить директора передать кому-нибудь другому ваш рабочий участок, но я понимаю, что сейчас вам трудно отказаться от соревнования. Придется пока освободить часы для учебы только за счет работы в госпитале. Я назначу за вас других ребят. Это уладится. А насчет занятий я говорила с Леонидом Тимофеевичем. Он больше склоняется к тому, чтобы вы остались на второй год.

— На второй год? Мы?... — Васек вскочил и в волнении остановился перед Еленой Александровной. — Леонид Тимофеевич так сказал?

— Ни в каком случае!

— Мы не останемся!

— Мы не будем позориться на всю школу! — шумно заговорили ребята.

— Выслушайте меня, — серьезно сказала Елена Александровна. — Остался один месяц. Мы приложим все усилия, чтобы вы могли перейти в шестой класс. Но, если это окажется невозможным, тогда надо иметь мужество спокойно согласиться с директором...

— Никогда! — прервал ее Васек.

— Никогда мы не согласимся быть второгодниками! — повторили за ним ребята. — Мы будем заниматься ночи напролет!

— Я, конечно, всемерно помогу вам, — сказала Елена Александровна. — Я проверю вас по всем предметам, и через несколько дней станет ясно, можете вы перейти в шестой класс или нет. Вопрос этот будет решать директор, — твердо добавила она, теряясь перед бурным протестом.

Ребята замолчали. Говорить больше было не о чем.

Елена Александровна подошла к столу, развернула карту.

— Я думаю, вот здесь, около окна, у нас будут портреты героев, — как ни в чем не бывало сказала она. — Дайте мне молоток.

Ребята принялись за работу.

Комната с праздничным названием «Пионерская» всегда была самым любимым местом школьников.

Украшая ее, ребята немного отвлеклись от тревоги, вызванной разговором с Еленой Александровной. Их радовали любимые игры, стол, покрытый красным сукном, цветные плакаты, большая, во всю стену, карта.

— Вот здесь у нас будет место для стенгазеты. Сева, ты нарисовал бы заголовок к первому сентября, пора уже готовиться! — говорила Лида Зорина.

Мальчики помогали Елене Александровне.

В разгар работы вошел Леонид Тимофеевич с матерью Нюры Синицыной.

— Мама!... — вспыхнув, шепнула Нюра.

— Вот, познакомьтесь! Мария Ивановна обещала нам помочь в убранстве комнат. Они вдвоем с Федосьей Григорьевной что-нибудь придумают для уюта — может быть, занавески на окна. А вы небось и не догадались, что занавески нужны? — подмигнул ребятам Леонид

Тимофеевич.

— Можно из кисеи что-нибудь сделать, если у вас есть кисея, — смущенно сказала Сеницына.

Елена Александровна приветливо протянула ей руку:

— Кисея есть, я сейчас принесу. Садитесь! У нас кисеи много, можно и в большом зале повесить — все-таки будет уютнее!

Она поспешно вышла. Сеницына села. Ребята от удивления словно приросли к полу.

— Нюра, — как ни в чем не бывало сказал Леонид Тимофеевич, — представь маме своих товарищей. Мария Ивановна давно их не видела, забыла уже, наверно, какими они были в прошлом году.

Нюра испуганно поглядела на ребят.

— Трубачев... Васек... — дрожащим голосом начала она, Васек знал неприязненное отношение Нюриной матери к нему самому и к его товарищам, но из глубокого СОЧУВСТВИЯ к подруге с необычайной торопливостью подошел к Сеницыной и низко поклонился. Мария Ивановна подозрительно оглядела его со всех сторон и протянула руку.

— Вырос... большой стал... — наугад сказала она, стараясь быть любезной.

Товарищи подходили один за другим, кланяясь, смущенно улыбались. Мазин тоже поклонился и, усмехнувшись, громко сказал:

— Мы неплохие ребята, в общем...

Леонид Тимофеевич, наблюдавший эту сцену, весело расхохотался. Мария Ивановна тоже засмеялась — страх перед «компанией» ее дочери невольно рассеялся, и, привлекая к себе Лиду Зорину, она даже сказала:

— Что же ты к моей Нюре не приходишь? Приходи, когда свободна.

Вместе с Еленой Александровной в комнату вошла Федосья Григорьевна, оставив за дверью кучку младших ребят.

— Нельзя туда — учительница не позволила! — громким шепотом уговаривала своих сверстниц Нютка.

Елена Александровна положила на стол большие куски белой кисеи. Федосья Григорьевна захлопотала:

— Мария Ивановна, давайте отмерим сразу на все окна и примемся за работу.

— Я думаю, может, покрасим раньше в разные цвета? Можно в желтый, в светло-зеленый, — предложила Сеницына.

— А для пионерской комнаты сделаем флажки, — подхватила Федосья Григорьевна и, собрав со стола ворох кисеи, пригласила: — Пойдемте во двор, там у нас есть скамеечка и столик, сядем уютно. Пойдемте, пойдемте!

Мария Ивановна пошла за учительницей младших классов.

— Дети, дети, идите все за мной, я несу вам работу! Чудесную работу! — слышался в коридоре сочный голос Федосьи Григорьевны.

Елена Александровна заметила взгляд директора и улыбнулась. Ей вспомнилось первое посещение школы Сеницыной.

Нюра, счастливая, что все обошлось благополучно, шепотом говорила Лиде:

— Ой, как я испугалась! Я только на вас и надеялась. Ведь ты знаешь, мама не сама пришла — ее давно уже Леонид Тимофеевич звал.

Ребята снова принялись за дело. Со двора начали появляться школьники других классов. Все знали, что сегодня будут убирать пионерскую комнату. Некоторые принесли из дому плакаты, открытки, портреты.

Леонид Тимофеевич подзвал Ваську и указал ему скромное местечко в уголке, над

круглым столиком.

— Ну, я думаю, здесь можно поместить и нашу семейную фотографию, — пошутил он. — Пойдем-ка со мной, Трубачев!

Васек, ничего не понимая, побежал за директором в учительскую.

Вынув из портфеля фотографию, где была снята группа учителей, Леонид Тимофеевич показал ее мальчику. Васек пробежал глазами по знакомым лицам и замер от счастья, увидев Сергея Николаевича и рядом с ним Митю.

Леонид Тимофеевич знал от ребят, что Митя был опасно ранен, и, не надеясь на его выздоровление, не хотел раньше показывать найденную среди школьного имущества фотографию, чтобы лишний раз не напоминать ребятам о постигшем их горе.

Теперь Митя выздоравливал, и Леонид Тимофеевич решил передать фотографию в пионерскую комнату.

Васек долго смотрел на Митю, на учителя, потом с волнением спросил:

— А что, Леонид Тимофеевич, ничего не слышно о нашем Сергее Николаевиче?

Ребята часто задавали этот вопрос своему директору, но судьба учителя была неизвестна, и, как всегда, Леонид Тимофеевич грустно ответил:

— Нет, Трубачев, не слышно. — И тут же, чтобы отвлечь мальчика, заторопил его: — Ну, беги вниз, приготовь там местечко, а я сейчас принесу фотографию. Да не говори ничего ребятам, пусть это будет для них сюрпризом.

— Вытрите столик хорошенько и ничего тут не вешайте! Это место занято! — вбегая в пионерскую комнату, крикнул товарищам Васек.

Леонида Тимофеевича не было долго.

— Сейчас он принесет... Сейчас принесет что-то. Тогда увидите что, — повторял Васек, поминутно выглядывая в коридор.

Волнение его заразило ребят. Они толпились около двери, перешептывались между собой, строили всевозможные догадки.

— Сами увидите, сами увидите... — повторял Васек.

Елена Александровна, заинтересованная нетерпеливым ожиданием ребят, пошла навстречу директору.

— Что вы им обещали? — спросила она в коридоре, с любопытством глядя на большую фотографию, обернутую в папиросную бумагу.

— Любимого учителя и любимого вожатого, — улыбнулся директор.

Он открыл дверь в пионерскую комнату. Там стояла напряженная тишина.

— Вот вам мой подарок, — сказал Леонид Тимофеевич, медленно разворачивая фотографию и поднимая ее вверх.

Глаза ребят с жадным интересом остановились на фотографии. В наступившей тишине раздался удивленный и радостный возглас Лиды:

— Сергей Николаевич! Митя!... Ребята, Сергей Николаевич!

Вокруг директора все зашумело, задвигалось. Ребята, налегая на плечи товарищей, тянулись к фотографии.

— Вот они — Сергей Николаевич, Митя! — радостно и возбужденно кричали ребята, указывая друг другу на знакомые, дорогие лица.

На снимке Митя скромно стоял за стулом учителя, как бы уступая ему главное место.

— Сергей Николаевич... Сергей Николаевич!... — с нежностью и тревогой повторяли ребята.

Елена Александровна стояла в сторонке. Глаза у нее были большие, удивленные, как будто она хотела о чем-то спросить и не решалась.

— Это наш учитель... — объясняя ей общее волнение, сказал Васек.
Она молча поспешно кивнула головой и начала что-то прибирать на столе.

* * *

Когда Леонид Тимофеевич и Елена Александровна вышли, ребята, толпясь около фотографии, заговорили шепотом.

— Бедный Сергей Николаевич... — вглядываясь в лицо учителя, сказал вдруг Леня Белкин. — Здесь он такой спокойный на снимке, даже не предчувствует, какое горе на него свалится... Ведь вы еще не знаете всего, что здесь было! — с жаром добавил Леня. — Мы когда приехали, нас родители на вокзале встретили. А некоторые тут же начали обвинять учителя, что он с нами уехал, а остальных ребят с Митей оставил.

Товарищи с испугом глядели на Леню.

— Обвиняли? — задыхаясь от волнения, спросила Лида.

— Как же это... — растерянно прошептал Саша.

Васек круто повернулся к Белкину и схватил его за плечо:

— И вы молчали? Вы не рассказали, как все было?

— Еще бы! — вырываясь от него, крикнул Белкин. — Мы начали говорить, девочки плакали...

— Сергей Николаевич сказал тогда, чтобы мы не вмешивались в дела взрослых... — всхлипнув, пробормотала Надя.

— Как же так? Ведь он достал машину, всех посадил. Я сама слышала, как он просил Митю ехать вперед... Он хотел как лучше сделать! За что же они его обвиняли? — с горящими щеками спрашивала Лида.

— Ой, как обидно ему!... — прошептала Нюра.

Мазин молчал, тяжело дыша и с ненавистью глядя в лицо Белкина, как будто Леня, передавая такое известие, был тоже в чем-то виноват.

— В чем они его обвиняли? — строго спросил Одинцов.

— Ну, вообще... Зачем он на пасеку поехал, зачем своего отца повез...

— Он поехал на пасеку за Матвеичем. Мы на сборе его об этом просили!

— Значит, он не мог заодно отвезти своего отца, да? А нас учат, чтобы мы вообще к старикам чутко относились, а ему нельзя, да? — наступая на Леню, кричала Нюра. — И еще говорили, что оставили нас с Митей одних! А мы всю жизнь в лагерях ходили в поход с одним вожатым и ночевали в лесу без всяких учителей!

— Да я им все говорил! — оправдывался Леня. — Мы когда на вокзал приехали в Жуковку, сколько там народу было! Сергей Николаевич с начальником станции договорился, чтобы, как только вы с Митей приедете, он всех посадил в вагоны. Кто знал, что в ту же ночь фашисты разобьют вокзал!

— А кто знал вообще, что будет война? — складывая на груди руки, прошептала Лида. — Кто знал?

— Сергей Николаевич почти всех ребят взял. Что он мог еще сделать? — гневно бросил в лицо Белкину Одинцов. Леня, притиснутый к стене, со слезами закричал:

— Да что вы все мне это говорите? На меня напали! Будто я в чем виноват! А я, так же как вы, защищал Сергея Николаевича, мы все защищали, пока он сам не приказал нам молчать.

Ребята опомнились.

— Оставьте его, что вы, на самом деле! — вступилась Лида.

Ребята бросились к Белкину. Тот тихо плакал, прижавшись к стене.

— Леня, мы не на тебя — мы просто не можем этого перенести! Леня, не плачь!... — утешали его товарищи.

— Я и тогда плакал, когда сказали, что он вас оставил... А вы на меня напали... — рыдал Леня.

— Нехорошо, правда, ребята, с вашей стороны... — расплакалась и Надя Глушкова.

Васек, оскорбленный до глубины души за любимого учителя, думая о чем-то своем, медленно сказал:

— Он всегда был с нами, он нигде и никогда не оставлял нас... Он был у меня перед глазами в лесу в ту ночь, когда мы не знали, куда идти... Мы всегда крепились, потому что помнили его... — Он глубоко вздохнул и поглядел на ребят. Горькая улыбка тронула его губы. — И теперь мы будем его еще больше любить... Ребята знают правду о своем учителе!...

Все замолчали. С фотографии как живой смотрел Сергей Николаевич.

— Как несправедливо нападают люди! Даже не подумают хорошенько, не поставят себя на место другого, — с грустью сказал Сева.

Мазин вдруг сорвался с места:

— Эх, Сашка, а ты еще собираешься быть учителем! Да ведь учителя все прямо на части рвут! Чего сами не могут, так от учителя требуют. И чуть что — он же виноват во всем. Если бы Сергей Николаевич Митю послал с ребятами, а сам остался, сказали бы, что он весь класс на вожатого свалил, а сам выбрал только семь крепких ребят... Мало ли чего нашлось бы сказать!... Нет, Сашка, ребята лучше всех понимают своего учителя. Вот в прошлом году был у нас сбор, так я его до сих пор помню. И то слово, что дал Сергею Николаевичу, сдержу. Я еще докажу ему, какой я товарищ! — возбужденно закончил Мазин.

— Ты уже доказал, Мазин!... Ты сдержал слово, Коля! — горячо заговорили вокруг.

— И еще докажу! Я не на один раз слово давал — я теперь всю жизнь с этим словом буду жить! — Мазин стукнул кулаком по столу и замолчал.

В комнате стало тихо.

Потом Саша сказал:

— Я, конечно, все равно буду учителем. Я не испугаюсь никаких трудностей. Если только ребята меня будут любить... Как вы думаете, будут?

Товарищи посмотрели на Булгакова внимательными, как бы проверяющими глазами. Под этими взглядами Саша выпрямился, машинально пригладил на своей круглой голове отросшие волосы и, шире раскрыв серьезные черные глаза, не мигая уставился на ребят. Будут или не будут его любить будущие ученики — для Саши был вопрос жизни.

— Будут! — сказал наконец Одинцов.

— Будут, будут! — уверенно повторили за ним товарищи.

— Только ты держись с ними строго, как Сергей Николаевич. Не распускай, понятно? И если уж сказал нужное слово, то так, чтобы оно навеки запомнилось. Ну, а если пошутил или улыбнулся, так тоже чтобы у всех рот до ушей. Понятно? — советовал товарищу Мазин, как будто Саша Булгаков был уже учителем и сейчас ему предстояло впервые отправиться в класс к своим ученикам. — Добряков не любят! Понятно?

— А разве я добряк? — испугался Саша.

— Ты, конечно, добрый, но не добряк, — успокоили его товарищи.

— И потом, ты сейчас упрямый, а когда постепенно воспитаешься, у тебя упрямство перейдет в настойчивость, — объяснил Малютин.

— Одним словом, ты старайся во всем походить на Сергея Николаевича, — с глубоким убеждением добавил Васек.

* * *

Домой Васек шел с Витей. Матрос давно искал случая поговорить с Трубачевым наедине, но Васек был очень занят и только изредка бегло спрашивал: «Нет писем от брата?» Писем не было.

Мечта, связавшая когда-то двух товарищей светлой тайной, продолжала жить в душе каждого, но говорить о ней в горячей спешке работы не хотелось. Сейчас тоже было не до того.

И все-таки, когда Витя вдруг спросил: «Ты не передумал, Трубачев?» — Васек хорошо понял, о чем он говорит, и, улыбнувшись, ответил:

— Нет, конечно. Я только не говорю об этом и даже думать мне некогда, а когда закрою глаза, так и вижу море. И нас с тобою на корабле. Может, еще кто-нибудь из наших пойдет в моряки? Только они еще ничего не знают и моря никогда не видели.

Витя вытащил из-за пазухи книжку:

— Вот, почитай, Трубачев. — хороший писатель пишет. Новиков-Прибой. Все у него о море правильно.

Васек взял книжку, перелистал страницы и с сожалением вернул ее Вите:

— Нельзя мне сейчас читать — у меня уроков много. Ведь от нее не оторвешься, если начнешь. Ты побереги, ладно? Потом мне дашь.

Витя обещал. Прощаясь, Васек с чувством сказал:

— До свиданья, братишка!

— До свиданья, моряк! — с гордостью ответил Витя.

ДНЕВНИК ОДИНЦОВА

Поручение товарищей закончить дневник Коля Одинцов принял с радостью. Каждый вечер, сделав уроки, он допоздна сидел над своей клеенчатой тетрадью, то погружаясь в воспоминания, то торопливо записывая события. Коля перечитал все старые записи, дополнил их, некоторые переписал заново. Вызывая в памяти тяжелые картины недавнего прошлого, Коля Одинцов волновался, вскакивал, ходил по комнате или, забывшись, глядел перед собой, ничего не видя вокруг. Маленькая керосиновая лампа начинала мигать, огонек ее суживался. Бабушка беспокоилась:

— Да что ж это ты все пишешь, Коленька? Уж и лампа тухнет у тебя... Что это за уроки такие? — спрашивала она внука, наклоняясь над столом.

Коля поспешно убирал тетрадку:

— Да это так, бабушка, — одну работу мне поручил отряд, кое-что записать надо.

— Да зачем же это по ночам сидеть! Ложись, голубчик! Уж очень ты нагрузился нынче работой. Эдак никакое здоровье не выдержит.

— Выдержит! — весело уверял Коля.

Однажды, по старой детской привычке, припав головой к бабушкиной груди и обхватив обеими руками ее сухонькие плечи, Коля вспомнил, как, рыдая, шел он по хате вместе с бабой Ивгой, уткнувшись головой в ее кофту. Воспоминание было так ярко, что ему даже послышался где-то рядом певучий голос бабы Ивги: «Не плачь, не плачь, мое дитятко...»

Одинцов бросился к столу и схватил дневник. Перо его быстро забегало по бумаге. За плечом, низко склонившись над головой внука, бабушка с трудом разобрала несколько слов:

«Баба Ивга была нам как мать...»

Бабушка пошла за очками, но Коля спрятал тетрадку в стол и лег спать.

На другой день старушка ходила по комнате расстроенная, а вечером Коля застал ее за своим письменным столом. Часто сморкаясь в мокрый платочек и сдвинув на нос закапанные слезами очки, она читала его дневник.

— Бабушка! — бросился к ней Коля. — Ну что ты делаешь?

— Плачу... — жалобно сказала старушка, устремляя на внука голубые выцветшие глаза с красными ободками век. — Плачу, Коленька... Ничего ты мне такого не рассказывал, что на Украине было, а сейчас вот и узнала я... Садись, голубчик, что дальше-то хоть было — пиши! Пиши, пиши! — поспешно придвигая к Коле тетрадку, усаживала его за стол бабушка. — Может, еще спасется он, дед Михайло-то, а?

Коля расстроенно махал рукой:

— Ну кто тебя просил читать! Вечно ты, бабушка, что-то придумаешь...

Но бабушка уже возилась в кухне, разогревая Коле ужин. Маленькая, согнувшаяся под бременем лет, она стояла над плитой и плакала горькими, безутешными слезами.

— Батюшки мои, и чего же это весь мир такое злодеяние допускает! Поднялись бы все люди из конца в конец, изничтожили бы фашистов этих начисто! И уродятся же на земле этакие палачи злодейские!... — доносился до Коли ее гневный старческий шепот.

С тех пор каждый вечер, приходя домой, Коля заставлял бабушку в слезах. Отнять у нее дневник не было никакой возможности, и Одинцов торопился скорее закончить его, чтобы отнести в школу.

— Читает — и все, — жаловался он товарищам. — А спрячешь подальше — обижается!

Сегодня, вернувшись пораньше, Коля просидел до глубокой ночи, записывая последние события. Спрятав дневник под подушку, он лег, решив завтра же передать его в школу.

Проснулся он на рассвете. Бабушкина постель была пуста. Старушка спала в кресле, подперев рукой голову. На морщинистых щеках ее виднелись следы слез.

Колин дневник вместе с очками лежал на коленях.

«Прочитала!» — подумал Коля и, отвернувшись к стене, закрыл глаза.

Утром, еще до занятий, он сбегал в школу и положил дневник в пионерской комнате на круглый столик, под фотографией учителя.

На занятиях у Екатерины Алексеевны он сказал Трубачеву:

— Я дневник отнес. Вечером, может, возьмешь домой, проверишь?

— Все вместе как-нибудь соберемся и почитаем! — ответил Васек. — Пусть пока полежит там. Ты ведь всю правду писал?

— Конечно! — даже обиделся Коля.

— Не обижайся, я для формы спрашиваю, — улыбнулся Васек.

ПОСЛЕ ОКОНЧАТЕЛЬНОЙ ПРОВЕРКИ

Елена Александровна закончила проверку знаний ребят по всем предметам со смешанным чувством надежды и тревоги. Изложение и диктант по-настоящему порадовали ее. История, география, ботаника были усвоены тоже неплохо. За месяц Екатерина Алексеевна вполне могла успеть закрепить знания ребят по этим предметам. Сильное беспокойство по-прежнему вызывала арифметика.

Елена Александровна подробно обрисовала директору истинное положение вещей.

— И все-таки, — добавила она, — мне кажется, что, если б я сама занималась с ними ежедневно по два часа арифметикой, а Екатерина Алексеевна — остальными предметами, мы вместе успели бы их подготовить.

Директор взволнованно зашагал по комнате:

— Позвольте! Получается такая картина: по арифметике они слабы и по остальным предметам тоже не совсем готовы. Лето у них было без отдыха. Я категорически против такой перегрузки. И не советую вам поддерживать в этих ребятах ложные надежды. Лучше постарайтесь убедить их, что нет ничего страшного в том, что они останутся в пятом классе.

Леонид Тимофеевич остановился и, взглянув на крепко сжатые губы, Елены Александровны, махнул рукой:

— Пришлите их ко мне, я поговорю с ними сам.

Елена Александровна молча вышла из комнаты.

За те два урока, которые провела Елена Александровна, проверяя знания ребят, Трубачев и его товарищи сразу почувствовали в ней настоящую учительницу. Ни одна минута у Елены Александровны не пропадала даром, ни на один миг внимание ее не отвлекалось в сторону; на каждой ошибке она останавливалась и тут же на месте разбирала ее сообща с ребятами, закрепляя в их памяти правильный ответ. Молодая учительница вносила горячий азарт во все, что она делала, и своей горячностью увлекала за собой учеников.

— Здорово учит! — с восхищением говорил Мазин. — Прямо как гвозди в голову вбивает! Стукнет по шляпке — и навеки! Зубами не вытащишь!

Ребята повеселели, подбодрились, ловили каждое слово новой учительницы, с благодарностью глядели ей в глаза.

— Я только после ее проверки понял, что мы знаем и чего не знаем, — серьезно говорил Саша.

— Спасибо Екатерине Алексеевне — она нас хоть по другим предметам подогнала, — заметила Нюра.

— И Анатолию Александровичу спасибо, и Косте. Эх, Костя!... — вздохнул Одинцов. — Какой он хороший был, правда? Говорят, под Ленинградом воюет. Витька Матрос в райкоме комсомола разузнал.

— А что ж он нам-то не пишет? Забыл, верно, нас! — взгрустнула Лида.

— Нет, он не такой, чтобы забыть, только не до нас ему теперь, — возразил Сева. — Он на передовой, верно.

— Костя с нами до последнего дня занимался, — с благодарностью вспоминал Васек. — Географию мы все-таки хорошо знаем!

— История и ботаника у нас тоже ничего! — похвалился Петя.

— Подождите вы радоваться! — остановила Лида. — Может, Елена Александровна еще откажется с нами заниматься.

Ребята и не предполагали, что у их новой учительницы уже был разговор с директором. Ребята еще надеялись.

Сегодня, закончив к обеду занятия, Васек напомнил товарищам, что их звал Андрейка. Девочки — Нюра и Лида — не могли идти в депо. В этот день они решили навестить Егора Ивановича и Васю. В госпитале уже несколько дней никто не был. Там теперь работали другие школьники вместе с Белкиным и Надей Глушковой.

— Егор Иванович и Вася скучают — наверно, думают, что мы их совсем бросили, — расстраивались девочки.

Ребята передали с ними горячие приветы и пошли в депо.

НА МИТИНГЕ

— Нам по расписанию полагается только обеденный час, а там на стройку надо бежать. Сегодня материал привезут, — предупредил Васек, шагая вместе с товарищами по знакомой Вокзальной улице.

Заговорили о Кудрявцеве.

— Я против него зла не имею, — сказал Васек. — Мне только жалко, что такой парень — и сдружился с Тишиным!

— Тишина тоже никуда не денешь. Если будем в шестом классе, придется это добро на ум-разум наставлять, а то он на всю школу наш класс осрамит, — вздохнул Одинцов.

— Там разберемся... — многообещающе проворчал Мазин. Но никто не засмеялся.

— И откуда у человека такое зло берется? Ведь вот Андрейка. Один растет, без родителей, и сам себя воспитывает. А у другого и родители есть — и все равно он плохой, — задумчиво сказал Саша.

— Андрейка не один, — возразил Васек. — Вокруг Андрейки хорошие люди — рабочие из депо. И еще в городе какие-то земляки у него... Вот посмотрите сейчас на моего Андрейку, сразу скажете — настоящий человек!

— А не застесняется он, что нас много? — спросил Сева. — Может, неудобно всем идти?

— Ну, «застесняется»! Простой парень, товарищ. Он рад будет!

Мальчики незаметно за разговором подошли к знакомому пригорку и расположились на глинистой насыпи, покрытой редкой колючей травой.

— Вот здесь я всегда сижу, а он завидит меня и бежит.

Около депо былолюдно. Там толпились железнодорожники; сходились кучками, оживленно беседовали.

— Митинг у них, — вспомнил Васек и забеспокоился: Может, не придет Андрейка?

— Придет — сам позвал! — успокаивали его ребята.

Они с интересом разглядывали стоящие на путях паровозы, большие решетчатые окна мастерских, рабочих, одетых в железнодорожную форму. Одинцов и Саша стали вспоминать, как однажды им пришлось прыгать на ходу из товарного вагона.

Васек слушал и рассеянно улыбался. Какая-то неясная тревога сжимала его сердце. Он уже хотел сказать об этом товарищам, как вдруг увидел Андрейку. Нахлобучив на белобрысую голову шапчонку, тот куда-то торопливо пробирался между взрослыми.

— Андрейка! — крикнул Васек.

Андрейка вскинул голову, остановился, узнал товарища и, сокращая себе путь, нырнул под вагоны. Через секунду он вылез под самой насыпью и, что-то крича, замахал рукой. Васек побежал к нему навстречу.

Андрейка чуть не столкнулся с ним, схватил его за руку и потащил за собой:

— Железнодорожник у нас с фронта, рассказывать будет! Идем скорей!

Васек, растерявшись, не успел ничего сказать товарищам.

Митинг уже начался.

Высокий человек в шинели стоял около вынесенного из мастерской стола и, подняв руку, старался восстановить тишину. Громкие аплодисменты не давали ему начать свою речь.

Васек не помнил, как они с Андрейкой очутились в самой гуще толпы. Он слышал

только, как, протискиваясь, Андрейка громко говорил:

— Пропустите, граждане, сына Павла Васильевича! Пропустите сына Трубачева!

Старый мастер ласково кивнул головой Ваську и, притянув его к себе, поставил рядом с собой у стола. Железнодорожники глядели на мальчика с любопытством и лаской.

— Товарищи железнодорожники! — сказал высокий человек. — Я привез вам горячий привет от тех, кто, не жалея своей жизни, ведет поезда сквозь вражеский огонь, спасает раненых защитников Родины. Много Героев Советского Союза среди нашего брата железнодорожников...

Приезжий остановился, прерванный шумными аплодисментами. Андрейка и Васек тоже хлопали вместе со всеми, но сердце у Васька билось так сильно, словно вот сейчас в его жизни что-то должно произойти очень важное и решительное.

А высокий человек рассказывал о повседневных подвигах железнодорожников, об опасных рейсах, о взорванных путях, которые приходится срочно чинить под обстрелом неприятеля. Он назвал незнакомые Ваську фамилии погибших на почетном посту. В рядах железнодорожников произошло взволнованное движение, и наступила скорбная тишина. Ноги у Васька ослабели. Андрейка крепко, до боли, сжимал его опущенную руку и с испугом глядел в лицо выступавшего человека. Старый мастер тоже забеспокоился; покручивая темными вздрагивающими пальцами седые усы, он натужно, по-стариковски откашливался и, опустив голову, глядел себе под ноги.

— Товарищи железнодорожники! В нашем полевом госпитале... — высокий человек на секунду остановился и оглядел собравшихся, — лежит известный вам челочек, знатный машинист Павел Васильевич Трубачев.

При имени отца Васек рванулся и застыл, ощущая огромную, непосильную для сердца тоску. Он не слышал, как приезжий рассказывал о санитарном поезде, который Павел Трубачев вывел сквозь линию огня; он не слышал поднявшегося вокруг шума и громких аплодисментов; он не видел, как оратора сменил старый мастер, как, подняв вверх темную жилистую руку, призывал он всех железнодорожников в это тяжелое для Родины время стоять на своем посту, как стояли погибшие герои, как стоял их товарищ — коммунист Павел Трубачев... Онемевший и испуганный, Васек ждал единого слова... единого слова, что отец будет жив, что он еще вернется к нему, к сыну...

Он ждал, а глядя на него, железнодорожники взволнованно переговаривались между собой, с нервной торопливостью свертывали сигарки, рассыпая махорку и пуская изо рта короткие клубы дыма. Васек вдруг почувствовал, что Андрейка выпустил его руку и куда-то исчез. Он машинально поднял голову. Маленький деповщик стоял перед высоким железнодорожником и, глядя ему в лицо, строго допрашивал:

— Жив Павел Трубачев? Какие раны у него? Что же не сказали сразу, товарищ? Сын его здесь — сочувствовать надо!

— Жив, жив! Контузия у него тяжелая. Надеяться надо — на поправку пойдет! — быстро заговорил приезжий, разыскивая глазами Васька.

Кто-то одобрительно похлопал Андрейку по плечу. Железнодорожники зашевелились, подходили к Ваську, ласково заговаривали с ним. Старый мастер, растроганный до слез, прижал голову Васька к пахнущей паровозным маслом куртке и торжественно сказал:

— Гордись своим отцом, Васек, да гляди, чтобы и он мог порадоваться на сына!

А в толпе уже мелькали озабоченные лица Саши Булгакова, Одинцова, Малютина и остальных ребят. Андрейка яростно пробивал им дорогу, громко говоря:

— Посторонитесь, граждане! Пропустите товарищей Васька Трубачева! Пропустите товарищей Трубачева!...

ПОСЛЕ МИТИНГА

Когда митинг кончился, Васек, не помня себя, побежал в госпиталь.

— Я к тете Дуне пойду! — крикнул он товарищам, поспешно взбираясь на пригорок.

— Приходи на стройку! — напомнили ему вдогонку ребята. Все были взволнованы и возбуждены неожиданной вестью. Андрейка проводил новых знакомых до Вокзальной улицы.

— Уходишь уже? — с сожалением говорили ребята, пожимая его маленькую крепкую руку.

— Работать надо!

— Как же это? Только что подружился — и уже расстаемся! — огорчился Мазин.

— Знаешь что, Андрейка: кончишь работу — приходи к нам на стройку. Мы сегодня долго там будем, — сказал Саша.

— Конечно. Посмотришь нашу школу. Да и вообще, как-то расставаться не хочется. Новость такая у нас! Ведь столько времени от Павла Васильевича писем не было... А Васек-то, Васек! Я чуть не заплакал, честное слово! — растроганно говорил Одинцов.

— Сейчас он тете Дуне скажет — вот она разволнуется! — обеспокоился Саша.

— Железнодорожник сказал, что Павел Васильевич поправится, — припомнил Сева.

Мальчики остановились.

— Приходи, Андрейка, а? Придешь?

Андрейка мягко улыбнулся. Глаза у него были добрые, лучистые, лицо нежно розовело пол веснушками. Саша порывисто обнял его:

— Хороший ты, Андрейка!

Андрейка застеснялся и решительно сказал:

— Обязательно приду! Кончу работу — и приду. Прощайте пока!

Ребята пошли к школе. Всю дорогу, перебивая друг друга, говорили о неожиданном известии.

Первый человек, кого они увидели на улице около школы, была мать Нюры Синицыной. Она, запыхавшись, шла по тротуару с ворохом кисей, выкрашенной в бледно-зеленую краску.

— Мария Ивановна, у нас такая новость! Отец Васька нашелся! Он в госпитале! Поправляется! — бросились к ней со всех сторон ребята.

Мать Синицыной растерялась от неожиданности, обвела глазами возбужденные лица.

— Он давно не писал, мы так боялись за него... Ведь у Васька нет матери, один отец! — торопливо, как своему близкому человеку, объясняли ребята.

— Васек к тете своей побежал! Сейчас ей скажет, — сообщил Петя Русаков.

Губы у Марии Ивановны дрогнули, глаза наполнились слезами.

— Вот как бывает в жизни! Вот как бывает с людьми! — тихо, словно отвечая самой себе, пробормотала она и вдруг, оглянувшись на дом, озабоченно зашептала: — Гости в школе — сам генерал Кудрявцев и секретарь райкома... А я кисейку покрасила на занавески, только повесить не успела. Вот домой за нею ходила. Бегите, мальчики, наверх — может, пока они будут внизу, мы хоть в учительской повесим!

— Гости?... Генерал Кудрявцев? Секретарь райкома? — живо заинтересовались ребята.

— Секретарь! Это тот, что был у нас, помните? — сказал Сева.

— Бегите, бегите скорей! Молоток берите, гвозди... — торопила Мария Ивановна.

— Да они приехали дом смотреть, им наши занавески ни к чему... — сказал Петя Русаков.

— Мало что дом! Занавески тоже нужны... — прервал его Мазин, захватывая из рук Марии Ивановны ворох кисеи. — Саша, беги вперед, за гвоздями, спроси у Грозного. Идемте, Мария Ивановна. Мы живо все сделаем!

Ребята пошли за ним. Проходя мимо участка Алеши Кудрявцева, они ахнули. За утро здесь вырос большой кусок забора. Желтели новые столбы и аккуратно прибитые штакеты. Несколько мальчиков вместе с Алешей Кудрявцевым еще возились неподалеку, что-то доделывая.

— Не останавливайтесь и не смотрите! — быстро шепнул Одинцов. — Рано им еще торжествовать!

— Материал из лесу уже привезли? — спросил у Синицыной Саша.

— Сейчас, верно, привезут. С утра поехали, — ответила та.

Мальчики прошли мимо нового забора, стараясь казаться равнодушными.

* * *

А в госпитальной кухне, обняв за шею тетю Дуню, Васек тихонько утешал ее, незаметно вытирая рукавом и свои слезы. Весть о том, что Павел Васильевич нашелся и лежит в госпитале, потрясла Евдокию Васильевну. Ей сразу представилась палата, где на одной из коек мечется и страдает ее Паша. Не имея возможности бежать к нему, помочь, облегчить муки близкого, родного человека, она тихо плакала, не вытирая безудержно катившихся по щекам слез.

— Тетечка, ведь у нас все хорошие — и врачи и сестры... Если очень больно, они дают лекарство, впрыскивают что-нибудь... — шепотом утешал ее Васек.

Но тетя Дуня молча качала головой. Она вспоминала Пашу в деревенском доме своих родителей, когда, еще маленьким, он, переваливаясь, как уточка, только начинал ходить; она вспоминала его школьником с сумкой на боку, в новом картузе, подаренном крестной; она вспоминала его взрослым человеком, коммунистом Павлом Васильевичем Трубачевым и надежным, заботливым братом Пашей... Вспоминала и плакала... А в кухонное окно скупое светило послеобеденное солнце, и на плите, упревая в огромном котле, тяжело вздыхала солдатская каша.

ВАСЯ СОБИРАЕТСЯ

Вася ходил за старшей сестрой и недовольным голосом пояснял:

— Если человек чувствует себя здоровым, то нечего его держать в госпитале. Мне, сестрица, давно пора на выписку.

— Вася, я уже вам сказала — в конце недели! Надо же слушать врачей, вы не ребенок, — хмурилась сестра.

— Опять все то же! — удрученно разводил руками боец. — Да вы хоть шинель мне выдайте. Всего и вещей у меня — одна шинель. Что ж это, сестричка, малейшую просьбу не можете исполнить!

Сестра останавливалась и, качая головой, с улыбкой глядела на длинного, словно выросшего из халата паренька:

— Замучил ты меня, Вася, честное слово!

— Да ведь шинель командира моего... Хоть в руках бы мне ее подержать. И беспокоюсь я — не переменили бы... Ведь в горячке привезли меня, не спутали б в кладовой у вас.

— Ничего у нас не путают, все под номерами хранится. А в палату дать шинель я не могу. Не мешайте мне работать! — начинала сердиться сестра.

Вася шел в палату и, обхватив руками голову, садился на свою койку.

— Что, никак не выпроситься? — ласково поддразнивали его раненые.

— Что нельзя — то нельзя, — резонно замечал Егор Иванович, откладывая на столик книгу. — Врачи лучше знают! Почитал бы, как наука вперед шагает! Что зря время терять? После войны нам эти знания на каждом шагу пригодятся.

Егор Иванович и Вася были в числе выздоравливающих, и оба готовились к выписке. Вася уже ходил, стараясь держаться молодцом и не хромать. Врачи обещали отпустить его в конце недели. Теперь каждый день казался Васе длинным, как год.

— Э-э-эх! — по-стариковски кряхтел Вася. — Держат человека, сами не знают чего! А на фронте люди нужны...

Лида и Нюра застали Васю и Егора Ивановича во дворе. Они сидели на скамеечке под деревом и беседовали.

— А, пришли наши пионерочки! — обрадовался Егор Иванович. — Сядь около меня, доченька... Скоро уеду я. Тогда уж после войны только повидаемся. Приедешь к нам в гости, в колхоз... Вот мне дочка пишет — богатый урожай они сняли, а ведь женщины да дети работали... Почитай-ка! — Егор Иванович вытащил полученные письма.

Нюра, присев рядом, терпеливо перечитывала их, удивляясь и ахая. Как бывало раньше, предложила написать под диктовку ответ.

Егор Иванович завернул рукав халата, показал больную руку, пошевелил пальцами:

— Сам теперь справляюсь. Медицина чудеса делает. Вот вырастешь — иди на врача. И дочке своей так закажу. Хороший врач — великое дело...

Егора Ивановича позвали в палату. Вася с Лидой разговаривали о ребятах. Нюра под села к ним ближе.

— Привык я к вам. Правда, все равно скоро расставаться, а все-таки забегайте почаще. Как там с учебой у вас, как ремонт идет?

Лида рассказывала, передавала приветы.

— Эти дни никак нельзя было вырваться. Нам ведь тоже видеть тебя хочется, Вася. Ты хоть перед отъездом зайдешь в школу.

— Обязательно зайду! Да ведь вот не пускают еще никуда, а то поработал бы я с вами денек-два на стройке. Я, бывало, с ребятами весь день на пришкольном участке вожусь. Большой участок нашей школе колхоз дал!

Вася начинал рассказывать о школьниках из своего села, вытаскивал из кармана полученные письма:

— Мало я кому писал отсюда, а все-таки нашли меня мои ребята.

— Вот уедешь ты, Вася, и скучно-скучно нам станет... Приезжай после войны, Вася, ладно? — говорили девочки. Вася растроганно благодарил:

— Спасибо вам, сестренки! Обязательно приеду. Я вас всегда помнить буду! Командир мой говорил так: хороший человек не вспоминается, а запоминается.

Когда девочки ушли, Вася лег на койку и, закинув руки за голову, размечтался: «Вот кончится война... Вернемся мы все с фронта, разойдемся кто куда. В мирной жизни дело каждому найдется. Только бы скорей до победы дойти!»

Вася представил себе благословенный день победы, ослепительное солнце и флаги над Москвой.

Мысленно увидел толпы народа, заполнявшие Красную площадь, увидел на трибуне веселые лица.

«Что, рассчитался с врагом, Вася?» — спрашивают его. «Рассчитался! Не оживет больше».

Вася открыл светлые, затуманенные мечтой глаза и внезапно увидел около своей койки Трубачева. Он вскочил и крепко обнял мальчика:

— Когда же ты пришел? Л я и не слышал — не то заснул, не то замечтался!

— Вася! Я о своем отце узнал. Он в полевом госпитале, контуженный, — сообщил Трубачев.

— Да что ты... Верно ли?

Васек рассказал о митинге железнодорожников.

— Теперь жди письма. Обязательно письмо будет, раз человек на поправку пошел, — уверил его боец. — Я вот, пока сильно больной был, ничего родным не писал. Зачем пугать зря! — Вася ласково погладил мальчика по плечу. — Дождался ты наконец весточки! Ранен — это не убит, врачи на ноги поднимут.

— Я, бывало, ночью проснусь — и страшно мне сделается: вдруг убьют? Теперь хоть знаю! — сказал Васек.

— Молодец ты, крепко держался. Вот и правду командир мой говорил: надежда и в последней минуте живет.

— Я все слова твоего командира запоминаю! — с живостью сказал Васек. — Мне они в жизни помогают. И в тот раз, когда от Генки письмо получили, тоже помогли. Помнишь, как он сказал, что не плакать надо о товарище, а славные дела в честь его делать?

— Он зря слова не бросал. Скажет как отрежет. Да еще своим примером подкрепит. Как ему не поверишь!

Когда в госпитале наступил час послеобеденного сна, Васек попрощался со своим другом и побежал на стройку. Он очень спешил, так как в первый раз нарушил составленное им самим расписание.

Гости застали хозяев за горячей работой. Наверху, в коридоре, несколько девочек мыли полы. Осторожно обходя мутные лужицы воды, ребята выносили в мешках битый кирпич и рваные куски старых обоев.

В одном из классов, стоя на стремянке, Леонид Тимофеевич белил потолок. Он макал в ведро длинную кисть, высоко поднимал ее над головой; белые брызги летели сверху и расплзались пятнами на синем комбинезоне.

В другом конце комнаты Толя Соколов, разложив на полу обои, аккуратно обрезал ножницами кромку. Школьник из пятого класса помогал ему, развертывая длинные трубки обоев и отмеряя одинаковые куски.

В соседней комнате Елена Александровна вместе с девочками складывала последнюю печку. Грозный с несколькими школьниками, вооружась тряпками и газетами, мыли окна. В большом зале слышались голоса рабочих и стук молотков — там настилали полы.

Внизу, в пионерской комнате, Федосья Григорьевна с помощью младших ребят ремонтировала наглядные пособия. Дети аккуратно раскладывали на столах цветные таблицы, карты и наклеивали их на марлю.

Пионерская комната была уже убрана, даже на окнах и на столе стояли цветы, принесенные школьниками.

Никто не слышал, как подъехала машина. Нютка первая сообщила своей учительнице:

— Федосья Григорьевна, к нам какие-то военные дяденьки приехали!

Гости прошли по нижнему коридору, заглянули в пионерскую комнату.

— Ба! Да тут, кажется, уже занятия идут! — удивился секретарь райкома, здороваясь с Федосьей Григорьевной. — Это какой же класс: седьмой или десятый? — пошутил он, поймав за косичку смущенную первоклассницу.

— Десятый! Десятый! — закричали девочки, обрадовавшись его шутке.

Нютка, заложив за спину руки, беззастенчиво разглядывала на груди генерала ордена и медали.

— Дяденька, вы герой? — спросила она, подходя ближе. — А то у нас здесь портреты всех героев.

— Придется вам, товарищ генерал, подарить им свой портрет, — улыбнулся секретарь райкома.

Оба подошли к портретам.

— Ну, у вас тут героев много! — оглядывая пионерскую комнату, сказал генерал.

Весть о приезде гостей дошла до работавших на втором этаже.

— Леонид Тимофеевич, к нам секретарь райкома приехал и генерал! — сообщили взволнованные школьники.

— Генерал приехал! — вихрем влетая в комнату, крикнул Витя Матрос.

— Очень рад, очень рад, но поздороваться не могу — смеясь, встретил гостей директор, показывая измазанные мелом руки. — Толя Соколов, продолжайте работу, а я пойду показывать гостям наши достижения! — Он ополоснул над ведром руки, вытер их полотенцем, поздоровался.

— Ну, товарищ директор, поздравляю!... Вы себе не можете представить, — обратился

Круглов к генералу, — какая здесь проделана работа! Когда я в первый раз сюда приехал, на этом пустыре стоял разрушенный дом, без окон, без дверей... Молодцы! Отлично потрудились!

Леонид Тимофеевич повел гостей осматривать классы. Школьники, ободренные похвалой, двинулись за ними.

— Вот это у нас, так сказать, уже чистые помещения — пятый и шестой классы, — отворяя двери, говорил директор. — Вот здесь будет еще заделываться пол, сегодня поехали за материалом, а вот здесь мы решили переделать камин на печь. Познакомьтесь, пожалуйста: это наш главный печник — Елена Александровна.

Елена Александровна, стоя на коленях перед сложенной до половины печью, подняла голову.

— Мы уже знакомы, — сказал Круглов.

— А я очень рад познакомиться, — с любопытством взглядывая на Елену Александровну, улыбнулся генерал и, вспомнив разговор с сыном, шутливо спросил: — Сколько же у вас профессий, Елена Александровна?

— Пока только две, а вообще столько, сколько понадобится в процессе работы, — засмеялась девушка. Гости обошли весь дом. Алеша Кудрявцев издали видел отца и волновался.

— Твой отец приехал, Кудрявцев! Твой отец! — теребили его школьники.

Петрусин и Тишин уже потихоньку шествовали за генералом по всему дому.

В учительской Мазин и Русаков вместе с Марией Ивановной спешно прибывали занавески.

— Вот, товарищ Круглов, вы спрашиваете, как мы одолеваем наш ремонт. А мы, можно сказать, одолеваем его дружной силой коллектива. Работают учителя, школьники. Завод отпустил нам рабочих. А вот и родительница пришла к нам на помощь. Это мать одной из наших школьниц. Познакомьтесь, пожалуйста: Мария Ивановна Синицына!... Помогает ребятам устроить в школе уют...

Круглов пожал руку Синицыной:

— Я очень рад познакомиться с вами. Синицына вспыхнула, мучительно застеснялась, не зная, что сказать.

Мазин поспешно бросился к ней на выручку.

— Мария Ивановна с младшими классами всяким вышиваньем занимается, для пионерской комнаты ковер вышивает! И мешочки для подарков бойцам сшила.

— А ты не вышиваешь? — пошутил секретарь райкома.

— Как же, это мое любимое занятие! — не моргнув глазом, ответил на шутку Мазин.

Все засмеялись.

Мария Ивановна, оправившись от смущения, приняла участие в общем разговоре. Голос ее окреп, глаза сияли, и, когда секретарь райкома вместе с директором вышли из учительской, она сказала, обращаясь к ребятам:

— Мальчики, я думаю — один ковер мало! Надо бы и для учительской коврик сделать!

— Угу! — промычал Мазин.

Леонид Тимофеевич и секретарь райкома уединились в одном из классов, чтобы обсудить дальнейшие дела школы, а генерал в сопровождении ребят обходил участок.

Алеша шел с ним рядом, явно гордясь отцом.

Часть забора, только что отстроенная на участке Кудрявцева, обратила на себя внимание генерала.

— Это кто же строит? — спросил он.

— Это моя бригада. Мы соревнуемся с пятиклассниками, — сказал Алеша. — Я бригадир.

— Это очень хорошо, что соревнуетесь. Только я не вижу, чтобы та бригада работала. Кто там бригадир? Алеша молчал.

— Трубачев, — сказал один из школьников.

— Трубачев? — Генерал внимательно поглядел на сына и обернулся к ребятам: — Попросите ко мне Трубачева.

Несколько школьников бросились исполнять его просьбу.

— Папа, мы в ссоре, — тихо предупредил отца Алеша.

Отец не успел ничего сказать. Васек, только что вернувшийся из госпиталя, уже шел на зов генерала.

— Здравствуйте, товарищ генерал! — почтительно сказал он, опуская по швам руки и стараясь держаться прямо.

— Ты Трубачев?

Генерал взглянул на открытое лицо пионера. Прямой, смелый взгляд, золотистый чуб над высоким загорелым лбом вызвали на его лице улыбку. Он перевел глаза на сына: Алеша стоял потупившись, в лице его было выражение неуверенности и беспокойства.

— Я слышал от сына, что ваши бригады соревнуются. Алексей уже начал работу. Почему же твоя бригада не торопится, Трубачев? — пристально глядя на мальчика, спросил генерал.

— У меня нет материала, — ответил Васек.

— У тебя нет, а у Алексея нашелся. Вероятно, это те самые столбы, что вчера перевозили на моей легковой машине?

— Это я перевозил, — быстро вставил Алеша.

— Я начинаю понимать... — Отец строго взглянул на сына. — Ты воспользовался моей машиной, чтобы перевезти материал для себя и опередить соперника?

— Папа, я уже говорил тебе: мы несли через весь город на руках... — заторопился Алеша.

— Не объясняй! — резко сказал отец. — Я все понимаю. Ты мог бы сказать мне просто, что у вас нет грузовика для перевозки материала.

На Алешу было жалко смотреть. Губы его вздрагивали, в глазах скапливались слезы.

— Ты ведешь себя недостойно, Алексей!

Кучка школьников молча слушала. Алеша поднял глаза и встретил встревоженный взгляд Трубачева.

— Товарищ генерал, — твердо сказал Васек, — разрешите пояснить. Алеша предлагал мне поделиться...

Школьники переглянулись, затаили дыхание.

— Он предлагал тебе поделиться?... — быстро спросил генерал и повернулся к сыну: — Почему же ты молчишь?

Алеша выпрямился, сердито блеснул глазами:

— Это было не так!

Он хотел еще что-то сказать, но не смог и отвернулся.

Наступило молчание.

Генерал протянул Трубачеву руку и указал на сына:

— Если когда-нибудь ваши отношения наладятся, я буду сердечно рад.

Васек молча наклонил голову и отошел.

Школьники двинулись за ним, шепотом рассуждая о происшедшем:

— Справедливый генерал!

— Еще бы! На то он и генерал!

— А Трубачев-то! Он, говорит, предлагал мне поделиться!

— Алешка тоже молодец, не соврал!

— Кра-си-во вы-шло... — заикаясь, протянул большеглазый худенький мальчик из шестого класса.

Васек прибавил шаг. Он увидел собравшихся в кучку товарищей и среди них Андрейку. Они о чем-то оживленно разговаривали, поглядывая на улицу.

— Трубачев, иди скорей! Столбы везут! — крикнул Петя Русаков.

Во двор с шумом въехал грузовик, доверху наполненный остропахнувшим свежесрубленным деревом.

— Стоп! Стоп! — выпрыгивая из кабины, закричал шоферу дед Мироныч. — Стой тут, милый человек, а то людей передавишь... А ну, ребята, зовите кого из старших — разгружать будем!

— Разгружать, разгружать! Идите все машину разгружать!... — понеслось по двору.

На дорожке появились Леонид Тимофеевич, секретарь райкома и генерал. Сзади торопился Грозный со старшими ребятами.

— Вот радость-то где! Целое событие! — улыбаясь, сказал Круглов, наблюдая, как оба Мироныча вместе с ребятами снимают с машины бревна и швыряют их на землю.

— Осторожно, осторожно! Отойдите от машины! Дети, отойдите от машины! — суется Федосья Григорьевна.

А Елена Александровна в испачканном глиной комбинезоне, забравшись на верх грузовика, задорно кричит:

— Лезьте сюда! Разбирайте слег! — и, обхватив обеими руками столб, с усилием тащит его к краю машины. — Трубачев, вот тебе! На забор!

Андрейка бросается к ней на помощь; с головы его съезжает новенькая железнодорожная фуражка. Рядом, неуклюже, как медведь, обхватив сразу два столба, Мазин тащит их на свой участок. Нюра и Лида волокут по земле длинные слег.

— Кудрявцев!... Где Кудрявцев? — зараженные общим азартом, волнуются шестиклассники.

Генерал, прощаясь с Леонидом Тимофеевичем, крепко жмет ему руку. Секретарь райкома садится в машину.

— Ну, теперь мы к вам уже на приемку здания заявимся! — говорит он директору. Гости уезжают.

* * *

Обе бригады допоздна работают на своих участках. Солнце уже заходит, а шум голосов и густой запах горячей смолы доносятся в открытое окно учительской.

— Надо сказать ребятам, чтобы шли домой, — говорит Леонид Тимофеевич.

— Что вы, они еще не осмолили столбы! Разве они уйдут! — пожимает плечами Елена Александровна.

Леонид Тимофеевич смотрит на молоденькую учительницу с доброй усмешкой:

— Так, может, они всю ночь тут провозятся?

— Может, и всю ночь. Трубачеву никак нельзя уйти: У Кудрявцева уже много сделано, а он только начинает! — не замечая улыбки директора, горячо объясняет Елена Александровна.

Леонид Тимофеевич смотрит на часы.

— Скажите ребятам, чтобы они сейчас же разошлись по домам! — строго говорит он. — А Трубачева и его товарищей пришлите ко мне.

На обоих участках горят костры. В подвешенных над огнем ведерках греется смола. Тут же на траве сохнут разложенные в ряд уже осмоленные столбы. Андрейка сидит в кругу своих новых друзей. Отсвет пламени золотит околышек его фуражки и пробегает по возбужденным лицам ребят. Андрейка уже знает все подробности ссоры Кудрявцева и Трубачева.

— Ссориться при соревновании не годится. Это дело общее! — важно говорит он, качая головой. — Мы все друг другу помогать должны.

Ребята снимают ведерко со смолой, торопясь обмазывают последние столбы и заливают костер водой.

— Аккуратней тушите, чтобы ни одного уголька не осталось, — поучает их Андрейка.

Елена Александровна подходит к костру. Андрейка, прощаясь с каждым за руку, протягивает руку и ей:

— До свиданья! Я еще вас проведу.

— Кто это? — тихонько спрашивает у Васьки Елена Александровна.

— Это наш Андрейка! — хором отвечает сразу несколько голосов.

Елена Александровна удивленно смотрит вслед белобрысому пареньку и потом говорит:

— Уже восемь часов, расходитесь по домам. А ты, Трубачев, со своими ребятами зайди к директору.

ВАЖНЫЙ РАЗГОВОР

Ребята бегут в дом. На цыпочках поднимаются по лестнице, останавливаются перед учительской и заглядывают в полуоткрытую дверь. Директор сидит за столом и о чем-то думает, подперев рукой подбородок.

— Сидит... — мрачно шепчет Мазин.

— Сидит? — испуганно переспрашивает Петя Русаков.

— Сидит... сидит... — шепотом передают друг другу остальные.

Леонид Тимофеевич поворачивает к ним голову:

— Что вы там шепчетесь? Идите сюда. Ребята один за другим входят в учительскую.

— Присаживайтесь, — говорит Леонид Тимофеевич, указывая на широкий кожаный диван. — У меня к вам серьезный разговор, и вот о чем...

Все осторожно присаживаются на диван. Васек не мигая смотрит в лицо директору. О чем хочет говорить с ними Леонид Тимофеевич? Сердце его тревожно бьется.

Директор вертит в руках карандаш. Сузив карие глаза, тихо повторяет:

— Да, вот о чем... Я знаю от Елены Александровны, что вы усиленно занимаетесь. Знаю также, что по такому важному предмету, как арифметика, вам не удалось основательно закрепить свои знания...

— Мы закрепляем, — быстро вставил Петя Русаков.

Директор остановил его жестом руки:

— Вы всегда были отличниками. Я думаю, наше общее желание, чтобы вы и дальше учились на «отлично». Поэтому я предлагаю вам не тянуться сейчас через силу и спокойно приготовить себя к мысли, что вы будете учиться в пятом классе.

Директор поглядел на ребят. Они сидели тихо, не смея его прерывать, но молча выражая на лицах решительный протест.

— Остался один месяц до начала занятий. Обдумайте между собой мое предложение, согласитесь с этой мыслью, что вы остаетесь в пятом классе, и спокойно отдохните перед учебой. Подумайте хорошенько: один год будет пропущен, но зато вы получите настоящие знания за пятый класс...

Директор говорил очень ласково, останавливался, как бы ожидая ответа, но ребята упрямо молчали.

— Вы должны понять, что я сам очень хотел бы, чтобы вы перешли в шестой класс, я уважаю вашу настойчивость и очень благодарен Екатерине Алексеевне, которая с вами занималась, но я вижу, что это просто вам не под силу.

— Мы не будем второгодниками, — тихо и решительно сказал Васек.

Директор развел руками:

— Ну, тогда вам придется держать экзамены. Кто выдержит, тот будет учиться в шестом классе, а кто не выдержит — останется в пятом.

Наступило длительное молчание. Васек медленно поднялся:

— Будем держать экзамен.

— Будем держать экзамен, — вставая, твердо повторили за ним товарищи.

— Хорошо, ступайте! — отрывисто сказал Леонид Тимофеевич, машинально переставляя на столе разные предметы.

Не глядя друг на друга, ребята вышли из учительской. Когда за ними закрылась дверь, директор взволнованно откинулся на спинку кресла: «Молодцы! Крепкий народ!»

Через минуту в учительскую вошла Елена Александровна.

— Я побежден! — разводя руками, сказал ей Леонид Тимофеевич. — Занимайтесь!

РАЗВЯЗКА БЛИЗИТСЯ

Утром, пока ребята Трубачева занимаются, на работу выходит Витя Матрос со своими пятиклассниками. Но как ни трудится Витя, бригада Кудрявцева сильно обгоняет его. Сам Алеша не спешит. После разговора его отца с Трубачевым у Алеши пропало желание унижить своего соперника. Задумчиво поглядывая в сторону пятиклассников и видя, как они изо всех сил стараются догнать его бригаду, он долго копается в ящике с гвоздями, не торопясь прибивает штакеты, потом, обходя участок, придирчиво оглядывает работу своих помощников.

— Надо делать красиво и прочно. А это что у тебя? Вытащи гвоздь, забей сначала! — говорит он, отрывая от забора криво прибитую доску.

Алеша сам не знает, чего ему хочется. Тишин, заранее торжествуя победу, весело говорит:

— На собрании постановили, чтобы к пятому августа все работы были закончены. Седьмого уже будут принимать здание. Завтра начнут из старой школы парты перевозить.

— Ну и что? — хмуро спрашивает Алеша.

— А то, что пятое завтра! Мы-то свой забор кончим, а Трубачеву никак не успеть. Значит, он не только в нашем соревновании проиграет, а еще и перед всей школой последним останется!

Алеша медленно поворачивает голову и с удивлением смотрит на Тишина. Потом с досадой отстраняет его рукой:

— Отстань! Надоело мне все это!

Но Тишин не успокаивается. После обеда, когда на участке Трубачева закипает бешеная работа, он боком подходит к Севе Малютину и, с опаской поглядывая на работающего неподалеку Мазина, тихо говорит:

— Плохо ваше дело, ребята! Мы уже почти кончаем. Три пролета за домом остались. Соревнование вы проиграете, это ясно. Дело не в этом. А вот завтра весь ремонт заканчивается, останетесь вы один. Стыдно все-таки подводить школу!

Сева работает наравне с другими ребятами. Сбросив на траву куртку, он сидит на корточках перед забором и, держа во рту гвозди, прибивает штакеты. Ему некогда смотреть по сторонам и некогда разговаривать. Но вкрадчивый голос Тишина выводит Севу из обычного равновесия. Он вскакивает и, выплюнув изо рта гвозди, кричит:

— Уйди, а то от тебя мокрое место останется! Тишин испуганно пятится. Ребята поднимают головы.

— Ого! — с уважением говорит Мазин. — Севка окреп! Ребята с любопытством взглядывают на Малютина, но тот уже снова углубляется в работу и только спустя некоторое время, как бы оправдываясь, говорит:

— Да потому что плохой человек этот Тишин... Под вечер приходит Андрейка. Ребята встречают его молчаливые, хмурые. О чем говорить! Андрейка и сам, своими глазами видит новенький забор бригады Кудрявцева, незаконченные три пролета между столбами; видит и другую сторону забора, на участке Трубачева, — свежеврытые в землю столбы, прибитые к ним слег и едва начатую полоску островерхих штакет.

— Завтра заканчиваются все работы. Миронычи спешат — полы сегодня красили,

лестницу. Одни мы отстаем, — безнадежно говорит Петя Русаков.

— Ребята, останемся на ночь! — предлагает Мазин.

— Ночью только кошки видят, — резонно заявляет Андрейка.

У Трубачева усталые глаза и на лице горячий темный румянец. Ему стыдно перед пятиклассниками, которые выбрали его своим бригадиром; он не может глядеть в черные тревожные глаза Вити Матроса. Что думает Витя? По-прежнему ли будет мечтать служить с ним на одном корабле?

Разве не ясно всем, что дело близится к развязке, что завтра в этот час Кудрявцев будет торжествовать победу! Может быть, он будет торжествовать и тогда, когда узнает, что Васек и его товарищи должны еще держать экзамен, чтобы попасть в шестой класс!

Душевные силы Васька надламываются.

«Жизнь такая трудная. Мы проигрываем соревнование», — с горечью думает он, старательно прибывая к столбу обтесанные слезы. Конечно, никто из ребят не сдастся, все работают, сцепив зубы. Если бы еще завтра утром не нужно было идти на урок, они бы, может, успели. Но об этом сейчас нечего и заикаться.

Витя Матрос бросает рядом охапку штакет и дрожащим голосом говорит:

— Мы сегодня рано вышли... Может, ты думаешь, Трубачев, что я плохо работал?

Васек делает над собой усилие и улыбается товарищу:

— Я знаю, ты молодец, Витя. Ты верный товарищ! — Он хлопает мальчика по плечу. — Работай, Матрос! Большевики никогда не сдаются!

Андрейка стоит поодаль и смотрит, как Мазин яростно утаптывает ногами землю вокруг только что врытого столба, как девочки меряют веревкой заостренные концы досок, как, помогая друг другу, ребята спешат и суетятся, как медленно растет желтая ровная полоса забора с одинаковым расстоянием между штакетами.

Андрейка стоит, как гость: важный, задумчивый, серьезный. Он знает, что хозяевам сейчас не до него.

— Ты не обижайся, Андрейка, — говорит ему Васек. — Видишь — спешка у нас...

Андрейка ничего не отвечает и, постояв, уходит. Сумерки медленно расползаются по двору. Елена Александровна видит с крыльца склоненные головы, белеющие майки.

— Я вас очень прошу, Федор Мироныч, завтра помочь пятиклассникам. Придите, пожалуйста, как можно раньше, — взволнованно говорит она плотнику.

Мироныч-младший не спеша снимает свой рабочий халат, вешает его на гвоздик около двери и, улыбаясь, говорит:

— Завтра, гражданочка, у нас здесь выходной. Мы с дедом на заводе работаем. Я бы с удовольствием.

— Федор Мироныч, они проигрывают соревнование! Придите хоть на часок! — просит Елена Александровна.

— На часок — это одна ходьба. Туда да назад. Потеря времени. А насчет соревнования вы не беспокойтесь. Уж это как обычно — один проиграет, другой выиграет. Лишь бы дело было сделано!

Мироныч уходит. Грозный старческой походкой семенит по двору, мимо задумавшейся учительницы.

— По домам бы пора ребятам, Елена Александровна, а? — И, подождав ответа, добавляет: — Вчера до ночи, сегодня до ночи... Леонид Тимофеевич за это не похвалит...

— Я сама знаю, когда им пора уходить! — нетерпеливо прерывает его Елена Александровна.

На самом деле она знает только одно: трубачевцы проигрывают соревнование.

АНДРЕЙКИНЫ ЗЕМЛЯКИ

Большевики не сдаются! Витя Матрос тоже не сдавался. Всю ночь он вскакивал с постели и, откинув темную занавеску, глядел на полоску неба за ветвями деревьев. Договорившись с вечера со своими пятиклассниками прийти пораньше, Витя выскочил из дому, не взглянув даже на часы.

На улице было свежо. Ветви деревьев отяжелели от росы, тротуары казались только что вымытыми. Утро было холодное, не обогретое солнцем — в голубоватом небе сквозь застывшие облака не пробивалось ни одного теплого луча.

Витя, натянув на уши курточку, топая по камням башмаками, надетыми на босые ноги, бежал по безлюдной улице.

Около самой стройки он остановился как вкопанный, потом, прислонившись к столбу, на котором белела дощечка «Школа N 2», широко раскрыл глаза и медленно съехал на землю.

На их участке, быстро и ловко постукивая молотком, работали подростки. Все они были в одинаковых костюмах с одинаковыми пуговицами. На врытых столбах вдоль всего забора топорщились их жесткие черные шинели и фуражки.

Подростки работали молча и сосредоточенно. Под их умелыми руками на глазах Вити быстро, как в сказке, рос долгожданный забор.

Витя не любил сказок и не верил чудесам. Но на этот раз он сильно заколебался. Мысли, как стая воробьев, беспорядочно теснились в его голове. Черные шинели и черные фуражки на столбах, безмолвнодвигающиеся фигуры, таинственный стук молотков и весь пустырь, выглядевший в этот ранний час как необитаемый остров, родили в Вите необыкновенную и великолепную фантазию: «Черноморцы! Молодые капитаны!»

Но из дома, накидывая второпях полушубок, вышел школьный сторож. Ему навстречу от кучки работавших отделился белобрысый паренек. Витя насторожил слух, но уловил только «дно слово: «Земляки...»

Школьный сторож, почесывая бороду, долго стоял в недоумении. Вите по — казалось даже, что старик просто был пригвожден к месту таинственным словом, произнесенным молодым капитаном. Молотки, притихшие на минуту, застучали с новой силой.

Но Витя был не из трусливого десятка. Он не желал так позорно отступить, как отступил старик сторож. Кроме того, вырастающий забор убеждал его в добрых намерениях неожиданных пришельцев. Мальчуган опустил воротник, вытащил вверх и расправил на груди алым бутоном свой пионерский галстук, крепче насадил на ухо бескозырку и вышел из прикрытия.

— Честь имею представиться! Брат моряка Черноморского флота, пионер из бригады Трубачева, Виктор Бобров, по прозвищу Матрос! — лихо оттрапортовал он.

Таинственные «земляки», не отрываясь от работы, сдержанно приветствовали его:

— Здорово, товарищ!

Витя с разочарованием увидел вблизи обыкновенные лица подростков с рассыпанными на щеках веснушками, с живыми мальчишескими глазами.

— Здравствуй, Виктор! — вдруг сказал знакомый ему голос. Белобрысый паренек, улыбаясь, тронул его за плечо. — Вот мои земляки пришли вам помочь. Они на работу ловкие! Ворота тоже вам поставят. Народ сознательный, компанейский...

Витя глядел ему в лицо затуманенными глазами. И, когда его великолепная фантазия рассеялась, он вспомнил все: торжествующего Тишина, свою бригаду, проигрывающую соревнование, Трубачева...

Он еще раз взглянул на выросший забор, и буйная радость охватила все его существо.

— Да здравствуют Андрейкины земляки! — неистово заорал он, подкидывая вверх свою бескозырку.

Ремесленники весело оглянулись на него, продолжая работу. Витя втиснулся между ними и тоже схватил молоток.

Через полчаса на участок явились все пятиклассники. Они, так же как Матрос, останавливались у входа и широко раскрытыми глазами глядели то на ремесленников, то на выросший за ночь новый забор.

Потом стала собираться бригада Кудрявцева. Ребята были растеряны, не понимая, в чем дело, беспорядочно толклись вокруг. Тишина. Тишин, наклонив голову, медленно обводил глазами ремесленников, прибавивших последние доски к забору на участке Трубачева.

— Проиграли... — шепотом сказал кто-то из ребят. Алеша Кудрявцев подошел к товарищам. Губы его кривились улыбкой, темные брови вздрагивали.

— Мы... проиграли... — еще раз сказал кто-то. Алеша не успел ответить. Часть ремесленников во главе с Андрейкой перешла на его участок и, словно соревнуясь со своими товарищами, застучала молотками.

— Они и нам строят! — удивленно бросил кто-то из ребят. Алеша, засунув в карманы руки, пошел к ремесленникам. Остальные с тревогой глядели вслед своему бригадиру.

— Школа — это дело общее, — объяснил Кудрявцеву Андрейка. — Соревнование не в том, чтобы один на другого зверем смотрел. Забор-то ведь всем нужен. Вот мои земляки и решили — поможем школьникам. И ты пойми это правильно! Как тебя зовут?... Алексей? А меня Андрей. Будем знакомы!

Алеша нерешительно пожал протянутую ему руку. Потом вдруг тряхнул головой и засмеялся:

— Ловко это вы придумали! А я, пожалуй, и рад! Он вдруг почувствовал, что с его души свалился тяжелый камень. Нет, он не хотел унижить Трубачева, он не хотел победы над Васьком Трубачевым и его товарищами! И этому была глубокая тайная причина...

Вчера Алеша потихоньку унес из пионерской комнаты дневник Одинцова. Об истории Трубачева и его отряда он знал только понаслышке. Открыто расспрашивать товарищей о своем сопернике Алеше не приходило в голову — для этого он был слишком самолюбив. Но появившийся в школе Дневник разжег его любопытство.

— Мы будем все вместе его читать, — обещала школьникам Елена Александровна.

Но Алеша не хотел вместе со всеми слушать эту историю — он всегда делал вид, что она его нисколько не интересует. Вчера, улучив момент, когда ребята были заняты на работе, он проскользнул в пионерскую комнату и унес дневник.

Медленно переворачивая страницу за страницей, он проникался глубоким волнением за всех, о ком с такой любовью писал Одинцов. Алеша не успел дочитать до конца эти страницы, но, засыпая, он видел перед собой Трубачева, он стоял с ним рядом, он торопился исполнять его поручения, он признал его своим командиром...

И теперь, разговаривая с Андрейкой, чувствовал облегчение и радость оттого, что он больше не является противником Трубачева.

Андрейка тоже радовался:

— Вот и хорошо, что ты сознательный! Васек ведь ничего не знал — я земляков секретно привел!

Успокоив своих ребят, Кудрявцев вместе с Андрейкой сделал на бумаге чертеж красивых ворот. Обсуждая этот чертеж с ремесленниками, он сказал:

— Надо Трубачева спросить. Как ему — нравится или нет? А для директора пусть сюрприз будет!

Бригады вдруг слились вместе, дружно хлопотали. На втором этаже из окна учительской глядел директор.

— Чуть свет пришли, — шептал за его спиной Грозный. — Я вышел — батюшки мои, забор ставят! А вон тот курносенький железнодорожник — важный паренек такой... Это, говорит, мои земляки помогать пришли...

Леонид Тимофеевич вынул носовой платок, протер очки:

— Вот и мы с тобой, старик, за наш труд получаем награду. Да ради одного этого можно всю жизнь ребятам отдать!

— Уж меня и то за сердце взяло, — покачал головой школьный сторож.

В раскрытое окно донеслись шумные голоса, дружная команда.

— Столбы на ворота ставят, — выглянув, сказал директору Грозный.

СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

Тетя Дуня не спала ночь. Васек слышал ее тихие шаги в кухне и, так же как она, думал об отце. Он представлял себе палату для тяжелораненых. Такая палата была в их госпитале. Там бессменно дежурили врачи и сестры, туда не пускали ребят. Проходя по коридору, Васек не раз видел в полуоткрытую дверь неподвижные, вытянувшиеся на койках фигуры, острые, бледные лица, выглядывавшие из бинтов лихорадочно блестящие глаза. Мимо этой комнаты проходили на цыпочках... Теперь Васек мысленно представлял, что в такой же палате лежит его отец, он видел свесившуюся с койки его безжизненную руку...

Васек маялся всю ночь. Он открывал глаза, переворачивал намокшую от слез подушку, снова видел перед собой госпитальную палату для тяжелораненых, слышал доносившиеся шорохи из комнаты тети Дуни, засыпал, просыпался...

За окном медленно светало. Наконец, измученный тяжким беспокойством, он крепко заснул. И вдруг сразу с бьющимся сердцем вскочил на ноги. В окно глядело светлое утро, а внизу около входной двери раздавался звучный голос почтальонши:

— Знакомы-и! Письмецо получайте!

Давно-давно не будил их этот голос.

Опередив тетю Дуню, Васек в одной рубашке выскочил во двор, схватил из рук почтальонши письмо... Прыгающие буквы на конверте ничем не напоминали ровный почерк Павла Васильевича, и все же Васек чувствовал, что это письмо от отца.

«Жив!» — мелькнула в голове у Васька радостная мысль.

— Сам ли пишет? — прошептала тетя Дуня, глядя, как племянник дрожащими руками разрывает конверт.

Павел Васильевич писал сам. Он сообщал, что лежит в госпитале, что попал он туда будучи тяжело контуженным.

«Лежал я, мои дорогие, как мертвый. Был глухой, немой. Не знал, когда ночь, когда день. Теперь понемногу стал приходить в себя, но здоровье возвращается не сразу. Сначала заговорил, потом стал сам ворочаться, а сейчас вот пишу левой рукой. Ты, Рыжик, таких каракулей не писал и во втором классе, а я вот пишу и радуюсь. Врачи обещают помаленьку выправить меня; может, еще и послужу Родине... Ты, Васек, за теткой смотри в оба глаза: она у нас чуть что — в слезы... Со слезами надо, Дунюшка, справляться, крепче закалку иметь. А вы лучше порадауйтесь, мои дорогие, потому что присвоено мне высокое звание Героя Советского Союза...»

Отец писал еще, что, как только выйдет из госпиталя, обязательно побывает дома.

«Вот и свидимся мы снова. Как дойду я в своих мыслях до этой минуты, так и молодею душой...»

Васек бросился обнимать тетю Дуню:

— Приедет, приедет! Выздоровливает он!

— Погоди, погоди! Читай сначала! Не разобралась я еще, что и как...левой-то рукой зачем он пишет? Ничего я не разобралась толком. Когда хоть приедет-то?... Ведь Героя получил отец!... Читай, голубчик, с первой строки, как он пишет...

Васек читал с первой строки до последней. Снова начинал с первой... Тетя Дуня, поправляя очки, заглядывала через его плечо.

— О слезах-то прочти... Ишь, чтобы не плакать по нем! Распоряжение какое дает, гляди-ка!... Читай с первой строки. Ох ты батюшки! Читай, читай! Ничего я толком не разберу... Дай-ка хоть в очки своими глазами погляжу, — повторяла тетя Дуня.

Васек еле выпросил у нее письмо, чтобы почитать ребятам. Он решил показать его после занятий, боясь нарушить дисциплину на уроке, так как со вчерашнего дня их учительницей окончательно стала Елена Александровна. Она пришла на урок и решительно заявила:

— Теперь мы будем с вами заниматься два часа ежедневно одной арифметикой. Остальные занятия будет вести Екатерина Алексеевна, как и вела раньше...

Приход ее снова ободрил ребят. Они ловили каждое ее слово с напряженным вниманием. Но сегодня Васек все же не выдержал.

— Я получил письмо от отца! — неожиданно громко сказал он.

Письмо читали все. Екатерина Алексеевна крепко поцеловала Васька.

— Нам с Петей отец пишет часто, но я понимаю, что вы с тетей Дуней пережили, когда не было писем, — сказала она.

Елена Александровна прочитала письмо Павла Васильевича вслух, потом про себя. Ребята, гордясь отцом своего товарища, нетерпеливо и радостно ждали, что она скажет. Елена Александровна ничего не сказала о письме, а со своей обычной живостью подошла к СТОЛУ и предложила:

— Садитесь! Мы сейчас напишем Павлу Васильевичу все вместе!... Хорошо, Васек?

Она в первый раз назвала Васька по имени, — ему было это очень приятно. Но больше всего обрадовало его, что они все вместе напишут письмо отцу. Писали все. В бодрых, жизнерадостных строчках чувствовались светлые надежды на счастливое будущее.

Позанимавшись до обеда, ребята заторопились на стройку. Всем было ясно, что догнать бригаду Кудрявцева не удастся.

— На проигрыш идем! — собирая свои книги, тяжело сострил Мазин.

«Отец отличается, а я срамлюсь...» — с грустью подумал Васек.

Остальные ребята молчали. Многим вспомнилось обещание, которое они дали друг другу на сборе: все успевать, все мочь, не говорить жалких слов и ни от чего не отказываться!.

— Мы и не отказываемся! Разве мы отказываемся? — расстроено бормотал Петя Русаков. — Мы еще повоюем!

Но воевать им не пришлось.

Витя Матрос, то и дело выбегая на улицу, издали завидел идущих ребят. Он вскочил на столбик около тротуара и замахал руками, подавая какие-то сигналы. Елена Александровна шла вместе с ребятами. Неожиданное появление Вити Матроса рассмешило ее.

— Вот выдумщик! Смотрите, что это он изображает?

— SOS! SOS! — усмехнулся Мазин. Витя вдруг спрыгнул на тротуар и помчался к ним навстречу.

— Трубачев! Забор — во! Тишин — фьють!... Земляки!... Ворота... — бессвязно кричал он на бегу, тараща черные, сверкающие радостью глаза.

— Стой, стой, парень! — схватил его за плечо Мазин. — Дай-ка голову пощупать, ты что-то того...

— Совсем я не того, совсем не того! — вырываясь, быстро заговорил Витя. — Я сам сначала думал, что я того, а я не того...

Елена Александровна перестала смеяться и строго сказала:

— Не кривляйся, Витя! Терпеть не могу, когда кто-нибудь дурачком прикидывается!

— Да я не прикидываюсь, честное слово! Сейчас сами увидите. Идите скорей — и увидите!

Ребята, оставив Елену Александровну с девочками, побежали вперед.

— Ты хоть скажи толком, что случилось? — волнуясь, спрашивал Витю Трубачев. Но Витя повторял свое:

— Сами сейчас увидите!

Ребята добежали до стройки. Перед их глазами по обе стороны входа желтел новый зубчатый забор. Школьники и незнакомые подростки дружно ставили ворота. Они укрепляли в яме высокий столб, поддерживая его со всех сторон и громко командуя:

— Прямее держите!

— Засыпай землей, ребята!

— Стой, я спрыгну, утрамбую землю маленько!

Витя, протиснувшись в кучу ребят, тоже ухватился за столб. Васек по — глядел на своих товарищей. Они стояли в полном недоумении. Школьники, видя их удивленные лица, весело посмеивались. Андрейка, торопясь к ним навстречу, улыбался и кивал головой.

— Здорово, товарищи! — сказал он, подойдя ближе и протягивая всем по очереди руки. — Не обижайтесь на моих земляков — они тут без вас похозяйничали малость. Ремесленники! Ловкий народ!

— Андрейка, да ведь это просто чудо какое-то! — глядя на него широко открытыми глазами, прошептал Васек.

— Чудо в сказке бывает, а у нас это товарищеской помощью называется, только и всего. Вот кончится война — поймут мои земляки новые села отстраивать. Может, и мою деревню заново отстроят...

Ребята все еще не могли прийти в себя. Потом Мазин весело расхохотался:

— Ну озадачил ты нас! Мы еще на эту постройку не надивимся, а он уже про деревню толкует!

— Вперед глядеть никогда не вредно, — пошутил Андрейка и, увидев, что столб уже врыт, заторопился: — Ну, пойдемте, познакомлю с земляками! Вот они стоят, поджидают!

Ребята пошли знакомиться. Они крепко пожимали ремесленникам руки, смущенно благодарили за помощь.

— Ну, что это за работа — это для нас одни пустяки! Мы на больших постройках работаем!

Подошла Елена Александровна. Глаза ее от глубокого, радостного волнения казались ярко-синими.

— Товарищи ремесленники, директор хочет лично поблагодарить вас. Пойдемте в дом!

— Пойдемте, пойдемте! Мы вам нашу школу покажем! — зашумели ребята.

Ремесленники, окруженные шумной толпой школьников, двинулись к дому.

— Андрейка, у меня такой счастливый день сегодня! — шептал Васек, крепко сжимая руку своего друга. — Побольше бы таких дней, Андрейка!...

Ремесленники познакомились с директором, тщательно осмотрели весь дом, подолгу останавливаясь в классах и беседуя между собой на том особом языке специалистов своего дела, который приводит в смущение несведущего человека и вызывает глубокое уважение окружающих. Прощались они со всеми за руку и благодарность принимали сдержанно, с достоинством.

— Хорошие вы ребята! — с чувством сказал Андреюке Леонид Тимофеевич. — Только почему ты называешь их своими земляками? Разве вы из одной деревни?

— Какое из одной! Тут со всех концов нашей земли собрались, кто откуда! — усмехнулся Андрейка и серьезно добавил: — А все равно земляки — одна Родина у всех!

Уходили ремесленники так же красиво, как работали. Их одинаковая форма и фуражки с золотыми надписями «Трудрезервы» без слов указывали на то, что это идет сплоченный отряд тружеников — молодых строителей своей страны.

Леонид Тимофеевич задумчиво глядел им вслед, потом, заметив рядом Алешу Кудрявцева, спросил:

— А чем же кончилось ваше соревнование?

— Соревнование кончилось вничью, — спокойно ответил Алеша.

— Победили земляки! — сострил кто-то из ребят.

ПРАЗДНИК У ЛИДЫ

После занятий Лида отвела ребят в сторонку и торжественно сказала:

— Маму приняли в партию!

— Вот это здорово! Поздравляем тебя, Лида! — обрадовались ребята.

— Давай твою руку! — вспомнив Грицько, улыбнулся Мазин.

— Молодец твоя мама!

Проводив подруг, устроили спешное совещание.

— Давайте напишем Лидиной маме письмо! — предложил Сева.

— Зачем письмо? Просто пойдем сами и поздравим! Это ведь раз в жизни у человека бывает такое событие!

— То-то я смотрю — Лида пришла сегодня веселая такая! — заметил Саша.

— А я знала! Я с самого утра уже знала! — похвасталась Нюра.

— Ну, так как будем поздравлять, ребята? — спросил Васек.

— Я думаю, просто пойдем вечером и скажем, что мы все очень рады и желаем успехов, — предложил Одинцов.

О Лидиной новости ребята сообщили своим домашним.

— Обязательно пойдите! И от меня поздравьте! — сказала Ваську тетя Дуня. — Я бы сама зашла, да поздно работу кончаю. Неудобно на ночь глядя!

Вечером ребята толклись у Лидино дома.

— Рано пришли. Ирина Николаевна еще на работе, — сказал Петя. — Уйдем лучше пока.

— Вообще неудобно стоять здесь. Не на дворе же человека останавливать, чтобы поздравить! — пошутил Одинцов.

Ребята прошли по улице. Лида, сидя дома, видела их из окна и волновалась. Когда уж совсем стемнело, на тротуаре слышались быстрые шаги, и Лидина мама прошла мимо спрятавшихся за воротами ребят.

— Прошла... — тихо сказал Петя. — Теперь идемте!

— Подожди. Пусть хоть пообедает, ведь она после работы! — остановили его товарищи.

Снова погуляли по улице. Потом Одинцов решил:

— Я думаю, уже можно.

Вытерли на крыльце ноги. Осторожно позвонили у входной двери.

— Гуськом идите! — предупредил Васек.

Открыла Лида.

— А, здравствуйте! А я думаю, кто это? — притворно удивилась она.

— Здравствуй, Лида! Мы к твоей маме. Можно ее повидать? — приглаживая свой чуб, осведомился Васек.

Лидина мама вышла в переднюю:

— Кто меня спрашивает, Лидуша? Ребята бросились к ней все вместе. Одинцов не успел сказать приготовленную речь.

— Поздравляем вас, Ирина Николаевна!

— Мы пришли вас поздравить со вступлением в партию!

— Мы все очень рады за вас! И за Лиду рады, что у нее мама — коммунистка! — толпясь в передней, кричали ребята.

— Спасибо, спасибо! Я очень тронута, ребята! Идите в комнату... Лидок, зови товарищей в комнату! — говорила Лидина мама, пожимая протянутые к ней руки. — Спасибо вам, дорогие! Это очень трогательно, что вы пришли!

В комнате Одинцов еще раз официально поздравил Ирину Николаевну «от лица знакомых ей пионеров» и пожелал всяческих успехов.

Лидина мама, веселая, добрая, такая же быстрая и живая, как Лида, всегда нравилась ребятам. Бывая у подруги, они чувствовали себя просто, без стеснения. Но сегодня они были к ней особенно внимательны: когда Лидина мама входила в комнату, все сразу вскакивали, уступая ей место.

— Сидите, сидите! Сейчас будем пить чай... Вот какие гости у меня сегодня неожиданные! — говорила Ирина Николаевна, расставляя на столе стаканы.

Мальчики быстро освоились и сели играть в шашки. Лида и Нюра, присев на корточки около этажерки с книгами, оживленно разговаривали. Потом Нюра спросила:

— Ирина Николаевна, правда, что вы по всем этим книгам учились?

— По некоторым училась, а другие просто прочитала. Нюра остановила долгий, внимательный взгляд на книгах. За столом ребята весело болтали, рассказывали Лидиной маме о последних событиях в школе, о Васе, о новой учительнице Елене Александровне и о том, что они с ее помощью обязательно перейдут в шестой класс.

Нюра слушала, рассеянно улыбаясь и думая о своей матери. С тех пор как Мария Ивановна стала бывать в школе, отношения ее с дочерью изменились. Мария Ивановна на все теперь смотрела глазами Леонида Тимофеевича.

«Выдержат — так выдержат экзамен, а не выдержат — так будут учиться в пятом классе», — сказал ей однажды директор.

Мария Ивановна была рада переложить хоть часть своих забот на Леонида Тимофеевича и молоденькую учительницу. Кроме того, увлекшись работой в школе и ближе познакомившись с товарищами Нюры, она вдруг поняла, что страхи ее были напрасны, и, как бы заглаживая свою вину перед дочерью, часто говорила:

«Расстроенный человек бывает и несправедлив, ищет виновников своего горя и попадает на невиноватых. Так и я на ребят твоих думала».

Помирившись с матерью, Нюра тоже постепенно успокоилась, мать снова вызывала в ней чувство нежности и любви. Глядя, как старательно и серьезно она помогает Федосье Григорьевне шить занавески для школы, как, окруженная ребятами, кроит мешочки для подарков бойцам, Нюра радовалась, что ее мать уже не сидит дома, а участвует в общей школьной работе. Даже внешне Мария Ивановна очень изменилась. Она ходила теперь в темном платье и убирала волосы под скромную косыночку. И, когда однажды Нютка, прыгая через веревочку, нашла моток ниток и наивно спросила, какой учительнице их отдать — Федосье Григорьевне или Марин Ивановне, Нюра крепко поцеловала девочку и тихо шепнула:

— Отдай Марии Ивановне!

Теперь, празднуя радостное событие в доме подруги, она невольно сравнивала мать Лиды со своей матерью и снова чувствовала щемящую жалость в сердце при мысли о том, что ее маме, может быть, никогда не суждено стать в один ряд с такими людьми, как Лидина мама. И от этих мыслей в душе Нюры поднималось горячее желание помочь своей матери стать равной с другими. Сидя за столом и медленно отхлебывая из чашки остывший чай, она, забывшись, смотрела на полку с книгами, по которым училась Лидина мама.

А когда ребята собрались уходить и Ирина Николаевна на минутку замешкалась в комнате, Нюра, смущаясь до слез, тихонько попросила:

— Дайте мне для мамы одну книжку... вот из этих, что на полке.

Было уже поздно, и Васек, выйдя от Лиды, решил забежать за тетей Дуней.

— Скоро начнутся темные вечера. Тебе придется каждый день тетю Дуню встречать, — предупреждал его когда-то Саша, — она в темноте плохо видит.

— Я один не смогу каждый вечер, придется нам всем по очереди, — серьезно отвечал Васек.

— Ну что ж, будем по очереди, — соглашались товарищи. Заботиться о тете Дуне каждый считал своим долгом — ведь это она первая приняла их, когда они вернулись с Украины. Сегодня, выйдя из освещенной комнаты Лиды, Васек словно ослеп в темноте и сразу сильно забеспокоился:

— Побегу, ребята! Прощайте! До завтра!

Тетю Дуню он встретил по дороге. Она шла посреди мостовой, неуверенно переставляя ноги в тяжелых башмаках. Васек бросился к ней, радуясь, что они пойдут вместе по темной, неприветливой улице, что вместе откроют дверь запертого дома и войдут в свой теплый, уютный угол.

— Осенью я всегда тебя встречать буду. А когда не смогу, то ребята по очереди, — сказал он, беря ее за руку. По тетя Дуня вдруг запротестовала:

— Это что еще удумали? За руку будут водить! Нашлись умники!

— Да ведь ты поздно с работы идешь, — растерялся Васек.

— Когда полагается, тогда и иду. Скакать не скачу, и опрометью бежать мне нечего. А у вас занятий и без меня хватает... Какие провожатые нашлись!

Васек засмеялся:

— Храбрая ты, тетя Дуня!

— Закалилась. Не время себя распускать. Вот и насчет слез тоже. Правильно отец твой пишет: слеза не помощник, против нее тоже закалку надо иметь!

— Ну вот! — обрадовался Васек. — Значит, не будешь больше плакать?

— Нипочем не буду. Ни к чему это. Характер у меня твердый, трубачевский! — с гордостью сказала тетя Дуня.

Васек улыбался и, поддерживая тетку, незаметно направлял в темноте ее неуверенные шаги. Они подошли к дому. Васек нагнулся, чтобы взять под крыльцом ключ, но ключа не было.

— Никак не найду ключа, — сказал он, шаря в темноте руками.

— Ищи, он на своем месте должен быть, — забеспокоилась тетя Дуня.

— Может быть, мы забыли его в двери? — предположил Васек и взбежал на крыльцо.

Дверь оказалась запертой изнутри.

— Батюшки! Ведь, кроме своих, никто не знает, где мы ключ кладем. Кто же это? — прошептала тетя Дуня.

Васек крепко подергал ручку. Наверху раздался скрип отворяемой двери, и по ступенькам дробно застучали, чьи-то шаги. Дверь широко распахнулась, и на пороге стала девушка. Она была в шинели, без шапки, короткие волосы пушистыми прядями покрывали жесткий воротник.

— Таня! — вскрикнул Васек.

— Родные мои, милые!... — зазвенел знакомый девичий голос.

Тетя Дуня прижалась лицом к Таниной шинели:

— Доченька!...

Таня обнимала тетю Дуню, целовала ее волосы, морщинистые щеки... Потом прижала к себе Васька.

В маленькой кухоньке ярко загорелась лампа, зашумел чайник. Таня, похожая на молоденького красноармейца, сидела за столом в военной гимнастерке. Васек глядел в ее карие глаза с золотистым блеском и не узнавал прежнюю Таню.

В глубине этих знакомых с детства глаз таилась непривычная суровость, около румяных губ залегла глубокая складка. Васек не знал, откуда Таня пришла, где живет и как борется с врагами.

— В землянке живешь, Таня? — шепотом спросил он, припоминая все, что слышал о другой девушке-партизанке, о подвиге которой прочитал им однажды Костя. — В лесу?

Таня кивнула головой, сузила глаза:

— Огромные леса у нас, Васек! И не знала я, что есть такие чащобы на свете.

Тетя Дуня тревожно взглянула на нее:

— Батюшки! В чаще и волк заесть может! Васек и Таня улыбнулись.

— Фашисты хуже волков, — обнимая ее за плечи, сказала Таня.

— А фашисты где ж там тебе встречаются? Поодиночке ходят или скопом? — испуганно спросила тетя Дуня, сиюсь понять, что делает Таня в густом лесу, где воют волки и бродят двуногие звери — фашисты.

— Да не они мне встречаются, я сама их встречаю, — блеснув глазами, усмехнулась Таня.

— Батюшки!... — прошептала тетя Дуня, вытирая платком покрасневшие глаза. — Какой задор в тебе развился! Девчонка ты молодая... убьют ведь, искалечат...

— Мы их больше побили!

Пухлые губы Тани вдруг крепко сжались и стали тонкими, твердыми, брови сошлись на переносье, усиливая то новое выражение суровости, которое Васек с первого взгляда уловил в ее глазах.

Тетя Дуня замолчала.

— Страшно тебе, Таня? — крепко пожимая Танину руку, спросил Васек.

— Бывает и страшно. Выйдешь ночью — лес, глухомань. Будто наугад идешь, ничего не видишь. Цепляешься за кусты, за траву, где ползком, где на корточках, и все кажется — рядом кто-то валежником шебаршит, вот-вот схватит... А потом обвыкнутся глаза — и ничего... Ненависть сильнее страха — она куда хочешь поведет.

«А куда ты ходишь, Таня?» — хочет спросить Васек, но не спрашивает-может быть, она это не должна говорить.

— Много таких, как ты? Товарищей с тобой много?

— Пять человек нас спустили, а сейчас мы с партизанами соединились, — там нас много. Васек жадно раскрывает глаза.

— Как спустили? С парашютом? — шепчет он.

Таня кивает головой. Приподнимает светлую прядь коротких волос и показывает Ваську длинную, глубокую царапину около уха.

— В первый раз я спускалась. Вот как протащил меня парашют... по кочкам, по болоту... Дай-ка зеркальце, я погляжу — сильно изуродовал? — совсем по-девичьи беспокоится она, вглядываясь в свой шрам на щеке.

— Да нет, ничего не видно под волосами! — торопится уверить ее Васек.

— Ишь ты! — удивляется тетя Дуня. — О смерти не думаешь, а за красоту боишься.

Таня краснеет, и милое смущенное лицо ее прежней, веселой девочки вызывает у Васька яркое воспоминание о том времени, когда ему приходилось защищать ее от тетки.

— Конечно, тетя, что ж тут такого? Никому не хочется, чтобы на щеке шрам был, — неумело вступается он за свою подругу. — Таня у нас красивая...

— «Красивая, красивая»... — ворчит тетя Дуня. Ей чудится в девушке легкомысленный задор юности, слепое безрассудство, никому не нужная смелость, с которой она сама суется в логово врага.

— Кто у вас старший-то хоть? Командир, что ли? Или все такие молоденькие? — со вздохом спрашивает она.

— Есть и старшие. Командир наш — тоже комсомолец, хоть и старше всех, — задумчиво говорит Таня, и лицо ее вдруг светлеет. — Недавно мы у фашистов много своих людей отбили. В Германию они их хотели отправить, а мы по дороге отбили.

— Как же это? Расскажи, Таня, — просит Васек.

Тетя Дуня присаживается к столу:

— Отбили, говоришь?

— Ну да... Мальчонка из села прибежал, плачет: половину, говорит, деревни фашисты забрали — молодых и старых, женщин и девушек, повели к станции в вагоны грузить. Ну, мы и побежали к дороге. Спрятались во рву. Пять человек нас было. Видим — правда, ведут. Всех вместе, друг с дружкой, связали рядами... Командир и говорит одному нашему комсомольцу... Сережа его звали, славный такой был...

— Убит? — с испугом спросил Васек.

— Нет, ранен сильно... Привезли мы его... Ну вот, командир ему велел в охрану стрелять, когда подойдут ближе, чтобы панику сделать... — Глаза Тани презрительно сощурились. — Весь конвой за спины наших людей спрятался, как слышал выстрелы. Ведь фашисты подлые и трусливые. Связанные люди сбились на дороге, а конвой из-за их спин отстреливается...

— Батюшки!... — слабея, прошептала тетя Дуня.

— Женщины кричат... Страшно! — глядя в широко раскрытые глаза Васька, продолжала Таня.

— И как же вы?

— Мы к переднему ряду бросились, давай людей развязывать... Не глядя, веревки перерезали. Кого освободим, те с нами на конвой нападают, кто с чем... Конвой растерялся, палит куда попало, а мы на него со всех сторон намираем. Не забыть мне одну старуху. И откуда она взялась? Видно, лесом за внуком шла. Мальчишку у нее в селе взяли. Черная, глаза как угли... Выскочила из кустов с дубинкой — и на конвой. Мы к ней. «Бабка, — кричим, — отойди!» А она и слушать не хочет. Что ты с ней сделаешь! — мягко улыбнулась Таня.

— Всех освободили? — спросил Васек.

— Всех. С нами в лесу живут.

Тетя Дуня встала, обхватила руками Танину голову:

— Спасибо, доченька! А я-то, глупая, ничего в ваших делах не разбираюсь, думала — один задор в тебе.

Сидели долго. Таня расспрашивала Васька и тетю Дуню об их делах, читала письма Павла Васильевича...

На рассвете Таня ушла. Тетя Дуня и Васек стояли на крыльце. Гулкие девичьи шаги долго раздавались в тишине пустой улицы. Тетя Дуня плакала.

— Ведь вот. Паша свои замечания насчет слез делает, а ведь тут, поди-ка, случай какой... Таня пришла... жива-невредима... — Заметив расстроенный взгляд Васька, оправдывалась

Она.

НА НОВОЕ ХОЗЯЙСТВО

Прошло седьмое августа. Это был торжественный день для всей школы: государственная комиссия приняла новое здание, отстроенное руками школьного коллектива.

Секретарь райкома вместе с приезжими незнакомыми людьми снова обходил весь дом, внимательно оглядывая потолки, стены, полы и крышу. Юные строители издали наблюдали за приезжими и волновались до тех пор, пока секретарь райкома торжественно не объявил, что здание принято. Тепло поздравив директора и ребят с восстановлением школы, он пожелал успехов в учебе и, пообещав еще не раз навестить их в будущем учебном году, уехал. Вместе с ним уехали и незнакомые люди, принимавшие здание. Ребята бросились к директору.

— Ур-ра! Ур-ра! — хором кричали они, тесной толпой сгрузившись на лестнице перед учительской. — Ур-ра! Ур-ра Леониду Тимофеевичу!...

Леонид Тимофеевич вышел к ним растроганный и радостный.

Еще раз поздравив их и себя с благополучным завершением работы, он поднял руку и сказал:

— Но дело наше не кончено! Не кончено! И самое главное — впереди!

Ребята мгновенно смолкли и переглянулись. Глаза у директора смеялись, но он не шутил:

— Что, задумались? А загадка, по-моему, совсем не трудная. Ну-ка, подумайте, что главное у нас впереди?

Елена Александровна невольно выступила вперед и, покраснев, отошла.

— Вот я вижу, что Елена Александровна уже отгадала, но я ее не спрошу, — засмеялся директор, лукаво поглядывая на смущенную учительницу. — Я хочу, чтобы мне школьники ответили, что еще впереди самое главное.

Ребята начали отгадывать:

— Убрать классы!

— Парты перевезти!

— Пригласить учителей!

— Перевезти из старой школы имущество!

— Все это верно: убрать классы, перебраться из старой школы на новое хозяйство, пригласить учителей, — все это верно и совершенно необходимо. Но главное все равно остается впереди, — поддразнивал школьников Леонид Тимофеевич.

Ребята вдруг догадались все сразу.

— Главное — хорошо учиться! Учиться! Учиться на «отлично»! — весело выкрикивали они.

— Ну вот наконец-то вспомнили, зачем школу строили! — смеялся над ними директор.

Васек, стоя среди школьников, обменялся со своими товарищами тревожными взглядами,

«А мы-то... а мы-то как?» — думалось каждому. Елена Александровна заметила их волнение и, подняв голову, стояла решительная и непоколебимая, глядя перед собой упрямыми синими глазами. Только пальцы ее рук, заложенных за спину, крепко сжались.

Решено было немедленно начать перебираться из старой школы.

Ребята забегали по лестнице, зашумели. Елена Александровна оторвалась от своих мыслей.

— Выйдите все во двор! — скомандовала она. — Я сама распределю. Вы переполошите весь госпиталь! Постройтесь во дворе... Иван Васильевич, вы пойдете с двумя девочками. Они помогут вам перенести ваши пожитки. Еще двое пойдут со мной. Остальные, в полном порядке и совершенно тихо, будут ждать у ворот госпиталя. Мы вынесем им парты и все, что можно перенести на руках, — объясняла Елена Александровна. — Толя Соколов, бери первую партию ребят...

На помощь Елене Александровне вышел директор. Когда все утихло и наступил полный порядок, первая партия ребят двинулась к госпиталю.

В этот день жители городка с удивлением смотрели, как по улице весело шествовали школьники, перетаскивая на руках столы, парты и учебные пособия. Младшие несли стулья и, продев головы через спинки, весело барабанили пальцами по сиденью и пели кем-то наспех сочиненную незатейливую песенку:

*Шагаем мы по улице
И в барабаны бьем!
Назло проклятым гитлерам
Учиться мы идем!*

Мазин тащил из бывшей учительской огромное кожаное кресло: Он останавливался на улице, ставил кресло и, развалившись в нем, отдыхал посреди дороги, перебрасываясь веселыми шутками с прохожими.

В госпитале ребята вели себя тихо. Осторожно вытаскивали из сарая сложенную там школьную мебель, разговаривали шепотом, с опаской поглядывая на окна палат. Школьный сторож, собирая пожитки, кряхтел и, стоя посреди своей бывшей каморки, задумывался. Девочки, помогавшие ему перебираться на новую квартиру, почтительно стояли на пороге и ждали.

— Вы того... тут вот ящик у меня с приборами из физического кабинета — вещи тонкие, поосторожнее надо... — бормотал старик.

— Давайте, давайте! Мы донесем! — уверяли его девочки. Старик передавал ящик и снова задумывался, глядя на старые, знакомые стены своей каморки, где уютно и мирно прошли двадцать лет его жизни.

— Эх, привык я, ребята, к этому дому... Вот тут, у окошечка, сколько мыслей перевернул в своей голове, скольких ребят встречал и провожал на этом крыльце! Эх-хе-хе... Сколько всякого разного было в жизни, все добром вспоминаешь. А вот тот день, когда войну объявили, как крючок в памяти! Будь они прокляты, живодеры эти, фашисты! — вздыхал школьный сторож, прикрывая за собой дверь опустевшей каморки.

В госпитале переезд тоже вызвал оживление. Нина Игнатьевна радовалась освобождению лишней комнаты и загруженных школьной мебелью сараев. Комната бывшего сторожа была нужна сестре-хозяйке под кладовую. Санитарки спешно мыли и чистили ее, не обращая внимания на старика.

— Ну, ну, заторопились! Еще человек ноги не унес, а они уже — раз-два! — живо тряпок понакидали, ручки распустили по всему полу... — сердился Грозный, никогда не допускавший и мысли, что кто-нибудь может хозяйничать в его комнате, хотя бы и опустевшей.

Ключи от классов и от сарая он долго не хотел отдавать.

— Да зачем они вам, Иван Васильевич? У вас теперь в новой школе еще больше ключей будет, — мягко уговаривала старика Нина Игнатьевна и тут же, уступая ему, как упрямому

ребенку, снисходительно говорила: — Ну, оставьте, оставьте себе от классов — мы палаты не запираем. Но вот от своей комнаты и от сарая, уж пожалуйста, отдайте. Ведь у вас почти все перевезено...

Грозный со вздохом отдавал ключи, строго предупреждая:

— Не потеряйте, я двадцать лет хранил!...

Уходя, он потребовал халат, прошелся по всем коридорам, и, забывая, что из госпиталя уже давно выписались те бойцы, которые помнили строгого старика, жившего под лестницей в маленькой каморке, Грозный осторожно открывал двери палат и растроганно кланялся:

— До свиданьица!

— До свиданья, отец! — хором отвечали ему бойцы.

— Что, уезжаешь, что ли, куда? — удивленно спрашивали некоторые, разглядывая незнакомого старика.

— До свиданьица... двадцать лет тут работал... — качал головой старик.

Нюра и Лида, прощаясь со старшей сестрой, просили побережь Валину березку.

— Мы ее осенью обязательно пересадим, — говорили они. — Это наша. Она тоже пойдет с нами в новую школу.

— Ну конечно, конечно! Да ведь вы и сами прибежите не раз. Разве мы расстаемся навеки? — улыбалась Нина Игнатьевна. — Вы здесь помощницы!

Васек на одну минуту заглянул к Васе. Тот обнял его за плечи и быстро шепнул:

— Уезжаю, браток! Скоро к вам в школу прощаться приду. Потащив Ваську в палату, он отвернул на койке край матраца и добавил с лукавым озорством:

— Вот она, шинель-то! Выдали. Донял я их тут... Не моя ведь шинель — командира... Ты потрогай... А вот тут, гляди... — Глаза его стали озабоченными, он вытащил один рукав и показал Ваську опаленную огнем дырку у обшлага. — Осколком пробило. Руку, видать, ему задело. Может, и кровь тут была, да дезинфекцией вывели.

Васек с трепетом взял жесткий рукав, осторожно потрогал дырку от осколка.

— А больше-то нигде ничего нет, я все осмотрел, — переворачивая шинель, говорил Вася и, радостно вскинув брови, вдруг спросил: — Может, этот осколок в меня попал, а? Когда я под шинелью его лежал... У меня в ногах-то сколько осколков было! Может, и этот вынули? Как думаешь?

Васек не знал. С нежностью глядя жесткое сукно шинели, он думал об отце, об учителе и о неизвестном раненом командире...

Перевозка кончилась поздно. Завтра предстояло красить и обновлять парты. Елена Александровна торопила ребят расходиться по домам. Васек вспомнил, что он еще не читал дневника, который без него дописывал Одинцов.

«Надо взять на вечер домой, почитать», — подумал он и побежал в пионерскую комнату.

Около круглого столика стоял Алеша Кудрявцев. Углубившись в чтение, он не слышал, как скрипнула дверь. Но, почувствовав на себе чей-то взгляд, быстро закрыл дневник и обернулся. На пороге стоял Трубачев.

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Весь этот день Алеша мучился желанием дочитать дневник. Остановившись на описании того, как Трубачев и его товарищи скитаются в лесу, Кудрявцев вынужден был отнести дневник и положить на место, чтобы ребята не заметили его исчезновения.

Помогая в перевозке мебели, складывая на дворе парты, он вдруг задумывался о прочитанном, отвечал на вопросы невпопад и с нетерпением ожидал вечера, когда ребята начнут расходиться по домам. Постепенно сутолока в доме и во дворе утихла. Алеша незаметно пробрался в пионерскую комнату. Как раз в этот день в пионерской комнате было проведено электричество, и на радостях там все время горел свет. Алеша осторожно прикрыл за собой дверь, задернул занавески и, найдя страницу, на которой он остановился, углубился в чтение.

Шаг за шагом вместе с голодными и измученными ребятами добрался он до Макаровки; в его ушах шумел лес, во рту пересыхало от жажды; ему казалось, что вокруг носится запах хвои и мяты...

Алеша забыл, что он находится в пионерской комнате, куда каждую минуту может кто-нибудь войти.

Он вместе с ребятами подходил к Макаровке, волнуясь и радуясь предстоящему свиданию с девочками. Смерть Вали Степановой потрясла его. Черные строчки, старательно выписанные разборчивым почерком Одинцова, запрыгали перед глазами, горячий комок сдавил горло. В комнату кто-то вошел.

Алеша закрыл дневник, испуганно оглянулся и встретился с удивленным взглядом Трубачева. Секунду они стояли друг против друга, лицом к лицу. Васек видел широко открытые глаза Кудрявцева. Только что пережитое волнение оставило в них теплый, влажный блеск.

— Алеша... — тихо окликнул Трубачев.

Кудрявцев шагнул вперед и без слов протянул товарищу руку.

Васек крепко сжал его пальцы.

За дверью вдруг раздались легкие шаги, и в комнату заглянула Елена Александровна.

Два мальчика, держа друг друга за руки, стояли около круглого столика.

— Мы уже уходим, — сказал Трубачев и, потянув за собой Алешу, вышел в коридор.

Они молча миновали классы, закрыли за собой парадную дверь и пошли по двору. Белеющий в сумерках забор живо напомнил обоим их недавнее соперничество и вражду. Алеша еще крепче сжал руку Трубачева. Васек, улыбаясь, взглянул в лицо товарищу и просто сказал:

— Я всегда хотел с тобой дружить.

— Я тоже... — волнуясь, прошептал Алеша. — Но я сделал много плохого...

— Об этом не вспоминают, когда мирятся, — быстро перебил его Васек. — И после ссоры дружба бывает еще крепче.

Мальчики пошли вместе домой. По дороге они говорили много и торопливо, забрасывая друг друга вопросами, как люди, встретившиеся после долгой разлуки. Васек с дружеской откровенностью рассказал о своей тревоге за отца, рассказал, как он и его товарищи всю зиму занимались с Костей, с Анатолием Александровичем, с Екатериной Алексеевной, как теперь к

ним на помощь пришла Елена Александровна, какая она замечательная учительница!

— И все-таки нам очень страшно: ведь нам предстоит экзамен! Можно не ответить на какой-нибудь вопрос — и тогда конец, сесть на второй год! Мы об этом даже думать не можем! — говорил Васек.

— Как бы Елена Александровна вас не подвела! Ведь она все-таки печник, — заволновался Алеша.

Васек остановился, серьезно поглядел ему в глаза:

— Елена Александровна — очень хорошая учительница, и она настоящий друг ребятам! Алеша молчал.

— Я хочу, чтобы ты знал это. Алеша! — настойчиво повторил Васек и снова горячо начал рассказывать, как в самый трудный момент их жизни пришла к ним на помощь Елена Александровна, как она изо всех сил старается подогнать их по арифметике, какая она строгая и справедливая, — Не ее вина будет, если мы все-таки останемся на второй год, — грустно закончил Васек.

— Вы не должны остаться, Трубачев! Мы будем из класса в класс переходить вместе. У меня никогда не было настоящего друга... Я прочел ваш дневник и многое понял... Послушай, Трубачев! Может быть, вас переведут без экзамена? Ведь директор знает, что вы пропустили год, что вам трудно... — заволновался Алеша.

Васек засмеялся:

— Чудак ты, Алеша! Ведь это учеба — тут уж поблажки ждать нечего!

Мальчики проговорили до позднего вечера. Сначала Алеша провожал Трубачева, потом Трубачев — Алешу. Во дворе своего дома Кудрявцев увидел отца. Накинув на плечи китель, генерал вместе с шофером возился около машины.

— Подожди! Я только скажу отцу и опять провожу тебя, — быстро шепнул Ваську Алеша. Генерал вышел к воротам сам.

— Я сердечно рад! — сказал он, крепко пожимая руку Ваську.

ЗАВЕРШЕННЫЙ ТРУД

Был теплый, солнечный день. Во дворе школы, поблескивая свежим лаком, как черные паровозики, стояли ряды обновленных парт. Около них вертелись школьники с кистями и консервными банками, наполненными лаком. Это была веселая работа — каждому хотелось красить парты для своего класса. Тут же, на дворе, оба Мироныча занимались починкой отсыревшей в сарае мебели. Грозный со старшими ребятами приводил в окончательный порядок весь дом. Толя Соколов вместе со своими семиклассниками заканчивал проводку электричества.

В зале впервые заговорило радио. Теперь уже можно было всем вместе послушать сводку. Леонид Тимофеевич смотрел, как просторный, сверкающий белизной школьный зал наполнялся будущими учениками, как, чинно рассаживаясь на стульях, они приготавливались слушать сообщение.

Маленькая сцена, покрытый красным сукном стол, стулья с кожаными спинками напоминали старую, милую школу — только всем казалось, что школа эта вдруг выросла, раздвинула свои стены и посветлела. Леонид Тимофеевич стоял за столом и с глубоким волнением глядел на серьезные, поднятые вверх лица школьников.

«...На Воронежском фронте наши войска заняли несколько населенных пунктов, уничтожив при этом тысячи немецких солдат и офицеров. Наши части, переправившиеся на западный берег Дона, отбили несколько атак противника и уничтожили двенадцать немецких танков^[2]».

Ребята слушали и думали о том, что где-то на фронте люди, не жалея жизни, борются, отстаивая каждую пядь родной земли, что этим людям очень трудно, что здесь, в тылу, все должны помогать им по мере сил. Оглядывая свой школьный зал, ребята чувствовали удовлетворение оттого, что они не сидели сложа руки, они тоже принимали участие в общем труде. Среди них не было равнодушных, не было лентяев и лодырей, не было ни одного человека, который пытался бы увильнуть от работы. И эта общая работа соединила их крепкой дружбой. Многие из них здесь встретились впервые, а теперь стали близкими товарищами. Их дружба стала прочной и нерушимой, она вошла с ними в новую, отстроенную их руками школу, она уже царила в классах.

Наступит счастливый день победы! Новые и новые школьники будут приходить в эту школу, сидеть в классах, занимать парты, стоять у доски, учиться.

В этом зале младшие будут получать пионерские галстуки, а старшие — комсомольские билеты. Отсюда будут выходить на широкую дорогу жизни счастливые выпускники...

Ничто не может сравниться с гордым ощущением человека, который вложил в свой труд все силы, все волнение своей души и наконец закончил его во славу Родины! И потому каждый школьник, сидящий в зале, глубоко понял простые слова, сказанные их директором с маленькой трибуны:

— Достоинство человека — в труде!

Васек Трубачев стоял в кругу своих товарищей, открытое лицо его светилось радостью.

Когда голос диктора смолк, школьники торжественно запели гимн. Высокий, сильный голос Елены Александровны уверенно и четко вел за собой голоса школьников, сливая их в

дружный, крепко спаянный хор.

ПРОЩАНИЕ С ВАСЕЙ

В этот день ребята ждали Васю. Накануне вечером он передал через тетю Дуню, что перед уходом на вокзал зайдет в школу проститься.

Прощание с Васей волновало ребят.

Тихий говор в палате, рассказы о бесстрашии командира, упорная мечта встретиться с ним вновь — все это вместе с светлоглазым озабоченным Васей уходило теперь из их жизни надолго — может быть, навсегда.

Мальчики нетерпеливо расхаживали по дорожкам, девочки стояли у ворот. Выглядывая на улицу, издали принимали за Васю какого-нибудь прохожего.

— Вася?... Нет, не Вася!

День был жаркий. Деревья стояли, опустив ветки с пыльными, сухими листьями; только темно-зеленые елки в палисадниках казались прохладными, сочными, неувядающими.

Ребята были в одних майках, в коротких, засученных выше колен штанах и в тапках на босу ногу, девочки — в легких сарафанчиках. Но Вася пришел в шинели. Еще издали ребята увидели одетого по-дорожному красноармейца с вещевым мешком за плечами.

— Вася!

— Уезжаю, ребята! — Вася протянул обе руки. Бледное лицо его сияло, губы растягивались знакомой ребяческой улыбкой. — Отпустили меня наконец! Вот, зашел попрощаться! — охорашивая туго застегнутую шинель и поглаживая на пилотке красную звездочку, говорил Вася.

Ребята заглядывали ему в глаза, трогали аккуратно заштопанный рукав шинели:

— Пиши нам, Васенька, чаще пиши!

Окружив со всех сторон отъезжающего товарища, они деловито беседовали с ним о фронте, о назначении в новую часть и, прерывая себя, грустно добавляли:

— Когда-то увидимся!... Не забывай нас, Вася!

— А если вдруг командира своего встретишь, пиши скорей! — попросила Лида.

Васе показали новый забор, широкий двор школы.

— Вы тут попозднее осенью сад посадите. Я приеду — чтобы яблоки были! — шутя наказывал Вася.

Шумной гурьбой поднялись по лестнице в дом, обошли все классы, учительскую, большой зал. Леонид Тимофеевич и Елена Александровна приветливо поздоровались с молоденьким красноармейцем, пожелали ему крепко бить фашистов и скорей возвращаться домой.

В одном из классов Мария Ивановна и Федосья Григорьевна вместе с малышами складывали в мешочки подарки бойцам. Вася, чувствуя себя одним из тех бойцов, которому тоже готовится подарок, трогательно и ласково благодарил за внимание. Живая, как ртуть, Нютка, выбрав самый красивый мешочек, громко зашептала на ухо Федосье Григорьевне:

— Подарим сейчас! Он ведь тоже красноармеец. Подарим сейчас!

Вася услышал, застеснялся:

— Не надо. Я уж к празднику получу, вместе с фронтовыми товарищами...

Но Федосья Григорьевна, посоветовавшись с Марией Ивановной, все же подарила ему теплые носки и перчатки. Ребята были очень довольны.

Обойдя верхний этаж, спустились по лестнице вниз и открыли дверь в пионерскую комнату. Вася остановился на пороге, оглядел убранные плакатами стены, улыбнулся:

— Хорошо убрали! Небось все лучшее в эту комнату принесли... Вот мы в школе, бывало, тоже так: что покрасивее — то в свою пионерскую комнату тащим.

— Вася, вот здесь герои! Смотри, Вася... А вот карта! А это будущая газета к первому сентября! — дергали его во все стороны ребята.

— Вася, а вот наш учитель Сергей Николаевич! И Митя! — подводя гостя к фотографии, серьезно сказал Васек.

— Вот, вот наш учитель! — зашумели вокруг остальные ребята.

Вася близко подошел к фотографии, потом быстрым, растерянным взглядом пробежал по лицам ребят и глухо сказал:

— Шутите...

Губы его дрогнули не то от обиды, не то от испуга, на бледном лбу выступили капельки пота.

— Кто это? — упираясь пальцем в Сергея Николаевича, шепотом спросил он.

— Это наш учитель! — удивленно и строго повторил Трубачев.

Вася вспыхнул горячим, густым румянцем:

— Это мой командир!

Ребята растерянно глядели то на него, то на фотографию. Волнение, вызванное словами Васи, привлекло в пионерскую комнату директора и Елену Александровну.

— Это он! Я его сразу узнал... по глазам, по улыбке... — обращаясь ко всем по очереди, взволнованно твердил Вася.

Леонид Тимофеевич подробно расспросил Васю о тех местах, где шел бой, принес последнее письмо учителя, внимательно — перечитал его, сверил дату и задумчиво сказал:

— Да, направление то же... Очень вероятно, что это именно Сергей Николаевич.

— И ты ничего, ничего не знаешь о нем, Вася? — со слезами спросила Нюра, забывая, что много раз в госпитале уже задавала этот вопрос и что именно неизвестность судьбы командира мучила молодого красноармейца.

Ребята смотрели на Васю новыми глазами. Припоминая все, что он рассказывал в палате, они приходили теперь в отчаяние оттого, что Вася, который бился плечом к плечу вместе с их дорогим учителем, уезжает. И то, что бесстрашный командир оказался Сергеем Николаевичем, по-новому освещало Васины рассказы: ребятам хотелось бы слушать их сначала, подробно расспрашивать обо всем. Теперь каждая мелочь из жизни командира приобретала особое значение.

И, волнуясь, ребята пытались удержать Васю подольше около себя. Но Вася уже ничего не рассказывал. Потрясенный не менее ребят своим открытием, он не отходил от фотографии, повторяя два слова: «Это он!»

Елена Александровна скрепя сердце отложила занятия и позволила ребятам проводить Васю на вокзал. Когда подошел поезд, Вася снял пилотку, поцеловался с каждым из ребят и по-детски жалобно сказал:

— Все сердце у меня изболело. Увидел — и уезжаю. А где он? Жив ли? Если когда приедет к себе домой, скажите ему, ребята: много Васей на свете и много у него в части красноармейцев, только, может, и вспомнит он подносчика снарядов с четвертой батареи... Уехал, мол, на фронт в его шинели.

ПОСЛЕДНИЕ УСИЛИЯ

После отъезда Васи ребята почти перестали бывать в школе — все время уходило на занятия. Вместе с Еленой Александровной и Екатериной Алексеевной они прилагали отчаянные усилия, чтобы укрепить свои знания.

По арифметике самым лучшим учеником по-прежнему был Петя Русаков. Елена Александровна удивлялась и радовалась его способностям.

— Этот перейдет, — уверенно говорила она Екатерине Алексеевне.

Та грустно улыбалась в ответ:

— Я уж, кажется, ничему не рада — мне всех жалко. Я прямо болею душой за них!

Елена Александровна мысленно подсчитывала оставшиеся дни. Их было немного. Подготовленные для экзамена примеры и задачи уже лежали в портфеле директора. Вызывая ребят к доске, Елена Александровна спрашивала теперь по всему курсу. Когда кто-нибудь медлил с ответом, глаза у нее темнели от волнения, лицо становилось бледнее и строже. Ребята бросали тревожные взгляды на товарища, с нетерпением ожидая его ответа.

Стоявший у доски знал, что переживают за него ребята и учительница. Он сосредоточенно морщил лоб, старательно обдумывал заданный вопрос и, наконец ответив на него, вызывал у всех радостный вздох облегчения.

Один раз это был Васек. Он никак не мог вспомнить, как найти наименьшее общее кратное трех чисел. Елена Александровна быстро перелистала учебник, нашла правило и, показывая его Ваську, взволнованно сказала:

— Трубачев, запомни! Запомни! Вот это правило... Запомни глазами, запомни на слух!

Васька поразило и тронуло выражение тревоги в ее глазах.

Ребята занимались весь день. Они прибегали домой только пообедать, потом снова садились заниматься. Отпуская их вечером по домам, Елена Александровна говорила: «Пожинайте и ложитесь спать. Дома ничего не делайте!»

— Что вы там пропадаете целые дни? — недовольно спрашивал Елену Александровну директор. — Нельзя же заниматься с утра до вечера! Когда же они отдыхают?

Но Елена Александровна сама не знала отдыха. Директор заметил, что она похудела и осунулась за эти дни.

«Только бы все это не было напрасно!» — думал про себя Леонид Тимофеевич. Экзамены были назначены на крайний срок — двадцать пятое августа.

НОВЫЕ УЧИТЕЛЯ

Витя Матрос, скучая без Трубачева, каждый день поджидал его после занятия у дома Екатерины Алексеевны.

— А нам новых учителей прислали! — захлебываясь, рассказывал он ребятам последние школьные новости. — Один важный такой, в очках, с бородой. Физик.

— Откуда ты знаешь, что физик?

— Сразу видно. Как только пришел, так и потребовал кабинет для физических приборов. Учителей всегда видно, кто по какому предмету. Учительница литературы пришла и тоже сразу за свое взялась — давай библиотеку устраивать! Старенькая, седая, а голосище у ней! Все как будто декламирует что-то... В нижнем коридоре шкафы с книгами поставила, столик, велела лампочку вернуть и сидит. Книги выдаст.

— А кто из ребят ей помогает? — с грустью спросил Малютин. Работать в библиотеке было его давнишней мечтой.

— Тишин ей помогает.

— Тишин?

— Ну да. Он любит читать. Кудрявцев ему говорит один раз: «Ты, — говорит, — Тишин, читаешь про хорошее, а сам поступаешь плохо». А Тишин нагнул голову и смотрит: «Я, — говорит, — книгу к себе не применяю!»

Витя фыркнул и поглядел на лица ребят. Те хмуро улыбались.

— А математика не прислали еще? — спросил Петя Русаков.

— Математика? Нет. Учительница по географии пришла вчера. Строгая, ну-ну! — Витя покрутил головой. — Первому от нее Грозному попало. За глобус. Он в сарае лежал и отсырел, а потом высох, и трещина какая-то на нем появилась. А учительница — к Ивану Васильевичу: «Ну как я детей учить буду? Ведь тут каждая ниточка что-нибудь обозначает! Тоненькую трещину можно за речку принять». Грозный на 303

дел очки и говорит: «Ничего особенного я не вижу, все на свете меняется. Может, когда-нибудь и речка тут будет». Мы прямо чуть со смеху не умерли!

Витя, болтая, провожал Трубачева до самого дома.

— Я все надеюсь, Трубачев, что ты в нашем классе останешься, — искренне сознался он однажды.

— Нет, Витя, не желай мне этого! — серьезно попросил его Васек.

Витя огорчился:

— Мы бы с тобой вместе учились, вместе потом и в моряки пошли!

Один раз около дома Екатерины Алексеевны Васька встретил Алеша Кудрявцев.

— Ну, как у вас дела? — озабоченно спросил он Трубачева. — Я хотел у Елены Александровны узнать, но ее нигде не видно.

— Она все время с нами. Мы готовимся.

Алеша с глубоким сочувствием смотрел на осунувшиеся лица ребят.

«Зачем мучить их экзаменами!... Если б папа поговорил с директором... он все-таки генерал, его просьба много значит...» — быстро подумал он про себя и, покраснев, решительно отогнал эту мысль.

— У вас только по арифметике будет экзамен? — спросил он вслух.

— Не знаю! Остальных предметов мы не боимся. Алеша задумался:

— Ну, а как вы чувствуете, выдержите? — с беспокойством спросил он, прощаясь.

— Мы все прошли, но мало ли какой случай... Ведь у нас нет годовых отметок, которые тоже считаются, если на экзамене ошибешься, — серьезно пояснил Сева.

Обеспокоенный участием своих новых друзей, Алеша печально бродил по школе и, зорко приглядываясь ко всем учителям, нетерпеливо ждал математика.

«Если он придет, я заведу с ним разговор, дам ему дневник... Вот, скажу, у нас в школе есть ребята, вы почитайте про них, пожалуйста. Они пионеры, отличники... Неужели провалит после этого?»

Алеша не находил себе места.

Один раз в школу пришел человек с узким, длинным лицом, твердым носом и шишковатым, выпуклым лбом. На сухощавой фигуре его ловко сидел темно-синий костюм, на голове мягкая шляпа придерживала тонкие бесцветные волосы.

Незнакомый человек спросил Леонида Тимофеевича и в ожидании его прохаживался по двору.

«Математик!» — почему-то уверенно подумал Алеша и выбежал во двор.

— Здравствуйте! — бойко сказал он, подходя к незнакомцу. — Директор скоро придет.

— Я подожду, — сказал тот.

— Может, зайдете в пионерскую комнату? Там можно посидеть! — предложил Алеша.

— Можно зайти, можно посидеть, можно и постоять, — согласился пришедший.

Алеша проводил его в пионерскую комнату. «Математик», заложив за спину руки, пристально поглядел на электрическую лампочку, низко свисавшую над столом, потрогал шнур. Потом открыл дверь в коридор, пошарил глазами по потолку, отрывисто спросил:

— Сколько у вас точек? Алеша не понял.

— Садитесь на диван, — вместо ответа торопливо сказал он и, волнуясь, взял в руки дневник. — У нас в этой школе есть отличники, пионеры... Они всегда очень хорошо учились. Очень способные! Особенно по арифметике. И вообще... Вот дневник. Хотите почитать?

Пришедший поглядел на Алешу. Глаза его оживились, на губах появилась добрая улыбка:

— Я дневниками не занимаюсь. А вы учитесь, учитесь... Хорошие отметки — это уж обязательно. На то вы и пионеры.

В комнату заглянул Леонид Тимофеевич:

— Здравствуйте! Вы ко мне?

Пришедший заторопился и, держа под мышкой шляпу, пошел за директором.

Алеша долго стоял посреди комнаты, потом положил дневник и тоже пошел наверх.

Около лестницы, повесив на перила свой пиджак и взгромоздив на него сверху шляпу, «математик» прибавал на стенку электрический счетчик.

Алеша понял, что ошибся.

«Разве теперь узнаешь людей! Одет, как учитель, и математические шишки на лбу!» — с горечью подумал он.

Школа с каждым днем наполнялась новыми людьми. Приходили родители, учителя, школьники. В учительской шумно двигались стулья, раздавались незнакомые голоса. Грозный, гремя новенькой связкой ключей, отпирал и запирал чистые, проветренные классы. Школьники толпились во дворе и в коридорах, где в глубокой нише худенькая седая женщина меняла им книги и выдавала учителям учебники. Алеша одиноко бродил между школьниками с одной тоскливой мыслью: что, если Трубачев останется в пятом классе? Не заглохнет ли снова их дружба? Неужели ему, Алеше, не придется сесть за одну парту с

Однажды в школе появился еще один новый учитель. Это был высокий, прямой старик с серьезными, умными глазами, с седеющей шевелюрой. Алеша пытливо, но безнадежно вглядывался в его лицо, провожая к Леониду Тимофеевичу.

— К вам кто-то пришел, Леонид Тимофеевич, — тихо сказал он, забежав вперед и открывая дверь в учительскую. Директор остановили на пороге:

— Ба! Кого я вижу! Дорогой Анатолий Александрович!... Вернулись? Ну вот и хорошо! — Он обеими руками крепко пожал руку высокому старику. — Как раз к экзаменам ваших учеников — Трубачева и его товарищей. Слышал, слышал от них, как вы занимались!

Алеша стоял в дверях, словно пригвожденный к месту. Директор заметил его:

— Кудрявцев, можешь передать своим друзьям, что экзамены по ботанике они будут держать у Анатолия Александровича.

— С вашего разрешения, я уже перевел их в шестой класс по своему предмету и надеюсь увидеть их в числе моих учеников, — живо сказал Анатолий Александрович, присаживаясь на диван. — Интересно, как вообще их дела по другим предметам? С ними занимался по географии один комсомолец — Костя. Кстати, интересно, не слышно ли о нем чего-нибудь?

— Ребята говорили — он под Ленинградом воюет. Жив, здоров! Они в райкоме комсомола узнавали, — быстро сообщил Алеша и, не дожидаясь дальнейших расспросов, бросился искать, ребят Трубачева, чтобы рассказать им хорошую новость.

«ЕЩЕ МЫ ВМЕСТЕ...»

Ребята сидели на своем любимом месте — около бывшей землянки Мазина и Русакова.

Пруд обмелел, затянулся зеленой ряской. На черном илистом берегу обозначились чьи-то глубокие засохшие следы. Кусты, росшие по самому краю воды, отодвинулись, в ярком свете солнца на них дрожали и переливались тонкие паутинки. Невесело квакали лягушки. Береза поредела, зеленые ветви ее кое-как уже зажелтели, и несколько листьев, сорвавшихся с дерева, сиротливо плавали на поверхности пруда. Ребята сидели тихие, грустные. Это был их последний день перед экзаменом.

Сегодня Елена Александровна еще раз проверила всех по очереди. Потом, откинув со лба пушистые волосы, улыбнулась:

— Теперь отдыхайте, собирайтесь с силами и приходите на экзамен бодрые, уверенные в себе.

— Спасибо вам, Елена Александровна! Что бы ни было, мы никогда не забудем, как вы нам помогали!

Елена Александровна ушла. Ребята сложили учебники и тетради, отодвинули к сторонке стол, повернули к стене доску.

Екатерина Алексеевна молча смотрела, как они прибирали комнату.

Ребята подошли попрощаться.

— Спасибо, Екатерина Алексеевна!... — дрогнувшим голосом сказал Васек.

Екатерина Алексеевна обняла его.

— Ну, гуляйте, отдыхайте, — быстро заговорила она, провожая ребят, — и не думайте ни о чем!

Васек, оказавшись вдруг свободным от всяких дел, не знал, куда идти. Товарищи его чувствовали себя так же. Их лихорадочная учеба оборвалась как-то внезапно — им все казалось, что нужно все что-то делать, куда-то торопиться. Ощущение свободы не приносило покоя.

— Пойдемте на пруд! — предложил Васек. Ребята вспомнили, что давно не были в своих любимых местах, и обрадовались.

— Гулять так гулять! — невесело сказал Мазин. О предстоящем экзамене, словно по тайному уговору, никто больше не говорил.

— Эх, жаль — нельзя купаться! — поглядев на обмелевший пруд, заметил Петя Русаков.

Васек пощупал свои мускулы. Ему показалось, что за последнее время они ослабели.

— Давайте сделаем физкультуру на воздухе! — предложил он.

Ребята послушно встали.

— Вдох-выдох! — то вскидывая вверх руки, то касаясь кончиками пальцев земли, командовал Васек.

Ребята повторяли его движения вяло, без охоты. Мазин вдруг круто повернулся и вышел из строя. Саша вопросительно поглядел ему вслед и сказал:

— Давайте лучше споем что-нибудь.

Нам песня строить и жить помогает... -

высокими голосами затянули девочки.

*И тот, кто с песней по жизни шагает,
Тот никогда и нигде не пропадет, -*

громко подхватили мальчики. Но хор, начатый так бодро, постепенно ослабевал, голоса становились все тише и наконец совсем замолкли.

— Давайте просто посидим тихо на бережку, — предложила Нюра. — Нам же отдыхать надо.

Девочки уселись вместе на пенек, мальчики расположились возле них на траве.

«Что, если кто-нибудь из нас не выдержит завтра экзамена?» — эта мысль мучила каждого.

Сева Малютин обнял за плечи своих товарищей.

— Еще мы все вместе... — тихо сказал он, выражая этими словами общее настроение.

Наступило долгое молчание. На воде желтыми и зелеными корабликами плавали листья, то собираясь в кучку, то под легким ветерком разбегаясь в разные стороны.

Солнце садилось...

Мазин вдруг вскочил и с силой швырнул в воду булыжник.

— Правильно, Мазин! — громко сказал Васек вставая. — Надо взять себя в руки. У нас еще есть самое главное! Ребята вопросительно поглядели на него.

— Мужество! — весело и гордо сказал Васек.

Елена Александровна медленно шла по улице. В глазах ее все еще стояли растерянные лица ребят. Что ждет их завтра? Она и сама была расстроена, не чувствуя твердой уверенности в том, что этот экзамен для всех ребят пройдет благополучно. В школу идти не хотелось — Леонид Тимофеевич сразу увидит, что она волнуется.

«У директора четыре глаза, — грустно улыбаясь, думает молоденькая учительница, — он видит сразу четырьмя: себя, меня, ребят и всю школу! Он обязательно догадается, что я беспокоюсь за исход экзаменов...»

Она сворачивает то в одну улицу, то в другую.

«Гуляю... — с горечью думает Елена Александровна. — И ребята гуляют. А на сердце у меня и у них такая тяжесть... Только бы они перешли! Я буду с ними заниматься после уроков, я сделаю их круглыми отличниками... Интересно, кто будет экзаменовать? Если чужой, равнодушный человек начнет сухо задавать вопросы — собьет, перепугает... Надо бы узнать кто, поговорить с ним заранее... Почему я так нехорошо думаю? Ведь в школу идут работать только те люди, которые по-настоящему любят детей... И все-таки надо поговорить. Надо что-то еще сделать-подготовить учителя, рассказать ему, что эти ребята не лентяи какие-нибудь, что если кто-нибудь и ошибется, то все же у них есть знания...»

Елена Александровна сворачивает к школе. Издалека виден зеленый забор и высокие ворота. За домом несколько школьников все еще докрашивают этот забор. На дворе беседуют матери, около них чинно стоят будущие первоклассники, лукаво поглядывая друг на дружку. По дорожке, заложив за спину руки, прохаживается учитель физики; в раскрытое окно видно, как учительница географии вместе с девочками вешает на стену карту. Еще какие-то незнакомые люди попадают на встречу.

Елена Александровна быстрым, внимательным взглядом пробегает по лицам... Кто из этих новых людей будет завтра решать судьбу Трубачева и его товарищей? Кому она должна будет доверить своих ребят? Надо спросить директора. Он, конечно, уже знает.

— Здравствуйте! Здравствуйте, Елена Александровна! — радостно кричат школьники.

Несколько девочек срываются со скамейки и подбегают к ней:

— Вы куда? К Леониду Тимофеевичу? Он в учительской.

— К нему какой-то товарищ с фронта приехал! — шепчет черненькая девочка из третьего класса.

На крыльце школьный сторож с горячим чайником в руке обгоняет Елену Александровну и торопливо поднимается по лестнице.

— Позвольте, позвольте... — бормочет он, не замечая молоденькой учительницы и расталкивая школьниц.

«С ума сошел! — возмущенно думает Елена Александровна. — Чуть детей не обжег своим чайником!»

Она бегло расспрашивает девочек о том, что они делают сейчас, пришла ли их учительница, познакомились ли они с ней.

Девочки залпом, наперебой сообщают, что учительница их очень хорошая, просто о-очень, о-очень, что они с ней уже обо всем разговаривали в классе, что она сейчас придет и прочитает им книгу про всякие растения, что у них будет кружок садоводства...

Елена Александровна кивает головой, улыбается... У двери учительской девочки тихо шепчут:

— Приходите к нам в класс! — и стайкой слетают с лестницы.

Елена Александровна делает спокойное, строгое лицо и открывает дверь.

На диване, спиной к ней, сидит приезжий товарищ с фронта. На нем военная гимнастерка и сапоги. Рядом, упираясь обеими руками в колени, присел директор и что-то оживленно рассказывает, поблескивая очками и прерывая свой рассказ громким смехом. Елену Александровну неприятно поражает этот смех и сияющее лицо Леонида Тимофеевича.

— Здравствуйте, — сухо говорит она. Леонид Тимофеевич с юношеской живостью поворачивает к ней голову, поспешно снимает очки.

— Ну вот! Вот! — весело говорит он. — Знакомьтесь: это та самая Елена Александровна, о которой мы только что говорили. А это... — директор лукаво щурит глаза, — товарищ с фронта. Вы немножко знакомы. Ну-ка, вспомните! Узнаете?

Приезжий встает. Елена Александровна в замешательстве протягивает ему руку, смотрит на седые виски. Серые пристальные глаза останавливают ее внимание. В памяти мгновенно возникает пионерская комната, группа учителей на фотографии и среди них...

— Сергей Николаевич? — удивленно спрашивает она. Приезжий, улыбаясь, кивает головой.

— Узнала! — радуется Леонид Тимофеевич и с отеческой лаской гладит учителя по плечу. — Вернулся к нам...

Елена Александровна неожиданно замечает черную перчатку на левой руке Сергея Николаевича и поспешно отводит глаза.

— Ну вот, побеседуйте тут, потолкуйте! Мы уже договорились кое о чем. А я пойду похлопочу с Иваном Васильевичем по хозяйству. — Леонид Тимофеевич уходит.

Елена Александровна садится за стол. Она еще не может представить себе, что это тот Сергей Николаевич, о котором она столько слышала. Мысли ее возвращаются к ребятам. Ведь это же их учитель! Вот где она найдет поддержку!

— Вы знаете... вы помните своих учеников — Трубачева и его товарищей? — торопясь и волнуясь, спрашивает она.

Лицо учителя темнеет, горькая складка ложится у губ, глаза делаются глубже и светлее.

— Я не могу не помнить их, — грустно улыбаясь, говорит он. — Я много горя пережил из-за этих ребят, Елена Александровна...

— Я не так сказала... — вспыхивает молоденькая учительница и начинает рассказывать о своих учениках. — Мы так старались. И они знают предмет, но ведь на экзамене всегда может быть какой-нибудь неожиданный вопрос. Многое зависит от экзаменатора. Если он чуткий человек, если он не отнесется безразлично к судьбе этих ребят...

— Надо верить в своих братьев-учителей, — улыбаясь, прерывает ее Сергей Николаевич. В голосе его звучат строгие нотки.

Глаза у Елены Александровны темнеют, на губах появляется упрямое, детское выражение.

— Надо хорошо знать этих ребят, надо понимать, что это наши лучшие отличники и пионеры. Нельзя поставить их в один ряд с теми лентяями, которые остаются на второй год. Новый учитель может этого не учесть, — резко говорит она. — В общем, я хочу побеседовать с тем, кто будет их экзаменовывать.

— Экзаменовывать их буду я.

— Вы?

— Да, я. Дело в том, что, пока учились они, учился и я. И перед самой войной закончил заочное отделение математического факультета. Так что мы уже договорились об экзамене с

Леонидом Тимофеевичем... Но послушайте меня, Елена Александровна, — тепло говорит Сергей Николаевич и смотрит в настороженное лицо молодой учительницы. — Поймите меня правильно. Я знаю этих ребят, я горжусь ими. Мне очень близко все, что их касается, но если вы хотите, чтобы я благодаря этому делал им какие-то послабления, экзаменовал их легко и пристрастно...

— Я не прошу вас об этом! Я сама учительница! — гневно перебила его Елена Александровна. — Я просто хочу, чтобы, экзаменуя их, вы учитывали все. И я ручаюсь, что через месяц они будут отличниками в шестом классе.

Учитель встал.

— Не волнуйтесь, — тихо сказал он, — я все учту.

Елена Александровна смутилась и замолчала. Учитель отошел к окну. Он стоял прямой и спокойный. Левая рука его в черной перчатке неподвижно лежала на подоконнике.

И вдруг он наклонился вперед, порывистым движением распахнул окно. Елена Александровна поспешно встала, выглянула на улицу.

Во двор школы входили ребята. Они шли нога в ногу, плечо к плечу. На белых майках алели пионерские галстуки. Издали казалось, что это идет маленький отряд.

Сбоку, откинув назад золотой чуб, шагал командир отряда.

Елена Александровна взглянула на лицо учителя. Живой, горячий румянец покрывал его темные щеки, он улыбался, серые глаза его светились неудержимой радостью.

* * *

— Ну вот... всю душу перевернули... — сморкаясь в большой клетчатый платок, говорил Грозный.

Сергей Николаевич стоял на крыльце, тесно окруженный ребятами. Снова, как когда-то, прощаясь на шоссе, он крепко держал в правой руке маленькие, верные руки...

— Мы никогда, никогда не забывали вас, Сергей Николаевич! — обнимая его и утыкаясь головами в гимнастерку, повторяли ребята.

Сергей Николаевич, осторожно освободив правую руку, молча гладил прильнувшие к нему головы.

Собравшись около крыльца, взрослые и дети, растроганно улыбаясь, смотрели на встречу учителя со своими учениками. Витя Матрос, взобравшись на пожарную лестницу, не отрываясь глядел на Трубачева, на чужого человека, приехавшего с фронта, на всхлипывающих девочек и, вспоминая своего брата, моряка Черноморского флота, крепче прижимался щекой к железным поручням.

— Ну что же вы, хозяева, окружили гостя со всех сторон и не даете ему с крыльца сойти! — громко пошутил Леонид Тимофеевич. — Покажите лучше своему учителю новую школу, классы... Ведь Сергей Николаевич еще не огляделся хорошенько и не знает, какую мы здесь работу провели!

— Да-да, я слышал от Леонида Тимофеевича, что вы с ним пришли на пустырь, к разбитому дому, и построили себе школу! — подхватывая шутку директора, улыбнулся Сергей Николаевич.

— Мы не строили, мы только помогали, — заулыбались и ребята.

Лида вытерла глаза:

— Пойдемте, Сергей Николаевич, пойдемте! У нас такие хорошие классы! И пионерская комната!...

Одинцов что-то быстро шепнул Трубачеву. Васек кивнул ему головой.

— Пойдемте в пионерскую комнату, — снова завладев рукой учителя, заторопился он.

— Давайте сначала осмотрим дом снаружи... Вот я уже вижу, что во дворе можно разбить сад, — сходя с крыльца, сказал учитель.

— Да, сад! И яблони! Когда Вася уезжал... — быстро начала Лида.

Но Петя Русаков тихонько дернул ее за руку:

— Молчи пока. О Васе потом скажем.

Лида замолчала, испуганно прикрыв себе рот ладонью.

Учитель засмеялся:

— А вы все такие же! Ну что там за тайны у вас?

— Это не тайна, — смутилась Лида, — это просто один секрет. Скоро вы все узнаете.

Учитель не ответил; по его лицу внезапно прошла тень, и оно сразу сделалось усталым и серым.

Ребята заметили это и притихли. Им показалось, что учитель вспомнил о своем отце.

«Знает он или не знает? Вдруг спросит?» — с тревогой подумал каждый.

— Нам еще о многом нужно с вами поговорить... — запинаясь, сказал Васек.

— Это потом, — тихо ответил Сергей Николаевич. Подошел Леонид Тимофеевич. Они вместе осмотрели дом. Леонид Тимофеевич подробно рассказывал обо всех трудностях, которые пришлось пережить во время стройки. Многое в рассказе директора было новостью даже для ребят.

— Железо для починки крыши пришлось перевозить из Москвы. Памятка об этом путешествии у меня до сих пор осталась, — пошутил директор, показывая красный продольный шрам на ладони. — Ну ничего, справились, перевезли кое-как...

— Ой, а нас-то даже не взяли тогда! — с укором сказала Лида.

— Да уж мы всю дорогу с Миронычем горевали, что тебя с нами нет! — дернув Лиду за косичку, засмеялся директор.

Прошли по двору вдоль забора. Сергей Николаевич подробно расспрашивал обо всем; его особенно интересовало, что делали на стройке ребята. Иногда, указывая на что-нибудь, он машинально поднимал левую руку. Пальцы ее в черной перчатке были согнуты и неподвижны. Боясь неосторожно задеть больную руку Сергея Николаевича, ребята держались с правой стороны. Они ничего не спрашивали: четыре ленточки на гимнастерке яснее слов говорили о том, что перенес их учитель. Осматривая новый крашеный забор, Сергей Николаевич с большим вниманием выслушал рассказ о том, как бригада Трубачева чуть-чуть не проиграла соревнования и как на помощь к ним пришли Андрейкины земляки.

— Обязательно познакомьте меня с вашим Андрейкой! — сказал Сергей Николаевич.

Васек вспомнил про Алешу Кудрявцева и подвел его к учителю:

— А вот Алеша Кудрявцев, мы с ним тоже дружим! Сергей Николаевич кивнул головой, улыбнулся.

— На фронте был такой генерал Кудрявцев. Человек исключительной храбрости и благородства. Он очень заботился о людях, его все любили у нас. Во время одного воздушного налета он был тяжело ранен, но до конца боя не позволил увести себя в госпиталь, — сказал учитель.

Лицо Алеши вспыхнуло, глаза засияли, но он молчал.

— Это его отец! — указывая на товарища, гордо сказал Васек.

— Твой отец? — Сергей Николаевич пытливо взглянул на мальчика. — Что же ты

молчишь?

— Он не любит зря хвалиться, — одобрительно хлопнув Алешу по плечу, сказал Мазин.

— Не надо хвалиться, но можно и должно гордиться таким отцом! — значительно сказал учитель.

— Я горжусь! — тихо, с достоинством ответил Алеша Кудрявцев.

Ребята повели учителя в дом. Прошли коридор, показали Сергею Николаевичу будущий шестой класс.

— Вы, наверно, уже забронировали себе тут все места? — пошутил учитель.

Алеша взглянул на Ваську и живо сказал:

— Нет еще... то есть некоторые выбрали уже парты, конечно... а мы завтра выберем.

Ребята вспомнили об экзаменах, и у каждого в сердце шевельнулась прежняя тревога.

— Нам еще о многом нужно поговорить с вами, Сергей Николаевич! — снова тихо и серьезно сказал Васек.

— Да, конечно. Но и это потом, — так же, как в первый раз, ответил учитель.

Перед пионерской комнатой ребята засуетились. Вытащили вперед Севу. Он немного упирался и громко шептал:

— Да я не сумею хорошо рассказать...

Сергей Николаевич с удивлением глядел на Севу. На фронте, думая об оставшихся на Украине ребятах, он очень боялся, что худенький, болезненный Сева не перенесет всех трудностей, которые выпадут на его долю. Теперь перед ним стоял крепкий подросток с загорелыми от работы руками и румянцем на щеках.

— Ну, ну. Сева Малютин! О чем ты хочешь мне рассказать? — спросил Сергей Николаевич, кладя руку на плечо Севы.

— Сейчас, сейчас! — заторопились ребята, открывая дверь в пионерскую комнату.

— Показывайте, что у вас тут? — сказал, входя, Сергей Николаевич.

Одинцов торжественно подвел его к фотографии. Учитель узнал себя, Митю, улыбнулся:

— Какой-то он стал теперь, наш Митя?

— Он герой! Партизан! — ответило ему сразу несколько голосов.

— Вот наш дневник. Здесь все написано, — сказал Одинцов, подавая учителю дневник.

Учитель узнал путевую тетрадь отряда.

— Вот это хорошо, что вы все записывали. Я возьму эту тетрадь с собой, — сказал Сергей Николаевич.

Васек подтолкнул Севу. Все ребята в нетерпеливом ожидании глядели на Малютина.

— Сергей Николаевич, садитесь, ладно? Мы должны вам что-то рассказать, — предупредил Васек.

— Сажусь, ладно. — пошутил Сергей Николаевич, усаживаясь на диван.

— В госпитале, где мы работали, лежал один комсомолец — Вася. Его привезли зимой... — неуверенно начал Сева.

Лицо учителя стало очень внимательным. Сева говорил медленно, подыскивая слова.

— Вася рассказывал о своем командире, и мы слушали Вася был подносчиком снарядов на четвертой батарее... Учитель сделал неумовимое движение.

— Фашистские танки были разбиты... На батарее уцелело только одно орудие. Возле него остались два человека — Вася со своим командиром. И тогда выполз еще один танк... Вася был ранен, и он не знал, остановил или не остановил его командир этот танк.

— Остановил! — вдруг сказал Сергей Николаевич. Лицо его оживилось, глаза заблестели. — Где Вася?

Ребята бросились к учителю, заговорили все сразу:

— Вася уехал!

— Он так любил вас!

— Он все время рассказывал о вас... Трубачев протиснулся к Сергею Николаевичу:

— Уезжая, Вася сказал: «Скажите ему, ребята: много Васей есть на свете и много у него в части красноармейцев, только, может, и вспомнит он подносчика снарядов с четвертой батареи... Уехал, мол, на фронт в его шинели».

Сергей Николаевич встал. Глаза его смотрели через головы ребят куда-то далеко-далеко, словно он видел снежное поле и идущего по дороге молоденького красноармейца с винтовкой и вещевым мешком за спиной.

— До свиданья, Вася! — тихо сказал учитель. — Мы еще встретимся!

В МАЛЕНЬКОМ ДОМИКЕ

Темнело. В сумерках отчетливо выделялись побеленные мелом края тротуаров. Дома без огней с виду казались спящими, но на улицах былолюдно и оживленно.

Сергей Николаевич шел вместе с ребятами мимо знакомых домов и палисадников. Родной город навевал на него тихие, грустные воспоминания. Душа его была растревожена встречей с ребятами, всей знакомой обстановкой школы, от которой он был оторван в течение целого года.

«Как изменилось все за этот год! — думал Сергей Николаевич. — Сколько пережито!» Среди этих детей, которые ему стали так близки, нет маленькой девочки с золотистыми косами и голубыми близорукими глазами... В своем осиротевшем доме он уже не найдет верного друга-старого отца... И в, нем самом что-то изменилось за это время — он уже давно привык стоять лицом к лицу с опасностью, он возмужал и окреп, суровая военная обстановка закалила его сердце. И все-таки сейчас горечь потерь чувствовалась все так же остро, как в первый раз, когда он получил на фронте письмо Леонида Тимофеевича, сообщавшего ему о гибели близких.

Сергей Николаевич почувствовал вдруг, что он очень устал, больная рука его ныла. Он поглядел на ребят и улыбнулся им теплой, благодарной улыбкой.

Трудно войти одному в опустевший родной дом. Но он войдет не один... Ребята шаг за шагом идут рядом с ним. Они все понимают. Сергей Николаевич сейчас для них не только любимый учитель, он близкий им, дорогой человек. И в то же время он тот бесстрашный командир, о котором говорил Вася, он защитник Родины. Узенькие цветные ленточки на зеленой гимнастерке наполняют их сердца гордостью.

Петя Русаков отвоевал себе шинель и, шествуя впереди, бережно несет ее на плече. Нюра крепко держит Сергея Николаевича за руку. Давно ли прежняя Нюра Синицына, крикливая и глупенькая, ссорилась со всеми в классе, писала смешные и нелепые стихи... Сейчас она стала как будто взрослее и спокойнее, в ее глазах появилось новое, серьезное выражение, и в обращении с товарищами чувствуется глубокое дружеское понимание. Нюра идет с ним рядом, время от времени уступая свое место Лиде. Уступив, она самоотверженно шагает одной ногой по тротуару, другой по мостовой, чтобы все-таки быть ближе к учителю. С левой стороны, чуть-чуть боком, обратив к учителю свое круглое лицо, идет Саша Булгаков. Мазин, пробуя протиснуться вперед, наступает всем на пятки. Васек Трубачев, Коля Одинцов и Сева Малютин идут впереди. Чем ближе к дому, тем беспокойнее у них на душе.

— Мы войдем все вместе, — шепчет Сева.

Вот и знакомое крыльцо. Сергей Николаевич поднимается на ступеньки, по старой привычке вытирает ноги о железный плетеный коврик. Дверной замок заржавел, дверь открывается с коротким скрипом.

— Войдемте! — говорит учитель и пропускает вперед ребят. Потом входит сам, зажигает свет.

На вешалке висят старое пальто Николая Григорьевича и меховая шапка. В комнатах

стоит глубокая тишина. Наглухо закрытые пыльные окна словно задернуты серой марлей.

Сергей Николаевич останавливается в первой комнате. Здесь все как прежде. Письменный стол, диван, этажерка с книгами.

Дверь во вторую комнату открыта. Там у стены — кровать Николая Григорьевича, покрытая желтым байковым одеялом, маленький, низкий столик. На столике — старые журналы, газеты...

Сергей Николаевич бросает беглый взгляд на пустую комнату отца и устало опускается на диван:

— Ну, вот мы и пришли...

Ребята садятся рядом с ним. Они долго молчат. Потом Васек, прижимаясь щекой к плечу Сергея Николаевича, тихо говорит:

— Тетя Оксана сказала: «Если доведется где повидать вам учителя, скажите ему, что отец умер, а сестра жива, помнит его...»

Ребята низко опускают головы.

Учитель сидит не шевелясь и задумчиво смотрит на ребят.

— Отец не любил, чтобы я опускал голову. Давайте послушаемся дедушку Николая Григорьевича, — ласково говорит он и, помолчав, добавляет: — Кто-нибудь из вас потом расскажет мне о гибели наших близких, а сегодня поговорим о текущих делах... Да попробуем соорудить чай... Ну-ка, девочки, похозяйничайте! В кухне есть чайник и примус, а в буфете, наверно, найдется прошлогодний сахар.

— У нас есть! Вот Иван Васильевич тут всего надавал нам, — торопливо разворачивая большой сверток, говорит Мазин. — Сейчас мы все сделаем!

Девочки идут на кухню. Учитель гасит в комнате свет и настежь распахивает окна.

Вечерняя свежесть наполняет комнату, с улицы доносятся, голоса идущих людей.

В кухне начинает шуметь примус. Мазин хватает мокрую тряпку и протирает в темноте стекла.

Сергей Николаевич тоже просит мокрую тряпку и, низко наклонившись над столом, перебирает запылившиеся книги.

— Откройте окно в той комнате, сейчас проветрим и зажжем свет, — говорит он.

Васек вместе с Лидой входят в комнату Николая Григорьевича. Лида раздвигает темные шторы и открывает окно.

— Убрать бы отсюда скорее кровать! — шепчет она Ваську.

Сергей Николаевич слышит ее шепот и поспешно входит в комнату.

— Нет, нет, не будем убирать! Может быть, ко мне приедет сестра, — говорит он.

Ребята улавливают в его голосе необычные для учителя нотки растерянности и вопроса.

— Тетя Оксана обязательно приедет.

— Она приедет!

— Она приедет! — перебивая друг друга, быстро говорят они.

Чай накрывают на маленьком столике. Держа в руках чашки, присаживаются на диван.

— Ну, а теперь давайте поговорим об учебе. Рассказывайте мне все. С кем вы занимались, что проходили по курсу пятого класса? — спрашивает учитель.

Ребята начинают рассказывать. Сергей Николаевич достает учебники.

— Это прошли?... А это? — перелистывая страницы учебника, спрашивает Сергей Николаевич. — Если выдержите по арифметике, то вам останется еще русский язык, а по остальным предметам, может быть, Леонид Тимофеевич разрешит перевести вас условно.

— Мы ничего не боимся, кроме арифметики, — откровенно признаются ребята.

— Мы боимся остаться на второй год, потому что ведь мы не лентяи какие-нибудь, —

говорит Саша Булгаков.

— И еще мы боимся разлучиться, — объясняет Мазин. — Вдруг кто-нибудь из нас останется!

— Да, вдруг кто-нибудь не выдержит, что мы тогда будем делать? — подхватывают ребята.

Сергей Николаевич откладывает учебники.

— Судя по всему, что вы мне сейчас рассказывали, я думаю, что вы должны выдержать. Ну, а если уж случится, что кто-нибудь окажется слабее других, то с этим надо будет мужественно примириться. Тем более что никто не будет считать вас лодырями и лентяями. Бывает, что ученик остается по болезни, по независящим от него обстоятельствам. В данном случае причиной является война. Конечно, это будет для всех нас большая неприятность, но о разлуке тут говорить не приходится. Предположим, вас посадят в разные классы. Так разве настоящая дружба забывается? Друзья часто разлучаются на долгие годы, уезжают в другие города, и от этого их дружеские чувства нисколько не меняются. Если, конечно, это настоящая дружба! Ваша дружба сложилась за годы совместной учебы, в тяжелые дни она выросла и укрепилась. Так как же может быть, чтобы ваши отношения изменились только потому, что вы попадете в разные классы! Я, например, за эти месяцы узнал короткую и случайную, но не менее крепкую фронтовую дружбу. Под вражеским огнем стояли мы с комсомольцем Васей у орудия. Стояли насмерть, плечом к плечу. Потом расстались... Но ни один из нас не забыл друг друга.

— Но в разных классах у нас будет все разное... — попробовал еще сказать Петя Русаков.

— А как же после окончания школы, когда вы разлетитесь в разные стороны? Неужели, расставаясь, вы скажете мне и своим товарищам: прощайте, теперь у нас будет все разное. и мы забудем нашу школьную дружбу? — сказал Сергей Николаевич, пытливо вглядываясь в лица ребят.

— Нет, нет... никогда мы так не скажем... — смущенно засмеялись они, уверенные, что учитель шутит.

— Ну так вот, друзья мои, — с чувством сказал Сергей Николаевич, — я понимаю, что вам будет очень тяжело, если кто-нибудь останется, но надо глядеть на вещи серьезно, повзрослому. Во всех случаях жизни надо быть мужественными. Вы выдержали испытание мужества в борьбе с врагом, вы выдержали испытание мужества в труде и в учебе — давайте выдержим его и в этом случае!

Ребята поглядели друг на друга. Глубокая печаль была на их лицах. Но печаль эта была уже тихая, умиротворенная словами учителя.

— Если так случится, мы будем иногда устраивать общие экскурсии, работать вместе в одних кружках... собираться здесь у меня, — добавил Сергей Николаевич и, поглядев на ребят, улыбнулся. — Ну, это еще впереди. А пока поговорим все-таки о завтрашнем дне. Экзаменовать вас буду я.

— Ой, вы сами! — захлопала в ладоши Нюра.

— Сергей Николаевич, правда, правда? — допрашивали со всех сторон взволнованные ребята.

Сообщение учителя подбодрило и обрадовало их. Казалось, что одно присутствие Сергея Николаевича в классе придаст им завтра смелости.

— Мы даже и думать о таком счастье не могли! — говорил Сева Малютин.

Васек крепко сжал руку учителя:

— Мы будем завтра стараться изо всех сил!

— Вот повезло нам! — крикнул Мазин.

— А ведь я все такой же строгий, — улыбнулся Сергей Николаевич.

— Мы знаем, — сказал Одинцов. — Зато вы наш учитель, мы будем крепче держаться при вас.

Ребята вышли из дома учителя поздно.

Когда их голоса на улице затихли, Сергей Николаевич взял дневник и прошел в комнату отца. Опустившись на узкую постель, он долго читал правдивую повесть жизни — о честности, о мужестве, о безмерной любви к Родине.

РЕШИТЕЛЬНЫЙ ЧАС

Васек стоял у доски. За передними партами сидели его товарищи. В их лицах было напряженное внимание, они сидели прямо, не шевелясь и не спуская глаз с Трубачева. У окна за столом разместились учителя. Яркое осеннее солнце врывалось со двора, падало светлыми пятнами на крашеный пол и веселыми зайчиками поблескивало на темных очках Леонида Тимофеевича. Директор, откинувшись на спинку стула, внимательно наблюдал, как Трубачев решает на доске задачу. Елена Александровна сидела сбоку, положив на стол тонкую руку и глядя прямо перед собой. На столе лежала кучка оставшихся билетов.

Сергей Николаевич стоял у окна, наклонив набок голову, и, не отрывая взгляда, следил за каждой появляющейся на доске цифрой.

Васек отвечал первым. Когда все уже заняли свои места и ребята вытянули билеты, Леонид Тимофеевич спросил:

— Ну, кто из вас хочет отвечать первым? Васек оглянулся на побледневшие лица товарищей и медленно поднялся:

— Позвольте мне...

Как всегда и везде, в самом трудном деле Васек Трубачев остался верен себе.

Сергей Николаевич кивнул головой. Васек протянул свой билет учителю и подошел к доске.

Вся школа знала, что в этот час Трубачев и его товарищи держат экзамен. Около дома по дорожкам прохаживались бывшие одноклассники Васька.

— Его первым вызвали! — спрыгивая с пожарной лестницы, сообщил Леня Белкин.

— Что ему дали? Какую задачу? — волновались ребята.

— Загляни еще раз в окно. Решает или нет?

— Не надо, собьете! Что вы делаете! — сердилась Надя Глушкова.

Но ребята осторожно подкрадывались к окнам.

В коридоре, около закрытой двери класса, безотлучно находились два недавних врага — Алеша Кудрявцев и Витя Матрос.

Прислонившись к стене стриженным затылком, Алеша глядел на потолок, крепко сдвинув темные брови. Витя Матрос беспокойно вертелся на месте, прикладывая ухо к двери, заглядывая в замочную скважину.

— Не надо, — шепотом останавливал его Кудрявцев, — тише!

Витя на минуту затихал. Он от всей души желал Трубачеву удачи и в то же время мечтал о том, что его бывший бригадир останется с ним в одном классе. Пережитые вместе волнения на стройке и мечта о море крепко связали старшего и младшего товарищей. Витя горячо и преданно полюбил Трубачева. Васек чем-то напоминал ему ушедшего на фронт брата... Витя ни за что не хотел расстаться с Трубачевым и не мог допустить мысли, чтобы такой парень провалился на экзамене.

— Как, по-твоему, выдержит? — то и дело спрашивал он Кудрявцева, приближая к нему лицо с черными, жарко блескующими глазами.

Кудрявцев молча пожимал плечами. В классе стояла тишина.

Витя снова заглянул в замочную скважину.

— Стоит! — испуганно сказал он.

— Как — стоит? Не решает? — встрепнулся Кудрявцев.

Васек действительно стоял у доски в страшном затруднении. Он записывал на доске пример, но от волнения не мог вспомнить правила. Память вдруг изменила ему, вес сметалось в его голове. Рука с мелом задерживалась на каждой цифре, он мучительно оттягивал время.

— Скажи правило, — напомнил Леонид Тимофеевич.

Васек посмотрел на доску, опустил мел.

Правило... Щеки его побелели, губы тихо шевельнулись. Правило...

В классе наступила гнетущая тишина. В расширенных глазах Лиды Зориной мелькнул испуг. Петя Русаков, забывшись, привстал за партой. Все липа вытянулись и застыли в томительном ожидании. Васек не глядел на товарищей, но ему казалось, что он слышит в тишине, как громко и тревожно бьются их сердца.

— Трубачев, дан объяснение на примере, — заметив его затруднение, сказал Сергей Николаевич.

По Васек не слышал его слов. В глубоком душевном смятении он взглянул на Елену Александровну. Взмолвленное, с потемневшими синими глазами, ее лицо напомнило ему вдруг, как в один из последних уроков, держа перед ним открытый учебник, она быстро листала его и горячо внушала: «Трубачев, запомни! Запомни глазами, запомни на слух!» Васек как бы увидел в ее руках учебник, мысленно пробежал его глазами, оглянулся на доску и дрогнул от радости. Он вспомнил.

— Ну, говори! — облегченно и весело улыбнулся Сергей Николаевич.

— Сейчас! — громко сказал Васек и четко, без запинки, словно читая по учебнику, ответил: — Чтобы разделить дробь на дробь, надо умножить числитель первой дроби на знаменатель второй, а знаменатель первой — на числитель второй дроби, и первое произведение будет числителем, а второе знаменателем.

По классу пронесся радостный шум, лица ребят расцвели улыбками. Леонид Тимофеевич быстро протер носовым платком запотевшие очки.

— Уф... — громко, на весь класс вздохнул Мазин. Сергей Николаевич погрозил ему пальцем. А Васек, словно освободившись от тяжелого груза, легко и непринужденно решал на доске пример.

Когда потом, бледный и возбужденный, он вышел из класса, две пары нетерпеливых рук перехватили его на пороге.

— Я, кажется, выдержал! — бегло сказал Васек и оглянулся на закрывшуюся за ним дверь: там, в классе, остались его товарищи.

— Выдержал? Выдержал? — радостно переспрашивал его Кудрявцев.

— Выдержал? — упавшим голосом повторил Витя Матрос и, круто повернувшись, побежал по коридору.

— Что тебя спрашивали? Какие задачи? Почему молчал? — волновался Алеша.

Васек качал головой и крепко сжимал его руку.

— Сейчас отвечает Мазин... — шептал он вместо ответа.

Кудрявцев замолк. Прислонившись к стене, оба мальчика стояли перед закрытой дверью класса.

Чуткое ухо Трубачева улавливало все звуки. Один раз ему послышался смех, и он тоже улыбнулся растерянной, непонимающей улыбкой. Другой раз до него долетел слишком громкий от волнения голос Лиды Зориной...

Ваську казалось, что там, за дверью, решается его собственная судьба. Минуты шли медленно. Наконец из класса, через долгие промежутки времени, один за другим стали выходить его товарищи. Каждый, шепнув ему несколько радостных и возбужденных слов.

становился рядом, так же молча и напряженно вслушиваясь в неясные голоса, долетавшие из-за двери. Последним оставался Саша Булгаков.

Изнемогая от волнения, товарищи, сбившись в кучку, безмолвно ждали. Алеша глядел на их лица и в первый раз в жизни понимал, что такое настоящая дружба. Душа его ширилась и раскрывалась, ему хотелось быть таким же, как эти его новые товарищи.

Дверь снова отворилась.

— Саша!

Булгакова окружили, стиснули в объятиях.

— Чуть-чуть не сбился... а потом ответил все-таки... — заикаясь от счастья, бормотал Саша.

А в классе Леонид Тимофеевич, радостно потирая руки, поздравлял Елену Александровну:

— Ну, я даже не ожидал, что вы их так приготовите! Просто не ожидал! Я думаю, теперь надо будет проверить их только по русскому. По ботанике они прошли курс с Анатолием Александровичем, а по истории и географии можем перевести условно, если вы ручаетесь.

— Я ручаюсь! Они будут отличниками, вот увидите! — с детской радостью уверяла Елена Александровна. Сергей Николаевич крепко пожал ей руку:

— Спасибо вам за моих ребят!

— Не мне, не мне — Екатерине Алексеевне спасибо! Она так старалась, столько сил положила!

— Ее мы тоже поблагодарим, отдельно, — сказал директор. — А пока позовите-ка сюда этих ребят, надо им сказать о результатах экзамена.

Елена Александровна широко распахнула дверь. Ребят не пришлось звать. Теснясь и толкаясь, они сами вбежали в класс.

— Поздравляю вас, вы уже почти шестиклассники! — сказал директор.

Буря восторга заглушила его слова. Со двора вдруг распахнулись настежь окна, и в них показались вихрастые головы школьников:

— Ура! Ура! Выдержали! Ура! Класс живо наполнился ребятами.

Под общий шум Алеша Кудрявцев незаметно протиснулся к Елене Александровне.

— Простите меня, я ничего не понимал... Спасибо вам... — сбивчиво проговорил он, краснея до слез.

Елена Александровна удивленно подняла брови, светло улыбнулась:

— Все теперь будет хорошо, Алеша!

* * *

В буйной радости, перескочив через окно, Мазин бросился к Тишину и Петрусину. Положив им на плечи свои тяжелые ладони, он весело сказал:

— Мы теперь наверняка будем в шестом классе! Я долго заниматься вашим воспитанием не могу, у меня на это терпения нет. Скажу напрямки: хотите дружить — так будьте порядочными людьми! — Он сгреб в широкую ладонь руки растерявшихся мальчиков и крепко потряхнул их. — Вот вам залог моей дружбы. Но помните... — Он сделал страшные глаза и понизил голос: — В порошок сотру в случае чего!

Тишин и Петрусин испуганно покосились на будущего одноклассника.

— Это же не так трудно — быть хорошим человеком! — ласково и ободряюще сказал им Мазин.

ОТЕЦ И СЫН

Тетя Дуня уже несколько раз выходила на крыльцо, нетерпеливо поджидая племянника.

— Бежит! — крикнула она вдруг, заведя в калитке Васька. По лестнице за ее спиной слышались быстрые тяжелые шаги, и человек с опущенными рыжими усами протиснулся в дверь, бережно отстраняя с порога тетю Дуню.

— Да уймись ты, Паша! Дай я хоть предупрежу его... ступай пока в комнату... — волновалась она. — Ведь разрыв сердца у него может быть от такой радости!

— Не мешай нам, Дунюшка! Трубачевы — народ закаленный! — протягивая навстречу сыну руки, дрогнувшим голосом сказал Трубачев.

Павел Васильевич приехал в обеденное время. Узнав, что Васек держит экзамен, он не пошел в школу, чтобы не взволновать своего Рыжика неожиданным свиданием. Но час шел за часом, а Васек не возвращался. Павел Васильевич не отходил от окон.

— Вот и день кончается, а сына нет как нет! — жалобно говорил он сестре. — Сбегай хоть ты, Дунюшка, в школу!

— Да нельзя, Пашенька, голубчик! Ведь сроду я туда не ходила. Перепугается он, как меня увидит, а ему нынче арифметику отвечать. Судьба его на экзамене решается.

— Какая арифметика сейчас — пять часов времени! И куда он запропастился, вихрастая голова! — горевал Павел Васильевич.

— Батюшки мои, да, может, он еще какую географию сдаст! Ты бы прилег пока с дороги, Паша. Ведь давно ли из госпиталя выписался, все раны свои растревожишь! Приляг, голубчик! — уговаривала тетя Дуня.

Павел Васильевич махнул рукой.

— Какой мне сон сейчас нужен? — укоризненно спрашивал он, собирая на лбу лесенку морщин. — Я сына обнять хочу!

Он спускался по ступенькам, открывал дверь, стоял на крыльце... Тетя Дуня торопилась за ним. Она боялась внезапной встречи отца с сыном. «Один слабый, только что из госпиталя, другой непредупрежденный...» — в тревоге думала она. И теперь, увидев с крыльца возвращающегося племянника, она растерянно бросилась вперед, пытаясь загородить собой Павла Васильевича.

— Пусти, пусти, Дунюшка! — сопротивлялся Павел Васильевич.

Васек сразу увидел на крыльце рядом с тетей Дуней какого-то большого сутулого человека с рыжеватой головой. Лица его не было видно, но сердце Васька вдруг забилось крепко и часто, ноги ослабели.

— Васек!... — жалобно вскрикнула тетя Дуня. Но Васек уже ничего не слышал, он рванулся вперед и повис на шее отца. Жесткие знакомые усы щекотали ему щеки, сильные руки крепко прижимали к себе.

— Трубачевы — народ закаленный... — бормотал потрясенный Павел Васильевич, обнимая сына.

— Папа... мы выдержали... экзамен... — плача, сказал ему Васек.

В доме Трубачевых запахло пирогами. Тетя Дуня, отпросившись с работы, весь день угощала гостей. Приходили старики — сослуживцы Павла Васильевича, приходили соседи.

На другой день Васек держал экзамен по русскому языку. Павел Васильевич сам проводил сына до школы и долго в волнении прохаживался по улице.

Васек выбежал к нему счастливый и возбужденный.

— Папа, идем! Идем! Мы все выдержали на «отлично»! — Он потянул отца за руку.

Павла Васильевича со всех сторон окружили ребята, наперебой рассказывая ему об экзаменах, тормоша его и обнимая.

Директор и Сергей Николаевич радостно приветствовали отца Трубачева. Елена Александровна с чувством сказала Ваську:

— Я так и представляла себе твоего папу, — он очень хороший человек!

Павел Васильевич был в восторге от новой школы.

— Главное, своими руками восстановили... Ну герои! Иначе не скажешь! — ощупывая толстые стены, окна и двери, умиленно говорил он.

Васек сбегал в депо к Андрейке.

— Что ты не приходишь? — обнимая друга, сказал он. — К нам отец приехал! Приходи обязательно вечером.

Андрейка был очень занят, но обещал отложить все свои дела.

— Приду. Причина немаловажная. — Он смотрел на Ваську удивленно и радостно, как будто приезд Павла Трубачева должен был даже внешне совершенно изменить сына. — Павел Трубачев приехал! Скажи пожалуйста!

— Приходи! Я все отцу про тебя рассказал. Обязательно приходи! — нетерпеливо дергая Андрейку за руку, говорил Васек.

Андрейка смущенно улыбался при одной мысли о встрече с машинистом. Героем Советского Союза, знатным человеком Павлом Трубачевым.

Вечером в доме Трубачевых собрались все товарищи Васька. Павел Васильевич внимательно приглядывался к каждому в отдельности, радовался, что ребята выросли, и шутя говорил:

— Вот я все никак не могу отвязаться от мысли, что вы миленькие ребятишки, а ведь передо мной уже взрослые люди, строители!

Усадив вокруг себя всех ребят и обхватив их плечи своими большими руками, Павел Васильевич рассказывал о боевых делах на фронте, о подвигах железнодорожников и о большой дружбе между фронтовиками.

— Вот уничтожим фашистских гадов, выкорчем уродов по веси земле — и встанем стеной за прочный мир. Скоро и вы подрастаете в помощь отцам и братьям. Много вам дано, и многое от вас потребуется! К коммунизму шагать будем!

Яркие голубые глаза Павла Васильевича светились отцовской лаской. Ребята со всех сторон теснились к нему, прижимались головами друг к другу, чтобы чувствовать теплое кольцо его рук.

Андрейка пришел последним. Павел Васильевич шумно поднялся ему навстречу:

— Здравствуй, Андрейка! Я слыхал, ты сослуживец мой? В депо работаешь?

Андрейка вытянулся и начал длинную фразу:

— Андрей Скорняков. Состою при паровозном депо помощником. В данный момент на

нашей дороге все обстоит благополучно...

Но Павел Васильевич не дал ему договорить:

— О делах мы еще потолкуем. А сейчас садись-ка вот тут с нами, сынок! — Он крепко обнял Андрейку за плечи и, усадив рядом с собой, прижал его светлую голову к своей груди. — И рабочему человеку иногда требуется отдых от всех его дел!

Андрейка размяк и вдруг сделался маленьким белоголовым мальчонкой. Глаза его, как веселые серые мышки, бегали по лицам ребят, а щека, тесно прижатая к гимнастерке Павла Васильевича, зарумянилась. Давно забытая отцовская ласка вконец размягчила закаленное в тяжких испытаниях Андрейкино сердце. Сам Павел Трубачев — высокий пример для всех железнодорожников — сошел вдруг с фотографии и запросто, душевно беседовал с ним, с Андрейкой.

Ребята, отодвинувшись в сторону, с охотой уступали первое место рабочему человеку.

Андрейка осмелел, начал рассказывать о своих товарищах — ремесленниках, о своем знакомстве с Васьком. Павел Васильевич шутливо ерошил его светлые, старательно приглаженные волосы, щекотал рыжими усами веснушчатый лоб и обращался к нему с теплым словом: «Сынок...»

На круглом столе тетя Дуня вместе с девочками накрыла ужин.

Увидев на блюде пироги, Павел Васильевич вдруг соскочил с места и подмигнул ребятам:

Съела баба пироги — заплясала в три ноги,

Съела баба киселя — стала баба весела.

А ну-ка, работнички, не обижайте хозяйку, придвигайтесь поближе!

Ребята с шумом заняли места за столом, весело принялись за еду.

Кто-то вспомнил голодные скитания в лесах Украины. Ребята стали рассказывать Павлу Васильевичу всякие подробности из их жизни в оккупации; пошутили над Мазиным, который никак не мог насытиться после долгой голодовки вкусным борщом; с грустью вспомнили Мирониных ребят — маленького, спасенного девочками Павлика, сероглазую Маруську.

— У нас с Нюрой, — сказала Лида, — есть такой заветный ящичек, в который мы подарки для них складываем. Вдруг приедет кто-нибудь — тогда сразу все и отошлем.

Одинцов, волнуясь, рассказал, как они заподозрили дядю Степана в измене.

— На всю жизнь мне это в памяти останется. Вот как нужно в людях разбираться! — по-взрослому, с горечью добавил он.

Вспомнили за столом и Генку и переписанный Севой документ. Павел Васильевич привлек к себе Малютина.

— Орленок! — растроганно сказал он.

Во время ужина Васек вдруг посмотрел на часы и, крикнув:

«Папа, я сейчас!», стремглав бросился из комнаты. Через полчаса он вернулся с Витей Матросом.

— Папа, — крикнул он с порога, — вот он, будущий моряк Черноморского флота!

Ребята радостно приветствовали Витю, освободили ему место за столом.

— Ну, садись с нами, моряк! — весело сказал Павел Васильевич, заглядывая в черные живые глаза мальчика. — Рассказывай, за что море любишь? О чем вы там вместе с Васьком мечтаете? На каком корабле плавать собираетесь?

— Ваську не впервой! Он еще в четвертом классе учил меня плавать по Северной Двине, — сострил Мазин.

Витя все еще хмурился, но, сидя рядом с Трубачевым, снова чувствовал себя счастливым.

— Ты правда пойдешь со мной в море? Не откажешься? — улучив минуту, еще раз спросил он своего друга.

— Правда, — твердо сказал Васек. — Вот только школу кончим.

Ребята сидели в гостях долго. В конце вечера Павел Васильевич поздравил ребят с наступающим учебным годом и тут же, указывая на свой круглый обеденный стол, пошутил:

— Когда я приеду в следующий раз, за этим круглым столом будут сидеть круглые отличники!

ШКОЛЬНЫЙ ЗВОНОК

Звенит, звенит школьный звонок!

Перекликаясь с заводскими гудками, сквозь многоголосый шум строек, сквозь гул машин он веселой песенкой врывается в распахнутые окна каждого дома, призывая ребят в родные школы. Заслышав его звонкую, переливчатую трель, из всех дворов выбегают школьники. Как живые ручейки, растекаются они по улицам и, постепенно соединяясь вместе, шумным потоком вливаются в раскрытые двери школы.

Кто не улыбнется им вслед, кто не пожелает им счастья на светлой дорожке от детства к юности! Кто не полюбуется на первые тугие косички, любовно заплетенные старой бабушкой, на аккуратно подстриженного мальчонку в свежей рубашке, заправленной в длинные наутюженные брючки!

Звенит, звенит школьный звонок!

Он говорит о счастливой жизни на советской Родине, о мирном труде и теплой, отеческой заботе о детях. Этот маленький школьный звонок настойчиво зовет учиться и учиться, чтобы построить на земле мирную, прекрасную жизнь, он требует от всех честных и справедливых людей: «Боритесь за мир во всем мире ради светлого будущего наших ребят!»

Звенит, звенит школьный звонок — залихватый соловей осени! Он возвещает всем, что настало первое сентября — торжественный день для школьников.

И нет такого уголка на нашей Родине, где бы не откликнулись на его голос всем сердцем дети и взрослые:

«Миру — мир! Детям — знания!»

* * *

Яркое осеннее утро. Васек, закинув голову и прижимая к себе книжки, бежит по улице. Весело перекликаясь с товарищами и обгоняя их, он первый подбегает к широко раскрытым воротам школы. На туго натянутом кумачовом полотнище — простые гостеприимные слова: «Добро пожаловать!» А на крыльце стоит Грозный, и знакомой трелью рассыпается в воздухе голосистый школьный звонок...

НОВОГОДНИЙ ПРАЗДНИК

Прошли годы. Снова, как много лет назад, сверкает огнями новогодняя елка. Широко раскрыты школьные ворота, и по заснеженной аллее бегут на праздник школьники.

В пионерской комнате, разложив на полу лист бумаги, мальчик в синей куртке с красным шелковым галстуком, лежа на животе, выводит тушью громадные цифры: «1952 год».

Прошли годы. Васек Трубачев и его товарищи переходили из класса в класс, учились, дружили, приобретали новые знания и новых друзей.

В одну из зеленых весен, в торжественный, солнечный день, Васька Трубачева и его товарищей приняли в комсомол. Никогда не забудет Васек этот светлый день в своей жизни!

Совет дружины собрался в пионерской комнате.

— Васек Трубачев просит нас дать ему рекомендацию для вступления в комсомол. Кто хочет сказать о нем свое слово? — спросил председатель совета дружины.

Долгие радостные аплодисменты были ответом на этот вопрос.

...Наступил долгожданный День Победы.

Дружная семья советских народов торжественно отпраздновала этот счастливый день. Высоко взлетали и таяли в небе разноцветные звезды салюта. Матери встречали своих сыновей.

Измученная, истосковавшаяся земля ждала заботливых, хозяйских рук.

Загудели в полях машины, очищая землю от железного лома обгоревших фашистских орудий, от ржавых касок, от заложенных вражьей рукой мин. По полям прошли тракторы, засевая необозримые пространства сбереженным отборным зерном. Срывая построенные наспех в селах землянки, советские люди ставили новые, светлые дома. Выезжали в экспедиции ученые, с песнями шли оживлять пустыни смелые комсомольцы, осушались болота, из зеленых саженцев поднимались молодые леса, защищая землю от суховеев. На строительстве великих водных путей Волги и Дона зашагали экскаваторы, заработали подъемные краны.

Засверкала огнями гордая красавица Москва. Выросли на ее улицах новые многоэтажные дома: закинешь голову — и конца не видать этажам. Зацвели вдоль тротуаров душистые липы, разноцветными струями забили фонтаны...

Зажил мирной жизнью и маленький подмосковный городок.

На бывшем зеленом пустыре густо разросся молодой сад; урожайной осенью тяжело клонятся к земле ветки с яблоками, заказанными когда-то Васей.

По-прежнему сзывает ребят в классы школьный звонок. Незаметно подрастают школьники, и в четвертом классе «Б» зорко следит за порядком и дисциплиной староста класса Витюшка Булгаков. По-прежнему с горячей преданностью и любовью смотрят на своего учителя — Сергея Николаевича — его ученики.

К общей радости ребят, Сергей Николаевич нашел себе надежную подругу в лице их любимой учительницы Елены Александровны. Маленький домик учителя ожил, повеселел. Каждый день после школьных занятий они возвращаются вместе домой, вместе поднимаются на знакомое крыльцо. На пороге приветливо встречает их сестра Сергея Николаевича — Оксана. Она приехала к брату сразу после войны и осталась у него навсегда.

Дом учителя широко открыт для ребят. Сюда прибегают они за советом и помощью, за

понадобившейся книгой, а иногда просто затем, чтобы передать любимым учителям скромный букетик полевых цветов.

Прошли годы. По-прежнему, как заботливая мать, школа бережно растит своих детей.

Давно уже оперились и вылетели из родного гнезда прежние птенцы. Улетели туда, куда тянулось сердце и призывал комсомольский долг.

По морям суровой Балтики плавают на кораблях Васек Трубачев и его неизменные товарищи: черноглазый Витя Бобров и полный юного задора Алеша Кудрявцев.

Ушли с научной экспедицией в Каракумы будущие геологоразведчики Мазин и Русаков.

Ушел вместе с ними и Тишин, покоренный суровой дружбой Мазина.

Учатся в медицинском институте Лида Зорина и Надя Глушкова, и вспоминаются им слова, которые часто говорил в госпитале выздоравливающий Егор Иванович: «Хороший врач, дочки, — великое дело!»

Теплым, любящим сердцем потянулась к осиротевшим после войны детям Нюра Синицына. Она работает воспитательницей в детском доме, где когда-то жила Валя Степанова.

Приезжает домой на каникулы из далекого села любимый учитель колхозных ребят Саша Булгаков. Его теперь уже не тревожит вопрос, будут или не будут любить его маленькие ученики, — Сашу любят все.

В одном из больших городов нашей Родины на выставке появилась картина молодого художника Севы Малютина. На эту выставку приезжала экскурсия школьников вместе с Сергеем Николаевичем. Долго смотрели они на полотно художника: в одном из американских дворов, сплюсненном огромными домами, маленький негритенок прижимал к груди белого как снег голубя.

— Сердце Севы Малютина было всегда открыто большим и благородным чувствам, — сказал Сергей Николаевич ребятам.

На строительстве одной из волжских гидростанций работает секретарем комсомольской организации Коля Одинцов. В свободный час в общежитии молодых строителей горячо обсуждаются передовые методы труда лучших людей стройки, и среди них нередко упоминается имя бывшего ученика школы N2 Коли Одинцова.

Разлетелись, разъехались в разные стороны бывшие питомцы этой школы — Васек Трубачев и его товарищи. Но еще нежнее и крепче стала их дружба, в каждом письме сообщают они друг другу все свои новости, делятся радостью, успехами, мечтами — всем, чем полна молодая комсомольская жизнь.

Школа тоже не забывает своих бывших воспитанников.

Сегодня, в новогодний праздник, после долгой разлуки она ждет дорогих гостей. Над крыльцом школы, под электрическими лампочками, светятся теплые слова: «С Новым годом, друзья!»

И неизменно на своем посту, засыпанный снегом, как Дед Мороз, радушно встречает приглашенных школьный сторож Грозный. Из двери то и дело выскакивает на крыльцо старший пионервожатый Леня Белкин. Глядя веселыми, нетерпеливыми глазами на аллею и страхиая с белокурых волос падающие снежинки, он — в который уже раз! — спрашивает:

— Никто еще не приехал?

Леня Белкин ждет своего бывшего одноклассника и друга Васька Трубачева.

— Пора бы им уже! — также с нетерпеливым ожиданием отвечает Грозный.

Двери все время хлопают. Бегут дети. Весело переговариваясь между собой, спешат за ними родители. Колющие морозные иголки пощипывают щеки. В белом, снежном цвету стоят деревья, освещенные отблеском электрических ламп; световые дорожки разбегаются

от крыльца. Дети весело топают ногами, стряхивают с шапок снег. Родители приветливо здороваются с Грозным и входят в нарядный вестибюль.

На стенах развешаны яркие плакаты: «Миру — мир!», «Да здравствуют счастливые советские матери!», «Под знаменем Ленина — вперед, к победе коммунизма!»

Радостным шумом голосов наполняется раздевалка.

В пионерскую комнату заглядывает белобрысый мальчик:

— Булгаков! Витюшка! Уже зал открыли. Скоро ты? Давай я тебе помогу!

Товарищи, стучаясь головами, поспешно обводят красной тушью печатные цифры и, держа за концы белый лист, бегут в зал. В зале на расставленных рядами стульях сидят родители. Мария Ивановна Синицына заботливо усаживает каждого. С легкой руки Леонида Тимофеевича, мать Нюры Синицыной давно уже стала в школе лучшей общественницей в родительском активе.

— Сюда, сюда пожалуйста, Павел Васильевич! — приглашает она пожилого рыжеватого человека с Золотой Звездой Героя на гимнастёрке. — И вы, Евдокия Васильевна, вот здесь, рядышком, садитесь!

Тетя Дуня приветливо улыбается.

— И Андрею Ивановичу тут местечко найдется. Светловолосый веснушчатый юноша в железнодорожной форме — правая рука Павла Васильевича — садится рядом с Трубачевым.

— Паша, Паша, гляди, кланяются нам! — шепчет Евдокия Васильевна брату.

Павел Васильевич приподнимается.

Из всех рядов смотрят на него знакомые улыбающиеся лица. Вот Екатерина Алексеевна — ясноглазая, приветливая женщина с толстым малышом на руках, младшим братом Пети Русакова. Вот родители Лиды Зориной — высокий военный человек и все еще молодая, черноглазая, улыбающаяся женщина. Рядом с ними — спокойная, уютная, с добрыми ямочками на щеках мать Саши Булгакова. Поодаль, привстав со своих кресел, кланяются Трубачевым родители Коли Одинцова. Много радости когда-то доставило ребятам их возвращение из полярной экспедиции. Школьники всех классов приглашали к себе полярника с мужественным, покрасневшим от морозных ветров лицом, в меховых унтах. А вот и мать Севы Малютина; она стоит рядом с любимой учительницей ребят — Еленой Александровной. Обе синеглазые, живые, они, как сестры, крепко держат друг друга за руки и горячо беседуют о чем-то близком и дорогом обоим. Взмолвленные лица собравшихся светятся глубокой радостью; они вместе со школой ждут дорогих гостей.

В зале матовыми огоньками горит люстра, алеют протянутые под потолком красные шелковые флажки, по обоим сторонам сцены спускаются донизу темно-зеленые гирлянды.

В проходе появляется скромная женщина с гладко зачесанными назад волосами и серым платочком на плечах.

— Здравствуйте, Оксана Николаевна!

— Здравствуйте!

— Здравствуйте! — приветливо здороваются с ней дети и взрослые.

Давно живет у брата Оксана Николаевна, но и посейчас с далекой Украины летят к ней письма от друзей.

Пишут ей, что зацвели на Украине молодые сады, что снова вьется дымок над бывшей пасекой, только вместо белой хатки Матвеича в саду, где в темных ветвях деревьев, как горячие искры, краснеют вишни, стоит теперь просторный каменный дом сельскохозяйственной станции. За садом раскинулся большой опытный участок.

Каждое утро молодой селекционер Гена Наливайко обходит поле, низко склоняется над одуванчиками кок-сагыза.

Лежит перед ним залитая солнцем послушная земля.

У реки пасется его боевой конь — верный Гнедко. Ласковым ржанием призывает он хозяина. Подойдет к нему Гена, протянет на ладони кусочек сахара, обнимет морду коня, прижмется щекой к мягкой шерсти...

Часто заглядывает на опытное поле Степан Ильич, председатель колхоза «Червоны зирки», а бывает, заедет и Мирон Дмитриевич с тоненькой сероглазой дочкой Марусей — лучшей звеньевой в колхозе.

А то зашумят веселые голоса ребят. Это учитель Коноплянко из далекой Макаровки приведет в гости своих пионеров. Уходя, обязательно спросят ребята, нет ли письма от Оксаны Николаевны, от Васька Трубачева и его товарищей. Вынет Генка дорогие письма, отдаст их Коноплянко.

В тихий вечер за селом Макаровка, на лесной поляне, соберутся пионеры. Свет от пионерского костра падает на белую березку. Полевые цветы густым ковром покрывают дорогой холмик.

В последний год войны приходила в Макаровку пожилая женщина в темном платье. С трудом пробиралась по дороге — ехала на грузовиках, шла пешком. Долго сидела на лесной поляне. Расспрашивала людей о Вале. Миронихе сказала: «Воспитательница из детского дома тетя Аня».

А люди, глядя си вслед, говорили: мать.

Без конца могут слушать колхозные ребята про учительницу Марину Ивановну, про школьницу Валю и про московских пионеров.

Не мигая смотрит в лицо учителю Коноплянко голубоглазы» Жорка.

— Я помню их. И баба Ивга помнит, — говорит он — Они еще в нашей хате жили.

— А Нюра и Лида нам новые сумки для школы прислали, — нежно улыбается беленький Павлик.

Долго сидят пионеры. Читают письма дорогих москвичей. Ярче разгорается пионерский костер...

* * *

В школьном зале — нетерпеливое ожидание. Ребята вертятся на стульях, поминутно оглядываясь на входную дверь.

— Приехали, приехали! — шепчут они друг Другу, глядя на взволнованные, радостные лица учителей.

К Трубачевым пробирается запоздавшая гостья — Таня. Щеки ее разгорелись от мороза, светлые волосы рассыпаются по плечам.

— Они в учительской, сейчас придут! — быстро шепчет она тете Дуне, усаживаясь рядом.

— А ты где же задержалась-то? — с укором спрашивает Павел Васильевич.

— Доклад сегодня Костя в райкоме делал... Торопливой походкой входит в зал Леонид Тимофеевич, и по тому, как таинственно прикрывает он за собой обе половинки двери, ребята догадываются, что за дверью кто-то есть, и начинают громко хлопать.

— Что же вы мне-то хлопаете? — смеется директор. — Я не приезжий, я здешний.

Он проходит на сцену, где уже собираются все учителя, Шепнув несколько слов Сергею

Николаевичу, он торжественно обращается к залу:

— Товарищи родители и ребята! На наш праздник, в числе приглашенных гостей, приехали бывшие ученики этой школы Васек Трубачев и его товарищи.

В зале шумное движение. Директор поднимает руку

— ...Многие из вас еще помнят этих учеников. В пионерской комнате до сих пор лежит дневник Коли Одинцова...

— Мы читали!

— Мы все читали!

— Мы знаем! — прерывают директора взволнованные голоса.

Директор разводит руками и, улыбаясь, смотрит вверх голов. Входная дверь широко открывается, и в проходе между рядами появляются долгожданные гости. Школьники видят молодые улыбающиеся лица, блестящие глаза. Вот они, неразлучные товарищи, верные своей школьной дружбе!

— Трубачев! Саша Булгаков! Мазин! — вырываются из зала тихие восклицания.

Голоса растут и сливаются в один радостный гул.

Васек Трубачев в форме лейтенанта Военно-Морского Флота стоит посреди захлестнувшей его толпы и, по давнишней детской привычке, смущенно тербит свой непокорный рыжий чуб.

Вот она, его родная школа!

В этих дорогих стенах прошли целые годы жизни, здесь каждая мелочь напоминает о пережитых волнениях, о тревожных и радостных событиях.

Его друзья — высокий, статный Алеша Кудрявцев и черноглазый Витя Бобров — тихонько подталкивают его сбоку:

— Скажи что-нибудь ребятам, Трубачев! Они ждут! Но Васек не может собрать своих мыслей. Он стоит потрясенный и счастливый.

А крепкий, коренастый Мазин уже громко шутит со школьниками и, любовно раздвигая своими ручищами толпу, пробирается к учителям.

Маленькая школьная сцена заполняется народом. Васек молча, без слов, обнимает Сергея Николаевича, долго и благодарно смотрит в знакомое дорогое лицо Елены Александровны.

— Я все помню... я ничего не забыл... На всю жизнь вы мне родные. — горячо повторяет он.

Сбившись в кучку, после долгой разлуки товарищи обнимают друг друга. Им жадно хочется поговорить обо всех новостях.

Выросший, вытянувшийся Саша, такой же искренний, со своим открытым круглым лицом, вызывает горячую нежность товарищей.

— Эх ты, Сашка! — потихоньку хлопает его по плечу стройный светлоглазый Коля Одинцов.

Сергей Николаевич пожимает протянутые к нему руки и одним широким движением обнимает всех сразу, называя их ласково, по именам.

Вот они все здесь! Необычно серьезный, повзрослевший Петя Русаков, все тот же веселый шутник и балагур Мазин, общий любимец Саша, возмужавший, с тонким лицом и ясными синими глазами Сева Малютин.

Между ними мелькает белокурая голова соскучившегося по своим прежним одноклассникам Лени Белкина.

А в уголке, прижавшись к Оксане Николаевне, растроганные до слез, стоят две девушки, две подруги — Нюра и Лида.

— Нюра! — тихо окликает свою прежнюю подругу Одинцов.

Нюра вскидывает голову и, оторвавшись от Оксаны Николаевны, медленно идет ему навстречу. Они стоят рядом и долго смотрят друг на друга сияющими, счастливыми глазами.

Что вспоминается им в эту минуту? Встреча ли в Макаровке у крыльца Миронихиной хаты, разломанный ли пополам сухарь и слова утешения, осушившие Нюрины слезы?...

— Здравствуй, Нюра! — тихо повторяет Коля Одинцов.

Слова его заглушаются приветственными криками из зала.

— Трубачев! Трубачев! Булгаков! Одинцов!... — шумно выкликают ребята, налегая на сцену.

Леонид Тимофеевич подводит Трубачева к рампе.

— Ребята, — говорит Васек. — Школа — наш родной дом. Мы слетелись сюда, чтобы крепко обнять друг друга и сказать своим учителям горячее спасибо. Спасибо за то, что они положили на нас столько труда, чтобы из упрямых, несмышленных мальчишек сделать нужных, полезных людей. Мы ведь помним, как трудно им приходилось. Много здесь всего с нами случилось... А теперь вот на тех же партах сидите вы, наши младшие братья. И верьте мне, Ваську Трубачеву: когда через много лет вы приедете, как и мы, в эту школу повидать своих учителей и товарищей, у вас так же будет сжиматься от волнения горло, потому что нет таких слов, которыми я мог бы выразить все, что я сейчас чувствую... Любите школу, ребята!

* * *

Далеко за полночь светились огоньки в верхнем этаже школы. Там, собравшись в уютной учительской, тихо, по-семейному беседовали учителя со своими бывшими питомцами. Давно разошлись ребята и родители. Школьный сторож неторопливо гасил внизу огни, а у ворот бывшего пустыря, неожиданно столкнувшись, торопились в школу еще два гостя. Оба они были в военных шинелях, с боевыми отличиями на груди. Приглядываясь сквозь снежную метель к полуосвещенному дому в глубине двора, старший лейтенант Кондаков, вежливо козырнув, сказал:

— Я, товарищ майор, разыскиваю школу номер два. Вы, кажется, тоже сюда?

Так впервые познакомились на пороге школы бывший подносчик снарядов Вася Кондаков и бывший пионервожатый, партизан Великой Отечественной войны. Герой Советского Союза Митя Бурцев.

Когда в учительской грустно и тепло вспоминали отсутствующих, они вдруг широко распахнули двери и вместе стали на пороге.

И тогда, совсем как в далекие годы детства, бросились на шею майору Бурцеву одуревшие от счастья все те же мальчишки — моряк Балтийского Флота Трубачев, геологоразведчики Мазин и Русаков, строитель Одинцов, художник Малютин, учитель Саша Булгаков и две подружки — воспитательница детского дома Нюра Синицына и будущий врач Лида Зорина:

— Митя!... Митенька!...

А в дальнем конце комнаты бывший подносчик снарядов с 4-й батареи горячо обнимал своего комбата...

Пожелаем им всем, юным и честным, широкой, счастливой дороги в наше светлое будущее!

К ЧИТАТЕЛЮ!

Ты прочел последнюю страницу, читатель. Ты вместе с Трубачевым и его товарищами пережил все, что выпало на их долю. Ты, так же как они, любишь свою Родину; в минуту опасности ты готов встать грудью, чтобы оберечь ее от врагов, чтобы защитить свою родную школу, свое счастливое детство. Ты видишь вокруг себя мирный труд твоих родителей, братьев, сестер, всей Советской страны. Ты живешь, согретый отеческой заботой взрослых.

Так же как у Трубачева и его товарищей, в твоей школьной жизни есть много больших и маленьких дел, так же воспитываешь ты свою волю, чтобы стать в ряды лучших ребят.

Подчас нетерпеливый, ты горячишься и срываешься, потом крепко, по-пионерски берешь себя в руки и твердыми шагами выходишь на светлую дорогу.

И если придется тебе в жизни трудно, если навалится на твои плечи непосильная тяжесть, — вспомни Васька Трубачева и его товарищей! Вспомни о них, распрями свои плечи, выше подними голову и оклики:

— Эге-гей, Трубачев! Где ты, друг? Где вы, мои верные товарищи?

И тогда поднимутся рядом с тобой знакомые вихрастые головы, отовсюду потянутся к тебе руки помощи, и ты увидишь вокруг сотни и тысячи таких же Трубачевых, на твой зов откликнутся дружеские голоса товарищей:

— Э-гей, друг! Мы здесь! Держись крепче!

Примечания

1

Утреннее сообщение Совинформбюро от 2 июля 1942 года.

2

Утреннее сообщение Совинформбюро от 10 августа 1942 года.